UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01795505 5

Printed in Russia

Dubrovin,
Трофимъ Сте... 1894
Nikolai Fedorovich

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Pugachev i ego soobshchniki

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей: но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ». (Манифестъ 15 декаб. 1763 г. П. С. З. № 11989).

Н. ДУБРОВИНЪ.

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
DATE.....

Томъ I.

Съ картою театра дѣйствій.

v. 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39
1884.

HRus.B
P9784
.Ydu

624554
2.12.55

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе I

ГЛАВА I. Несогласія въ Яицкомъ войскѣ.—Раздѣленіе казаковъ на двѣ партіи.—Назначеніе слѣдственной коммиссіи.—Генералы Брахвельдъ и Потаповъ.—Полковникъ Полозовъ.—Генералъ Череповъ.—Прибытіе депутатовъ Яицкаго войска въ Москву.—Взглядъ императрицы на несогласія среди яицкихъ казаковъ.—Командированіе на Яикъ капитана Чебышева.—Его дѣятельность.—Атаманъ Тамбовцевъ.—Формированіе легіоновъ.—Отказъ казаковъ назначить команду въ составъ легіона.—Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ.—Ихъ просьбы и рѣшенія императрицы.—Отправленіе на Яикъ капитана Дурново и генерала Давыдова 1

ГЛАВА II. Прибытіе Дурново въ Яицкій-городокъ.—Дѣятельность слѣдственной коммиссіи.—Неудовольствіе казаковъ.—Отправленіе сотника Кирпичникова депутатомъ въ Петербургъ.—Прощеніе казаковъ, поданное императрицѣ.—Перемѣна въ составѣ слѣдственной коммиссіи.—Генералъ Траубенбергъ.—Возвращеніе Кирпичникова въ Яицкій-городокъ.—Междоусобіе, среди котораго убиты Траубенбергъ и Тамбовцевъ, а Дурново раненъ.—Избраніе новыхъ правителей и просьба казаковъ о прощеніи. 46

ГЛАВА III. Безпорядки въ Яицкомъ войскѣ при новыхъ правителяхъ.—Дѣйствія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа.—Мнѣніе государственнаго совѣта о необходимости преобразованія внутренняго строя войска.—Формированіе отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ.—Воззваніе Рейнсдорпа.—Сопротивленіе казаковъ.—Дѣйствія отряда Фреймана.—Столкновеніе на рѣкѣ Ембулатовкѣ.—Занятія Яицкаго-городка.—Уничтоженіе войсковой канцеляріи, казачьяго круга и другихъ привилегій казаковъ.—Состояніе Яицкаго-городка. . . . 77

стр.

ГЛАВА IV. Назначеніе въ составъ Московскаго легіона казачьей команды отъ Волгскаго войска.—Формированіе команды. — Слухъ, что въ числѣ записавшихся находится императоръ Петръ III. — Волненія въ войскѣ Донскомъ. — Арестованіе войскового атамана Степана Ефремова и ссылка его. — Самозванецъ Богомоловъ и его сообщники: донскіе казаки Семенниковъ и Серединцевъ и малороссіянинъ Пѣвчевъ.—Происшествія въ Царицынѣ и въ станицахъ войска Донского. —Наказаніе Богомолова и ссылка его въ Сибирь.—Записка императрицы графу Чернышеву. — Мѣры, принятыя на Дону къ поимкѣ Семенникова. 104

ГЛАВА V. Происхожденіе Пугачева и его прошлое. — Пугачевъ въ Черкаскѣ, Таганрогѣ и на Терекѣ.—Возвращеніе домой. — Арестъ. — Бѣгство въ Польшу. — Пугачевъ у Коровки и на Добрянскомъ форпостѣ.—Отправленіе на рѣку Иргизъ. — Пугачевъ въ Малыковкѣ и Мечетной.—Поѣздка въ Яицкій-городокъ 132

ГЛАВА VI. Пугачевъ въ Яицкомъ-городкѣ. — Разговоръ его съ казакомъ Пьяновымъ.—Принятіе имени Петра III.—Возвращеніе въ Малыковку.—Арестъ.—Отправленіе въ Казань. — Казанскія черныя тюрьмы. — Переводъ на тюремный дворъ. — Арестантъ Дружининъ.—Бѣгство изъ Казани. — Мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ. . 155

ГЛАВА VII. Пугачевъ на Таловомъ уметѣ признается «Ереминой курицѣ», что онъ государь Петръ III. — Свиданіе Пугачева съ яицкимъ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ.—Результаты свиданія 172

ГЛАВА VIII. Положеніе яицкихъ казаковъ.—Приведеніе въ исполненіе приговора надъ виновными въ убіеніи генералъ-маіора Траубенберга.—Вѣсть въ городкѣ о появленіи императора Петра III на Таловомъ уметѣ; совѣщаніе казаковъ. — Посылка двухъ человѣкъ на Таловый уметъ. — Аудіенція Пугачева съ казаками Караваевымъ и Кунишниковымъ.—Поѣздка Пугачева въ Мечетную слободу.—Погоня.—Возвращеніе на Таловый уметъ 181

ГЛАВА IX. Свиданіе Пугачева съ казаками: Караваевымъ, Шигаевымъ, Чикою и Мясниковымъ.—Осмотръ царскихъ знаковъ. — Переселеніе Пугачева съ Таловаго умета въ хутора Кожевниковыхъ 196

ГЛАВА X. Знали-ли яицкіе казаки, что Пугачевъ самозванецъ.—Разговоръ Чики съ Караваевымъ.—Поѣздка на рѣку Усиху. — Признаніе Пугачева.—Жизнь на Усихѣ.—Первый тостъ за государя Петра III.—На чье содѣйствіе разсчитывалъ Пугачевъ 217

ГЛАВА XI. Дѣятельность въ Яицкомъ-городкѣ. — Приготовленіе знаменъ.—Посылка депутатовъ на рѣку Усиху.—Не-

стр.

обходимость въ бумажномъ человѣкѣ. — Иванъ Почиталинъ, первый секретарь Пугачева.—Пребываніе самозванца на Усихѣ открыто 225

ГЛАВА XII. Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ поимкѣ Пугачева.—Арестованіе Михаила Кожевникова.—Бѣгство самозванца съ Усихи въ Толкачевы хутора.—Прибытіе на Усиху посланнаго отъ киргизскаго хана.—Пребываніе Пугачева въ Толкачевыхъ хуторахъ.—Первый манифестъ самозванца. 239

ГЛАВА XIII. Положеніе края.—Характеръ населенія.—Число жителей. — Оборонительныя средства края. — Неудовольствіе башкирцевъ и всѣхъ вообще магометанъ.—Прокламація Батырши. — Возстаніе въ Башкиріи въ 1755 году.—Усмиреніе возстанія.—Надежды башкирцевъ на улучшеніе ихъ положенія въ будущемъ . . 248

ГЛАВА XIV. Краткая характеристика общества того времени.—Воспитаніе: школы, пансіоны и учителя-иностранцы.—Паденіе семейнаго начала.—Распущенность нравовъ.—Роскошь въ жизни и одеждѣ 273

ГЛАВА XV. Своеволіе и самоуправство.—Помѣщичьи наѣзды.—Грабежи и насиліе.—Карточная игра.—Взяточничество.—Сенатъ.—Суды.—Тяжебныя дѣла.—Отсутствіе правосудія и скораго рѣшенія дѣлъ. 304

ГЛАВА XVI. Помѣщичьи и заводскіе крестьяне. — Краткій очеркъ ихъ состоянія. — Притѣсненіе ихъ помѣщиками.—Побѣги, разбои, волненія и убійства помѣщиковъ . . 329

ГЛАВА XVII. Духовенство.—Его характеристика и нравственное состояніе.—Причины неудовольствія какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства. — Общій выводъ о состояніи общества передъ пугачевскимъ бунтомъ. 358

Приложенія 373

Алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. I

Трофимъ Степановичъ

События, происшедшія внутри Россіи въ 1773—1774 годахъ и извѣстныя подъ названіемъ „Пугачевщины“, имѣютъ весьма обширную литературу. Надъ изученіемъ этой эпохи трудились многія лица: одни писали самостоятельныя изслѣдованія, другія же сообщали матеріалы, извлеченные не только изъ столичныхъ, но изъ губернскихъ и областныхъ архивовъ. Хотя большинство этихъ матеріаловъ разбросана по періодическимъ изданіямъ и газетамъ, преимущественно губернскимъ, тѣмъ не менѣе изслѣдователь всегда найдетъ возможность пользоваться ими, въ особенности при указаніи гдѣ и какого рода матеріалы онъ можетъ найти. Съ этою цѣлью въ концѣ предлагаемаго изслѣдованія приложенъ „*Библіографическій указатель статей и книгъ, относящихся до Пугачевскаго бунта*“, съ краткою оцѣнкою достоинства или недостатка каждой изъ статей.

Помѣщеніе такого указателя признано необходимымъ въ виду того, что во многихъ статьяхъ встрѣчаются неточности и ошибки, оговаривать которыя въ примѣчаніяхъ къ тексту не считалось удобнымъ.

Не смотря на обиліе печатнаго матеріала, въ немъ недостаетъ однакоже весьма многаго для полной характеристики событій и хода возстанія. Эти пробѣлы пополняются документами еще неизданными и, конечно, всего болѣе слѣдственнымъ дѣломъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками, дѣломъ весьма обширнымъ и досихъ поръ недоступнымъ для большинства изслѣдователей. Получивши разрѣшеніе пользоваться этимъ дѣломъ, я старался, сверхъ того, собрать и другія свѣдѣнія, относящіяся до Пугачевскаго

бунта, хранящіяся почти во всѣхъ архивахъ Петербурга и Москвы. При этомъ не могу не принести моей глубочайшей благодарности лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ собираніи матеріаловъ: академикамъ Я. К. Гроту и А. Ѳ. Бычкову, сообщившимъ нѣсколько документовъ изъ частныхъ архивовъ; начальникамъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Московскаго — барону Ѳ. А. Бюллеру и Петербургскаго — барону Д. Ѳ. Стуарту, также Н. А. Гюббенету и И. Я. Морошкину; начальнику сенатскаго архива П. И. Баранову, синодальнаго — Н. И. Григоровичу; архива главнаго штаба — Л. Г. Иванову и военно-ученаго — И. И. Ореусу. Не могу умолчать о томъ радушіи и содѣйствіи, которыя я встрѣчалъ со стороны лицъ, служащихъ въ Императорской публичной и академической библіотекахъ: В. П. и Б. П. Ламбиныхъ, А. А. Невельскаго и С. О. Балтармайки, которыхъ я весьма часто безпокоилъ своими справками и требованіями. Съ чувствомъ глубочайшей благодарности я вспоминаю о покойномъ начальникѣ Московскаго архива главнаго штаба Г. Н. Александровѣ, всегда подававшемъ руку помощи при розысканіяхъ въ архивѣ ему близко и хорошо извѣстномъ. Онъ не только указывалъ на дѣла, въ которыхъ могли быть отыскиваемыя свѣдѣнія, но самъ рылся въ бумагахъ, снималъ съ нихъ копіи и спрашивалъ, не нужны-ли документы хотя и не относящіеся прямо, но могущіе имѣть значеніе въ изучаемомъ событіи. Все это онъ дѣлалъ безвозмездно, изъ одной любви къ наукѣ, при плохомъ зрѣніи и удрученный тяжкими болѣзнями.

Только при обязательномъ содѣйствіи вышеупомянутыхъ лицъ я могъ изложить событія въ томъ видѣ, въ которомъ они являются въ настоящемъ трудѣ, состоящемъ изъ трехъ томовъ и карты театра дѣйствій.

I.

Несогласія въ Яицкомъ войскѣ. — Раздѣленіе казаковъ на двѣ партіи. — Назначеніе слѣдственной коммиссіи. — Генералы Брахвельдъ и Потаповъ. — Полковникъ Полозовъ. — Генералъ Череповъ. — Прибытіе депутатовъ Яицкаго войска въ Москву. — Взглядъ императрицы на несогласія среди яицкихъ казаковъ. — Командированіе на Яикъ капитана Чебышева. — Его дѣятельность. — Атаманъ Тамбовцевъ. — Формированіе легіоновъ. — Отказъ казаковъ назначить команду въ составъ легіона. — Прибытіе депутатовъ въ Петербургъ. — Ихъ просьбы и рѣшенія императрицы. — Отправленіе на Яикъ капитана Дурново и генерала Давыдова.

Въ началѣ 1767 года прибыли въ Москву, гдѣ въ то время находилась императрица, депутаты отъ Яицкаго (нынѣ Уральскаго) войска: казаки Петръ Герасимовъ и Иванъ Бочкаревъ съ товарищами. Они уполномочены были ходатайствовать о принятіи правительствомъ мѣръ къ прекращенію несогласій, возникшихъ въ войскѣ отъ злоупотребленій ихъ атамана и старшинъ.

Несогласія эти существовали съ давнихъ поръ [1]), но особенно усилились съ того времени, когда, въ 1752 году, Яицкое войско взяло на откупъ рыбные промыслы по всему теченію рѣки Яика (Урала), не исключая прибрежья Каспійскаго моря, и когда оно приняло на себя сборъ съ таможень, съ вина и тотъ доходъ, который получало правительство отъ продажи соленой рыбы.

Обязавшись платить въ казну ежегодно 10,450 р. $63^5/_6$ к. откупной суммы, войско, на первый разъ, поручило сборъ этихъ денегъ своему атаману Андрею Бородину, съ тѣмъ чтобъ онъ, по

---

[1]) Они изложены весьма подробно г. В. Н. Витевскимъ въ его обширномъ изслѣдованіи: *Яицкое войско до появленія Пугачева* (см. *Русскій Архивъ* 1879 года). Мы касаемся исторіи Яицкаго войска на столько, на сколько это необходимо для объясненія событій 1773—1774 годовъ.

окончаніи года, далъ отчетъ, выгодно-ли будетъ и впредь войску содержать этотъ сборъ?

Откупная сумма собиралась обыкновенно послѣ каждой *плавни* или рыбной ловли. Такихъ плавней въ году было три: первая *севрюжья* [1]), начинавшаяся весной, вскорѣ послѣ Святой недѣли, вторая, недѣли за двѣ до Петрова дня [2]), и третья *зимняя*, въ январѣ мѣсяцѣ, когда ловятъ рыбу баграми въ прорубяхъ [3]).

Размѣръ платы съ пойманной рыбы производился по назначенію атамана и бывалъ различный. По свидѣтельству казаковъ, со всѣхъ трехъ плавней собиралось въ годъ болѣе шестнадцати тысячъ рублей, не считая доходовъ съ вина и солянаго сбора.

Пользуясь безграмотностью большинства, атаманъ Андрей Бородинъ употребилъ во зло довѣріе войска и, въ теченіе трехъ лѣтъ, не только не отдавалъ отчета въ собранной суммѣ, но удерживалъ у казаковъ жалованье, увѣряя ихъ, что сбора недостаточно для уплаты въ казну откупной суммы. Если же «нѣкоторые изъ казаковъ напоминали Бородину объ отчетѣ, то онъ многихъ наказывалъ за то плетьми», яко озорниковъ и людей мятежныхъ» [4]).

«Управляющія народомъ власти, читаемъ мы въ современной запискѣ [5]), желая себя обогатить, не токмо общественную сумму расхищали, но и вновь, подъ видомъ народныхъ общихъ нуждъ, неумѣренные и необыкновенные на народъ поборы налагали. Лихоимство же и бѣднымъ притѣсненіе, тѣхъ властей обыкновенное было упражненіе, для того что ихъ власть, не имѣя никакихъ законовъ, такъ безъизвѣстна, что не токмо народъ, но и самъ начальникъ границъ ея не знаетъ.

«Сіе все народъ терпѣлъ, покуда умъ властей народную глупость затмѣвалъ обманами, но какъ скоро сыскался человѣкъ тѣ

---

[1]) На эту плавню выѣзжало обыкновенно тысячъ до десяти подводъ и дозволялось ловить только севрюгу и сазановъ. Но если попадались осетры или бѣлуги, то ихъ обыкновенно пускали опять въ воду, «потому что свѣжими покупать некому, а въ соль неспособны для того, что ржавчина нападаетъ».

[2]) Въ это время ловятъ всякую рыбу, какая попадетъ: осетровъ, бѣлугъ, севрюгъ, сазановъ и сомовъ.

[3]) На эту ловлю собиралось казаковъ тысячъ до трехъ.

[4]) Записка капитана Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, томъ II. Подлинникъ хранится въ Государств. Арх., VI, д. № 505.

[5]) Государственный Архивъ, VI, д. № 505

обманы ясно и очевидно народу истолковать, то они того своего благодѣтеля и выбрали себѣ предводителемъ и защитникомъ».

Такимъ лицомъ явился казакъ Иванъ Логиновъ, сначала также желавшій обогатиться на чужой счетъ.

Будучи атаманомъ въ Сакмарскомъ-городкѣ, Логиновъ по своей просьбѣ былъ уволенъ отъ этой должности и, прибывъ въ Яицкій-городокъ, просилъ войсковаго атамана Бородина и бывшихъ въ войсковой канцеляріи старшинъ принять его въ товарищество по сбору денегъ, хорошо понимая, что дѣло это весьма выгодно для сборщиковъ. Подъ предлогомъ того, что Логиновъ не имѣлъ старшинскаго званія, Бородинъ отказалъ ему. Логиновъ обидѣлся, такъ какъ считалъ себя старше и «честнѣе атамана Бородина», потому что былъ старшинскій сынъ и природный яицкій казакъ, а отецъ Бородина выходецъ и «барскій человѣкъ». Къ тому же Бородинъ былъ назначенъ атаманомъ по распоряженію военной коллегіи, а не выбранъ казаками, по ихъ обычаю, и, будучи произведенъ въ подполковники, получилъ старшинство предъ всѣми. Такое возвышеніе Бородина вызвало къ нему нерасположеніе населенія, тѣмъ болѣе, что атаманъ кичился своимъ чиномъ и считалъ себя въ правѣ не соблюдать обычаевъ казаковъ и не отдавать въ своихъ дѣйствіяхъ отчета войску.

Логиновъ указывалъ казакамъ на злоупотребленія войсковой канцеляріи въ расходованіи суммъ и порицалъ дѣйствія атамана, говоря, что онъ опредѣляетъ въ старшины только своихъ родственниковъ. Бородинъ запретилъ Логинову ходить въ казачьи круги, называлъ его дуракомъ и донесъ военной коллегіи, что Логиновъ не только въ кругахъ, но и въ войсковой канцеляріи «его, атамана, и старшинъ всякими непристойностями поноситъ, злословитъ и лучше себя никого не поставляетъ» [1]).

Узнавъ объ этомъ донесеніи, Логиновъ просилъ уволить его въ Петербургъ, но атаманъ отказалъ, и тогда онъ ушелъ въ Калмыцкую орду, къ ханскому намѣстнику, бывшему въ большой дружбѣ съ его отцомъ. Тамъ онъ выхлопоталъ себѣ у хана рекомендательное письмо, съ которымъ и отправился въ столицу.

[1]) Всеподдан. рапортъ военной коллегіи 31 марта 1763 года. Государств. Арх., XX, № 50.

Явившись въ военную коллегію, Логиновъ разсказалъ всѣ злоупотребленія атамана и на столько успѣлъ расположить къ себѣ лицъ присутствовавшихъ въ коллегіи, что былъ произведенъ въ старшины и назначенъ членомъ въ войсковую канцелярію. «Хотяде, говорилось въ грамотѣ Яицкому войску [1]), о производимыхъ отъ нихъ другъ на друга жалобахъ, надлежало произвести слѣдствіе, но какъ коллегія не иное что̀ усматриваетъ только одно несогласіе, того для велѣно его, Логинова, ко исправленію дѣлъ съ прочими старшинами допустить, а чтобъ онъ былъ у атамана въ надлежащемъ послушаніи—въ томъ обязать подпиской».

Съ этою грамотой Логиновъ отправился на Яикъ, но атаманъ Бородинъ и его сотрудники, старшины: Мостовщиковъ и Мусатовъ, все-таки не приняли въ товарищество, ссылаясь на то, что Логиновъ, будучи лѣтами моложе ихъ, какъ пожалованный указомъ коллегіи, взялъ бы у нихъ старшинство. Озлобленный новымъ отказомъ, Логиновъ рѣшился стать во главѣ народной партіи и объявить войску, что старшины и атаманъ ведутъ дѣло нечисто и потому не хотятъ принять его въ товарищество по сбору войсковыхъ денегъ. Привести въ исполненіе такое рѣшеніе ему было тѣмъ удобнѣе, что войско находилось на плавнѣ, и слѣдовательно какъ разъ наступало то время, когда казакамъ приходилось платить за пойманную рыбу. Логиновъ отправилъ на плавню двухъ казаковъ, Андрея Панова и Григорія Михалина, съ увѣдомленіемъ, что указомъ военной коллегіи онъ пожалованъ старшиной и въ присутствіе въ войсковую канцелярію товарищемъ къ атаману Бородину, но онъ его не принимаетъ. При этомъ Логиновъ поручилъ посланнымъ объявить войску, что когда оно будетъ возвращаться съ плавни въ городъ, то не платило бы обыкновенныхъ съ подводъ сборовъ, потому что деньги эти атаманомъ Бородинымъ собираются напрасно, и пусть войско потребуетъ отъ него отчета въ прежнихъ сборахъ, отъ которыхъ должно быть въ остаткѣ много денегъ.

— Я во всемъ этомъ дѣлѣ буду вамъ помощникъ, говорилъ Логиновъ,—надѣйтесь на меня и я избавлю васъ отъ несправедливаго сбора.

---

[1]) Отъ 2 мая 1763 г. Госуд. Архивъ XX, № 50.

Войско готово было перейти на сторону Логинова, но при возвращеніи съ плавни оно, какъ и всегда было, остановилось въ Кичиговой-лукѣ, верстахъ въ семи или восьми отъ города. Здѣсь, по обычаю, казаки собрались въ кругъ для того, чтобъ увѣдомить правителей-старшинъ о приближеніи своемъ къ городу и выждать оттуда приказа атамана, по скольку съ каждой подводы положено будетъ сбора. Сюда же пріѣхалъ Логиновъ и, войдя въ кругъ, увѣрялъ казаковъ, что платить съ подводъ имъ не слѣдуетъ.

— Платежъ этотъ, говорилъ онъ, — положенъ отъ старшинъ напрасно; каждый годъ сборъ этотъ отъ нихъ бываетъ, а отчета въ томъ, куда дѣваютъ деньги, они не даютъ.

Случившійся тутъ сторонникъ Бородина, старшина Иванъ Окутинъ, увѣрялъ казаковъ, что они должны платить попрежнему, а Логиновъ уговаривалъ ихъ не платить ни копѣйки.

— Я указный войсковой старшина [1]), говорилъ Логиновъ Окутину, показывая бумагу, — меня военная коллегія пожаловала въ сей чинъ и потому я тебя старше.

Между спорившими произошла ссора и каждый увѣрялъ другаго, что онъ его лучше и честнѣе [2]). На другой день пріѣхалъ въ Кичигову-луку войсковой дьякъ Матвѣй Суетинъ, посланный атаманомъ Бородинымъ объявить размѣръ платы съ каждой подводы. Опять поднялся споръ между имъ и Логиновымъ, утверждавшимъ, что платить не слѣдуетъ.

— Дайте отчетъ въ старыхъ сборахъ, говорилъ Логиновъ дьяку Суетину, — и если изъ нихъ никакого остатка нѣтъ и вся сумма въ расходѣ, тогда можно взять у всякаго дома изъ окошка и безо всякаго спора. А если прежнихъ сборовъ еще много въ остаткѣ, и лежатъ они безо всякаго употребленія, тогда сборъ этотъ будетъ лишній; а какъ онъ тягостенъ войску, то платить его и не слѣдуетъ.

Суетинъ и Окутинъ настаивали, чтобы сборъ былъ произведенъ попрежнему.

— Не платите ни полушки, говорилъ Логиновъ, обращаясь

---

[1]) То-есть, пожалованный указомъ военной коллегіи.

[2]) Показаніе казака Петра Нечаева. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

къ казакамъ,—Бородинъ одинъ заплатитъ. Онъ собралъ съ войска много лишнихъ поборовъ и положилъ ихъ себѣ въ карманъ, оттого и отчета войску не даетъ.

Казаки объявили Суетину, что платить пошлины не будутъ до тѣхъ поръ, пока атаманъ со старшинами не дастъ во всѣхъ сборахъ отчета. Суетинъ отправился въ городокъ, а вслѣдъ за нимъ поѣхалъ Логиновъ и двинулось войско къ Чаганскому мосту, у котораго обыкновенно бывалъ сборъ денегъ. У моста казаки встрѣчены были атаманомъ Бородинымъ со всѣми старшинами и повѣренными сборщиками. Будучи увѣдомленъ Суетинымъ, что войско отказывается платить пошлину, Бородинъ пригласилъ съ собой священниковъ въ качествѣ свидѣтелей и, собравъ кругъ, объявилъ казакамъ, что сборъ обыкновенный непремѣнно заплатить надобно. Казаки отказывались.

— Если не заплатите, сказалъ Бородинъ, — то черезъ мостъ не пущу.

— Напрасно, Андрей Никитичъ, замѣтилъ на это Логиновъ,— вы сборъ налагаете...

— Ты, Иванъ Ивановичъ, перебилъ его Бородинъ, — всему этому причиной и ты все это дѣлаешь.

— Не я одинъ объ этомъ говорю и не я одинъ спорю, а желаетъ того войско: вотъ они, спросите ихъ сами.

Казаки зашумѣли; въ толпѣ поднялся говоръ.

— Мы васъ, Андрей Никитичъ, всѣ объ этомъ просимъ, слышались голоса изъ толпы, — не отягощайте насъ поборомъ и пожалуйте отчетъ въ прежнихъ доходахъ. Мы всѣ у васъ въ командѣ: когда доведется недостатокъ, такъ въ тѣ поры разложите, и мы заплатимъ все.

— Вотъ изволите слышать, подхватилъ Логиновъ, — и я съ ними васъ о томъ же прошу.

Бородинъ настаивалъ на своемъ и, отъѣхавъ къ мосту, грозилъ не пустить черезъ него ни одной подводы, пока не будетъ уплачена пошлина.

— Мы платить не будемъ, кричали казаки, — пускай заплатятъ атаманъ и старшины, а потомъ дадутъ отчетъ съ тѣхъ поръ, какъ взяли на откупъ учугъ (рыбную ловлю) и соляной сборъ.

— Я платить за войско не долженъ, отвѣчалъ Бородинъ, — да и отчета ни въ чемъ не дамъ. Войску до этого дѣла нѣтъ; вѣдь мы, старшины, стараемся объ откупѣ.

Видя, что атаманъ не уступаетъ, Логиновъ сталъ отбирать подписку, что никто пошлины платить не будетъ. Подписной листъ быстро покрывался фамиліями: грамотные подписывались сами, а неграмотные просили товарищей; почти все войско оказалось на сторонѣ Логинова.

— Андрей Никитичъ, говорилъ старшина Мироновъ, подъѣхавъ къ атаману, — всѣ казаки согласились съ Логиновымъ и подписываются, чтобы поборовъ не платить и состоять съ нимъ въ единомысліи.

— Ну, дѣлайте что хотите, отвѣчалъ Бородинъ, махнувъ рукой, и поѣхалъ черезъ мостъ въ городокъ.

За нимъ двинулись атаманскій и старшинскій обозы, не платя ничего въ сундуки.

— Если атаманскій и старшинскій обозы поѣхали безъ платы, такъ и мы поѣдемъ, кричали казаки.

Бросивъ подписку, войско отправилось въ городокъ; пошлины не были уплачены, и среди казаковъ начался раздоръ [1]). Войско раздѣлилось на двѣ части, получившія каждая свое названіе: меньшая партія казаковъ, державшая сторону старшинъ, называлась *старшинскою* или *послушною*, а всѣ остальные казаки, приверженцы Логинова, назывались *войсковыми* или *непослушными*.

Бородинъ жаловался на непослушныхъ казаковъ военной коллегіи и писалъ, что они бунтуютъ. Онъ говорилъ, что причиной тому Логиновъ, «который нимало себя не смиряетъ и со старшинами вездѣ ссорится», а на послѣднихъ выборахъ «необычайно съ рундука соскочилъ, бѣгалъ и отъ казаковъ руки отбиралъ, чтобъ ѣхать, но для чего и куда,—неизвѣстно».

Съ своей стороны, старшины Логиновъ и Митрясовъ въ прошеніи, подписанномъ многими казаками, доносили коллегіи, что

---

[1]) Показанія казаковъ: Сидора Кандалинцева и Петра Нечаева. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. См. также *Памятники новой русской исторіи*, т. II.

Бородинъ не даетъ имъ старшинства, не исполняетъ указовъ военной коллегіи, посылаетъ въ зимовыя станицы однихъ и тѣхъ же казаковъ и обираетъ войсковую казну. «По приказу помянутаго атамана Бородина, писали Логиновъ съ товарищами [1]), Яицкому войску чинятся разные излишніе денежные сборы, а сверхъ того, и имѣющійся въ Яицкомъ войскѣ соляной сборъ, съ коего-де получается въ годъ прибыли до 20,000 рублей, онъ, Бородинъ, со своими согласниками четвертый уже годъ содержитъ въ своемъ вѣдѣніи и тѣ прибыльныя деньги употребляетъ въ свою пользу».

Получивъ въ одно и то же время двѣ совершенно разнорѣчивыя жалобы, военная коллегія 19-го марта 1762 года постановила: «для справедливѣйшаго изслѣдованія всего того и обидимымъ удовольствія учредить при томъ войскѣ особую коммиссію», предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ-маіоръ Брахвельдъ и въ помощь ему даны: подполковникъ Ушаковъ, капитанъ Киреевскій и за аудитора прапорщикъ Иглинъ [2]). Брахвельду приказано было строжайше изслѣдовать по всѣмъ пунктамъ жалобъ и «производить каждую матерію особо, дабы одно съ другимъ смѣшано не было».

Слѣдственная коммиссія не доѣхала еще до Яицкаго-городка, когда въ Петербургѣ получено было извѣстіе, что междоусобная вражда между казаками разгорается все болѣе и болѣе, и что обѣ стороны смотрятъ другъ на друга, какъ на личныхъ враговъ. Ставшій во главѣ войсковой партіи, старшина Логиновъ зорко слѣдилъ за всѣми поступками Бородина и его товарищей. Называя атамана воромъ и всѣ приговоры войсковой канцеляріи воровскими, Логиновъ совѣтовалъ казакамъ быть очень осторожными и не давать своего согласія на тѣ распоряженія атамана, которыя онъ считалъ подозрительными. Когда войсковая канцелярія составила ордеръ о сборѣ откупной суммы за Гурьевскіе учуги, то

---

[1]) Государственный Архивъ, XX, № 50.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ военной коллегіи отъ 31 марта 1763 года, № 72. У г. Витевскаго на стр. 211 (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. III) сдѣлано совершенно невѣрное примѣчаніе. Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что авторъ, безъ всякаго основанія, отвергаетъ точное указаніе С. М. Соловьева и основывается на лѣтописи Рычкова, во многихъ случаяхъ составленной по слухамъ.

Логиновъ запретилъ казакамъ слушать этотъ ордеръ въ войсковомъ кругу.

Бородинъ снова жаловался военной коллегіи на противодѣйствіе ему Логинова и обвинялъ его въ кражѣ у поручика Марычева лошадей, а казаки жаловались на злоупотребленія атамана и просили взять въ слѣдственную коммиссію всѣ приговоры войсковой канцеляріи и разсмотрѣть ихъ.

Военная коллегія оба эти прошенія, 12 ноября 1762 года, отправила къ генералъ-маіору Брахвельду съ приказаніемъ изслѣдовать въ скорѣйшемъ времени и «буде по слѣдствію кто окажется хотя мало подозрительнымъ, онаго тотчасъ, какъ отъ команды, такъ и отъ присутствія въ войсковой канцеляріи отрѣшить».

Между тѣмъ, атаманъ Бородинъ употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы склонить на свою сторону членовъ коммиссіи. Онъ построилъ для Брахвельда конюшни, собралъ съ казаковъ въ пользу генерала рыбу и икру, и приказалъ съ каждаго десятка доставить для Брахвельда и капитана Киреевскаго по три воза сѣна. Угощая и подкупая въ свою пользу членовъ коммиссіи, атаманъ не могъ справиться только съ подполковникомъ Ушаковымъ, который держалъ себя въ сторонѣ, не ходилъ къ Бородину въ гости и не соглашался ни на какую взятку. Поведеніе Ушакова было причиной, что Брахвельдъ не могъ скрыть всѣхъ злоупотребленій, но старался представить ихъ въ самомъ слабомъ видѣ. Онъ донесъ, что всѣ безпорядки на Яикѣ происходятъ главнѣйшимъ образомъ отъ «одного другъ противъ друга властолюбія», отъ необузданной вольности, ведущей къ тому, что каждый рядовой казакъ желаетъ, чтобы дѣлать такъ, какъ ему хочется и какъ выгоднѣе [1]). Брахвельдъ писалъ, что Бородинъ дѣйствительно взялъ изъ войсковой суммы 1,900 руб. и отдалъ ихъ своему сыну Ѳедору Бородину и старшинѣ Максиму Пономареву; что коммиссія «не безсумнѣнія состоитъ» въ излишнемъ сборѣ атаманомъ за Гурьевскіе учуги и въ употребленіи тѣхъ денегъ «якобы на вой-

[1]) Донесеніе Брахвельда военной коллегіи отъ 7 января 1763 года.

сковыя нужды». Но, спрашивалъ Брахвельдъ [1]), какъ изъ состоящихъ въ войскѣ Яицкомъ старшинъ за способнаго никого не обрѣтается, а которые и есть, тѣ могутъ, по производящемуся слѣдствію и по счетамъ, до отрѣшенія дойтить, почему въ случаѣ отрѣшенія того атамана, кому войско поручить?» Военная коллегія приказала [2]), въ случаѣ открытія злоупотребленій Бородина, непремѣнно его смѣнить, и если некого будетъ выбрать атаманомъ, то потребовать изъ Оренбурга исправнаго и надежнаго штабъ-офицера и дать ему въ помощь отъ Яицкаго войска двухъ человѣкъ достойныхъ старшинъ. Такое распоряженіе должно было показаться обиднымъ казакамъ и вызвать новые безпорядки, а потому Сенатъ не одобрилъ распоряженія военной коллегіи и предписалъ въ выборѣ новаго атамана предоставить войску поступать по даннымъ ему грамотамъ и указамъ.

Распоряженія эти не были приведены въ исполненіе. Генералъ-маіоръ Брахвельдъ затягивалъ дѣло и явно склонялся на сторону атамана. Онъ не дозволилъ Логинову ходить въ казачьи круги и устранилъ его отъ присутствія въ войсковой канцеляріи, а Бородину запретилъ только штрафовать и наказывать казаковъ, но не отрѣшилъ его отъ должности. Производя слѣдствіе, Брахвельдъ часто въ присутствіи шептался съ атаманомъ, заставлялъ казаковъ подписывать свои показанія, не давая имъ прочесть ихъ, а потому подписавшіе были увѣрены, «что не всѣ въ тѣхъ допросахъ казачьи рѣчи вписывались». Прапорщикъ Иглинъ часто совѣщался со старшинами и не скрывалъ отъ нихъ показаній казаковъ. Столь пристрастное веденіе дѣла заставило повѣренныхъ отъ войска, старшину Ульянова и казака Черноморскаго съ товарищи, отказаться отъ участвованія въ коммиссіи, и слѣдствіе по необходимости было пріостановлено. Бородинъ попрежнему злоупотреблялъ своею властію, и Логиновъ, видя бездѣйствіе коммиссіи, рѣшился самъ ограничить власть атамана. Поставивъ свой сундукъ въ соляной конторѣ, онъ сталъ собирать деньги за со-

[1]) Донесеніе Брахвельда военной коллегіи отъ 10 января 1763 года. Госуд. Арх., XX, № 50.

[2]) Тамъ же.

лепую рыбу и икру. Казаки несли пошлины къ Логинову, а не къ атаману, и рѣшили отправить депутатовъ въ Петербургъ. Собравъ съ каждаго человѣка по 30 коп., они послали въ столицу казаковъ Ульянова и Копѣечкина съ прошеніемъ, въ которомъ изложены были главнѣйшіе пункты злоупотребленій атамана и подъ которымъ подписались 2,800 человѣкъ.

Войско обвиняло Бородина: 1) въ удержаніи за два года пороха и свинца; 2) въ невыдачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья; 3) въ опредѣленіи въ войско сверхъ положеннаго числа старшинъ своихъ родственниковъ; 4) въ дозволеніи участвовать въ рыболовствѣ такимъ лицамъ, которыя въ казачью службу не употребляются; 5) въ излишнихъ денежныхъ сборахъ [1]); 6) въ отдачѣ сызранскимъ купцамъ, безъ общаго согласія, на откупъ кабаковъ; 7) въ невзысканіи по указу камеръ-коллегіи съ астраханскаго купца Туркина за содержаніе въ войсковыхъ дачахъ рыбныхъ ватагъ 4,000 р., коимъ срокъ давно уже прошелъ; 8) въ собраніи «наглостью своею» съ казаковъ, бывшихъ въ командировкѣ, 4,000 руб. [2]), изъ коихъ въ 3,000 рубляхъ признался, но платежа не учинилъ, и не признался въ тѣхъ деньгахъ, которыя взялъ съ казаковъ, бывшихъ въ Гурьевскомъ-городкѣ; 9) въ непорядочной ловлѣ рыбы въ зимніе мѣсяцы, подъ видомъ отправленія къ высочайшему двору, въ разбиваніи лучшихъ ятовей и въ употребленіи той рыбы въ свою пользу; 10) въ томъ, что родственники атамана въ зимнее время берутъ для рыболовства неслужащихъ въ казачьей службѣ людей и Бородинъ раздаетъ имъ свои ярлыки съ печатями на право рыбной ловли.

Въ заключеніе своей челобитной казаки просили дозволить имъ отъ каждыхъ ста человѣкъ выбрать повѣренныхъ такихъ,

---

[1]) Какъ-то: съ севрюжьей ловли, съ каждой подводы (коихъ бываетъ тысячъ до десяти) по 1 р. 80 к. Въ осеннюю плавню съ рыбачьихъ связокъ (коихъ бываетъ сотъ до пяти) по 4 и по 3 р. Въ обыкновенное багренье, чрезъ 7 лѣтъ, въ каждый годъ, съ каждаго казака по 3 р., по 2 р. 50 к. и по 2 р.; да съ севрюгъ же съ каждой сотни, кромѣ обыкновеннаго сбора, излишнихъ по 10 к. и съ икры съ каждой бочки по 1 р.

[2]) Въ 1758 году съ тысячи человѣкъ, бывшихъ на Сибирской пограничной линіи, по 3 р. съ каждаго, и въ 1759 году по 1 р. съ каждаго казака, бывшаго на Нижне-Яицкихъ форпостахъ.

которые хорошо знаютъ «существо дѣла», допустить Логинова къ присутствованію въ войсковой канцеляріи и назначить его депутатомъ въ слѣдственную коммиссію; Бородина отрѣшить ото всѣхъ дѣлъ и на мѣсто его опредѣлить наказнымъ атаманомъ надежнаго человѣка по выбору самихъ казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ войско ходатайствовало и о смѣнѣ генералъ-маіора Брахвельда и всѣхъ членовъ коммиссіи и о присылкѣ новыхъ лицъ, *обязуясь указать послѣднимъ въ чемъ именно подозрительными находятся* Брахвельдъ, капитанъ Киреевскій и прапорщикъ Игленнъ.

Въ февралѣ 1763 года Ульяновъ и Копѣчкинъ прибыли въ Москву и 13-го числа были введены въ присутствіе военной коллегіи, гдѣ изложили всѣ злоупотребленія Бородина и членовъ слѣдственной коммиссіи. Они говорили, что коммиссія явно покровительствуетъ атаману и старшинамъ, что она не приступала къ повѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ и не брала ихъ у атамана; что когда казакъ Кузнецовъ подалъ доношеніе о растратѣ Бородинымъ пороха и свинца и просилъ освидѣтельствовать запасы, то Брахвельдъ возвратилъ ему бумагу безо всякаго отвѣта и не сдѣлалъ никакого распоряженія. Ульяновъ и Копѣчкинъ убѣдительно просили защитить казаковъ и удовлетворить ихъ просьбамъ, изложеннымъ въ прошеніи.

Одновременно съ этимъ получено было прошеніе киргизъ-кайсацкаго Нуръ-Али-Хана, жаловавшагося, что Бородинъ притѣсняетъ его подвластныхъ и причиняетъ имъ разоренія. Императрица написала на прошеніи хана: «если впрямь оный атаманъ безпокойный человѣкъ, то лучше бы было его смѣнить», и передала это дѣло на разсмотрѣніе военной коллегіи.

Послѣдняя не признала возможнымъ допустить Логинова къ присутствованію въ слѣдственной коммиссіи и не дозволила выбрать отъ каждой сотни двухъ человѣкъ депутатовъ, а предоставила каждому казаку, самому за себя, представлять о своихъ обидахъ. «Но дабы то слѣдствіе, по дальнему отсюда разстоянію, въ перепискахъ долговременно продолжиться не могло... а паче въ разсужденіи того, чтобы по легкомыслію то войско, яко люди недовольно право знающіе, не учинили бы между собою какихъ нечаянныхъ ссоръ», коллегія, въ засѣданіи 11 марта 1763 года,

опредѣлила отозвать генералъ-маіора Брахвельда и всѣхъ членовъ коммиссіи изъ Яицкаго-городка. На мѣсто Брахвельда командированъ былъ находившійся при монетной экспедиціи генералъ-маіоръ Иванъ Потаповъ, въ помощь которому назначены: войсковой атаманъ Оренбургскаго войска Могутовъ, того же войска одинъ надежный старшина, одинъ штабъ-офицеръ, два оберъ-офицера и аудиторъ изъ оренбургскаго гарнизона.

Потапову поручено было разобрать по пунктамъ всѣ претензіи казаковъ, освидѣтельствовать запасы пороха и свинца, запечатать денежную казну и повѣрить приходо-расходныя книги. Производя слѣдствіе, по сущей справедливости и безъ всякой «попоровки» на ту или другую сторону, Потановъ долженъ былъ прежде всего отрѣшить Бородина отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи, Логинова за самовольный сборъ съ соленой рыбы и икры арестовать, и «какъ ему, Логинову, такъ атаману Бородину и прочимъ старшинамъ, кои отрѣшены будутъ, ни въ какія войсковыя дѣла и совѣты, ни подъ какимъ видомъ отнюдь, впредь до рѣшенія слѣдственнаго дѣла не вмѣшиваться и въ круги не ходить». Для удержанія войска въ повиновеніи и на случай ареста и содержанія виновныхъ подъ карауломъ, генералъ-маіору Потапову секретнымъ ордеромъ разрѣшено было потребовать изъ Оренбурга воинскую команду, «но однакоже оное чинить съ крайнимъ осмотрѣніемъ и довольнымъ разсужденіемъ, дабы напрасно людей походомъ не изнурить, а взятіемъ команды тому Яицкому войску къ какому бы непристойному разсужденію причины не подать».

Запретивъ Потапову вмѣшиваться во внутреннія дѣла войска, коллегія возлагала это на наказнаго атамана. И хотя указомъ Правительствующаго Сената и велѣно въ выборѣ атамана «поступать по даннымъ имъ грамотамъ и указамъ непремѣнно», но вслѣдствіе несогласій, въ какихъ находились между собою многіе старшины, сотники и казаки, Потапову приказано было отъ военной коллегіи [1]) выбрать изъ Оренбургскаго войска исправнаго старшину и опредѣлить его наказнымъ атаманомъ.

Этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ коллегіи депутаты были обижены

[1]) Въ опредѣленіи 11 марта 1763 г. Государственный Архивъ, XX, д. № 50.

и отъ имени войска просили дозволить имъ самимъ выбрать атамана. «Изъ приложенной челобитной, писала императрица князю Трубецкому [1]), усмотрѣла я, что яицкіе казаки недовольны тѣмъ командиромъ, который имъ отъ военной коллегіи данъ и представляютъ, что то учинено противъ ихъ привилегій и въ противность сенатскаго опредѣленія, которымъ опредѣлено выбрать имъ наказнаго атамана изъ ихъ общества. Того ради изволь о томъ справиться, и если то подлинно учинено противъ ихъ привилегій и имъ принадлежитъ выборъ командира, то дайте имъ по волѣ выбрать кого захотятъ».

Желаніе императрицы не было исполнено вполнѣ и Потаповъ, прибывъ въ Яицкій-городокъ, призналъ необходимымъ временно удалить отъ дѣлъ атамана Бородина и его помощниковъ: старшинъ Ивана Митрясова и Андрея Мостовщикова. Для временнаго управленія войскомъ онъ избралъ есаула Оренбургскаго войска Углецкаго, которому поручилъ исправлять должность атамана и въ помощь ему назначилъ дьяка Суетина и старшину Алексѣя Митрясова. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-маіоръ Потаповъ, собравъ казачій кругъ, приказалъ выбрать отъ войска 40 человѣкъ повѣренныхъ, которые бы могли доказать виновность старшинъ. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, путемъ разспросовъ обѣихъ сторонъ и повѣркой книгъ и денежныхъ расходовъ, Потаповъ призналъ, что казаки войсковой партіи правы и что нѣтъ никакой возможности оправдать атамана и старшинъ. Представивъ свое заключеніе на утвержденіе военной коллегіи и прося о смѣнѣ должностныхъ лицъ, Потаповъ спрашивалъ войско, кого пожелаетъ оно имѣть своимъ атаманомъ: Суетина или Митрясова? Тогда Логиновъ и Копѣечкинъ отъ имени войска заявили, что атаманъ имъ не надобенъ, а просятъ только опредѣлить въ присутствіе съ войсковой стороны казака Осипа Ѳедорова, племянника Логинова, надѣясь, что онъ не измѣнитъ войску и будетъ слѣдить за старшинами Суетинымъ и Митрясовымъ. Зная Ѳедорова какъ человѣка молодаго и опасаясь, чтобъ онъ не внесъ еще бо̀льшихъ

[1]) Въ собственноручной запискѣ отъ 9 мая 1763 г. Архивъ Канд. военнаго министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № $^{51}/_{55}$.

раздоровъ, Потаповъ долгое время не соглашался и уступилъ только неоднократнымъ и усиленнымъ просьбамъ казаковъ. Опредѣливъ Ѳедорова въ войсковое присутствіе и отъѣзжая въ Петербургъ, Потаповъ говорилъ казакамъ, что до рѣшенія военной коллегіи онъ оставляетъ имъ вмѣсто атамана премьеръ-маіора Казанскаго драгунскаго полка Романа Новокрещенова, присланнаго съ командой въ Яицкій-городокъ для производства переписи. Новокрещеновъ тотчасъ же сошелся съ прежними и новыми старшинами, въ томъ числѣ и съ Ѳедоровымъ, надѣявшимся при содѣйствіи маіора сдѣлаться атаманомъ. Отдѣлившись отъ выбравшей его войсковой стороны и не слушая совѣтовъ дяди своего Логинова, Ѳедоровъ соединился съ Суетинымъ и Митрясовымъ и вмѣстѣ съ ними, подъ покровительствомъ маіора Новокрещенова, сталъ дѣлать войску разныя мелочныя притѣсненія.

Между тѣмъ, получивъ донесеніе Потапова, военная коллегія постановила атамана Бородина и его помощниковъ, старшинъ, лишить занимаемыхъ ими должностей и чиновъ и впредь ни въ какія должности не выбирать; взыскать съ нихъ третью часть удержаннаго ими у казаковъ жалованья [1]). Вмѣсто отрѣшеннаго атамана Бородина приказано было выбрать «вольными и согласными» голосами трехъ кандидатовъ, имена которыхъ представить военной коллегіи, а завѣдываніе дѣлами, до утвержденія новаго атамана, поручить выбраннымъ изъ старшинъ и казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ декабрѣ 1765 года, повелѣвалось выдать удержанное жалованье *домосѣдной командѣ* и впредь выдавать таковое [2]), запрещалась самовольная рубка лѣса, подарки «знатнымъ персонамъ» и наемка казаковъ на службу. «При всякихъ отъ войска командированіяхъ, сказано въ указѣ, наряды въ службу отнынѣ впредь старшинамъ и казакамъ чинить по очереди, не обходя никого, для того, чтобы всѣ казаки воинской службы практику дѣйствительно знать могли,

---

[1]) По постановленію военной коллегіи, старшину Мостовщикова велѣно было, не лишая чиновъ, отставить отъ службы, а войсковаго дьяка Суетина написать въ есаулы.

[2]) Домосѣдною командой назывались тѣ казаки, которые по своимъ обязанностямъ не могли ѣздить на рыбную ловлю.

годными къ службѣ были». На обязанность атамана и старшинъ возложено было два раза въ годъ осматривать служащихъ казаковъ, ихъ оружіе и лошадей, вести имъ точные списки, и, въ случаѣ экстренныхъ командировокъ, когда требовался вполнѣ надежный командиръ, «не взирая на очередь, командировать по распоряженію войсковаго атамана и старшинъ, а *не по выбору войсковому*, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали такихъ, которые попустительны и дѣлаютъ то, что казакамъ угодно».

Указъ не допускалъ никакихъ излишнихъ поборовъ съ войска. Откупную сумму велѣно было прежде всего пополнять изъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и соляныхъ доходовъ, и только въ случаѣ недостатка этихъ денегъ дозволялось прибѣгать къ сборамъ, но и тѣ производить безъ излишества, съ согласія всего войска, наблюдая общую пользу. Собраннымъ деньгамъ должна быть ведена самая тщательная и подробная отчетность.

Такое распоряженіе правительства произвело на казаковъ двоякое впечатлѣніе и было впослѣдствіи причиной новыхъ волненій на Яикѣ. На сколько казаки были доволны отрѣшеніемъ должностныхъ лицъ и вообще результатами слѣдствія генералъ-маіора Потапова, на столько же они были недовольны тѣмъ, что атаману предоставлялось право назначать командировъ безъ выбора и согласія казаковъ. Съ другой стороны, войско было озадачено указомъ военной коллегіи, по которому, вмѣстѣ съ отрѣшеніемъ старшинъ, велѣно было: Логинова сослать въ Тобольскъ, Копѣечкина написать въ солдаты, а 40 человѣкъ повѣренныхъ, выбранныхъ по требованію Потапова, наказать палками и отправить въ Гурьевъ-городокъ на службу, безъ очереди и безъ обыкновенной помощи, за то, «что они явились въ нѣкоторыхъ недоказательствахъ противъ своихъ доносовъ» [1]).

Такое рѣшеніе дѣла, хотя и не было исключеніемъ въ то время, когда обвинительные акты составлялись обыкновенно низшими и малообразованными чиновниками, показалось весьма обиднымъ казакамъ, тѣмъ болѣе, что маіоръ Новокрещеновъ привелъ въ

[1]) Показаніе казака Сидора Кандалинцева. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 505.

исполненіе только ту часть указа, которая касалась наказанія казаковъ; все же что касалось старшинъ, оставлено было имъ безъ исполненія. Войско неоднократно обращалось къ Новокрещенову съ просьбой отрѣшить судей и прочесть имъ весь указъ, но подкупленный старшинами маіоръ долгое время уклонялся, сѣкъ просителей плетьми и, наконецъ, «соскучившись слушать такія просьбы», приказалъ войску собраться у своего дома для слушанія указа. Выйдя на крыльцо со всѣми старшинами, Новокрещеновъ прочелъ указъ «черезъ два въ третій», такъ что собравшіеся въ числѣ болѣе 500 человѣкъ казаки не могли понять ни слова. Они ясно видѣли, что маіоръ прикрывалъ старшинъ, потворствовалъ имъ и, вмѣсто того, чтобы подвергнуть виновныхъ взысканію, предложилъ собравшимся избрать въ атаманы дьяка Суетина [1]).

— Отчего вы не выбираете въ атаманы Суетина, спрашивалъ Новокрещеновъ по прочтеніи указа, — чѣмъ онъ вамъ нелюбъ?

— Суетинъ не можетъ войску сильно милымъ быть, отвѣчали казаки: — онъ еще и штрафа своего не заслужилъ, да мы думаемъ, нѣтъ ли на немъ по конфирмаціи еще денежнаго штрафа, о которомъ ты не объявляешь.

— Денежнаго штрафа на немъ нѣтъ, говорилъ Новокрещеновъ, — а наложенный военною коллегіею штрафъ онъ заслужилъ.

— Нѣтъ, не заслужилъ еще, отвѣчали казаки; — по означенной конфирмаціи велѣно Суетина за оказавшуюся по слѣдствію Потапова вину написать въ есаулы на годъ, а онъ въ этой должности былъ не болѣе четверти часа.

Новокрещеновъ настаивалъ на томъ, чтобы войско выбрало Суетина атаманомъ, но казаки отказывались, шумѣли и роптали на дѣйствія маіора.

— Чего ты усливаешься, говорилъ казакъ Семенъ Скачковъ,

---

[1]) У Витевскаго (*Русскій Архивъ*. 1879 г., кн. III, 381). Анучина (*Современникъ*, 1862 г., т. 92, 577) и въ *Чтеніяхъ общества исторіи и древностей*, 1859 г., III, 110, Суетинъ ошибочно названъ Кретинымъ.

выйдя изъ толпы и обратясь къ Суетину, — вѣдь и такъ немало войско тебя кормило.

Новокрещеновъ приказалъ арестовать Скачкова и заступившихся за него казаковъ: Мирошихина, Выровщикова, Плишкова, Кандалинцева, Истомина и нѣкоторыхъ другихъ. Представивъ военной коллегіи, что казаки бунтуютъ и не слушаютъ указа, Новокрещеновъ, не ожидая ея распоряженія, самовольно отправилъ всѣхъ арестованныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми, въ ссылку въ Тобольскъ. Оскорбленное такимъ поступкомъ, войско послало отъ себя повѣренныхъ въ Петербургъ съ жалобой на дѣйствія Новокрещенова и на его явное потворство старшинамъ. Военная коллегія командировала на Яикъ полковника Полозова, который разбиралъ ихъ дѣло порядочнымъ образомъ, и войско было имъ довольно, но, напротивъ того, старшинамъ онъ былъ въ тягость. Онъ смѣненъ былъ генералъ-маіоромъ Череповымъ, командовавшимъ войсками въ Оренбургѣ.

Полагая, что Полозовъ замѣненъ Череповымъ по проискамъ старшинъ и ихъ партіи, казаки отнеслись съ недовѣріемъ къ послѣднему, тѣмъ болѣе, что старшинская партія не скрывала своего удовольствія отъ такой перемѣны.

— Забудете вы при немъ много зѣвать, говорили про Черепова послушные казаки непослушнымъ, — онъ вамъ зажметъ ротъ-то.

Съ Череповымъ отправлены были на Яикъ военная команда и указъ военной коллегіи, служившій отвѣтомъ на донесеніе маіора Новокрещенова и повелѣвавшій казакамъ безпрекословное повиновеніе законамъ и начальству. Руководясь наставленіемъ военной коллегіи привести казаковъ къ повиновенію, генералъ-маіоръ Череповъ прежде всего потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ избранію трехъ кандидатовъ въ атаманы, причемъ онъ, конечно, по рекомендаціи Новокрещенова, предлагалъ избрать Суетина, Митрясова и Ѳедора Бородина, сына бывшаго атамана. Войско не согласилось ни на одного изъ нихъ, а представило своихъ кандидатовъ: Петра Тамбовцева, Ивана Свѣшникова и Михаила Воеводкина. Разсердившійся Череповъ собралъ тогда казачій кругъ, для слушанія привезеннаго имъ указа, и приказалъ драгунамъ

окружить собравшихся. Казаки были въ недоумѣніи и, опасаясь подойти къ перилам круга, остановились въ отдаленіи. Череповъ съ Новокрещеновымъ и почти со всѣми старшинами вошелъ въ кругъ и занялъ на рундукѣ мѣсто атамана.

— Слушайте указъ, сказалъ онъ сердито, — и подойдите ближе къ перилам.

— Мы и тутъ можемъ слышать, отвѣчали впереди стоявшіе казаки.

— Я вамъ приказываю, кричалъ Чѐреповъ, — подойдите ближе.

Собравшіеся подвинулись нѣсколько впередъ, но къ самымъ перилам не подходили; генералъ повторилъ приказаніе, но казаки не подвигались впередъ. Сочтя это за явное ослушаніе, Череповъ сошелъ съ рундука и, ставъ позади драгунъ, приказалъ имъ стрѣлять. Не успѣли солдаты исполнить приказанія генерала, какъ почти все войско пало на землю.

— Помилуйте, ваше превосходительство, кричали казаки, — мы не знаемъ за собой никакой вины.

Череповъ не отмѣнилъ своего приказанія, и драгуны произвели залпъ по лежащимъ казакамъ, но пустили пули вверхъ и ни въ одного человѣка не попали. «Череповъ приказалъ повторить залпъ, а маіоръ Новокрещеновъ кричалъ драгунамъ, чтобъ они цѣлили не вверхъ, а въ колѣно». Нѣкоторые драгуны выстрѣлили такимъ образомъ и тѣмъ залпомъ трехъ человѣкъ убили и человѣкъ шесть ранили.

— Помилуй, батюшка, ваше превосходительство, кричали казаки.

— Кто не противенъ указу всемилостивѣйшей государыни, сказалъ Череповъ, — тѣ ступайте за мной.

Вся толпа двинулась за генераломъ, который, разставя казаковъ кучами по улицѣ, приказалъ читать имъ въ разныхъ мѣстахъ указъ.

— Будете-ли вы повиноваться государевымъ указамъ? спрашивалъ Череповъ по окончаніи чтенія.

— Войско всегда Богу, всемилостивѣйшей государынѣ и указамъ ея повинно, отвѣчали казаки.

*

Череповъ отправился въ свой домъ, а войско осталось на улицѣ, потому что по всѣмъ переулкамъ были разставлены драгуны и ни одного казака безъ приказанія пропускать было не велѣно. «Сіе происходило зимой въ самые лютые морозы, и держали ихъ на морозѣ отъ утра до ночи». Вечеромъ изъ дома генерала писарь вынесъ листъ и требовалъ, чтобы казаки дали подписку въ томъ, что слышали указъ и не будутъ упорствовать ни въ чемъ.

— Генералъ приказалъ, говорилъ писарь, — со всѣхъ казаковъ взять подписки въ такой силѣ, а ежели не дадите такихъ подписокъ, такъ ни одного человѣка домой пускать не велѣно, хоть помрите на морозѣ.

Подозрѣвая въ этомъ требованіи новую продѣлку старшинъ, казаки не рѣшались подписываться и отправили двухъ человѣкъ спросить Черепова, по его-ли приказанію отбирается подписка?

— Подписывайтесь, сказалъ генералъ, — я приказалъ.

Казаки подписались.

Пробывъ двѣ недѣли на Яикѣ, Череповъ уѣхалъ въ Оренбургъ, но еще до своего отъѣзда донесъ оренбургскому губернатору, что войско бунтуетъ и просилъ скорѣйшей присылки войскъ. По слуху, распространившемуся вслѣдъ затѣмъ между казаками, губернаторъ отправилъ два полка, но за сильными морозами и мятелью они будто не дошли до Яика и вернулись назадъ, потерявъ 334 человѣка замерзшими и обмороженными. Слухъ этотъ имѣлъ весьма большое значеніе въ будущемъ. Поступки Черепова еще болѣе озлобили населеніе, и войско отправило въ Москву казаковъ Петра Герасимова и Ивана Бочкарева съ жалобой о причиненныхъ ему Череповымъ притѣсненіяхъ и убійствѣ.

Тогдашній вице-президентъ военной коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, человѣкъ заносчивый, вспыльчивый и отчасти грубый [1]), не обращалъ должнаго вниманія на просьбы

---

[1]) Относительно характера Чернышева можно сослаться на слѣдующій указъ Сенату отъ 7 февраля 1764 года. «По всеподданнѣйшему прошенію генерала графа Захара Чернышева, писала императрица, отставленъ онъ вѣчно отъ нашей службы, о чемъ прошлаго 1763 года въ декабрѣ мѣсяцѣ и указъ Сенату данъ. Но какъ онъ, Чернышевъ, самъ увидѣлъ ясно, *что тѣмъ на скорости одной основанныхъ поступ-*

Яицкаго войска, и полагая, что всѣ несогласія въ войскѣ происходятъ отъ буйнаго характера казаковъ, непривыкшихъ къ повиновенію, думалъ отдѣлаться одною формальною, бумажною стороной дѣла. Онъ писалъ указъ за указомъ, въ которыхъ требовалъ безусловнаго повиновенія начальству и распоряженіямъ правительства. Получивъ просьбу Герасимова, военная коллегія, по предложенію Чернышева, издала 17 февраля 1767 года новый указъ, въ которомъ строжайше подтверждала, чтобы старшины и казаки предали забвенію всѣ ссоры, жили другъ съ другомъ въ мирѣ и исполняли въ точности указы военной коллегіи подъ опасеніемъ за самое малое неисполненіе жесточайшаго штрафа.

Такой отвѣтъ на жалобу казаковъ не могъ удовлетворить депутатовъ Яицкаго войска, и Герасимовъ нашелъ случай подать прошеніе лично императрицѣ, которая взглянула на дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вице-президентъ военной коллегіи.

«Какъ яицкіе казаки мнѣ подали прошеніе, писала она графу Чернышеву [1]), а я приказала изъ военной коллегіи требовать Козьмину обстоятельныхъ справокъ по сему дѣлу, то желаю, чтобы всѣ резолюціи, кои коллегія возьметъ отъ сего числа до окончанія сего дѣла, вы сообщали мнѣ для лучшаго усмотрѣнія всего сего дѣла обстоятельствъ».

Зная по прежнимъ опытамъ, что челобитчики, подававшіе свои просьбы прямо императрицѣ, часто подвергались преслѣдованію, Екатерина II опасалась, чтобы съ Герасимовымъ и Бочкаревымъ не было того же. «Графъ Захаръ Григорьевичъ! писала она Чернышеву [2]), объявите словесно военной коллегіи и дайте куда над-

---

комъ, себѣ и отечеству своему нанесъ нѣкоторый ущербъ, *то пришедъ въ похвальное раскаяніе, вновь неоднократными прошеніями* утруждалъ насъ о принятіи его попрежнему въ нашу воинскую службу. Мы, материнскимъ милосердіемъ на оное снисходя, всемилостивѣйше *оный горячности сію поступокъ* забвенію предаемъ, а похваляя ревность къ службѣ и видя его способности, повелѣваемъ принять его опять въ нашу воинскую службу тѣмъ же чиномъ и съ тѣмъ же старшинствомъ, и присутствовать попрежнему, какъ въ военной коллегіи вице-президентомъ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, въ коихъ онъ прежде былъ. командуя притомъ и бывшею у него до отставки дивизіею».

[1]) Въ рескриптѣ отъ 19 февраля 1767 года. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Въ запискѣ отъ 24 февраля 1767 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

лежитъ знать, чтобъ яицкимъ казакамъ, Герасимову съ товарищи, въ вину поставлено не было, что они, по простотѣ своей, мнѣ самой подали челобитную, и подтвердите имъ, при отправленіи ихъ, чтобы они впредь согласнѣе жили».

Отправленіе это, какъ и вообще рѣшеніе просьбы яицкихъ казаковъ, послѣдовало не скоро. Поставленная въ затруднительное положеніе желаніемъ императрицы ближе познакомиться съ дѣломъ, военная коллегія затягивала и не рѣшала дѣла и, желая на будущее время избавиться отъ присылки депутатовъ, постановила 3 мая, чтобы казаки безъ дозволенія и паспортовъ, выдаваемыхъ изъ войсковой канцеляріи, не смѣли никуда отлучаться изъ предѣловъ войска, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія. Вслѣдъ затѣмъ, 15 мая, военная коллегія подтвердила свой указъ объ очередной службѣ и требовала, чтобъ Яицкое войско отправило на службу въ Кизляръ 500 человѣкъ казаковъ. Съ своей стороны императрица, не дождавшись рѣшенія коллегіи и желая прекратить всѣ волненія на Яикѣ, рѣшилась отправить туда лично ей извѣстное и довѣренное лицо. «Какъ по рапортамъ оной коллегіи, писала она [1]), мы усматриваемъ, что еще и до сего времени, ни добраго согласія въ войскѣ Яицкомъ, ни надлежащаго выбора кандидатовъ къ назначенію ко оному въ атаманы не послѣдовало, то для приведенія того и другаго и для изслѣдованія, кто тому есть препятствіемъ, мы нашей гвардіи капитана Чебышева опредѣляемъ, котораго оная коллегія имѣетъ отъ себя при указѣ отправить въ то войско съ довольнымъ наставленіемъ, какъ ему въ томъ дѣлѣ поступить, выдавъ ему съ командой, которая при немъ находиться будетъ, какъ туда такъ и обратно на десять почтовыхъ лошадей прогонныхъ денегъ. Какіе же отъ него рапорты коллегія получать и какія на оные резолюціи давать будетъ, представлять намъ для извѣстія».

Въ концѣ іюля капитанъ Чебышевъ отправился на Яикъ, съ порученіемъ по прибытіи на мѣсто объявить казакамъ, что онъ присланъ управлять войскомъ вмѣсто атамана до тѣхъ поръ, пока

---

[1]) Въ указѣ военной коллегіи, отъ 3 іюля 1767 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

они не выберутъ трехъ кандидатовъ, для пожалованія одного изъ нихъ въ сіе достоинство.

«Ежели таковыхъ выберутъ, писала военная коллегія [1]), то вамъ съ описаніемъ ихъ лѣтъ, службы и достоинства прислать рапортъ въ военную коллегію. А буде вы ихъ усмотрите не такого достоинства, какого требуется или когда, упорства ради, несогласными голосами выберутся, то и не представлять, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ они того просили».

Заботясь главнѣйшимъ образомъ о водвореніи спокойствія въ Яицкомъ войскѣ и не допуская своевольствъ, Чебышевъ долженъ былъ, прежде всего, привести въ исполненіе указъ военной коллегіи объ отрѣшеніи отъ должности атамана Андрея Бородина и прочихъ лицъ, и вообще объ удовлетвореніи претензій казаковъ. «Какъ для содержанія того войска въ порядкѣ и въ надлежащемъ повиновеніи, сказано было въ секретномъ наставленіи Чебышеву [2]), неотмѣнно должно вамъ употреблять благоразумную строгость, такъ не меньше, для достиженія между онымъ довѣренности, потребно оказывать имъ пристойную ласку и снисхожденіе....

«А какъ они несомнѣнно ко всякому упорству, своевольству и несогласію не своимъ подвигомъ, но нѣкоторыми между ими безпокойными головами приводятся, то вы объ извѣданіи таковыхъ крайнее стараніе употребить имѣете, и если довѣдаетесь и узнаете точно, то отлуча ихъ въ команду или по случаю (?) и посадя подъ караулъ, въ коллегію съ обстоятельствомъ рапортовать».

22 августа 1767 года капитанъ Чебышевъ вмѣстѣ съ казаками Петромъ Герасимовымъ и Иваномъ Бочкаревымъ [3]) прибылъ въ Яицкій-городокъ. На другой же день онъ собралъ войсковой кругъ, въ которомъ прочелъ высочайшій указъ ему данный, грамоту войску отъ военной коллегіи и, сохранявшуюся доселѣ въ тайнѣ, конфирмацію надъ виновными старшинами, чѣмъ съ пер-

[1]) Въ наставленіи Чебышеву, отъ 24 іюля. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Секретное наставленіе Чебышеву, отъ 24 іюля. Тамъ же.

[3]) Герасимовъ и Бочкаревъ были отправлены на Яикъ нѣсколько ранѣе Чебышева, но съ дороги изъ Симбирска поѣхали обратно въ Москву для подачи новаго прошенія. Тамъ они были задержаны и отправлены вмѣстѣ съ Чебышевымъ.

ваго же раза расположилъ къ себѣ казаковъ. Вслѣдъ затѣмъ, узнавъ, что при войсковой канцеляріи содержится двадцать человѣкъ казаковъ, арестованныхъ въ разное время, и найдя, что всѣ они впали въ преступленіе только «отъ неразумѣнія и простоты», Чебышевъ приказалъ ихъ выпустить на поруки. «Отъ котораго моего поступка, доносилъ онъ [1]), я чего ожидалъ, начало увидѣлъ, ибо не только тѣ содержащіеся, но и все войско столь обрадовано было, видя отмѣну прежней строгости, что какъ меня, такъ и *своихъ соперниковъ* со мной присутствующихъ, съ неописанною радостію благодарили, обѣщаясь клятвенно во всемъ быть послушными и изъ воли моей не выступать».

Видя, что Чебышевъ внимательно выслушиваетъ всѣ заявленія и входитъ въ ихъ нужды, стараясь быть справедливымъ, яицкіе казаки успокоились и готовы были вѣрить, что, наконецъ, наступили для нихъ лучшіе дни и порядки. Они довѣрились вполнѣ новому правителю и охотно слѣдовали всѣмъ его совѣтамъ. По распоряженію Чебышева, 28 августа, казаки снова собрались въ кругъ, въ который были введены, присланные съ курьеромъ изъ военной коллегіи, казакъ Венедиктъ Ивановъ и девять его товарищей. Они обвинялись въ томъ, что самовольно отлучились въ Петербургъ и заслуживаютъ за то наказанія. Услышавъ отъ войска, что они отлучились не самовольно, а по общему согласію, Чебышевъ оставилъ ихъ безъ наказанія. Онъ предложилъ собравшимся избрать депутатовъ въ коммиссію по сочиненію проекта новаго уложенія и назначить пятьсотъ человѣкъ въ резервную команду. То и другое предложеніе было немедленно исполнено, и избранные депутатами казаки: Василій Тамбовцевъ и Иванъ Анкудиновъ, 4 сентября, выѣхали изъ Яицкаго-городка [2]).

Императрица вполнѣ одобрила распоряженія Чебышева и «усмотря, писала она [3]), что въ войскѣ Яицкомъ все происходитъ согласно и порядочно, не хотѣла оставить, чтобы не показать вамъ

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи, отъ 25 августа. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Чебышева, отъ 4 сентября. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 2.

[3]) Въ указѣ Чебышеву, отъ 24 сентября 1768 г. Тамъ же, дѣло № 43.

о томъ моего удовольствія, заключая изъ онаго рапорта (отъ 4 сентября), что никакого сомнѣнія нѣтъ къ возстановленію между ними прежняго ихъ мирнаго состоянія и непоколебимаго порядка. Я надѣюсь, что вы и впредь будете поступать съ ними такими мѣрами, которыя бы ихъ всегда вели къ ихъ благосостоянію».

Послѣдняго достигнуть было весьма трудно, такъ какъ взаимная вражда между двумя партіями была слишкомъ сильна и казаки не шли ни на какое соглашеніе. Чебышеву, при всемъ довѣріи къ нему казаковъ, не удалось не только примирить враждующихъ, но и достигнуть соглашенія при разрѣшеніи вопроса о выборѣ атамана.

10 сентября 1767 года собранъ былъ казачій кругъ, въ которомъ Чебышевъ предложилъ войску выбрать въ атаманы трехъ человѣкъ кандидатовъ, причемъ просилъ произвести выборъ вольными голосами и обратить вниманіе на честныхъ, заслуженныхъ и достойныхъ людей. Старшинская партія предложила избрать старшину Митрясова и дьяка Суетина.

— Оба они люди достойные, говорили ихъ приверженцы, — какъ войскомъ командовать, такъ дѣла внѣшнія и внутреннія исправлять могутъ. Суетинъ и Митрясовъ люди добраго и честнаго поведенія, въ генеральныхъ службахъ, на акціяхъ и походахъ бывалые; за свою вѣрную и усердную службу денежнымъ жалованьемъ, ковшами и саблями жалованы.

Зная, что войсковая сторона не согласится на выборъ, если всѣ три кандидата будутъ съ противной ей стороны, старшинская партія предложила избрать третьимъ кандидатомъ казака Тамбовцева.

— Хоть онъ, говорили старшины,—въ важныхъ службахъ и партіяхъ не бывалъ, но приращеніемъ войску соляного сбора немалую похвалу заслужилъ.

Согласившись на избраніе Тамбовцева, войсковая сторона предложила со своей стороны избрать казаковъ: Сидора Витошнова и Петра Погадаева, но старшинская партія на то не соглашалась.

— Витошновъ и Погадаевъ люди подлаго состоянія, кричали противники, — не изъ старшинъ и не изъ старшинскихъ дѣтей; люди незаслуженные, въ генеральныхъ службахъ и знатныхъ

походахъ небывалые, распоряжаться войскомъ, заграничными и внутренними дѣлами, тоже судными и приказными не могутъ, а объ указахъ должнаго и исправнаго свѣдѣнія не имѣютъ.

Такое заявленіе старшинской партіи вызвало продолжительные споры и шумъ, среди которыхъ ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить. Увѣщанія Чебышева прекратить ссоры и кончить дѣло мирнымъ путемъ не имѣли успѣха. Соглашенія не послѣдовало и казаки разошлись съ рѣшеніемъ написать прошеніе на имя императрицы, въ которомъ изложить подробно все то, что происходило въ кругу. Перименовавъ кандидатовъ, предложенныхъ старшинскою и войсковою сторонами и высказавъ нежеланіе свое имѣть атаманомъ ни Суетина, ни Митрясова, войско рѣшилось отказаться навсегда отъ права избирать атамана и предоставляло это дѣло на усмотрѣніе императрицы. «Какъ оный выборъ (атамана), писали казаки [1]), за таковымъ несогласіемъ близко двухъ лѣтъ продолжается и согласными голосами не утверждается, да и впредь согласными голосами утвердиться не можетъ, изъ-за чего все общество время отъ времени приходитъ въ истощеніе и крайнее разореніе, того ради въ прекращеніе всѣхъ происходящихъ ссоръ и несогласій, во избѣжаніе крайняго всего общества нашего разоренія, припадая къ священнымъ вашего императорскаго величества стопамъ, всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матернаго милосердія, тотъ кандидатовъ въ войсковыхъ кругахъ выборъ съ насъ нижайшихъ за несогласными голосами, *какъ нынѣ, такъ и впредь* сложить, а изъ природнаго вашего императорскаго величества высокомонаршаго милосердія въ атаманское достоинство жаловать какъ нынѣ, такъ и впредь, по своему монаршему соизволенію. Кто той чести изъ нашего войска найдется достоинъ и кто въ оные атаманы отъ вашего императорскаго величества пожалованъ и опредѣленъ будетъ, тому мы нижайшіе рабы и повиноваться должны. А прежнее наше право въ выборѣ въ войсковыхъ кругахъ кандидатовъ, *яко негодное и на сей вѣкъ неудобное, не токмо охотно*

[1]) Во всеподданнѣйшемъ прошеніи 23 сентября 1767 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св 4, дѣло № 4. Прошеніе это подписали 508 человѣкъ старшинъ, сотниковъ, десятниковъ и казаковъ.

сами съ себя слагаемъ, но и всенижайше просимъ милосерднымъ своимъ материнымъ повелѣніемъ для вышеобъявленныхъ отъ насъ резоновъ, ко всеобщему нашему благу и спокойствію *нынѣ запретить*, понеже въ несогласныхъ нашихъ голосахъ тотъ выборъ кандидатовъ продолжается чрезъ шесть лѣтъ, а все оное происходитъ отъ единой другъ на друга вражды и памятозлобія».

Не достигнувъ соглашенія казаковъ относительно выбора атамана, но желая принести посильную пользу войску, Чебышевъ учелъ старшинъ войсковой канцеляріи и призналъ ихъ виновными предъ войскомъ. Раскаявшись въ своихъ поступкахъ, старшины просили прощенія и обѣщали уплатить все съ нихъ взыскиваемое. Всматриваясь ближе въ домашній бытъ казаковъ, Чебышевъ нашелъ, что безъ всякой надобности и въ крайнее отягощеніе войску во время сѣнокосовъ и рыбныхъ промысловъ оставляется для охраненія города и содержанія карауловъ такъ-называемая *домосѣдная команда*, болѣе чѣмъ изъ 150 человѣкъ. Въ команду эту нанимались попы, церковные и канцелярскіе служители и даже старшины. Такихъ командъ было въ годъ до четырехъ, и каждый разъ лица, ея составляющія, получали за свою мнимую службу отъ двухъ до семи рублей. Сверхъ домосѣдной команды была еще такъ-называемая *пятисотная резервная команда*, изъ которой половина посылалась на степную сторону по форпостамъ, а другая половина оставалась въ городѣ безъ всякаго дѣла, подъ предлогомъ могущихъ быть экстренныхъ нуждъ, къ защищенію границъ отъ непріятельскихъ набѣговъ, «чего, писалъ Чебышевъ [1]), никогда не бывало, да и быть, по всѣмъ извѣстнымъ резонамъ, не можетъ, а если бы паче чаянія когда и случилось, то съ такою малою командою тому форпостному командиру сильнаго непріятеля удержать и границы защищать никакъ будетъ не можно, а отъ домосѣдной команды, состоящей изъ такихъ людей, какъ значится выше, помощь, мнится мнѣ, также будетъ не велика». На этомъ основаніи онъ призналъ необходимымъ, во избѣжаніе напраснаго войску отягощенія, въ то

[1]) Предложеніе Чебышева яицкой войсковой канцеляріи 15 октября. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 3.

время, когда резервная команда бываетъ въ Яицкомъ-городкѣ, домосѣдной команды вовсе не имѣть, а городовые караулы содержать резервной командѣ, которой и состоять въ вѣдѣніи войсковой канцеляріи. «Однакоже, прибавлялъ Чебышевъ, если форпостный командиръ въ случаѣ нужномъ, сколько изъ той команды когда будетъ требовать, а хотя и всю, на границы отпущать безо всякаго прекословія, и тогда на тѣ мѣста, если будетъ нужда, опредѣлять изъ отставныхъ казаковъ и изъ прочихъ, по ихъ годности».

Уничтоженіе домосѣдной команды было принято войскомъ съ большимъ сочувствіемъ, но Чебышевъ, опасаясь, что подобныя распоряженія могутъ навлечь на него неудовольствіе военной коллегіи и тѣхъ, которые лишались даровыхъ доходовъ, торопился предупредить императрицу и просилъ, чтобъ «отъ государственной военной коллегіи не было на мнѣ за сіе взысканія» [1]).

Взысканія, конечно, не было, но было предложено ближе познакомиться съ указами военной коллегіи.

«О благополучномъ окончаніи моей коммиссіи, писалъ Чебышевъ графу Г. Г. Орлову [2]), хоть и есть должность увѣдомить васъ, моего милостивца, но какъ то увѣдомленіе требуетъ точной подробности, а правду за двѣ тысячи верстъ еще и слишкомъ показалось писать неловко, то донесу только, что я, сверхъ моего чаянія, за то, что продолжающуюся слишкомъ шесть лѣтъ коммиссію кончилъ, получилъ изъ государственной военной коллегіи о войскѣ Яицкомъ конфирмацію, которую я задолго до того повелѣнія читалъ истинно много, но того ничего не нашелъ, для чего мнѣ читать приказано, о чемъ осмѣлился и рапортомъ своимъ представить, а въ перемѣнѣ нынѣшнихъ сотниковъ прежними и ослушаніе сдѣлалъ, только за то что мнѣ будетъ—не знаю, а хорошаго не жду. Чего для до тѣхъ поръ, отецъ мой, изведи изъ темницы душу мою и тѣмъ избавь меня отъ такихъ переписокъ, отъ которыхъ, кромѣ бѣды, ждать нечего. А чтобъ не показалось вашему сіятельству все сіе мною сдѣланное отъ упрямства, то

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Чебышева отъ 16 октября. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 119, св. 4, д. № 43.

[2]) Въ письмѣ отъ 19 декабря 1767 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

прими, милостивый государь, трудъ прочесть тотъ мой посланный въ коллегію рапортъ и при ономъ отъ клеветниковъ моихъ раскаяніе, изъ чего и увидите ясно, была-ли причина мнѣ то дѣлать что сдѣлалъ.

«Въ дополненіе же сего моего чистосердечнаго изъясненія не только объ этомъ, но и обо всемъ, что сначала и до сего дни происходило, если не поскучите, увѣдомиться можете отъ станичнаго атамана Нефеда Мостовщикова; только того страшусь, чтобъ, убоясь, чего не утаилъ, ибо онъ со стороны старшинской славный былъ войску злодѣй, чего для нужно вашему сіятельству его обнадежить своею милостію. Тутъ-то услышите о Митрясовскихъ корыстяхъ, о храбрыхъ поступкахъ генеральскихъ, какъ по лежащимъ казакамъ стрѣлялъ и о прочемъ, даже и о томъ, какъ съ него, Мостовщикова, часы взяты. Если же чистосердечное раскаяніе принесть заупрямится, то постращай, милостивый государь, мной, что онъ для изобличенія до пріѣзда моего будетъ удержанъ. А я на милость вашего сіятельства о скоромъ отсель своемъ возвращеніи обнадѣясь, съ радости и забылъ, что по началу сего письма не устоялъ въ своемъ словѣ, однако истинно нѣтъ еще и сотой доли».

Желаніе Чебышева было исполнено. Военная коллегія сама была не прочь отозвать человѣка, несходившагося съ ея взглядами и державшаго сторону простыхъ казаковъ. Пользуясь тѣмъ, что въ числѣ кандидатовъ въ атаманы казакъ Петръ Тамбовцевъ былъ принятъ какъ старшинскою, такъ и войсковою партіями, военная коллегія утвердила его войсковымъ атаманомъ, и указомъ отъ 15 января 1768 года предписала Чебышеву сдать дѣла вновь утвержденному атаману и возвратиться къ мѣсту своего служенія. 12 февраля Чебышевъ получилъ этотъ указъ, а 8 марта былъ уже въ Петербургѣ, оставя войско Яицкое въ прежнемъ согласіи [1]) и поручивъ Тамбовцеву взысканіе штрафа съ виновныхъ старшинъ и удержаннаго ими у казаковъ жалованья.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Чебышева, 8 марта 1768 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 5. Сужденія о Чебышевѣ автора статьи «Яицкое казачество» (*Русскій Вѣстникъ*, 1864 г., № 8) по меньшей мѣрѣ несправедливы.

Новый войсковой атаманъ былъ человѣкъ честный, но въ высшей степени слабаго характера [1]). Первое время онъ, сколько могъ, дѣйствовалъ самостоятельно и боролся со старшинами: взыскалъ съ виновныхъ незначительную часть удержаннаго у казаковъ жалованья, но не могъ заставить ихъ заплатить остальную часть и взыскать наложенный на нихъ штрафъ. Казаки съ самаго начала были недовольны дѣйствіями Тамбовцева, все болѣе и болѣе подпадавшаго подъ власть старшинъ и впослѣдствіи перешедшаго на ихъ сторону. Не смотря на то, что по конфирмаціи военной коллегіи многіе были лишены старшинскаго званія и права быть выбранными на служебныя мѣста, Тамбовцевъ никогда не наряжалъ ихъ на службу рядовыми, а назначалъ или походными атаманами, или полковыми командирами. Напротивъ того, казаки народной партіи подвергались всевозможнымъ обидамъ со стороны атамана, вышедшаго изъ ихъ же среды, и это раздражало ихъ почти ежедневно.

Въ началѣ 1769 года войско потребовало выдачи пороха и свинца, жалуемаго ежегодно по полуфунту на человѣка, и просило, чтобъ порохъ никогда не отбирался. Тамбовцевъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ военную коллегію, но не получилъ разрѣшенія, и казакамъ приказано было выдать зарядами [2]). Тамбовцевъ объявилъ тогда, что пороха и свинца у него нѣтъ.

— Вы примите зарядами, сказалъ онъ.

— Что такое заряды? спрашивали казаки.

— Патроны, отвѣчалъ атаманъ.

«А какъ войско, показывали казаки [3]), съ самаго своего начала служило всегда съ винтовками и турками [4]) и патронный зарядъ для нихъ негоденъ, то всѣ казаки, по простотѣ своей, и заключили тогда, что Тамбовцевъ, конечно, хочетъ уничтожить отеческіе ихъ обряды и привести такъ, какъ и солдатъ служить съ фузеями». Подозрѣніе это было совершенно неосновательно,

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ капитана Дурново отъ августа 1772 г. Военно-ученый архивъ, д. № 104 (А).

[2]) Витевскій, *Яицкое войско до появленія Пугачева* (*Русскій Архивъ* 1879 года, книга III, стр. 383).

[3]) Памятники новой русской исторіи, т. II, 267.

[4]) Особый видъ ружей.

но къ сожалѣнію обстоятельства складывались такъ, что населеніе могло путемъ логическихъ размышленій дойти до убѣжденія, что правительство и атаманъ намѣрены ввести «регулярство», котораго такъ опасались яицкіе казаки, всегда готовые отстаивать отцовскіе порядки и свои древнія привилегіи.

Въ собранномъ войсковомъ кругу, въ августѣ того же года, Тамбовцевъ объявилъ, чтобы каждый сотникъ командировалъ изъ своей сотни 17 человѣкъ для составленія резервной части войска. Такая командировка требовала службы по очереди, а яицкіе казаки признавали службу по найму и потому отказались отъ исполненія требованія атамана.

— Очередное командированіе тягостно и несносно казакамъ, заявилъ сотникъ Иванъ Кирпичниковъ и просилъ, чтобы командировка была сдѣлана по найму и изъ подмоги, какъ всегда и прежде бывало.

Тамбовцевъ требовалъ, чтобы командировка произведена была, согласно указамъ военной коллегіи, по очереди и разослалъ объ этомъ всѣмъ сотникамъ письменныя предписанія, но сотники ихъ не приняли подъ предлогомъ того, что они люди неграмотные и нерегулярные и исполнять могутъ безъ письменныхъ приказовъ. Тамбовцевъ четыре раза собиралъ круги, но безуспѣшно; казаки просили разрѣшенія отправить въ Петербургъ депутацію съ просьбой объ отмѣнѣ очередной службы. Уступая общему желанію, атаманъ согласился на отправленіе депутаціи, но избранныя имъ лица не были приняты войскомъ, требовавшимъ, чтобы во главѣ депутаціи былъ посланъ сотникъ Иванъ Кирпичниковъ, казаки: Бѣляевъ, Казаркинъ и другіе сторонники войсковыхъ интересовъ. Атаманъ отвѣчалъ, что Кирпичникова послать не можетъ, такъ какъ онъ штрафованный и предлагалъ своихъ, но казаки упирались. Среди происшедшаго разногласія сотники Тимоѳѣй Севрюгинъ, Ѳедотъ Марковцевъ и десять человѣкъ казаковъ, не спрашивая разрѣшенія войсковой канцеляріи, но съ согласія всего войска, отправились въ Петербургъ и 2 октября явились въ военной коллегіи. Они просили отмѣнить нарядъ казаковъ на службу по очереди и приказать положенный порохъ выдавать казакамъ не патронами, а въ раздѣлъ, попрежнему. Военная коллегія не со-

гласилась исполнить просьбу депутатовъ и вновь подтвердила свои указы объ очередной службѣ и повиновеніи начальству.

Подтвержденіе это не подѣйствовало на казаковъ, и они все-таки отказывались отъ службы по очереди, а между тѣмъ, во второй половинѣ 1769 г. командовавшій войсками на кавказской линіи, генералъ-маіоръ де-Медемъ, потребовалъ, чтобъ Яицкое войско, на перемѣну 68 человѣкъ раненыхъ и престарѣлыхъ, прислало такое же число въ Кизляръ.

Въ Кизлярѣ всегда находилось отъ Яицкаго войска 500 человѣкъ охотниковъ, изъ которыхъ каждый былъ нанятъ пятью человѣками остающихся казаковъ, платившихъ наемщику по 100 и болѣе рублей. Теперь же, слѣдуя указамъ военной коллегіи, атаманъ требовалъ, чтобы на смѣну раненыхъ и престарѣлыхъ были назначены казаки по очереди, но населеніе и слышать не хотѣло о нарушеніи древняго обычая «наемки». Послѣ пяти собранныхъ для этой цѣли казачьихъ круговъ, только согласная старшинская партія представила отъ себя десять человѣкъ для отправленія въ Кизляръ, а остальныхъ 58 человѣкъ войсковая сторона набрала силой и для препровожденія ихъ назначила особую команду подъ начальствомъ старшины Окутина.

Послѣдній успѣлъ дойти только до Бударинскаго форпоста, находившагося отъ Яицкаго-городка всего въ 80-ти верстахъ. На этомъ небольшомъ пространствѣ бѣжало отъ Окутина 39 человѣкъ, а при выѣздѣ изъ Бударинскаго форпоста были отбиты и остальные тѣми же казаками, которые должны были ихъ конвоировать.

Такимъ образомъ распоряженіе войсковой канцеляріи и на этотъ разъ не было приведено въ исполненіе, а употребленное ею насиліе, какъ прямое нарушеніе казачьей вольности, возстановило населеніе еще болѣе противъ старшинъ и всей ихъ партіи. Негодованіе особенно развилось и волненіе въ народѣ усилилось, когда въ началѣ 1770 г. полученъ былъ на Яикѣ указъ военной коллегіи о назначеніи команды казаковъ въ составъ вновь формируемаго «Московскаго легіона».

Развитіе военныхъ дѣйствій и обширность театра войны нашей съ Турціей требовали увеличенія числа полевыхъ войскъ, и тогдашнему вице-президенту военной коллегіи графу З. Г. Чер-

пышеву пришла мысль сформировать двѣ самостоятельныя части войскъ и назвать ихъ *легіонами* [1]). Въ совѣтѣ, учрежденномъ при дворѣ императрицы, предложеніе графа Чернышева не было принято вполнѣ, но рѣшено было сформировать одинъ легіонъ изъ «иностранныхъ и вольныхъ людей» и назвать его *иностраннымъ*. Въ составъ этого легіона должны были входить: пѣхота, кавалерія и казачья команда [2]).

По высочайше утвержденному 23 мая 1769 г. докладу военной коллегіи положено: 1) командиромъ иностраннаго легіона назначить бригадира Кара; 2) офицеровъ принимать изъ отставныхъ и иностранцевъ; 3) знаменъ и литавръ легіону не давать до тѣхъ поръ, пока «оный таковыя у непріятеля не завоюетъ и тѣмъ оныя имѣть достойнымъ сдѣлается», и 4) такъ какъ всѣ нижніе чины, за исключеніемъ кадровыхъ 122 человѣкъ, назначенныхъ изъ полковъ, должны быть набираемы изъ вольныхъ и иностранныхъ людей, то легіонъ формировать въ «польскихъ мѣстахъ» [3]).

Охотниковъ поступить на службу оказалось очень мало, и формированіе легіона шло весьма медленно. «А при томъ, доносила коллегія [4]), не можно по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ, за краткостію времени къ приведенію ихъ въ совершенную дисциплину, на оныхъ полагаться съ такою твердостью, какъ на прочіе полки изъ рекрутъ набираемые». Основываясь на этомъ, коллегія испрашивала высочайшее повелѣніе: 1) чтобы комплектованіе легіона производилось рекрутами на общемъ основаніи, за

---

[1]) Г. Витевскій (*Рус. Арх.* 1879 г. кн. III, 385) и авторъ статьи: «Яицкое казачество» (*Русскій Вѣстникъ* 1864 г., № 8) приписываютъ мысль сформированія легіоновъ Потемкину, но это невѣрно. Извѣстно, что административная дѣятельность Потемкина по военному вѣдомству началась съ 1774 г., въ самый разгаръ Пугачевской смуты.

[2]) Легіонъ этотъ никогда не назывался «Потемкинскимъ», какъ говоритъ г. Витевскій и авторъ статьи: «Яицкое казачество». Въ составъ иностраннаго легіона должны были войти: одинъ гренадерскій и три мушкетерскихъ баталіона, каждый въ 980 человѣкъ; 4 эскадрона карабинеровъ въ 703 коня, два эскадрона гусаръ въ 348 коней и казачья команда въ 335 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и начальника казаковъ секундъ-маіора). Такимъ образомъ полный составъ легіона былъ въ 5,577 человѣкъ.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 21 мая 1769 г. Арх. канц. воен. мин. Высоч. повелѣніе, кн. 60.

[4]) Во всеподдан. докладѣ 23 августа 1769 г.. за № 41. Тамъ же.

исключеніемъ гусаръ, которыхъ предполагалось набирать изъ людей вольныхъ, и 2) такъ какъ легіонъ будетъ состоять не изъ иностранцевъ, а изъ природныхъ русскихъ, то назвать его *Петербургскимъ* [1]).

2-го сентября императрица утвердила докладъ, а 19-го числа того же мѣсяца военная коллегія, признавая необходимымъ вновь усилить войска, ходатайствовала объ учрежденіи еще одного легіона на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Три драгунскіе полка, а именно Оренбургскій, который нынѣ находится въ Астрахани, Казанскій, находящіеся теперь въ Симбирскѣ и Уфимскій, состоящій нынѣ въ Кизлярѣ, да Грузинскій гусарскій въ Кизлярѣ же находящійся, также и состоящія въ командѣ генералъ-маіора графа Тотлебена роты, превратить въ такой родъ войска, который въ легіонѣ полагается, распредѣляя ихъ въ баталіоны и эскадроны по способностямъ, а казачью команду опредѣлить изъ яицкихъ казаковъ» [2]).

3-го октября докладъ военной коллегіи былъ высочайше утвержденъ, повелѣно легіонъ назвать *Московскимъ*, формировать его въ Симбирскѣ и командиромъ его назначить генералъ-маіора Баннера [3]),

Указомъ отъ 25 декабря 1769 г. [4]), военная коллегія поручила яицкому войску назначить изъ старшинъ и есауловъ 10, изъ сотниковъ и десятниковъ 18, казаковъ 300, писаря одного, да въ трубачи и цирульники 5, а всего 334 человѣка. Для выбора людей молодыхъ и годныхъ къ службѣ было приказано генералъ-маіору Баннеру отправить на Яикъ одного штабъ-офицера, которому «отъ войска въ томъ выборѣ и чинить безпрепятственное послушаніе». Баннеръ командировалъ отъ себя квартирмейстера Глѣбова, который, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ исполнить даннаго ему порученія.

---

[1]) При этомъ штатный составъ легіона былъ нѣсколько измѣненъ: въ каждомъ изъ четырехъ баталіоновъ полагалось не 980, а 1,019 человѣкъ; въ четырехъ эскадронахъ карабинеръ 745 коней; въ двухъ гусарскихъ эскадронахъ 349 коней, казаковъ 335 (съ секундъ-маіоромъ), а всего, считая и нестроевыхъ, 5,775 человѣкъ.

[2]) Всеподдан. докладъ военной коллегіи отъ 19 сентября 1769 г. Арх. канц. воен. министр., кн. 60.

[3]) Высочайшій указъ, данный военной коллегіи 7 октября 1769 г. Тамъ же.

[4]) У г. Витевскаго показаны не тѣ числа, но это вѣроятно опечатка.

Распоряженіе о назначеніи легіонной команды подняло все яицкое войско и произвело весьма сильное впечатлѣніе на казаковъ. По указу требовалось въ составъ команды 334 человѣка: цифра совпадающая съ тѣмъ числомъ солдатъ, какое было показано замерзшими и умершими при посылкѣ войскъ изъ Оренбурга, по требованію генералъ-маіора Черепова [1]). Припоминая слова оренбургскаго губернатора, который въ ордерѣ писалъ тогда, что «съ виновныхъ взыщется толикое же число людей», казаки рѣшили, что назначеніе въ легіонную команду сдѣлано имъ въ наказаніе и что правительство намѣрено обратить ихъ въ солдатъ и завести «регулярство».

Послѣднее должно было затронуть коренные обычаи казаковъ. Солдаты должны были брить бороды, а казаки, какъ раскольники, не могли на это согласиться и считали атамана и всю старшинскую партію предателями. Въ числѣ первыхъ предателей они называли бывшаго атамана Андрея Бородина: онъ былъ произведенъ въ чинъ армейскаго подполковника и получилъ два большія полковыя знамя, которыя онъ передалъ потомъ Тамбовцеву. Продолжая далѣе обсуждать свое положеніе и считая виновными въ гибели 334 человѣкъ солдатъ только однихъ старшинъ, для защиты которыхъ они посылались, казаки признали справедливымъ, чтобы команда была назначена только изъ старшинской или согласной партіи, а сами отказались отъ легіонной службы. Атаманъ Тамбовцевъ не рѣшился настаивать на исполненіи указа отчасти и потому, что онъ касался самыхъ дорогихъ обычаевъ казаковъ и ихъ религіозныхъ вѣрованій. Онъ отправилъ отъ имени войска прошеніе на имя императрицы, въ которомъ просилъ уволить казаковъ отъ легіонной службы.

«Войско яицкое, писалъ онъ [2]), въ службахъ вашего императорскаго величества безпрестанно упражняется и напередъ сего бывали по нѣскольку человѣкъ въ Польшѣ, подъ Ригой, въ чигиринскихъ, крымскихъ, кубанскихъ, азовскихъ и свейскихъ (шведскихъ) походахъ, въ низовскомъ корпусѣ, въ Сибири, подъ баш-

[1]) См. стр. 20.

[2]) Во всеподдан. прошеніи отъ 22 февраля 1770 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 31, св. 61.

кирцами и въ прочихъ многихъ партіяхъ и командированіяхъ. Нигдѣ отъ войска яицкаго никакихъ прослугъ не бывало, кромѣ того, что за ревностные свои поступки получали вашего императорскаго величества грамоты съ похвалой; да и нынѣ куда бы только ни востребовалось, служить готовы человѣкъ по тысячѣ, по двѣ и болѣе вѣрно жь и безпорочно, со всякимъ усердіемъ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови. Сверхъ того (войско) содержитъ ежегодно ординарную службу по 1,060 человѣкъ внизъ по Яику рѣкѣ, на учрежденныхъ крѣпостяхъ, форпостахъ, въ Гурьевѣ-городкѣ и въ резервной командѣ по 500 человѣкъ своимъ коштомъ; да и въ прочія службы командируемыя команды всѣ своимъ же коштомъ исправляетъ и снабдѣваетъ. А жалованье на войско Яицкое отпускается самое малое, а именно копѣекъ по 60 и по 80 въ годъ, а хлѣба здѣсь не сѣютъ, да по здѣшнему климату и не родится, а всю свою воинскую справу, хлѣбъ и одежду получаютъ за уловленную рыбу въ Яикѣ рѣкѣ, и на томъ весь корпусъ содержится.

«Но токмо и оная рыбная ловля время отъ времени умаляется и въ уловѣ мало бываетъ, въ чемъ войско Яицкое, хотя великое претерпѣваетъ отягощеніе, однако въ службахъ вашего императорскаго величества никакой остановки не бываетъ и, какъ выше означено, куда бы сколько ни востребовалось, всегда съ желаемымъ успѣхомъ отправляетъ, а въ другія незаобыкновенныя команды никакія не браны, а во всемъ даже и донынѣ состояли невредимо на прежнемъ основаніи.

«Да и по состоявшемуся въ прошломъ 1763 г. вашего императорскаго величества высочайшему указу велѣно быть на прежнемъ же основаніи, то дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было войско Яицкое отъ оной *легіонной казацкой команды избавить* и освободить, и оставить на прежнемъ основаніи, такъ какъ мы нижайшіе и отъ предковъ вашего императорскаго величества невредимо состояли... Да къ тому жь ежели оная легіонная команда отсель возьмется и здѣшніе азіятскіе народы о томъ свѣдаютъ, тогда не безъ сумнѣнія останутся, что и въ другое мѣсто отсель выводиться будутъ, тогда-де корпусъ войска Яицкаго можетъ умалиться, и они изъ-за того могутъ всегда во

всѣхъ мѣстахъ чинить нападеніе и приключать людямъ разореніе, а вашего императорскаго величества высокому интересу ущербъ. Что же касается до нашей службы, то ежели куда повелѣно будетъ не токмо триста, но хотя бы по 500 человѣкъ или болѣе, погодно съ перемѣной, мы всеподданнѣйшіе рабы, по прежнему своему обыкновенію, со всеусерднѣйшею ревностью служить должны, къ чему мы уже пріобыкли, *а вышеписанная казацкая легіонная команда намъ незнакомая* и о семъ нашемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе» [1]).

Получивъ это прошеніе 20 марта 1770 г., военная коллегія не признала возможнымъ отмѣнить командированіе казаковъ въ Московскій легіонъ, такъ какъ объ этомъ состоялось уже высочайшее повелѣніе, но въ засѣданіи своемъ 24 марта постановила не принуждать казаковъ брить бороду. Въ грамотѣ, написанной по этому поводу войску [2]) и переданной старшинѣ и станичному атаману Мартемьяну Бородину, было, между прочимъ, написано: «А какъ въ войскѣ Яицкомъ казаки, по ихъ обыкновенію, многіе бороды не брѣютъ, то и оную казацкую команду въ томъ не принуждать, а оставить на ихъ волю».

Это послѣднее распоряженіе военной коллегіи было получено на Яикѣ въ то время, когда войско находилось на плавнѣ, и потому войсковая канцелярія поручила дьяку Матвѣю Суетину распорядиться какъ объ объявленіи вновь полученной грамоты, такъ и командированіи казаковъ въ легіонную команду. 8 мая Суетинъ прибылъ на плавню къ урочищу Красный-Яръ и вручилъ походному атаману Мусатову сначала ордеръ «о бытіи всѣмъ въ послушаніи», а потомъ приказалъ собрать казачій кругъ, въ которомъ объявилъ полученную грамоту и требовалъ выбора казаковъ въ составъ легіонной команды. Сотники Гороховъ, Сѣтчиковъ и Портняшкинъ, которымъ было поручено произвести наборъ, просили, чтобъ для лучшаго толкованія войску были имъ выданы копіи съ указа и грамоты.

— Вы можете получить подлинные указы и грамоты, отвѣ-

---

[1]) Прошеніе это подписали: атаманъ Петръ Тамбовцевъ, войсковой старшина и дьякъ Матвѣй Суетинъ.

[2]) Въ грамотѣ отъ 26 марта 1770 г., № 4,346.

чалъ Суетинъ, но при этомъ заявилъ, что кругъ долженъ тотчасъ же приступить къ формированію команды.

— Мы почитаемъ высочайшую волю дѣломъ святымъ, отвѣчали казаки,—но на кого гласитъ грамота, тотъ и отправляй.

Этими словами казаки хотѣли показать, что, по ихъ мнѣнію, командированіе должно быть сдѣлано только съ одной старшинской стороны. Суетинъ отрицалъ такое толкованіе грамоты и говорилъ, что казаки должны снарядить легіонный отрядъ безъ замедленія и упорства. Тогда изъ толпы выдѣлилось восемь человѣкъ, которые заявили, что они готовы исполнить указы, но все изложенное въ нихъ касается не до нихъ, казаковъ, а до старшинъ, старшинскихъ дѣтей и тѣхъ сотниковъ, которые по конфирмаціи лишены чиновъ. При этомъ Чумаковъ высказалъ желаніе войска просить императрицу объ отмѣнѣ легіонной службы.

— Съ самаго начала бытія нашего, говорилъ онъ, — такихъ порядковъ, какіе нынѣ чинятся, не бывало.

— Прежде нужно исполнить волю государыни, замѣтилъ на это Суетинъ, — а потомъ можно подать и прошеніе.

Казаки обѣщали дать положительный отвѣтъ не прежде вечера. Суетинъ согласился и оставилъ казакамъ подлинные грамоты и указы «для понятія всему войску». Вечеромъ казаки снова собрались въ кругъ и заявили, что всѣ поголовно пойдутъ къ императрицѣ, а казакъ Емельянъ Чижевъ требовалъ, чтобы войско было допущено до плавни.

— Подпишите общій приговоръ, говорилъ Суетинъ, — что вы назначите въ легіонную службу потребное число казаковъ и отправите ихъ тотчасъ по возвращеніи въ городокъ, и тогда будете допущены до плавни.

— Намъ подписываться не для чего, отвѣчали казаки, — ибо какъ прежде сего наши прадѣды, дѣды и отцы служили, такъ и мы нынѣ и впредь—текущія лѣта служить на прежнихъ поведеніяхъ и отеческихъ порядкахъ безо всякаго отрицанія должны, а штата мы не просили и имѣть его не желаемъ.

Получивъ такой отвѣтъ, Суетинъ не допустилъ войско до рыбной ловли и, лишивъ такимъ образомъ казаковъ одного изъ

главныхъ источниковъ дохода, приказалъ имъ ѣхать обратно въ Яицкій-городокъ. Казаки исполнили приказаніе, и 21 мая атаманъ Тамбовцевъ собралъ кругъ, въ которомъ прочелъ грамоту и приказалъ есаулу Филиппу Мусатову объявить всему войску, чтобы съ каждаго десятка было назначено въ Московскій легіонъ по одному человѣку, что̀ и составляло требуемое число рядовыхъ, 334 человѣка. Видя, что атаманъ намѣренъ сдѣлать нарядъ только изъ рядовыхъ казаковъ и исключаетъ старшинъ, старшинскихъ дѣтей и сотниковъ, войско отказалось исполнить требованіе.

— Мы штату не просили, слышались голоса,—и его не желаемъ, а желаемъ остаться на прежнихъ высочайше дарованныхъ правахъ.

Тогда старшинская или согласная партія предоставила отъ себя въ нарядъ 48 человѣкъ и снабдила ихъ всѣмъ необходимымъ. Примѣръ этотъ не подѣйствовалъ на войсковую сторону, и она попрежнему настаивала, чтобы войску дозволено было отправить въ С.-Петербургъ депутацію съ просьбой о сохраненіи прежнихъ ихъ казачьихъ привилегій, и въ крайнемъ случаѣ, если не послѣдуетъ на то согласія императрицы, то хотя бы о дозволеніи выбрать въ ту команду своего походнаго атамана и старшинъ. Послѣднее требованіе казаки считали весьма важнымъ, такъ какъ Тамбовцевъ назначилъ своихъ сторонниковъ и такихъ лицъ, которыя, по указамъ военной коллегіи, были лишены старшинскаго званія. Желая отклонить отправленіе депутаціи въ Петербургъ, Тамбовцевъ согласился на послѣднее желаніе казаковъ, и войсковая партія выбрала старшину Колпакова, который, войдя въ кругъ, заявилъ, что онъ долженъ служить согласно волѣ императрицы.

— Когда онъ по штату служить хочетъ, сказалъ сотникъ Сѣтчиковъ, указывая на Колпакова,—такъ видно старшины сами о томъ просили; только мы служить желаемъ по прежнему казацкому обыкновенію, а не по штату.

Слова эти подхватили многіе казаки, и въ войсковомъ кругу поднялся крикъ и шумъ, дошедшіе до драки. Поводъ къ тому подалъ дьякъ Суетинъ, который «азартно» сошелъ съ рундука, схватилъ сотника Сѣтчикова за бороду и за волосы и, таская по землѣ,

«смертельно» его билъ [1]). Суетину помогали въ этомъ атаманскій сынъ Алексѣй Тамбовцевъ, старшины Ѳедоръ Митрясовъ и Мартемьянъ Бородинъ, сотникъ Андрей Канневъ и Петръ Чертороговъ. За Сѣтчикова вступились Кирпичниковъ, Гороховъ, Севрюгинъ, Краденовъ и еще 14 человѣкъ казаковъ, которые были тотчасъ же арестованы и въ примѣръ другимъ биты плетьми. Не ограничиваясь этимъ числомъ арестованныхъ, Тамбовцевъ приказалъ арестовать всѣхъ, кого считалъ явными противниками своихъ распоряженій. По приказанію атамана, казаковъ ловили, сѣкли безъ пощады и разсаживали по разнымъ амбарамъ, но всѣ эти мѣры на столько раздражили населеніе, что оно отказывалось исполнить какое бы то ни было требованіе. Войсковая канцелярія собрала кругъ съ намѣреніемъ сдѣлать всѣмъ десятникамъ и казакамъ перекличку по списку и назначить въ легіонную команду по своему выбору. Но какъ десятники въ кругъ не явились, то атаманъ, для сформированія легіонной команды, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ приказалъ хватать кого попало, «сколько бы съ которой сотни и десятка ни прилучилось» [2]). Всѣхъ схваченныхъ велѣно было содержать подъ арестомъ, имъ составлены были списки, которые и вручены старшинѣ Якову Колпакову.

Поступивъ такъ, войсковая канцелярія считала дѣло, по назначенію казаковъ въ составъ легіона, рѣшеннымъ и донесла военной коллегіи, что команда будетъ отправлена въ Симбирскъ, и что для препровожденія ея будетъ назначенъ особый конвой. Въ дѣйствительности дѣло это далеко еще не было окончено. Казаки волновались, и неудовольствіе ихъ на атамана принимало острый характеръ. Они потребовали разрѣшенія отправить нѣсколькихъ человѣкъ въ Оренбургъ къ губернатору съ жалобой на причиненныя имъ обиды и оскорбленія. Тамбовцевъ отказалъ. Войско собралось въ кругъ, вызвало атамана и вновь потребовало, чтобы было разрѣшено отправить въ Оренбургъ казаковъ Ивана Шешу-

---

[1]) Всеподданнѣйшее прошеніе яицкихъ казаковъ, поданное императрицѣ въ іюлѣ 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 49.

[2]) Выписка изъ экстракта военной коллегіи отъ 22 іюля 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, д. № 49.

кова и Григорія Головапова съ прошеніемъ. Тамбовцевъ арестовалъ ихъ, высѣкъ плетьми и посадилъ подъ караулъ. Вслѣдъ затѣмъ сотникъ Егоръ Вавилинъ просилъ атамана дозволить ему ѣхать въ Оренбургъ, но и онъ былъ высѣченъ плетьми. Казаки отказались тогда идти на севрюжье рыболовство и, опасаясь преслѣдованій, разсыпались по степи, «спасая животъ свой» [1]).

Отказъ идти на рыбную ловлю могъ вредно отозваться на экономическомъ благосостояніи населенія и вызвать новые безпорядки, а потому атаманъ принужденъ былъ освободить большинство арестованныхъ. Оставшіеся подъ карауломъ сотники: Кирпичниковъ, Сѣтчиковъ, Гороховъ, Краденовъ, Герасимовъ и другіе подговорили сотника Логина Шапошникова и казака Ивана Ерофеева, чтобъ они, не спрашивая позволенія атамана, съѣздили въ Оренбургъ и, доложивъ губернатору о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя испытываютъ казаки отъ старшинъ, просили его выдать имъ паспортъ на свободный проѣздъ въ Петербургъ. Оренбургскій губернаторъ генералъ Рейнсдорпъ задержалъ посланныхъ, донесъ военной коллегіи, что яицкіе казаки бунтуютъ и поручилъ командовавшему въ Оренбургѣ войсками генералъ-маіору Давыдову принять мѣры къ скорѣйшему командированію легіонной команды и 68 человѣкъ въ Кизляръ [2]). На требованіе Давыдова войсковая канцелярія отвѣчала, что хотя команды и набраны и для препровожденія ихъ былъ назначенъ особый конвой, «но токмо противной стороны бо́льшая часть казаковъ въ томъ препровожденіи ослушными явились. Того ради войсковая канцелярія покорнѣйше проситъ, дабы повелѣно было для того отправленія и препровожденія прислать въ войско Яицкое особливаго офицера съ надлежащею регулярною командой» [3]). Не имѣя права вмѣшиваться во внутреннія дѣла войска, генералъ-маіоръ Давыдовъ не рѣшился отправить регулярную команду, а командировалъ въ Яицкій-городокъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее прошеніе яицкихъ казаковъ, поданное въ іюлѣ 1770 года.

[2]) Ордеръ Яицкому войску генералъ-маіора Давыдова, 28 мая 1770 года, № 1016.

[3]) Рапортъ войсковой канцеляріи генералъ-маіору Ивану Кирилловичу Давыдову 1 іюня 1770 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 49.

поручика князя Уракова. Но и эта мѣра не привела ни къ какому результату [1]).

Отказавшись отправить легіонную команду, несогласная партія успѣла отправить въ Петербургъ, подъ предводительствомъ сотника Ивана Портнова, депутацію изъ 22 человѣкъ [2]), уполномочивъ посланныхъ заявить о войсковыхъ нуждахъ, ходатайствовать объ уничтоженіи легіонной команды и о сохраненіи прежнихъ ихъ привилегій и правъ.

Узнавъ объ этомъ и желая лишить партію главныхъ ея дѣятелей, Тамбовцевъ рѣшился отправить въ Оренбургъ арестованныхъ сотника Кирпичникова и его товарищей. Подъ присмотромъ старшины Ѳедора Митрясова и одного унтеръ-офицера, съ конвоемъ изъ форпостныхъ казаковъ, они были 30 іюля высланы изъ Яицкаго-городка, но на дорогѣ, въ Генварцевскомъ форпостѣ, были отбиты казаками, и, ускакавъ въ степь, пробрались потомъ въ Петербургъ [3]), гдѣ и присоединились къ бывшимъ тамъ депутатамъ.

Между тѣмъ, сотникъ Иванъ Портновъ и его товарищи, по прибытіи въ столицу, подали самой императрицѣ челобитную, въ которой просили возстановить войско на прежнихъ основаніяхъ, «а не опредѣлять насъ въ легіонные полки по учиненному новому штату» [4]). Депутаты просили возвратить изъ ссылки старшину Ивана Логинова; приказать удовольствовать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, котораго казаки не получали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «А объ истресеніи денежной войсковой суммы, о счетѣ канцеляріи и о всѣхъ обидахъ и разореніяхъ изъ высокомонаршей матерней милости просимъ послать вѣрнаго вашего императорскаго

---

[1]) Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 119, св. 4, дѣло № 49.

[2]) Въ составъ депутаціи были избраны сотники: Иванъ Портновъ и Семенъ Подкаряшниковъ; рядовые: Ѳедоръ Найденовъ, Никита Каргинъ, Андрей Портновъ, Петръ Сергѣевъ, Максимъ Кабаевъ, Иванъ Горячкинъ, Терентій Сенгилевцовъ, Иванъ Чалусовъ, Андрей Легошинъ, Дмитрій Сергѣевъ, Ѳедоръ Жирикинъ, Иванъ Будигинъ, Михайло Погадаевъ, Якимъ Лепехинъ, Алексѣй Ларшинъ, Ѳедоръ Свіягинъ, Степанъ Толкачевъ, Емельянъ Чемевъ, Петръ Герасимовъ, Петръ Заколишинъ.

[3]) «Яицкое войско» и пр., г. Витевскаго (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. III, 389). *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 290.

[4]) Въ прошеніи, поданномъ въ іюлѣ 1770 года.

величества раба, кому препоручить благоволите и отъ нашихъ старшинъ противъ беззаконныхъ ихъ поступковъ и паглаго разорительства высочайшею десницей защитить и оборонить».

Получивъ это прошеніе, императрица 2 сентября повелѣла военной коллегіи [1]): 1) «Нынѣшнихъ присутствующихъ въ войсковой Яицкой канцеляріи, ежели они положеннаго на нихъ по коммиссіи нашей л.-гв. капитана Чебышева денежнаго штрафа попынѣ не заплатили, приказать отъ присутствія отрѣшить, а на ихъ мѣста выбрать войску другихъ по ихъ обрядамъ, дабы тѣмъ скорѣе оный штрафъ съ нихъ взысканъ и въ войско возвращенъ былъ; 2) ежели яицкіе казаки подлинно какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго жалованія пятый годъ не получаютъ, то приказать ихъ немедленно въ томъ удовлетворить, а съ тѣми, кто въ удержаніи онаго виновными явится, поступить военной коллегіи по силѣ законовъ; 3) нынѣ содержащихся казаковъ, по причинѣ командированія въ легіонъ подъ карауломъ освободить, а сотнику Ивану Портнову съ товарищи, которые намъ самимъ мимо своей команды и собравшись множественнымъ числомъ прошеніе подавали, объявить, что мы изъ единаго нашего милосердія нынѣ въ томъ ихъ всемилостивѣйше прощаемъ [2]), а впредь за таковой поступокъ учинено съ ними будетъ по законамъ; 4) подлинно-ли яицкіе казаки нынѣшняго лѣта до рыбной ловли не допущены и чрезъ то приведены въ несостояніе къ платежу соляныхъ денегъ и кто тому виной, военной коллегіи приказать изслѣдовать и намъ представить; 5) войсковую канцелярію приказать въ воинской суммѣ счесть и впредь ежегодно считать, и 6) бывшаго старшину Ивана Логинова изъ ссылки возвратить».

Депутаты Яицкаго войска остались недовольны такимъ рѣшеніемъ. Призванные въ военную коллегію въ числѣ 26 человѣкъ они выслушали высочайшій указъ и на предложеніе ѣхать обратно не только не согласились, но и данную имъ на имя войска грамоту оставили въ залѣ коллегіи. Тогда графъ Захаръ Чернышевъ

---

[1]) Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, книга Высочайшихъ повелѣній за № 63.

[2]) У г. Витевскаго (*Русскій Архивъ* 1869 года, книга III, 390) указъ этотъ приведенъ въ измѣненномъ видѣ и цитаты невѣрны.

приказалъ арестовать всѣхъ находившихся въ Петербургѣ яицкихъ казаковъ, число которыхъ доходило до 80 человѣкъ, и отправить ихъ подъ присмотромъ на Яикъ. Скрываясь въ разныхъ частяхъ города, многіе казаки избѣжали ареста, «а другіе и именно: сотникъ Кирпичниковъ съ пятнадцатью человѣками казаковъ, не доѣзжая до Ямской слободы, помощію новой ѣдущей сюда партіи отбились, такъ что отправлено уже только шесть человѣкъ» [1]).

Хотя, по распоряженію графа Чернышева, изъ числа возвратившихся въ С.-Петербургъ казаковъ и было вновь арестовано человѣкъ 30, которые и отосланы въ Казань для содержанія подъ карауломъ, тѣмъ не менѣе казаки не унимались. Успѣвшіе избѣжать ареста, собравшись вмѣстѣ и имѣя во главѣ сотника Кирпичникова, нашли удобный случай вторично просить императрицу объ освобожденіи ихъ отъ легіонной и очередной службы и объ отправленіи на Яикъ довѣреннаго лица, которое могло бы прекратить безчинство старшинъ и вражду двухъ партій.

Упорство депутатовъ и ихъ настойчивость обратили на себя серьезное вниманіе императрицы, тѣмъ болѣе, что донесенія, полученныя отъ оренбургскаго губернатора, свидѣтельствовали о постепенномъ возростаніи безпорядковъ и о всеобщемъ народномъ неудовольствіи. Изъ этихъ донесеній императрица видѣла, что казаки наотрѣзъ отказались идти въ легіонную службу и послать смѣну находившимся въ Кизлярѣ; что ихъ ловили, заковывали въ кандалы и отправляли по назначенію, но товарищи отбивали ихъ и вмѣстѣ съ ними уходили въ степь. Населеніе было на столько возбуждено, что отказывалось отъ всякихъ работъ и не заботилось о собственномъ благосостояніи. Наступила пора сѣнокоса, казаки не думали о сѣнокошеніи; ихъ принуждали, они не слушали. Такое напряженное состояніе, грозившее серьезными послѣдствіями въ будущемъ, побудило императрицу еще разъ испробовать мѣры снисхожденія и удовлетворить главнѣйшимъ просьбамъ казаковъ.

«Войска Яицкаго сотники и казаки, писала императрица [2]), собравшись множественнымъ числомъ, неоднократно просьбами свои-

---

[1]) Памятники новой русской исторіи, часть II, 291.

[2]) Въ указѣ, данномъ военной коллегіи 7 декабря 1770 г. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, книга № 63.

ми насъ утруждали. За таковое ихъ дерзновеніе хотя они и заслуживаютъ неупустительное по законамъ наказаніе; но, изъ единаго нашего монаршаго милосердія, въ такомъ ихъ проступкѣ всемилостивѣйше прощаемъ и снисходя на ихъ просьбу *увольняемъ ихъ вовсе отъ легіонной команды, куда ихъ и впредь не наряжать.* А притомъ повелѣваемъ нашему вѣрноподданному войску Яицкому по всѣмъ посылаемымъ въ войско изъ нашей военной коллегіи, какъ изъ главнаго правительства, грамотамъ и указамъ чинить непремѣнное исполненіе, и службу свою отправлять по ихъ прежнимъ обыкновеніямъ. Нашей же военной коллегіи повелѣваемъ представить намъ для опредѣленія въ легіонную команду вмѣсто яицкихъ казаковъ другихъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для прекращенія вражды двухъ партій, повѣрки дѣйствій атамана и учета войсковой канцеляріи, императрица приказала отправить на Яикъ новую слѣдственную коммиссію, въ составъ которой были назначены л.-гв. Семеновскаго полка капитанъ Дурново и командовавшій войскомъ въ Оренбургѣ генералъ-маіоръ Давыдовъ. Прибывъ на мѣсто, лица эти должны были разобрать пререканія казаковъ, на основаніи указа, даннаго военной коллегіи отъ 2 сентября, и если присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины положеннаго на нихъ денежнаго штрафа не заплатили, то, писала императрица капитану Дурново [1]), приказать смѣнить по усмотрѣнію вашему и на ихъ мѣста выбрать войску другихъ по ихъ обрядамъ, дабы тѣмъ скорѣе оный штрафъ съ нихъ взысканъ и въ войско возвращенъ былъ.

«Также, когда войсковую канцелярію въ войсковой суммѣ считать будутъ, велѣть опредѣлить къ тѣмъ счетамъ потребное число казаковъ заслуженныхъ и поведенія добраго, по выбору всего войска, со смѣной по прошествіи года. Командированной въ Кизляръ яицкихъ казаковъ пятисотной командѣ, когда двухлѣтній срокъ уже вышелъ, велѣть толикое же число нарядить изъ войска и отправить къ генералъ-маіору де-Медему».

---

[1]) Въ указѣ, отъ 31 декабря 1770 года. Государств. Арх., VI, д. № 505. Разсказъ объ яицкихъ казакахъ, изложенный въ запискѣ полковника Пекарскаго (*Москвитянинъ* 1841 года, часть III, 438), на столько невѣренъ, что не можетъ служить источникомъ для изслѣдователя.

Удовлетворенные въ своихъ просьбахъ, депутаты Яицкаго войска отправились домой, причемъ казаки Севрюгинъ и Герасимовъ успѣли получить копію съ указа 7 декабря, которая, какъ увидимъ ниже, будучи невѣрна, послужила поводомъ къ новымъ и весьма серьезнымъ волненіямъ казаковъ.

II.

Прибытіе Дурново въ Яицкій-городокъ.—Дѣятельность слѣдственной коммиссіи.—Неудовольствіе казаковъ.—Отправленіе сотника Кирпичникова депутатомъ въ Петербургъ. — Прошеніе казаковъ, поданное императрицѣ. — Перемѣна въ составѣ слѣдственной коммиссіи. — Генералъ Траубенбергъ. — Возвращеніе Кирпичникова въ Яицкій-городокъ. — Междоусобіе, среди котораго убиты Траубенбергъ и Тамбовцевъ, а Дурново раненъ. — Избраніе новыхъ правителей и просьба казаковъ о прощеніи.

2 февраля 1771 года капитанъ Дурново прибылъ въ Яицкій-городокъ, но не нашелъ тамъ генералъ-маіора Давыдова, занятаго въ Оренбургѣ отправленіемъ отрядовъ въ погоню за калмыками, откочевавшими изъ нашихъ предѣловъ съ цѣлью перейти во власть Китая.

Не желая однакоже оставаться въ бездѣйствіи, Дурново запретилъ старшинамъ производить дѣла по разбору жалобъ и обязалъ ихъ подпиской, что они будутъ заниматься только обыкновенными канцелярскими дѣлами [1]).

Мѣра эта, лишавшая старшинъ возможности притѣснять челобитчиковъ и отнимавшая у нихъ всякую власть, понравилась казакамъ и они просили Дурново о скорѣйшемъ исполненіи даннаго ему указа, но онъ отвѣчалъ, что одинъ сдѣлать этого не можетъ, а долженъ дождаться прибытія генералъ-маіора Давыдова, вмѣстѣ съ которымъ ему велѣно произвести слѣдствіе [2]). Только изъ этого заявленія войско узнало о Давыдовѣ, и, не вѣдая по чьему распоряженію онъ назначенъ, такъ какъ указъ императрицы былъ

---

[1]) Краткое извлеченіе изъ произведеннаго слѣдствія, приложенное ко всеподданнѣйшему рапорту капитана Дурново, отъ августа 1772 года. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104, листъ 21.

[2]) Записка капитана Маврина: *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 271.

написанъ на имя одного Дурново, рѣшило, что Давыдовъ командированъ по просьбѣ старшинъ и, конечно, будетъ держать ихъ сторону.

Съ неудовольствіемъ узнали казаки о пріѣздѣ Давыдова въ Яицкій-городокъ и съ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣ его дѣйствія. Неохотно шли они въ кругъ слушать присланный Давыдову указъ военной коллегіи, но когда, выслушавъ его, узнали, что велѣно отрѣшить отъ присутствія старшинъ, взыскать съ нихъ положенный штрафъ и удержанное ими у казаковъ жалованье, то временно успокоились, хоть и не надолго, потому что коммиссія, по ихъ мнѣнію, повела дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало и не согласно съ данными указами. Члены коммиссіи начали съ того, что предложили присутствующимъ въ войсковой канцеляріи вопросные пункты, по которымъ оказалось, что положенный отъ военной коллегіи штрафъ старшины Суетинъ и Митрясовъ заплатили, а остальные еще не заплатили, потому что по резолюціи коллегіи велѣно было «взыскать штрафъ съ такою предосторожностью, чтобъ отъ единовременнаго взысканія въ бѣдность и неимущество придти не могли и расположить то взысканіе, смотря каждаго имущество, по срокамъ». Слѣдуемое войску жалованье и деньги за провіантъ за первыя пять лѣтъ, по показанію старшинъ, «были зачтены въ откупы, а за два года изъ наличныхъ больше половины въ жалованье роздано, а остальное казаки по упрямству не берутъ». Рыбу ловить и сѣно косить никогда запрещаемо не было. Въ заключеніе старшины въ приходѣ и расходѣ денежной суммы представили шнуровыя книги, начиная съ 1766 года.

Заявленіе старшинъ не могло быть ни опровергнуто, ни утверждено безъ показаній челобитчиковъ, не могло быть также, безъ показаній самихъ казаковъ, опредѣлено и то обстоятельство, въ состояніи-ли незаплатившіе еще штрафа старшины внести его, и въ какое время. Поэтому Давыдовъ и Дурново, согласно высочайшему повелѣнію, потребовали отъ войска довѣренныхъ для провѣрки какъ книгъ, такъ и показаній старшинъ. Видя въ этомъ требованіи уничтоженіе результатовъ слѣдствія, произведеннаго Потаповымъ, войско отказалось произвести выборъ, и послѣ долгихъ на-

стояній и собранныхъ нѣсколько разъ круговъ согласилось наконецъ на требованіе, но съ тѣмъ, чтобы старшины Митрясовъ, Сустинъ и Пономаревъ, какъ отвѣтчики, были отрѣшены отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи, а на мѣсто ихъ были бы выбраны войскомъ другія лица. «А какъ по справкѣ оказалося, доносилъ Дурново [1]), что присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины положенный на нихъ штрафъ заплатили и въ приходъ оный въ 1766 и 1767 годахъ въ книгахъ дѣйствительно записанъ», то коммиссія, безъ точнаго изслѣдованія, не признала возможнымъ отрѣшить старшинъ совсѣмъ отъ присутствованія въ войсковой канцеляріи и выбрать вмѣсто нихъ другихъ. Со своей стороны казаки просили со слезами Давыдова и Дурново, чтобы поступили по указу. Но «они [2]), не внемля просьбѣ, показывали казаки, старались больше за старшинъ, обходясь съ ними пріятельски». Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ произошло весьма крупное разногласіе: слѣдователи не смѣняли старшинъ, а казаки отказались выбрать уполномоченныхъ. Вслѣдъ затѣмъ въ войсковомъ кругу, 9 марта, было прочитано высочайшее повелѣніе о командированіи въ Кизляръ 500 человѣкъ казаковъ на смѣну той команды, которая тамъ находилась уже болѣе двухъ лѣтъ, и указъ военной коллегіи о командированіи всего Яицкаго войска въ погоню за бѣжавшими калмыками. Объявленіе это было принято войскомъ съ большимъ неудовольствіемъ, и собиравшіеся 9, 10, 11 и 12 марта круги отличались особымъ шумомъ. Сотники и казаки непослушной стороны кричали, чтобъ имъ было разрѣшено выбрать въ походные атаманы простого казака Максима Выровщикова, а атаманъ и старшины на то не соглашались.

— Максимъ Выровщиковъ, говорилъ атаманъ, — былъ въ ссылкѣ, а по грамотѣ военной коллегіи 1765 года велѣно, при нарядѣ въ службу, посылать старшинъ по очереди, а буде важная надобность востребуетъ куда отмѣннаго достоинства и исправности, то, не взирая на очередь, командировать старшину по усмо-

[1]) Военно-ученый архивъ, д. № 104, листъ 21.
[2]) Записка Маврина: *Памятники и проч.*, ч. II, 271.

трѣпію войскового атамана, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали слабыхъ и попустительныхъ, которые дѣлали единственно то, что казакамъ было угодно.

Пользуясь своимъ правомъ, атаманъ Петръ Тамбовцевъ назначилъ для преслѣдованія калмыковъ старшину Витошнова; полковниками: старшинъ Кадарова, Митрясова и Филимонова, а ссауловъ, сотниковъ и хорунжихъ предоставилъ выбрать самому войску [1]). Послушные казаки командировали отъ себя 221 человѣка, а непослушные объявили наотрѣзъ, что они не пойдутъ ни къ старшинамъ въ команду, ни въ погоню за калмыками на томъ основаніи, что будто бы казаковъ не велѣно наряжать на службу. Послѣднее заявленіе они основывали на копіи съ именного указа, даннаго военной коллегіи отъ 7 декабря 1770 года [2]), копіи, представленной атаману сотникомъ Тимоѳѣемъ Севрюгинымъ въ войсковомъ кругу 11 марта. Въ копіи этой вмѣсто словъ «куда ихъ (т.-е. въ легіонную команду) и впредь не наряжать», было написано: «никуда ихъ впредь не наряжать». Чтеніе этой копіи окончательно отклонило казаковъ отъ наряда въ командировку. Отказавшись, по наущенію сотника Ивана Кирпичникова, послать на смѣну команду въ Кизляръ, они требовали удаленія старшинъ, взысканія съ нихъ штрафа и выдачи казакамъ жалованья за пять лѣтъ.

Видя всю невозможность исполненія даннаго порученія, генералъ-маіоръ Давыдовъ и капитанъ Дурново донесли о томъ военной коллегіи, а казаки непослушной стороны отправили въ Петербургъ сотника Кирпичникова съ 23 человѣками [3]) въ качествѣ депутатовъ для испрошенія отъ имени всего Яицкаго войска о подтвержденіи капитану Дурново скорѣйшаго исполненія именного указа со всѣми его послѣдствіями [4]).

Передъ отъѣздомъ депутаты просили выдать имъ паспорты, но какъ ни войсковая канцелярія, ни Дурново выдать ихъ не

---

[1]) Военно-ученый архивъ, д. № 104, листъ 22.

[2]) Приведенъ нами выше.

[3]) Въ числѣ свиты Кирпичникова были казаки: Иванъ Портновъ, Петръ Краденовъ, Иванъ Герасимовъ, Иванъ Овчинниковъ и другіе.

[4]) Чтенія въ *Обществѣ исторіи и древностей*, 1860 г., кн. II, 36.

соглашались, то казаки заручились вѣрющимъ письмомъ отъ 2,700 человѣкъ сотниковъ и казаковъ [1]). Получивъ отъ 20 до 30 рублей на человѣка мірскихъ денегъ, депутаты отправились въ путь.

Выѣхавъ изъ Яицкаго-городка весной 1771 года послѣ Пасхи, депутаты въ іюнѣ прибыли въ Петербургъ, гдѣ Кирпичниковъ явился къ графу Захару Григорьевичу Чернышеву съ намѣреніемъ подать челобитную на имя императрицы. Чернышевъ не принялъ прошенія и толкнулъ ногою Кирпичникова такъ, что тотъ упалъ.

— Придите ко мнѣ всѣ сколько васъ здѣсь есть, сказалъ грубо графъ Чернышевъ, — тогда я прошеніе приму и васъ отправлю.

Опасаясь быть захваченными, казаки ходили въ военную коллегію по 3 и по 5 человѣкъ, и жили въ Петербургѣ на нѣсколькихъ квартирахъ, скрывая ихъ даже другъ отъ друга. Жили они въ Ямской слободѣ и для совѣщаній сходились на рынкѣ.

Отыскавъ удобный случай, казаки подали прошеніе въ руки самой императрицѣ, которая поручила своему секретарю Козьмину [2]) изслѣдовать дѣло яицкихъ казаковъ [3]). Изслѣдованіе это, заключавшееся главнѣйшимъ образомъ въ собираніи справокъ и во взаимной перепискѣ правительственныхъ учрежденій, продолжалось весьма долго, и казаки, не зная ничего о результатахъ своей просьбы, прожили въ Петербургѣ съ 28 іюня по 6 декабря. Въ этотъ день они узнали, что ихъ разыскиваютъ и что военная коллегія «дала чрезъ полицію приказъ по всему Петербургу изыскивать ихъ и на квартирахъ не держать, яко сущихъ злодѣевъ». Казаки сняли съ себя національный костюмъ, и переодѣвшись въ ямское платье, ходили по столицѣ въ ожиданіи резолюціи. Деньги, данныя имъ отъ войска, приходили къ концу, и депутаты стали ощущать недостатокъ въ пропитаніи, а между тѣмъ, шесть человѣкъ изъ нихъ были уже арестованы и биты плетьми

[1]) Показаніе казака Ивана Ерина. Госуд. Арх., VII, № 2331.

[2]) По другимъ показаніямъ—Козицкому.

[3]) Показаніе Кирпичникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, аудиторск. экспедиція, опись 93, св. 492.

Затѣмъ пойманнымъ обрили бороды, остригли волосы и, по приказанію графа Чернышева, отправили на службу въ полки второй арміи. Тогда, видя въ вице-президентѣ военной коллегіи не защитника, а своего преслѣдователя, казаки рѣшились вновь обратиться къ самой императрицѣ, отъ которой они только и ожидали справедливаго и милостиваго рѣшенія дѣла, продолжавшагося уже 11 лѣтъ.

«Богу и тебѣ, всемилостивѣйшая государыня, писали депутаты [1]), всеподданнѣйшіе рабы припадаютъ къ стопамъ вашимъ съ горькими слезами. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, всѣхъ живущихъ на Яикѣ, которые о тебѣ жизнь сообразуютъ и пребываютъ подъ вашимъ императорскимъ покровительствомъ! Сжальтесь, всемилостивѣйшая государыня, о понесенныхъ нами бѣдствіяхъ, которыя вашему высокомонаршему лицу изъ нашихъ горестныхъ прошеній извѣстны, кои содѣлаютъ намъ и нынѣ нападки, въ противность преподанныхъ высокомонаршихъ законовъ... Мы безчасные, всеподданнѣйшіе рабы, не только не имѣемъ удовольствія, но несемъ безчеловѣчное мученіе отъ атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшинъ (штрафованныхъ), копхъ и нынѣ опредѣляетъ государственная военная коллегія, а особливо графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ...

«Всеавгустѣйшая императрица, всемилостивѣйшая государыня! Къ освященнымъ вашимъ стопамъ всеподданнѣйшіе рабы припадаемъ со слезами, избавьте монаршимъ вашимъ милосердіемъ отъ сего несноснаго разоренія; не только пришли въ упадокъ, но въ самую нищету; ей-ей до того доведены, что мы не въ состояніи продолжать вашей императорской службы, за нерѣшеніемъ дѣла одиннадцать лѣтъ и за долговременнымъ здѣсь бытіемъ. По недостатку нашему на пропитаніе и на прочую справу, заниманіемъ въ великихъ долгахъ себя находимъ. Помилуй, всемилостивѣйшая государыня, оборони отъ такого нападенія атамана Тамбовцева и всѣхъ старшинъ и господъ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офице-

[1]) Въ прошеніи, поданномъ 27 декабря 1771 г. Прошеніе это подписали казаки Петръ Андреевъ сынъ Герасимовъ и Иванъ Григорьевъ сынъ Еринъ. Государств. Арх., VII, д. № 2,331.

ровъ; удостой насъ, какъ прежде, при отцѣ отечества государѣ Петрѣ Великомъ находились подъ протекціею г. генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, тако и нынѣ усердно быть желаемъ у его высокографскаго сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было отъ нападенія, каковое высочайшее матернее милосердіе предпочесть должны не иначе, какъ дарованною намъ новою жизнію».

Прошеніе это было написано въ такомъ числѣ экземпляровъ, сколько было казаковъ въ Петербургѣ, «для того, показывалъ казакъ Симеонъ Матросовъ, что условились между собою, что если они (Герасимовъ и Еринъ) не успѣютъ оной (челобитной) подать и попадутъ подъ караулъ, то имъ свою стараться подать и ихъ изъ-подъ караула выручать».

Подавшій прошеніе Иванъ Еринъ былъ задержанъ, а Герасимовъ успѣлъ скрыться. На вопросъ, гдѣ живетъ Герасимовъ, Еринъ отвѣчалъ, что не знаетъ, «но думаетъ, что слоняется около рынка». Тогда, по приказанію императрицы, Еринъ былъ отправленъ къ генералъ-прокурору князю Вяземскому съ тѣмъ, чтобы онъ допросилъ его о желаніяхъ казаковъ [1]). Но прежде чѣмъ императрица могла узнать подробности всего происходящаго въ Яицкомъ войскѣ, большинство ихъ депутатовъ было арестовано и отправлено въ Петропавловскую крѣпость. Оставшіеся свободными не знали что дѣлать, и, наконецъ, Кирпичниковъ, за отсутствіемъ графа Григорія Григорьевича Орлова, обратился къ брату его Ивану Григорьевичу съ просьбой о покровительствѣ. Братья Орловы не были сторонниками распоряженій графа Захара Чернышева и относились къ нимъ съ ироніею. «Захаръ и Иванъ Чернышевы, писалъ лордъ Каскартъ графу Рошфору [2]), дѣятельны, тонки и хитры; способны запутать дѣло, но не руководить имъ».

Не сочувствуя графу Чернышеву и его поступкамъ, графъ

---

[1]) Письмо дежурнаго генералъ-адъютанта графа К. Разумовскаго кн. Вяземскому 28 декабря 1771 г. Гос. Арх., VII, д. № 2,331.

[2]) Въ письмѣ отъ 31 декабря 1770 г. *Сборн. Императ. русск. истор. общества*, т. XIX, 163.

И. Г. Орловъ далъ Кирпичникову письмо къ Дурново и совѣтовалъ отправиться на Яикъ, не являясь въ военную коллегію [1]).

— Съ этимъ письмомъ, прибавилъ графъ, васъ пропустятъ куда хотите.

Кирпичниковъ такъ и поступилъ: онъ досталъ копію съ высочайшаго указа капитану Дурново, взялъ съ собой письмо графа Орлова и, оставивъ въ Петербургѣ сотника Горохова, самъ съ остальными товарищами, избѣжавшими ареста, отправился въ Яицкій-городокъ, гдѣ въ то время волненіе казаковъ и ихъ неудовольствіе достигло крайнихъ предѣловъ.

Черезъ пять дней по отправленіи Давыдовымъ и Дурново донесенія въ военную коллегію, и именно 30 марта 1771 года, писарь духовнаго правленія Мостовщиковъ явился къ войсковому атаману Тамбовцеву и объявилъ, что непослушной стороны казакъ Иванъ Ягановъ говорилъ ему, что если будетъ собранъ кругъ и будутъ командировать казаковъ на службу, то 500 человѣкъ захватятъ пушки и пороховой погребъ, а 500 будутъ около круга въ резервѣ и учинятъ нападеніе на атамана со старшинами, на всѣхъ согласныхъ, на генералъ-маіора Давыдова и на всю регулярную команду [2]). Показанія Мостовщикова были тотчасъ представлены Тамбовцевымъ слѣдственной коммиссіи, въ присутствіи которой Мостовщиковъ подтвердилъ свое показаніе и заявилъ, что Ягановъ заперся и указалъ на казака Легошина, будто бы говорившаго эти слова. Легошинъ по обыкновенію отпирался, но послѣ священническаго увѣщанія Ягановъ признался въ томъ, что дѣйствительно слова эти онъ говорилъ. Не довольствуясь этимъ признаніемъ и желая отыскать главныхъ участниковъ заговора, Давыдовъ и Дурново приступили къ разспросамъ съ пристрастіемъ, на которыхъ Легошинъ объявилъ, что о намѣреніи войска говорили сотники: Гороховъ, Герасимовъ, Кирпичниковъ и Артикеевъ, казаки: Герасимовъ, Кабаевъ и Воровщиковъ и многіе другіе, а предпріятіе къ тому злому намѣренію ихъ было принято

---

[1]) Показаніе Кирпичникова.

[2]) Экстрактъ, приложенный къ рапорту Дурново. Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 23.

еще съ самой Страстной недѣли [1]). Коммиссія не могла произвести дальнѣйшаго слѣдствія, потому что большинство названныхъ лицъ находилось вмѣстѣ съ Кирпичниковымъ въ Петербургѣ, а остальные разбѣжались изъ городка по своимъ хуторамъ.

Въ это время генералъ Давыдовъ получилъ подтвержденіе военной коллегіи и ордеръ оренбургскаго губернатора о скорѣйшемъ командированіи команды въ Кизляръ. 22 іюня онъ собралъ войсковой кругъ, но совершенно безуспѣшно. Представители казаковъ непослушной стороны заявили, что выборъ атамана и прочихъ походныхъ старшинъ въ ту команду слѣдуетъ отдать на волю войска, а когда непослушные казаки потребовали, чтобы прежде командированія команды въ Кизляръ была произведена всему войску перепись, то Логиновъ просилъ атамана въ виду этой переписи командировку отложить до другаго круга. «Отъ чего, доносила войсковая канцелярія военной коллегіи, и больше развратъ сдѣлался, и казаки наисильнѣйше о переписи просить стали, а безъ того командировку сдѣлать отреклись».

Военная коллегія предписала произвести слѣдствіе по этому дѣлу, но еще до полученія этого предписанія генералъ-маіоръ Давыдовъ, будучи назначенъ губернаторомъ въ Бѣлгородъ, 19 октября отправился къ мѣсту назначенія. Вмѣсто его былъ назначенъ изъ Оренбурга генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, который прибылъ въ Яицкій-городокъ только 30 декабря, а до того времени «находился я, доносилъ Дурново, почти безъ всякаго дѣла» [2]).

Вновь назначенный предсѣдатель слѣдственной коммиссіи былъ человѣкъ рѣшительнаго характера, близко знакомый со всѣмъ происходившимъ на Яикѣ и недовольный казаками за то, что они не выслали въ его отрядъ команды для преслѣдованія калмыковъ. Генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ началъ свою дѣятельность съ того, что наказалъ плетьми семь человѣкъ казаковъ, оказавшихъ наибольшее сопротивленіе въ командированіи команды въ Кизляръ, приказалъ обрить имъ бороды и, подъ конвоемъ одного сержанта

---

[1]) Военно-учен. архивъ, д. № 104 (А), листъ 23.

[2]) Военно-учен. арх., д. № 104, листъ 15. Все, что сказано объ этомъ времени въ статьѣ: «Яицкое казачество» (*Рус. Вѣстникъ* 1864 г., № 8) невѣрно.

и 12-ти рядовыхъ, отправилъ въ Оренбургъ для опредѣленія въ регулярную службу. Казаки войсковой стороны рѣшились отбить ихъ и освободить изъ неволи. Верстахъ въ 40 отъ городка, казаки въ числѣ до 300 человѣкъ конныхъ напали на конвой, «съ превеликимъ крикомъ», успѣли отбить шесть человѣкъ, а седьмаго, «насилу отстрѣливаясь, сержантъ съ командою удержалъ и привезъ обратно въ городокъ» [1]).

Не смотря на открытое сопротивленіе казаковъ, генералъ-маіоръ Траубенбергъ все-таки настаивалъ на отправленіи команды въ Кизляръ и собиралъ нѣсколько круговъ, но сотники и казаки войсковой стороны въ круга не ходили, отзываясь, что они ожидаютъ прибытія изъ Петербурга челобитчиковъ, сотника Кирпичникова съ товарищами, и до ихъ прибытія никакого наряда не сдѣлаютъ. Опасаясь преслѣдованій, казаки разбрелись по хуторамъ и «въ городкѣ находилось очень мало, а нѣкоторые хотя и были, но однакоже въ домахъ подъ укрывательствомъ» [2]).

Наконецъ, 9 января въ Яицкомъ-городкѣ получено было извѣстіе, что депутація съ Кирпичниковымъ во главѣ подъѣзжаетъ къ городку. Казаки огромными толпами, съ женами и дѣтьми, отправились на встрѣчу. Въ то время еще не были прекращены мѣры предосторожности отъ чумной заразы, и потому Траубенбергъ и Дурново отправили двухъ офицеровъ съ подлекаремъ для осмотра прибывшихъ и задержанія ихъ въ карантинѣ. Но едва только депутація показалась въ виду города, какъ была окружена болѣе чѣмъ пятьюстами казаковъ, такъ что о карантинѣ нечего было думать, и большинство прибывшихъ въ тотъ же день отправилось въ городъ [3]).

— Что̀ велѣно Дурново исполнить? спрашивали казаки.

— Велѣно учинить въ силу указовъ, отвѣчалъ Кирпичниковъ.

Въ тотъ же день онъ явился къ Дурново и передалъ ему запечатанное письмо графа Орлова.

---

[1]) Всеподдан. рапортъ Дурново, августа 1772 г. Воен.-учен. арх., д. № 104, листъ 15.

[2]) Рапортъ прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу 22 января 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, по аудиторской экспедиціи. Опись 93, связка № 492.

[3]) Моск. Арх. Главн. Штаба, св. 492.

— Въ ожиданіи возвращенія депутатовъ, говорилъ Дурново Кирпичникову, принимая отъ него письмо, — войско цѣлый годъ не отправляетъ команды въ Кизляръ, не смотря на высочайшее повелѣніе и неоднократныя подтвержденія военной коллегіи. Поэтому, если вы просили объ отмѣнѣ той команды и она не отмѣнена, то растолкуйте войску, что должно отправить ее немедленно.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла, отвѣчалъ Кирпичниковъ,—а что войско хочетъ, то пусть и дѣлаетъ.

На другой день Кирпичниковъ отправился въ Кабанкину улицу [1]), въ домъ отставного казака Прокофія Толкачева, гдѣ былъ встрѣченъ огромною толпой казаковъ.

— Что привезъ намъ изъ Петербурга? спрашивали они.

— Ничего кромѣ письма отъ графа Орлова къ капитану Дурново, отвѣчалъ Кирпичниковъ. — На поданную нами челобитную никакой резолюціи не послѣдовало, и для полученія ея оставлено въ Петербургѣ пять человѣкъ казаковъ при сотникѣ Гороховѣ.

Казаки призадумались, не зная что̀ предпринять и на что̀ рѣшиться.

— Все это дѣлаетъ графъ Чернышевъ, говорили Кирпичниковъ и пріѣхавшіе съ нимъ казаки;—государыня того не вѣдаетъ, а всегда велитъ намъ удовольствіе дѣлать. Если мы за себя не постоимъ, то графъ и всѣхъ насъ съ дѣтьми изведетъ, ибо и генералъ (Траубенбергъ) присланъ отъ него же, безъ вѣдома государыни и наемный старшинами. Ежели мы не уступимъ, то государыня почтетъ это себѣ за удовольствіе, ибо она, вѣдая, что графъ все мудрствуетъ, о вотчинѣ своей весьма сожалѣетъ.

Единственно чѣмъ могъ похвастаться Кирпичниковъ предъ казаками, это копіями съ указовъ: объ отрѣшеніи старшинъ, и съ даннаго на имя Дурново [2]). Копіи эти были тотчасъ же прочтены вслухъ казакомъ Романомъ Котятовымъ, и собравшіеся рѣшили

---

[1]) Извѣстна была также подъ именемъ Толкачевой улицы.

[2]) Показаніе Кирпичникова. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. № 492. Описаніе мятежа, происшедшаго въ Яицкомъ-городкѣ, сдѣланное старшиной Бородинымъ. Госуд. Арх., VI, № 505.

послать къ Дурново съ просьбой, чтобъ онъ отрѣшилъ старшинъ [1]).

— Если на третій день по посылкѣ, сказалъ Кирпичниковъ— старшинъ не отрѣшатъ, положеннаго штрафа не взыщутъ и войско жалованьемъ не удовлетворятъ, то поступимъ воинскимъ отпоромъ.

Между тѣмъ генералъ-маіоръ Траубенбергъ, узнавъ, что съ пріѣздомъ Кирпичникова казаки устроиваютъ сходки и собираются большими толпами, что Кирпичниковъ распускаетъ слухъ, будто привезъ съ собой указъ отъ отрѣшеніи судей войсковой канцеляріи и объ удовольствованіи войска жалованьемъ [2]), отправилъ къ нему Петра Копѣечкина съ двумя казаками спросить, есть ли у него дѣйствителько такой указъ?

— Указа нѣтъ, отвѣчалъ Кирпичниковъ.

— Велишь ли ты кругъ дѣлать? спросили посланные.

— Я не атаманъ.

— Ты хоть и не атаманъ, однакожь, тебя все войско слушаетъ, и больше чѣмъ атамана.

— Я иду въ баню, отвѣчалъ Кирпичниковъ,—и въ ваши дѣла не мѣшаюсь.

Переговоры эти были дословно переданы Траубенбергу [3]), который, будучи удивленъ такимъ отвѣтомъ и снисходя на просьбы старшинъ и послушныхъ казаковъ, желавшихъ видѣть Кирпичникова въ войсковомъ кругу для того, чтобъ онъ объявилъ имъ съ чѣмъ пріѣхалъ, отправилъ старшину и депутата Ивана Окутина съ приказаніемъ Кирпичникову явиться въ войсковую канцелярію и объявить, что̀ послѣдовало по челобитью ихъ? Но какъ только Окутинъ пришелъ на дворъ и сталъ стучаться въ дверь, Кирпичниковъ съ крикомъ и бранью выскочилъ изъ избы и столкнулъ Окутина съ крыльца.

— Развѣ тебѣ этого хочется? кричалъ Кирпичниковъ, схватившись за саблю,—покуда живъ иди лучше прочь.

---

[1]) Показаніе сотника Ивана Портнова.

[2]) Описаніе мятежа, происшедшаго въ Яицкомъ-городкѣ, сдѣланное старшиной Бородинымъ. Госуд. Арх. VI, № 505.

[3]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 272.

Онъ приказалъ бывшимъ въ его домѣ казакамъ прогнать Окутина со двора, что и было исполнено. Тогда Траубенбергъ послалъ вторично Окутина, дьяка Суетина, старшину Мартемьяна Бородина, сотника Копняева, казака Копѣечкина и съ ними 30 человѣкъ казаковъ, чтобъ они уговорили Кирпичникова и растолковали ему, что такъ своевольничать нельзя, и привели его въ войсковую канцелярію. Жена Кирпичникова, говоря, что мужа ея нѣтъ дома, заперла за собой двери, но посланные, не вѣря ея словамъ, стали ломиться въ домъ, отъ чего и произошелъ шумъ. На этотъ шумъ сбѣжались сначала сосѣди, а потомъ стали останавливаться и проходящіе казаки, такъ что когда посланные вышли со двора, то были встрѣчены толпой непослушныхъ казаковъ, человѣкъ до ста, которые стали ихъ ловить «подъ свой караулъ». Произошла свалка: казаки ловили другъ друга, и Бородинъ принужденъ былъ обнажить саблю, чтобы пробиться сквозь толпу [1]). Обѣ стороны захватили плѣнныхъ и развели ихъ въ разныя стороны. Трое казаковъ были захвачены старшинскою стороной и на аркапѣ приведены къ генералъ-маіору Траубенбергу, который приказалъ атаману высѣчь ихъ плетьми у войсковой избы и посадить подъ караулъ. Происшествіе это быстро разнеслось по городу и войско считало себя глубоко оскорбленнымъ старшинами и ихъ партіей. Собравшись огромною толпой въ Толкачевой улицѣ, которая пролегала вдоль рѣки Янка, и расположившись на ея берегу, казаки толковали о происшедшемъ, какъ вдругъ замѣтили сотника Копняева и казака Копѣечкина, возвращавшихся домой изъ войсковой канцеляріи. Нѣкоторые казаки обратились къ нимъ съ словами укоризны.

— Для чего вы со старшинами, говорили они,—причиняете такія обиды и увѣчите войсковыхъ казаковъ?

Копняевъ и Копѣечкинъ оправдывались, а между тѣмъ окружающая ихъ толпа росла и, будучи недовольна ими за измѣну [2]),

---

[1]) Чтеніе въ *Обществѣ исторіи и древностей* 1859 г. кн. III, 112. Записка Бородина, Госуд. Арх., VI, № 505.

[2]) Копняевъ и Копѣечкинъ принадлежали прежде къ войсковой сторонѣ, но потомъ „прилѣпились для прокормки къ старшинамъ и наносили на войско разныя плевелы“.

рѣшалась захватить ихъ въ свои руки. Послѣ довольно значительныхъ побоевъ Копняевъ и Копѣечкинъ были отведены въ домъ Толкачева, брошены въ «студеный погребъ», гдѣ и содержались подъ карауломъ. Имѣя въ своихъ рукахъ заложниковъ, войсковая партія послала къ Дурново казака Савелія Чиганахаева съ товарищемъ просить, чтобъ онъ освободилъ войсковыхъ казаковъ и рѣшилъ дѣло о старшинахъ по силѣ именного указа. Депутаты были задержаны, закованы въ желѣзо и посажены подъ караулъ, а казакамъ послано приказаніе выпустить Копняева и Копѣечкина. Озлобленные задержаніемъ своихъ посланныхъ, казаки отправили еще двухъ, съ просьбой выпустить войсковыхъ казаковъ и съ обѣщаніемъ освободить тогда Копняева и Копѣечкина. Дурново задержалъ и арестовалъ и этихъ посланныхъ. Тогда войсковые казаки, собравшись значительною толпой, разставили по улицамъ свои пикеты, человѣкъ по 50, и всѣхъ выходившихъ на улицу послушныхъ забирали, били и сажали подъ караулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сотники разослали повѣстку, чтобы войсковые казаки, не только находящіеся въ Яицкомъ-городкѣ, но по хуторамъ и на форпостахъ, всѣ не исключая отставныхъ и малолѣтнихъ, собирались въ Толкачеву улицу для совѣщаній [1]). Со всѣхъ сторонъ стекались непослушные казаки; «чѣмъ далѣе, то ихъ болѣе собиралось, и Кабанкина (Толкачева) улица, равно какъ и другія близлежащія улицы, дворы и избы всѣ ими были наполнены. Которые же къ нимъ въ собраніе идти не хотѣли, тѣхъ всячески устращивали, силой и страхомъ къ себѣ привлекали, обманывая привезеннымъ будто бы Кирпичниковымъ именнымъ указомъ, напоминая при этомъ, что тѣ, кои на ихъ предпріятіе не согласятся, явные будутъ преступники и нарушители того указа. Многіе вѣрили такимъ разсказамъ и увеличивали собой толпу недовольныхъ».

Сборъ казаковъ въ Толкачевой улицѣ заставилъ генералъ-маіора Траубенберга принять серьезныя мѣры, и онъ было рѣшилъ собрать возлѣ себя регулярную команду [2]) и послушныхъ каза-

---

[1]) Рапортъ прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу 22 января 1772 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, по аудит. экспед., опись 93, св. 492.

[2]) Регулярная команда въ Яицкомъ-городкѣ состояла изъ 100 чел. Алексѣевскаго пѣхот. полка и изъ прислуги при 30-ти орудіяхъ, принадлежащихъ войску.

ковъ, съ тѣмъ, чтобы половину ихъ оставить при орудіяхъ, а другую послать разогнать непослушныхъ. Но какъ регулярной команды оказалось всего 70 человѣкъ, а послушныхъ казаковъ набралось не болѣе 50 человѣкъ, то атаманъ съ старшинами просили Траубенберга отмѣнить посылку команды противъ непослушныхъ, число которыхъ доходило до тысячи человѣкъ.

— Они по большей части, говорилъ Тамбовцевъ, сидятъ съ заряженными ружьями по дворамъ, а улицы тѣсны; если вступить въ улицы, они могутъ изъ оконъ перестрѣлять всю команду.

Отмѣнивъ первоначальное рѣшеніе, Траубенбергъ приказалъ какъ регулярной командѣ, такъ и послушнымъ казакамъ быть при войсковой канцеляріи въ совершенной готовности и вооруженными. Видя, что взаимная ненависть двухъ партій все болѣе и болѣе усиливается, послушные казаки стали собираться возлѣ войсковой избы, потихоньку проскользая между разставленными пикетами, «а иные провозимы были женами въ саняхъ, покрытые сѣномъ и прочимъ». Такихъ сторонниковъ-старшинъ собралось до 200 человѣкъ, а между тѣмъ Траубенбергъ отправилъ офицера уговорить собравшихся въ Толкачевой улицѣ, чтобы они разошлись по домамъ и освободили сотника Копняева съ товарищами, и если кому есть въ чемъ надобность, то пусть каждый самъ о себѣ, а не сборищемъ, приходитъ просить безо всякаго опасенія. Если же имѣютъ общественныя нужды, говорилъ Траубенбергъ,—то приходили бы въ войсковой кругъ, и законная просьба ихъ будетъ тотчасъ же исполнена [1]). Казаки отвѣчали, что они не имѣютъ никакого злаго намѣренія, но что они единогласно просятъ Дурново, чтобъ онъ рѣшилъ ихъ тяжбу со старшинами.

— Скажите ему, говорили казаки, чтобы по силѣ указа исполнялъ бы въ самой скорости, а генералъ бы съ командой ѣхалъ изъ городка вонъ: намъ-де дѣла до него нѣтъ.

Дурново отвѣчалъ, что скорое рѣшеніе дѣла зависитъ отъ самихъ казаковъ.

— Ежели изберутъ повѣренныхъ для счета книгъ, говорилъ

[1]) Записка Бородина. Госуд. Арх., VI, д. № 505. Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 274. Вселоддан. рапортъ Дурново. Военно-учен. арх., д. № 104, 16.

онъ,—и для доказательства виновности старшинъ, то дѣло будетъ окончено въ самой скорости.

Дурново старался убѣдить представителей недовольныхъ, что товарищи ихъ поступаютъ дурно, собираясь самовольно вооруженною толпой, и просилъ ихъ разойтись по домамъ, но казаки не расходились. Напротивъ, какъ только узнали они, что Дурново не намѣренъ уступить общему желанію видѣть старшинъ смѣненными и публично прочесть данную ему инструкцію, положили идти къ нему на слѣдующій день всѣмъ войскомъ, «потому что если имъ просить о рѣшеніи своего дѣла малымъ числомъ людей, то онъ, по наущенію старшинъ, пересажаетъ подъ караулъ, можетъ, и половину войска».

— Вѣдь почему намъ знать, что̀ у нихъ на умѣ, говорили казаки.

Неудовольствіе было на столько возбуждено, что многіе въ ожиданіи утра, не смотря на сильный морозъ, ночевали на улицѣ подъ открытымъ небомъ.

Наконецъ наступило утро 13 января 1772 года. Толкачева улица была полна народа; здѣсь были служащіе и отставные казаки, малолѣтки, жены и дѣти; одни были вооружены ружьями, другіе палками, иные на коняхъ, но большинство пѣшкомъ; все шумѣло и кричало. Траубенбергъ спрашивалъ Дурново: что̀ дѣлать? «Прежде было полагали мы, доносилъ послѣдній [1]), чтобъ взять сколько возможно будетъ пушекъ и выдти съ командой изъ городка вонъ; но какъ по причинѣ зимняго времени и глубокихъ снѣговъ маршировать съ пушками по степи никакого способа не было и послушныхъ казаковъ жены и дѣти остались бы ихъ злодѣйству на жертву, а дома на расхищеніе и показана бы была чрезъ то имъ робость и поводъ къ пущей дерзости, — почему и разсудили остаться на мѣстѣ въ городкѣ, укрѣпясь сколь возможно въ улицахъ подлѣ войсковой канцеляріи и, если будетъ нападеніе, защищаться».

Разставивъ по разнымъ мѣстамъ пушки, такъ, чтобъ онѣ могли анфилировать улицы, а за ними регулярную команду и

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Военно-учен. архивъ, д. № 104, листъ 16.

согласныхъ казаковъ, Траубенбергъ отправилъ посланнаго въ Оренбургъ съ донесеніемъ, что казаки бунтуютъ и просилъ помощи. Оренбургскій губернаторъ генералъ Рейнсдорпъ командировалъ сначала эскадронъ драгунъ и роту пѣхоты, а потомъ еще роту пѣхоты, но они не поспѣли во-время и принуждены были остановиться въ Илецкомъ-городкѣ [1]).

Событія шли быстро и обстоятельства измѣнялись съ каждымъ часомъ.

Въ Толкачевой улицѣ толпа народа становилась гуще и гуще; но казаки, огромною волной передвигаясь съ мѣста на мѣсто, все еще не знали на что рѣшиться, какъ вдругъ среди собравшагося народа пронесся слухъ, что у казачки Анны Глуховой есть чудотворный образъ Спасителя, который во время бывшихъ напастей рыдалъ.

— Первый разъ, говорила Анна Глухова,—онъ плакалъ предъ тѣмъ случаемъ, когда генералъ Череповъ былъ въ Яикѣ и команда его побила изъ ружей нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ до смерти и множество перераниля; другой разъ, когда изъ войска требованы были казаки въ легіонную службу и войско противилось дать, отчего многіе были мучены побоями и тюрьмой.

По словамъ Анны Глуховой, образъ Спасителя плакалъ и теперь. Она же сообщила, что у казачки Бирюковой есть еще явленная Владычица Одигитрія, которая въ домѣ у нихъ болѣе ста лѣтъ и старинnаго рукописанія [2]).

— Сколь давно находится у насъ въ домѣ явленный образъ Богоматери, говорила Маланья Бирюкова,—я не знаю, а слышала отъ мужа своего, что онъ былъ у насъ еще при его дѣдѣ, который лѣтъ 20 умеръ. Найденъ оный образъ на бухарской сторонѣ, на Синемъ сыртy, въ степи, упомянутымъ дѣдомъ, ѣздившимъ туда съ прочими казаками для отысканія потерявшихся лошадей. Потому, что найденъ въ такомъ пустомъ, а притомъ еще и азіятскомъ мѣстѣ, опъ признанъ былъ за явленный. Чудесъ отъ него

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 г.

[2]) Показанія Анны Глуховой и Маланьи Бирюковой. Государственный Архивъ VI, д. № 505.

никакихъ я не видала, да и прежде, чтобъ оныя когда были ни отъ кого не слыхала. Однакоже многіе изъ здѣшнихъ жителей для моленія берутъ сей образъ къ себѣ въ домы и временемъ даютъ прикладъ.

Предпринимая рѣшительный шагъ, казаки тотчасъ же подняли образа и принесли ихъ въ церковь Петра и Павла [1]). Пока ходили за образами, коноводы недовольныхъ отправили отъ себя къ Дурново попа Михаила Васильева съ объявленіемъ, что войско идетъ пасть къ его ногамъ и просить, чтобъ онъ исполнилъ высочайшее повелѣніе. Въ ожиданіи отвѣта народъ двинулся отъ дома Толкачева и пройдя съ версту остановился у Петропавловской церкви. Траубенбергъ отправилъ старшину Ѳедора Митрясова для осмотра толпы и опредѣленія числа ея. Митрясовъ донесъ, что собралось множество казаковъ и идутъ вооруженными [2]).

Все говорило о близкой развязкѣ. Траубенбергъ приказалъ зажечь фитили и войскамъ быть готовыми ко всякаго рода случайности.

Между тѣмъ, священникъ Михаилъ Васильевъ скоро возвратился къ казакамъ и объявилъ, что Дурново обѣщалъ дней черезъ десять исполнить ихъ просьбу и приказывалъ имъ разойтись по домамъ. Опасаясь, что Дурново не исполнитъ своего обѣщанія и дѣло затянется, казаки вторично отправили къ нему священника Михаила, который, встрѣтившись на базарѣ съ отставнымъ казакомъ Михаломъ Усомъ, просилъ его сходить къ священнику Кирсановской церкви Степану Аѳанасьеву и пригласить его отслужить молебенъ по желанію всего народа. Усъ исполнилъ порученіе, а священникъ Васильевъ, увидя Шигаева, впослѣдствіи

---

[1]) Посланный за чудотворнымъ образомъ Спасителя, церковный староста Сысой Поповъ, показалъ, что образъ былъ дѣйствительно принесенъ имъ въ Петропавловскую церковь, причемъ старухи объявляли, «что изъ глазъ Спасителевыхъ еще на дому усмотрѣны ими текущія слезы, почему и онъ изъ любопытства въ то же самое время на образъ смотрѣлъ, но слезъ текущихъ не было, а только отъ глазъ видны были маленькія дорожки, на подобіе какъ бы масломъ какимъ намазанныя». Госуд. Арх., VI, д. № 505.

[2]) Изъ рапорта Сакмарской станицы атамана Даниды Донскаго генералу Рейнсдорпу, 17 февраля 1772 г. Моск. Арх. Гл. Шт., по аудитор. экспед., опись 93, св. 492.

дѣятельнаго сообщника Пугачева, взялъ его къ себѣ въ товарищи и отправился съ нимъ къ Дурново.

— Зачѣмъ пришли? спросилъ Дурново посланныхъ.

Шигаевъ, поклонившись въ ноги, со слезами просилъ исполнить все по указу.

— Пусть войско разойдется по домамъ, и я, конечно, удовлетворю ихъ желаніе дней черезъ семь, а много черезъ десять.

— Войско проситъ, говорилъ Шигаевъ, — сдѣлать имъ эту милость сегодня.

— Нельзя.

— Какъ же, батюшка, быть? Войско сомнѣвается въ этомъ; не можно-ли вамъ сѣсть на коня и подъѣхавъ къ войску подтвердить ваше обѣщаніе?

— Да, благодарствую, отвѣчалъ Дурново; — можетъ вы меня же и уходите; нѣтъ, вѣдь я великъ у государыни-то!

Съ этими словами Дурново отошелъ въ сторону, а посланные остались съ атаманомъ Тамбовцевымъ, старшинами Суетинымъ и Бородинымъ. Попъ Михаилъ говорилъ съ атаманомъ, а Шигаевъ— съ Суетинымъ и Бородинымъ. «Шигаевъ кланялся имъ въ ноги и просилъ, чтобъ они смилосердились; а напротивъ того, и они ему низко кланялись и называли его именемъ и отчествомъ».

— Для чего же вы, спрашивалъ Шигаевъ, — упорствуете и стоите за свои чины и доводите войско до крайности?

— Мы нимало за чины свои не стоимъ, отвѣчали Бородинъ и Суетинъ, — и рады теперь же ихъ съ себя сложить. Если это угодно войску, то сочтемъ сіе за милость и готовы заплатить 100 рублей, чтобъ изъ бѣды освободиться.

— Ну, такъ вѣдь стоитъ вамъ, говорилъ Шигаевъ, — только придти предъ войско и принести покорность, такъ и вся вражда минуется. А ежели вы этого не сдѣлаете, такъ доведете, помилуй Богъ, до кровопролитія. Войско теперь не отстанетъ отъ своего предпріятія, приступитъ Сергѣя Дмитріевича (Дурново) просить, а онъ и генералъ не допустятъ, можетъ, оное до себя и будутъ палить изъ пушекъ. Народъ не утерпитъ, тогда и вы сами знаете, выйдетъ дѣло дурное.

— Мы рады съ тобою идти и принести войску покорность, отвѣчали Суетинъ и Бородинъ.

Они отправились къ Дурново и Траубенбергу просить позволенія идти къ войску, но разрѣшенія не послѣдовало, а между тѣмъ, толпа подошла къ Кирсановской церкви, находившейся не въ дальнемъ разстояніи отъ войсковой избы. Получивъ и на этотъ разъ неудовлетворительный отвѣтъ, казаки, подъ предводительствомъ сотника Ивана Портнова, «отправились къ церкви Божіей» [1]) и служили молебенъ, а нѣкоторые изъ нихъ причащались св. Таинъ.

— А затѣмъ, сказалъ Кирпичниковъ, обращаясь къ толпѣ,— поступайте, какъ Богъ вразумитъ.

Попъ же Васильевъ обязывалъ всѣхъ присягой дѣйствовать единодушно [2]).

Зная изъ словъ Шигаева, что старшины Суетинъ и Бородинъ готовы принести покорность войску, казаки рѣшились на новый шагъ къ примиренію и отправили къ Траубенбергу и Дурново казака Аржанова съ нѣсколькими товарищами просить, чтобы генералъ Траубенбергъ выѣхалъ изъ города, а старшины Матвѣй Суетинъ и Мартемьянъ Бородинъ были выданы войску.

— Выдать ихъ въ такое самовольное общество мы не можемъ, отвѣчалъ Дурново.

Аржановъ снова просилъ Дурново, чтобъ онъ выѣхалъ къ собравшимся и прочелъ имъ данный на его имя высочайшій указъ.

— Въ такую толпу вооруженнаго народа я не поѣду, отвѣчалъ тотъ,—а если хотите говорить со мной и выслушать указъ, то выберите человѣкъ 10 или 20 лучшихъ людей и пришлите ихъ на половину разстоянія. Я выѣду тогда къ нимъ, возьму съ собой старшинъ и могу съ ними о всемъ переговорить.

Съ этими словами Аржановъ ушелъ обратно, а вслѣдъ за нимъ Траубенбергъ послалъ къ казакамъ Сакмарской станицы атамана Данилу Донскаго, старшину Ѳедора Митрясова и депутата

---

[1]) Показаніе Кирпичникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) *Чтенія*, 1860 г., кн. II, 51.

Якова Колпакова, чтобъ уговорить войско разойтись по домамъ и растолковать послѣднія слова Дурново казаку Аржанову. Толкованія эти не подѣйствовали, и хотя Дурново съ старшинами Суетинымъ и Бородинымъ выходилъ на середину, но казаки не согласились выбирать уполномоченныхъ для объясненія съ нимъ.

— Намъ до генерала (Траубенберга) никакого дѣла нѣтъ, отвѣчали казаки,—а имѣемъ его только до гвардіи капитана, какъ по высочайшему указу къ намъ въ войско присланнаго, которому поручено: старшинъ отъ присутствія отрѣшить и на мѣсто ихъ выбрать другихъ; положенный на нихъ штрафъ взыскать; жалованьемъ войско удовольствовать и войсковую канцелярію счесть.

Донской и его товарищи повторили требованіе Траубенберга и Дурново, чтобы толпа разошлась по домамъ и что тогда всѣ ихъ претензіи будутъ удовлетворены чрезъ недѣлю, а много что черезъ десять дней.

— Дурново цѣлый мѣсяцъ такія обѣщанія дѣлывалъ, говорили сотники и казаки, — однакоже ни одного раза не устоялъ на своемъ словѣ, а только мучитъ казаковъ и сажаетъ подъ караулъ. Воля его, вѣдь мы идемъ не со злодѣйствомъ какимъ, а идемъ съ святыми образами, для того, что авось-либо они по насъ для нихъ (образовъ) не станутъ стрѣлять и умилосердится ихъ сердце. Пришедши къ нему, мы обмоемъ ноги его слезами и будемъ просить, чтобъ онъ сегодня рѣшилъ старшинъ.

Придавъ Донскому священника Михаила Васильева и еще нѣсколькихъ человѣкъ, казаки отправили ихъ съ этимъ отвѣтомъ къ Дурново. Послѣдній рѣшился сдѣлать нѣкоторую уступку и пойти на примиреніе. Онъ прочиталъ присланнымъ высочайшій указъ, данный на его имя, и объяснилъ, что ему велѣно отрѣшить старшинъ только въ такомъ случаѣ, если они положеннаго на нихъ штрафа не заплатили.

— Но, говорилъ Дурново, — Суетинъ деньги заплатилъ, и въ имѣющуюся у протопопа Дмитрія Ѳедорова шнуровую книгу онѣ записаны и Суетину выдана квитанція. Старшина же Бородинъ въ присутствіе опредѣленъ еще недавно, да и участія въ томъ платежѣ нималаго не имѣетъ, а слѣдовательно, на отрѣшеніе ихъ

резона никакого нѣтъ. Что же касается до счета войсковой канцеляріи, то неоднократно требованы были отъ войска повѣренные, но они до сихъ поръ не присланы; когда они будутъ присланы, то канцелярія будетъ тотчасъ же сочтена, жалованье же человѣкамъ тысячи или болѣе уже роздано, а остальные пускай его разбираютъ [1]).

Такимъ образомъ взаимныя пересылки и безконечные переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ; обѣ стороны были на столько напряжены и возбуждены, что не хотѣли уступить другъ другу, и генералъ-маіоръ Траубенбергъ призналъ необходимымъ послать еще разъ атамана Донского съ категорическимъ требованіемъ, чтобы казаки, повинуясь высочайшей волѣ, назначили команду въ Кизляръ, разошлись бы по домамъ и не подвигались впередъ толпой, а въ противномъ случаѣ онъ будетъ стрѣлять изъ пушекъ [2]).

Выслушавъ Донского, казаки рѣшили прекратить переговоры.

— Болѣе пересылки мы имѣть уже не будемъ, сказалъ сотникъ Краденовъ,—но на начинающаго Богъ!

Съ этими словами казаки заставили попа Михаила Васильева служить молебенъ о дарованіи побѣды, подняли три образа: изъза престола Кирсановской церкви, явленный въ семействѣ Бирюковыхъ и чудотворный Спасителя, бывшій въ домѣ Глуховой, и за образами намѣрены были двинуться къ войсковой избѣ. Казаки раздѣлились на двѣ партіи: одна пошлапо Большой улицѣ, а другая — по Ульяновой [3]). Сознавая, что дѣло доходитъ до бѣды,

---

[1]) Основываясь на приговорѣ военной коллегіи (*Чтенія*, 1860 г., кн. II, 37), г. В. Н. Витевскій говоритъ, что при послѣдней посылкѣ священникъ Васильевъ былъ уполномоченъ объявить Дурново, что если просьбы казаковъ не будутъ исполнены, то они пойдутъ съ оружіемъ и будутъ бить до смерти. Угроза эта не подтверждается ни рапортомъ Дурново, ни показаніями самого священника Васильева, ни, наконецъ, показаніями казаковъ, спрошенныхъ по этому поводу оренбургскою слѣдственною коммиссіей.

[2]) Рапортъ Данилы Донского генералу Рейнсдорпу 17 февраля 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Рапортъ Дурново, августа 1772 года. Военноученый архивъ, дѣло № 104, листъ 17. Записки Маврина, *Памятники новой русской исторіи*, ч. II.

[3]) Показаніе сотника Петра Краденова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

Шигаевъ упросилъ войско потерпѣть, пока онъ сходитъ еще разъ къ Дурново. Взявъ съ собой всѣ три образа, которые несли старики, Шигаевъ пошелъ впередъ, и не видалъ, что позади его народъ пробирался возлѣ стѣнъ, опасаясь идти посреднѣ улицы. Но едва Шигаевъ дошелъ до соборной колокольни, какъ по приказанію генералъ-маіора Траубенберга послѣдовалъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій...

Толпа бросилась впередъ; произошла всеобщая свалка, «и дошло до того, что будучи въ семъ замѣшаніи, доносилъ Данила Донской, не могли мы узнавать уже другъ друга». Казаки быстро овладѣли орудіями, повернули ихъ противъ регулярной команды и произведя нѣсколько выстрѣловъ, побили много солдатъ и послушныхъ казаковъ. Забравшись въ избы и амбары вблизи войсковой канцеляріи и пороховаго погреба, наступающіе открыли огонь изъ ружей. При первыхъ выстрѣлахъ былъ раненъ Суетинъ, который и былъ отведенъ въ богадѣльную избу. Учащая огонь, казаки наступали на регулярную команду съ разныхъ сторонъ, и генералъ-маіоръ Траубенбергъ, видя невозможность устоять противъ напора столь многочисленной толпы, послѣ нѣкотораго сопротивленія съ небольшимъ числомъ солдатъ сталъ отступать ко двору сотника Симеона Тамбовцева, гдѣ сперва былъ раненъ пулей въ правую руку, а потомъ при входѣ на крыльцо изрубленъ саблями [1]). Капитанъ Дурново при началѣ дѣла находился не вмѣстѣ съ Траубенбергомъ, а стоялъ за орудіями, поставленными саженяхъ въ десяти отъ главнаго фронта. Когда большая часть прислуги при орудіяхъ выбыла изъ строя, убитыми или ранеными, Дурново хотѣлъ идти на соединеніе съ Траубенбергомъ, но не засталъ уже его на мѣстѣ и былъ окруженъ толпой человѣкъ въ сорокъ. «Одинъ изъ нихъ замахнулся разрубить мнѣ саблей голову, писалъ Дурново въ своемъ донесеніи [2]), но я уклонясь подставилъ ему правую свою руку, которую онъ и разрубилъ, а потомъ и голову въ трехъ мѣстахъ разрубили и въ спину ранили копьемъ, отъ чего я упалъ замертво; видно же что и больше они меня ру-

[1]) Рапортъ прапорщика Евтюгина 22 января 1772 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Воен.-учен. арх., д. № 104 (А), л. 17.

били и кололи, потому что платье во многихъ мѣстахъ прорублено и проколото; послѣ того били меня смертельно дубьемъ и всякимъ дреколіемъ, что̀ у кого въ рукахъ было». Дурново былъ бы, конечно, убитъ, еслибы на мѣсто происшествія не подошелъ Шигаевъ.

— Что вы это, проклятые, дѣлаете, закричалъ онъ, расталкивая толпу, — какого человѣка бьете? Вѣдь ежели онъ умретъ, такъ государыня всѣхъ насъ за него перевѣшаетъ.

Эти слова, въ которыхъ такъ и слышится то первенство, которое признавали казаки за Дурново предъ Траубенбергомъ, остановили преслѣдователей [1]). Прекративъ побои, казаки стали поднимать Дурново, «и какъ я встать уже былъ не въ силахъ, доносилъ онъ, то ухватили за волосы и таскавши на мѣстѣ потащили къ войсковой канцеляріи саженъ съ семьдесятъ, и брося въ холодную тюрьму, двери заперли, гдѣ я лежалъ часа четыре безъ памяти; наконецъ, почувствовалъ, что озябъ и пришелъ нѣсколько въ память. Въ то время слышалъ я, что неоднократно приходили къ тюрьмѣ той, гдѣ я лежалъ и кричали: конечно, онъ живъ, надобно его приколоть, и въ двери ломились, но дверь была заперта и какъ видно, что они ключа не нашли».

Вечеромъ пришелъ къ Дурново казакъ войсковой стороны Савелій Ѳомичихинъ и, узнавъ, что онъ еще живъ, отвелъ на квартиру и отыскалъ подлекаря, который перевязалъ Дурново раны.

Толпа все еще бушевала: захвативъ у орудій до 70 человѣкъ старшинской стороны, въ томъ числѣ старшину Мартемьяна Бородина и Сакмарскаго атамана Данилу Донского, казаки войсковой стороны загнали ихъ, на половину избитыхъ и раненыхъ, въ кряную избу, гдѣ и содержали подъ карауломъ [2]). Благодаря за-

---

[1]) Хотя Дурново въ своемъ рапортѣ и писалъ, что обязанъ жизнью, «какъ послѣ я о томъ свѣдалъ», казаку Григорію Кабанову, но этого нельзя признать справедливымъ. По показанію большинства, это былъ Шигаевъ, который за этотъ поступокъ былъ освобожденъ военною коллегіей отъ наказанія и тѣмъ навлекъ на себя нерасположеніе товарищей. Казаки войсковой стороны считали его съ этого дня передавшимся на сторону старшинъ и впослѣдствіи сторонились отъ него.

[2]) Рапортъ Данилы Донского Рейнсдорпу 17 февраля 1772 г.

ступничеству того же Шигаева, старшина Бородинъ и атаманъ Донской не были лишены жизни. Въ то время, когда Шигаевъ зашелъ случайно въ икряную избу и разговаривалъ съ Мартемьяномъ Бородинымъ, прибѣжалъ туда казакъ почти въ бѣшеномъ состояніи, съ полѣномъ въ рукахъ.

— Гдѣ тутъ... Мартемьянъ-то славный? крпчалъ онъ.—Я его!..

Раненый и избитый Бородинъ умолялъ Шигаева спасти его. Шигаевъ вытолкалъ вбѣжавшаго вонъ, поставилъ казака съ саблей у дверей и приказалъ, чтобы ни одного человѣка не пускалъ, а самъ отправился на мѣсто побоища, къ пушкамъ, гдѣ узналъ, что атаманъ Тамбовцевъ, старшины Яковъ Колпаковъ, Ѳеодоръ Митрясовъ, Иванъ Тамбовцевъ и многіе казаки убиты или ранены.

Весь день 13 января войсковая сторона неистовствовала [1]): ходила по домамъ старшинъ и послушныхъ казаковъ, грабила ихъ пожитки, отбирала деньги, а въ дома дьяка Суетина и откупщика отставного старшины Осипа Иванова стрѣляла изъ пушекъ, причемъ казаки клали въ нихъ столь большіе заряды, что двѣ изъ нихъ были разорваны.

Дѣла коммиссіи были уничтожены, имущество Траубенберга разграблено и его орденъ св. Георгія былъ найденъ впослѣдствіи въ «сору затоптанный».

Снявъ съ генералъ-маіора Траубенберга и съ двухъ лежавшихъ возлѣ него убитыхъ офицеровъ одежду и обувь и оставивъ ихъ въ однѣхъ рубашкахъ, казаки отрубили у Траубенберга два пальца, на которыхъ были золотыя кольца, и вынувъ изъ кармана табакерку насыпали ему табакъ въ ротъ и глаза. Въ теченіе трехъ сутокъ тѣла ихъ оставались непохороненными и казаки требовали, чтобъ они были вывезены въ степь на съѣденіе звѣрямъ.

«Однакожь, наконецъ, доносилъ прапорщикъ Евтюгинъ [2]), какъ я изъ бывшихъ тамъ офицеровъ здоровый остался только одинъ,

---

[1]) Витевскій (см. статью «Яицкое войско до появленія Пугачева» *Русскій Арх.* 1879 г.), основываясь на письмѣ Рычкова, относитъ начало рѣзни къ 12 числу и говоритъ, что она продолжалась и 13 числа; что совершенно невѣрно. Она началась и кончилась 13 января 1772 г.

[2]) Въ рапортѣ отъ 22 января. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

то и дозволили мнѣ, послѣ бывшаго смятенія, въ третій день похоронить, а до того лежали они покладенные на двухъ дровняхъ, какъ на позорищѣ, въ публичномъ мѣстѣ, подлѣ соборной церкви». Тѣла же убитыхъ казаковъ старшинской руки были на третій день зарыты въ полѣ, такъ какъ «мятежники попамъ хоронить ихъ не приказали и мѣста къ погребенію въ городѣ не дали» [1]).

Только вечеромъ казаки, обагренные кровью своихъ собратій, стали расходиться по домамъ, но въ это время послышался набатный колоколъ, призывавшій ихъ въ войсковой кругъ. За нѣсколько часовъ до звука колокола человѣкъ 20 казаковъ отправились къ Дурново и объявивъ ему, что атаманъ и нѣкоторые старшины убиты, а прочіе посажены подъ караулъ, спрашивали, прикажетъ ли онъ имъ выбрать себѣ новыхъ правителей?

— Дѣлайте что̀ хотите, отвѣчалъ Дурново,—потому что повелѣвать я не силахъ.

— Нѣтъ, кричали казаки, — ты теперь остался командиръ, такъ мы безъ тебя выбрать не можемъ.

Они говорили это отъ чистаго сердца и увѣрены были, что поступаютъ правильно: никто изъ нихъ не сознавалъ, что вовлеченъ въ преступленіе по подстрекательству нѣсколькихъ лицъ.

«Всѣ тамошніе бунтовщики, доносилъ Евтюгинъ, не почитаютъ того, что чрезъ бывшее ихъ смятеніе сдѣлали худо, а согласно всѣ, стары и малы, говорятъ, что исполнили высочайшую волю, и яко бы уже третій годъ вооруженною рукой поступить имъ велѣно было». Естественно, что при такомъ взглядѣ на совершившееся событіе, казаки пришли къ Дурново и спрашивали: прикажетъ ли онъ выбрать старшинъ. Израненый и почти безъ движенія, Дурново, опасаясь новыхъ насилій, принужденъ былъ сказать, что безъ начальниковъ имъ быть невозможно.

— Прекратите безпорядокъ, добавилъ онъ, — оставьте свое смятеніе; если будете продолжать свою наглость, то уже не оправдаетесь тѣмъ, что все это происшествіе послѣдовало, нечаянно, отъ того, что стали по васъ стрѣлять.

Зная, что Траубенбергъ отправилъ нарочнаго въ Оренбургъ и

[1]) Записка Бородина. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

просилъ о присылкѣ къ нему подкрѣпленій, казаки требовали чтобы Дурново далъ идущей въ городокъ командѣ предписаніе возвратиться въ Оренбургъ. Опасаясь новыхъ насилій Дурново отвѣчалъ, чтобы казаки писали сами что хотятъ. Продиктовавъ писарю содержаніе ордера и заставивъ Дурново подписать его, казаки отправились въ войсковой кругъ, гдѣ и выбрали себѣ повѣренныхъ судей: Василія Трифонова (онъ же Прозоръ), Андрея Лабзенева, Терентія Сенгилевцева, сотниковъ и прочихъ чиновъ.

Два дня спустя, имена новыхъ правителей были сообщены всѣмъ форпостнымъ начальникамъ, съ присовокупленіемъ, что имъ поручено управлять дѣлами войсковой канцеляріи впредь до выбора настоящаго атамана [1]).

Вся ночь съ 13 на 14 января проведена была въ разгулѣ, пьянствѣ и въ самохваленіи.

— Богъ пособилъ намъ побѣдить противниковъ, говорили казаки; казенный интересъ мы отбили, волю свою взяли и будемъ дѣлать по-своему.

Утромъ, 14-го числа, былъ снова собранъ войсковой кругъ, гдѣ единогласно постановлено: предать смерти нѣкоторыхъ изъ почитавшихся главными врагами войска и сочинить для старшинской партіи особую присягу, въ которой было сказано, чтобы быть имъ во всемъ согласнымъ съ войскомъ; предать забвенію прежнія ссоры, жить спокойно, не бить челомъ безъ вѣдома войска и ни для какихъ просьбъ никому и никуда, а особливо въ Петербургъ, самовольно не ѣздить. Постановленіе это было тотчасъ же приведено въ исполненіе: дьякъ Суетинъ, писарь Юргуновъ и другіе были лишены жизни самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, причемъ трупъ перваго былъ брошенъ въ рѣку Чаганъ, а втораго—за Старицей [2]). Старшина Бородинъ и другіе были приведены по новой формѣ къ присягѣ и клялись, что будутъ дѣйствовать за-одно съ войскомъ; ихъ заставили просить прощеніе, и они, ходя по кругу, кланялись казакамъ въ ноги.

---

[1]) Ордеръ войска Яицкаго форпостнымъ начальникамъ, отъ 15 января. Моск. Арх. Глав. Шт., опись 93, св. 492.

[2]) Старое русло р. Яика (нынѣ р. Урала).

Утоливъ жажду мести, войсковая сторона начала успокоиваться и, по мѣрѣ того какъ разсудокъ пріобрѣталъ верхъ надъ страстью и увлеченіемъ, коноводы мятежа не могли не сознать своего поступка, и «видя бѣду» рѣшились отправить депутатовъ въ Петербургъ, съ объясненіемъ и оправданіемъ себя въ происшедшихъ безпорядкахъ [1]). Стараясь свалить всю вину на Траубенберга и убитыхъ атамана и старшинъ, новые правители войска призвали въ войсковую канцелярію протопопа соборной Архангельской церкви Дмитрія Ѳедорова, Троицкаго баталіона прапорщика Александра Иванова Евтюгина, Алексѣевскаго пѣхотнаго полка сержантовъ Тимоѳѣя Мензелинцева и Ивана Васильева, и заставили ихъ подписать показанія, направленныя противъ генерала Траубенберга [2]). Показанія эти, какъ доказательство невиновности казаковъ, были приложены къ челобитной на высочайшее имя отъ 15 января 1772 г. Жалуясь на притѣсненія атамановъ и старшинъ, по которымъ производилось слѣдствіе семь лѣтъ, на неполученіе за шесть лѣтъ опредѣленнаго жалованья, на лишеніе рыбныхъ промысловъ, на невзысканіе со старшинъ

---

[1]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 279.

[2]) Вотъ эти документы, составленные самими казаками:

Протопопъ Ѳедоръ показалъ: «13 сего января, во время войска Яицкаго шествія къ г. капитану Сергѣю Дмитріевичу Дурново, для своей просьбы, чтобъ онъ, капитанъ, исполнилъ въ силѣ именнаго ея императорскаго величества указа, со святыми образами, въ которое время по ономъ войскѣ находящійся здѣсь въ Яицкомъ-городкѣ г. генералъ-маіоръ фонъ-Траубенбергъ, изъ учрежденной на Большой улицѣ противу пороховаго выхода артиллеріи, т.-е. пушекъ, а потомъ и изъ ружей не вѣдано по какой причинѣ началъ палить. Оное войско, видя, что онъ, генералъ, началъ по нихъ стрѣлять, то и оное, во оборону свою, противу его, генерала, регулярной команды и бывшимъ съ нимъ же, генераломъ, съ атаманской стороны старшинъ и казаковъ начали стрѣлять».

Прапорщикъ Евтюгинъ: «войска Яицкаго войсковой канцеляріи объявилъ, что при случившейся сего числа (13 января) въ Яицкомъ-городкѣ штурмѣ стрѣльба началась сперва изъ одной, а потомъ и изъ прочихъ пушекъ съ регулярной стороны». Подъ этою подпиской протопопъ Ѳедоръ собственноручно приписалъ: «Но и я при томъ былъ и видѣлъ, что стрѣльба изъ пушекъ началась сперва отъ регулярной команды, которою войска немалое число до смерти побито».

Сержанты Мензелинцевъ и *Васильевъ* 14 января дали подписку, что «при случившейся вчерашняго числа въ Яицкомъ-городкѣ штурмѣ, сперва пальба по приказу г. генералъ-маіора и кавалера фонъ-Траубенберга началась съ регулярной стороны изъ одной подлѣ него бывшей, а потомъ и изъ прочихъ пушекъ» (Воен.-учен. арх., д. № 104 (А), л. 4, 5 и 6).

штрафныхъ денегъ, казаки говорили, что сверхъ всего этого Траубенбергъ и атаманъ Тамбовцевъ «начали насъ, вашего императорскаго величества рабовъ, изъ домовъ таскать и немилостиво мучить».

«Однако мы, писали казаки [1]), все то наблюдали, что въ предохраненіе здѣшняго общества и высокихъ вашихъ интересовъ принадлежитъ. А притомъ просили, дабы по силѣ именнаго вашего императорскаго величества указа, въ дачѣ намъ за шесть лѣтъ жалованья, во взысканіи со старшинъ штрафа и въ выборѣ на мѣсто ихъ по войсковому согласію другихъ, сдѣлано было намъ удовольствіе... и учинено исполненіе. Къ чему мы, собравшись 13-го числа сего мѣсяца для той просьбы, и шли со святыми иконами, чтобы намъ не учинено было безвиннаго вреда; но генералъ Траубенбергъ и Тамбовцевъ со старшинами, собравъ регулярныя команды и всѣхъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ вооруженныхъ, и разстановя по всѣмъ (?) улицамъ пушки и зарядя ихъ ядрами и картечами, начали по насъ, нижайшихъ, стрѣлять и побили на смерть болѣе ста человѣкъ и многихъ перераниля. По каковой доведенной великой крайности принуждены были и мы, нижайшіе, обороняться, причемъ и произошло съ обѣихъ сторонъ отъ того начатаго отъ регулярной команды и отъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ стрѣлянія и пальбы напрасное убійство. А притомъ между того смятенія и бывшій при семъ происшествіи г. генералъ Траубенбергъ съ прочими при семъ убиты, да и войсковой атаманъ Тамбовцевъ и старшина Колпаковъ присутствующимъ старшиной Суетинымъ изъ своихъ рукъ срублены, а съ войсковой стороны *одна только оборона происходила, а напрасное и безвинное кровопролитіе отъ г. генерала съ регулярною командой и отъ согласныхъ атаману старшинъ и казаковъ произошло*, какъ изъ приложенныхъ при семъ протопопской и офицерскихъ и прочихъ сказокъ ваше императорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите. Мы уже, все-

[1]) Въ прошеніи отъ 15 января 1772 г. Прошеніе это напечатано въ приложеніи къ статьѣ г. Д. Анучина (*Современникъ* 1862 г., т. 92), а подлинникъ находится въ Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 1.

подданнѣйшіе рабы, принуждены были оборонятьсѧ по крайней и необходимой нуждѣ; въ чемъ, припадая съ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, и предаемся въ высочайшую вашу монаршую власть и благоволеніе. А теперь все войско Яицкое пришло въ тишину и спокойствіе, и всегда въ повелѣніяхъ вашего императорскаго величества находиться, служить до послѣдней капли крови обязуемся, такъ, какъ отцы наши и дѣды, не щадя живота своего, вѣрно и безпорочно служили. Точію изъ высочайшаго вашего императорскаго величества материяго милосердія всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было, по причинѣ чинимаго отъ государственной военной коллегіи намъ, нижайшимъ, напраснаго притѣсненія, ввѣрить насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ, подъ дирекцію одной персоны, ихъ сіятельствамъ графамъ Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловымъ, а во всемъ оставить на прежнемъ основаніи, такъ, какъ и напредь сего предки наши стояли, въ силу именнаго блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго указа, подъ дирекціею г. генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не отъ военной коллегіи».

Такимъ образомъ, приписывая всѣ невзгоды графу З. Г. Чернышеву, казаки не желали оставаться подъ вѣдѣніемъ военной коллегіи, а бывая часто въ Петербургѣ и зная вліяніе Орловыхъ, они надѣялись подъ ихъ защитой сохранить всѣ свои права и привилегіи.

Когда прошеніе было составлено и подписано, Кирпичниковъ съ товарищами отправились къ Дурново спросить: такъ-ли оно написано и можно-ли послать?

— Богъ-де знаетъ! отвѣчалъ онъ, прочтя прошеніе. Мнѣ кажется такъ, посылайте съ Богомъ.

Тогда Кирпичниковъ потребовалъ, чтобы Дурново своею подписью засвидѣтельствовалъ справедливость всего изложеннаго. «Я, зная навѣрное, доносилъ Дурново, что и малое въ томъ противорѣчіе стоить будетъ мнѣ жизни, принужденъ былъ подписать». Недовольствуясь и этимъ свидѣтельствомъ, казаки потребовали отъ арестованнаго и содержащагося въ оковахъ старшины Мартемьяна Бородина, чтобъ онъ, во-первыхъ, подписалъ показаніе о проис-

шествіи 13 января, составленное ими [1]), а во-вторыхъ, далъ подписку въ томъ, что со дня вступленія его въ присутствіе всѣ жалобы войсковой канцеляріи на войско «происходили понапрасну, въ чемъ и страдали они какъ въ обритіи бородъ, такъ и въ прочихъ наказаніяхъ безвинно». Подписка эта вмѣстѣ съ прошеніемъ и всѣми къ нему приложеніями была передана четыремъ уполномоченнымъ: Выровщикову, Погадаеву, Михайлѣ Кожевникову и Шигаеву, которые тотчасъ же и выѣхали въ Петербургъ. Прежде чѣмъ они пріѣхали въ столицу, тамъ ужъ извѣстно было о всемъ случившемся на Яикѣ, и императрица собственноручно писала графу Я. А. Брюссу [2]): «Прикажите, чтобъ на заставахъ около Петербурга и далѣе гдѣ вѣдомство ваше есть, чтобъ накрѣпко смотрѣли не будутъ-ли проходить гдѣ яицкіе казаки по одиночкѣ или по нѣсколько, безпашпортные или съ пашпортами гвардіи капитана Дурново, и если гдѣ таковые явятся, чтобъ оныхъ бравъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, присылали ихъ сюда прямо въ военную коллегію, а только стерегли того, чтобъ дорогою не ушли. И весьма накрѣпко сіе прикажите».

Казаки успѣли однакоже пробраться незамѣченными и предъ масляницей прибыли въ Петербургъ.

На другой день поутру Выровщиковъ и Погадаевъ подали прошеніе Стрекалову, который тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ, куда забрали потомъ и всѣхъ депутатовъ [3]). 16 февраля 1772 года ихъ допрашивали въ совѣтѣ, въ присутствіи человѣкъ 15 генераловъ, въ числѣ коихъ были графы З. Г. Чернышевъ и Г. Г. Орловъ.

— Для чего вы, спрашивали присутствующіе депутатовъ, — наругались надъ мертвыми генераломъ и солдатами, и для чего долго ихъ не хоронили?

— Наругательства надъ ними никакого не дѣлали, отвѣчалъ

---

[1]) Показаніе это напечатано въ *Современникѣ* 1862 г., т. 92, 605.

[2]) Отъ 11 февраля 1772 г. Госуд. Арх., XVI, д. № 495.

[3]) Показаніе Максима Кожевникова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492. Показаніе Максима Шигаева. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

Шигаевъ, — а похоронили ихъ чрезъ три дня, потому что земля мерзлая, такъ не скоро могилы вырыли.

— Гдѣ же вы ихъ похоронили?

— У церкви.

Многіе изъ генераловъ засмѣялись.

— Такъ вы въ добромъ мѣстѣ ихъ положили, послышались голоса,—а мы думали, что на степи.

Этотъ разговоръ могъ дать казакамъ мысль, что представители власти не особенно строго смотрятъ на происшествіе въ Яицкомъ-городкѣ.

III.

Безпорядки въ Яицкомъ войскѣ при новыхъ правителяхъ.—Дѣйствія оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа. — Мнѣніе государственнаго совѣта о необходимости преобразованія внутренняго строя войска. — Формированіе отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ.—Воззваніе Рейнсдорпа.—Сопротивленіе казаковъ.—Дѣйствія отряда Фреймана.—Столкновеніе на рѣкѣ Ембулатовкѣ. — Занятія Яицкаго-городка. — Уничтоженіе войсковой канцеляріи, казачьяго круга и другихъ привилегій казаковъ.—Состояніе Яицкаго-городка.

Отправивъ депутатовъ въ Петербургъ, войско долгое время не могло успокоиться. Во главѣ его стояли лица, невнушавшія къ себѣ общаго уваженія и выбранныя сгоряча нѣсколькими наиболѣе крикливыми голосами. Въ ежедневно собираемыхъ кругахъ не было ни порядка, ни единодушія. «Старшинъ, выбранныхъ самими ими, доносилъ Дурново [1]), недѣли чрезъ двѣ съ рундука, гдѣ обыкновенно старшины во время круга становятся, сталкивали въ кругъ и послѣ чрезъ самое малое время, хоть и отрицались они принять на себя старшинское достоинство, силой ставили ихъ попрежнему на ихъ мѣста». Казаки требовали отъ вновь поставленныхъ правителей жалованье, по тѣ, будучи не въ состояніи исполнить желаніе войска, отвѣчали отказомъ и тѣмъ возбуждали всеобщее неудовольствіе.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ августа 1772 года. Военно-ученый арх., д. № 104, листъ 18.

— Изъ-за чего же мы кровь проливали, когда вы такъ судите, кричали недовольные.

Чтобъ удовлетворить своему корыстолюбію, войсковые казаки грабили дома послушныхъ, уводили у нихъ лошадей, отбирали хорошее платье и, приводя въ кругъ и грозя смертью, заставляли ихъ откупаться деньгами. Откупщику и отставному старшинѣ Осипу Иванову угрозы эти стоили до трехъ тысячъ рублей [1]), а депутата Окутина сѣкли плетьми, вымогая у него деньги [2]). Желая предупредить такое своеволіе, писарь Михайловъ вошелъ-было въ кругъ для прочтенія того манифеста, по которому депутаты избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, но казаки и слушать того не хотѣли.

— Развѣ по васъ изъ пушекъ стрѣлять, кричали они Михайлову; — сдѣлали мы уже бѣду, такъ бѣдой и покрывать надобно.

Сотникъ Кирпичниковъ, судьи Трифоновъ и Сенгилевцевъ пытались-было успокоить недовольныхъ, но не только не успѣли въ этомъ, но и подверглись гоненію. Кирпичниковъ не одинъ разъ былъ арестованъ и сажаемъ на цѣпь.

— Ты съ нами первый былъ, говорили ему казаки, — а теперь хочешь поддобриться; такъ узнай, что у насъ никому спуску нѣтъ.

Безпорядки дошли до того, что представители власти не имѣли никакого значенія, и та партія хозяйничала, которая была сильнѣе. Общее и единогласное рѣшеніе получалось только тогда, когда дѣло касалось наказанія или смѣны должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ согласной сторонѣ, и замѣны ихъ поборниками народныхъ интересовъ. Такъ, по постановленію круга 16 января, гурьевскій атаманъ Ѳедоръ Бородинъ былъ замѣненъ Андреемъ Чаповымъ, походный атаманъ на нижнихъ форпостахъ Нефедъ Мостовщиковъ — Савельемъ Ѳоминичихинымъ, а полковникъ Витошновъ — Аѳанасіемъ Перфильевымъ.

Среди этихъ выборовъ и замѣны должностныхъ лицъ получено

---

[1]) «Яицкое войско до появленія Пугачева», Витевскаго. *Русскій Архивъ* 1879 года, кн. III, 443.

[2]) «Записка Бородина». Госуд. Арх., VI д. № 505.

было извѣстіе, что изъ Оренбурга отправлены войска и приближаются къ Яицкому-городку. Постановивъ не допускать ихъ въ свои границы и присягнувъ умирать другъ за друга, войсковая партія выслала изъ Яицкаго-городка всю бывшую тамъ регулярную команду, оставивъ только пушки, и отправила нарочныхъ въ Илецкій-городокъ съ ордеромъ капитана Дурново начальнику отряда и съ просьбой отъ имени войска вернуться обратно въ Оренбургъ. Зная, что Дурново находится въ Яицкомъ-городкѣ по высочайшему повелѣнію, что онъ пользуется извѣстною властію и не подозрѣвая, что силой былъ вынужденъ подписать этотъ ордеръ, начальникъ отряда остановился и отправилъ посланныхъ къ оренбургскому губернатору, генералу Рейнсдорпу. Послѣдній, опасаясь, чтобы въ Петербургѣ не осудили его распоряженій, дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ могъ внушить казакамъ, что они поступили правильно и невиновны въ прошедшей рѣзнѣ. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать энергически и уничтожить безпорядки въ самомъ началѣ, Рейнсдорпъ вступилъ съ присланными въ переговоры, недостойные представителя власти. На просьбу казаковъ не посылать команды, онъ отвѣчалъ уклончиво, обманывая себя и ихъ.

— Команды отправлены, говорилъ Рейнсдорпъ,—въ предосторожность отъ заграничныхъ здѣшнихъ обстоятельствъ, а не противъ войска Яицкаго. Войско приведено уже попрежнему въ тишину, а происшедшій между ними сожалѣнія достойный поступокъ зависитъ единственно отъ высочайшаго усмотрѣнія.

Отправивъ предписаніе начальнику отряда остановиться въ Илецкомъ-городкѣ и ободривъ казаковъ, Рейнсдорпъ, по его словамъ, сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы скорѣе освободить Дурново и чтобы въ войскѣ «бо̀льшаго сумнѣнія не имѣли и отъ разврата своего тѣмъ скорѣе унимались» [1]).

Возвращая посланныхъ въ Яицкій-городокъ, оренбургскій губернаторъ отправилъ съ ними увѣщательное письмо войску. «Чрезъ пріѣзжихъ изъ Яицкаго вашего городка, писалъ онъ [2]), получилъ

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

[2]) Въ объявленіи отъ 19 января 1772 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, по аудиторской экспедиціи, опись 93, св. 492.

я оскорбительное извѣстіе, что у васъ въ томъ городкѣ, по причинѣ междуусобнаго несогласія, происходитъ большой развратъ и вредъ, которые заставляютъ всякаго сына отечества и вѣрноподданнаго ея величества раба тужить и печалиться, въ разсужденіи того наипаче, что въ настоящихъ многотрудныхъ обстоятельствахъ таковыя чрезвычайныя происходятъ внутри своего государства несогласія, которыя натурально отворяютъ врата ко всему злу. Должно войску Яицкому представить себѣ: во-первыхъ, страхъ Божій, потомъ присягу вѣрности, а въ-третьихъ, добродѣтель толь славнѣйшей въ свѣтѣ монархини, которая неутомленными своими трудами изволитъ о благосостояніи и тишинѣ своихъ подданныхъ матерински и непрестанно пещись; слѣдовательно, когда до слуха ея величества дойдетъ сія столь гнусная вѣдомость (извѣстіе), то сколь можетъ опечалить ея священнѣйшій духъ! Ежели войско Яицкое, вышедъ изъ мрака злобы, войдетъ хотя въ нѣкоторый свѣтъ благоразумія и восчувствуетъ высочайшую милость ея величества, которою издревле пользоваться счастіе имѣетъ, то я съ моей стороны совѣтую и увѣщеваю, оставя всѣ свои внутреннія нестроенія, тотчасъ принять всѣ мѣры, дабы во ономъ войскѣ Яицкомъ возстановлена была прежняя тишина и покой, и народъ приведенъ бы былъ въ совершенный порядокъ и единодушное высочайшей волѣ повиновеніе, не допуская увеличиться гнѣву Божію».

Рейнсдорпъ требовалъ, чтобы войско донесло ему подробно о всемъ происходившемъ въ Яицкомъ-городкѣ; чтобъ оно отправило въ Оренбургъ для излеченія отъ болѣзни капитана Дурново, если онъ изъявитъ на то желаніе [1]), и съ нимъ команду Алексѣевскаго полка; и, наконецъ, чтобъ оно, на своей границѣ, соблюдало всю воинскую осторожность отъ внѣшнихъ непріятелей. «А дабы вой-

[1]) Дурново давно самъ желалъ уѣхать, но не могъ этого сдѣлать по слабости здоровья. «Что принадлежитъ до меня, писалъ онъ Рейнсдорпу 22 января, то нахожусь въ превеличайшей слабости и весь израненъ: на головѣ три раны, правая рука порублена, на спинѣ рана конейная (копьемъ), а сверхъ того, битъ очень больно, такъ что и подняться съ постели не могу. Да и изволите писать, если дѣла порученной мнѣ коммиссіи дозволятъ, не соглашусь-ли отправиться въ Оренбургъ, я бы съ превеликою радостію поѣхалъ для излеченія моей болѣзни, только нынѣ время очень холодное, а хотя мало будетъ потеплѣе, то отправиться не премину».

ско Яицкое, писалъ въ заключеніе губернаторъ, не имѣло причины объ отправленныхъ отсель войскахъ имѣть сомнѣнія, то я даю знать, что онымъ велѣлъ я остановиться и расположиться въ крѣпостяхъ, принадлежащихъ Яицкому-городку, въ разсужденіи нынѣшнихъ заграничныхъ обстоятельствъ, дабы, въ случаѣ нужды, могли содѣйствовать.

«Итакъ, съ посланнымъ симъ нарочно буду ждать того войска Яицкаго увѣдомленія, дабы по полученіи онаго могъ я по губернаторской инструкціи въ возстановленіи въ войскѣ Яицкомъ прежняго порядка, сходныя и самому войску Яицкому потребныя мѣры принять».

Войсковая канцелярія не замедлила отвѣтомъ, и черезъ два дня доносила Рейнсдорпу то же, что было изложено во всеподданнѣйшемъ прошеніи, отправленномъ съ депутатами въ Петербургъ. Обвиняя во всемъ Траубенберга, войско увѣряло Рейнсдорпа, что подняло оружіе только ради обороны, но теперь оно находится въ тишинѣ и спокойствіи, что всѣ прежнія ссоры и несогласія преданы вѣчному забвенію; что вмѣсто атамана Тамбовцева и прочихъ старшинъ для правленія въ войсковой канцеляріи избраны новыя лица, по общему войсковому согласію и по приказанію капитана Дурново.

«А хотя изъ прежнихъ присутствующихъ двое старшинъ, Иванъ Логиновъ и Мартьянъ Бородинъ, и живы остались, но токмо войско на нихъ не полагается, надежды не имѣетъ и сего правленія имъ не ввѣряетъ»[1]).

Войсковая канцелярія увѣряла Рейнсдорпа, что все войско будетъ служить вѣрой и правдой; что по границѣ наблюдается всякая предосторожность; что нижніе чины Алексѣевскаго полка отправлены въ Оренбургъ, а капитанъ Дурново по болѣзни и холодному времени не можетъ оставить Яицкаго-городка, «но когда теплый воздухъ быть имѣетъ, тогда и означенный капитанъ ѣхать, да и больныхъ и раненыхъ съ собою взять намѣренъ».

Такимъ образомъ обѣ стороны обманывали другъ друга: войско

[1]) Рапортъ Яицкаго войска Рейнсдорпу 21 января. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 93, св. 492. За Мартьяномъ Бородинымъ казаки особенно наблюдали; они посадили его въ подземелье и почти не выпускали на свѣтъ. Бородинъ получилъ свободу только съ занятіемъ Яицкаго-городка отрядомъ Фреймана.

увѣряло, что оно въ тишинѣ и спокойствіи, а между тѣмъ грабило и разоряло дома и имущество послушной стороны, а Рейнсдорпъ: что онъ какъ бы не признаетъ особой вины за казаками въ ожиданіи инструкціи изъ Петербурга.

Между тѣмъ, по полученіи въ столицѣ первыхъ извѣстій о волненіяхъ яицкихъ казаковъ, въ совѣтѣ, учрежденномъ при дворѣ императрицы, было положено: отправить изъ Москвы генералъ-маіора Фреймана съ ротой пѣхоты въ подкрѣпленіе посланнымъ изъ Оренбурга войскамъ, перемѣнить нынѣшнее управленіе войска, уничтожить чины войсковаго атамана и старшинъ и, наконецъ, раздѣлить всѣхъ казаковъ на полки, которые и подчинить вѣдомству оренбургскаго войковаго начальства.

Сознавая, что подобная мѣра, затрогивающая коренные обычаи казаковъ, вызоветъ со стороны послѣднихъ энергическое сопротивленіе, совѣтъ положилъ: до весны стараться усмирить казаковъ одними увѣщаніями, а весной: «тогда какъ они на ловлю (рыбную) поразъѣдутся, ввесть въ ихъ городокъ регулярныя команды и, наказавъ виновныхъ, исполнить полагаемое о перемѣнѣ ихъ управленія намѣреніе» [1]).

Одобривъ постановленіе совѣта, императрица приказала Дурново по выздоровленіи явиться ко двору [2]), а Рейнсдорпу принять мѣры къ усмиренію войска и наказанію виновныхъ.

«Уже съ давняго время, писала она [3]), войско Яицкое, будучи подущаемо нѣсколькими неспокойными и общему благосостоянію завидующими своими казаками, зачинало быть въ развратѣ, и сколько ни старались мы оказанными ему милостьми и снисхожденіемъ вывесть его изъ заблужденія, все наше о томъ попеченіе было однако тщетно. Наконецъ, позабывъ вѣрноподданническую свою должность и ослѣпясь злостнымъ и превратнымъ тѣхъ вредныхъ людей истолкованіемъ нашихъ собственныхъ указовъ, не

---

[1]) Протоколы совѣта 6, 11 и 16 февраля 1772 года. Архивъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Указъ Дурново 17 февраля 1772 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, св. 492.

[3]) Въ указѣ Рейнсдорпу 26 марта 1772 г. Указъ этотъ напечатанъ вполнѣ въ статьѣ Витевскаго: «Яицкое войско до появленія Пугачева». *Русскій Архивъ* 1879 года, книга III, 447.

токмо оказало оно явное непослушаніе, но и дерзнуло на богомерзкое убивство начальствующаго въ той сторонѣ войсками нашего генералъ-маіора Траубенберга, войсковаго своего атамана и другихъ, также на увѣчье и задержаніе отправленнаго къ нимъ отъ лица нашего гвардіи нашей капитана Дурново, а при всемъ томъ, управляясь нынѣ незаконнымъ и самовольнымъ образомъ, пребываетъ въ такомъ еще несообразномъ мнѣніи, якобы исполнило оно симъ ужаснымъ и ненавистнымъ поступкомъ наше соизволеніе».

Полагая, что не все войско, а лишь небольшая часть его была причиной безпорядковъ, а остальные были вовлечены въ преступленіе по простотѣ и незнанію, императрица Екатерина II поручила Рейнсдорпу потребовать главныхъ виновниковъ въ нарушеніи ихъ общаго покоя и тишины и объявить, что въ противномъ случаѣ, вмѣсто милосердія и пощады, войско навлечетъ на себя гнѣвъ императрицы.

22 апрѣля, нарочный привезъ въ Оренбургъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ этого указа, изъ коихъ 30 экземпляровъ съ полковникомъ Углецкимъ [1]), были отправлены 24 апрѣля къ войску съ приказаніемъ губернатора публиковать указъ и разослать его на всѣ форпосты. При этомъ Рейнсдорпъ требовалъ, чтобы до прибытія слѣдственной коммиссіи войско арестовало главныхъ зачинщиковъ и содержало ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ, «дабы никакими средствами утечки учинить не могли» [2]).

Прибывъ въ Яицкій-городокъ, Углецкій, по обычаю, собралъ кругъ и прочиталъ указъ. Выслушавъ высочайшее повелѣніе, войско отказалось признать кого-либо зачинщикомъ безпорядковъ.

— Не нѣкоторые изъ насъ, говорили казаки,—а мы всѣ виноваты предъ милостивою государыней.

Не считая возможнымъ и справедливымъ кого бы то ни было арестовать, войско отвѣчало Рейнсдорпу [3]), что главными нару-

---

[1]) Полковникъ Углецкій былъ выбранъ, какъ человѣкъ надежный и въ Яицкомъ войскѣ неоднократно бывавшій (Всеподдан. рапортъ Рейнсдорпа, отъ 8 мая. Военно-учен. Арх., д. № 104, л. 25).

[2]) Ордеръ войску Яицкому, отъ 24 апрѣля. Московскій Архивъ Главнаго Шт., опись 93, св. 492.

[3]) Рапортъ войска Рейнсдорпу, отъ 30 апрѣля. Тамъ же.

шителями покоя были: бывшіе атаманы Андрей Бородинъ и Петръ Тамбовцевъ, старшина Иванъ Логиновъ, Алексѣй Митрясовъ, Матвѣй Суетинъ, Мартемьянъ Бородинъ, Иванъ Окутинъ, Нефедъ Мостовщиковъ, Ѳедоръ Бородинъ и Кириллъ Филимоновъ съ товарищи. Эти лица, по словамъ казаковъ, были главными возмутителями и причиной всѣхъ ссоръ; по ихъ наущенію Череповъ стрѣлялъ и побилъ безвинныхъ, а Дурново не исполнялъ высочайшаго повелѣнія. Почему войско Яицкое, *имѣя каждый въ томъ обиду, всѣ сами собой, а не по возмущенію чьему*, 13 января отправились къ гвардіи капитану Дурново просить о скорѣйшемъ исполненіи указа, и хотя произошло при этомъ убійство, но войско невиновато, потому что оно только оборонялось. Въ заключеніе войсковая канцеляріи присовокупляла, что войско во всемъ повинуется государынѣ, отправило нарочныхъ въ Петербургъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и содержитъ подъ арестомъ тѣхъ старшинъ, которые были на сторонѣ Траубенберга, какъ виновныхъ въ открытіи пальбы.

Съ такимъ объясненіемъ и отвѣтомъ полковникъ Углецкій возвратился въ Оренбургъ, а казаки рѣшили послать новую депутацію въ Петербургъ съ челобитными императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, въ которыхъ, дословно излагая то же, что̀ доносили Рейнсдорпу, войско просило императрицу оказать ему милость и милосердіе, а великаго князя: помиловать «за прежнія наши вѣрныя службы, отечески заступить и помилосердствовать, чтобы мы отъ праведнаго гнѣва были избавлены» [1]).

Въ войсковомъ кругу 4 мая 1772 года было постановлено, отправить съ этими прошеніями «ко двору ея величества, для отданія *рабскаго поклона*» [2]), присутствующаго войскового повѣреннаго Василія Трифонова и при немъ пять человѣкъ сотниковъ [3]).

Депутатамъ ассигнована была достаточная сумма на путевыя издержки и выдано уполномочіе, въ случаѣ нужды, сдѣлать заемъ

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, по аудит. экспед., оп. 93, св. 492.

[2]) У г. Витевскаго (*Русск. Арх.* 1879 г., кн. III, 446) невѣрно сказано: «рыбнаго поклона» и на этой фразѣ основано нѣсколько заключеній автора.

[3]) Сотники: Симеонъ Свѣшниковъ, Петръ Сергѣевъ, Савелій Ѳомпничихинъ, Алексѣй Аржановъ и Никифоръ Любинъ.

на счетъ войска; но не успѣли они тронуться въ путь, какъ на Яикѣ получены были извѣстія самаго тревожнаго свойства.

Одновременно съ отправленіемъ полковника Углецкаго въ Яицкій-городокъ, Рейнсдорпъ получилъ указъ военной коллегіи [1]), которымъ повелѣвалось: какъ только отправленный изъ Москвы на почтовыхъ генералъ-маіоръ Фрейманъ съ гренадерскою ротой Великолуцкаго полка прибудетъ въ Оренбургъ, то придать ему столько пѣхоты и кавалеріи, чтобы въ отрядѣ его было не менѣе 1,500 человѣкъ регулярныхъ войскъ съ достаточнымъ числомъ артиллеріи. Руководясь кротостью и щадя невинныхъ, Фрейманъ долженъ былъ съ этимъ отрядомъ двинуться къ Яицкому-городку, потребовать выдачи зачинщиковъ, и въ случаѣ отказа со стороны населенія, силой возстановить тамъ прежнее спокойствіе и тишину.

Предоставляя Рейнсдорпу, какъ человѣку ближе знакомому съ положеніемъ дѣлъ, принять тѣ или другія мѣры, военная коллегія находила нужнымъ сказать: «что всякому въ семъ случаѣ средству предпочитается способъ кротости и тотъ, которымъ до желаемаго конца достичь можно, съ пощадою невинныхъ и безъ кровопролитія... По усмиреніи ихъ (казаковъ) и по занятіи Яицкаго-городка, правленіе всего Яицкаго войска, впредь до высочайшаго повелѣнія, поручить полковнику Неронову; въ самомъ Яицкомъ-городкѣ поставить цѣлую легкую полевую команду, придавъ человѣкъ до 200 или болѣе изъ оренбургскихъ казаковъ, также и достаточное число артиллеріи, и тотчасъ вступить въ слѣдствіе и разсмотрѣніе сего происшествія.

«Но какъ при такихъ народныхъ возмущеніяхъ заслуживаетъ особливаго попеченія, чтобы самовольно возмутителями устроенное правленіе, какъ возможно скорѣе разрушено было и тѣмъ бы безаконное ихъ соединеніе само по себѣ упасть могло. Того ради и надлежитъ вамъ напередъ всѣ выше предписанныя повелѣнія и мѣры такъ собрать и заготовить, дабы первымъ вашимъ дѣйствіемъ противъ возмутителей вы были въ состояніи тотчасъ уни-

[1]) Указъ военной коллегіи Рейнсдорпу 17 февраля 1775 г.

чтожить ихъ правительство и постановить ваше, а потомъ уже начинать должное слѣдствіе» [1]).

Въ ожиданіи прибытія Фреймана оренбургскій губернаторъ сталъ стягивать войска къ Разсыпной крѣпости. Слухъ о такомъ распоряженіи быстро распространился по всему Яику и населеніе съ особою чуткостью слѣдило за сборомъ войскъ. 6 мая войсковая канцелярія ужь отправила двухъ казаковъ, Петра Пустобаева и Григорія Куликова, которымъ поручено было подъ видомъ вопроса: можетъ ли войско отправиться на севрюжье рыболовство, разузнать, что дѣлается въ Оренбургѣ.

Не желая сознаться, что знаетъ причину сбора командъ, войсковая канцелярія доносила Рейнсдорпу, что на основаніи прежнихъ обыкновеній войско Яицкое на севрюжье рыболовство выступило, «но нынѣ получено здѣсь извѣстіе, якобы въ Оренбургѣ, по крѣпостямъ, собираются команды и намѣрены слѣдовать сюда, а для какихъ причинъ, неизвѣстно; также что изъ россійскихъ жительствъ съ хлѣбомъ и съѣстными припасами всякаго званія сюда не допускаются. Изъ-за чего войско Яицкое слѣдованіемъ на то севрюжье рыболовство и остановилось, имѣя сомнѣніе не будетъ ли надобности, чтобъ оное все было на лицо, чтобъ изъ-за того миновать излишняго затрудненія».

Увѣряя губернатора, что на Яикѣ все тихо и спокойно, войсковая канцелярія просила тѣмъ командамъ «напраснаго движенія не чинить, чтобы изъ-за того и оное войско безъ сомнѣнія остаться могло» [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 10 мая войско разослало приказъ всѣмъ старшинамъ форпостовъ, расположенныхъ вверхъ по Яику, чтобы бѣгущихъ изъ Яика старшинъ и согласныхъ казаковъ стараться ловить и черезъ форпосты не пропускать.

На вопросъ о причинѣ сбора войскъ Рейнсдорпъ говорилъ, что хотя войско не заслуживаетъ отвѣта, но какъ вопросъ его и просъ-

---

[1]) Московс. Арх. Глав. Штаба. Журналъ секретной экспед., опись 47, кн. 52, л. 118.

[2]) Донесеніе войска Яицкаго отъ 6 мая 1772 г. Моск. Арх. Глав. Штаба, опись 93, св. 492.

бу онъ считаетъ дерзкими, «то и молчаливымъ остаться за сходно не признаетъ».

«Итакъ, писалъ онъ, возвращая изъ присланныхъ отъ васъ одного казака, даю вамъ знать, что наряженныя войска, подъ предводительствомъ генералъ-маіора Фреймана, отправлены отъ меня по силѣ высочайшаго указа, для наказанія находящихся между войскомъ Яицкимъ мятежниковъ, кои паки въ злодѣяніи и непослушаніи остаются. Но прежде нежели онъ, генералъ-маіоръ, приступитъ къ дѣйствительному предписанному ему исполненію, я васъ, войско Яицкое, паки прилежно увѣщеваю и прошу, хоть остальные часы, въ кои еще можете черезъ раскаяніе ваше пользоваться милосердымъ ея величества прощеніемъ, употребить на разсужденіе, пощадя кровь неповинную женъ вашихъ и малолѣтнихъ дѣтей, а притомъ въ злобѣ неучастныхъ людей, и пришедъ въ чувствіе, постараться высочайшую волю исполнить, т.-е. главныхъ и богомерзкаго убійства зачинщиковъ, о коихъ черезъ полковника Углецкаго реестръ вы получили, обще съ признаваемыми вами покоя вашего нарушителями ему, генералъ-маіору, выдать и тѣмъ себѣ и всему войску Яицкому спасеніе получить. А инаково непремѣнно поступлено будетъ съ вами по всей строгости высочайшаго гнѣва, отъ котораго укрыться никакого способа уже не остается, ибо вы сами понять въ состояніи, можетъ ли столь важное злодѣяніе отъ главнѣйшей въ свѣтѣ монархини безъ достойнаго отмщенія упущено быть» [1]).

Такой отвѣтъ губернатора заставилъ войско отказаться отъ ловли севрюги и подумать объ отклоненіи угрожающей бѣды, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе отправленія своего отвѣта, Рейнсдорпъ предписалъ генералъ-маіору Фрейману отправиться въ Разсыпную, принять тамъ начальство надъ собравшимися командами и двинуться къ Яицкому-городку непремѣнно 16 мая.

Подходя къ городку, Фрейманъ долженъ былъ вторично отправить вышеприведенное увѣщаніе Рейнсдорпа, и въ случаѣ сопротивленія, обложить городокъ, построить батареи и приготовиться

---

[1]) Объявленіе Рейнсдорпа войску Яицкому 14 мая 1772 г. Моск. Арх. Главнаго Штаба по аудитор. экспед., опись 93, св. 492.

къ осадѣ. Чтобы виновники мятежа не могли переправиться на противоположную сторону рѣки Яика, Фрейману поручено было отправить изъ Илецкаго-городка по лѣвому берегу рѣки Яика отрядъ изъ 600 человѣкъ ставропольскихъ калмыковъ и иррегулярныхъ войскъ. Остановившись противъ городка, отрядъ этотъ долженъ былъ содержать разъѣзды и ловить всѣхъ переправляющихся [1]).

11 мая Фрейманъ прибылъ въ Разсыпную крѣпость, но не нашелъ тамъ всѣхъ командъ, долженствовавшихъ поступить въ составъ отряда: недоставало эскадрона драгунъ, 500 ставропольскихъ калмыковъ и мушкетерской роты, слѣдовавшихъ изъ Троицкой крѣпости. Продовольствіе отряда также не было обезпечено. Приготовленные въ Илецкомъ-городкѣ сухари, по медленному снаряженію для нихъ подводъ, не могли быть доставлены скоро къ отряду и тѣмъ болѣе, что для переправы ихъ черезъ р. Яикъ въ Разсыпную крѣпость не было надежнаго перевоза. Такимъ образомъ, сборъ войскъ и распоряженія по обезпеченію продовольствіемъ задержали Фреймана въ Разсыпной крѣпости до 25 мая [2]), а между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени войско успѣло приготовиться къ оборонѣ и къ вооруженному сопротивленію.

Возвращавшіяся 16 мая изъ Илецкаго-городка казачки, Екатерина Азовская и Ѳедора Яковлевичева, на ближайшемъ форпостѣ объявили сотнику Галунову, что 11 мая въ Разсыпную крѣпость прибылъ генералъ изъ Оренбурга и собралъ полки, а изъ Илецкаго-городка потребовалъ 275 лошадей подъ провіантъ [3]). Галуновъ въ тотъ же день донесъ объ этомъ войсковой канцеляріи, которая разослала гонцовъ по всѣмъ верхнимъ форпостамъ съ приказаніемъ, что если извѣстіе это справедливо, то чтобы на всѣхъ форпостахъ старшины и казаки имѣли всю военную предосторожность днемъ и ночью; какъ же только войска двинутся изъ Разсыпной, то отправляли бы женъ и скотъ въ Яицкій-горо-

---

[1]) Предписаніе Рейнсдорпа генералъ-маіору Фрейману 10 мая, опись 93, св. 492.

[2]) Записка Фреймана безъ года, мѣсяца и числа. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

[3]) Рапортъ Галунова войску отъ 16 мая. Моск. Арх. Главн. Штаба по аудиторск. экспед., опись 93, св. 492.

докъ, куда и сами ѣхали «безо всякаго отрицанія», захвативъ съ собою и находящіяся на форпостахъ пушки [1]).

Первое извѣстіе о дѣйствительномъ выступленіи Фреймана изъ Разсыпной крѣпости привезъ въ Яицкій-городокъ илецкій казакъ Никита Ерзиковъ [2]), а вслѣдъ затѣмъ Иртецкаго форпоста есаулъ Сергѣевъ донесъ войску, что Фрейманъ съ отрядомъ «рѣчку Киндель уже перелазитъ».

Войско, собравшись въ кругъ, по просьбѣ Кирпичникова и Ивана Портнова, постановило: просить помощи киргизскаго Нуръ-Али хана [3]) и отправить двухъ казаковъ, Максима Кабаева и Ивана Ерофѣева, убѣдиться въ справедливости донесенія Сергѣева. Когда посланные, возвратившись, подтвердили извѣстіе, то войсковая канцелярія предписала командированнымъ на заставу походнымъ: атаману Ивану Ульянову и полковнику Пономареву (онъ же и Самодуровъ) съ командой изъ 200 человѣкъ верховыхъ казаковъ немедленно слѣдовать къ р. Иртеку и, по приближеніи Фреймана, отправить къ нему нарочныхъ и требовать указа, съ какою цѣлью онъ двигается къ Яицкому-городку.

«Самимъ же вамъ, сказано было въ наставленіи [4]), тѣмъ войскамъ никакихъ озлобленій не чинить, а меньше того и съ войсками къ отпору не вступать, а больше стараться просить изъ милосердія, чтобъ онъ съ войсками остановился и въ городокъ къ намъ не доходилъ и тѣмъ бы войско Яицкое въ вящшее сомнѣніе не вводилъ».

Въ ожиданіи донесенія Ульянова и Пономарева войско признало нужнымъ усилить свои боевыя средства, и съ этою цѣлью от-

---

[1]) Ордера войска Яицкаго вверхъ по р. Яику по крѣпостямъ и форпостамъ старшинамъ, есауламъ, сотникамъ и казакамъ, даже до Иртецкаго форпоста отъ 18 и 28 мая. Моск. Арх. Главн. Штаба по аудит. эксп., опись 93, св. 492.

[2]) Показаніе сотника Ивана Чеботарева. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93 св. 492.

[3]) Нуръ-Али уклонился отъ прямого отвѣта и впослѣдствіи письмомъ отъ 8 іюня увѣдомилъ Рейнсдорпа, что отъ Яицкаго войска были присланы къ нему люди съ объявленіемъ, что оренбургскія войска идутъ на нихъ, «а какъ де они, яицкіе казаки, съ киргизъ-кайсаками равнаго въ родѣ своемъ состоянія, то именемъ войска и просили, чтобы киргизы для помощи къ нимъ сообщились». Нуръ-Али ханъ писалъ, что онъ по своей вѣрности имъ отказалъ. Тамъ же.

[4]) Отъ 28 мая 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

правило сотника Сѣтчикова на нижніе форпосты, съ приказаніемъ выслать въ Яицкій-городокъ, на подводахъ, половинное число пороха и выкомандировать половинное число казаковъ, а остальнымъ оставшимся въ малыхъ форпостахъ казакамъ съ женами и дѣтьми перебраться подъ защиту большихъ крѣпостей и быть имъ «во всякой осторожности» [1]).

Между тѣмъ Ульяновъ и Пономаревъ, прибывъ въ Генварцевскій форпостъ узнали, что отрядъ Фреймана устроилъ черезъ р. Иртекъ мосты и переправляется на ихъ сторону. Ульяновъ отправился въ Яицкій-городокъ донести войску, а Пономаревъ остался въ форпостѣ для наблюденія за движеніемъ отряда. Руководствуясь даннымъ отъ войска наставленіемъ, Пономаревъ отправилъ къ Фрейману трехъ человѣкъ казаковъ, чтобы разузнать, съ какою цѣлью онъ двигается. Посланные возвратились и донесли, что генералъ форпостнымъ казакамъ никакого вреда не чинилъ, а имъ сказалъ, что слѣдуетъ въ Яицкій-городокъ за виновниками возмущенія [2]). Пономаревъ донесъ о томъ войску, а самъ, не имѣя права оказывать вооруженнаго сопротивленія, сталъ отступать, и Фрейманъ видѣлъ передъ собой только одинокихъ, вдали разъѣзжавшихъ всадниковъ.

Получивъ донесеніе Пономарева, войско собиралось нѣсколько разъ въ круги, причемъ старшины Трифоновъ и Сенгилевцевъ умышленно объявили, будто Пономаревъ былъ Фрейманомъ атакованъ; что корпусъ слѣдуетъ не по высочайшему повелѣнію, а по распоряженію губернатора и не для чего другого, какъ для истребленія всего городка [3])».

— Извольте, атаманы - молодцы, говорили они, — въ походъ идти и оставить въ городкѣ только съ каждаго десятка по два человѣка, а прочіе всѣ выступите нынѣшняго же дня.

Священникъ соборной церкви Василій Ивановъ, войдя въ кругъ, увѣщевалъ казаковъ не ѣхать въ степь на встрѣчу Фрейману и сопротивленія не оказывать.

---

[1]) Ордеръ войска Яицкаго сотнику Сѣтчикову, 28 мая. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Записка Бородина. Госуд. Арх. VI, д. № 505.

[3]) Рапортъ Трифонова войсковой канцеляріи отъ 31 мая 1772 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

— Дѣло это богопротивное, говорилъ онъ; — вы пострадете отъ Бога и навлечете гнѣвъ государыни.

— Мы не намѣрены съ полками воевать, отвѣчали на это вожаки недовольной партіи,—а мы будемъ спрашивать только зачѣмъ сюда слѣдуютъ, и просить, чтобы генералъ самъ, или кого изъ офицеровъ съ малою командой для слѣдствія прислалъ. А безъ ружей намъ ѣхать невозможно ради того, что иногда къ истребленію всего здѣшняго мѣста безо всякой причины отъ тѣхъ полковъ нападеніе учиняется. Если бы сего не было, то могли бы сюда малую команду прислать, а такой великій корпусъ не для добра идетъ, и конечно, отъ губернатора, а государыня того не вѣдаетъ.

Большинство казаковъ повѣрило словамъ своихъ предводителей, и въ томъ же кругѣ была составлена подписка, которою сотники и казаки обязывались, что «дерзновенно» противъ Фреймана поступать не будутъ, а будутъ стараться только не допустить его въ Яицкій-городокъ. Тогда войсковой повѣренный, шестидесятилѣтній старикъ Василій Трифоновъ, тотъ самый, который, будучи избранъ депутатомъ, не успѣлъ уѣхать въ Петербургъ, былъ назначенъ главнымъ распорядителемъ похода и въ помощь ему походнымъ атаманомъ Иванъ Ульяновъ.

Послѣдній, собравъ на скорую руку сколько можно было казаковъ, выступилъ съ ними на рѣку Ембулатовку, гдѣ и соединился съ Пономаревымъ, отступавшимъ предъ отрядомъ Фреймана. Сюда же спѣшилъ и Василій Трифоновъ съ остальными казаками, съ 5-ю знаменами и 10 пушками. 31 мая послѣдовало соединеніе всѣхъ трехъ отрядовъ, причемъ казаки узнали, что Пономаревъ не былъ атакованъ Фрейманомъ, и что послѣдній находился на рѣкѣ Ембулатовкѣ верстъ еще за тридцать. Поэтому, не предвидя столкновенія въ тотъ же день, казаки собрали кругъ, въ которомъ постановили: прежде чѣмъ посылать нарочныхъ къ Фрейману, вытребовать изъ войсковой канцеляріи документы, которые могли бы засвидѣтельствовать о невинности войска и о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ старшинами. Въ тотъ же день Трифоновъ отправилъ нарочнаго въ городокъ съ рапортомъ, въ которомъ просилъ войсковую канцелярію доставить въ отрядъ «для войсковой

общественной нужды и пользы: 1) присланную войску изъ государственной военной коллегіи *сгубительную* грамоту, которою велѣно изъ войска Яицкаго разослать нѣкоторыхъ въ ссылки, а другихъ отдать въ солдаты: оная лежитъ въ ларцѣ тамъ, гдѣ печать войсковая находится; 2) приговоръ атамана Тамбовцева съ старшинами, за ихъ руками, коимъ въ насъ стрѣлять во время штурма положено, и оный находится у Романа Котятова, и 3) съ указа блаженной памяти императрицы Анны Іоанновны, коимъ повелѣно насъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ довольствовать безъ задержанія» [1]).

Въ ожиданіи присылки этихъ документовъ, Трифоновъ на другой день, 1 іюня, узналъ, что почти на высотѣ городка, на противоположной сторонѣ р. Яика, по такъ-называемой Бухарской дорогѣ, слѣдуетъ другой отрядъ, состоящій изъ регулярной и иррегулярной команды. Онъ тотчасъ же отправилъ приказаніе внизъ по рѣкѣ Яику до Гниловскаго форпоста, чтобы всѣ старшины и казаки отправляли своихъ женъ, дѣтей и имущество въ Яицкій-городокъ, а сами всѣ до единаго явились къ нему на рѣку Ембулатовку [2]). Собравшіеся же на этой рѣчкѣ казаки въ тотъ же день рѣшили отправить къ Фрейману депутатами есаула Аѳанасія Перфильева, впослѣдствіи самаго ревностнѣйшаго пособника Пугачева, сотника Никифора Любина и казака Андрея Курбетева съ порученіемъ узнать, зачѣмъ посылается къ нимъ отрядъ и просить Фреймана, что если у него есть высочайшее повелѣніе, то прислалъ бы его въ войско. Фрейманъ отвѣчалъ, что идетъ въ Яицкій-городокъ, чтобы вытребовать виновныхъ въ происшедшемъ возмущеніи и въ убійствѣ генерала Траубенберга.

Перфильевъ съ товарищами просили Фреймана дозволить имъ отправить депутатовъ въ Петербургъ съ просьбою къ императрицѣ. Фрейманъ не разрѣшилъ, но объявилъ, что если они выдадутъ

---

[1]) Рапортъ походнаго атамана и войскового повѣреннаго Василія Трифонова войсковой канцеляріи отъ 31 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[2]) Ордеръ Трифонова внизъ по рѣкѣ Яику старшинамъ и казакамъ до Гниловскаго форпоста, 1 іюня. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

40 человѣкъ зачинщиковъ, то остальнымъ онъ никакого вреда не сдѣлаетъ [1]).

— Мы всѣ виновны, говорили присланные;—отъ войска послана челобитная ея величеству и ожидается указъ.

Депутаты просили Фреймана не переходить границъ войска, возвратиться въ Оренбургъ, или же остановиться до дальнѣйшихъ распоряженій.

— Останавливаться я не имѣю нужды, отвѣчалъ Фрейманъ, — а долженъ, по силѣ даннаго мнѣ отъ оренбургскаго губернатора повелѣнія, слѣдовать прямо въ Яицкій-городъ и взять виновниковъ возмущенія, и если остановлюсь, то не далѣе, какъ въ 15 верстахъ отъ городка.

Депутаты возвратились къ отряду вмѣстѣ съ сержантомъ Мѣшковымъ, присланнымъ Фрейманомъ потребовать выдачи 34 человѣкъ виновныхъ, поименованныхъ въ спискѣ, переданномъ войску полковникомъ Углецкимъ.

— Виновные, говорили казаки,—бывшій атаманъ Андрей Бородинъ, старшины Иванъ Окутинъ, Кириллъ Филимоновъ, Иванъ Логиновъ и прочіе ихъ сторонники, которые давно уже содержатся подъ карауломъ.

Мѣшковъ объявилъ тогда, что Фрейманъ въ послѣдній разъ даетъ время на размышленіе. Казаки собрали кругъ и на вопросъ что дѣлать? положили: когда Фрейманъ подойдетъ къ рѣкѣ Ембулатовкѣ, то силой оружія воспрепятствовать ему дальнѣйшее движеніе [2]). Такое рѣшеніе было несогласно съ желаніемъ многихъ и противно подпискѣ, данной старшинами и казаками въ Яицкомъ-городкѣ. Видя, что распущенный слухъ, будто Пономаревъ былъ атакованъ, несправедливъ, что, напротивъ того, Фрейманъ, проходя мимо форпостовъ, не причинялъ никому ни обидъ, ни оскорбленій, войско совѣтовало старшинамъ не вооружаться противъ Фреймана, а встрѣтить его съ честію [3]).

---

[1]) Показаніе Перфильева 12 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, № 425.

[2]) Показаніе сотника Кирпичникова и полковника Пономарева. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Записка Маврина. *Памятники новой русской исторіи*, ч. II, 282.

— Мы не воевать пришли сюда, замѣтилъ казакъ Гульчихинъ, — и въ случаѣ упорства Фреймана лучше отступить.

Опасаясь, что такое замѣчаніе можетъ произвести разногласіе въ войскѣ, Ульяновъ «на страхъ другимъ» приказалъ высѣчь Гульчихина плетьми и привязать къ колесу [1]). Приказаніе это было тотчасъ же исполнено, но не дало тѣхъ результатовъ, которыхъ ожидалъ Ульяновъ. Въ войскѣ уже существовало разногласіе въ этомъ отношеніи, и вслѣдъ за наказаніемъ Гульчихина Ульянову пришлось наказать плетьми казака Ивана Болдырева и выгнать изъ палатки казака Григорія Жигалина съ товарищами, пришедшими къ нему съ такими же точно заявленіями. Вслѣдъ затѣмъ сотники Простовъ и Бочкаревъ, казаки Макарычевъ, Турыбаринъ и Пустобаевъ заявили, что они вполнѣ раздѣляютъ мнѣніе Гульчихина и просили освободить послѣдняго, такъ какъ не онъ одинъ, а многіе и другіе казаки такого же мнѣнія [2]). Гульчихинъ былъ отпущенъ на свободу, но старшинамъ трудно было согласиться съ миролюбивыми совѣтами: большинство ихъ находилось въ спискѣ виновныхъ и впустить Фреймана въ городокъ значило добровольно предаться въ руки правосудію и подвергнуть себя жестокому наказанію. Они предпочли сопротивляться, и чтобъ имѣть возможность лучше къ тому приготовиться, задержали у себя сержанта Мѣшкова до слѣдующаго дня.

Въ ожиданіи отвѣта генералъ-маіоръ Фрейманъ въ теченіе цѣлаго дня оставался на мѣстѣ и успѣлъ запастись фуражомъ, а казаки перешли рѣку Ембулатовку и, выставивъ по высотамъ далеко впереди аванпосты, приготовились къ встрѣчѣ. Вожаки рѣшили не дозволить Фрейману переправиться черезъ рѣку Ембулатовку.

— За счастье почтетъ генералъ, говорилъ самопадѣянно Пономаревъ, желая подбодрить казаковъ, — если ему удастся изъ этой рѣчки воды напиться [3]).

Между тѣмъ, Фрейманъ, въ 9 часовъ утра 3 іюня, въ день

---

[1]) Показаніе сотника Ивана Портнова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба.

[2]) Показанія сотниковъ Кирпичникова и Портнова. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Показанія Кирпичникова и Портнова. Тамъ же.

св. Троицы, въ боевомъ порядкѣ двинулся впередъ, имѣя впереди разъѣзды изъ оренбургскихъ казаковъ. Не доходя верстъ трехъ или четырехъ до рѣки Ембулатовки, онъ встрѣтилъ одиночныхъ всадниковъ, гарцовавшихъ предъ его фронтомъ. Яицкіе наѣздники подъѣзжали къ оренбургскимъ казакамъ и просили, «чтобъ они въ сіе дѣло не вплетывались, какъ и они съ своей стороны задирать ихъ не станутъ». Оренбургскіе казаки отступили къ отряду и донесли о томъ Фреймапу, который, пройдя еще нѣсколько сотъ саженъ, увидѣлъ предъ собой толпу яицкихъ казаковъ, числомъ до четырехъ тысячъ человѣкъ и болѣе. Онъ остановился и отправилъ офицера съ нѣсколькими всадниками спросить, зачѣмъ они собрались вооруженные и потребовать, чтобъ они разошлись по домамъ. На встрѣчу посланному выѣхалъ полковникъ Пономаревъ съ нѣсколькими казаками. Офицеръ требовалъ, чтобы казаки не опасались ничего, ѣхали спокойно въ Яицкій-городокъ и очистили свободный путь отряду.

— Мы всѣ умремъ на рѣкѣ Ембулатовкѣ, отвѣчалъ на это Пономаревъ,—а въ городокъ отряда не впустимъ.

Фрейманъ двинулся впередъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ рѣчкѣ, толпа казаковъ, все увеличиваясь, стала окружать отрядъ. Фрейманъ остановился и приказалъ открыть огонь. Послѣдовалъ выстрѣлъ съ лѣваго фланга, за нимъ другой и третій. Казаки отвѣчали выстрѣлами изъ ружей, и затѣмъ нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ отряду саженъ на сто съ лѣвой стороны, зажгли траву во многихъ мѣстахъ. Пожаръ быстро распространился и дымъ понесло на отрядъ. Подъ прикрытіемъ этого дыма казаки намѣрены были атаковать Фреймана и съ этою цѣлью подавали нѣсколько сигналовъ, но атака не состоялась. Тогда они подвезли пушки и открыли огонь, но какъ дымъ мѣшалъ правильному прицѣливанію, то снаряды ихъ перелетали черезъ головы и не причинили никакого вреда отряду.

Между тѣмъ Фрейманъ, имѣя у себя до 400 лопатъ, приказалъ, въ предупрежденіе опасности отъ степного пожара, очистить отъ травы нѣкоторое пространство вокругъ отряда, и какъ только огонь прекратился и дымъ разсѣялся, онъ сбилъ артиллерію казаковъ. Послѣдніе, видя неудачу въ этомъ направленіи, собрались

на правомъ флангѣ отряда, съ намѣреніемъ атаковать его, но Фрейманъ приказалъ легкимъ войскамъ предупредить ихъ своею атакой, и казаки были сбиты, потерявъ много убитыхъ, которыхъ они, подбирая, таскали арканами.

Разсѣявшись въ разныя стороны, казаки собрались потомъ возлѣ рѣки за горой, мимо которой долженъ былъ слѣдовать отрядъ. Выславъ впередъ оренбургскихъ казаковъ и калмыковъ для воспрепятствованія казакамъ производить поджогъ травы, Фрейманъ принялъ вправо и двинулся по обожженному уже мѣсту, съ намѣреніемъ обогнуть гору и зайти въ тылъ собравшимся. Замѣтивъ это, казаки снова выдвинули свои орудія, атаковали кавалерію Фреймана, прогнали ее къ отряду и успѣли захватить 10 человѣкъ плѣнныхъ, изъ числа которыхъ двухъ калмыковъ они впослѣдствіи убили. Подъ прикрытіемъ огня своихъ орудій казаки пытались нѣсколько разъ атаковать отрядъ, но не имѣя въ томъ успѣха, снова зажгли траву въ разныхъ мѣстахъ. Фрейманъ принужденъ былъ остановиться, принять мѣры къ прекращенію пожара и выстрѣлами изъ орудій отбивать насѣдавшихъ на него казаковъ [1]).

День клонился къ вечеру; солнце уже зашло и выстрѣлы прекратились. Въ отрядѣ пробили зорю, разставили ночные пикеты, а казаки отошли въ свой станъ, расположенный въ горахъ у мостовъ черезъ рѣчку Ембулатовку. Они отправили нарочнаго въ Яицкій-городокъ съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ и просили совѣта у оставшихся въ городкѣ судей и престарѣлыхъ, что̀ «прикажутъ съ корпусомъ дѣлать, который остановленъ, и отъ рукъ ихъ уже никто изъ онаго уйти не можетъ».

«Съ нашей стороны, доносилъ Трифоновъ, урону, кромѣ двоихъ казаковъ легкими ранами раненыхъ и двухъ лошадей убитыхъ, болѣе не состоитъ. А нынѣ паки къ нему, генералу, дабы возвратился назадъ, все войско приступило, и что̀ произойдетъ донесено будетъ. Съ ихъ же стороны всѣхъ побитыхъ десятковъ до трехъ, въ полонъ взятыхъ восемь человѣкъ оренбургскихъ ка-

---

[1]) Записка Фреймана. Государств. Арх., VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу отъ 12 іюня. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 93, св. 492.

заковъ, которые для надлежащаго отосланы къ вамъ въ войско [1]). Чего для и нынѣ просимъ пожаловать священникамъ побить челомъ, дабы оные за православный народъ всѣ сіи дни промолебствовали, чтобы Господь намъ помогъ одолѣть противника нашего. Да и о томъ паки напоминаемъ, чтобы послать въ Гурьевъ-городокъ для взятія пороха и свинца какъ можно и о сводѣ съ нижнихъ форпостовъ команды, какъ прежде было предписано».

Донесеніе Трифонова было принято въ Яицкомъ-городкѣ съ большимъ восторгомъ. Какъ только прибылъ посланный, Сенгилевцевъ приказалъ ударить въ набатъ, чтобы передать войску столь пріятныя извѣстія. Услышавъ знакомый звукъ колокола, старые и малые казаки, даже женщины собрались въ кругъ, гдѣ узнали содержаніе полученныхъ донесеній, и рѣшили отправить въ войско своихъ посланныхъ съ поздравленіемъ и съ пожеланіемъ захватить Фреймана въ свои руки и привести его въ Яицкій-городокъ. Въ томъ же кругу было постановлено: производить ежедневное молебствіе и немедленно отправить казака Максима Кабаева въ Гурьевъ-городокъ за порохомъ [2]) и для свода казаковъ съ нижнихъ форпостовъ.

«При городѣ же, писалъ Сенгилевцевъ [3]), предводительствующею рукой Божіею обстоитъ благополучно».

---

[1]) Г. Витевскій (*Русскій Архивъ* 1879 г., кн. III, 452) принялъ эти цифры за дѣйствительныя потери обѣихъ сторонъ, но нѣтъ надобности близко знать военное дѣло, чтобы видѣть всю ихъ невѣрность. Въ дѣйствительности же потери Фреймана въ оба дня сраженія заключались въ одномъ убитомъ, 9 раненыхъ, въ томъ числѣ прапорщикъ Бочкаревъ, и 15 плѣнныхъ (9 оренбургскихъ казаковъ и 6 калмыковъ). Что же касается яицкихъ казаковъ, то кромѣ убитыхъ и раненыхъ они потеряли 4 человѣка захваченными въ плѣнъ и два знамя.

[2]) «По самонужному нынѣ дошедшему до всего здѣшняго общества обстоятельству, писалъ Сенгилевцевъ 4 іюня Гурьевской сотенной команды походному атаману Андрею Чипову (?), о которомъ податель сего можетъ ясно доказать, потребно пороху, ядеръ и свинцу. А какъ онаго пороху, ядеръ и свинцу въ Гурьевѣ находится немалое число, почему въ войскѣ Яицкомъ разсуждено взять оттоль половинное число, того ради и повелѣвается вамъ онаго пороха, ядеръ и свинцу, взявъ половинное число для доставленія сюда, отдать посланному съ симъ казаку Кабаеву и съ нимъ для препровожденія онаго интереса отправить изъ команды своей 25 человѣкъ совсѣмъ вооруженныхъ. Прапорщика же (Филатова), находящагося у васъ съ командой, дабы онъ не могъ куда въ другія мѣста дать о томъ извѣстія, заковавъ всѣхъ въ желѣзо, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ».

[3]) Въ ордерѣ отъ войска Яицкаго Василію Трифонову 4 іюня. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

Отслуживъ молебенъ, казаки ходили съ образами по всѣмъ часовнямъ, а затѣмъ весь вечеръ провели въ кутежѣ и пѣніи; женщины же, непринимавшія участія въ кутежѣ, собравшись толпой, ходили по домамъ послушной стороны и били мужчинъ.

Въ два часа утра, 4 іюня, Фрейманъ двинулся впередъ и почти съ мѣста выступленія встрѣтилъ отряды казаковъ, зорко слѣдившихъ за всѣми его движеніями. Выславъ впередъ маіора Демидова съ драгунами и иррегулярною командой, Фрейманъ оттѣснилъ казаковъ и занялъ гору, съ которой онъ видѣлъ всю рѣку, «а равно и всѣ неудобства мѣстъ къ переправѣ». Лѣвѣе отряда находилась высокая гора, командовавшая окрестною мѣстностью и занятая казаками. Чтобъ овладѣть ею по возможности съ меньшими потерями, Фрейманъ отрядилъ вправо къ рѣкѣ маіора Сурина съ 200 человѣкъ пѣхоты и двумя орудіями, показывая видъ, что намѣренъ переправиться въ этомъ мѣстѣ. Маіоръ Суринъ занялъ на берегу рѣки небольшую высоту, укрѣпилъ ее рогатками и, получивъ въ подкрѣпленіе еще 200 человѣкъ мушкетеръ съ двумя орудіями, приступилъ къ приготовленіямъ для переправы. Казаки оставили свои позиціи, быстро переправили по мосту свои орудія и собрались на противоположномъ берегу противъ отряда Сурина. Въ ожиданіи начала переправы они открыли огонь изъ орудій, и «хотя съ ихъ стороны, писалъ Фрейманъ, стрѣльбы было весьма много, но какъ они рикошетомъ стрѣлять не знаютъ, то ядра ихъ весьма мало вредили и летали черезъ» [1]).

Увлеченное желаніемъ не допустить до переправы, Яицкое войско почти все собралось противъ отряда Сурина и не замѣтило какъ Фрейманъ занялъ лѣвую гору и поставилъ на ней свои орудія. Вслѣдъ затѣмъ Сурину приказано было отступить, и онъ, подъ прикрытіемъ выставленныхъ на командующихъ высотахъ батарей, спокойно и безъ потерь присоединился къ отряду. Войско сознало тогда, что оно обмануто и что сопротивленіе съ его стороны невозможно: двѣ горы, расположенныя въ одну линію и въ недальнемъ разстояніи одна отъ другой, были въ ру-

---

[1]) Записка Фреймана. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу 12 іюня 1772 года. Московск. Арх. Главн. Штаба.

кахъ Фреймана, на нихъ были поставлены батареи и въ промежуткѣ между возвышенностями можно было спокойно совершать переправу.

Не пытаясь при такихъ условіяхъ препятствовать переходу Фреймана черезъ рѣку Ембулатовку, войско собралось у своего обоза, рѣшило отступить въ городокъ, и «черезъ часъ уже никого не видно было, и отъ того скораго побѣга бросили на дорогѣ двѣ пушки».

Простоявъ на занятой позиціи остатокъ дня и всю ночь, Фрейманъ исправилъ свою артиллерію, приготовилъ три моста и, переправившись черезъ р. Ембулатовку, утромъ, 5 іюня, двинулся далѣе. Пройдя 26 верстъ, онъ остановился на р. Рубежной, гдѣ при вступленіи въ лагерь къ нему явился бывшій старшина подполковникъ Бородинъ и тѣ старшины, которыхъ казаки непослушной стороны содержали подъ карауломъ. Отъ нихъ Фрейманъ узналъ о всеобщемъ замѣшательствѣ казаковъ и о томъ хаосѣ, который существовалъ въ Яицкомъ-городкѣ.

Первые прискакавшіе въ Яицкій-городокъ ударили въ набатъ и собрали кругъ, въ которомъ, увѣряя всѣхъ, что Фрейманъ непремѣнно сожжетъ городокъ, опредѣлили, чтобы весь народъ укладывалъ лучшіе пожитки и провіантъ на повозки, а кто можетъ, захватилъ бы съ собой лодки и, переправившись за р. Чаганъ, остановились бы на горѣ, въ трехъ верстахъ отъ городка.

Казаки рѣшили покинуть родной Яикъ и искать спасенія въ Персіи или Хивѣ. Опасаясь каждую минуту, чтобы Фрейманъ съ отрядомъ не появился въ виду городка, населеніе поспѣшно собирало свои пожитки и выѣзжало. Среди всеобщаго замѣшательства караульные и часовые покинули свои мѣста и казаки послушной стороны, воспользовавшись этимъ, освободили содержавшихся въ заключеніи и закованныхъ въ желѣзо старшину подполковника Бородина и другихъ. Сѣвъ на приготовленныхъ лошадей, они ускакали въ отрядъ Фреймана.

Послѣдній отправилъ въ городокъ увѣщаніе, въ которомъ просилъ, чтобы люди благоразумные, отставъ отъ возмутителей и ничего не опасаясь, возвращались въ городокъ... Увѣщаніе это не подѣйствовало, и многіе казаки, опасаясь насилій товарищей, при-

Трофимъ Степановичъ
ПРШЕМЕНСКІЙ

нуждены были противъ воли покидать городъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Нѣкоторые переправлялись за р. Чаганъ, иные уѣхали за Камышъ-Самарскія озера и Узени, другіе же въ Бударинскій форпостъ. Какъ ни торопилось населеніе очистить городъ, оно не могло сдѣлать этого скоро: мостъ черезъ р. Чаганъ былъ одинъ и черезъ него должны были переправиться нѣсколько тысячъ телѣгъ съ имуществомъ и нѣсколько тысячъ головъ скота. Поэтому переправа далеко еще не была окончена, когда Фрейманъ съ отрядомъ подошелъ къ Яицкому-городку.

Наканунѣ его прихода, старшины непослушной стороны присылали команду къ мосту, чтобъ его сжечь, но ей было объявлено, что посланные для понужденія жителей къ скорѣйшему выѣзду еще не возвращались и что вмѣстѣ съ ними должны переѣхать черезъ мостъ до 300 повозокъ, уже нагруженныхъ и ожидающихъ очереди для переправы. Сожженіе моста было отложено до слѣдующаго утра, а между тѣмъ генералъ-маіоръ Фрейманъ, двигаясь форсированнымъ маршемъ и пройдя 41 версту, въ часъ ночи остановился въ трехъ верстахъ отъ моста. Сформировавъ тотчасъ же отрядъ изъ 400 мушкетеръ, двухъ эскадроновъ драгунъ, небольшаго числа казаковъ и калмыковъ и придавъ имъ шесть орудій, Фрейманъ поручилъ его начальству маіора Демидова, которому приказалъ овладѣть мостомъ, перейти на противоположный берегъ рѣки Чагана и построить тамъ мостовое укрѣпленіе. Демидовъ занялъ мостъ и отрѣзалъ казакамъ сообщеніе съ городкомъ; всѣ неуспѣвшіе переправиться по мосту черезъ р. Чаганъ должны были возвратиться въ свои дома.

На утро, 7 іюня, Фрейманъ съ отрядомъ присоединился къ Демидову и расположился между мостомъ и городомъ, на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго хорошо были видны какъ станъ казаковъ, такъ и многочисленный ихъ обозъ. Онъ отправилъ сотниковъ Витошнова и Журавлева съ требованіемъ, чтобы населеніе немедленно возвращалось въ городъ, перевязало зачинщиковъ мятежа и что тогда Богъ и государыня простятъ ихъ [1]). Казаки

[1]) Записка Фреймана. Государственный Архивъ, VI, д. № 505. Рапортъ Фреймана Рейнсдорпу отъ 12 іюня. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

собрали кругъ, гдѣ высказали желаніе исполнить требованіе Фрейманa и покориться. Старшины не соглашались. Они убѣдили собравшихся отправить 1,000 человѣкъ въ Петербургъ съ просьбой къ императрицѣ, но охотниковъ набралось только 300 человѣкъ [1]). Подъ предводительствомъ сотника Кирпичникова и Трифонова они отправились о двухъ и трехъ коняхъ по дорогѣ на р. Иргизъ, а остальные стали возвращаться въ городокъ съ семействами, скотомъ и имуществомъ. Десятки тысячъ семействъ, остановившихся въ полѣ подъ открытымъ небомъ, громадное количество обоза и скота, заставили Фреймана раздѣлить возвращавшихся на двѣ части: одна переѣзжала черезъ мостъ, а другая на лодкахъ, въ семи верстахъ отъ городка, и не смотря на это переправа продолжалась въ теченіе трехъ дней, 8, 9 и 10 іюня, причемъ по счету поставленнаго у моста офицера ежедневно переѣзжало по мосту не менѣе двухъ тысячъ повозокъ.

Для преслѣдованія и поимки Кирпичникова съ товарищами, Фрейманъ потребовалъ, чтобы казаки послушной стороны собрали до 700 человѣкъ конныхъ. Какъ только набралось 500 человѣкъ, онъ тотчасъ же присоединилъ къ нимъ изъ своего отряда 100 человѣкъ драгунъ и оренбургскихъ казаковъ, и подъ начальствомъ поручика артиллеріи Свѣчина отправилъ ихъ въ погоню. Командовавшему яицкими казаками старшинѣ было приказано объявить бѣжавшимъ, чтобъ они перевязали виновныхъ, а затѣмъ безъ всякаго опасенія возвращались въ городокъ. Казаки не рѣшились перевязать виновныхъ, но понемногу отставали отъ своихъ предводителей, такъ что Кирпичниковъ и его единомышленники должны были отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ и большая часть ихъ была переловлена, лишь немногіе успѣли скрыться. Всѣ они вмѣстѣ съ арестованными въ городкѣ были отправлены въ Оренбургъ въ числѣ 86 человѣкъ, гдѣ впослѣдствіи была учреждена слѣдственная коммиссія.

Имѣя приказаніе занять Яицкій-городокъ регулярною командой, генералъ-маіоръ Фрейманъ не рѣшился ввести въ него всего отряда, такъ какъ внутри его, а особенно снаружи валялось нѣ-

[1]) Показанія Кирпичникова и Трифонова. Московскій Арх. Глав. Шт.

сколько тысячъ труповъ павшаго скота, разлагавшагося и заражавшаго воздухъ. Приказавъ свезти падаль въ одно мѣсто и зарыть ее въ глубокихъ ямахъ, Фрейманъ подошелъ съ отрядомъ къ самому городку и сталъ подлѣ залива рѣки Яика.

Занимая въ окружности 8 верстъ и 300 саженъ, Яицкій-городокъ имѣлъ до 4 тысячъ дворовъ, весьма тѣсно построенныхъ, изъ коихъ 128 оказались совершенно пустыми послѣ убитыхъ и разбѣжавшихся по хуторамъ и поселкамъ; жителей обоего пола считалось въ войскѣ болѣе 30 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, считая съ форпостными, было до 12 тысячъ такихъ казаковъ, которые могли сѣсть на коня. «Въ семъ городѣ каждому бѣглому пристань открытая, доносилъ Фрейманъ, изъ которыхъ предъ прибытіемъ моимъ ушло подъ видомъ работниковъ болѣе 2,000 человѣкъ, однако человѣкъ до 30 командами моими переловлено. О жителяхъ донесть нахожу, что всѣ раскольники и никто въ церковь не ходитъ; старшинъ и прочихъ чиновныхъ я къ тому принуждалъ. Они всѣ по дешевизнѣ у нихъ вина пьяницы, не исключая и женскій полъ; къ работамъ лѣнивы, хлѣба не пашутъ, а живутъ отъ рыбныхъ доходовъ, съ которыхъ каждый казакъ до 200 р. въ годъ получаетъ, и отъ множества скота и лошадей, по имѣнію излишнихъ на сѣнокошеніе луговъ».

Укрѣпивъ свой лагерь, генералъ-маіоръ Фрейманъ отправилъ въ городокъ по нѣскольку ротъ 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ съ двумя сотнями оренбургскихъ казаковъ, которые и расположились лагеремъ на площади: правый ихъ флангъ былъ примкнутъ къ валу, на которомъ насыпана была батарея «такой вышины, что весь городовой валъ до самой рѣки Чагана ядрами очищать способно было». Въ срединѣ городка былъ укрѣпленъ каменный домъ сотника Семена Тамбовцева, при которомъ устроена гауптвахта и расположено 120 человѣкъ пѣхоты съ двумя орудіями; вокругъ всего города поставлены пикеты, а внутри, днемъ и ночью, производились разъѣзды, наблюдавшіе, чтобы не было сходокъ и собраній. Назначивъ старшину Тамбовцева полиціймейстеромъ и избравъ старшинъ, сотниковъ и десятскихъ, Фрейманъ приступилъ къ переписи, но казаки всѣми мѣрами старались уклониться отъ новой ревизіи и скрывали дѣйствительное число въ семействѣ: въ

числѣ малолѣтнихъ десяти лѣтъ они показывали такихъ, которые имѣли трехъ и болѣе дѣтей. Фрейманъ приказалъ свидѣтельствовать каждаго, и дѣло переписи затянулось. Въ это время онъ получилъ высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи войсковой канцеляріи.

«Вошедъ въ городокъ тѣмъ или другимъ образомъ, писала императрица оренбургскому губернатору Рейнсдорпу [1]), генералъ-маіоръ Фрейманъ долженъ учинить слѣдующее: 1) учредить въ немъ коменданта съ гарнизономъ, которому и поручить надлежащее правленіе для возстановленія тишины и порядка до времени; 2) отрѣшить вовсе войсковую канцелярію, а на мѣсто ея установить новое правленіе, объявя всѣмъ и каждому, чтобъ они сему новому правленію повиновались и что съ ослушниками поступлено будетъ, какъ съ нарушителями общаго покоя; 3) избравъ въ коменданты надежнаго человѣка, который бы твердостью и благоразуміемъ своимъ въ состояніи былъ всѣхъ содержать въ порядкѣ, рекомендовать ему прилежно, чтобъ онъ всѣмъ въ тишинѣ живущимъ отдавалъ правосудіе, а для пресѣченія способа къ скорѣйшему собранію мятежниковъ запретилъ бы бить въ городкѣ въ набатъ безъ своего позволенія».

На основаніи этого повелѣнія, генералъ-маіоръ Фрейманъ назначилъ командира 7-й легкой полевой команды полковника Симонова комендантомъ города. Войсковая канцелярія была упразднена и замѣнена комендантскою канцеляріей. Въ помощь Симонову были назначены старшины Мартемьянъ Бородинъ и Мостовщиковъ; а въ должность экзекутора одинъ изъ оберъ-офицеровъ. Казачій кругъ уничтоженъ и въ набатъ бить запрещено навсегда, а начальники могли быть собираемы въ комендантскую канцелярію только по барабанному бою.

Поручивъ полковнику Симонову всѣ дѣла по управленію войскомъ, Фрейманъ съ остальными войсками отправился въ Оренбургъ. Яицкій-городокъ опустѣлъ; часть населенія разсыпалась по степи и хуторамъ, а другая была арестована и отправлена въ Оренбургъ въ слѣдственную коммиссію, подъ предсѣдательствомъ

[1]) Въ рескриптѣ отъ 4 іюня 1772 г. Военно-ученый архивъ, д. № 104, л. 12.

полковника Неронова. Число арестованныхъ казаковъ было такъ велико, что въ оренбургскихъ тюрьмахъ не было уже мѣста, и ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣноваго дворовъ; тюремныя избы, гауптвахты, подвалы домовъ были переполнены арестантами, подвергаемыми пыткамъ и допросамъ съ пристрастіемъ. Оставшіеся въ городкѣ страшились за свою участь и ежедневно ожидали, что, по оговору товарищей, будутъ арестованы. На всѣхъ лежала печать уныніи и отчаянія, какъ вдругъ по всему Яику распространился слухъ, что въ томъ самомъ Московскомъ легіонѣ, отъ службы въ которомъ такъ упорно отказывались яицкіе казаки, появился императоръ Петръ III, обѣщающій защиту всѣмъ угнетеннымъ и обиженнымъ [1]). Слухъ о появленіи Петра III не былъ ни для кого новостью; русскіе люди давно свыклись съ тѣмъ, что покойный императоръ живъ, что онъ скрывается, и рано или поздно долженъ «объявиться». Казаки особенно сочувственно отнеслись къ этому слуху и, надѣясь на лучшую будущность, встрепенулись.

IV.

Назначеніе въ составъ Московскаго легіона казачьей команды отъ Волгскаго войска. — Формированіе команды. — Слухъ, что въ числѣ записавшихся находится императоръ Петръ III. — Волненія въ войскѣ Донскомъ. — Арестованіе войскового атамана Степана Ефремова и ссылка его. — Самозванецъ Богомоловъ и его сообщники: донскіе казаки Семенниковъ и Серединцевъ и малороссіянинъ Пѣвчевъ. — Происшествія въ Царицынѣ и въ станицахъ войска Донского. — Наказаніе Богомолова и ссылка его въ Сибирь. — Записка императрицы графу Чернышеву. — Мѣры, принятыя на Дону къ поимкѣ Семенникова.

Освобождая Яицкое войско отъ службы въ Московскомъ легіонѣ, императрица повелѣла избрать для того другихъ казаковъ. Военная коллегія первое время не знала, на какое именно войско возложить легіонную службу, но прибывшій въ Петербургъ атаманъ волгскихъ казаковъ Макаръ Персидскій вывелъ ее изъ затрудненія. Онъ заявилъ, что если будетъ дозволено, «то готовъ

[1]) Показаніе въ тайной экспедиціи казаковъ Василія Плотникова и Максима Шигаева. Госуд. Архивъ, VI, д. № 512.

онъ, такъ какъ и всѣ того войска старшины, набрать всю Московскаго легіона казацкую команду изъ казаковъ Волгскаго войска, охотно въ оную команду вступить желающихъ» [1]). При этомъ атаманъ Персидскій просилъ опредѣлить въ ту же команду внука своего, походнаго атамана Григорія Персидскаго, такимъ чиномъ, «какъ за благо признано будетъ».

Утвердивъ представленіе военной коллегіи, императрица, 20 іюня 1771 года, собственноручно написала: «Григорія Персидскаго принять офицерскимъ чиномъ, а войсковому атаману Персидскому за ревность и усердіе его жалуемъ саблю».

Получивъ высочайшее повелѣніе и штатъ казачьей легіонной команды, Персидскій въ сентябрѣ 1771 года выѣхалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы набрать казаковъ и отправить ихъ въ Симбирскъ къ генералъ-маіору князю Прозоровскому, назначенному вмѣсто Баннера командиромъ Московскаго легіона [2]).

Прибывъ въ Дубовку, войсковой атаманъ поручилъ внуку своему Григорію Персидскому, переименованному въ ротмистры, приступить къ формированію казачьей команды и записывать въ нее всѣхъ желающихъ.

Въ 1732 году, по указу Сената, были вызваны охотники изъ донскихъ казаковъ для поселенія и защиты такъ-называемой *царицынской линіи*, и въ 1733 году 1,057 семей желающихъ были поселены въ окрестностяхъ Дубовки и р. Балыклеѣ [3]), на пространствѣ между Камышенкою (Дмитріевскомъ) и Царицынымъ, и образовали *Волгское казачье войско.*

По высочайше утвержденному совокупному докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ и военной, 22 января 1770 года, для укрѣпленія и защиты Моздока положено было сформировать гарнизон-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи отъ 15 іюня 1771 г. Архивъ Канц. Военн. Минист., Высочайшія повелѣнія, кн. № 64.

[2]) «По дошедшему къ намъ увѣдомленію, писала императрица въ указѣ военной коллегіи отъ 23 іюля, о неспособности генералъ-маіора Баннера къ командованію Московскимъ легіономъ, повелѣваемъ поручить оный въ команду генералъ-маіора князя Прозоровскаго, а ему, Баннеру, явиться для опредѣленія въ военной коллегіи».

[3]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 110, св. 149, д. № 2.

ный баталіонъ и поселить въ его окрестностяхъ казаковъ для содержанія форпостовъ и разъѣздовъ, «которые теперь опредѣленными къ Кизляру и ежегодно туда изъ другихъ мѣстъ командируемыми войсками исправляются». Для прислуги къ орудіямъ, посылаемымъ въ Моздокъ, рѣшено было переселить съ Дона сто человѣкъ желающихъ сказочныхъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы они одѣвались «по ихъ казачьему обыкновенію», но всѣ одинаково въ платье краснаго цвѣта. Для содержанія же разъѣздовъ и почтовой службы переселить 517 семей волгскихъ казаковъ по равному числу изъ каждой станицы. Изъ всѣхъ переселенцевъ составить одинъ полкъ и назвать его *Моздокскимъ;* вмѣсто атамана опредѣлить одного изъ казацкихъ старшинъ и назвать его полковникомъ, которому и находиться въ командѣ у моздокскаго коменданта.

Императрица изъявила согласіе на таковое переселеніе, и переведенные казаки были поселены въ пяти станицахъ между Моздокомъ и Червленнымъ-городкомъ [1]). На Волгѣ осталось только 540 семей, несшихъ ту же службу, которую несло войско и до переселенія товарищей. Какъ переселенные, такъ и оставшіеся казаки были очень недовольны своимъ положеніемъ. Покинувъ свои дома и обработанныя земли, переселенцы должны были обзаводиться вновь и терпѣть нужду въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, а оставшіеся ихъ товарищи нести двойную службу. Чтобы облегчить себя въ сторожевой службѣ, казаки стали принимать къ себѣ всѣхъ желающихъ, и скоро Волгское войско сдѣлалось притономъ всѣхъ бѣглыхъ и бездомныхъ, искавшихъ свободы и записывавшихся въ казаки. Въ числѣ изъявившихъ желаніе поступить въ легіонную команду былъ крестьянинъ графа Романа Ларіоновича Воронцова Ѳедотъ Богомоловъ, бѣжавшій отъ своего помѣщика изъ села Спасскаго, Саранскаго уѣзда. Скрываясь долгое время въ Саратовѣ, Богомоловъ ходилъ на судахъ саратовскаго купца Хлѣбникова до Дмитріевска, жилъ у колонистовъ, служилъ въ калмыцкой ордѣ, потомъ перешелъ въ Волгское войско, работалъ тамъ по хуторамъ и наконецъ рѣшился поступить на службу. Явившись въ январѣ 1772 года къ ротмистру Персидскому, Богомо-

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 110, св. 149, д. № 25.

ловъ просилъ принять его на службу, причемъ назвалъ себя донскимъ казакомъ Ѳедотомъ Ивановымъ Казинымъ.

Нѣсколько ранѣе, и именно въ октябрѣ 1771 года, записался въ ту же команду донской казакъ Спиридонъ Ивановъ подъ именемъ Спиридона Долотина. Уроженецъ Березовской станицы, оставшійся еще въ дѣтствѣ круглымъ сиротой, Ивановъ, по достиженіи девятилѣтняго возраста, отведенъ былъ казакомъ Болдинымъ въ Волгское войско, въ Караваинскую станицу и отданъ казаку Титову. Переходя отъ одного семейства къ другому, Спиридонъ Ивановъ поступилъ наконецъ на службу по найму казака Караваинской станицы Долотина, назвался его именемъ и находился въ Дмитріевскѣ, въ командѣ у соляного коммиссарства; за кражу лошади былъ сѣченъ плетьми, бѣжалъ, скитался долгое время по хуторамъ Волгскаго войска и затѣмъ записался въ легіонную команду.

Когда послѣдняя была выведена изъ Дубовки и расположена по Иловлѣ, то казакъ Ѳедотъ Богомоловъ, будучи «безмѣрно пьянъ», объявилъ себя императоромъ Петромъ III. Слухъ этотъ быстро распространился между казаками, и многіе приходили посмотрѣть на «объявившагося». Начались сходки и совѣщанія, поднялись вопросы: похожъ онъ или непохожъ на бывшаго императора? На одной изъ этихъ сходокъ казаки Марусенокъ и Лучинкинъ разсуждали, что «хотя сей признаваемый отъ бывшаго и отмѣненъ, однакожь, можетъ статься, онъ, какъ много лѣтъ уже тому минуло, то перемѣнился». Это замѣчаніе имѣло рѣшающее значеніе для Спиридона Долотина, и онъ, признавъ въ Богомоловѣ дѣйствительнаго императора, поселился съ нимъ въ одной избѣ. Капралъ Бухолевъ назвалъ Долотина секретаремъ, и съ тѣхъ поръ всѣ стали называть его этимъ прозвищемъ.

Между тѣмъ, сходки продолжались и число вѣровавшихъ въ справедливость слуховъ ежедневно увеличивалось; но казаки долгое время не могли найти средства, какъ объявить народу скрывающагося у нихъ императора. Случай этотъ наконецъ представился, и именно когда одинъ изъ казаковъ, по фамиліи Буренинъ, попросилъ жалованья, но прапорщикъ Иванъ Терскій отказалъ.

— Ты отъ боярина недавно, сказалъ онъ Буренину при всѣхъ казакахъ,—а уже требуешь себѣ жалованья.

Это замѣчаніе оскорбило казаковъ, и они закричали въ одинъ голосъ: «Поэтому-де мы всѣ боярскіе!.. зачѣмъ насъ въ казаки принимали?» и положили общимъ совѣтомъ идти всѣмъ въ Дубовку и тамъ объявить Богомолова императоромъ. Собравшись огромною толпой, казаки, 30 марта, отправились на хуторъ старшины Андрея Персидскаго къ своему ротному командиру поручику Персидскому и объявили ему, что они имѣютъ у себя императора Петра III, почему вмѣстѣ съ нимъ, хотя и не позволено будетъ, забравъ казенныхъ лошадей, пики и проч., поѣдутъ для сохраненія его въ городъ Дубовку. О намѣреніи казаковъ тотчасъ же было сообщено ротмистру Григорію Персидскому, который, вмѣстѣ со старшиной Поляковымъ, прискакалъ на хуторъ. Тамъ онъ увидѣлъ, что казаки осѣдлали уже лошадей и готовы были ѣхать съ самозванцемъ въ Дубовку. Персидскій уговаривалъ казаковъ оставить свое намѣреніе, но его не слушали. Казаки собрали кругъ и рѣшили арестовать всѣхъ офицеровъ, не исключая ротмистра Григорія Персидскаго, а самимъ идти въ Дубовку. Одинъ изъ арестованныхъ, старшинскій сынъ Степанъ Савельевъ, попросилъ позволеніе повидаться съ государемъ, и когда его освободили изъ-подъ караула, то онъ ворвался въ избу, гдѣ сидѣлъ Богомоловъ, и ударилъ его по лицу.

— Какой онъ государь, закричалъ Савельевъ, — возьмите его подъ караулъ.

Казаки растерялись, схватили самозванца и сами заковали его въ кандалы. Ротмистръ Персидскій тотчасъ же подъ конвоемъ отправилъ въ Дубовку какъ Богомолова, такъ и его секретаря Спиридона Иванова. Изъ Дубовки, по распоряженію астраханскаго губернатора, они были препровождены въ Царицынъ [1]).

2-го апрѣля преступниковъ допрашивали, а въ началѣ мая послѣдовалъ указъ военной коллегіи, по которому велѣно: Богомолова и Спиридона Иванова наказать публично кнутомъ и, вырѣ-

[1]) Показаніе Спиридона Иванова. Всеподданнѣйшее донесеніе наказнаго атамана Волгскаго войска отъ 25 апрѣля 1772 г., № 327. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

завъ первому ноздри и поставя знаки, сослать обоихъ на Нерчинскіе заводы въ вѣчную каторжную работу; старшинскаго сына Степана Савельева произвести въ ту же казачью команду ротмистромъ и подтвердить войску, «чтобы пришлыхъ ни подъ какимъ видомъ войско не принимало и въ казаки не записывало» [1]).

Получивъ резолюцію военной коллегіи, губернаторъ Бекетовъ, находившійся въ то время въ Астрахани, тотчасъ же предписалъ царицынскому коменданту полковнику Циплетеву привести въ исполненіе наказаніе преступниковъ и отправить ихъ по назначенію. Въ отвѣтъ на это Циплетевъ донесъ, что единственный находившійся въ Царицынѣ палачъ болѣнъ горячкой и потому просилъ прислать другого изъ Астрахани [2]). Пока шла переписка объ этомъ, пока изъ Астрахани выслали палача, Богомоловъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ избавиться отъ наказанія и бѣжать изъ-подъ караула.

Помѣстивъ колодниковъ въ надежномъ мѣстѣ у Царицынскихъ воротъ, Циплетевъ далъ инструкцію начальнику караула, капралу, содержать преступниковъ строго и отнюдь никого для разговоровъ къ нему не допускать. Сверхъ того онъ приказалъ маіору Титову и офицеру съ гаубтвахты повѣрять днемъ приставленный караулъ, а по ночамъ посылать рунды и дозоры. За что̀ содержится Богомоловъ никто изъ караульныхъ не зналъ, но строгость содержанія и таинственность возбуждали ихъ любопытство, которымъ и старался воспользоваться преступникъ.

— Знаете-ли вы, спросилъ однажды Богомоловъ караульныхъ, государя Петра Ѳедоровича и гдѣ онъ нынѣ находится?

— Я государя не видалъ и не знаю, отвѣчалъ ему капралъ Егоръ Васильевъ,—а слышалъ, что онъ скончался.

Спустя два дня послѣ этого разговора, караульный солдатъ Яковъ Прокофьевъ подошелъ къ капралу Васильеву и сказалъ, что колодникъ показывалъ ему изображенный на тѣлѣ крестъ и объявилъ о себѣ, что онъ государь. Васильевъ смутился, но въ

---

[1]) Высочайшая грамота на имя войскового атамана и всего Волгскаго войска, отъ 3 мая 1772 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

[2]) Рапортъ Бекетова военной коллегіи 10 августа 1772 г. Тамъ же.

смущеніи этомъ «немного часовъ находясь, говорилъ онъ, и самъ дѣйствительно тому, что онъ государь, повѣрилъ» [1]). Скоро по всему Царицыну распространился слухъ, что содержащійся секретный колодникъ не кто другой какъ самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, и толпа народа ежедневно собиралась у Царицынскихъ воротъ съ надеждой и желаніемъ видѣть заключеннаго.

— Чего ради вы тутъ стоите? спросилъ однажды слуга полковника Денисова, прусакъ Андрей Семеновъ, проходившій случайно мимо толпы.

— Сказываютъ, отвѣчали собравшіеся, указывая на караульню,—тутъ содержится государь, а посмотрѣть его не даютъ и къ караульнѣ не допускаютъ.

Семеновъ пошелъ далѣе и затѣмъ отправился домой въ Пяти-избянскую станицу, гдѣ вопросъ о томъ, кто содержится въ Царицынѣ, давно уже занималъ почти все населеніе, получившее извѣстіе о заключенномъ отъ ѣздившихъ въ Царицынъ казаковъ и казачекъ.

Волнуемые своимъ атаманомъ, донцы встрѣтили это извѣстіе не безъ сочувствія и надѣялись, что Петръ III, вступивъ вторично на престолъ, избавитъ ихъ отъ тѣхъ нововведеній, которыя имъ грозили въ будущемъ.

Въ 1758 году былъ выбранъ въ атаманы Данило Ефремовъ, человѣкъ извѣстный по уму и огромному богатству, которое онъ увеличилъ, обративъ въ свою собственность земли въ верховьяхъ рѣкъ Медвѣдицы и Колитвы и заселивъ ихъ крестьянами, частію переведенными изъ внутреннихъ губерній Россіи, а большею частію бѣжавшими отъ притѣсненій помѣщиковъ. Напрасно правительство запрещало донцамъ принимать къ себѣ бѣглыхъ и установило особыхъ старшинъ для сыску людей, искавшихъ на Дону свободы и приволья. Слѣдуя примѣру атамана и донскіе старшины захватили свободныя войсковыя земли, построили на нихъ хутора и стали принимать къ себѣ бѣглыхъ. Опасаясь усиленія старшинъ и желая управлять войскомъ самовластно, Данило Ефремовъ сталъ систематически ослаблять ихъ вліяніе. Хотя всѣ указы

[1]) Показаніе капрала Егора Васильева.

и распоряженія и писались отъ имени старшинъ, находившихся въ составѣ войсковой канцеляріи, «но Ефремовъ когда хотѣлъ находилъ возможность освободиться отъ ихъ совѣта и въ затруднительныхъ случаяхъ объявлялъ повелѣнія отъ имени государыни, какъ прежніе атаманы дѣлали это отъ войсковаго круга» [1]). Поступая такимъ образомъ, располагая громаднымъ богатствомъ и имѣя сильныхъ покровителей при дворѣ, Данило Ефремовъ выдѣлилъ свою фамилію изъ среды остальнаго казачьяго сословія. Успѣвши снискать особое расположеніе императрицы Елисаветы Петровны, и будучи произведенъ въ тайные совѣтники Ефремовъ сталъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать званіе атамана наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Исканія его увѣнчались успѣхомъ и еще при жизни своей, по сопзволенію императрицы, онъ передалъ званіе атамана сыну своему Степану, которому и поручено было управлять войскомъ подъ руководствомъ отца.

Степанъ Ефремовъ наслѣдовалъ отъ отца жажду къ неограниченному самовластію. Будучи въ Петербургѣ въ 1765 году, Ефремовъ представилъ въ военную коллегію проектъ о коренномъ преобразованіи внутренняго управленія Донскимъ войскомъ. Онъ предлагалъ, чтобы присутствующіе въ войсковой канцеляріи старшины назначались атаманомъ; чтобы назначеніе полковниковъ, старшинъ и прочихъ чиновъ въ полки зависѣло также отъ атамана; чтобы судъ и расправа въ полкахъ производились въ войсковой канцеляріи, въ которой предсѣдательствовалъ атаманъ и, наконецъ, чтобы бо́льшую часть денегъ передать въ распоряженіе войсковой канцеляріи.

Такимъ образомъ, весь проектъ клонился къ тому, чтобы усилить власть войскового атамана и дать ему возможность распоряжаться неограниченно не только военною и гражданскою частью войска, но и всѣми войсковыми суммами.

Предложеніе Ефремова готово было осуществиться, когда до Петербурга дошли слухи о многихъ противозаконныхъ поступкахъ атамана. Въ 1771 году, наказный атаманъ Сидоръ Кирсановъ, по выраженію Ефремова «Сидорка, носящій образъ Іуды

[1]) *Донскія Войсковыя Вѣдомости* 1860 г., № 18.

Искаріотскаго», и старшина Юдинъ донесли военной коллегіи о злоупотребленіяхъ Степана Ефремова. Они обвиняли его: 1) въ расхищеніи войсковой казны и провіанта; 2) во взяточничествѣ деньгами и лошадьми; 3) въ тайныхъ сношеніяхъ съ кабардинскими князьями и кумыкскимъ княземъ Темиромъ, и 4) въ такихъ же сношеніяхъ съ пограничными татарами, и вслѣдствіе того уклоненіе атамана дѣйствовать противъ татаръ [1]). Обвиненіе атамана въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами и горцами было въ глазахъ правительства наиболѣе важнымъ и могло имѣть весьма серьезныя послѣдствія.

Кирсановъ писалъ, что во время турецкой войны въ 1769 г., не смотря на представленіе многихъ собрать казаковъ и произвести нападеніе на крымскихъ татаръ, атаманъ Ефремовъ хотя и собралъ войско, но далѣе 50-ти верстъ отъ своего жилища не отходилъ, а затѣмъ распустилъ казаковъ подъ предлогомъ того, что наступило время къ жатвѣ и сѣнокосу.

Главнокомандующіе второю арміею, сначала кн. В. М. Долгоруковъ, а потомъ графъ П. И. Панинъ доносили военной коллегіи, что, не смотря на неоднократныя требованія о присылкѣ казаковъ, Ефремовъ ихъ не присылаетъ. Военная коллегія отправила тогда въ Черкаскъ сначала генералъ-маіора Опочинина, потомъ Романуса и затѣмъ Черепова. Имъ поручено было наблюдать за тѣмъ, чтобы требованія главнокомандующихъ исполнялись немедленно. Ефремовъ былъ недоволенъ этимъ и нѣсколько разъ просилъ объ отозваніи присланныхъ генераловъ, но не добившись этого, грозилъ надѣлать много непріятностей.

— Когда правительство начало за мною присматривать, говорилъ онъ, такъ я уберусь въ горы и такихъ бѣдъ Россіи натрясу, что она будетъ вѣкъ помнить. Стоитъ только Джанъ-Мамбетъ-бею одно слово сказать, такъ ни одной души на Дону не останется.

Когда было получено повелѣніе военной коллегіи вызвать желающихъ изъ казаковъ на поселеніе въ Азовскую и Таганрогскую

---

[1]) Всеподдан. докладъ военной коллегіи 7 марта 1773 года. Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

крѣпости, то Ефремовъ собралъ войско и, выражая соболѣзнованіе, обѣщалъ освободить казаковъ отъ такого переселенія, «единственно къ насыщенію владычествующей имъ корыстолюбивой алчбы». Эта послѣдняя страсть руководила всѣми поступками атамана. Весною 1771 г. главнокомандующій второю арміею, кн. В. М. Долгоруковъ, потребовалъ присылки казаковъ вмѣсто отпущенныхъ по неспособности въ дома. Атаманъ Ефремовъ собралъ въ г. Черкаскъ только-что возвратившихся неспособныхъ и приказывалъ имъ идти опять на службу, заявляя, что кто изъ нихъ не пойдетъ, тотъ будетъ отправленъ на поселеніе въ Азовъ и Таганрогъ. Подъ рукою черезъ своихъ приближенныхъ атаманъ объявилъ, что казаки могутъ откупиться, и люди денежные были освобождены, «а неимущіе за то взволновавшись отъ того отказались» [1]).

Кирсановъ обвинялъ Ефремова въ неправильныхъ нарядахъ казаковъ на службу, отчего собранные въ Кумшатской станицѣ «противъ начальниковъ своихъ взбунтовались и изъ нихъ старшаго утопить хотѣли и одного изъ полковниковъ бивъ разъѣхались». Виновные не были наказаны и атаманъ скрылъ это происшествіе.

Получивъ донесеніе Кирсанова, военная коллегія потребовала Ефремова въ Петербургъ, подъ предлогомъ того, что вблизи донскихъ селеній находятся татарскія орды и потому коллегіи необходимо лично переговорить съ атаманомъ о безопасности нашихъ границъ. Ефремовъ понялъ въ чемъ дѣло и не ѣхалъ, не смотря на два раза повторенные ему указы. Тогда военная коллегія приказала находившемуся въ г. Черкаскѣ генералъ-маіору Черепову выслать атамана силою въ Петербургъ, не долѣе какъ черезъ трое сутокъ и объявить войсковой канцеляріи, чтобы она не принимала и не приводила въ исполненіе никакихъ распоряженій атамана. Самому Ефремову было приказано, чтобы онъ, «въ какомъ бы состояніи и гдѣ бы теперь ни находился», слѣдовалъ въ Петербургъ безъ малѣйшаго въ пути промедленія. Атаманъ выѣхалъ изъ Черкаска и отправился по верхнимъ донскимъ станицамъ. Собирая въ каждой станичныхъ атамановъ и казаковъ, Ефремовъ увѣрялъ

[1]) Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

ихъ, что изъ войска Донскаго будетъ наборъ рекрутъ и уговаривалъ подавать на его имя прошенія объ избавленіи, какъ отъ этой повинности, такъ и о возвращеніи переселенныхъ уже казаковъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости [1]).

Заявленіе о предстоящемъ наборѣ рекрутъ произвело большое волненіе среди казаковъ, особенно опасавшихся этой мѣры. Они съ готовностью писали прошенія атаману, а Ефремовъ, объѣхавъ станицы и отправивъ донесеніе съ старшиною Кулбаковымъ, что по болѣзни ѣхать въ Петербургъ не можетъ, вернулся въ свой хуторъ, находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Черкаска.

На требованіе Черепова ѣхать въ Петербургъ, Ефремовъ отвѣчалъ отказомъ и объявилъ, что онъ пожалованъ атаманомъ по высочайшему именному указу и ему, а не Черепову, поручено въ команду войско; что за свои поступки самъ будетъ отвѣчать и переговоритъ съ генераломъ завтра, когда пріѣдетъ въ Черкаскъ для осмотра своего дома.

Череповъ рѣшилъ не впускать атамана въ городъ, и съ этою цѣлью выставилъ въ двухъ мѣстахъ пикеты по 50 человѣкъ, при старшинахъ и съ заряженными ружьями. Узнавъ объ этомъ, Ефремовъ въ городъ не поѣхалъ.

Сторонники атамана, которыхъ, конечно, было много, возстали противъ такого распоряженія и успѣли убѣдить казаковъ, что Ефремовъ преслѣдуется за то, что желаетъ отстоять старинныя ихъ права, избавить отъ регулярства, и возвратить переселенныхъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости. Въ концѣ сентября, въ войсковой канцеляріи былъ полученъ «*предвозвѣстительный пасквиль*» отъ Бесергеневской станицы казака Якова Янченкова, который писалъ атаману и старшинамъ: «за рѣку (Донъ, т.-е. войско) стойте крѣпко, генералу Черепову подписокъ не давайте, а то узнаете, что̀ вамъ и генералу съ вами будетъ. Это вѣдь не Яицкое, а Донское войско» [2]).

Между тѣмъ, по распоряженію генерала Черепова, 1 октября 1772 г., въ Черкаскѣ, въ войсковомъ кругу были прочитаны,

---

[1]) Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета, изд. 1867 года, выпускъ I.

[2]) *Трехсотлѣтіе войска Донскаго*, А. Савельева, стр. 83.

присланные изъ военной коллегіи грамоты и указъ объ отзывѣ Ефремова въ С.-Петербургъ и неисполненіи его распоряженій.

— Грамоты подписаны генераломъ, говорилъ есаулъ Перфиловъ, а ручки государыни нашей нѣтъ. Атаманъ Ефремовъ пожалованъ именнымъ указомъ, а теперь не велѣно отъ него никакихъ ордеровъ исполнять, а слушать Черепова. Атаманъ въ городъ не впускается, а когда споваться станетъ, то приказано стрѣлять по немъ.

Станичный атаманъ Прохоръ Артемьевъ и казакъ Василій Житченковъ поддержали Перфилова. Въ казачьемъ кругу поднялся шумъ и произошло всеобщее волненіе.

— По войсковомъ атаманѣ мы стрѣлять не будемъ, кричали казаки, и какъ командира своего въ городъ впустимъ; генерала же за командира почитать не желаемъ, потому что и напредъ сего никогда не бывало, какъ нынѣ Череповъ нами командуетъ. Отъ этого намъ большая обида.

Казаки рѣшили не исполнять указа, и взвалили всю вину на генералъ-маіора Черепова.

— Генералъ хочетъ насъ въ регулярство писать, слышались голоса, и рѣку раздѣлить, затѣмъ и атамана въ домъ не пускаетъ.

Называя генералъ-маіора Черепова нечистымъ духомъ, казаки бросились къ дому, гдѣ онъ жилъ, и старались вытащить его на площадь; въ защищавшихъ его старшинъ бросали каменья.

— Ты хочешь насъ писать въ солдаты, кричала толпа Черепову, но мы всѣ помремъ, а до того себя не допустимъ.

Казаки требовали, чтобы генералъ-маіоръ Череповъ снялъ выставленные пикеты и вышелъ изъ города. Застигнутый врасплохъ и видя передъ своимъ домомъ огромную бушевавшую толпу, Череповъ пробрался черезъ задній выходъ къ рѣкѣ Дону, чтобы переправиться въ крѣпость, но казаки нагнали его, били кулаками, кампями, пинками, «за волосы драли и сюртукъ на немъ изорвали» [1]).

[1]) Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета, изданіе 1874 года, выпускъ II.

Домъ, въ которомъ жилъ Череповъ, былъ на половину разрушенъ: окна и двери выбиты, крыльцо разломано.

Сначала казаки хотѣли утопить Черепова въ рѣкѣ, но потомъ рѣшили вести на расправу къ атаману. Ефремовъ съ большою свитою выѣхалъ на встрѣчу бушевавшей толпѣ, вошелъ въ средину ея и взялъ Черепова къ себѣ въ домъ.

— Это войско Донское, а не Яицкое, повторилъ атаманъ слова казака Япченкова.

Слова эти, показывалъ впослѣдствіи Ефремовъ, «говорилъ въ томъ разумѣ, что-де упоминаемый генералъ-маіоръ Череповъ въ бытность на Яикѣ стрѣлялъ по казакамъ изъ пушекъ (?), то не сталъ бы и по немъ, атаманѣ, если бы онъ и за его воспрещеніемъ въ городъ въѣхалъ, стрѣлять» [1]).

Получивъ извѣстіе о безпорядкахъ въ войскѣ Донскомъ, императрица Екатерина II приказала отправить въ Черкаскъ гвардіи капитанъ-поручика Ржевскаго и арестовать Ефремова.

Въ ночь на 9-е ноября Ржевскій съ командою взялъ атамана изъ его Зеленаго двора и отвезъ въ крѣпость св. Дмитрія-Ростовскаго.

Въ ту же ночь, среди всеобщей тишины въ Черкаскѣ, ударили въ набатъ и раздались выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Наказный атаманъ Машлыкинъ и старшины собрались въ войсковую канцелярію и узнали тамъ объ арестованіи Ефремова. Народъ пришелъ въ волненіе и, ворвавшись въ канцелярію, укорялъ Машлыкина и старшинъ.

— Вы выдали войсковаго атамана, говорили казаки, и велѣли звонить на пожаръ. Всѣхъ васъ перебить и въ воду посадить. Мы поѣдемъ въ крѣпость и узнаемъ тамъ-ли атаманъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что захваченъ врасплохъ, Ефремовъ выпросилъ позволеніе отправить домой своего слугу за необходимыми вещами и приказалъ ему внушить казакамъ, чтобы они собрались какъ можно поспѣшнѣе и выручили его, говоря, что вѣроятно его повезутъ по Бахмутскому тракту. Хотя настав-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 7 марта 1773 г. Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга № 204.

ленія атамана слугѣ были узнаны и слуга арестованъ, но на другой день поутру у крѣпостныхъ форпостовъ явилась толпа въ 300 человѣкъ вооруженныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ старшины Василія Иловайскаго, съ намѣреніемъ освободить Ефремова.

— Гдѣ атаманъ, спрашивалъ Иловайскій, живъ-ли онъ; будетъ-ли содержаться въ крѣпости или его куда-нибудь повезутъ?

Не получивъ никакого отвѣта на свои вопросы, казаки погарцовали возлѣ крѣпости, а затѣмъ уѣхали домой.

— Ночью, кричали они уходя, всѣмъ войскомъ придемъ выручать своего атамана.

Обѣщаніе это не было однакоже исполнено и Ефремовъ тотчасъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и преданъ суду.

«Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, писала Екатерина войску Донскому [1]), учинилъ себя ослушнымъ воли и повелѣнія нашего. Того ради лейбъ-гвардіи нашей капитанъ-поручикъ Ржевскій арестовалъ его по именному высочайшему нашему указу. Сею же императорскою грамотою объявляемъ всему нашему Донскому войску, что мы надѣемся, что сіе возмездіе за ослушаніе преступнику, будучи опытомъ правосудія нашего, докажетъ всему Донскому войску, коль нетерпимо нами такое ослушаніе и всякая продерзость, а потому и уповаемъ, что все наше Донское войско, возгнушаясь таковою виною его, Ефремова, поживетъ навсегда въ тишинѣ и спокойствіи и тѣмъ законъ Божій и волю нашу исполнитъ. Тѣмъ же, кои попустили себя уловить коварнымъ ухищреніемъ и при случаѣ ареста его, Ефремова, оказали продерзости сами собою и возмущеніемъ другихъ малодушныхъ, высочайше повелѣваемъ, по обнародованіи сея императорскія грамоты, тотчасъ придти въ спокойство и должное повиновеніе власти. Учинившіе сіе имѣютъ ожидать отъ насъ въ заблужденіи своемъ всемилостивѣйшаго прощенія. Буде же, паче чаянія, и къ возбужденію праведнаго гнѣва нашего нашлись бы въ Донскомъ войскѣ нашемъ такіе преступники, кои бы и послѣ обнародованія сего

[1]) Въ грамотѣ отъ 6 декабря 1772 года. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № 65.

повелѣнія нашего дерзнули еще продолжать неспокойства и волнованіе, то да вѣдаютъ, что тогда не избѣгнутъ злодѣи и возмутители достойной себѣ казни».

По полученіи этой грамоты войско донесло, что оно всегда находилось и находится въ повиновеніи монаршей воли и просило помиловать Иловайскаго и его сообщниковъ. Императрица простила ихъ, «но притомъ надѣемся, писала она [1]), что они, раскаявшись въ своей продерзости, потщатся, согласно съ войсковымъ засвидѣтельствованіемъ, усугубить ревность свою къ службѣ нашей и отечества и заслужить достодолжнымъ повиновеніемъ и добрыми своими дѣлами столь важную вину свою. Къ сему войско можетъ подать имъ скорый случай, отправя всѣхъ ихъ безъ очереди къ арміямъ нашимъ».

Казаки просили помиловать ихъ и въ этомъ, и императрица разрѣшила «производимую ими нынѣ службу замѣнить въ надлежащую очередь» [2]).

Дѣло же атамана Ефремова тянулось весьма долго и кромѣ обвиненій, взведенныхъ на него Кирсановымъ и Юдинымъ, атаманъ оказался виновнымъ въ томъ, что, расходуя войсковыя суммы на собственныя нужды, онъ сжегъ приходорасходныя книги за три года; что при командировкѣ казаковъ бралъ взятки и отпускалъ въ домы, а неимущихъ наряжалъ на службу и что, наконецъ, за производство въ чинъ старшины атаманъ бралъ по 200 и 300 р.

За всѣ эти преступленія Ефремовъ былъ приговоренъ къ повѣшенію, но императрица замѣнила эту казнь вѣчною ссылкою въ Перновъ.

Необходимо припомнить, что главнѣйшая дѣятельность Ефремова по возмущенію казаковъ и увѣренію, что правительство намѣрено ввести регулярство, происходила именно въ то время, когда волновались яицкіе казаки, а среди волгскихъ казаковъ появился въ лицѣ Богомолова императоръ Петръ III. Вѣсть о такомъ появленіи заинтересовала многихъ и въ особенности приписаннаго къ Пяти-

---

[1]) Въ грамотѣ войску Донскому отъ 25 января 1773 г. Архивъ Канцеляріи Военнаго Министерства, Высочайшія повелѣнія, книга № 67.

[2]) Записка Чернышева военной коллегіи 15 сентября 1773 г. Тамъ же.

избянской станицѣ малороссіянина Степана Пѣвчаго (онъ же Сигинъ), и онъ обратился съ разспросами къ Семенову, который ложно сказалъ ему, что былъ у колодника, видѣлъ его и подалъ милостыню. Тогда Пѣвчій рѣшился отправиться самъ въ Царицынъ, чтобы посмотрѣть на заключеннаго и убѣдиться, простой онъ человѣкъ или знатный, какъ ходили о немъ слухи. Выпросивъ у караульныхъ дозволеніе видѣть Богомолова и, войдя въ его комнату, Пѣвчій подалъ ему пшеничную витушку и 30 к. денегъ. Самозванецъ принялъ подарокъ и узналъ, что онъ пріѣхалъ изъ Пяти-избянской станицы.

— Не отъ Денисова-ли присланъ гостинецъ? спросилъ Богомоловъ.

— Нѣтъ, не отъ Денисова, а самъ отъ себя, отвѣчалъ Пѣвчій.

Опасаясь, что скоро явится обходъ, караульные просили Пѣвчаго уйти.

— Надобно мнѣ съ тобой переговорить, сказалъ самозванецъ прощаясь,—и для того побывай у меня еще разъ.

Пѣвчій вышелъ, и на базарѣ, часу въ четвертомъ пополудни, встрѣтился съ донскимъ казакомъ Иваномъ Семенниковымъ.

— Ты Степанъ Пѣвчій? спросилъ онъ.

— Я.

— Требуетъ тебя государь Петръ Ѳедоровичъ.

Пѣвчій оробѣлъ, но все-таки отправился вмѣстѣ съ Семенниковымъ.

— Когда въ станицу поѣдешь? спросилъ Богомоловъ.

— Сегодня.

— Поклонись полковнику Ильѣ Денисову, и скажи, чтобы какъ можно непремѣнно самъ ко мнѣ пріѣхалъ, а если не будетъ, то сверхъ трехъ имѣющихся у него портретовъ пожалую ему четвертый съ хвостомъ. Поклонись Пяти-избянской станицѣ, да скажи станичному атаману, старикамъ и всѣмъ казакамъ, чтобъ они, буде можно, дали бы мнѣ въ помощь казаковъ, человѣкъ до ста. Если же ты всего этого не исполнишь, а дѣло совершится, то на свѣтѣ тебѣ не быть [1]).

[1]) Впослѣдствіи Богомоловъ показывалъ, что «въ бытность у него Пѣвчаго наказывалъ полковнику Денисову съ угрозами, чтобы къ нему, самозванцу, онъ

Послѣ такого наставленія Семенниковъ просилъ, чтобы самозванецъ для бо́льшаго увѣренія Пѣвчаго, а черезъ него и другихъ, показалъ ему свои царскіе знаки. Богомоловъ открылъ грудь, и Пѣвчій увидѣлъ на тѣлѣ бѣловатаго вида крестъ.

— Точно такой же имѣю я, прибавилъ Богомоловъ,—на лбу и на плечахъ, но Пѣвчему ихъ не показалъ.

Пѣвчій былъ окончательно убѣжденъ и не сомнѣвался болѣе въ томъ, что колодникъ истинный государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Поѣдешь-ли ты къ арміи за меня хлопотать? спросилъ Богомоловъ.

— Я къ казацкой службѣ непривыченъ, отвѣчалъ Пѣвчій.

— Я готовъ, государь, вамъ служить, сказалъ Иванъ Семенниковъ,—поѣду къ арміи и сыщу себѣ товарища.

— Нѣтъ у меня такого вѣрнаго слуги, замѣтилъ на это Богомоловъ,—какъ Иванъ Семенниковъ.

Собесѣдники распрощались и вышли изъ караульнаго дома.

— Смотри, говорилъ Семенниковъ Пѣвчему, — приказъ государя непремѣнно объяви полковнику Ильѣ Денисову. Я у него уже два раза былъ тайно, прибавилъ Семенниковъ ложно.

Прибывъ въ Пяти-избянскую станицу, Пѣвчій прежде всего повидался со слугой полковника Денисова, Андреемъ Семеновымъ.

— Нѣтъ ли какихъ вѣстей въ Царицынѣ? спросилъ Семеновъ, увидавъ Пѣвчаго.

— Къ твоему господину есть приказъ для объявленія, отвѣчалъ Пѣвчій и просилъ доложить.

Денисовъ не только не согласился принять Пѣвчаго, но не приказалъ даже пускать его къ себѣ на дворъ.

Тогда Пѣвчій отправился къ станичному атаману Слѣпову и въ присутствіи нѣсколькихъ старшинъ и казаковъ передалъ поклонъ самозванца и просилъ оказать ему помощь.

— Безъ повелѣнія войска помощи ему оказать не можно, отвѣчали собравшіеся; но приговорили послать ему одинъ рубль на милостыню.

побывалъ, не имѣя на то надежды, а только надеженъ былъ, что въ простомъ народѣ сіе разгласится, а паче желалъ тому разглашенію больше быть на Дону, гдѣ казакъ Семенниковъ обѣщалъ подговорить казаковъ на его сторону».

Получивъ этотъ рубль, Пѣвчій вторично отправился въ Царицынъ, гдѣ Богомоловъ успѣлъ пріобрѣсти столь значительное вліяніе на караульныхъ, что, не стѣсняясь ими, явно переговаривался со своими сообщниками о побѣгѣ. Особенно часто посѣщалъ его казакъ Иванъ Семенниковъ, къ которому всѣ такъ привыкли, что 18 іюня онъ прямо обратился къ капралу Васильеву съ вопросомъ: невозможно ли самозванца какимъ-нибудь случаемъ изъ-подъ караула украсть? Такой вопросъ озадачилъ Васильева и онъ, опасаясь отвѣтственности, вытолкалъ вонъ Семенникова, но Богомоловъ остался недоволенъ такимъ поступкомъ и просилъ Васильева на будущее время съ приходящими къ нему доброжелателями такъ сурово не поступать.

Послѣ того Семенниковъ нѣсколько разъ приходилъ къ Богомолову, совѣщался съ нимъ и они вмѣстѣ подговаривали капрала Васильева и караульныхъ солдатъ бѣжать съ ними на Донъ.

— Ежели онъ подлинно государь, говорили солдаты,—то можетъ о себѣ объявить не стыдясь и здѣсь въ городѣ, чего мы отъ него и ожидаемъ, а побѣга не учинимъ.

Богомоловъ просилъ тогда объявить о немъ въ войскѣ Донскомъ, собрать нѣсколько полковъ и освободить его изъ неволи.

— Я по станицамъ съ казаками совѣтоваться буду, отвѣчалъ на это Семенниковъ,—и надѣюсь, что они, узнавъ, за тебя вступятся и согласясь съ яицкими казаками среди бѣлаго дня тебя, государь, возьмутъ.

Говоря это, Семенниковъ надѣялся, что успѣетъ подговорить наряженную въ походъ съ разныхъ станицъ пятисотную команду силой освободить самозванца и увезти его изъ Царицына [1]).

Съ этою цѣлью Семенниковъ отправилъ Голубинской станицы казака Глазина въ Трехъ-островянскую станицу къ казакамъ Ананію Еремѣеву и Конону Ѳедотову, чтобъ они какъ можно скорѣе пріѣхали въ Царицынъ, гдѣ содержится государь Петръ Ѳедоровичъ. Вызванные казаки были въ Царицынѣ, видѣлись съ Семенниковымъ и Богомоловымъ и обѣщали имъ свою помощь [2]).

[1]) Показанія Богомолова и Васильева.

[2]) Показаніе Серединцева отъ 12 іюля 1772 г. Мордовцевъ, *Самозванцы и понизовая вольница*, т. I, 79.

Вскорѣ послѣ того, и именно 22 іюня, Степанъ Пѣвчій пріѣхалъ вторично въ Царицынъ и часовъ въ семь вечера видѣлся съ самозванцемъ, передалъ поклонъ станицы, отдалъ присланный ему рубль и требовалъ росписки, но Богомоловъ подъ предлогомъ того, что нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ, росписки не далъ. Разговаривая съ черноярскимъ купцомъ Никифоромъ Болдыревымъ, самозванецъ просилъ Пѣвчаго зайти къ нему вечеромъ, и когда по захожденіи солнца онъ пришелъ, то засталъ Богомолова у караулки и при немъ трехъ солдатъ съ ружьями.

Не успѣлъ самозванецъ спросить у Пѣвчаго, скоро-ль онъ поѣдетъ въ свою станицу, какъ прибѣжалъ къ нему подосланный Семенниковымъ казакъ.

— Присланъ я, говорилъ онъ кланяясь,—отъ стоящаго на линіи Букановской станицы сотника Егора съ объявленіемъ, что слѣдующій изъ С.-Петербурга въ Царицынъ курьеръ остановился у него, Егора, и объявилъ, что четыре полка и при нихъ четыре же генерала, коихъ курьеръ объѣхалъ на дорогѣ, слѣдуютъ къ вамъ, государь.

— Хорошо, сказалъ Богомоловъ,—я сотника Егора Букановскаго знаю; спасибо ему. Вотъ Илья Денисовъ поручалъ тоже сотнику Егору описать мои знаки, а самъ и глазъ не кажетъ.

Богомоловъ ушелъ въ караульню, а Пѣвчій, оставшись съ прибѣжавшимъ казакомъ, спрашивалъ: правда ли все имъ сказанное, причемъ получилъ въ отвѣтъ, что все сущая правда. «Сіе онъ и согласникъ его Семенниковъ чинили, показывалъ впослѣдствіи Богомоловъ, не для чего иного какъ для увеличенія ложно принятаго на себя имени предъ случившимся у него малороссіяниномъ Пѣвчимъ и чтобъ онъ, видя и слыша, изъяснилъ о томъ въ Пяти-избянской станицѣ, съ надеждой бо̀льшаго о себѣ увѣренія».

Цѣль была достигнута вполнѣ и слухъ, что въ Царицынѣ содержится не простой колодникъ, а самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, распространялся все болѣе и болѣе.

Въ городѣ мало кто сомнѣвался въ этомъ и даже между солдатами ходилъ говоръ, что «слѣдовало бы его выручить изъ-подъ караула и пустить на волю». Такъ разсуждали канониры, ходя на пушечный дворъ на ученье и возвращаясь оттуда, но по мало-

людству одни поступить на то не отважились, а ожидали не будетъ ли къ тому удобнаго случая [1]).

Число лицъ желавшихъ видѣть самозванца все увеличивалось и наконецъ, среди любопытныхъ явился попъ Никифоръ Григорьевъ. Царскіе знаки, которые показывалъ Богомоловъ всѣмъ приходившимъ къ нему, сбили съ толку и попа.

— Особливые знаки на немъ неспроста, говорилъ священникъ Григорьевъ караульнымъ солдатамъ и барабанщику Тимоѳею Лобанову,—а надлежитъ всему говоренному вѣрить, что онъ государь.

Признавъ въ колодникѣ императора Петра III, попъ Григорьевъ сталъ часто посѣщать заключеннаго и высказывалъ ему свое сочувствіе. Богомоловъ просилъ попа постараться объ освобожденіи его изъ заключенія.

— А надеженъ ли ты на свой караулъ, спросилъ попъ.

— Надеженъ, отвѣчалъ Богомоловъ, и прибавилъ, что въ наступающую ночь съ 24 на 25 іюня онъ ожидаетъ донскихъ казаковъ, которые придутъ освобождать его.

Попъ согласился оказать свое содѣйствіе и проходя мимо барабанщика Лобанова, сидѣвшаго у воротъ своего дома, сказалъ, что въ наступающую ночь будетъ тревога, то чтобы Лобановъ объ освобожденіи заключеннаго постарался и объявилъ о томъ живущимъ по близости. Лобановъ обѣщалъ и, обходя квартиры солдатъ, говорилъ имъ, что ночью у Царицынскихъ воротъ будетъ тревога, такъ чтобъ они были готовыми. Тревоги, однакоже, не было, но поутру, 25 іюня, солдатъ Петръ Шедруновскій доложилъ о предупрежденіи Лобанова адъютанту, а затѣмъ было донесено коменданту и за два дня предъ тѣмъ прибывшему въ Царицынъ астраханскому губернатору Бекетову [2]). Послѣдній приказалъ перевести Богомолова на гаубтвахту, сдать его караульному офицеру и принять надлежащую осторожность; попа же арестовать и содержать подъ карауломъ скованнымъ.

---

[1]) Показаніе канонира Михаила Григорьева.

[2]) Отношеніе Бекетова гр. З. Чернышеву, 4 іюля 1772 г. Московск. Арх. Главн. Штаба. опись 94, св. 10.

Когда маіоръ Титовъ явился къ самозванцу, чтобы перевести его на новое мѣсто, то Богомоловъ зналъ ужь объ этомъ и не хотѣлъ идти.

— Куда ты меня хочешь вести, говорилъ онъ,—суди здѣсь.

Титовъ приказалъ его взять и отвести къ приготовленной телѣгѣ. Выйдя на улицу, Богомоловъ закричалъ: «міряне, не выдайте!» но ему зажали ротъ, бросили въ телѣгу и отвезли на гаубтвахту. Вслѣдъ затѣмъ арестовали попа, который былъ сильно пьянъ; его отвели сначала въ гражданскую канцелярію, а потомъ отправили для заковки въ желѣза. По выходѣ изъ канцеляріи, попъ пытался бѣжать къ стоявшему на базарѣ народу, но караульные его остановили, и тогда онъ закричалъ толпѣ: «православный народъ, не выдайте!» На просьбу эту толпа, состоящая изъ черни и рекрутовъ, стала ломать ближайшія шалашевыя лавки и, схвативъ въ руки колья и полѣнья, намѣрена была идти отбивать арестованнаго. Попъ однакоже былъ уведенъ, а толпа стала подвигаться къ гаубтвахтѣ.

Въ это время прибылъ на мѣсто происшествія комендантъ, полковникъ Цыплетевъ, съ маіорами Анненковымъ и Титовымъ, и съ инженеръ-поручикомъ Мухановымъ. Остановившись предъ гаубтвахтой, Цыплетевъ приказалъ ударить тревогу и разрѣшилъ караулу, въ случаѣ нужды, стрѣлять по всѣмъ тѣмъ, которые будутъ близко подходить къ гаубтвахтѣ. Самъ же Цыплетевъ, сопровождаемый прибывшими съ нимъ офицерами и купеческимъ денутатомъ Оловяшниковымъ, «бросился въ толпу то въ ту, то въ другую сторону, безо всякой команды, началъ самъ собой оныя толпы въ страхъ приводить» [1]). Народъ смѣшался и разсыпался въ разныя стороны; многіе были арестованы. Волненіе было прекращено, но Цыплетевъ не дешево отдѣлался: онъ получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину и правую руку, «и понынѣ, доносилъ онъ, нахожусь весьма болѣнъ». Опасаясь, чтобы народъ вновь не попытался освободить самозванца, Бекетовъ приказалъ его рано утромъ слѣдующаго дня отправить въ Черноярскую крѣпость и потребовалъ изъ Астрахани 200 человѣкъ

[1]) Рапортъ Цыплетева Бекетову 2 іюля 1772 г.

рекрутъ «на обмѣнъ здѣшнимъ, толь мало надежды въ вѣрности о себѣ подающимъ, конхъ и распредѣлю по разнымъ гарнизонамъ» [1]).

Утромъ, 26 іюня, еще до свѣту, на Волгѣ отъ Царицынской пристани отчалили двѣ лодки, изъ конхъ въ одной лежалъ скованный самозванецъ, а въ другой его сообщникъ Долотинъ. Оставалось отыскать третьяго сообщника, казака Ивана Семенникова, уѣхавшаго изъ Царицына за нѣсколько дней до происшествія. Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Трехъ-островянскую станицу сержанта Петрова, который не нашелъ тамъ Семенникова, но отъ атамана и старшинъ узналъ, что Семенниковъ будетъ въ Пяти-избянской станицѣ, у той команды, которая собирается къ походу въ армію, съ намѣреніемъ подговорить казаковъ освободить самозванца. Тогда Бекетовъ отправилъ въ Пяти-избянскую станицу фурьера Ромашева, который хотя и прожилъ тамъ пять дней, но Семенниковъ, бывшій въ станицѣ гораздо ранѣе, вторично не пріѣзжалъ и успѣлъ скрыться.

23 іюня, казакъ Трехъ-островянской станицы Серединцовъ, будучи на своемъ хуторѣ, услышалъ отъ казачекъ, собиравшихъ ягоды, что Семенниковъ пріѣхалъ изъ Царицына на свой хуторъ въ Береховъ-Буеракъ. Подстрекаемый любопытствомъ узнать о царицынскомъ важномъ колодникѣ, Серединцовъ поѣхалъ къ Семенникову, но не заставъ его дома, узналъ, что онъ отправился въ табунъ отставного старшины Чернозубова, гдѣ и нагналъ его.

— Ты куда ѣдешь? спросилъ Серединцовъ Семенникова.

— Я ѣду въ пятисотскую команду, отвѣчалъ онъ; — наши казаки были въ Царицынѣ и обѣщались къ государю пріѣхать, то и мнѣ въ ту команду надо ѣхать.

На вопросъ Серединцова, правда-ли, что въ Царицынѣ содержится государь, Семенниковъ отвѣчалъ что правда.

— Онъ мнѣ открылъ всѣ свои тайности, говорилъ Семенниковъ,—имѣетъ на лбу, на груди и на спинѣ знаки; караульные, капралъ, солдаты и я ему присягали и онъ пожаловалъ меня адъютантомъ.

---

[1]) Отношеніе Бекетова графу З. Г. Чернышеву 4 іюля 1772 г.

Семенниковъ уговаривалъ Серединцова ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ пятисотной командѣ и увѣрялъ, что вся она чрезъ казаковъ Еремѣева съ товарищами уже знаетъ о самозванцѣ и готова склониться на ихъ сторону.

— У насъ положено такъ, говорилъ Семенниковъ,—если вся пятисотная команда къ намъ приступитъ, то, взявъ государя изъ-подъ караула и освободя изъ желѣзъ, тутъ же на мѣстѣ въ Царицынѣ и объявить его государемъ. Если же сему случится противное и та команда на призывъ нашъ не поступитъ, то хотя находящихся въ этой командѣ нашей станицы казаковъ 16 человѣкъ возьмемъ и государя вмѣстѣ съ караульными уведемъ.

Серединцовъ согласился ѣхать съ Семенниковымъ и, взявъ изъ табуна старшины Чернозубова по двѣ лошади каждый, отправились за пятисотною командой, уже выступившею въ походъ. На рѣчкѣ Быстрой, гдѣ предполагали нагнать команду, они ея не застали, а у Ѳоминыхъ колодезей нагнали своихъ станичниковъ, Ананія Еремѣева и Конона Ѳедотова съ товарищами, и звали ихъ въ Царицынъ для освобожденія государя.

— Въ бытность вашу въ Царицынѣ, говорилъ Семенниковъ,— объщались вы государю Петру Ѳедоровичу, чтобы догнать отправленную пятисотную команду и, подговоря ту команду и избравъ лучшихъ лошадей, хотѣли увезти государя изъ Царицына.

— Когда нѣтъ всей команды, отвѣчали казаки,—такъ намъ тамъ дѣлать нечего. Мы еще за недѣлю до вашего пріѣзда всѣ шестнадцать человѣкъ сговорились ѣхать въ Царицынъ для взятія государя, набрали девять заводныхъ лошадей, изъ коихъ одну для государя, другую подъ тебя, третью подъ караульнаго капрала, да шесть подъ караульныхъ солдатъ. Однако предпріятіе это оставили, видя свое малолюдство, а больше опасаясь, если государя получимъ, а пятисотная команда къ принятію его и признанію государемъ отречется, то всѣ мы погибнемъ.

Семенниковъ предложилъ тогда отправить казака Ларіона Рѣпетникова въ пятисотную команду, но та безъ письменнаго приказанія идти въ Царицынъ не рѣшилась. Тогда совѣщавшіеся на Ѳоминыхъ колодезяхъ разъѣхались въ разныя стороны: Еремѣевъ съ товарищами поѣхали въ команду, а Серединцовъ съ Семенни-

ковымъ возвратились въ станицу [1]). Тамъ они подговорили молодежь идти съ ними выручать государя и рѣшили утопить всѣхъ тѣхъ, которые могли противиться исполненію ихъ намѣренія. Въ числѣ приговоренныхъ къ смерти были: станичный атаманъ Аѳанасій Лобынинъ, отставной старшина Петръ Чернозубовъ, священникъ Гавріилъ и старикъ казакъ Яковъ Соловьевъ. Всѣ эти лица узнали о намѣреніи Семенникова и, по почину Чернозубова, 1 іюля собрали казаковъ на совѣщаніе. Чернозубовъ прочелъ собравшимся копію съ высочайшаго указа о самозванцѣ (Кремневѣ) [2]), который содержался въ Воронежѣ въ 1766 году, и затѣмъ обратился къ Семенникову.

— О какомъ ты имени проговариваешь, спрашивалъ Чернозубовъ,—и возмущеніе дѣлаешь въ мірѣ?

— Въ городѣ Царицынѣ содержится подъ карауломъ царь Петръ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Семенниковъ.

— Совралъ ты, дуракъ, закричалъ Чернозубовъ; — хотя и былъ царь Петръ Ѳедоровичъ, но онъ скончался и нынѣ у насъ милостивая государыня Екатерина Алексѣевна и наслѣдникъ его высочество благовѣрный государь Павелъ Петровичъ.

— Живъ Петръ Ѳедоровичъ, кричалъ Семенниковъ, — и онъ въ Царицынѣ.

«Мнѣ нестерпимо стало, доносилъ Чернозубовъ [3]), за поношеніе императорскаго имени, и онаго возмутителя, схватя за волосы, билъ палкой».

— Чего вы стали, кричалъ Семенниковъ народу, — или оробѣли?

— Сажай его въ колоду, говорилъ Чернозубовъ, обращаясь къ станичному атаману Лобынину.

— За что Семенникова сажать въ колоду, закричалъ одинъ изъ малолѣтковъ,—онъ не виноватъ.

Лобынинъ однако же арестовалъ Семенникова, но малолѣтки подняли шумъ.

---

[1]) Показанія Серединцова 9 и 12 іюля 1772 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 94, св. 10.

[2]) Объ этомъ самозванцѣ смотри *Воронежскую Бесьду* на 1861 г.

[3]) Рапортъ Чернозубова войску Донскому 7 іюля. Тамъ же.

— Чего вы стали, послышались голоса, — ступайте на майданъ!

«А какъ нѣкоторые на майданъ взошли, писалъ Чернозубовъ, и приступили, за что-де его брать подъ арестъ, то атаманъ, убоясь, опаго Семенникова оставилъ, но и я съ походнымъ атаманомъ Лощилинымъ въ крайнемъ страхѣ находились». Видя, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ, что толпа расходилась не на шутку, Чернозубовъ сталъ уговаривать сторонниковъ Семенникова и, успокоивъ нѣкоторыхъ, ушелъ домой съ есауломъ Лощилинымъ. Оставшись одинъ въ собраніи, атаманъ хотѣлъ-было снова арестовать Семенникова, но казаки не дали, накинулись на него и вырвали изъ рукъ его насѣку. Шумъ и крики увеличивались и атаману Лобынину грозила опасность подвергнуться насилію толпы. Старый казакъ выручилъ его и успокоилъ толпу.

— Други мои, крикнулъ онъ, — я съ Семенниковымъ пойду съ вами въ походъ.

— Кто охотникъ ѣхать въ Царицынъ царя выручать? кричалъ Семенниковъ.

— Я съ тобой поѣду, слышались съ разныхъ сторонъ голоса, и казаки стали собираться къ Семенникову.

Пользуясь этимъ временемъ, атаманъ Лобынинъ успѣлъ скрыться.

Семенниковъ и Серединцовъ два раза приходили къ дому Чернозубова и вызывали Лощилина на бесѣду, но онъ не пошелъ и Чернозубовъ ему не совѣтовалъ. Толпа разошлась и къ вечеру успокоилась. На другой день, 2 іюля, Серединцовъ и Семенниковъ отправились въ Царицынъ, чтобы повидаться съ самозванцемъ, но не доѣзжая до города узнали, что самозванца въ Царицынѣ нѣтъ и гдѣ онъ — неизвѣстно. Они возвратились-было въ станицу, но Семенниковъ предпочелъ уѣхать, а Серединцовъ остался и былъ арестованъ.

Происшествіе въ Трехъ-островянской станицѣ обратило на себя вниманіе, и атаманъ Василій Машлыкинъ, какъ только получилъ извѣстіе о посылкѣ старшинами Пяти-избянской станицы рубля денегъ самозванцу, отправилъ на мѣсто старшину Григорія Сарычева съ указомъ отъ 12 іюля, обращеннымъ ко всѣмъ казакамъ,

живущимъ по Дону отъ Маноцкой до Трехъ-островянской станицы. Войско просило казаковъ не вѣрить никакимъ разглашеніямъ, оставаться спокойными и задерживать всѣхъ разгласителей нелѣпыхъ слуховъ.

«Мы, войско Донское, писалъ атаманъ, за благопристойно и нужно признали напомнить вамъ прежде оказанныя нами войска Донского вѣрныя къ государю и отечеству заслуги и получаемыя за то высочайшія милости и награжденія, изъ которыхъ главное было дѣло въ удержаніи бунта Астраханскаго въ 1705 году, за что получили мы отъ его императорскаго величества блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя Петра Великаго милостивую жалованную въ вѣчную и несмертельную намъ, дѣтямъ, сродникамъ и потомкамъ нашимъ славу и неугасимую память, грамоту и достойные нашей заслуги воинскіе клейноды, какъ и все наше донынѣ пребывающее основаніе. Напротивъ же того, донынѣ изъ крайняго сожалѣнія невыходящемъ бывшемъ на Дону Булавинскомъ возмущеніи, которое казнію достойныхъ и неповинныхъ въ томъ нанесло было такой худой порокъ и нареканіе, что мы, все войско Донское, многимъ пролитіемъ въ службѣ нашей крови едва могли оное загладить и осталось намъ только призывать къ себѣ милосердіе Божіе и наблюдать долгъ нашего христіанства и присягу, служить ея императорскому величеству со всею нашею силой и возможностію вѣрно и непоколебимо и во всемъ повиноваться и послушествовать волѣ ея императорскаго величества. И для того, по вышеприписанному обстоятельству, учинили мы, войско Донское, по должности нашей опредѣленіе отправить къ вамъ и по всѣмъ нашимъ казачьимъ городкамъ съ нашими войсковыми грамотами нарочныхъ старшинъ, въ томъ числѣ къ вамъ старшину Григорія Сарычева».

Войско просило содѣйствовать послѣднему въ задержаніи Семенникова и доставленіи его въ Черкаскъ. Прибывъ въ Маноцкую станицу, Сарычевъ долженъ былъ отправить впередъ себя нарочнаго по станицамъ, чтобы къ его пріѣзду были собраны казаки въ полные сборы и всѣ до единаго могли слышать грамоту и понять ее. При этомъ въ инструкціи, данной Сарычеву, возлагалось на его обязанность напоминать казакамъ долгъ службы и присяги,

«наводить на первую степень разума и точнаго познанія истины, что они изъ ничего приведены къ основательному житію и пользуются подъ высочайшимъ ея величества покровомъ всѣми выгодами. А что до ихъ службы принадлежитъ, оную отправляютъ они къ государской и ихъ собственной славѣ и благополучію, которая имъ временно тяжела, а больше дѣлаетъ безопасною жизнь и спокойствіе, а изъ того и слѣдуетъ за ними въ потомственные ихъ роды безсмертная слава. Иначе же безъ службы и государственной тягости въ цѣломъ свѣтѣ никакого народа нѣтъ, который бы никому подвластенъ не былъ. Да еще и больше: тамъ, гдѣ помазанной главы нѣтъ, происходятъ беззаконныя и властолюбивыя хищенія, притѣсненія, всякое зло и ежечасная, очевидная погибель»... [1])

Не успѣлъ Сарычевъ доѣхать до Маноцкой станицы, какъ въ Черкаскѣ было получено донесеніе старшины Чернозубова. Донесеніе это требовало энергичныхъ мѣръ, и войско, понимая всю серьезность положенія дѣла, тотчасъ же отправило въ Трехъ-островянскую станицу старшину Абросима Луковкина съ порученіемъ тайно, а если нельзя, то и силой захватить въ свои руки Семенникова, Серединцова съ ихъ товарищами и отвезти за крѣпкимъ карауломъ прямо въ Царицынъ [2]). Луковкинъ успѣлъ арестовать многихъ сообщниковъ, заковалъ ихъ въ кандалы и за крѣпкимъ карауломъ отправилъ въ Царицынъ, но Семенникова не нашелъ.

Между тѣмъ, узнавъ о происшедшемъ на Дону и въ Царицынѣ, императрица писала графу Чернышеву: [3]) «сдѣлайте губернатору выговоръ, почему онъ по сію пору самозванца кнутомъ не высѣкъ, а о попѣ велите изслѣдовать, по какой причинѣ онъ повѣщалъ бунтъ. Казака, который на Донъ ушелъ въ намѣреніи подговорить сообщниковъ, *ловить* какъ-нибудь надо и для того публиковать на Дону, чтобы казаки сами его привели, какъ мошенника».

Графъ Чернышевъ на другой же день отправилъ отъ имени военной коллегіи грамоту войску Донскому, въ которой просилъ

---

[1]) Инструкція Сарычеву отъ 12 іюля 1772 г.

[2]) Донесеніе Донского войска военной коллегіи отъ 17 іюля 1772 г.

[3]) Собственноручная записка отъ 25 іюля 1772 года.

принять мѣры къ поимкѣ Семенникова [1]) и сдѣлалъ выговоръ какъ Циплетеву, такъ и астраханскому губернатору Бекетову. «Коллегія, писалъ онъ послѣднему [2]), въ силу именнаго ея императорскаго величества точнаго повелѣнія, отправляя къ вамъ нарочнаго офицера Тобольскаго пѣхотнаго полка подпоручика Карташева и объявя вамъ свое неудовольствіе, предписываетъ слѣдующее:

«Въ присутствіи сего посланнаго къ вамъ офицера, помянутому самозванцу (Богомолову) повелѣнное отъ коллегіи и вамъ въ сообщеніи отъ 3 мая объявленное наказаніе, буде еще сего нынѣ не учинено, немедленно учинить и подъ крѣпкимъ карауломъ скованнаго отправить на Нерчинскіе заводы, и о томъ съ симъ же офицеромъ коллегіи донести». По прибытіи Карташева въ Царицынъ, Богомоловъ и Ивановъ (Долотинъ) немедленно были привезены изъ Чернаго Яра и наказаны кнутомъ, причемъ первому вырѣзали ноздри и поставили знаки. 9 августа они самымъ секретнымъ образомъ отправлены были на лодкѣ до Саратова и переданы въ распоряженіе казанскаго губернатора для дальнѣйшаго отправленія въ Сибирь. «Извольте отправить обоихъ, писалъ Бекетовъ коменданту Циплетеву [3]), на Нерчинскіе заводы водянымъ путемъ на лодкѣ до Саратова, и командировать въ конвой за ними при одномъ капитанѣ 20 человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и капраломъ, подъ видомъ отправленія для сыску появившихся между Дмитріевска и войска Волжскаго Дубовской станицы воровскихъ разбойническихъ партій, и приказать изъ Царицына вывезть ихъ въ ночное время весьма тайнымъ образомъ, чтобъ отнюдь никто объ ономъ не свѣдалъ. При слѣдованіи до Саратова держаться болѣе луговой стороны и нигдѣ къ жительствамъ не приставать, и имѣть въ ночное время ночлегъ въ пустыхъ и скрытыхъ мѣстахъ. По привозѣ въ Саратовъ отдать тѣхъ колодниковъ саратовскому воеводѣ». Отсюда они должны были быть отправлены по распоряженію казанскаго губернатора [4]), но Богомоловъ не дошелъ до Сибири:—онъ умеръ на дорогѣ.

[1]) Грамота войску Донскому отъ 26 іюля 1772 г. № 149.

[2]) Отношеніе графа Чернышева Бекетову отъ 26 іюля, № 151.

[3]) Въ ордерѣ отъ 8 августа 1772 г.

[4]) Отношеніе Бекетова казанскому губернатору 9 августа 1772 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, оп. 94, св. 10.

V.

Происхожденіе Пугачева и его прошлое. — Пугачевъ въ Черкаскѣ, Таганрогѣ и на Терекѣ.—Возвращеніе домой. — Арестъ. — Бѣгство въ Польшу. — Пугачевъ у Коровки и на Добрянскомъ форпостѣ. — Отправленіе на рѣку Иргизъ.—Пугачевъ въ Малыковкѣ и Мечетной. — Поѣздка въ Яицкій-городокъ.

Въ то время, когда по станицамъ войска Донского разыскивали Семенникова, по тѣмъ же самымъ станицамъ, подъ именемъ раскольника и выходца изъ Польши, пробирался другой бѣглецъ, казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ. Бѣжавшій изъ войска, давно покинувшій жену и дѣтей, онъ, опасаясь быть узнаннымъ и задержаннымъ, торопился на рѣку Иргизъ,—тогдашній притонъ бѣглыхъ. Рѣка Иргизъ, по словамъ императрицы Екатерины, «уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники тамъ скиты и монастыри заведшіе за добродѣтель почитаютъ давать пристанище»... [1])

Пугачеву было всего 30 лѣтъ отъ роду [2]), но жизнь состарила его преждевременно и ему казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ. Это былъ мужчина небольшаго роста, широкоплечій и сухощавый, смуглаго, нѣсколько рябоватаго лица и съ небольшою бородой, въ которой пробивалась сѣдина. Родившись въ Зимовейской станицѣ войска Донского, Пугачевъ въ самой ранней молодости занимался вмѣстѣ съ отцомъ хлѣбопашествомъ и въ дѣйствительности никогда не былъ раскольникомъ. По достиженіи 17-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ зачисленъ на службу и еще при жизни родителей женился на дочери Есауловской станицы казака Недюжева, Софьѣ Дмитріевой. Проживъ съ молодою женой только одну недѣлю, Пугачевъ былъ посланъ въ командѣ съ прочими казаками въ Пруссію, гдѣ и поступилъ въ составъ отряда, находившагося подъ начальствомъ графа З. Г. Чернышева. Тамъ онъ оставался до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, при-

[1]) Письмо императрицы гр. П. И. Панину 20 ноября 1774 г. *Чтенія* 1858 г., кн. II.

[2]) Показаніе Пугачева, данное Шешковскому 4 ноября 1774 г. Государствен. Арх., VI, д. № 512.

нималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, но раненъ не былъ. Въ то время походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ въ арміи былъ полковникъ Илья Денисовъ, который и взялъ Пугачева «за отличную проворность къ себѣ на ординарцы, такъ какъ и отъ другихъ станицъ у него состояло для разныхъ посылокъ немалое число» [1]). Однажды ночью на передовую казачью партію напали пруссаки и произвели тревогу, среди которой Пугачевъ упустилъ одну лошадь, принадлежавшую полковнику Денисову, за что и былъ наказанъ «нещадно плетью».

По возвращеніи изъ Пруссіи былъ публикованъ по всѣмъ станицамъ манифестъ о кончинѣ императора Петра III и казаки отпущены домой. Проживъ года полтора въ Зимовейской станицѣ, Пугачевъ былъ командированъ въ командѣ есаула Елисѣя Яковлева въ Польшу, «для выгнанія бывшихъ тамо бѣглыхъ раскольниковъ, коихъ оный есаулъ и привелъ въ Черниговъ», а затѣмъ команда была распущена и Пугачевъ прожилъ дома года три или четыре.

Во время войны съ Турціей Пугачевъ, уже въ чинѣ хорунжаго, находился въ полку Кутейникова и участвовалъ при осадѣ Бендеръ отрядомъ графа П. И. Панина. По взятіи этого города полкъ Кутейникова былъ отведенъ на зимовыя квартиры въ село Голую-Каменку, близъ города Елизавета, гдѣ Пугачевъ заболѣлъ «и гнили у него грудь и ноги». Въ это время полковнику Кутейникову приказано было для «исправленія казаковъ лошадьми» отпустить на Донъ при старшинѣ сто человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ уволенъ и Пугачевъ, какъ человѣкъ больной, для котораго необходимъ былъ отдыхъ. Болѣзнь эта тянулась довольно долго и приходившіе навѣщать Емельяна старики-казаки совѣтовали ему хлопотать объ отставкѣ и ѣхать въ Черкаскъ. Выпросивъ у станичнаго атамана Трофима Ѳомина паспортъ и оставивъ въ станицѣ жену, сына Трофима и двухъ дочерей, Аграфену и Христину, Пугачевъ въ февралѣ 1771 года отправился на собственной лодкѣ въ Черкаскъ. Явившись въ войсковую канцелярію, онъ предъявилъ свой паспортъ войсковому дьяку Колпакову.

---

[1]) Показаніе Пугачева въ Яицкомъ-городкѣ 16 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ? спросилъ Колпаковъ.

— Я, батюшка, отвѣчалъ Пугачевъ, — пріѣхалъ сюда за болѣзнію своей проситься въ отставку; у меня гніютъ ноги и грудь.

— Тебя отставить нельзя; надобно прежде лечь здѣсь въ лазаретъ и лечиться, и когда уже тебя вылечить будетъ нельзя, то тогда отставятъ.

— Нѣтъ, я въ лазаретъ не пойду, отвѣчалъ Пугачевъ, — а лучше стану лечичься на своемъ коштѣ.

Поклонившись Колпакову, онъ вышелъ изъ войсковой канцеляріи вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ ему есауломъ, совѣтовавшимъ не хлопотать очень объ отставкѣ.

— На что тебѣ отставка, говорилъ есаулъ: — вѣдь коли болѣнъ, тебя на службу не пошлютъ, а если выздоровѣешь, то отставить нельзя.

Пугачевъ рѣшился не проситься болѣе въ отставку и, придя на квартиру казачки Скоробогатой, у которой остановился, объявилъ ей, что отъ службы не отставляютъ, а велятъ лечиться въ лазаретѣ.

— Нѣтъ, Пугачевъ, говорила Скоробогатая, — не ходи въ лекарство, вѣдь оно очень трудно; покажи-ка ты мнѣ свои ноги.

Пугачевъ показалъ.

— Лечись ты, совѣтовала казачка, осматривая раны, — изъ убитыхъ барановъ легкими, прикладывай легкое къ ранамъ и тебѣ легче будетъ.

Больной послѣдовалъ совѣтамъ, «и, покупая легкое, показывалъ онъ впослѣдствіи [1]), три дня къ ногамъ прикладывалъ, отчего и стало ему нѣсколько легче». На четвертый день Пугачевъ рѣшился уѣхать изъ Черкаска, но не домой, а въ Таганрогъ, повидаться со своею сестрой Ѳедосьей, бывшею въ замужествѣ за донскимъ казакомъ Симономъ Павловымъ.

Получивъ разрѣшеніе войскового атамана Ефремова и напявъ у вдовы Скоробогатой лошадь за два пуда пшеницы и за два пуда муки, Пугачевъ отправился въ Таганрогъ. Тамъ сестра и зять

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512 (1).

сколько рады были пріѣзду гостя, столько же жаловались ему на свое горькое и трудное положеніе. Павловъ жилъ прежде также въ Зимовейской станицѣ, но съ началомъ Турецкой войны онъ вмѣстѣ съ другими казаками былъ отправленъ въ Таганрогъ на вѣчное житье. Казаки были недовольны такимъ переселеніемъ и въ особенности тѣмъ, что, подобно товарищамъ, оставшимся на Дону, не могли сохранить своихъ привилегій и древнихъ обычаевъ.

— Здѣсь жить трудно, говорилъ Павловъ Пугачеву; — лѣсу нѣтъ и ѣздятъ за нимъ недѣли по двѣ; заведены полковники, ротмистры, и совсѣмъ не такъ съ казаками поступаютъ, какъ на Дону. Насъ хотятъ обучать нынѣ по-гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ.

— Какъ это? спрашивалъ съ удивленіемъ Пугачевъ. — Кажется не годится, чтобы перемѣнять уставъ казачьей службы. Надобно просить, чтобъ оставили казаковъ на такомъ основаніи, какъ дѣды и отцы войска Донского служили.

— У насъ много перемѣнено; старшинъ у насъ уже нѣтъ, а названы вмѣсто оныхъ ротмистры. Когда начнутъ обучать насъ не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать туда, куда наши глаза глядѣть будутъ. Многіе уже бѣгутъ, да и я согласился съ тремя казаками бѣжать.

— А куда же ты хочешь бѣжать? спросилъ Пугачевъ.

— Коли въ Русь побѣгу, то съ женой, а если безъ жены, то хотя въ Сѣчь Запорожскую.

— Какъ тебѣ туда бѣжать? въ Сѣчь не попадешь, а на Руси поймаютъ. Въ Запорожьѣ, коли одинъ пойдешь, по женѣ стоскуешься, а пріѣдешь за ней, такъ тебя схватятъ. Итакъ, коли уже бѣжать, такъ бѣжать на Терекъ, тамъ наши семейные живутъ, тамъ народу много, рѣкъ и лѣсу довольно, прожить тамъ будетъ способно и тамошніе жители страннопріимчивы. А сверхъ того, тамошнему атаману Павлу Михайлову и указъ данъ, чтобы такихъ тамо принимать. Тогда и я съ вами поѣду.

— И вѣдомо это лучше, говорилъ Павловъ;—мы всѣ будемъ жить вмѣстѣ.

Побѣгъ на Терекъ былъ рѣшенъ, и Ѳедосья Павлова, по со-

вѣту брата и мужа, выпросилась у ротмистра съѣздить въ Зимовейскую станицу подъ предлогомъ свиданія съ матерью. Получивъ билетъ, она отправилась съ братомъ на Донъ съ тѣмъ условіемъ, что мужъ ея съ тремя товарищами бѣжитъ изъ Таганрога спустя недѣлю, другую, «для того, показывалъ Пугачевъ, что если онъ скоро за женой побѣжитъ, то ротмистръ догадается, что и жена бѣжала съ нимъ вмѣстѣ, пошлетъ погоню и ихъ тотчасъ схватятъ, за что и ему (Пугачеву) достанется, какъ подговорщику».

Павловъ однакоже не исполнилъ даннаго обѣщанія, и едва только Пугачевъ съ сестрой доѣхали до рѣки Тузловой, какъ Павловъ съ тремя товарищами нагнали ихъ и объявили, что они бѣжали.

— Что вы это надѣлали, говорилъ имъ Пугачевъ съ упрекомъ, — того и смотри, что насъ поймаютъ; вѣдь я говорилъ, чтобы помѣшкать недѣли двѣ, а теперь вы погубили себя и меня.

Понимая очень хорошо, что дѣло сдѣлано и укоризна неумѣстна, Пугачевъ забралъ всѣхъ бѣглецовъ и отправился съ ними въ Зимовейскую станицу. Не доѣзжая до станицы, Ѳедосья и трое бѣглецовъ остались въ степи, а Пугачевъ, выждавъ наступленіе ночи, чтобы сосѣди не видѣли, привелъ зятя къ себѣ въ домъ.

— Вотъ, матушка, говорилъ онъ, — знаешь-ли, зять-то хочетъ съ женой бѣжать на рѣку Терекъ, да и меня зовутъ съ собой.

Мать и жена ударились въ слезы.

— Нѣтъ, не бойтесь, успокоивалъ Пугачевъ,—я только провожу ихъ черезъ Донъ, а самъ никуда не поѣду.

Въ ту же ночь онъ съ зятемъ выѣхалъ въ степь, гдѣ оставилъ зятя, а взялъ сестру. Пробывъ часа два у матери, Ѳедосья отправилась къ свекру своему. Мать и жена снова принялись уговаривать Пугачева, чтобъ онъ за Донъ тѣхъ бѣглецовъ не перевозилъ и что ему за это будетъ бѣда. Пугачевъ согласился-было, но зять, приходя по ночамъ, упрашивалъ его перевезти и ѣхать съ ними вмѣстѣ.

— Покажи намъ дорогу на Терекъ, просилъ зять.

— Ты за солью на Манычъ хаживалъ, отвѣчалъ Пугачевъ,— такъ поди той дорогой и она доведетъ тебя до Терека.

По всему видно было, что Пугачеву не хотѣлось бѣжать на Терекъ, а зять, подъ предлогомъ указанія дороги, непремѣнно хотѣлъ утащить его съ собой. Оба обманывали другъ друга и потому переговоры тянулись нѣсколько дней. Наконецъ, Павловъ сталъ просить, чтобъ онъ только перевезъ ихъ черезъ Донъ, будучи увѣренъ, что если Пугачевъ это сдѣлаетъ, то они найдутъ возможность увезти его съ собой.

Видя неотступную просьбу зятя, Пугачевъ согласился, не смотря на слезы матери и жены, которыхъ онъ увѣрялъ, что только перевезетъ черезъ Донъ, а самъ не побѣжитъ.

— Статное-ли дѣло, говорилъ онъ,—чтобъ я оставилъ отечество и поѣхалъ бы на Терекъ.

Посадивъ въ лодку зятя, сестру и трехъ ихъ спутниковъ, Пугачевъ спустился внизъ по Дону верстъ на семь, перевезъ ихъ на ногайскую сторону, высадилъ на берегъ, а самъ остался въ лодкѣ и отвалилъ отъ берега. Видя, что Пугачевъ ихъ обманулъ, Павловъ выхватилъ саблю и бросился въ воду, но Пугачевъ успѣлъ уплыть. Спустя мѣсяцъ или полтора Павловъ съ товарищами, не найдя дороги на Терекъ, вернулись въ Зимовейскую станицу, были арестованы, отведены въ станичную канцелярію, гдѣ и показали, что Пугачевъ перевезъ ихъ черезъ Донъ и хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ ними. Зная, что всѣмъ казакамъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено перевозить за рѣку бѣглецовъ, Пугачевъ, опасаясь наказанія, взявъ лошадь, бѣжалъ изъ дома и шатался по степи недѣли двѣ. Когда захваченный хлѣбъ весь вышелъ и ему ѣсть было нечего, онъ вернулся ночью въ станицу, гдѣ жена ему сказала, что мать и зять взяты въ Черкаскъ и что и его также ищутъ. Тогда Пугачевъ рѣшился самъ поѣхать въ Черкаскъ и, если можно, обогнать мать и зятя, чтобы подъ видомъ человѣка праваго и ничего не подозрѣвающаго, отдѣлаться отъ наказанія. Явившись къ дьяку Колпакову, онъ представилъ ему тотъ же самый паспортъ, который былъ выданъ, когда онъ намѣренъ былъ хлопотать объ отставкѣ.

— Я слышу, говорилъ Пугачевъ, — что про меня говорятъ будто я бѣжалъ; я не бѣгалъ, вотъ и паспортъ.

— На кой же чортъ пишутъ, что ты бѣжалъ, отвѣчалъ Колпаковъ, посмотрѣвъ паспортъ, и отпустилъ Пугачева.

На другой день привезли мать и зятя, причемъ послѣдній показалъ, что точно Пугачевъ перевозилъ его и хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ идти на Терекъ. Видѣвъ Пугачева наканунѣ, Колпаковъ приказалъ его сыскать, но онъ бѣжалъ въ станицу, гдѣ былъ арестованъ, снова бѣжалъ, скрывался въ камышахъ и пролежалъ тамъ двое сутокъ. «Но какъ ѣсть было нечего, говорилъ Пугачевъ [1]), также и холодно, ибо время было въ Филипповъ постъ, то на третій день пошелъ въ домъ свой и пришедъ сказалъ женѣ, чтобъ она никому не сказывала и прожилъ въ домѣ своемъ почти весь Филипповъ постъ скрытно. Въ домѣ же его не сыскали потому, что не могли старшины думать, чтобы, надѣлавъ столько побѣговъ, осмѣлился жить въ домѣ своемъ».

За два дня до Рождества Христова Пугачевъ осѣдлалъ лошадь и выѣхалъ изъ станицы, сказавъ женѣ, что ѣдетъ на Терекъ, и если его тамъ примутъ, то и за нею пріѣдетъ [2]).

---

[1]) Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 г.

[2]) О своемъ пребываніи на Терекѣ Пугачевъ разсказалъ Шешковскому цѣлую басню, которая могла бы ввести въ заблужденіе, если бы сохранившіеся къ счастію документы не опровергли всего имъ показаннаго. Шешковскій записалъ со словъ допрашиваемаго слѣдующее: «Поѣхалъ онъ черезъ Донъ по льду верхомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ѣхать на Терекъ... Ѣхалъ онъ семь дней и не доѣхавъ до Кумы занемогъ, а лошадь пала, почему онъ легъ и лежалъ, а отдохнувъ черезъ великую силу пошелъ къ Кумѣ; дошедши до берега не могъ больше ступать ногами, легъ на берегу, лежалъ трое сутокъ, не видѣвъ ни одного человѣка... Черезъ три дня пришли къ нему три человѣка, русскіе, и спросили его, что онъ за человѣкъ? Онъ сказалъ имъ о себѣ, что онъ донской бѣглый казакъ... Оные два человѣка были на лошадяхъ; сжалившись надъ нимъ посадили его на лошадь, а сами сѣли на одну двое и поѣхали съ нимъ по сдѣланному идущими въ то самое время изъ Кизляра донскими казаками мосту черезъ рѣку Куму. И отъѣхавъ отъ рѣки верстъ съ тридцать, привезли его оные два человѣка въ сдѣланный шалашъ, гдѣ опъ, Емелька, лежалъ недѣли съ двѣ. Кормили же его оные люди звѣрями, яблоками и терномъ... Оные-жь люди сказали ему о себѣ, что они бѣглые изъ Сибири съ заводовъ и надѣлавъ тамъ бѣдъ бѣжали: мы были и въ Астрахани, да тамъ публиковано о насъ, такъ мы и оттуда ушли. Когда же ему стало полегче, то увидѣлъ онъ, что оные два человѣка рѣжутъ изъ прутьсвъ жеребенки, то онъ ихъ спросилъ: «Что вы, братцы, пульки что-ли рѣжете и эти прутики свинцовые что-ли». На что они сказали ему: «Это не свинецъ, а золото». И онъ ихъ спро-

Переправившись черезъ Донъ, Пугачевъ, нигдѣ не останавливаясь, пріѣхалъ прямо въ Ищорскую станицу къ поселеннымъ тамъ казакамъ. Отсюда онъ отправился въ Дубовскую станицу и, явившись войсковому атаману Павлу Татаринцову, просилъ о принятіи его въ Терское Семейное войско [1]). Не зная, что онъ бѣглый казакъ, Татаринцовъ записалъ Пугачева сначала въ Каргалинскую, а потомъ въ Дубовскую станицу, въ которой онъ прожилъ недолго, выпросилъ себѣ билетъ на три недѣли и, подъ предлогомъ необходимыхъ собственныхъ дѣлъ, отправился въ Ищорскую станицу. Тамъ онъ подговорилъ казаковъ, поселенныхъ въ Галюгаевской, Ищорской и Наурской станицахъ, чтобъ они избрали его своимъ атаманомъ, обѣщая имъ за то хлопотать въ государственной военной коллегіи объ отпускѣ имъ денежнаго жалованья и провіанта наравнѣ съ казаками Терскаго Семейнаго войска. Атаманъ и старики согласились и дали заручную подписку о желаніи казаковъ имѣть Пугачева своимъ атаманомъ [2]). Получивъ отъ тѣхъ же казаковъ двадцать рублей денегъ, Пугачевъ отправился-было хлопотать, но при выѣздѣ изъ Моздока 9 февраля 1772 года за рогаткой былъ пойманъ, посаженъ на гауптвахту и прикованъ цѣпью къ стулу; казаки же, уполномочившіе

силъ: «Да гдѣ же вы берете?» На что они ему сказали: «Да мы нашли здѣсь этого сокровища множество, да жаль, что всемилостивѣйшая государыня этого не знаетъ; мы бывали на многихъ государевыхъ заводахъ, да столько такого сокровища не видали». И онъ, Емелька, спросилъ ихъ: «Да какъ же вы нашли». И они ему сказали: «А вотъ какъ: увидѣли мы лисицу и погнались за нею, хотѣли застрѣлить; мы къ ней, а она отъ насъ. И такъ она отвела насъ отъ шалаша нашего верстъ двѣнадцать и вдругъ бросилась въ нору почти при нашихъ глазахъ; мы стали ту нору рыть и какъ порыли аршина два въ глубину, то и нашли тутъ это золото». Емелька спросилъ ихъ: «Не можно-ли мнѣ это мѣсто указать». И оные люди сказали: «Пожалуй, покажемъ». Послѣ сего они всѣ трое и пошли и, отведя отъ шалаша верстъ двѣнадцать, взошли какъ-бы на высокій валъ и ту нору ему показали и рыли, гдѣ онъ, Емелька, то золото видѣлъ и потомъ ту нору зарыли и заравняли и пошли попрежнему въ шалашъ. Послѣ чего, пожившъ въ шалашѣ дней съ пять, стосконулось ему по женѣ и дѣтямъ, а къ тому-жь и на Терекъ попасть за болѣзнію его нельзя, то простясь съ тѣми людьми, не спрося ихъ объ именахъ, ни о чинахъ, пошелъ къ рѣкѣ Кумѣ и перешедъ по тому же мосту шелъ прямо на Донъ въ свой домъ съ двѣ недѣли».

[1]) Г. Щебальскій *(Начало и характеръ Пугачевщины)* говоритъ, что Пугачевъ вписался въ Моздокское войско, но такого войска не существовало.

[2]) Показаніе Пугачева въ моздокской комендантской канцеляріи 9 февраля 1772 г. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1848 г., кн. I.

и выбравшіе его, были «нещадно батожьемъ наказаны» [1]). Просидѣвъ на стулѣ три дня, Пугачевъ 13 февраля успѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ подговореннымъ имъ солдатомъ Лаптевымъ и унесъ съ собою три звена цѣпи, которой былъ прикованъ, и замокъ [2]).

Неудача на Терекѣ заставила Пугачева вернуться домой, но надежды его быть атаманомъ еще не рушились.

— Я былъ на Терекѣ, говорилъ онъ женѣ,—и Семейные казаки хотятъ меня принять; у нихъ теперь нѣтъ атамана, они меня выберутъ.

Жена не вѣрила этимъ словамъ и зная, что мужа давно ищутъ, горько плакала. Какъ ни утѣшалъ ее Пугачевъ, но все было напрасно. Раздосадованный грустною семейною обстановкой, онъ рѣшился самъ передаться въ руки правосудія.

— Когда такъ, сказалъ онъ, — то поди и скажи, что я пріѣхалъ.

Пугачевъ былъ арестованъ и отведенъ къ атаману. На другой день его отправили въ Чирскую станицу, въ розыскную команду [3]) къ старшинѣ Михайлѣ Ѳедотову.

— Ну, Пугачевъ, говорилъ Ѳедотовъ, оставшись наединѣ съ арестованнымъ, — дай мнѣ сто рублей, такъ я напишу тебя въ службу, чтобы ты вину свою заслужилъ и въ Черкаскъ не пошлю.

— У меня ста рублей нѣтъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — а пятьдесятъ дамъ.

Ѳедотовъ не соглашался, и тогда Пугачевъ просилъ позволенія поискать денегъ, на что и получилъ разрѣшеніе. Его отвели подъ конвоемъ къ старшинѣ Чирской станицы Карпу Денисову.

— Надобно подарить старшину Ѳедотова, говорилъ Пугачевъ,—за то, что онъ не хочетъ меня посылать въ Черкаскъ, а опредѣлить для заслуженія вины моей въ службу.

---

[1]) Рапортъ моздокскаго коменданта кизлярскому, 20 февраля. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1848 г., кн. I.

[2]) Рапортъ плацъ-маіора Повѣскина моздокскому коменданту Иванову 13 февраля. Тамъ же.

[3]) Команда, на обязанности которой было ловить воровъ и разбойниковъ и конвоировать колодниковъ.

— На, возьми, сказалъ Денисовъ давая деньги, — и отнеси ихъ; это хорошо, если онъ запишетъ тебя въ службу.

Пугачевъ понесъ деньги Ѳедотову.

— Гдѣ ты деньги эти занялъ? спросилъ Ѳедотовъ.

— У Карпа Петровича Денисова.

— Нѣтъ, если эти деньги ты занялъ у него, то я ихъ у тебя не возьму; онъ свой братъ, полковникъ, какъ только свѣдаетъ, что съ тебя взялъ, такъ донесетъ и меня за это разжалуютъ. Поди вонъ.

Пугачевъ отнесъ деньги обратно Денисову, но тотъ взялъ только 40 р., а 10 подарилъ арестованному.

— Въ Черкаскѣ пригодятся, сказалъ Денисовъ.

Въ тотъ же день Пугачевъ былъ отправленъ водой въ Черкаскъ вмѣстѣ съ другими колодниками. По пріѣздѣ въ Цимлянскую станицу, сидя въ станичной избѣ, Пугачевъ увидѣлъ саженяхъ въ десяти знакомаго ему еще во время прусскаго похода казака Лукьяна Худякова. Въ головѣ арестованнаго тотчасъ же мелькнула мысль воспользоваться знакомствомъ въ свою пользу, и онъ попросилъ позволенія повидаться съ Худяковымъ.

— Разорилъ меня Романъ Пименовъ (старшина) и ограбилъ, говорилъ Пугачевъ Худякову; — отнялъ у меня два камня, да лукъ, и меня же въ Черкаскъ послалъ не знаю за что̀, но спасибо везутъ меня безъ колодки. Горе мое въ томъ, что везутъ меня съ колодниками водой, такъ вѣдь не скоро довезутъ, а пора приходитъ сѣять пшеницу. Знаю я, что правъ буду и меня отпустятъ изъ Черкаска, за меня и старшина Иловлинскій Михайло Макаровъ старается и писалъ войсковому есаулу письмо, да та моя бѣда, что идетъ время къ посѣву и я совсѣмъ разорюсь. Пожалуй, Бога ради, возьми меня на свои поруки и скажи, что ты меня въ Черкаскъ отвезешь, я тебѣ шесть рублей заплачу.

Пугачевъ клялся, что за нимъ никакого серьезнаго дѣла нѣтъ, одна только напасть Пименова. Худяковъ повѣрилъ клятвѣ, пошелъ въ станичную избу и сказалъ старшинѣ, что самъ, за своей порукой, отвезетъ Пугачева въ Черкаскъ.

На другой день, подъ вечеръ, приказалъ Худяковъ сыну своему осѣдлать двѣ лошади и ѣхать съ Пугачевымъ въ Черкаскъ.

Отъѣхавъ отъ станицы на такое разстояніе, съ котораго никакая погоня или преслѣдованіе были невозможны, Пугачевъ не считалъ нужнымъ скрывать своихъ намѣреній, бросилъ сына Худякова, ударилъ по лошади и ускакалъ въ степь. Молодой Худяковъ хоть и гнался за нимъ версты съ три, но догнать не могъ [1]). Пока онъ вернулся въ станицу, чтобы сказать отцу о постигшемъ его несчастіи, Пугачевъ былъ уже на р. Койсухѣ, гдѣ поселены были выведенные изъ Польши бѣглые раскольники. Остановившись въ слободѣ Черниговкѣ, Пугачевъ спросилъ у одного мужика, не наймется-ли кто изъ ихъ селенія отвезти его къ казачьей командѣ, которая, какъ ему было извѣстно, шла тогда впереди подъ начальствомъ Краснощекова.

— Есть здѣсь такой человѣкъ, отвѣчалъ мужикъ, — который вашу братью возитъ, и назвалъ раскольника Ивана Коверина.

Остановившись по отводу сотника Дементьева въ домѣ Коверина, Пугачевъ объявилъ ему, что ѣдетъ изъ Черкаска для сопровожденія обоза отряда Краснощекова, и такъ какъ лошадь у него устала, то не наймется ли онъ довезти его до села Протопоповки (въ 30 верстахъ отъ города Изюма), гдѣ ему надобно застать Краснощекова обозъ [2]). «Про Краснощекова говорилъ, показывалъ впослѣдствіи Пугачевъ, чтобы не подумали, что онъ бѣглецъ» [3]). Пасынокъ Коверина Алексѣй взялся отвезти Пугачева за три рубля съ полтиной, впрегъ своихъ двухъ лошадей въ телѣгу, а лошадь Пугачева шла на поводу.

Наступилъ вечеръ, и путешественники, остановившись въ полѣ, развели огонь и стали варить кашу.

— Вѣдь я не за обозомъ Краснощекова ѣду, а мнѣ хочется, добрый человѣкъ, говорилъ вкрадчиво Пугачевъ Алексѣю, зная, что онъ раскольникъ,—хочется пожить для Бога, да не знаю гдѣ бы сыскать такихъ богобоязливыхъ людей.

---

[1]) Показаніе казака Лукьяна Худякова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512. За то, что упустилъ Пугачева, Худяковъ, по распоряженію войсковой канцеляріи, былъ высѣченъ плетьми, а старшина за то, что отдалъ на поруки, посаженъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду.

[2]) Показаніе Ивана Коверина 11 декабря 1774 г., Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[3]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г.

— Я знаю такого человѣка набожнаго, отвѣчалъ Алексѣй,— который такихъ людей принимаетъ.

— Пожалуй, Бога ради, отвези меня къ нему. — Что это за богобоязливый человѣкъ и гдѣ онъ живетъ?

— Оный человѣкъ казачей Кабаньей слободы [1]), живетъ на своемъ хуторѣ и прозывается Осипъ Коровка.

Наутро Пугачевъ и Алексѣй отправились къ Коровкѣ, куда и пріѣхали вечеромъ. Не доѣзжая до хутора Пугачевъ послалъ Алексѣя спросить приметъ ли ихъ Коровка. Алексѣй пошелъ, хотя самъ никогда не видалъ въ лицо Коровку, а слышалъ объ его гостепріимствѣ отъ другихъ.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ Коровка.

— Я выходецъ изъ Польши, раскольникъ, житель Бѣлогородской губерніи, Валуйскаго уѣзда, дворцовой раскольнической слободы Черниговки, съ р. Койсухи, Алексѣй Ивановъ сынъ Коверинъ. Я привелъ сюда такого человѣка, который хочетъ пожить для единаго Бога.

Алексѣй просилъ Коровку принять его спутника.

— А гдѣ тотъ человѣкъ? спросилъ Коровка.

— Онъ стоитъ за хуторомъ.

Коровка и Алексѣй отправились за Пугачевымъ.

— Вотъ Осипъ Ивановичъ, тотъ человѣкъ, говорилъ Алексѣй, указывая на Пугачева лежавшаго въ телѣгѣ,—который желаетъ пожить Бога ради.

— Пожалуй, Осипъ Ивановичъ, повторилъ Пугачевъ вставая,— прими меня къ себѣ.

— Какого ты чина, спросилъ Коровка, и какъ тебя зовутъ?

— Я донской казакъ Емельянъ Ивановъ, сынъ Пугачевъ, иду за обозомъ Краснощекова, но хочется мнѣ пожить для Бога ради, пусти меня пожить; на службѣ никакъ угодить Богу не можно.

— Я бы радъ, отвѣчалъ Коровка,—да не можно; я держалъ такихъ людей, да они меня часто грабили и совсѣмъ разорили; я боюсь.

---

[1]) Кабанья слобода находилась тогда въ Изюмскомъ полку.

Пугачевъ просилъ принять его хотя на нѣсколько дней.

— Милости прошу, отвѣчалъ на это Коровка, — поди братъ за мной.

Путешественники прожили у него два дня. Пугачевъ снова просилъ позволенія остаться, но Коровка не соглашался.

— Ну, дѣлать нечего, говорилъ Пугачевъ, — теперь поѣду я за Кременчугъ, тамъ у меня осталось, когда шелъ изъ-подъ Бендеръ, много серебра и платья, потому что тогда за язвой ничего не пропускали. Взявъ оное поѣду къ Бендерамъ; слышно, что тамъ генералъ Каменскій поселяетъ всякаго и тамъ жить будетъ свободно.

— Да, здѣсь нашей братьѣ старовѣрамъ жить нельзя, замѣтилъ Коровка.—Вотъ я за крестъ и бороду страдалъ въ Бѣлгородѣ и съ сыномъ лѣтъ семь, да дай Богъ здоровья милостивой государынѣ, она дала свой о крестѣ и бородѣ указъ, такъ меня и освободили. Я и тебя держать опасаюсь потому, что пріѣзжаютъ часто сюда команды. Когда ты въ Кременчугъ поѣдешь, навѣдайся Бога ради, и коли точно принимаютъ, такъ когда поѣдешь назадъ, заѣзжай и скажи мнѣ, я бы самъ со всѣмъ домомъ туда поѣхалъ.

Пугачевъ обѣщалъ и отправился въ Протопоповку. Тамъ онъ отпустилъ Алексѣя Коверина и, оставшись одинъ, сталъ думать о томъ какъ бы достать себѣ паспортъ. Коровка былъ его единственный знакомый въ тѣхъ мѣстахъ, и потому Пугачевъ рѣшился извлечь изъ этого знакомства возможную пользу. Чтобы протянуть время и имѣть возможность сказать, что былъ подъ Бендерами, Пугачевъ поѣхалъ изъ Протопоповки опять въ Черниговку, но встрѣтивъ на дорогѣ карантинъ, черезъ нѣсколько дней вернулся опять къ Коровкѣ.

— Что, Емельянъ Ивановичъ, былъ ли подъ Бендерами, спрашивалъ Коровка, и селятся ли тамъ?

— Селятся, отвѣчалъ Пугачевъ, только надобно самому туда ѣхать и выправить указъ.

— Мнѣ самому ѣхать туда невозможно, а возьми ты сына моего Антона.

— Я бы радъ туда пойти и отыскать мѣсто для поселенія, да только паспорта у меня нѣтъ.

— Для проѣзда я тебѣ дамъ свой паспортъ, данный мнѣ съ

сыномъ на годъ для торговли. Съ этимъ паспортомъ ты, Емельянъ Ивановичъ, подъ моимъ именемъ туда и поѣдешь.

Пугачевъ согласился.

— Ты, говорилъ онъ Коровкѣ съ увѣренностью, — ни хлѣба не сѣй, ни сѣна не коси, нонче непремѣнно поѣдешь.

Взявъ у Коровки на дорогу 50 рублей, пару лошадей и сына, Пугачевъ отправился въ Кременчугъ, оттуда въ Крюковъ и далѣе къ Елисаветинской крѣпости. По дорогѣ Антонъ Коровка узналъ, что подъ Бендерами никакого поселенія нѣтъ и сообщилъ о томъ своему спутнику [1]). Пугачевъ не считалъ нужнымъ увѣрять въ противномъ, потому что Антонъ Коровка былъ уже его сообщникъ. Онъ везъ человѣка подъ чужимъ именемъ, на всѣхъ заставахъ гдѣ прописывали паспортъ, называлъ своимъ отцомъ, слѣдовательно подвергался такой же отвѣтственности и наказанію, какъ и тотъ, кого онъ прикрывалъ. Къ Бендерамъ ѣхать было не для чего, надобно было избрать другой путь.

— Куда же намъ теперь ѣхать, чтобы спасти себя, спрашивалъ Пугачевъ Антона Коровку.

— Поѣдемъ въ Стародубскія слободы, отвѣчалъ тотъ.

Пріѣхавъ сначала въ Стародубскую Климову слободу, они отправились потомъ въ стародубскій монастырь къ старцу Василію [2]), которому Пугачевъ признался, что онъ бѣглый донской казакъ и спрашивалъ гдѣ бы лучше прожить.

— Лучше не можно какъ идти въ Польшу, говорилъ старецъ.—Здѣсь много проходитъ всякихъ бѣглыхъ и отсюда только нужно перевести ихъ черезъ заставу, а тамъ и пойдутъ они на Вѣтку [3]). Побывъ тамъ малое время, придутъ они на Добрянскій форпостъ и скажутся польскими выходцами. А какъ есть указъ, что польскихъ выходцевъ велѣно селить по желанію [4]), то съ фор-

---

[1]) Показанія Пугачева 4-го и 18-го ноября. Показаніе Осипа Коровки 18-го ноября.

[2]) Въ допросахъ Пугачеву (*Чтенія* 1858 г., кн. II) ошибочно напечатано Вавилы.

[3]) Раскольничья слобода, находившаяся на островѣ рѣки Сожи, въ предѣлахъ нынѣшней Могилевской губерніи.

[4]) Указами Петра III и Екатерины II такимъ возвращающимся обѣщаны разныя льготы и дозволено селиться по желанію.

поста даютъ имъ билеты въ тѣ мѣста, куда кто пожелаетъ на поселеніе. Современемъ можешь и жену свою, хотя воровски, къ себѣ достать и жить цѣлый вѣкъ спокойно.

Картина такой свободной жизни прельстила Пугачева, и онъ просилъ старца проводить его съ товарищемъ какъ можно скорѣе въ Польшу..

— Погодите немного, отвѣчалъ Василій, — пока съ теперешняго мѣста перейдетъ застава, тогда я васъ и провожу.

Ждать пришлось довольно долго, и Пугачевъ съ Коровкой прожилъ у старца Василія недѣль съ пятнадцать. Наконецъ, старецъ вывелъ ихъ на тропинку, по которой нельзя было двигаться иначе какъ пѣшему, и сказалъ что это прямая дорога на Вѣтку. Здѣсь Пугачевъ оставался не болѣе недѣли, а затѣмъ отправился на Добрянскій форпостъ, гдѣ встрѣтилъ множество бѣглыхъ русскихъ, выдерживавшихъ карантинъ.

— Какъ, братцы, являются на форпостѣ? спрашивалъ Пугачевъ.

— Ты какъ придешь къ командиру, говорили люди бывалые,— такъ онъ тебя спроситъ, откуда ты и что за человѣкъ? Ты скажи: я родился въ Польшѣ и желаю идти въ Россію: тогда тебя не станутъ больше спрашивать, а если ты скажешься чьимъ изъ Россіи, то сдѣлаютъ привязку.

Пугачевъ такъ и сдѣлалъ.

— Откуда ты? спросилъ его маіоръ Мельниковъ.

— Изъ Польши.

— Какой ты человѣкъ и какъ тебя зовутъ?

— Я польскій уроженецъ; зовутъ меня Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ [1]).

---

[1]) Пугачевъ не скрывалъ своего имени и не назывался здѣсь пензенскимъ купцомъ, какъ сказано въ *Чтеніяхъ* 1858 года, кн. II, у Щебальскаго и другихъ. До сихъ поръ основаніемъ для изслѣдователей служили *Допросы Пугачеву* (*Чтенія* 1858 г., кн. II), или вѣрнѣе первое показаніе Пугачева, данное въ Яицкомъ-городкѣ 16 сентября 1774 года. Показаніе это напечатано съ невѣрной рукописи и совершенно искажено. Въ текстѣ пропущены цѣлыя строки, перепначены собственныя имена и названіе мѣстности. Цифры правительственныхъ войскъ и силы Пугачева также невѣрны: на стр. 25 напечатано 100 т., а слѣдуетъ 10 т. заводскихъ крестьянъ; напечатано 4 т. башкирцевъ вмѣсто 400. Не имѣя возможности перечислять здѣсь всѣ неточности, должно сказать, что на одномъ этомъ показа-

Командиръ форпоста приказалъ записать его имя въ книгу и отправилъ въ карантинъ, гдѣ его не раздѣвали, а заставили перейти черезъ огонь и потомъ докторъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты здоровъ, проговорилъ онъ,—но надобно тебѣ высидѣть въ карантинѣ шесть недѣль.

Въ карантинѣ Пугачевъ познакомился съ такимъ же выходцемъ, какъ онъ, бѣглымъ солдатомъ 1-го гренадерскаго полка, Алексѣемъ Семеновымъ Логачевымъ. Оба они признались другъ другу: одинъ, что онъ бѣглый солдатъ, а другой, что онъ бѣглый донской казакъ и условились идти вмѣстѣ на поселеніе на Иргизъ, въ дворцовую Малыковскую волость. «А какъ ѣсть имъ обоимъ было нечего, то работали тутъ въ Добрянкѣ у жителя Косоротова баню» [1]).

По окончаніи карантина Пугачевъ и Логачевъ 12 августа 1772 года явились къ маіору Мельникову, отъ котораго и получили паспорты [2]) для свободнаго прохода на Иргизъ. Не имѣя

ніи основываться невозможно. Въ тайной экспедиціи въ Москвѣ Пугачевъ отъ многаго отказался, сознался что много выдумалъ, и былъ уличаемъ на очныхъ ставкахъ своими сообщниками. Эти показанія могутъ служить источникомъ только при сличеніи ихъ съ показаніями другихъ лицъ. Еще большему искаженію подверглись напечатанные въ той же книжкѣ *Чтеній*: 1) Дополнительное показаніе Пугачева и 2) Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву въ присутствіи Г. Г. М. П. С. Потемкина 1774 года октября со 2 по 5 число. Послѣдній слѣдуетъ читать такъ: „Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву въ присутствіи генерала графа Панина и генералъ-маіора Потемкина октября со 2 по 5 число въ Симбирскѣ".

[1]) Показаніе Пугачева 18 ноября 1774 года. Показаніе Логачева 13 декабря 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 512. Донесеніе казанскаго губернатора Брандта Сенату 21 марта 1773 г. Тамъ же, д. № 414.

[2]) Вотъ подлинный паспортъ Пугачева, данный ему на Добрянскомъ форпостѣ:

«По указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы Всероссійской и проч., и проч.

«Объявитель сего, вышедшій изъ Польши и явившійся собой при Добрянскомъ форпостѣ, вѣры раскольнической, Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ, по желанію его для житья опредѣленъ въ Казанскую губернію, въ Симбирскую провинцію къ рѣкѣ Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропускъ, обидъ, налогъ и притѣсненій не чинить и давать квартиры по указамъ, а по прибытіи явиться ему съ симъ паспортомъ Казанской губерніи въ Симбирскую провинціальную канцелярію. Тако-жь слѣдуючи и въ прочихъ провинціальныхъ и городовыхъ канцеляріяхъ являться; праздно-жь оному нигдѣ не жить и никому не держать, кромѣ законной его нужды. Оный же Пугачевъ при Добрянскомъ форпостѣ указанный

*

ни денегъ, ни запасовъ, они отправились къ добрянскому купцу Кожевникову, часто приносившему въ карантинъ милостыню, и получили отъ него на дорогу цѣлый хлѣбъ.

— Куда же вы теперь идете? спросилъ Кожевниковъ.

— Идемъ на Иргизъ.

— Кланяйтесь тамъ отцу Филарету; меня на Иргизѣ всѣ знаютъ.

Пугачевъ запомнилъ это имя и впослѣдствіи широко воспользовался порученіемъ Кожевникова.

Изъ Добрянки Пугачевъ и его спутникъ направились въ деревню Черниговку, къ знакомому ему жителю Коверину, а оттуда къ Осипу Коровкѣ. Послѣдній пенялъ Пугачеву, что такъ долго не пріѣзжалъ и, не видя сына, спрашивалъ: гдѣ онъ?

— Я сына твоего оставилъ въ Вѣткѣ, отвѣчалъ Пугачевъ,— нанялъ ему лавку и посадилъ торговать серебромъ. Теперь я поѣду на Иргизъ и тамъ жить буду, а если тамъ жить будетъ худо, то можно ухать на Кубань, куда ушли Некрасовцы.

Коровка хотя и не повѣрилъ всѣмъ разсказамъ Пугачева, но, по усиленной его просьбѣ, далъ ему пять рублей на дорогу и возвратилъ оставленную у него лошадь, на которой тотъ и пріѣхалъ опять въ Черниговку. Переночевавъ у Коверина, Пугачевъ и Логачевъ наняли сосѣдняго жителя Алексѣя Родіонова довезти ихъ до села Казанки, но отъѣхавъ отъ слободы Черниговки верстъ съ тридцать, столкнули Родіонова съ телѣги и сами уѣхали степями къ Дону, переѣхали черезъ рѣку на Медвѣдицкомъ перевозѣ и мимо Трехъ-островянской станицы проѣхали прямо въ Глазуновскую станицу [1]). Здѣсь путники узнали всѣ подробности проис-

---

карантинъ выдержалъ, въ которомъ находится здоровъ и отъ опасной болѣзни, по свидѣтельству лекарскому, явился несумнителенъ. А примѣтами онъ: волосы на головѣ темнорусые и борода черная съ сѣдиной, отъ золотухи на лѣвомъ виску шрамъ, отъ золотухи-жь ниже правой и лѣвой соски двѣ ямки, росту 2 аршина 4 вершка съ половиной, отъ роду 40 лѣтъ. При ономъ, кромѣ обыкновеннаго одѣянія и обуви, никакихъ вещей не имѣется. Чего въ вѣрность данъ сей отъ главнаго Добрянскаго форпостнаго правленія за подписаніемъ руки и съ приложеніемъ печати моей. Въ благополучномъ мѣстѣ 1772 г. августа 12». На подлинномъ написано: маіоръ Мельниковъ, пограничный лекарь Андрей Томашевскій и капитенармусъ Никифоръ Барановъ (Госуд. Арх., VI, д. № 413).

[1]) Показаніе Ивана Коверина 11 декабря 1774 г. Показанія Коровки 18 ноября 1774 г. Показаніе Логачева 13 декабря 1774 г. Показаніе Пугачева 4 и 18 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

шедшихъ въ Царицынѣ безпорядковъ и о томъ сочувствіи, которое было оказано Богомолову, какъ со стороны царицынскаго населенія, такъ и донскихъ казаковъ. Никто не могъ сказать только, какая судьба постигла человѣка, называвшагося императоромъ Петромъ III. Таинственность, которою окружено было отправленіе Богомолова въ Сибирь, была поводомъ ко многимъ нелѣпымъ слухамъ: по станицамъ войска Донского, въ Царицынѣ, въ Казанской губерніи и даже въ Сибири разсказывали, что назвавшійся Петромъ III бѣжалъ и скрылся неизвѣстно куда. Всѣ эти разсказы подѣйствовали на Пугачева, и подъ впечатлѣніемъ ихъ онъ торопился оставить Глазуновскую станицу и черезъ Камышенку и Саратовъ пріѣхалъ съ Логачевымъ въ Симбирскую провинцію, въ дворцовое село Малыковку [1]).

Явившись къ управителю, они предъявили свои паспорты.

— Вамъ надобно ѣхать въ Симбирскъ и тамъ записаться, сказалъ управитель.

Пугачевъ и Логачевъ просили остаться въ Малыковкѣ на нѣсколько дней, пока отдохнутъ ихъ лошади. Управитель позволилъ, и они, не теряя времени, отправились въ Мечетную слободу (нынѣ городъ Николаевскъ, въ Самарской губерніи), находящуюся въ 100 верстахъ отъ Малыковки, искать раскольничьяго старца Филарета, котораго и нашли въ скиту Введенія Богородицы. Передавъ Филарету поклонъ Кожевникова, Пугачевъ прибавилъ, что онъ раскольникъ, былъ въ Вѣткѣ и Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Филаретъ былъ очень радъ и обласкалъ незнакомца. Среди разговора Пугачевъ узналъ отъ Филарета о происшествіяхъ на Яикѣ и о положеніи казаковъ.

— Яицкимъ казакамъ, говорилъ Филаретъ,—великое разореніе и они помышляютъ бѣжать къ Золотой мечети.

— Нѣтъ, замѣтилъ Пугачевъ, — лучше бѣжать туда, куда бѣжалъ Некрасовъ.

Мысль воспользоваться неудовольствіемъ казаковъ, подговорить ихъ къ побѣгу и сдѣлаться ихъ атаманомъ, воскресла у Пугачева и казалась легко-исполнимою [2]).

---

[1]) Нынѣ городъ Вольскъ, въ Саратовской губерніи.

[2]) Государственный Архивъ, VI, дѣло № 460.

— Я поѣду самъ на Кубань, говорилъ онъ,—и буду уговаривать къ тому яицкихъ казаковъ.

— Поѣзжай на Яикъ, отвѣчалъ Филаретъ, — и скажи казакамъ, что ты можешь ихъ провести туда; они съ тобой пойдутъ съ радостію, да и мы всѣ пойдемъ. Если тебя на Яикѣ не примутъ и ничего тамъ не сдѣлаешь, въ Симбирскъ не ѣзди; тамъ хотя и запишутъ, но не скоро, а поѣзжай лучше въ Казань.

— Да вѣдь у меня и въ Казани знакомыхъ нѣтъ ни единаго человѣка, замѣтилъ Пугачевъ.

— У меня есть въ Казани пріятель, купецъ Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ, онъ нашъ старовѣръ, человѣкъ добрый и хлѣбосолъ. Буде я съ тобою самъ въ Казань не поѣду, такъ скажу тебѣ гдѣ его сыскать, а тамъ онъ за тебя постарается и попроситъ.

Пугачевъ поблагодарилъ Филарета, и чтобы вѣрнѣе отдѣлаться отъ отправленія въ Симбирскъ, просилъ его замолвить слово малыковскому управителю. Филаретъ согласился, и они вмѣстѣ съ Логачевымъ поѣхали обратно въ Малыковку. По дорогѣ, въ селѣ Терсахъ, Пугачевъ купилъ пудъ меду и, подаривъ имъ управителя, получилъ разрѣшеніе остаться въ Малыковкѣ до Крещенія. Желая воспользоваться этимъ временемъ и побывать въ Яицкомъ-городкѣ, Пугачевъ рѣшился разстаться съ Логачевымъ.

— Ты, Алексѣй, теперь иди куда хочешь, сказалъ онъ, — а я стану здѣсь жить съ отцомъ Филаретомъ.

Пугачевъ обманулъ Логачева [1]) и чрезъ нѣсколько дней уѣхалъ вмѣстѣ съ Филаретомъ въ Мечетную слободу (нынѣ Николаевскъ, Самарской губерніи), гдѣ остановился у тамошняго жителя Степана Косова, а Филаретъ отправился въ свой монастырь [2]).

---

[1]) Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, Логачевъ нанялся за 90 р. въ солдаты за крестьянина села Терсы, Филиппа Бередникова; служилъ сначала въ Нарвскомъ пѣхотномъ полку, а потомъ былъ переведенъ въ Симбирскій гарнизонный баталіонъ, откуда и взятъ къ допросу.

[2]) Въ то время поселенія на р. Иргизѣ состояли изъ однихъ только раскольниковъ. По переписи, произведенной сначала въ 1762, а потомъ въ 1765 году, было слѣдующее число душъ и селеній на Иргизѣ: въ селѣ Красномъ Ярѣ 95 душъ, Рождественскомъ (Перекопная лука тожь) 269 д., Березовомъ Починкѣ 79 д., Овся-

У Косова Пугачевъ оставался недолго: мысль воспользоваться волненіями на Яикѣ, подговорить казаковъ уйти съ нимъ на Кубань, не покидала его. Окрестивъ у Косова ребенка и узнавъ, что тесть Косова, крестьянинъ Семенъ Филипповъ, собирается ѣхать на Яикъ съ хлѣбомъ, Пугачевъ воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ [1]).

— Возьми, Семенъ Филипповичъ, и меня съ собой на Яикъ, говорилъ онъ;—я хочу ѣхать туда купить рыбы и взыскать по векселю съ брата своего 100 р.

Занявъ денегъ у старца Филарета, Пугачевъ отправился въ путь, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Яику, тѣмъ труднѣе ему было скрывать истинныя свои намѣренія: онъ чувствовалъ потребность высказаться. Будучи кумомъ Косова и считая Филиппова близкимъ себѣ человѣкомъ, Пугачевъ не счелъ нужнымъ таиться.

— Что, Семенъ Филипповичъ, спрашивалъ Пугачевъ,—каково жить яицкимъ казакамъ?

— Имъ отъ старшинъ великое разореніе, отвѣчалъ Филипповъ,—и многіе уже разбѣжались.

— Такъ вотъ что̀ я тебѣ повѣдаю, Семенъ Филипповичъ, вѣдь не за рыбой я на Яикъ-то ѣду, а за дѣломъ. Я намѣренъ подговорить яицкихъ казаковъ, чтобъ они, взявъ свои семейства и отъ меня жалованья по 12 рублей, бѣжали на Кубань и поселившись на р. Лабѣ, отдались въ подданство турецкому султану. У меня оставлено на границѣ товару на 200 тысячъ рублей, которыми я бѣжавшее Яицкое войско и коштовать буду. А какъ за границу мы перейдемъ, то встрѣтитъ насъ турецкій паша и дастъ еще до пяти милліоновъ рублей. Ты самъ видишь какое нынѣ гоненіе на яиц-

---

номъ-гаѣ, что̀ у мостовъ по Яицкой дорогѣ 62 д., Криволуцкой слободѣ 258 д., Криволучьѣ, что̀ въ Медвѣжьемъ гаю, называемое Аврааміевъ скитъ 17 д., въ дер. Кармяшкѣ (Криволуцкій островъ тожь) 42 д., Мечетной слободѣ 300 д., въ мѣстечкѣ Мечетномъ, называемомъ также Пахоміевъ и Филаретовъ скиты, 29 д., въ Старицкомъ юру, называемомъ Исакіевъ скитъ, 37 д.—а всего 1,188 душъ (Государственный Архивъ, VI, д. № 490). Объ иргизскихъ монастыряхъ, см. *Сынъ Отечества* 1847 года, ч. 181.

[1]) Сравни *Сочиненія Державина*, Я. Грота, т. VIII, 139.

кихъ казаковъ, такъ хочу я объ этомъ съ ними поговорить, согласятся или нѣтъ идти со мной на Кубань.

— Какъ имъ не согласиться, поддакнулъ Филипповъ;—у нихъ нынѣ идетъ разореніе и всѣ съ Яику бѣгутъ. Ты скажи имъ только объ этомъ, такъ они съ радостію побѣгутъ за тобой. Но за что ты имъ такое жалованье давать станешь? Бога-ради что-ли?

— Я буду у нихъ атамапомъ войсковымъ.

— Пожалуй, за деньги они атаманомъ тебя сдѣлаютъ и пойдутъ съ тобой съ радостію.

— А когда я буду атаманомъ, замѣтилъ шутя Пугачевъ,— такъ тебя старшиной сдѣлаю.

— Спасибо, и я съ вами пойду, отвѣчалъ съ такою же шуткой Филипповъ,—такъ не оставь, пожалуй, и меня.

На этомъ разговоръ пока остановился и болѣе не возобновлялся [1]). Подъѣзжая къ Яицкому-городку, путники остановились ночевать на р. Таловой, на уметѣ (постояломъ дворѣ), стоявшемъ въ Сызранской степи и находившемся отъ Яицкаго-городка въ 60, а отъ Иргиза въ 70 верстахъ. Содержателемъ умета былъ пахотный солдатъ Степанъ Оболяевъ, извѣстный окрестнымъ жителямъ подъ именемъ «Ереминой курицы», потому, что самъ онъ «всегда оное слово употребляетъ и въ шутку, и вмѣсто бранпаго слова».

Родившись въ селѣ Назайкинѣ, Симбирскаго уѣзда, Оболяевъ съ дѣтства жилъ среди яицкихъ казаковъ въ работникахъ и большею частію въ домѣ Тамбовцевыхъ [2]). Онъ хорошо зналъ, что дѣлалось въ Яицкомъ войскѣ и былъ знакомъ со многими казаками. Пріѣзжая на уметъ, они дѣлились съ Оболяевымъ своимъ горемъ, жаловались на притѣсненія старшинъ и говорили, что такъ имъ жить нельзя, что они готовы бѣжать всѣмъ войскомъ [3]). Оболяевъ, какъ человѣкъ добрый, скорбѣлъ вмѣстѣ съ казаками и добродушно дѣлился своими впечатлѣніями со всѣми пріѣзжав-

---

[1]) Показаніе Филиппова 3 декабря. Дополнительное показаніе Пугачева.

[2]) Сперва онъ жилъ въ Илекѣ у атамана Василія Тамбовцева, а потомъ въ Яицкомъ-городкѣ у сына его, войсковаго атамана Петра Тамбовцева, который былъ убитъ яицкими казаками. За вѣрную службу Оболяева Тамбовцевъ далъ ему возможность арендовать уметъ.

[3]) Показаніе Оболяева 17 ноября 1774 г.

шими. Это добродушіе и простота причинили ему въ будущемъ большую бѣду.

Попросившись ночевать, пріѣзжіе вошли въ избу и пока Филипповъ варилъ рыбу на ужинъ, Пугачевъ подсѣлъ къ уметчику.

— Что̀ ты за человѣкъ и какъ тебя зовутъ? спросилъ Пугачевъ.

— Степанъ Оболяевъ, пахотный солдатъ. А твоя милость какой человѣкъ, откуда и куда ѣдешь?

— Я купецъ, пріѣхалъ изъ-за границы, зовутъ меня Емельяномъ Ивановымъ Пугачевымъ, а ѣду я на Яикъ для покупки рыбы. Каково живутъ яицкіе казаки?

— Худо, очень худо имъ жить, отвѣчалъ Оболяевъ; — старшины ихъ обижаютъ и они, убивъ атамана, бѣгаютъ кто-гдѣ; ихъ ловятъ, сажаютъ въ тюрьму; они было-шарахнулись идти всѣ въ Астрабадъ, да не пустилъ ихъ генералъ (Фрейманъ).

— А не поѣдутъ-ли они со мной на Кубань, спросилъ Пугачевъ,—я бы ихъ туда провелъ, гдѣ живутъ Некрасовцы.

— Какъ не поѣхать, поѣдутъ.

— Да нѣтъ-ли здѣсь кого изъ казаковъ, я бы съ ними поговорилъ?

— Какъ не быть! есть тутъ два брата, и живутъ близехонько. То были два казака, Григорій и Ефремъ Закладновы, пріѣхавшіе въ степь для ловли лисицъ и жившіе въ землянкѣ, вблизи Таловскаго умета.

— Не можно-ли за ними послать? спросилъ Пугачевъ.

Оболяевъ обѣщалъ, и въ это время увидѣлъ проѣзжавшаго мимо умета казака Ивана Персіанова, также охотившагося.

— Пришли, братъ, ко мнѣ Гришу Закладнова, крикнулъ Оболяевъ; — скажи ему, что у меня есть къ нему нуждица и что спрашиваетъ его пріѣзжій.

Закладновъ, однако, долго не ѣхалъ и тогда Оболяевъ отправился самъ за нимъ и привелъ на уметъ обоихъ братьевъ.

— Кто меня спрашиваетъ, говорилъ Григорій Закладновъ входя въ избу.

— Вотъ тотъ человѣкъ, отвѣчалъ Оболяевъ, — который тебя спрашиваетъ.

— Ты что̀ за человѣкъ и откуда?

Пугачевъ назвалъ себя купцомъ изъ-за границы и, отведя въ сторону подъ сарай братьевъ Закладновыхъ и Оболяева, сталъ ихъ разспрашивать.

— Скажите, пожайлуста, господа казаки, говорилъ онъ,—но только не утаивая, какія у васъ происходятъ обиды и разоренія отъ старшинъ и какъ вамъ живется на Яикѣ.

— Нехорошо, отвѣчалъ Григорій Закладновъ, — казаки въ смятеніи, одного генерала убили и за то многихъ побрали подъ караулъ, а другихъ сыскиваютъ. Мы было-собрались всѣмъ войскомъ бѣжать въ Астрабадъ...

— Зачѣмъ въ Астрабадъ, перебилъ Пугачевъ,—я могу васъ провести на Кубань, куда съ Дона Некрасовцы сошли, но будутъ-ли на то ваши казаки согласны?

— Какъ не согласиться, если вы возьметесь провести.

— Ну, хорошо, вотъ я поѣду въ городокъ и посмотрю ваши обряды; можетъ быть я тамъ съ кѣмъ нибудь изъ войсковой стороны и поговорю, только смотрите же вы-то, братцы, никому изъ казаковъ старшинской стороны объ этомъ не сказывайте.

Попрощавшись съ Закладновыми, Пугачевъ возвратился въ избу и сѣлъ ужинать съ Филипповымъ. На слѣдующее утро они оставили уметъ и поѣхали къ Яику.

— Знаешь-ли ты, спрашивалъ Пугачевъ Филиппова,—яицкихъ казаковъ Дениса Пьянова и Толкачевыхъ, такъ я бы у нихъ остановился.

— Слыхалъ я, отвѣчалъ Филипповъ,—что на Яикѣ есть раскольникъ казакъ Денисъ Пьяновъ.

Добравшись до Яицкаго-городка 22 ноября 1772 года, путники отыскали домъ казака Пьянова и въѣхали прямо къ нему во дворъ [1]).

---

[1]) Показаніе Семена Филиппова 3 декабря 1774 г. Показаніе Григорія Закладнова 22 іюня 1774 г. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Степана Оболяева 17 ноября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

VI.

Пугачевъ въ Яицкомъ-городкѣ.—Разговоръ его съ казакомъ Пьяновымъ. — Принятіе имени Петра III.—Возвращеніе въ Малыковку.—Арестъ.—Отправленіе въ Казань.—Казанскія черныя тюрьмы. — Переводъ на тюремный дворъ. — Арестантъ Дружининъ.—Бѣгство изъ Казани.—Мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ.

Яицкій-городокъ далеко еще не имѣлъ спокойнаго вида; многіе казаки разбѣжались и дома ихъ были пусты. Оставшіеся въ городкѣ жители находились подъ впечатлѣніемъ полученнаго изъ Оренбурга извѣстія, что многихъ товарищей ожидаетъ смертная казнь, жестокое наказаніе и ссылка. 17 сентября 1772 года слѣдственная коммиссія закончила свою дѣятельность и составивъ сентенцію, отправила ее въ Петербургъ на утвержденіе военной коллегіи. По этой сентенціи двѣнадцать человѣкъ наиболѣе виновныхъ приговорены къ четвертованію, сорокъ семь человѣкъ къ повѣшенію, три человѣка къ отсѣченію головы, двадцать человѣкъ къ наказанію «по казачьему обыкновенію» нещадно плетьми, восемь человѣкъ къ наказанію плетьми, съ тѣмъ, чтобъ обривъ имъ бороды, отослать на службу въ полки 2-й арміи.

При производствѣ слѣдствія оказались пятьдесятъ-три человѣка бѣжавшими, у которыхъ, по мнѣнію коммиссіи, слѣдовало отобрать имѣніе и самихъ ихъ, когда они явятся, повѣсить. «Дѣтей же ихъ мятежничьихъ, писала коммиссія [1]), каковыхъ по присланному отъ яицкой комендантской канцеляріи списку значится, отъ 15 лѣтъ и свыше, 316 человѣкъ, въ разсужденіи отцовъ ихъ учиненнаго злодѣйства, дабы впредь и отъ нихъ, яко происшедшихъ отъ рода злодѣйственнаго, таковаго-жь поползновенія и расширенія къ злу послѣдовать не могло, во истребленіе и пресѣченіе онаго годныхъ написать въ полки въ солдаты, а негодныхъ въ страхъ другимъ наказать: отъ 15 до 17 лѣтъ розгами, а съ 17 лѣтъ и выше плетьми». Что же касается всѣхъ остальныхъ казаковъ, которыхъ по ревизіи насчитывалось 2,461 чело-

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, связка 492, № 517.

вѣкъ, то наказаніе ихъ слѣдственная коммиссія представила на усмотрѣніе высшаго начальства.

Итакъ, каждый казакъ ожидалъ наказанія и всѣ были въ страшномъ унынiи и отчаяніи, а между тѣмъ по городу и на базарѣ ходилъ странный слухъ, что въ Царицынѣ проявился государь. Слухъ этотъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все бо̀льшую и бо̀льшую силу [1]).

— Здѣсь слышно, началъ Пьяновъ, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ,—что проявился какой-то въ Царицынѣ человѣкъ и назвалъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, да Богъ знаетъ, теперь о немъ слуху нѣтъ: иные говорили, что онъ скрылся, а иные, что его засѣкли.

Пугачеву пришла мысль воспользоваться такимъ слухомъ въ свою пользу, для осуществленія завѣтной его мечты увести яицкихъ казаковъ на Кубань или Терекъ.

— Это правда, что въ Царицынѣ проявился государь, отвѣчалъ онъ Пьянову, — и онъ есть подлинный царь Петръ Ѳедоровичъ. Хотя его въ Царицынѣ поймали, однакоже онъ ушелъ и вмѣсто его замучили другаго.

— Какъ можно этому статься, вѣдь Петръ Ѳедоровичъ умеръ.

— Неправда, говорилъ Пугачевъ все болѣе и болѣе увлекавшiйся и входившiй въ свою роль. Онъ также спасся въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьяновъ выразилъ сомнѣніе, и Пугачевъ на этотъ разъ не считалъ нужнымъ убѣждать его. Онъ перемѣнилъ разговоръ и пошелъ прямо къ завѣтной цѣли.

— Каково живется казакамъ? спросилъ Пугачевъ.

— Худо, отвѣчалъ Пьяновъ;—мы разорены отъ старшинъ и всѣ наши привилегiи нарушены.

— Какъ не стыдно вамъ терпѣть такое притѣсненіе въ привилегіяхъ.

— Что̀ дѣлать, видно такъ тому и быть.

— Такъ не лучше-ли вамъ выдти со мной съ Яика въ турецкую область на р. Лабу.

---

[1]) Показанія Максима Шигаева и Дениса Караваева. Государственный Арх., VI, д. № 512.

— Наши казаки всѣ будутъ рады идти съ вами, да только какъ же мы пройдемъ татарскія орды?

— Орда, которая здѣсь кочуетъ, намъ рада будетъ, она насъ встрѣтитъ и проводитъ.

— Съ чѣмъ же намъ бѣжать, мы всѣ люди бѣдные.

— На выходъ я вамъ дамъ на каждую семью по 12 р.

— Гдѣ ты деньги-то возьмешь? И что ты подлинно за человѣкъ? спросилъ Пьяновъ.

— Я купецъ, заграничный торговый человѣкъ. У меня на границѣ оставлено 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ руб. товару, изъ котораго я, если Яицкое войско согласится со мной бѣжать, то и коштовать его буду. А по приходѣ на границу встрѣтитъ насъ всѣхъ съ радостью турецкій паша, и если придетъ нужда войску на проходъ, то паша дастъ еще хотя до пяти милліоновъ.

Пьяновъ съ удивленіемъ выслушалъ всѣ обѣщанія Пугачева и не вѣрилъ его словамъ.

— Статочное ли все это дѣло, говорилъ онъ въ недоумѣніи,— вѣдь такихъ большихъ денегъ ни у кого не можетъ быть, кромѣ государя.

Замѣчаніе это магически подѣйствовало на Пугачева; онъ увлекся и перешелъ за черту, съ которой возврата уже не было...

— Я вѣдь не купецъ, говорилъ съ жаромъ Пугачевъ,—я государь Петръ Ѳедоровичъ; я-то и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата.

Пьяновъ былъ озадаченъ; онъ не зналъ вѣрить ли своимъ ушамъ или не вѣрить.

— Какъ тебя Богъ сохранилъ, спрашивалъ онъ, — и гдѣ ты такъ долго странствовалъ.

— Пришла гвардія и взяла меня подъ караулъ, да капитанъ Масловъ отпустилъ. Я ходилъ въ Польшѣ, Цареградѣ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пришелъ къ вамъ на Яикъ.

— Хорошо, государь, сказалъ Пьяновъ,—я поговорю со стариками и что они скажутъ, то я и вамъ скажу.

Итакъ, вотъ при какихъ обстоятельствахъ Пугачевъ неожиданно для самого себя принялъ имя Петра III [1]).

Высказавшись Пьянову, Пугачевъ струсилъ и, желая узнать, какое впечатлѣніе произведетъ его мнимое признаніе на казаковъ, сталъ ежедневно посѣщать базаръ, чтобы прислушаться къ народному говору, но не слышалъ тамъ никакихъ разсказовъ, кромѣ жалобъ казаковъ на ихъ тяжелое положеніе. Спустя нѣсколько дней на томъ же базарѣ онъ встрѣтился съ Пьяновымъ, возвращавшимся домой.

— О вашемъ величествѣ, говорилъ Пьяновъ,—что вы за насъ бѣдныхъ вступиться намѣрены и хотите провесть на Кубань, я сказывалъ казакамъ Черепанову, Коновалову и Антонову. Они рады съ вами идти, да только сказали, что это дѣло великое, такъ надо со всѣми казаками объ этомъ поговорить тогда, когда они соберутся вмѣстѣ на багренье.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ ободрившійся Пугачевъ,—но только ты до времени объ этомъ никому не сказывай.

Проживъ недѣлю въ Яицкомъ-городкѣ и накупивъ рыбы, Пугачевъ и Филипповъ поѣхали обратно въ Мечетную [2]). По дорогѣ Семенъ Филипповъ, имѣя болѣе тяжелые возы, отсталъ, а Пугачевъ, воспользовавшись этимъ, уѣхалъ впередъ одинъ и пріѣхалъ на Таловый уметъ.

— А Семенъ развѣ отъ тебя отсталъ? спросилъ Оболяевъ, увидя Пугачева.

— Старый чортъ, отвѣчалъ онъ;—наклалъ тяжелые возы рыбой, такъ лошади у него устали, а мнѣ вѣдь не дожидаться.

— У кого ты былъ на Яикѣ; говорилъ ли ты съ кѣмъ, что хочешь провести на Кубань, и согласны ли казаки?

---

[1]) До этого времени Пугачеву никогда и въ голову не приходило называть себя государемъ и онъ чистосердечно сознался, что всѣ первоначальныя показанія его ложны. Послѣ очныхъ ставокъ съ оговоренными имъ лицами. Пугачевъ, вставъ на колѣни, говорилъ: «виноватъ Богу и всемилостивѣйшей государынѣ, я на Коровку, на Кожевникова, Криворотова купца и на Филарета, раскольничьяго старца, будто я по признанію солдата Алекс'я Семенова назвалъ себя государемъ Петромъ III, показывалъ ложно». Показаніе Пугачева 18 ноября 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Показаніе Дениса Пьянова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506. Дополнительное показаніе Пугачева. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

— Я довольно по городу погулялъ и весь обрядъ казаковъ видѣлъ. Жилъ я у казака Пьянова въ домѣ, обо всемъ, о чемъ я говорилъ съ тобой и съ Закладновыми, сказывалъ какъ ему, такъ и другимъ казакамъ. Идти на Кубань они согласны, только положили на совѣтѣ, чтобы мнѣ пріѣхать на Яикъ о Рождествѣ, когда соберутся всѣ казаки на багренье.

Переночевавъ на уметѣ и видѣвшись съ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ, пріѣзжавшимъ на уметъ за покупкой хлѣба, Пугачевъ отправился далѣе.

— Я теперь поѣду въ Мечетную, говорилъ онъ Оболяеву и Закладнову,—и оттуда назадъ скоро буду, ожидайте.

Между тѣмъ Филипповъ, оставшись одинъ и размышляя по дорогѣ о всемъ происшедшемъ въ городкѣ, струсилъ. Опасаясь попасть въ соучастники Пугачева и въ число лицъ, подговаривавшихъ казаковъ къ побѣгу, Филипповъ, по пріѣздѣ въ Мечетную, тотчасъ же отправился къ смотрителю Ѳедоту Ѳаддееву и сотскому Протопопову и разсказалъ имъ все то, что отъ Пугачева слышалъ. Узнавъ, что Пугачева нѣтъ въ Мечетной и что онъ вмѣстѣ съ Косовымъ поѣхалъ въ Малыковку, Ѳаддеевъ отправилъ туда сотскаго Протопопова съ нѣсколькими человѣками, которые арестовали Пугачева и представили къ Малыковскимъ управительскимъ дѣламъ [1]). Пугачевъ признался, что онъ бѣглый донской казакъ Зимовейской станицы, что дѣйствительно «смѣючись и пьяный» совѣтовалъ казакамъ бѣжать на Лабу, но безо всякаго дальняго намѣренія, что возвратившись съ Яика онъ самъ пріѣхалъ въ Малыковку, чтобъ явиться для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ въ Симбирскую провинціальную канцелярію, но не могъ этого сдѣлать потому, что былъ арестованъ. Канцелярія дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ не повѣрила этимъ словамъ, освидѣтельствовала Пугачева, замѣтила на тѣлѣ его знаки какъ

[1]) Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, арестовавшихъ Пугачева, былъ и старецъ Филаретъ. Въ промеморіи управительскихъ дѣлъ отъ 19 декабря записано: «Означенный вышедшій изъ Польши раскольникъ, черезъ посланныхъ сыскиванъ былъ и отъ выборнаго Митрофана Ѳедорова и Филаретова раскольничьяго скита отъ инока Филарета и Мечетной слободы отъ крестьянина Степана Васильева съ товарищи приведенъ къ управительскимъ дѣламъ». Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

бы отъ кнута и потому, признавъ его подозрительнымъ, 19 декабря 1772 г. отправила въ Симбирскую провинціальную канцелярію [1]). По дорогѣ Пугачевъ пытался-было подговорить своихъ конвойныхъ отпустить его, сказавъ ложно, что у старца Филарета оставлены его деньги, которыя онъ обѣщалъ конвойнымъ, но попытка эта не удалась и онъ скованный былъ привезенъ въ Симбирскъ [2]). Отсюда Пугачева отправили въ Казань и 4 января 1773 года онъ былъ принятъ въ казанской губернской канцеляріи. Губернаторъ, генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ, приказалъ содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, «освидѣтельствовать и допросить чѣмъ онъ былъ наказанъ, кнутомъ или плетьми, и о причинѣ его побѣга въ Польшу».

Пугачева допросили; онъ показалъ то же что̀ и въ Малыковкѣ, прибавивъ, что ни кнутомъ, ни плетьми сѣченъ не былъ, а сѣкъ его полковникъ Денисовъ, за то, что упустилъ лошадь. Показаніе это было признано удовлетворительнымъ и Пугачевъ вмѣстѣ съ другими арестантами помѣщенъ подъ губернскою канцеляріей въ «*черныхъ тюрьмахъ*». Здѣсь онъ не оставался праздным, и зная о тѣсномъ соединеніи раскольниковъ, ихъ готовности поддержать своего единовѣрца, Пугачевъ сталъ выдавать себя за раскольника и говорилъ всѣмъ, что не знаетъ за собой вины, а страждетъ за «крестъ и бороду». Этого было достаточно, чтобы приходившіе въ тюрьму для подаянія раскольники приняли въ немъ участіе, причемъ отъ одного изъ нихъ, Ивана Седухина, онъ узналъ случайно, что старецъ Филаретъ, у котораго онъ жилъ на Иргизѣ, пріѣхалъ въ Казань, чтобы заказать написать двѣ раскольничьи иконы [3]).

Вспомнивъ, что еще на Иргизѣ Филаретъ совѣтовалъ ему поселиться въ окрестностяхъ Казани, обѣщая попросить раскольника купца Щолокова оказать ему покровительство, Пугачевъ просилъ Седухина передать отъ него письмо Филарету. Въ этомъ письмѣ

---

[1]) При доношеніи отъ 19 декабря 1772 г. за № 284. Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

[2]) Показанія Попова. Госуд. Арх., VI, №№ 506 и 512. Показаніе Попова, напечатанное въ «*Русской Старинѣ*» (1876 г. Т. XVI, стр. 612—619) было первое, и впослѣдствіи онъ отказался отъ многаго. Письмо же его къ Филарету было написано безъ вѣдома Пугачева.

[3]) Показанія Филарета и Седухина. Госуд. Арх., VI, д. № 460.

онъ просилъ старца похлопотать объ его освобожденіи. Не имѣя знакомыхъ среди административныхъ лицъ, Филаретъ рѣшился обратиться съ просьбой къ Щолокову, но какъ тотъ въ то время уѣхалъ въ Москву по своимъ торговымъ дѣламъ, а Филарету необходимо было ѣхать на Иргизъ, то послѣдній оставилъ Щолокову письмо, въ которомъ писалъ, что въ казанской губернской канцеляріи содержится донской казакъ Емельянъ Ивановъ, который страждетъ, по поклепному дѣлу, за крестъ и бороду. Филаретъ просилъ, чтобы Щолоковъ Бога ради постарался объ его освобожденіи и попросилъ о томъ присутствующихъ и секретаря.

Уѣзжая изъ Казани, Филаретъ не далъ никакого отвѣта Пугачеву, и прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, прежде чѣмъ заключенный могъ узнать что дѣлается въ его пользу. Однажды, сидя у окна, Пугачевъ увидѣлъ проходившаго мимо тюрьмы купца, а вслѣдъ затѣмъ послышались радостныя восклицанія товарищей.

— А вотъ Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ идетъ, говорили арестанты,—никакъ онъ пріѣхалъ изъ Москвы.

Щолоковъ былъ человѣкъ очень добрый, часто приходилъ самъ въ острогъ подавать милостыню или присылалъ мальчика съ калачами для раздачи ихъ арестантамъ. И дѣйствительно, на другой день послѣ пріѣзда его изъ Москвы, мальчикъ раздавалъ уже калачи заключеннымъ.

— Чей ты мальчикъ, спросилъ, какъ-бы не зная, Пугачевъ,— и отъ кого ходишь съ калачами?

— Я хожу со двора Василія Ѳедоровича Щолокова.

— Пожалуй, мальчикъ, скажи, чтобы Василій Ѳедоровичъ, Бога ради, пришелъ ко мнѣ; скажи ему, что я донской казакъ и имѣю до него нуждицу.

Спустя нѣсколько дней Щолоковъ зашелъ въ «черную».

— Кто здѣсь донской казакъ Емельянъ Ивановъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ Пугачевъ.—Не ваша ли милость Василій Ѳедоровичъ Щолоковъ?

Щолоковъ отвѣчалъ утвердительно.

— Отецъ Филаретъ, говорилъ Пугачевъ, — приказалъ вашей

милости кланяться и просить, чтобъ обо мнѣ, бѣдномъ, постарались, попросили губернатора и кого надобно.

— Давно ли ты отца Филарета видѣлъ?

— Меня взяли отъ отца Филарета еще въ Филипповки.

— А по какому дѣлу ты сюда присланъ?

— По поклепному дѣлу, за крестъ и бороду.

— Добро, миленькій, я схожу къ губернатору и секретарю и ихъ попрошу.

— Бога ради, упрашивалъ Пугачевъ, постарайся о свободѣ моей и посули ты губернатору хотя сотню или больше рублей, также и секретарю, у котораго мое дѣло.

— Хорошо, хорошо, попрошу, отвѣчалъ Щолоковъ.

— Такъ обѣщайте же подарить кого надобно; у меня деньги, слава Богу, есть, говорилъ ложно Пугачевъ, — и онѣ лежатъ у отца Филарета, и какъ скоро вы къ нему напишете, онъ тотчасъ вамъ ихъ пришлетъ.

Подаривъ Пугачеву рубль денегъ, Щолоковъ чрезъ нѣсколько дней отправился къ секретарю, титулярному совѣтнику Абрамову, въ рукахъ котораго было дѣло о Пугачевѣ.

— Съ Иргиза старецъ Филаретъ, говорилъ Щолоковъ, — пишетъ мнѣ, что здѣсь содержится колодникъ Емелька въ притѣсненіи и чтобъ я постарался объ его освобожденіи. Если его дѣло не велико и не противно законамъ, то сдѣлайте милость вдаль его не притѣсняйте, за что старецъ вамъ служить будетъ.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Абрамовъ,—а когда дѣло разсмотрѣно будетъ, тогда резолюція послѣдуетъ.

Щолоковъ не рѣшился просить болѣе, но при свиданіи съ Пугачевымъ, желая избѣжать докучливыхъ просьбъ, обнадежилъ его, что губернатору и секретарю о немъ сказано.

— Секретарю-то обѣщалъ ли ты? спрашивалъ Пугачевъ.

— Я ему 20 рублей обѣщалъ, сказалъ Щолоковъ, обманывая Пугачева и желая отдѣлаться отъ него.

Послѣднія слова давали Пугачеву надежду при содѣйствіи секретаря избавиться отъ неволи [1]). Желая опредѣлить на сколько

[1]) Показаніе Щолокова отъ 15 ноября 1774 г. Показаніе Пугачева отъ 4 ноября. Госуд. Арх., VI. д. № 512.

онъ можетъ считать секретаря своимъ покровителемъ, Пугачевъ заявилъ, что наложенные на него кандалы очень тяжелы, что они обломили ему руки и ноги, и просилъ дозволенія снять ихъ. Секретарь потребовалъ къ себѣ арестанта, и «какъ его привели, то не говорилъ съ нимъ ни слова, и только сидя за столомъ на него поглядывалъ».

Пугачевъ принялъ это за участіе и съ своей стороны сталъ просить секретаря облегчить его участь.

— Пожалуйста постарайтесь о моей свободѣ, говорилъ онъ,— а вашей милости Щолоковъ отдастъ 20 рублей, которые обѣщалъ.

— Ступай въ свое мѣсто, отвѣтилъ сердито секретарь и махнулъ рукой.

Арестанта отвели опять въ «черную», но вскорѣ онъ снова заявилъ что болѣнъ и просилъ снять съ него кандалы. Содержатель арестантовъ Лузинъ отправился въ губернскую канцелярію спросить разрѣшенія у Абрамова.

— Пугачевъ болѣнъ, говорилъ Лузинъ,—такъ не снять ли съ него ручные кандалы?

— По опредѣленію губернатора, отвѣчалъ Абрамовъ,—велѣно его содержать въ однихъ ножныхъ кандалахъ, почему если онъ болѣнъ, то ручные кандалы снять съ него можно, а впрочемъ, какъ хотите.

Капитанъ Лузинъ приказалъ снять съ Пугачева кандалы и положить ему на ноги только легкія желѣза. Все шло, повидимому, весьма удовлетворительно для колодника и обстоятельства складывались такъ, что положеніе Пугачева съ каждымъ днемъ улучшалось. Просидѣвъ въ «черныхъ тюрьмахъ» до второй половины марта 1773 года, Пугачевъ вмѣстѣ съ прочими арестантами былъ переведенъ на тюремный дворъ, такъ какъ по ветхости дома губернаторской канцеляріи рѣшено было его перестроить. На тюремномъ дворѣ колодники пользовались относительно большею свободой, какъ это видно изъ инструкціи, данной караульнымъ офицерамъ:

«Понеже, сказано въ этой инструкціи [1]), вступаемые въ ка-

[1]) Отъ 12 марта 1773 года. Госуд. Арх., VI д. № 414.

занскую губернскую канцелярію колодники до окончательнаго о нихъ рѣшенія передъ симъ содержались подъ губернскою канцеляріей въ черныхъ тюрьмахъ, а какъ нынѣ каменную канцелярію за ветхостью, къ построенію вмѣсто оной новой, начали ломать, а колодниковъ, кромѣ тюремнаго двора, содержать негдѣ и какъ въ томъ тюремномъ дворѣ прежде колодники содержались единственно только тѣ, кои слѣдуютъ въ ссылку въ Сибирь и оными производятся кормовыя деньги, а въ міръ ихъ для прошенія милостины отпускать не велѣно. Выше объявленнымъ же содержащимся по дѣламъ колодникамъ кормовыхъ денегъ не производилось, того ради, по указу ея императорскаго величества и по резолюціи его высокопревосходительства г. генералъ-поручика и казанскаго губернатора Якова Ларіоновича фонъ-Брандта съ товарищи, велѣно всѣхъ содержащихся теперь въ казанской губернской канцеляріи колодниковъ, для содержанія, отослать на тюремный дворъ. Находящемуся при оном караульному офицеру дать письменный приказъ и велѣть оныхъ колодниковъ, отдѣля отъ каторжныхъ, содержать въ особливой казармѣ *и для прошенія милостины отпускать за пристойнымъ карауломъ на связкахъ въ міръ*, подтвердя притомъ накрѣпко, чтобы подъ видомъ оныхъ тѣхъ колодниковъ, коимъ деньги производятся, отнюдь въ міръ отпускаемо не было».

Пугачевъ не принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи, такъ какъ въ спискѣ, при которомъ онъ, 27 марта, былъ приведенъ вмѣстѣ съ другими арестантами на тюремный дворъ, было написано: «казакъ безъизвѣстный Емельянъ Ивановъ по губернаторской экспедиціи». Такая отмѣтка въ спискѣ была сдѣлана въ ожиданіи рѣшенія участи Пугачева на представленіе губернатора, полагавшаго бить его кнутомъ и сослать въ Сибирь. Императрица 6-го мая приказала наказать Пугачева плетьми и послать, «какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзостной жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу такую, какая случиться можетъ, давая за то ему въ пропитаніе по три копѣйки на день».

10 мая князь Вяземскій, письмомъ на имя казанскаго губер-

натора, сообщилъ высочайшее повелѣніе, но пока оно достигло по назначенію, преступника не было уже въ Казани.

Получивъ съ переводомъ на тюремный дворъ относительно большую свободу и право ходить въ городъ, Пугачевъ воспользовался этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и понемногу приготовилъ для себя всѣ средства къ побѣгу. Чтобы лучше ознакомиться съ топографіей города, онъ чаще другихъ ходилъ на Арское поле, куда водили арестантовъ на работу, а оставаясь въ тюрьмѣ старался показаться набожнымъ, былъ скроменъ и послушенъ. Арестанты любили Пугачева, но особенно близокъ къ нему былъ бывшій купецъ пригорода Алата [1]) Парѳенъ Дружининъ [2]).

Однажды, сидя въ острогѣ, Пугачевъ и Дружининъ были поражены ужаснымъ видомъ проведеннаго мимо нихъ, только что наказаннаго кнутомъ за смертоубійство, колодника Новоселова.

— Что, братъ, Емелька, говорилъ Дружининъ, того и смотри, что и насъ съ тобою также выведутъ, да пороть станутъ.

— Что же дѣлать, отвѣчалъ Пугачевъ,—чѣмъ перемѣнить?.. развѣ бѣжать отсюда.

— Да какъ же бѣжать-то и куда?

— А вотъ какъ бѣжать: насъ для работы гоняютъ на Арское поле, а теперь въ рѣкѣ полая вода, такъ когда караулъ будетъ не великъ, сядемъ мы съ тобой въ судно, да и были таковы...

— Ну, а куда же мы побѣжимъ?

— Прямехонько выѣдемъ на Иргизъ, отвѣчалъ Пугачевъ.

Дружининъ согласился и рѣшился воспользоваться тѣмъ, что

---

[1]) Пригородъ Алатъ находился отъ Казани въ разстояніи 44 верстъ.

[2]) Дружининъ былъ человѣкъ лѣтъ 48 отъ роду. Въ 1772 году, по выбору купечества пригорода Алата, онъ находился въ ясашномъ селѣ Срѣтенскомъ у продажи казенной соли цѣловальникомъ. По окончаніи года онъ долженъ былъ сдать эту должность, причемъ, при повѣркѣ проданной и оставшейся соли, на него сдѣланъ былъ начетъ въ 220 руб. Хотя Дружининъ и доказывалъ, что сдѣланный имъ прочетъ произошелъ отъ усышки и утечки соли, тѣмъ не менѣе за такую растрату казеннаго имущества онъ былъ арестованъ и содержался сначала въ казанскомъ магистратѣ, потомъ переведенъ въ казанскую губернскую канцелярію въ черныя тюрьмы, а оттуда вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ казанскій острогъ. Дружининъ не былъ раскольникомъ, какъ полагаютъ Щебальскій (*Начало и характеръ Пугачевщины*, 40) и другіе авторы монографій о Пугачевѣ, да и вообще расколъ не имѣлъ никакого вліянія на бѣгство изъ Казани.

къ нему допускали въ острогъ для свиданія 17-ти-лѣтняго сына Филимона и жену Домну Степанову, поселившуюся въ Казани и проживавшую въ разныхъ семействахъ родственниковъ [1]), преимущественно же у свояка Дружинина, священника благовѣщенскаго собора Ивана Ефимова. Объявивъ имъ о своемъ намѣреніи бѣжать изъ острога, Дружининъ поручилъ сыну купить лодку, и хотя послѣдній исполнилъ приказаніе отца, но арестанты не могли найти удобнаго случая къ побѣгу, а между тѣмъ вода въ рѣкѣ спала и намѣреніе ихъ осталось неисполненнымъ. Желанія вырваться на волю и избѣжать наказанія были, конечно, на столько сильны, что Пугачевъ и Дружининъ стали изыскивать средства какъ бы бѣжать сухимъ путемъ.

— Пѣшимъ бѣжать никакъ нельзя, говорилъ Пугачевъ, — а надобно непремѣнно купить лошадь.

— Конечно надо, отвѣчалъ Дружининъ.

— А дѣньги-то гдѣ?

— Лошадь-то я куплю; только когда мы уйдемъ изъ острога, куда дѣнемся?

— Мало-ли мѣста куда можно бѣжать: на Яикъ, на Иргизъ, а не то на Донъ... Объ этомъ ты уже не пекись, найдемъ дорогу, лишь бы только отсюда выбраться... Только вотъ что, не подговоря съ собой караульнаго солдата уйти намъ будетъ не только трудно, но и невозможно.

Дружининъ раздѣлялъ мнѣніе своего товарища, и тогда же рѣшено было, что онъ купитъ лошадь, а Пугачевъ подговоритъ къ побѣгу одного изъ караульныхъ солдатъ. Выборъ палъ на солдата Григорія Мищенку, недавно зачисленнаго на службу изъ числа выведенныхъ изъ Польши бѣглыхъ дезертировъ [2]).

— А что, служивый, говорилъ ему однажды, посмѣиваясь и какъ бы шутя, Пугачевъ,—служить-ли ты здѣсь хочешь или бѣжать на волю?

---

[1]) Родственниками Домны Степановой были зятья: пѣвчій благовѣщенскаго собора Иванъ Дугоневскій и ямщикъ Герасимъ Аѳанасьевъ сынъ Третьяковъ.

[2]) По справкѣ оказалось, что Григорій Алексѣевъ сынъ Мищенко зачисленъ на службу 5 января 1773 года въ третій казанскій баталіонъ и отъ роду ему 35 лѣтъ. Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

— Я бы давно бѣжалъ, отвѣчалъ Мищенко, — да не знаю куда?.. Видишь-ли, далеко ушелъ я отъ своей стороны-то.

— Бѣжимъ со мной, да вотъ съ этимъ человѣкомъ, говорилъ Пугачевъ, указывая на Дружинина.

— Пожалуй! я готовъ съ вами бѣжать куда хотите, отвѣчалъ Мищенко.

Итакъ, одно дѣло было сдѣлано, оставалось купить лошадь. Дружининъ поручилъ это дѣло своему сыну, который, опасаясь наказанія какъ пособникъ, отговаривалъ отца отъ бѣгства и отказывался купить лошадь. Дружининъ «за то на него весьма огорчился и клялъ его страшною клятвой, что если онъ того не исполнитъ, то онъ его проклянетъ. Сынъ, какъ видно, не хотя быть подъ такою клятвой, сказалъ ему, что лошадь купитъ», и на другой день придя въ острогъ объявилъ, что лошадь и телѣга куплены и поставлены на дворѣ свояка, священника Ивана Ефимова. Дружининъ сообщилъ о томъ Пугачеву.

— Хорошо, отвѣчалъ тотъ, — только теперь намъ надобно отыскивать мѣсто гдѣ бы эта телѣга приготовленная стояла.

— У меня есть знакомый попъ, такъ мы поутру выпросимся у офицера для нужды къ нему, и тамъ посидимъ маленько, а сыну своему прикажу я, чтобъ онъ съ телѣгой дожидался насъ у церкви, которая противъ попова двора.

Планъ этотъ былъ принятъ, и Дружининъ, отдавъ соотвѣтствующія приказанія сыну, приказалъ женѣ съ остальными дѣтьми ѣхать не въ пригородъ Алатъ, а въ лежавшую вблизи отъ него татарскую деревню Чирши [1]).

— Ну, Пугачевъ, говорилъ онъ дня черезъ четыре,—я сыну своемъ приказалъ, чтобы сегодня пріѣзжалъ къ церкви и насъ бы смотрѣлъ у попова двора, такъ попросимся мы теперь у офицера.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, и оба арестанта въ 8 часовъ утра, 29 мая, отправились къ караульному офицеру, прапорщику Зыкову.

---

[1]) Показаніе Дружинина 25 марта 1775 г. Въ *Русской Старинѣ* (1876 года, т. XVI, 622) ошибочно напечатанъ 1776 годъ показанія.

Арестанты просили офицера отпустить ихъ къ священнику Ивану Ефимову, для прошенія милостыни, но такъ какъ большая часть конвойныхъ была отправлена на работу съ арестантами и въ острогѣ оставалось мало солдатъ, то Зыковъ отказалъ въ ихъ просьбѣ и обѣщалъ отпустить послѣ, когда колодники возвратятся съ работы. Часу въ десятомъ утра Пугачевъ и Дружининъ снова обратились съ просьбой и тогда прапорщикъ Зыковъ, назначивъ къ нимъ конвойными Дениса Рыбакова и пожелавшаго сопровождать ихъ солдата Григорія Мищенко, приказалъ имъ «далѣе объявленнаго священника съ тѣми колодниками никуда не ходить и чрезъ полчаса быть обратно на тюремномъ дворѣ» [1]). Приказаніе это не было исполнено, и трое изъ отпущенныхъ не возвратились, а четвертый пришелъ въ девятомъ часу вечера совершенно пьяный.

Придя въ домъ священника Ефимова и поздоровавшись съ нимъ, Дружининъ вынулъ нѣсколько денегъ изъ кармана и просилъ попа послать за виномъ, пивомъ и медомъ, говоря, что желаютъ выпить отъ тоски. Ефимовъ вмѣстѣ съ соборнымъ дьячкомъ Петромъ Ивановымъ тотчасъ же отправились въ кабакъ и купили тамъ вина на 15, пива на 7 и меду на 14 коп. Выпивъ по двѣ чарки вина и по стакану пива и меду, Пугачевъ и Дружининъ подпаивали больше солдата Рыбакова, какъ человѣка незнавшаго о намѣреніи ихъ бѣжать. Когда Рыбаковъ совсѣмъ опьянѣлъ, тогда они попрощались со священникомъ и сказали, что пойдутъ на тюремный дворъ. Проводивъ гостей до воротъ, священникъ заперъ ихъ и возвратился домой, а они четверо отправились далѣе и отойдя нѣсколько шаговъ, увидѣли кибитку съ лошадью, которою правилъ Дружинина сынъ Филимонъ. Чтобы Рыбаковъ не догадался, Дружининъ закричалъ сыну:

— Эй, ямщикъ, что̀ возьмешь отвезти въ Кремль.

---

[1]) Рапортъ капитана Васильева въ казанскую губернскую канцелярію отъ 1 іюня 1773 года. Рапортъ прапорщика Александра Зыкова 14 октября 1773 года. Госуд. Арх. VI, д. № 414. Въ *Русской Старинѣ* (1876 годъ, т. XVI, 624) сказано, что Пугачевъ и Дружининъ въ одинъ и тотъ же день два раза ходили къ священнику, но фактъ этотъ не подтверждается ни произведеннымъ слѣдствіемъ, ни показаніями прикосновенныхъ лицъ.

— Пять копѣекъ.

— Ну, постой, отвези.

Филимонъ подъѣхалъ, а Пугачевъ и Дружининъ посадили сперва пьянаго Рыбакова въ телѣгу, потомъ сѣли сами съ Григоріемъ Мищенко и, закрывъ кибитку рогожей, поѣхали по большой казанской дорогѣ. Какъ ни былъ пьянъ Рыбаковъ, но отъѣхавъ верстъ восемь отъ Казани, онъ очнулся.

— Что, братъ, такъ долго ѣдемъ? спросилъ онъ у Пугачева.

— А вотъ видишь, говорилъ Емелька шутя,—кривою дорогой везутъ.

Отъѣхавъ еще съ полверсты, кибитка остановилась недалеко отъ дворцоваго села Царицына. Дружининъ взялъ въ охапку пьянаго Рыбакова, высадилъ его изъ кибитки, а сами, ударивъ по лошади, поѣхали по большой дорогѣ [1]). Пьяный Рыбаковъ добрелъ до села Царицына и упалъ близъ управительскаго дома. Здѣсь пролежалъ онъ до тѣхъ поръ, пока управитель, Петръ Кондратьевъ, растолкавъ его спросилъ: какой онъ команды и какъ попалъ въ село? Не понимая гдѣ онъ находится, Рыбаковъ отвѣчалъ только, что идетъ въ Казань, но не знаетъ дороги и просилъ дать ему подводу. Кондратьевъ подводы ему не далъ, а совѣтовалъ идти пѣшкомъ по большой дорогѣ [2]).

— Тамъ, сказалъ Кондратьевъ, — за безпрерывно ѣдущими разными людьми тебѣ легко будетъ дойти до Казани, и ты къ командѣ явиться можешь.

Рыбаковъ побрелъ и въ 9 часовъ вечера явился къ тюремному караульному офицеру, который лишь на другой день донесъ о побѣгѣ двухъ арестантовъ дежурному по карауламъ капитану Васильеву. Послѣдній, 1 іюня, увѣдомилъ о происшествіи казанскую губернскую канцелярію, но рапортъ его былъ полученъ въ канцеляріи только 3 іюня. Губернаторъ фонъ-Брандтъ не придавалъ

---

[1]) Показаніе священника Ивана Ефимова. Промеморія казанской духовной консисторіи отъ 22 іюня 1773 г. Показаніе Дружинина 25 марта 1775 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 414. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Показаніе Рыбакова 3 іюня 1773 г. Рапортъ Кондратьева казанской губернской канцеляріи, полученный 14 іюля 1773 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 414.

бѣгству Пугачева особаго значенія, хоть и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія къ поимкѣ бѣглыхъ. Онъ отправилъ въ пригородъ Алатъ капрала Семена Коршунова, чтобы развѣдать у тамошнихъ жителей не былъ-ли тамъ Дружининъ съ Пугачевымъ и если былъ, то не знаютъ-ли, куда они уѣхали. Коршуновъ, конечно, не нашелъ тамъ ни Дружинина, ни Пугачева и, поручивъ обывателямъ задержать колодниковъ, если-бъ они появились въ пригородѣ, самъ возвратился въ Казань [1]). Тогда Брандтъ поручилъ симбирской, свіяжской и пензенской провинціальнымъ канцеляріямъ отыскивать Пугачева и прислъ управителя дворцовой Малыковской волости, титулярнаго совѣтника Познякова, и экономическаго казначея, подпоручика Максимова, принять всѣ мѣры къ поимкѣ «утеклецовъ», причемъ обратить особенное вниманіе на иргизскія поселенія.

«Какъ живущіе на Иргизахъ раскольники, писалъ Брандтъ [2]) безстрашно всякихъ бродягъ къ себѣ пріемлютъ, каковыхъ посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачевъ съ его товарищи первое прибѣжище имѣть будетъ въ тѣхъ раскольническихъ селеніяхъ. И сего ради вамъ, управителю, секретнымъ образомъ самому тотчасъ слѣдовать на Иргизскія селенія и всѣми образы стараться развѣдывать, не укрываются-ли тамъ вышепоказанные бѣглые колодники и солдатъ, и ежели сыщутся, то, поймавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ пришлите ко мнѣ».

Позняковъ объѣхалъ всѣ иргизскія селенія, но нигдѣ «утеклецовъ» не нашелъ [3]). Только когда подвѣдомственныя казанскому губернатору учрежденія донесли, что «утеклецы», Пугачевъ и Дружининъ, не найдены, Брандтъ сообщилъ о побѣгѣ Пугачева донской войсковой канцеляріи и донесъ генералъ-прокурору князю Вяземскому.

---

[1]) Рапортъ Коршунова въ губернскую канцелярію 7 іюня 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

[2]) Въ ордерѣ Познякову отъ 5 іюня 1773 года, № 3. Государственный Архивъ, VI, д. № 413.

[3]) Рапортъ Познякова отъ 18 іюня 1773 года. Государственный Архивъ. VI, д. № 413.

«Письмо вашего сіятельства, писалъ Брандтъ [1]), отъ 10 числа минувшаго мая, въ которомъ соизволили объявить именное высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе объ учиненіи содержащемуся здѣсь раскольнику, бѣглому войска Донского казаку Емельяну Пугачеву, наказанія его плетьми и о посылкѣ его въ городъ Пелымъ, я получить честь имѣлъ, но исполненія по тому указу не учинено для того, что предоказанный Пугачевъ, за три дня до полученія сего вашего сіятельства письма, съ часовымъ, бывшимъ при немъ солдатомъ, бѣжалъ»...

Хотя Брандтъ и увѣрялъ князя Вяземскаго, что имъ приняты самые «строжайшіе способы» къ отыскапію бѣжавшихъ, но обстоятельства складывались такъ, что Пугачевъ могъ спокойно развивать свои замыслы. Подписавъ письмо князю Вяземскому 21 іюня, Брандтъ не отправилъ его съ нарочнымъ, а приказалъ сдать на почту, гдѣ оно и пролежало шесть дней [2]). 27 іюня письмо это было отправлено изъ Казани въ московскій почтамтъ и шло на столько долго, что лишь 8 августа достигло до Петербурга [3]). Въ этотъ день получилъ его князь Вяземскій, а въ 12 часовъ ночи 13 августа сообщилъ его вице-президенту военной коллегіи, графу З. Г. Чернышеву.

Извѣстіе, полученное въ Петербургѣ о побѣгѣ Пугачева, произвело болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ Казани, и было оцѣнено по достоинству. Графъ Чернышевъ въ ту же ночь сдѣлалъ необходимыя распоряженія, и утромъ 14 августа были подписаны имъ указъ оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу и грамота войску Донскому.

«Какъ содержащійся въ Казанской губерніи, писалъ Чернышевъ Рейнсдорпу [4]), войска Донского казакъ раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, съ часовымъ, бывшимъ при немъ, солдатомъ, изъ Казани бѣжалъ, то государственная военная коллегія и не оставляетъ вамъ, генералъ-поручику, рекомендовать съ тѣмъ, не ша-

[1]) Въ письмѣ князю Вяземскому отъ 21 іюня. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 95, св. 562, д. № 125.

[2]) Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 414.

[4]) Въ указѣ военной коллегіи отъ 14 августа. Москов. Архивъ Глав. Штаба, опись 95, св. 562, дѣло № 125.

тается-ли объявленный бѣглый казакъ Пугачевъ и съ нимъ солдатъ, бывшій при немъ на часахъ, въ селеніяхъ вашей губерніи, *а особливо Яицкаго войска въ жилищахъ*».

Рейнсдорпу, точно также и донской войсковой канцеляріи, предписано употребить всѣ мѣры къ отысканію Пугачева по хуторамъ и станицамъ, и если онъ будетъ пойманъ, то заковать въ крѣпкіе кандалы и «*за особливымъ конвоемъ*» отправить въ Казань.

Въ войскѣ Донскомъ Пугачева нечего было и искать, — тамъ его не было, а генералъ Рейнсдорпъ 18 сентября донесъ военной коллегіи, что принялъ должныя мѣры, но пока бѣглые еще не отысканы [1]). Рапортъ свой Рейнсдорпъ подписывалъ въ тотъ самый день, когда Пугачевъ уже съ титуломъ императора Петра III и окруженный значительною толпой вооруженныхъ яицкихъ казаковъ, овладѣлъ Бударинскимъ форпостомъ и подходилъ къ Яицкому-городку...

VII.

Пугачевъ на Таловомъ уметѣ признается «Ереминой курицѣ», что онъ государь Петръ III.—Свиданіе Пугачева съ яицкимъ казакомъ Григоріемъ Закладновымъ.—Результаты свиданія.

Отдѣлавшись отъ солдата Рыбакова, бѣглецы направились прямо въ татарскую деревню Чирши, гдѣ ожидала ихъ жена Дружинина съ остальными дѣтьми: сыномъ и дочерью. Пробывъ въ деревнѣ однѣ сутки, Дружининъ купилъ у татарина лошадь за два рубля съ полтиной, взялъ семью и вмѣстѣ съ Пугачевымъ и Мищенко поѣхали въ близлежащій лѣсъ, гдѣ и простояли цѣлый день. Ночью Дружининъ ходилъ въ пригородъ Алатъ, чтобы взять изъ своего дома св. иконы, но подойдя ко двору, увидѣлъ караулъ, поставленный по распоряженію капрала Коршунова. Возвратясь въ лѣсъ, Дружининъ сообщилъ о своей неудачѣ товарищамъ, и они въ ту же ночь тайкомъ проѣхали чрезъ пригородъ

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 18 сентября. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 95, св. 562, д. № 125.

и у Куровскаго перевоза переправились черезъ рѣку Вятку. Отсюда чрезъ Керженки бѣглецы направились къ Котловкѣ, гдѣ переѣхали черезъ рѣку Каму и, проѣхавъ село Сарсасы, остановились по близости его въ полѣ. Здѣсь Пугачевъ вспомнилъ, что когда онъ содержался еще въ «черныхъ тюрьмахъ» подъ губернскою канцеляріей, то изъ Сарсасъ приводили арестантовъ, отправляемыхъ на поселеніе, и конвоировавшій ихъ крестьянинъ Алексѣй Кандалинцевъ, узнавъ, что Пугачевъ донской казакъ и предполагая, что онъ раскольникъ, познакомился съ нимъ.

— Откуда ты присланъ? спрашивалъ тогда Кандалинцевъ Пугачева.

— Съ Иргиза, отъ отца Филарета, за крестъ и бороду.

— Филаретъ мнѣ знакомъ, замѣтилъ Кандалинцевъ, — и ко мнѣ ѣздитъ.

Хотя въ этомъ только и заключалось знакомство, но Пугачевъ былъ увѣренъ, что если онъ придетъ къ Кандалинцеву, то тотъ его не выдастъ. Отправившись въ село Сарсасы, онъ скоро отыскалъ своего казанскаго знакомаго.

— Нѣтъ-ли, братъ, у тебя лошади, говорилъ Пугачевъ, — чтобы подвезти насъ верстъ двадцать, а то наши пристали.

— Да куда тебѣ ѣхать, отвѣчалъ Кандалинцевъ, — побудь у меня.

— Вѣдь, видишь, насъ содомъ (много); мы бѣжали изъ тюрьмы, такъ какъ тебѣ насъ держать, да и кормить-то убыточно будетъ.

Кандалинцевъ согласился съ замѣчаніемъ Пугачева и, запрегши лошадь въ телѣгу, отправился вмѣстѣ съ нимъ сначала къ Дружинину, а потомъ и далѣе.

— Куда ты ѣдешь? спрашивалъ Кандалинцевъ дорогой у Пугачева.

— Поѣду на Яикъ, а оттуда на Иргизъ.

— Такъ отстань ты отъ своихъ товарищей, а я съ тобой самъ поѣду.

Предложеніе Кандалинцева очень понравилось Пугачеву; онъ самъ давно желалъ этого, но не зналъ, какъ лучше сдѣлать.

— Готово! воскликнулъ онъ съ радостію, — я давно хотѣлъ ѣхать одинъ.

— Какъ станемъ кормить лошадей, говорилъ Кандалинцевъ,— такъ ты спрячься гдѣ ни есть; они поищутъ и уѣдутъ, а какъ уѣдутъ, такъ приди на ту квартиру (мѣсто), на которой остановились.

Пугачевъ такъ и сдѣлалъ. Отъѣхавъ отъ села Сарсасы верстъ пятнадцать, путники остановились кормить лошадей и ночевать у одного оврага и какъ только Пугачевъ замѣтилъ, что Мищенко и Дружининъ съ семьей заснули, онъ потихоньку скрылся, въ оврагѣ, а за нимъ уѣхалъ и Кандалинцевъ. Наутро проснувшіеся поискали ушедшихъ, но не найдя ихъ поѣхали на Иргизъ [1]), а Пугачевъ и Кандалинцевъ отправились обратно въ село Сарсасы. Проживъ здѣсь недѣль съ пять, Пугачевъ съ Кандалинцевымъ поѣхали въ Яицкій-городокъ, но не доѣзжая верстъ четырехъ полюбопытствовали узнать что тамъ дѣлается.

— Что молодушка, спросилъ Пугачевъ попавшуюся имъ на встрѣчу бабу,—можно ли пробраться въ Яицкій-городокъ?

— Коли есть у васъ паспорты, отвѣчала казачка,—такъ пожалуй поѣзжайте, а коли нѣтъ, такъ тутъ есть солдаты, они васъ поймаютъ.

Спрашивавшіе тотчасъ же повернули обратно и направились на знакомый уже Пугачеву Таловый уметъ. Не доѣзжая до умета, Кандалинцевъ увидѣлъ мужиковъ Мечетной слободы, ѣхавшихъ изъ Яика, а такъ какъ ему нужно было побывать въ слободѣ, то и рѣшился ѣхать съ ними.

— Оставайся ты здѣсь, сказалъ онъ Пугачеву,—а я поѣду въ Мечетную.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, — мнѣ въ Мечетную ѣхать никакъ нельзя, меня тамъ схватятъ, да и оставаться на степи одному и пѣшему нельзя, вѣдь тоже поймаютъ, такъ продай ты Бога ради мнѣ своихъ лошадей.

Кандалинцевъ согласился, продалъ лошадей за 20 рублей и уѣхалъ съ мужиками, а Пугачевъ отправился въ гости къ «Ере-

---

[1]) Показанія Пугачева 4 ноября и 11 декабря 1774 г. Показаніе Дружинина 25 марта 1775 г. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 414 и 512. О дальнѣйшей судьбѣ Дружинина и Мищенко см. *Русскую Старину* 1876 г., т. XVI, 625.

миной курицѣ», и утромъ накануѣ Успеньева дня пріѣхалъ на Таловый уметъ.

— А, Пугачевъ! говорилъ Оболяевъ,—гдѣ это ты былъ и откуда тебя Богъ принесъ?

— Изъ Казани, я тамъ содержался, да Богъ помогъ мнѣ бѣжать.

— Ну, слава Богу!

— А что, братъ не искали-ли меня здѣсь?

— Нѣтъ, не искали, отвѣчалъ «Еремина курица».

— Что слышно на Яикѣ? не знаешь ли что тамъ дѣлается?

— Нынѣ, кажется, все тихо и смирно; тамъ теперь комендантомъ полковникъ Симоновъ.

— А казакъ Пьяновъ живъ-ли?

— Пьяновъ бѣгаетъ, потому что на Яикѣ провѣдали, что онъ подговаривалъ казаковъ бѣжать на Кубань.

Оставшись на нѣсколько дней у «Ереминой курицы», съ намѣреніемъ пробраться въ Яицкій-городокъ, Пугачевъ искалъ случая встрѣтить кого-нибудь изъ казаковъ. Онъ ежедневно ходилъ на охоту за сайгаками и, проводя весь день въ степи, приходилъ на уметъ только обѣдать и ночевать.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Однажды, въ отсутствіе Пугачева, пришли на уметъ три бѣглыхъ русскихъ крестьянина: Аѳанасій Чучковъ, Антонъ Алексѣевъ и Евдокимъ Ѳедотовъ. Они были отправлены изъ Коломны, водой, на стругахъ въ Сибирь на поселеніе, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Скученность и тѣснота на стругахъ были причинами огромной смертности среди поселенцевъ. Потерявъ на пути жену, Чучковъ съ другими товарищами рѣшились бѣжать, и воспользовавшись тѣмъ, что въ Казани поселенцы были спущены на берегъ, они ушли и отправились на Иргизъ, а оттуда въ Мечетную слободу, жители которой совѣтовали имъ пробраться на Узени, гдѣ «жить бѣглымъ свободно». Не зная, какъ пробраться на Узени, Чучковъ и его товарищи познакомились съ крестьяниномъ Мечетной слободы Васпліемъ Носовымъ, признались ему, что они бѣглые, и просили указать имъ путь. Носовъ направилъ ихъ на Таловый уметъ.

— Явитесь у уметчика «Ереминой курицы», сказалъ Носовъ,— онъ вашу братью принимаетъ и сыщетъ вамъ мѣсто.

Бѣглые отправились по указанію и 16 августа пришли на Таловый уметъ.

— Здѣсь ли живетъ «Еремина курица»? спрашивалъ Чучковъ, входя въ избу и видя передъ собой человѣка, пекшаго лепешки.

— Здѣсь, а на что онъ вамъ?

— Насъ прислалъ къ нему житель Мечетной слободы Василій Носовъ.

— Я «Еремина курица», а зачѣмъ онъ васъ ко мнѣ прислалъ?

Прибывшіе бросились въ ноги Оболяеву.

— Мы отданы на поселеніе въ Сибирь, говорили они,—и изъ Казани бѣжали, сыщи намъ мѣстечко.

— Хорошо, отвѣчалъ «Еремина курица»,—покуда поживите у меня, поработайте, покосите сѣно, а я между тѣмъ поспрошу у здѣшнихъ гулебщиковъ, яицкихъ казаковъ, не сыщутъ ли они вамъ какой работы. Здѣсь, у казаковъ, по хуторамъ много такихъ пришельцевъ бываетъ и они паспортовъ не спрашиваютъ.

— Изволь, батюшка, говорили бѣглецы, — мы рады на тебя работать.

Чучковъ и его товарищи раздѣлись и расположились у Оболяева какъ у себя дома. Чрезъ часъ вошелъ въ избу совершенно незнакомый имъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и роста, плечистый и съ темнорусыми волосами. Бѣловатое съ румянцемъ лицо его было обрамлено окладистою съ просѣдью бородой и когда онъ улыбался, то на лѣвомъ вискѣ близъ глаза показывалась морщина. Вошедшій былъ въ одной крестьянской рубашкѣ изъ толстой холстины, весьма грязной и выпачканной въ крови, потому что онъ принесъ на себѣ убитаго въ степи сайгака. На ногахъ были у него худенькіе коты, на—головѣ колпакъ изъ сермяжнаго сукна, а въ рукахъ—ружье [1]). Мы узнаемъ въ пришедшемъ Пугачева.

— Я тебѣ, Степанъ Максимычъ, притащилъ сайгака, сказалъ онъ,—такъ освѣжуйка его.

---

[1]) Показаніе Аѳанасія Чучкова. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

— Хорошо, надежа, теперь и кстати; вотъ прибыли къ намъ гости, отвѣчалъ Оболяевъ, указывая на Чучкова и его товарищей.

— А что это за люди?

— Намъ нельзя таиться, говорили они, кланяясь Пугачеву въ ноги,—вы видите бритые у насъ лбы, мы бѣглые поселенцы, не оставьте насъ.

— Хорошо, ребята, не кланяйтесь и не бойтесь, ободрялъ ихъ Пугачевъ съ серьезнымъ видомъ, — я васъ не оставлю, живите здѣсь, а потомъ мы сыщемъ вамъ и мѣсто.

Пугачевъ отошелъ въ сторону, а Чучковъ, подойдя къ уметчику, спрашивалъ, что онъ за человѣкъ и какъ его зовутъ.

— Это дубовскій казакъ Петръ Ивановичъ, отвѣчалъ Оболяевъ.

Между тѣмъ, сваривъ изъ убитаго сайгака кашицу, всѣ присутствовавшіе въ избѣ пообѣдали и разошлись: Пугачевъ пошелъ опять въ степь, надѣясь встрѣтить тамъ казаковъ, а бѣглые мужички отправились косить сѣно.

На другой или на третій день, Оболяевъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Яицкій-городокъ и пробылъ тамъ нѣсколько дней у знакомаго ему казака Григорія Закладнова. Послѣдній спрашивалъ у уметчика, нѣтъ ли продажной недорогой лошади.

— Есть, отвѣчалъ Оболяевъ,—пріѣзжай ко мнѣ на уметъ.

Закладновъ обѣщалъ; а между тѣмъ на уметѣ случилось то, чего никто изъ живущихъ и подозрѣвать не могъ.

Однажды послѣ обѣда, когда бѣглые работники легли отдыхать, Пугачевъ, взявъ въ руки тетрадь, похожую на молитвы Богородицѣ и другимъ святымъ [1]), предложилъ «Ереминой курицѣ» послушать, что онъ будетъ читать.

— Надобно намъ теперь, Степанъ Максимычъ, говорилъ онъ,— прочитать какую-нибудь статью.

— Ну, хорошо, надежа, отвѣчалъ уметчикъ, и сѣлъ подлѣ него.

---

[1]) Показаніе Оболяева 11 іюня. Показаніе Аѳанасія Чучкова 6 іюня. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

Не будучи охотникомъ до чтенія и видя, что у Пугачева рубашка очень грязна, Оболяевъ предпочелъ вмѣсто чтенія предложить сходить въ баню.

— У меня рубашки нѣтъ, замѣтилъ на это Пугачевъ.

— Я дамъ свою, отвѣчалъ уметчикъ.

Вечеромъ они отправились въ баню, и лишь только Пугачевъ раздѣлся, какъ Оболяевъ замѣтилъ у него на груди знаки, оставшіеся послѣ болѣзни.

— Что это такое у тебя на груди-то? спросилъ Оболяевъ.

Пугачевъ промолчалъ, но вопросъ Оболяева навелъ его на мысль, что уметчикъ спрашиваетъ не спроста, а вѣроятно слышалъ отъ Пьянова, что, будучи въ прошломъ году на Яикѣ, онъ называлъ себя Петромъ III. Пугачевъ рѣшилъ воспользоваться предполагаемыми словами Пьянова и по выходѣ изъ бани, спустя часъ времени, подсѣлъ къ Оболяеву и сталъ съ нимъ говорить:

— Давича, Степанъ Максимовичъ, ты парился со мною въ банѣ, а примѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки? спросилъ Пугачевъ.

— Какіе знаки? Я не только не видывалъ, но и не слыхивалъ, что̀ за царскіе знаки такіе.

— Прямая ты курица! О царскихъ знакахъ даже не слыхалъ! Вѣдь каждый царь имѣетъ на себѣ тѣлесные знаки; вотъ я вамъ, когда яицкіе казаки сюда пріѣдутъ, покажу ихъ.

Оболяевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Пугачева.

— Что̀ это, Пугачевъ, къ чему ты это говоришь, спрашивалъ уметчикъ,—какимъ быть на тебѣ царскимъ знакамъ?

— Экой ты безумный, и догадаться даже не можешь къ чему я говорю, вѣдь я не донской казакъ, какъ тебѣ сказался, а государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ.

Услышавъ такія слова, Оболяевъ испугался и «такъ какъ бы кожу на немъ подрало». Въ первое время онъ не могъ сообразить, какъ это къ нему и въ его отдаленный уметъ Богъ принесъ государя.

— Какъ же это такъ, спрашивалъ съ недовѣріемъ Оболяевъ,— а я слышалъ, что государь Петръ Ѳедоровичъ умеръ.

— Вѣнь, крикнулъ Пугачевъ, — Петръ Ѳедоровичъ живъ, онъ не умеръ; ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію въ прошедшемъ году. Услышавъ, что яицкіе казаки приведены всѣ въ разореніе, я нарочно для нихъ сюда пріѣхалъ и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство. Какъ ты думаешь, будутъ-ли казаки согласны на это и примутъ-ли меня?

Испуганный Оболяевъ не отвѣчалъ на послѣдній вопросъ Пугачева; онъ кланялся только предъ нимъ, прося не прогнѣваться за то, что обходился съ нимъ, какъ съ простымъ человѣкомъ.

— За что̀ гнѣваться, замѣтилъ Пугачевъ, — вѣдь ты меня не зналъ, да и впредь до времени никакого особаго почтенія при людяхъ мнѣ не оказывай; обходись со мною попрежнему просто, называй казакомъ и что я государь никому, кромѣ яицкихъ казаковъ, не сказывай, да и тѣмъ говори только такимъ, которые съ войсковой стороны, а старшинскимъ отнюдь о мнѣ ничего не открывай.

— Почемъ мнѣ распознать-то казаковъ, кто съ войсковой, кто со старшинской стороны, говорилъ Оболяевъ; — вотъ развѣ сказать о васъ казаку Григорію Закладнову, онъ, я знаю, съ войсковой стороны и хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать за лошадью.

— Хорошо, открой ему, да смотри же накажи хорошенько, чтобы онъ сказывалъ только надежнымъ людямъ, да такъ, чтобы и жены ихъ не знали.

Оболяевъ обѣщалъ исполнить въ точности. Чрезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ пріѣхалъ на Таловый уметъ казакъ Григорій Закладновъ и просилъ уметчика показать ему обѣщанную лошадь. Оболяевъ отвѣчалъ, что лошади нѣтъ дома и что онъ отправилъ на ней своего девятилѣтняго племянника за хлѣбомъ на сосѣдній уметъ. Закладновъ сталъ тужить, что напрасно пріѣхалъ и на просьбу уметчика обождать возвращенія племянника отвѣчалъ недосугомъ.

— Теперь мое дѣло такое, говорилъ Закладновъ,—что не на чемъ и за дровами съѣздить.

— Дай ты ему, Максимычъ, какую-нибудь лошадь, проспль

Пугачевъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, — пускай онъ поработаетъ на ней, вѣдь лошади отъ того ничего не сдѣлается.

Оболяевъ побоялся отказать государю, обѣщалъ дать лошадь на время, и какъ было уже поздно, то предложилъ Закладнову переночевать у него на уметѣ, на что̀ тотъ и согласился.

— А что̀, узналъ ты меня? спросилъ Пугачевъ Закладнова.

— Какъ не узнать, узналъ! ты купецъ Емельянъ Иванович.

Пугачевъ промолчалъ, но наутро, когда Закладновъ сталъ собираться домой, онъ просилъ уметчика открыть тайну Закладнову.

— Поди же, говорилъ Пугачевъ Оболяеву, — и скажи ему обо мнѣ, а между тѣмъ и я къ вамъ подойду и переговорю съ нимъ о чемъ надобно.

Оболяевъ повиновался.

— Что̀, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? говорилъ Оболяевъ, указывая на Пугачева, сидѣвшаго въ базу (сараѣ).—Какой онъ человѣкъ?

— Почемъ мнѣ знать, что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вѣдь это государь Петръ Ѳедоровичъ; онъ говоритъ, что имѣетъ на себѣ царскіе знаки и нарочно сюда пріѣхалъ на выручку къ вамъ, войсковымъ казакамъ. Онъ мнѣ приказалъ о себѣ сказать съ тѣмъ, чтобы ты открылъ о немъ войсковой руки надежнымъ людямъ.

Закладновъ сначала съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на Оболяева, а потомъ, какъ-бы сообразивъ что-то, улыбнулся.

— Что это за диво такое, проговорилъ онъ, — конечно, Господь насъ поискалъ.

Въ это время Пугачевъ подошелъ къ разговаривавшимъ.

— Что, Гриша, спросилъ онъ, — слышалъ ты обо мнѣ отъ «Ереминой курицы»?

— Слышалъ, сударь.

— Я, мой другъ, не купецъ, а слыхалъ ты про государя Петра Ѳедоровича, такъ я и есть государь. Поѣзжай ты скорѣе въ городокъ и скажи войсковой стороны хорошимъ старикамъ,

чтобъ они ко мнѣ пріѣзжали и не мѣшкали; я избавлю ихъ отъ разоренія старшинъ и проведу на Кубань. Если они замѣшкаются и добра себѣ не захотятъ, то я ждать долго не буду, только меня и видѣли. Да смотри же никому изъ старшинской стороны не сказывай, да и женѣ своей то же.

— Слышу, сударь, отвѣчалъ Закладновъ, и хотѣлъ-было ѣхать, но Оболяевъ остановилъ его.

— Постой, сказалъ онъ,—вотъ скоро каша поспѣетъ, поѣшь, да и поѣдешь.

Закладновъ остался и завтракалъ съ Чучковымъ и его товарищами, а Пугачевъ съ Оболяевымъ отдѣльно.

— Такъ какъ я уже объявилъ тебѣ, Гриша, говорилъ Пугачевъ, прощаясь, — что я государь, такъ смотри же не забудь прислать ко мнѣ казаковъ и самъ съ ними пріѣзжай, да проворь скорѣе.

— Хорошо, отвѣчалъ Закладновъ, взялъ у Оболяева лошадь и съ горячею вѣстью поскакалъ въ Яицкій-городокъ, гдѣ давно ужъ ожидали появленія государя [1])...

VIII.

Положеніе яицкихъ казаковъ. — Приведеніе въ исполненіе приговора надъ виновными въ убіеніи генералъ-маіора Траубенберга. — Вѣсть въ городкѣ о появленіи императора Петра III на Таловомъ уметѣ; совѣщаніе казаковъ. — Посылка двухъ человѣкъ на Таловый уметъ. — Аудіенція Пугачева съ казаками Караваевымъ и Кунишниковымъ. — Поѣздка Пугачева въ Мечетную слободу. — Погоня. — Возвращеніе на Таловый уметъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Пугачевъ, переговоривъ съ Пьяновымъ, уѣхалъ въ Мечетную, въ Яицкомъ-городкѣ распространился слухъ, что у Пьянова былъ какой-то великій человѣкъ. Слухъ этотъ дошелъ до коменданта, полковника Симонова, и онъ приказалъ арестовать Пьянова, но послѣдній успѣлъ бѣжать. Тогда

[1]) Показанія Оболяева 11 іюня и 17 ноября 1774 года. Показанія Григорія Закладнова 23 іюня и 17 ноября 1774 года. Показанія Аѳанасія Чучкова 6 іюня и въ ноябрѣ 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 506 и 512.

взяли жену Пьянова, продержали ее всю зиму подъ карауломъ, но ничего не добились. Она говорила только, что въ домѣ ихъ былъ купецъ, который купилъ рыбы и уѣхалъ, но что̀ онъ за человѣкъ, она не знаетъ. Такимъ образомъ ни правительство, ни казаки не могли узнать, кто былъ этотъ человѣкъ и зачѣмъ пріѣзжалъ онъ въ Яицкій-городокъ.

За отсутствіемъ Пьянова приходилось вѣрить народной молвѣ, и казаки подъ самымъ большимъ секретомъ передавали другъ другу, что въ городкѣ былъ самъ государь Петръ Ѳедоровичъ, который намѣренъ *объявиться* и ожидаетъ только удобнаго времени. При этомъ одни говорили, что онъ пріѣдетъ въ городокъ къ Рождеству, а другіе, что весною, когда казаки соберутся на весеннюю плавню [1]). Никто, конечно, не могъ опредѣлить точнаго времени появленія государя, но всѣ ожидали его, и слухъ распространился далеко за предѣлы городка и облетѣлъ почти всѣ хутора; въ немъ было много преувеличеннаго и видоизмѣненнаго.

— Слышалъ-ли ты вѣсти? говорилъ, встрѣтившись съ Зарубинымъ (Чикою), казакъ Никифоръ Гребневъ, возвращавшійся на свой хуторъ, въ двадцати верстахъ отъ Яицкаго-городка.

— Какія вѣсти? спросилъ Зарубинъ.

— Вѣсти добрыя. Слышалъ я отъ Григорія Закладнова, что пріѣзжалъ на уметъ къ «Ереминой куриці» купецъ, и Григорій Закладновъ, бывъ тутъ же на уметѣ, съ нимъ разговорился, и сталъ купецъ спрашивать: какія вамъ, казакамъ, есть обиды и какіе налоги? Закладновъ разсказалъ ему какія мы обиды несемъ отъ командировъ нашихъ. Послѣ того купецъ выговорилъ, что поѣдетъ на Яикъ для покупки рыбы и когда изъ Яика возвратится назадъ на уметъ къ «Ереминой куриці», то хотѣлъ прислать за Закладновымъ. Итакъ, Закладновъ, оставивъ купца, поѣхалъ для ловли звѣрей, а потомъ означенный купецъ, возвратясь, послалъ «Еремину курицу» сыскать Закладнова и когда тотъ пріѣхалъ и почевалъ съ купцомъ, то зачалъ его спрашивать: скажи ты намъ правду, что̀ ты за человѣкъ? на что купецъ сказалъ: «ну, другъ

[1]) Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ. Госуд. Арх., VI, д. № 422. Показанія Дениса Караваева и Максима Шигаева въ тайной экспедиціи. Тамъ же, д. № 512.

мой, господинъ казакъ, я скажу тебѣ сущую правду: ты меня признавай за государя, а я не для рыбы вашей ѣздилъ въ городъ, а только приглядѣть ваши обряды и какія командиры дѣлаютъ вамъ обиды». Когда же Закладновъ спросилъ: у кого ты былъ въ Яикѣ? то онъ сказалъ: «я стоялъ въ домѣ у Дениса Пьянова». Закладновъ сталъ ему тогда говорить: «батюшка, обиды намъ дѣлаютъ великія: наши командиры насъ бьютъ и гоняютъ, жалованье наше захватываютъ и тому шесть лѣтъ, какъ государыня намъ жалованье жалуетъ, а они незнаемо куда употребляютъ. А кто о жалованьѣ станетъ говорить, того сажаютъ подъ караулъ. Безъ государева указа въ ссылку разсылаютъ, и государыня о томъ не знаетъ. У насъ прежде не было пятидесятниковъ, а теперь оные завелись; прежде въ сотнѣ былъ одинъ сотникъ, а теперь все новое». Итакъ, купецъ, поговоря съ Закладновымъ, поѣхалъ съ умета на Иргизъ, сказавъ: «ждите меня весною, я къ вамъ буду...» Такъ вотъ, братъ, вѣсти какія! заключилъ казакъ Гребневъ.

Въ такомъ или въ еще болѣе измѣненномъ видѣ разсказывалась первая поѣздка Пугачева на Яикъ. Она заинтересовала почти все населеніе и «мы, казаки войсковой стороны, показывалъ впослѣдствіи Зарубинъ (Чика) [1]), все о томъ думали и ожидали весны; гдѣ ни сойдемся, все говорили: а вотъ будетъ государь, и какъ придетъ готовились его принять».

Но прошла весна и наступившее лѣто принесло новое горе яицкимъ казакамъ. Въ концѣ апрѣля 1773 года былъ полученъ въ Оренбургѣ указъ военной коллегіи, съ окончательнымъ приговоромъ по дѣлу объ убійствѣ генералъ-маіора фонъ-Траубенберга. Въ этомъ приговорѣ участь подсудимыхъ была значительно облегчена, тѣмъ не менѣе было опредѣлено: 16 человѣкъ, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя знаки, послать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы вѣчно; 38 человѣкъ наказать кнутомъ и, безъ постановленія знаковъ и вырѣзанія ноздрей, сослать съ женами и малолѣтними дѣтьми въ Сибирь на поселеніе; 5 че-

[1]) Показаніе Зарубина (Чика) на очной ставкѣ съ Ульяновымъ, безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

ловѣкъ, «для омытія пролитой крови», послать на службу противъ непріятеля безъ очереди; 25 человѣкъ, менѣе виновныхъ, наказать плетьми и распредѣлить: молодыхъ въ разные армейскіе полки, а престарѣлыхъ въ разные сибирскіе гарнизонные баталіоны. «Что же до всего ихъ мятежническаго войска принадлежитъ, писала военная коллегія [1]), коего по списку яицкой комендантской канцеляріи, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ 53 человѣкъ служащихъ и отставныхъ, показано 2,461 человѣкъ, то въ разсужденіи такого знатнаго количества и что всѣ они большею частію къ сему дерзкому предпріятію приступили по поводу главныхъ ихъ развратниковъ, Кирпичникова съ товарищи, отъ сущаго невѣжества и по незнанію истиннаго своего благоденствія, отъ наказанія освободить и привести вновь къ присягѣ. Относительно бѣглыхъ объявить по войску, что кто изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ явится добровольно, тотъ будетъ прощенъ, а кто не явится и будетъ пойманъ, тотъ подвергнется всей строгости законовъ».

«А какъ по особо произведенному слѣдствію, сказано въ томъ же указѣ военной коллегіи, показано при учиненномъ мятежѣ и бунтѣ разграбленныхъ: у воинскихъ чиновъ казенныхъ вещей на 97 р. 49½ к., у убитыхъ: генералъ-маіора Траубенберга, атамана Тамбовцева и другихъ разнаго званія воинскихъ чиновъ собственныхъ денегъ и пожитковъ на 20,107 р. 70½ к., да по показаніямъ того-жь войска казаковъ 16,551 р. 10½ к., то въ удовольствіе сихъ безвинно пострадавшихъ имѣніе всѣхъ показанныхъ заслужившихъ наказаніе продерзателей, яицкой комендантской канцеляріи описавъ, съ публичнаго торга продать. А чего къ тому доставать не будетъ, расположа со всѣхъ бывшихъ въ мятежнической партіи, по состоянію каждаго имущества и промысловъ, взыскать вышеупомянутую сумму».

Получивъ указъ военной коллегіи какъ разъ въ то время, когда войско было на весенней плавнѣ, оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорпъ, не призналъ возможнымъ отрывать казаковъ

---

[1]) Отъ 8 марта 1773 года, за № 4,348. *Чтенія общества исторіи и древностей* 1860 г., кн. II, 35—51.

отъ рыбной ловли и отложилъ исполненіе приговора до возвращенія войска въ Яицкій-городокъ [1]).

2 іюля всѣ служащіе и отставные старшины и казаки были собраны въ кругъ для выслушанія опредѣленія военной коллегіи и затѣмъ, по прочтеніи указа, было приступлено къ наказанію виновныхъ. Когда церемонія эта окончилась, тогда кругу было объявлено, что императрица по своему милосердію прощаетъ остальныхъ казаковъ, но съ тѣмъ, чтобъ они немедленно внесли наложенный на нихъ штрафъ и вновь присягнули на вѣрность службы [2]). Съ этою послѣднею цѣлью были выбраны десятники и отправлены въ церковь, а прочіе девять давали имъ свои руки и клялись предъ ними служить вѣрно [3]). По окончаніи присяги, доносилъ Рейнсдорпъ, «возжелали они (казаки) и прочіе съ ихъ старшинами, не расходясь изъ соборной церкви, въ знакъ вѣрноподданнической благодарности, принесть Всевышнему о высочайшемъ е. и. в. и его высочества здравіи и о благополучномъ государствованіи общее молебствіе, что̀ черезъ тамошняго протоіерея со священники торжественно и отправлено.

«По выходѣ же изъ храма, каждый изъ нихъ бывшій до сего преступитель свидѣтельствовался, упавъ на землю, полнымъ раскаяніемъ, а потомъ, стоя на колѣняхъ, за изліянныя къ нимъ безприкладныя е. и. в. щедроты съ достодолжнымъ раболѣпствіемъ благодарили и въ заключеніе, общими радостными восклицаніями прославляя высочайшее имя, превозносили оное изъявленіемъ крайняго о толь превосходномъ милосердіи чувствованія» [4]).

Такъ писалъ Рейнсдорпъ, желая успокоить кого слѣдовало въ Петербургѣ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Казаки не радовались, не раскаивались, но скорбѣли, считая жестокимъ для себя наказаніемъ наложеніе денежнаго штрафа. Такое взысканіе, простиравшееся въ суммѣ до 36,756 р. 30 к., было особенно тяжело для казаковъ,

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 апрѣля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Шт., опись 93, св. 492.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 4 іюля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

[3]) Показаніе Козьмы Кочурова. Госуд. Архивъ, VI, д. № 506.

[4]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 10 іюля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 93, св. 492.

изъ коихъ многіе не признавали себя виновными въ расхищеніи, а платить за другихъ не желали и не имѣли средствъ. Послѣднія событія отвлекли ихъ отъ домашнихъ работъ и рыболовства, единственнаго почти источника ихъ существованія, и населеніе не знало чѣмъ прокормить свои семьи, а объ уплатѣ штрафа и думать было нечего. Они рѣшили въ послѣдній разъ попытать счастія въ Петербургѣ и опять послать депутатовъ. Отправившись на хуторъ Ивана Герасимова и встрѣтивъ тамъ скрывавшагося отъ преслѣдованія Аѳанасія Перфильева, казакъ Савелій Плотниковъ разсказалъ о несчастіи, постигшемъ войско и просилъ ихъ отъ имени всего населенія съѣздить въ Петербургъ и попросить императрицу не взыскивать наложеннаго на войско денежнаго штрафа. Перфильевъ и Герасимовъ согласились, и тогда Плотниковъ съѣздилъ въ Яицкій-городокъ, привезъ оттуда на дорогу 150 р. общественныхъ денегъ и самъ присоединился къ этому посольству.

Между тѣмъ полковникъ Симоновъ, исполняя указъ военной коллегіи, выслалъ изъ городка въ Сибирь 144 человѣка мужескаго и женскаго пола [1]) и требовалъ, чтобы каждый казакъ заплатилъ денежнаго штрафа, смотря по назначенію коммиссіи, отъ 6 до 40 р. Раскладка эта была сдѣлана по указанію старшинъ и потому пристрастно: на бѣдныхъ было наложено больше чѣмъ на богатыхъ. Казаки были недовольны, потому, говорили они [2]), что «когда уже на все войско наложена выть, такъ и взысканіе должно быть съ каждаго равное, ибо богатый и бѣдный казакъ всѣ тягости безъ различія несутъ на ряду». Не зная, что̀ предпринять, чтобъ избавиться отъ налога, казаки сходились иногда на базарѣ, чтобы посовѣтоваться другъ съ другомъ и потолковать о своихъ нуждахъ. А на базарѣ разсказывали, что на Таловомъ уметѣ, у «Ереминой курицы», проявился государь Петръ Ѳедоровичъ и что Григорій Закладновъ его уже видѣлъ [3]).

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, св. 249.

[2]) *Памятники новой русской исторіи*, т. II, 284.

[3]) Показаніе казака Якова Почиталина. Государственный архивъ, VI, дѣло № 506. Показаніе Максима Шигаева. Тамъ же, дѣло № 512. Показаніе Василія Коновалова. Тамъ же, д. № 505.

Послѣдній, пріѣхавъ въ городокъ, тотчасъ же отправился къ своему пріятелю казаку Ивану Чебакову и разсказалъ ему все, что̀ видѣлъ и слышалъ на уметѣ у «Ереминой курицы».

— Что это за причина, отвѣчалъ удивленный Чебаковъ, — вѣдь сказывали, что государь померъ! Надо объ этомъ дѣлѣ хорошенько посовѣтоваться съ надежными людьми. Пойдемъ-ка, братъ, скажемъ объ этомъ Ивану Фофанову, не съѣздитъ-ли онъ въ уметъ удостовѣриться, подлинно-ли онъ царь.

Пріятели отправились къ Фофанову, но не найдя его дома, пошли сначала къ Максиму Шигаеву, а потомъ къ Денису Караваеву, но и ихъ также дома не нашли. На другой день Чебаковъ вмѣстѣ съ Караваевымъ пришли къ Закладнову, который разсказалъ имъ, что̀ видѣлъ, и передалъ просьбу Пугачева прислать къ нему какъ можно скорѣе надежныхъ казаковъ. Посовѣтовавшись съ казаками Плотниковымъ, Шариным и Портновымъ, Денисъ Караваевъ рѣшился ѣхать въ Таловый уметъ и пригласилъ съ собою пріятеля своего, Сергѣя Кунишникова [1]). Выѣхавъ рано изъ городка, они только утромъ добрались до умета. Было уже темно и шелъ дождь, когда Оболяевъ, прибирая свой дворъ, увидѣлъ приближающихся казаковъ.

— Кто ѣдетъ? окликнулъ уметчикъ.

— Казаки; мы ѣздили за сайгаками да запоздали, и чтобы укрыться отъ дождя, пріѣхали сюда ночевать.

— Милости прошу, отвѣчалъ Оболяевъ.

Казаки слѣзли съ лошадей и въ то время, когда Кунишниковъ разсѣдлывалъ лошадей, Караваевъ подсѣлъ къ Оболяеву:

— Не уметчикъ-ли ты? спросилъ онъ.

— Уметчикъ.

— Мы слышали, что у тебя живетъ такой человѣкъ, который называется государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ; правда-ли это?

— Кто вамъ сказалъ?

— Григорій Закладновъ.

Имя Закладнова увѣрило Оболяева, что пріѣхавшіе казаки при-

---

[1]) Показанія Григорія Закладнова 23 іюня и 17 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

надлежатъ къ войсковой сторонѣ, и онъ сталъ съ ними говорить безъ всякаго опасенія.

— Да, у меня есть такой человѣкъ, отвѣчалъ уметчикъ.

— Можно намъ съ нимъ повидаться?

— Теперь не время, есть посторонніе, а оставайтесь до утра.

Казаки пустили лошадей на траву, а сами расположились въ базу (сараѣ), въ другомъ углу котораго, на постелѣ за занавѣской, лежалъ Пугачевъ. Тамъ былъ поставленъ столъ, нѣсколько скамеекъ и кровать уметчика. Ложась спать, Оболяевъ шепнулъ Пугачеву, что къ нему пріѣхали яицкіе казаки, желаютъ его видѣть и остались ночевать.

— Хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, — теперь некогда съ ними говорить.

На утро, готовясь принять прибывшихъ, Пугачевъ сочинилъ свой церемоніалъ.

— Ты поди, говорилъ онъ Оболяеву,—и спроси у тѣхъ казаковъ, бывали-ли они въ Петербургѣ и знаютъ-ли они какъ должно къ государю подходить? Если они скажутъ, что въ Петербургѣ не бывали и не знаютъ, то прикажи имъ по приходѣ ко мнѣ стать на колѣни и поцѣловать мою руку.

Оболяевъ пошелъ передать казакамъ приказаніе мнимаго государя, а Пугачевъ сѣлъ за столъ въ ожиданіи аудіенціи.

Ни Караваевъ, ни Кунишниковъ никогда въ Петербургѣ не бывали, и потому въ точности послѣдовали совѣту Оболяева. Войдя за перегородку, они стали на колѣни.

— Не прогнѣвайся, ваше величество, говорилъ Караваевъ,— что мы путемъ и поклониться не умѣемъ.

Пугачевъ приказалъ имъ встать и протянулъ руку, которую они и поцѣловали.

— Почему вы, мои друзья, узнали, что я здѣсь? спросилъ онъ.

— Намъ Григорій Закладновъ сказалъ, отвѣчали казаки.

— А отчего же онъ самъ съ вами не пріѣхалъ.

— Онъ поѣхалъ за дровами.

— Экой безумный, я ему наказывалъ, чтобъ онъ вмѣстѣ съ вами сюда пріѣхалъ, а онъ, смотри, за дровами уѣхалъ, дрова бы не ушли... Говорили-ли вы со стариками?

— Сказывали человѣкамъ двумъ, тремъ, а нынѣ въ городкѣ большаго-то числа и нѣтъ, всѣ на сѣнокосѣ.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли и какая ваша нужда?

— Мы, ваше царское величество, присланы къ вамъ просить милости и заступиться за насъ, а мы за васъ вступимся. Мы теперь въ конецъ разорены старшинами: дѣтей нашихъ въ солдаты хотятъ брать, а намъ бороды брить; вводятъ у насъ новые штаты, а мы желаемъ служить по старому и по грамотамъ, какъ при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ было.

— Хорошо, друзья мои, если вы хотите за меня заступиться, то и я за васъ вступлюсь, только скажите своимъ старикамъ, чтобъ они исполнили все то, что̀ я прикажу.

Караваевъ и Кунишниковъ поклонились въ ноги.

— Изволь батюшка, надежда-государь, говорили они, все, что̀ вы ни прикажете будетъ исполнено.

Казаки заплакали, но были-ли то слезы радости или горя, рѣшить трудно; Пугачевъ также принялъ на себя видъ человѣка прослезившагося.

— Да все-ли войско принять меня желаетъ? спросилъ онъ.

— Когда вы за насъ хотите вступиться, отвѣчалъ Караваевъ,—то войско наше васъ съ радостію приметъ.

— Ну, дѣтушки мои, соколы ясные, смотрите же не покиньте вы меня; теперь у васъ пѣшій сизый орелъ, подправьте сизому орлу крылья; съумѣю я васъ нарядить и разрядить.

— Только не покинь ты насъ, надежа-государь, отвѣчали казаки кланяясь,—а мы съ Яицкимъ войскомъ, все что вы ни прикажете и ни потребуете сдѣлаемъ.

— Я вамъ даю свое обѣщаніе жаловать ваше войско такъ, какъ Донское; по двѣнадцати рублей жалованья и по двѣнадцати четвертей хлѣба, жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми протоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, сѣнными покосами безданно и безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрою и правдою.

— Довольны, государь, вашею царскою милостію и готовы вамъ послужить.

Въ это время проходившій мимо сарая крестьянинъ Аѳанасій Чучковъ, услышавъ, что казаки величаютъ Пугачева государемъ, вошелъ въ сарай и хотѣлъ было подойти къ разговаривавшимъ, но Пугачевъ удалилъ его.

— Поди, мой другъ, тутъ не твое дѣло, сказалъ онъ махая и указывая на выходъ.

Чучковъ отошелъ, но остался тайнымъ слушателемъ происходившихъ разговоровъ и совѣщаній.

— Ну, друзья мои, говорилъ Пугачевъ казакамъ, — если вы согласны меня принять, такъ надобно приготовить знамена. Купите голи разныхъ цвѣтовъ, шелку и шнура; приготовьте мнѣ платье хорошее и шапку бархатную. Я не знаю только, мои други, справитесь ли вы съ деньгами?

— Какъ, надежа-государь, не справиться; хотя бы и вдвое больше этого приказали, такъ Яицкое войско все исправитъ; но не можно ли записать для памяти что-да-что надобно купить.

— Я бы пожалуй вамъ написалъ, говорилъ неграмотный Пугачевъ, да видишь нѣтъ здѣсь ни бумаги, ни чернилъ. Да это можно и безъ записки такъ упомнить.

— Хорошо, мы и такъ упомнимъ, отвѣчалъ Караваевъ,—но не можно ли написать какого-либо указа въ войско.

— Какой указъ? у меня теперь ни писаря и никого здѣсь нѣтъ.

Пугачевъ предложилъ казакамъ сѣсть рядомъ съ нимъ на лавку, но тѣ отказывались.

— Что вамъ стоять предо мной, говорилъ мнимый императоръ, вторично предлагая казакамъ сѣсть,—вѣдь въ ногахъ правды нѣтъ. Теперь дѣло идетъ еще по тайности и вы объявляйте обо мнѣ только надежнымъ людямъ, а молодымъ ребятамъ отнюдь не сказывайте, чтобы старшинская сторона не провѣдала. Такъ поѣзжайте теперь въ городокъ и объявите войску, а дня чрезъ три пріѣзжайте опять ко мнѣ.

— Теперь у насъ люди всѣ въ дальнихъ разъѣздахъ, говорили казаки, — всѣ по хуторамъ и занимаются сѣнокосомъ. Не можно ли, батюшка, потерпѣть эту недѣлю, пока съ сѣнокосомъ управятся и соберутся въ городъ.

— Нѣтъ, други мои, это пустое, нечего еще на недѣлю откладывать; надобно теперь же вамъ хорошенько между собой условиться, надобно дѣлать какъ можно скорѣе, чтобы въ огласку не пошло. Вы старайтесь сами о себѣ; мнѣ есть нуждица съѣздить на Иргизъ, а вы поѣзжайте въ городокъ, да посовѣтуйтесь съ стариками, гдѣ они присудятъ собираться, и пріѣзжайте ко мнѣ съ отвѣтомъ какъ можно скорѣе. Если вы будете худо стараться о себѣ и станете мѣшкать, такъ меня здѣсь и не сыщете.

— Какъ намъ не стараться, батюшка, будемъ.

Пугачевъ и казаки стали разсуждать гдѣ бы всего лучше было собраться войску? Сперва говорили, что всего удобнѣе на Камеляхъ, верстахъ въ двадцати ниже Таловаго умета, но потомъ отмѣнили, говоря что тамъ близко проходитъ большая дорога. Говорили о вершинахъ Таловой рѣчки, но и тамъ оказалось неудобно, по близости Сызранской дороги; наконецъ, рѣшили направиться на рѣку Узень.

— Поѣзжайте же въ городокъ, сказалъ Пугачевъ, и возвращайтесь скорѣе и я вамъ, если хотите, покажу тогда царскіе знаки. Только смотрите объявляйте другъ другу по тайности.

Увидѣвъ стоявшаго въ отдаленіи Аѳанасія Чучкова, Пугачевъ подозвалъ его къ себѣ.

— Если вы сюда пріѣдете прежде меня, сказалъ онъ,—такъ здѣсь подождите и у Аѳанасія понавѣдайтесь; онъ останется дома, а «Еремина курица» поѣдетъ со мной.

— Хорошо, отвѣчали казаки прощаясь.

— Дай Богъ счастливо, кричалъ Пугачевъ вслѣдъ уѣзжавшимъ.

— Благодарствуемъ, отвѣчали казаки снявъ шапки.

Проводивъ гостей, Пугачевъ отправился въ избу, а Оболяевъ и Чучковъ остались у плетня. Послѣдній не могъ понять, что вокругъ него дѣлалось; онъ слышалъ отрывочныя фразы, слышалъ какъ казаки называли Пугачева «надежею-государемъ» и какъ Пугачевъ обѣщалъ имъ рѣки, луга, вольность и проч. Все это вертѣлось въ головѣ Чучкова безъ всякой связи и значенія, и онъ рѣшился объясниться съ Оболяевымъ.

— Почему это, Степанъ Максимычъ, спрашивалъ Чучковъ у

уметчика,—давеча яицкіе казаки величали Петра Ивановича надежею государемъ?

— А вотъ почему, отвѣчалъ Оболяевъ, —потому что онъ государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ же это такъ! вѣдь слухъ былъ, что государь померъ, да и самъ онъ называется дубовскимъ казакомъ; почему жь узнали, что онъ такой большой человѣкъ?

— Самъ батюшка мнѣ повѣдалъ и сказалъ, что онъ, оставивъ царство, принялъ на себя странствованіе, большой трудъ и бѣдность. Смотрите же, не болтать никому постороннему, да и сами называйте его попрежнему дубовскимъ казакомъ и обходитесь съ нимъ просто.

Чучковъ былъ озадаченъ, но видя, что уметчикъ и два казака съ такимъ почтеніемъ относились къ Пугачеву, онъ повѣрилъ словамъ Оболяева, и такимъ образомъ явился однимъ изъ первыхъ пособниковъ самозванца и его приверженцомъ.

Черезъ часъ Пугачевъ сталъ собираться въ дорогу, чтобъ ѣхать на рѣку Иргизъ. Хотя на Иргизѣ очень многіе знали Пугачева и путешествіе это было весьма опасно, но онъ, какъ человѣкъ безграмотный, считалъ его необходимымъ послѣ просьбы казаковъ написать реестръ тѣмъ вещамъ, которыя необходимо было купить, и послать указъ яицкимъ казакамъ.

— Караваевъ и другіе казаки, говорилъ онъ Оболяеву,—скоро опять къ намъ пріѣдутъ и что-нибудь рѣшатъ; надобно будетъ тогда писать, а у насъ грамотѣя нѣтъ, такъ я хочу съѣздить на Иргизъ въ верхній монастырь и взять тамъ писаря, онъ будетъ намъ всякія дѣла писать. Къ тому же мнѣ надобно побывать въ Мечетной у кума и забрать у него рубашки и лошадь.

Пугачевъ просилъ уметчика ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ отговаривался.

— Тебѣ жители Мечетной и всѣ старцы знакомы, говорилъ онъ Оболяеву,—такъ съ тобою я вездѣ найду ночлегъ; а ежели одинъ поѣду, то, во-первыхъ, страшно дорогою воровъ, а во-вторыхъ, незнакомые не пустятъ меня ночевать.

Убѣжденный этими словами, Оболяевъ согласился ѣхать и сталъ

запрягать лошадей. Предъ отъѣздомъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ Чучкова.

— Смотри-жь, Аѳанасій, сказалъ онъ, — никому о томъ, что давеча слышалъ, не болтай и посторонимъ ни одному человѣку, что я государь, не сказывай. Если кто изъ пріѣзжихъ станетъ спрашивать уметчика, такъ говори, что онъ поѣхалъ въ Сызрань, снимать на будущій годъ уметъ, а не говори, что со мною поѣхалъ на Иргизъ. Но если пріѣдутъ сюда казаки отъ войска Яицкаго, такъ ты прикажи имъ меня дожидаться, только чтобъ они не въ уметѣ дожидались, а на степи, и ты покажи гдѣнибудь мѣсто.

Чучковъ обѣщалъ исполнить въ точности данное ему наставленіе, а Пугачевъ, сѣвъ въ кибитку съ Оболяевымъ, отправились въ путь.

— Есть ли у тебя, спрашивалъ Пугачевъ дорогой Оболяева, — въ Исакіевомъ скитѣ знакомые старцы?

— Какъ не быть! Они вѣдь часто ѣздятъ мимо меня въ Яицкій-городокъ и всегда останавливаются на уметѣ.

— Ну, такъ мы заѣдемъ въ ихъ хуторъ, и чѣмъ по грязи таскать телѣгу, такъ оставимъ ее тутъ, а ты выпроси у старцевъ себѣ лошадь, моя рыжая подъ верхомъ не ходитъ, и съѣздимъ въ Мечетную. Какъ пріѣдемъ мы на хуторъ, такъ ты сбѣгай въ монастырь; я знаю, что тутъ много пришельцевъ есть, такъ ты откройся какому-нибудь старику и посовѣтуй ему, чтобъ онъ уговорилъ тѣхъ пришельцевъ идти прямо къ Яицкому-городку и тамъ ожидать. Особливо мнѣ письменные (грамотные) люди нужны, ихъ тутъ, я чаю, довольно. Да только смотри недолго мѣшкай, намъ надобно сегодня же назадъ вернуться.

Оболяевъ ходилъ въ монастырь и объявилъ одному изъ старцевъ, что проявляется государь Петръ Ѳедоровичъ, который приказалъ ему поискать для себя здѣсь писарей и пришельцевъ и сказать имъ, чтобъ они всѣ шли къ Яицкому-городку.

— Если это правда, отвѣчалъ старецъ, — такъ дай Господи, только теперь такихъ людей въ монастырѣ нѣтъ; набралось бы человѣкъ 20, но и тѣ отъ команды сыщиковъ разбѣжались.

Возвратившись изъ монастыря, Оболяевъ и Пугачевъ поѣхали

верхами въ Мечетную и остановились у двора Косова, малолѣтній сынъ котораго сказалъ пріѣзжимъ, что отца дома нѣтъ, что онъ возитъ съ поля хлѣбъ и скоро возвратится. Пугачевъ отправился на гумно, но на дорогѣ встрѣтился съ Косовымъ. Послѣдній, увидя Пугачева, удивился и «какъ бы чего испугался».

— Ба! куманекъ, ты здѣсь! проговорилъ Косовъ:—все-ли въ добромъ здоровьѣ? откуда ты взялся?

— Слава Богу, живъ родительскими молитвами.

Видя что пріятели встрѣтились, Оболяевъ отправился на хуторъ за оставленною лошадью, а Пугачевъ остался съ Косовымъ.

— Помнишь, говорилъ ему Пугачевъ,—что у тебя остались моя рубашка, рыба и лошадь.

— Все, братецъ, взяли отъ меня въ Малыковку, отвѣчалъ Косовъ,—да и самому мнѣ было много хлопотъ.

— Кому было брать, все вѣрно у тебя...

— Скажи-ка, какъ ты изъ Казани-то ушелъ, перебилъ его Косовъ.

— Богъ освободилъ.

— А есть-ли у тебя паспортъ?

— Есть.

— А гдѣ-жь онъ?

Пугачевъ видѣлъ, что дѣло плохо и что Косовъ спрашиваетъ о паспортѣ не даромъ.

— У меня паспортъ лежитъ въ телѣгѣ, потому что, видишь-ли, дождикъ идетъ, такъ чтобы не замочить я оставилъ его въ телѣгѣ.

— Пойдемъ-ка, братъ, мы лучше къ выборному, сказалъ Косовъ.

— Зачѣмъ теперь ходить, мы ужо сходимъ, я къ тебѣ скоро вернусь, отвѣчалъ Пугачевъ, и ударивъ по лошади ускакалъ.

Догнавъ Оболяева, онъ разсказалъ ему свой разговоръ съ кумомъ.

— Я уѣхалъ отъ него, а онъ пошелъ вдоль по улицѣ; конечно, у него есть какое-нибудь злодѣйство надо мною.

— Зачѣмъ же ты сюда ѣздилъ, если ожидаешь злодѣйства, говорилъ уметчикъ.

— Да что они со мною сдѣлаютъ; мнѣ лихо только добраться до монастыря, а тамъ ужь имъ меня не сыскать.

— Я прятаться не буду, говорилъ Оболяевъ, — я за собою никакого дѣла не знаю; вотъ развѣ ты что знаешь, такъ прячься.

— Я имъ, кажется, тоже ничего не сдѣлалъ, проговорилъ Пугачевъ, и оба поскакали къ монастырю.

Подъѣхавъ къ Пахоміеву скиту, оба всадника въѣхали на дворъ; но не успѣлъ Пугачевъ свести лошадь подъ сарай, какъ вышедшій изъ-за пекарни старецъ предупредилъ его о погонѣ.

— Чего ты съ лошадью возишься, сказалъ онъ Пугачеву,— или не слышишь какая топотня; вѣдь это, конечно, за вами погоня, убирайся скорѣе.

Пугачевъ бросилъ лошадь и скрылся за старческими кельями, переправился въ лодкѣ черезъ рѣку Иргизъ и ушелъ въ лѣсъ. Человѣкъ пятнадцать преслѣдователей, предводимыхъ Косовымъ, ворвались во дворъ и схватили Оболяева.

— Гдѣ тотъ человѣкъ, который съ тобою ѣхалъ? спрашивали они.

— Онъ побѣжалъ вонъ туда, отвѣчалъ уметчикъ, указывая на кельи старцевъ.

Обыскавъ всѣ кельи и не найдя въ нихъ Пугачева, сыщики ударили въ набатъ. На звукъ колокола всѣ старцы вышли изъ своихъ келій и даже прибыли изъ сосѣдняго Филаретовскаго скита; но Пугачева отыскать было трудно: за Иргизомъ былъ дремучій лѣсъ, въ которомъ легко было спрятаться отъ какой угодно погони [1]). Пугачевъ даже и не уходилъ далеко отъ берега и слышалъ все, что происходило въ Пахоміевомъ скиту. Дождавшись въ лѣсу ночи и видя, что все успокоилось, онъ снова переѣхалъ черезъ Иргизъ, дошелъ до монастырскаго хутора, запрегъ оставшуюся свою лошадь въ телѣгу и тайно отъ спящихъ старцевъ уѣхалъ на Таловый уметъ, гдѣ ожидали его яицкіе казаки [2]).

---

[1]) Оболяевъ больше не видалъ Пугачева; посаженный въ тюрьму, онъ провелъ въ заключеніи все время варварской дѣятельности Пугачева.

[2]) Показанія Оболяева 16 октября 1773 г., 10 января, 11 іюня и 17 ноября 1774 г. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанія Аоанасія Чучкова 6 іюня и 17 ноября 1774 г. Показаніе Караваева 17 ноября. Показаніе Григорія Закладнова 17 ноября. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

IX.

Свиданіе Пугачева съ казаками: Караваевымъ, Шигаевымъ, Чикою и Мясниковымъ.—Осмотръ царскихъ знаковъ. — Переселеніе Пугачева съ Таловаго умета въ хутора Кожевниковыхъ.

Возвращеніе Караваева и Кунишникова въ Яицкій-городокъ и разсказы ихъ о видѣнномъ и слышанномъ произвели сильное волненіе среди казаковъ войсковой стороны. Каждый, кто только имѣлъ возможность, тайкомъ пробирался въ домъ того или другаго изъ пріѣхавшихъ, чтобъ удостовѣриться въ справедливости слуха, облетѣвшаго весь городокъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня молодой казакъ Тимоѳѣй Мясниковъ отправился къ Кунишникову и узнавъ, что онъ у Караваева, пошелъ къ послѣднему.

— Что̀, Сергѣй, обратился пришедшій къ Кунишникову,—подлинно-ли вы на Таловой видѣли царя?

— Подлинно.

— Онъ велѣлъ, вмѣшался Караваевъ,—прислать къ себѣ человѣка другаго, отъ войска; поговорить о чемъ-то хочетъ. Мнѣ самому приказалъ онъ пріѣзжать, да кого взять другаго не знаю, а мнѣ нельзя не ѣхать, потому что безъ меня другимъ не повѣритъ.

Узнавъ такую новость, Мясниковъ пошелъ домой, а послѣ обѣда выйдя на базаръ встрѣтился опять съ Кунишниковымъ.

— Кто же поѣдетъ? спросилъ Мясниковъ.

— Караваеву непремѣнно надо ѣхать, отвѣчалъ Кунишниковъ, — а другаго-то мы не знаемъ кого послать. Смотри Тимоѳѣй, не балалакай этого никому до времени. Я вотъ боюсь запивоху (пьяницу) Алексѣя Кочурова, чтобы пьяный какъ не проболтался, и нелегкая меня дернула сказать ему вчера объ этомъ дѣлѣ.

На слѣдующій день любопытный Мясниковъ пошелъ и къ Кочурову узнать, что̀ онъ думаетъ, но не засталъ его дома, а нашелъ средняго его брата Петра Кочурова, который сидѣлъ съ За-

рубинымъ (онъ же Чика, а впослѣдствіи пугачевскій графъ Чернышевъ) въ предбанникѣ и упражнялся въ литьѣ свинцовыхъ пуль.

— Что̀, братцы, спрашивалъ пришедшій, — слышали вы, на Таловой чудо проявляется?

— Слышали, отвѣчали они.

— Богъ знаетъ, полно правда-ли это, замѣтилъ Петръ Кочуровъ;—вѣдь вотъ прошлаго года тоже слухъ былъ, что государь проявился будто бы въ Царицынѣ, и что̀ же вышло: только народу, сказываютъ, за нимъ много пропало.

— Говорятъ, что подлинно онъ батюшка, сказалъ Мясниковъ съ видомъ нѣкоторой увѣренности.

Оставивъ Кочурова, Чика и Мясниковъ пошли на базаръ.

— Царь, вѣдь, приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ человѣкъ, говорилъ дорогой Мясниковъ.

— Такъ что̀ же, отвѣчалъ Чика,—зачѣмъ дѣло стало, я первый поѣду.

— Ну, а другой-то кто же? развѣ мнѣ съ тобой поѣхать?

— Ну, и поѣдемъ завтра.

— Я слышалъ отъ Караваева, что и онъ хотѣлъ ѣхать.

— Да мнѣ-то до того какая нужда, сказалъ Чика, — хотя Перекараваевъ поѣзжай, я самъ хочу ѣхать и посмотрѣть. Вѣдь, почемъ мы знаемъ, что они поѣдутъ, а можетъ и не поѣдутъ.

Итакъ, рѣшивъ завтра ѣхать на Таловую, собесѣдники разошлись: Мясниковъ пошелъ домой, а Зарубинъ (Чика) направился къ небольшой кучкѣ казаковъ, о чемъ-то разговаривавшихъ и поминутно оглядывавшихся на всѣ стороны. Въ то время въ Яицкомъ-городкѣ было очень строго и всякія собранія казакамъ войсковой руки были строго запрещены. За этимъ начальство и старшины тщательно слѣдили, и если на базарѣ когда собиралась толпа, то тотчасъ же являлись солдаты и разгоняли бесѣдовавшихъ. Чтобы подѣлиться новостями и потолковать о чрезвычайномъ происшествіи, казаки сходились на улицѣ человѣка по два, по три и тайкомъ разговаривали. Одну изъ такихъ кучекъ и замѣтилъ Чика; она состояла изъ казаковъ: Андрея Кожевникова, Ивана Харчова, Тимоѳѣя Стракайкина и другихъ.

— Я слышалъ отъ Караваева, говорилъ Кожевниковъ собравшимся,—что на уметѣ у «Ереминой курицы» онъ видѣлъ государя Петра Ѳедоровича, который приказывалъ, чтобы прислать къ нему человѣка другаго.

— Конечно, надо къ нему ѣхать, отвѣчали казаки.

— Куда и зачѣмъ ѣхать? спрашивалъ подошедшій къ разговаривавшимъ Чика, какъ будто ничего незнавшій.

— Развѣ ты теперь только слышишь, отвѣчалъ Кожевниковъ,—что государь явился.

— Кто вамъ сказывалъ?

— Караваевъ, онъ сейчасъ отъ него; государь на уметѣ у «Ереминой курицы» и, конечно, намъ надо его до времени спрятать.

Казаки поддакнули.

— Не съѣздишь-ли ты къ нему? спросилъ Кожевниковъ, обращаясь къ Зарубину.

— Отчего не съѣздить, пожалуй, съѣзжу, но куда мнѣ его спрятать?

— Вези прямо ко мнѣ на хуторъ, отвѣчалъ Кожевниковъ,— а тамъ уже не твоя печаль, у насъ есть покои, гдѣ его спрятать [1]).

— Зачѣмъ на хуторъ? Отчего не въ городокъ?

— Въ городокъ теперь привезти нельзя: иные казаки не повѣрятъ, а старшинская сторона можетъ его поймать, а какъ отвезешь на хуторъ, такъ мы всѣ туда будемъ.

Зарубинъ согласился.

— Смотри и примѣчай, Зарубинъ, говорилъ ему Иванъ Харчовъ,—волосы у него должны быть черные, самъ смуглъ, между зубами щербинка, на одной щекѣ рубчикъ, на рукахъ кранины, а ростомъ немного выше тебя.

— Однако, не одному же мнѣ ѣхать, говорилъ вкрадчиво Зарубинъ, умалчивая, что имѣетъ уже товарища:—человѣка другаго все бы надобно было.

---

[1]) Кожевниковыхъ было три брата: Андрей, Михаилъ и Степанъ; всѣ они жили въ одномъ домѣ; вблизи ихъ жилъ и двоюродный братъ ихъ Сидоръ.

— Сыщи самъ съ кѣмъ ѣхать, отвѣчалъ Кожевниковъ, и казаки разошлись.

Въ тотъ же самый день, на другомъ концѣ городка, казакъ Петръ Орловъ отправился къ своему сосѣду и куму Максиму Шигаеву.

— Сходимъ, кумъ, говорилъ Орловъ,—къ Денису Караваеву, понавѣдаемся, правда-ли, что онъ видѣлъ на Таловой царя Петра Ѳедоровича.

— Отъ кого ты это слышалъ? спрашивалъ Шигаевъ,—и можетъ-ли это статься?

— Можно или не можно этому статься, только говорятъ, что Караваевъ точно его видѣлъ.

Шигаевъ и Орловъ отправились разузнавать правду.

— Правда-ли, спрашивали они Караваева, — что ты видѣлъ царя на Таловой.

— Кто это вамъ навралъ, я ничего не знаю.

Шигаевъ и Орловъ отправились домой, а на слѣдующее утро Караваевъ самъ пришелъ къ Шигаеву.

— А вѣдь я, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ пришедшій,— вечоръ отъ тебя для Орлова потаилъ; я подлинно ѣздилъ на Таловую и видѣлъ тамъ того человѣка, который называется царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Какимъ же это образомъ и гдѣ ты его видѣлъ?

— Мнѣ сказалъ о немъ Иванъ Чабаковъ, а ему Григорій Закладновъ, которому тотъ человѣкъ приказалъ прислать къ себѣ отъ войска двухъ казаковъ, такъ вотъ я и ѣздилъ къ нему съ Сергѣемъ Кунишниковымъ.

Караваевъ разсказалъ подробно свое свиданіе съ Пугачевымъ.

— Царь приказалъ мнѣ, заключилъ свой разсказъ Караваевъ,—непремѣнно къ нему чрезъ три дня пріѣхать, такъ не хочешь-ли, поѣдемъ завтра со мною, ты его посмотришь и поговоришь съ нимъ.

Шигаевъ согласился, а между тѣмъ рано утромъ слѣдующаго дня Кожевниковъ пришелъ къ Зарубину и торопилъ его ѣхать.

— Ты остерегайся многолюдства, говорилъ Кожевниковъ, — переговори съ нимъ наединѣ и скажи, что присланъ отъ Кара-

васва и Кунишникова и чтобъ онъ безо всякаго опасенія ѣхалъ ко мнѣ на хуторъ.

Кожевниковъ предупредилъ Зарубина, что онъ можетъ не застать Пугачева и чтобы тогда онъ спросилъ мужика Аѳанасія.

— Хорошо, отвѣчалъ Чика, — вотъ дома пообѣдаю, а потомъ и поѣду.

Зарубинъ пошелъ за Мясниковымъ, но тотъ отказывался отъ поѣздки. Наканунѣ Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Плотниковымъ и тотъ не совѣтовалъ ему ѣздить.

— Я слышалъ, говорилъ Плотниковъ,—что ты съ Чикою хочешь ѣхать на Таловую, такъ полно, ѣздить-ли уже вамъ: отъ насъ люди къ нему поѣдутъ.

— То-то, я и самъ не знаю, отвѣчалъ Мясниковъ,—да Чика меня зоветъ.

— Ну, какъ хочешь.

Мясниковъ былъ въ большомъ раздумьѣ, ѣхать или не ѣхать, такъ что когда пришелъ къ нему Зарубинъ, то онъ сталъ отказываться.

— Я, братъ, и самъ не знаю, говорилъ Мясниковъ, — полно есть-ли зачѣмъ ѣхать-то, вѣдь и безъ насъ поѣдутъ люди.

— Вотъ дуракъ-то, отвѣчалъ Зарубинъ, — еще и раздумье тебя взяло, поѣдемъ вмѣсто гулянки.

— Хорошо, поѣдемъ, я вотъ только осѣдлаю лошадь и возьму ружье, будто бы ѣдемъ стрѣлять сайгаковъ.

Послѣ обѣда Мясниковъ и Зарубинъ выѣхали верхами изъ Яицкаго-городка на Таловый уметъ, а часа два спустя поѣхали туда же въ телѣгѣ Караваевъ и Шигаевъ, неподозрѣвавшіе, что впереди ихъ ѣдутъ другіе представители войска.

Былъ уже вечеръ, когда два всадника приблизились къ Таловскому умету. Замѣтивъ на дворѣ двухъ работавшихъ мужиковъ, пріѣзжіе прямо подъѣхали къ нимъ.

— Хозяинъ дома? спросилъ Зарубинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ одинъ изъ работниковъ, онъ уѣхалъ въ Сызрань.

— Съ кѣмъ?

— У него живетъ одинъ человѣкъ, такъ съ нимъ и поѣхалъ.

— Этого-то человѣка мнѣ и надобно, а скоро они будутъ?

— Не знаю.

— Не ты-ли Аѳанасій? говорилъ Зарубинъ улыбаясь.

— Я, отвѣчалъ спрошенный.

— Ну, такъ что же ты меня обманываешь, вѣдь я знаю что «Еремина курица» поѣхалъ на Иргизъ, да и знаю съ кѣмъ; вѣдь не святымъ же духомъ я узналъ твое имя, а намъ сказано.

— А кто вы таковы? спросилъ Чучковъ.

— Я Иванъ Зарубинъ, а онъ Тимоѳѣй Мясниковъ.

— Государь приказалъ, говорилъ Чучковъ, — чтобы вы его здѣсь подождали, онъ сегодня вечеромъ или завтра рано непремѣнно будетъ.

— Ну, ладно, мы отъѣдемъ здѣсь по рѣчкѣ, уснемъ и коней покормимъ, а ты, пожалуйста, скажи мнѣ, какъ они пріѣдутъ.

Чучковъ обѣщалъ исполнить просьбу, и Зарубинъ съ Мясниковымъ уѣхали въ степь ночевать. На другой день рано утромъ Зарубинъ и Мясниковъ пошли на уметъ узнать не пріѣхалъ ли Пугачевъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Чучковъ; да я не знаю отчего они такъ долго замѣшкались, ужь здоровы-ли?

— Сохрани Господи! проговорили казаки, и рѣшились не оставаться въ уметѣ, чтобы не возбудить подозрѣнія проѣзжающихъ, а уйти въ степь.

— Чѣмъ намъ здѣсь дожидаться, говорилъ Зарубинъ, — лучше поѣздимъ по степи, не попадется ли намъ сайгачишка какой.

Мясниковъ согласился.

— Мы вотъ около этого мѣста будемъ, сказалъ Зарубинъ, указывая рукой, — такъ прибѣги къ намъ, когда они пріѣдутъ.

— Хорошо, поѣзжайте.

Лишь только Зарубинъ и Мясниковъ уѣхали въ степь, какъ на уметъ прискакалъ Денисъ Караваевъ.

— Что, пріѣхали? спросилъ онъ у Чучкова.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ увѣдомь когда пріѣдутъ, — мы будемъ тамъ дожидаться, сказалъ Караваевъ, указывая на другой берегъ р. Таловой.

— А ты съ кѣмъ пріѣхалъ?

— Съ казакомъ Максимомъ Шигаевымъ.

— Здѣсь, братъ, есть еще два казака: Зарубинъ (Чика) и Мясниковъ, они вчера еще пріѣхали и дожидаются ихъ же.

— Гдѣ же они?

— Они хотѣли около тѣхъ мѣстъ дожидаться, и Чучковъ показалъ въ сторону почти противоположную той, гдѣ остановились Шигаевъ и Караваевъ.

— А ты сказалъ имъ про государя?

— Сказалъ.

— Напрасно, пенялъ Караваевъ Чучкову, — такъ теперь не сказывай же, что я здѣсь былъ, и съ этими словами онъ уѣхалъ къ Шигаеву, дожидавшемуся его въ степи, неподалеку отъ умета.

Караваевъ объяснилъ, что самозванца нѣтъ дома и что надо подождать. Въ это самое время они увидѣли приближавшихся къ нимъ двухъ всадниковъ и скоро узнали въ нихъ Чику и Мясникова. Шигаевъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ находился подъ подозрѣніемъ казаковъ войсковой стороны. Принимая участіе въ возмущеніи, бывшемъ въ Яицкомъ-городкѣ, въ январѣ 1772 года, и будучи посланъ войскомъ въ Петербургъ въ числѣ депутатовъ съ челобитною, Шигаевъ одинъ изъ немногихъ былъ, какъ мы видѣли, помилованъ и избавленъ отъ наказанія. Прощеніе ему даровано было за спасеніе Дурново отъ смерти, а казаки полагали, что Шигаевъ избавился отъ наказанія тайнымъ переходомъ съ войсковой стороны на старшинскую. Считая его измѣнникомъ, войсковая сторона смотрѣла на Шигаева подозрительно и непріязненно, и потому, при приближеніи Чики и Мясникова, онъ счелъ лучшимъ не показываться имъ и скрылся въ камышахъ. У телѣги остался одинъ Караваевъ и копошился надъ чѣмъ-то.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спрашивалъ Чика, здороваясь съ Караваевымъ.

— Пріѣхалъ стрѣлять сайгаковъ, отвѣчалъ спрошенный,—да теперь холодно, такъ остановился, подожду, когда солнце взойдетъ повыше и будетъ теплѣе.

— Съ кѣмъ же ты сюда пріѣхалъ, мы тебя видѣли самъ другъ.

— Со мной ѣхалъ одинъ кизиль-башенинъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Караваевъ; — онъ пошелъ сайгаковъ стрѣлять.

— Полно отъ насъ таиться-то, вѣдь мы знаемъ зачѣмъ вы сюда пріѣхали.

— Ну, зачѣмъ? какъ ты думаешь?

— Полно, братъ, лукавить, вы пріѣхали сюда не сайгаковъ стрѣлять, а смотрѣть государя Петра Ѳедоровича, который, слышно, здѣсь живетъ.

— Полно врать-то, мы этого и не слыхивали, и не знаемъ.

— Не таись, братъ, я знаю все, мнѣ все сказано.

— Ну, это правда, что затѣмъ пріѣхали, только молчи.

— Что молчать! мы и сами затѣмъ же пріѣхали.

— Теперь его здѣсь нѣтъ, подождите немного.

Чика и Мясниковъ опять поѣхали въ степь, а около полудня подъѣхалъ къ умету и Пугачевъ. Онъ пріѣхалъ на одной лошади, на телѣгѣ безъ кибитки, и уметчика съ нимъ не было.

— Гдѣ же «Еремина курица»? спросилъ Чучковъ.

— «Курицу» мечетные мужики поймали, отвѣчалъ Пугачевъ,—да и хохолъ чай ужь ей ощипали; я едва самъ убрался на этой лошаденкѣ, а другую не успѣлъ захватить... Былъ-ли здѣсь кто изъ Яицкаго войска?

— Есть четыре человѣка, двое тамъ: Чика (Зарубинъ) и Мясниковъ, а двое тутъ: Шигаевъ и Караваевъ, отвѣчалъ Чучковъ, показывая рукою въ разныя стороны. — Только Караваевъ пенялъ, что я про васъ сказалъ Чикѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, напрасно ты сказывалъ, и если онъ придетъ опять, то про меня не сказывай.

Взобравшись на крышу сарая, Чучковъ сталъ махать шапкою, что увидя Караваевъ сѣлъ верхомъ и пріѣхалъ въ уметъ. Онъ просилъ Пугачева отправиться къ нему въ станъ и когда тотъ согласился, то посадилъ его на свою лошадь, указалъ дорогу къ Шигаеву, а самъ пошелъ пѣшкомъ.

Пріѣхавъ къ Шигаеву, Пугачевъ слѣзъ съ лошади и поклонился. Одѣтый въ простой мужицкій армякъ и въ толстую холстинную рубашку, онъ имѣлъ на головѣ небольшую суконную шапку и своимъ видомъ возбудилъ въ Шигаевѣ предположеніе,

что Караваевъ прислалъ къ нему мужичка съ какою-нибудь вѣстью. На поклонъ Пугачева Шигаевъ отвѣчалъ тѣмъ же и сѣлъ съ нимъ на траву, но въ это время подошелъ Караваевъ.

— Вотъ нашъ батюшка, сказалъ онъ, обращаясь къ Шигаеву и указывая на Пугачева.

Шигаевъ вскочилъ, оробѣлъ и не зналъ, вѣрить-ли тому, что слышалъ и видѣлъ, или не вѣрить. Когда прошелъ первый страхъ, онъ низко поклонился незнакомцу и сталъ извиняться, что по незнанію обошелся съ нимъ такъ просто.

— Ничего, ничего, ободрялъ его Пугачевъ; — ну, какъ вы, други мои, нынѣ поживаете, я слышалъ, что вы, бѣдные, въ конецъ разорены; разскажите-ка, чѣмъ рѣшилась ваша тяжба?

— Рѣшилась, батюшка, тѣмъ, отвѣчалъ Шигаевъ, — что изъ насъ человѣкъ со сто пересѣчены кнутомъ и плетьми, и разосланы въ ссылку, а нѣкоторымъ вырваны и ноздри, но, слава Богу, я съ четырьмя человѣками, бывшими въ Петербургѣ челобитчиками, отъ милостивой государыни помилованы и остались безъ наказанія.

— Какъ же быть-то, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ, — потерпите, я вотъ и самъ двѣнадцать лѣтъ шатался по свѣту и терпѣлъ много нужды, былъ холоденъ и голоденъ, и мало-ли гдѣ я былъ: въ Царьградѣ, во Іерусалимѣ, въ Некрасовщинѣ, въ Польшѣ и на Дону.

— Ахъ! батюшка, сказалъ Пугачеву Шигаевъ, указывая на приближавшихся Чику и Мясникова,—я боюсь этого вора, Чику, онъ у насъ человѣкъ причинный, того и гляди, что разболтаетъ: дѣла мы не сдѣлаемъ, а хлопотъ наведемъ, такъ не лучше-ли намъ спрятаться отъ него въ кусты?

Пугачевъ, конечно, тотчасъ же согласился и они, отойдя саженъ пятьдесятъ отъ своего стана, скрылись въ камышахъ. Караваевъ опять остался одинъ у телѣги и сталъ прятать арбузы и яблоки, выложенные для угощенія самозванца на постланный на травѣ вмѣсто скатерти платокъ.

— Гдѣ же государь? спрашивалъ Чика;—намъ сказали, что онъ у васъ.

— Здѣсь нѣтъ, надо спросить на уметѣ, отвѣчалъ Караваевъ.

Чика отправился на уметъ, но тамъ ему сказали, что Пугачевъ точно уѣхалъ съ Караваевымъ.

— Вотъ, бездѣльники, ворчалъ Чика,—не скажутъ правду, а ты взадъ и впередъ ѣзди. Чего вы таитесь отъ меня, я буду здѣсь ожидать до ночи и отсюда не поѣду, пока не увижу.

— Слушай, Чика, говорилъ Караваевъ, буде правду сказать, такъ мы тебя опасаемся; побожись, что ты ничего дурного съ нами не сдѣлаешь, такъ мы тебѣ его покажемъ.

Чика побожился.

— Ну, слѣзай съ лошади, говорилъ Караваевъ, — да привяжи ее.

Чика слѣзъ, а Караваевъ досталъ образъ и поставилъ его на телѣгѣ.

— Помолись-ка, братъ, Богу, говорилъ Караваевъ,—да поклянись предъ образомъ, чтобы никому объ этомъ не сказывать, а безъ этого я тебѣ мало вѣрю.

Зарубинъ (Чика), а за нимъ и Мясниковъ поклялись, что все будетъ сохранено ими въ совершенной тайнѣ, и тогда Караваевъ закричалъ: «Максимъ, выходи». Шигаевъ и Пугачевъ вышли изъ камышей.

— Здравствуйте, войско Яицкое, привѣтствовалъ Пугачевъ прибывшихъ; — доселѣ отцы ваши и дѣды въ Москву и Петербургъ къ монархамъ ѣзжали, а нынѣ монархъ къ вамъ самъ пріѣхалъ.

Прижавшіеся къ телѣгѣ Мясниковъ и Чика низко поклонились Пугачеву.

— Не кланяйтесь, дѣтушки, а заступитесь за меня. Вы пришли сюда, чтобы видѣть государя Петра Ѳедоровича, а я и есть тотъ, кого вы ищите, и теперь своими глазами видите. По ненависти бояръ я лишенъ былъ царства, долго странствовалъ, а теперь хочу попрежнему вступить на престолъ: примете ли вы меня къ себѣ и возьмете ли на свои руки?

— Рады, батюшка, тебѣ служить, отвѣчали казаки.

Караваевъ разостлалъ на землѣ платокъ, досталъ изъ телѣги арбузы, и всѣ присутствующіе принялись за трапезу. Пугачевъ

сидѣлъ на травѣ, возлѣ него стоялъ Шигаевъ, Караваевъ занимался угощеніемъ, а Чика и Мясниковъ, не смѣя сѣсть въ присутствіи государя, зашли по другую сторону телѣги и присѣли на колесо. Къ этому обществу присоединился и Аѳанасій Чучковъ, пришедшій изъ умета.

— Такъ-то, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,— еще Богъ велѣлъ по двѣнадцатилѣтнемъ странствованіи свидѣться съ вами: много претерпѣлъ я въ это время бѣдности...

— Ну что, батюшка, о прошедшемъ много разговаривать, перебилъ Караваевъ, — предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

— Рабъ ты мой, а повелѣваешь мною, сказалъ смѣло Пугачевъ и посмотрѣлъ сердито на Караваева.

— Батюшка, замѣтилъ Шигаевъ, — наше дѣло казачье, не прогнѣвайся, что мы говорить-то хорошо не умѣемъ.

— Развѣ вы сомнѣваетесь во мнѣ, проговорилъ съ горячностью Пугачевъ и схватилъ ножъ, лежавшій у арбуза, чтобы разрѣзать имъ воротъ рубашки, но Караваевъ остановилъ его.

— Зачѣмъ, батюшка, портить рубашку, сказалъ онъ,—вы бы лучше ее скинули.

Предложеніе это взволновало Пугачева на столько, что онъ измѣнился въ лицѣ; ему не хотѣлось показывать казакамъ свою битую спину.

— Нѣтъ, сказалъ онъ строго,—не подобаетъ вамъ, простымъ людямъ, видѣть все мое тѣло, и разрѣзавъ воротъ рубашки обнажилъ свою грудь.

— Кто же изъ васъ знаетъ царскіе знаки? спросилъ онъ съ сердцемъ.

— Мы не знаемъ, надежа-государь, послышались голоса, — наше дѣло казачье и мы никогда ихъ не видывали.

— Такъ вотъ знайте же! и онъ указалъ на свою грудь.

На груди на лѣвой сторонѣ было два пятна отъ заросшихъ ранъ, да на правой одно. Знаки эти подѣйствовали на казаковъ, а Мясникова «такой страхъ обуялъ, что ноги и руки затряслись». Одинъ только Зарубинъ сохранилъ сомнѣніе. «Видя Пугачева, показывалъ онъ впослѣдствіи, думалъ я и разсуждалъ самъ съ со-

бою, что ему государемъ быть нельзя, а какой-нибудь простой человѣкъ, а притомъ замѣчалъ на немъ примѣты, сказанныя отъ Харчева, то хотя и находилъ оныя по словамъ сходными, но думалъ, что это только потому, что Харчеву онъ, конечно, знакомъ». Сомнѣніе Зарубина было на столько сильно, что онъ рѣшился въ присутствіи Пугачева разъяснить себѣ недоразумѣніе.

— Какъ же на немъ платье казацкое? спрашивалъ Зарубинъ Караваева;—онъ съ бородою и остриженъ по-казацки.

— Онъ нарочно такъ себя прикрываетъ, отвѣчалъ улыбаясь Караваевъ, — чтобъ его не признали; нарочно и бороду отростилъ.

Ободренный словами Караваева, Пугачевъ рѣшился выдержать свою роль до конца.

— Такъ вотъ, други мои, говорилъ онъ, — видывали ли вы когда-нибудь знаки на простыхъ людяхъ.

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали, отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ, говорилъ Пугачевъ, отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но какой былъ именно знакъ разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка, спрашивалъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ что ли?

— Нѣтъ, другъ мой; отвѣчалъ Пугачевъ,—это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся, или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ-бы оробѣли и не посмѣли болѣе никакихъ вопросовъ ему дѣлать.

— Теперь вѣримъ, говорили они,—и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Ѳедоровича.

— Ну, когда признаете меня за государя, такъ обѣщайтесь за все Яицкое войско мнѣ не измѣнять и никому въ руки живаго не отдавать. Напротивъ того, и я дамъ клятву любить васъ и жаловать. Сберегите меня, дѣтушки. Если Господь допуститъ меня въ свое мѣсто (на царство), такъ я васъ не забуду и буду

жаловать какъ первые монархи. Я самъ вижу, что вы, бѣдные, обижены и разорены, потерпите до времени.

— Хотя мы всѣ, казаки, пропадемъ, отвѣчалъ Шигаевъ,—но васъ, батюшка, не выдадимъ, а буде не удастся, такъ выведемъ тебя на степь и пустимъ, а въ руки не отдадимъ.

— Ну, друзья, не забудьте же своего слова и будьте мнѣ вѣрны.

— Надѣйтесь на насъ, батюшка, крѣпко, говорили казаки:— мы васъ не выдадимъ.

— Теперь мнѣ надобно двоихъ изъ васъ послать въ городокъ для приготовленія хорунговъ (знаменъ), и для меня одежи, а двое останьтесь при мнѣ и сберегите меня до времени въ безопасномъ мѣстѣ.

Пугачевъ избралъ для посылки въ городокъ Чику и Мясникова, какъ людей проворныхъ.

— Мнѣ, надежа-государь, Яицкое войско не повѣритъ, говорилъ Чика;—нечего таиться, надо правду сказать, я у войска причинный человѣкъ, не одинъ разъ сѣченъ, а позвольте послать лучше Шигаева и Караваева, имъ войско повѣритъ; а я, батюшка, возьму тебя на свои руки и не опасайтесь ничего, я всѣ здѣшнія мѣста знаю. Вѣдь я сюда для того пріѣхалъ, чтобы за тобою слѣдовать.

Шигаевъ также отказывался отъ приготовленія знаменъ и предлагалъ взять самозванца на свои руки.

— Я, надежа-государь, сохраню васъ въ своемъ зимовьѣ, говорилъ онъ.

— Къ тебѣ на хуторъ много людей ѣздитъ, замѣтилъ Чика, — такъ того и смотри опознаютъ, а лучше я возьму его на свои руки.

Пугачевъ, такъ опасавшійся многолюдства, тотчасъ же принялъ сторону Зарубина.

— Нѣтъ, чадо мое, сказалъ онъ Шигаеву, — поѣзжай-ка ты съ Караваевымъ въ городокъ и исправьте все, что я говорилъ, а Чику и Мясникова я оставлю при себѣ, они повѣстятъ васъ о мѣстѣ, куда войску собираться.

Шигаевъ принужденъ былъ повиноваться.

— Возьми хоть ты, сказалъ онъ Чикѣ, — все равно, только надо сберечь... Куда же вы повезете его?

— У насъ уже мѣсто приготовлено, отвѣчалъ Чика, и обратившись къ Пугачеву спросилъ:—есть ли у него лошадь?

— Лошадь-то есть, отвѣчалъ Пугачевъ,—да не ходитъ подъ сѣдломъ.

— Какъ ей не ходить, у насъ пойдетъ.

— У меня и сѣдла-то нѣтъ.

— Такъ дай ты мнѣ свое сѣдло, говорилъ Чика, обратившись къ Шигаеву,—я привезу его тебѣ домой.

Шигаевъ далъ сѣдло, и Пугачевъ съ первыми пособниками разошлись въ разныя стороны: Шигаевъ и Караваевъ поѣхали въ Яицкій-городокъ, а Пугачевъ, Зарубинъ (Чика), Мясниковъ и Чучковъ пошли въ уметъ, гдѣ самозванецъ приказалъ Чучкову запречь Еремину лошадь и вмѣстѣ съ двумя его товарищами крестьянами ѣхать слѣдомъ за Шигаевымъ и Караваевымъ и пробираться на Узени.

— Вамъ уже не мѣсто здѣсь оставаться, говорилъ Пугачевъ,—теперь того и смотри что изъ Мечетной слободы нагрянетъ сюда команда.

Чтобъ избѣжать погони, самозванецъ приказалъ малолѣтнему племяннику «Ереминой курицы» взлѣзть на сарай и смотрѣть, не покажется ли вдали какая команда, но въ степи никого не было видно и временные обитатели умета спокойно собрались въ путь, забрали бо́льшую часть имущества «Ереминой курицы» и, оставивъ на произволъ судьбы малолѣтняго племянника уметчика, уѣхали по дорогѣ къ Яицкому-городку. Впереди всѣхъ ѣхали Караваевъ съ Шигаевымъ, за ними Чучковъ съ товарищами, а далеко назади верхомъ Пугачевъ, Чика и Мясниковъ.

Отъѣхавъ на довольно значительное разстояніе отъ Таловаго умета, Караваевъ и Шигаевъ замѣтили вдали по дорогѣ небольшую казачью команду, человѣкъ въ 12, ѣхавшую имъ на встрѣчу. Они тотчасъ же остановились, выпрягли лошадь изъ телѣги и пустили ее на траву, а сами подъ видомъ охотниковъ стали ползать по землѣ, какъ будто за сайгаками, которые тогда стадами ходили по степи.

— Ба! Караваевъ, и ты нынѣ въ гулебщикахъ (охотникахъ), кричали казаки, поровнявшись съ ними.

— Какъ-же, отвѣчалъ Караваевъ,—и мнѣ вѣдь дичинки хочется. А вы куда собрались?

— Мы ѣдемъ въ Малыковку, сказываютъ, что тамъ нашего казака захватили, такъ комендантъ послалъ насъ за нимъ.

Оглянувшись назадъ вслѣдъ за проѣхавшими казаками, Чучковъ не замѣтилъ уже на дорогѣ ни Пугачева, ни его двухъ спутниковъ. Избѣгая встрѣчи, они повернули въ степь и направились прямо на казачій уметъ, гдѣ къ вечеру собрались Караваевъ, Шигаевъ и Чучковъ съ товарищами. Покормивъ немного лошадей и поужинавъ вмѣстѣ, Шигаевъ съ Караваевымъ отправились далѣе, а остальные остались ночевать. Предъ отъѣздомъ Шигаевъ спросилъ Чику: куда онъ повезетъ самозванца.

— Куда глаза глядятъ, отвѣчалъ тотъ, скрывая указанное ему мѣсто;—я и самъ не знаю куда, буду искать гдѣ способно; и мы дадимъ вѣсть гдѣ будемъ.

Проснувшись до свѣта, Пугачевъ съ бывшими при немъ спутниками оставили казачій уметъ и поѣхали по дорогѣ до рѣки Деркулы; переѣхавъ ее въ бродъ, Чика указалъ Чучкову и его товарищамъ путь на Узени и приказалъ имъ туда ѣхать [1]).

— Поѣзжайте вы на рѣку Узень, говорилъ онъ имъ, — тамъ сыщите старика Дмитрія Ильина и дожидайтесь насъ.

— Помилуйте, говорилъ Чучковъ,—куда вы насъ посылаете, мы не знаемъ дороги, да и что̀ мы будемъ тамъ пить и ѣсть.

— Этою дорогой вы прямо пріѣдете на Узени, сыщите тамъ хлѣбъ у стариковъ и найдется много людей, которые васъ примутъ. Не опасайтесь ничего, мы къ вамъ дней чрезъ четырнадцать, а если пойдетъ все благополучно, то конечно и чрезъ двѣнадцать будемъ, всѣхъ васъ оттуда возьмемъ, приведемъ лошадей и пой-

---

[1]) Названіе Узени, показывалъ впослѣдствіи Твороговъ, произошло отъ двухъ узкихъ, но глубокихъ рѣчекъ, близко одна отъ другой отстоящихъ. Хотя полоса земли между ними была очень небольшая, «но мѣстами много есть острововъ, преглухимъ камышомъ произрастаемыхъ, такъ что сіи мѣста почитаются непроходимыми и способнѣйшими къ укрытію бѣглецамъ». Госуд. Арх., VI, д. № 505.

демъ мы со славою подъ Яицкій-городокъ, подъ видомъ будто бы снизу съ донскимъ войскомъ.

Чучковъ успокоился и вмѣстѣ съ товарищами отправился на Узени, а Пугачевъ, Чика и Мясниковъ черезъ сыртъ, степью, стали пробираться къ Кожевниковымъ хуторамъ [1]).

Пугачевъ ѣхалъ по незнакомой ему дорогѣ и не зналъ что̀ будетъ впереди. Отдавшись въ руки казаковъ и не имѣя никакого выхода кромѣ бѣгства, онъ долженъ былъ подчиниться ихъ волѣ и стать въ зависимое положеніе. Изъ числа двухъ сопровождавшихъ его, Чика выразилъ уже сомнѣніе въ подлинности принятаго Пугачевымъ на себя званія, а что̀ скажутъ остальные казаки? думалъ Пугачевъ, примутъ-ли его какъ государя, или-же ожидаетъ его опять тюрьма и наказаніе, болѣе строгое чѣмъ за первое преступленіе? Всѣ эти вопросы толпились въ головѣ Пугачева и заставляли его исподоволь и окольными путями разъяснять свое положеніе и по возможности убѣждать казаковъ въ томъ, что онъ истинный государь.

— Вашъ старшина Иванъ Окутинъ долженъ меня знать, говорилъ Пугачевъ, стараясь дорогой убѣдить Чику; — онъ, я чаю, не забылъ, какъ я жаловалъ его ковшомъ и саблей. Только, братцы, какъ вы думаете, согласны-ли будутъ принять меня къ себѣ ваши казаки?

— Не знаемъ, ваше величество, примутъ-ли, отвѣчали спутники,—однако мы всячески постараемся преклонить ихъ на свою сторону.

— Дѣдъ мой, покойный императоръ Петръ I, въ чужихъ земляхъ странствовалъ семь лѣтъ, а меня Богъ привелъ пострaнствовать двѣнадцать.

Казаки молчали и Пугачевъ, не получивъ опредѣленнаго отвѣта, остался въ сомнѣніи о будущемъ.

Не доѣзжая верстъ двухъ до Кожевниковыхъ хуторовъ путники остановились въ лощинѣ, и Чика отправился впередъ, чтобы переговорить съ хозяевами. Спустя часъ онъ возвратился, объявивъ,

[1]) Хутора эти находились на рѣкѣ Маломъ Чаганѣ, въ тридцатипяти вертсахъ отъ Яицкаго-городка, верстахъ въ пятнадцати отъ р. Усихи и въ четырехъ верстахъ отъ Чаганскаго форпоста.

что дѣло сдѣлано, но какъ было еще совершенно свѣтло, то, опасаясь, чтобы кто изъ постороннихъ не примѣтилъ ихъ пріѣзда и не явилось какого подозрѣнія, Пугачевъ и его товарищи оставались въ лощинѣ пока смерклось, и затѣмъ отправились на хуторъ [1]).

Саженяхъ въ пятидесяти отъ дома встрѣтилъ гостей старшій братъ Кожевниковыхъ, Андрей, и поклонился.

— Милости прошу, сказалъ онъ, — только опасаюсь я, чтобы не провѣдали.

Прибывшіе слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ. Подходя къ хуторамъ они были замѣчены издали младшимъ братомъ Кожевникова, Михаиломъ, сидѣвшимъ на лавочкѣ съ старикомъ, отставнымъ казакомъ Романомъ Шаварновскимъ, жившимъ по бѣдности въ ихъ хуторѣ въ особой избѣ.

— Куда это братъ ходилъ? спросилъ Михайло старика Шаварновскаго.

— Ты знаешь, отвѣчалъ спрошенный,—вѣдь государь Петръ Ѳедоровичъ проявился; къ намъ давеча Чика пріѣзжалъ и объ этомъ сказывалъ, да и хотѣлъ его сюда привезти, чай и братъ твой съ ними.

Услышавъ это Михайло удивился и «оробѣлъ», а между тѣмъ гости подошли, и онъ увидѣлъ незнакомаго ему человѣка въ верблюжьемъ армякѣ и въ крестьянской толстой рубашкѣ, «походившаго во всемъ на русскаго мужика». Поздоровавшись съ Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ спросилъ куда они ѣдутъ?

— Мы пріѣхали къ тебѣ ночевать, отвѣчалъ Чика, — и привезли гостя, радъ-ли?

— Милости прошу, какъ не радъ, проговорилъ растерявшійся Михаилъ Кожевниковъ;—а что онъ за человѣкъ?

— Это нашъ батюшка, государь Петръ Ѳедоровичъ.

Михайло Кожевниковъ остолбенѣлъ и, не говоря ни слова, смотрѣлъ только на самозванца. Шаварновскій, видя что Михайло

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показанія: Мясникова 9 мая и 16 іюня, Шигаева 8 мая и 4 іюня, Зарубина (Чика), Чучкова 6 іюня и 17 ноября и Караваева 17 ноября. Государ. Арх., VI, д. №№ 422, 506 и 512.

измѣнился въ лицѣ и не привѣтствуетъ гостя, принялъ на себя обязанности хозяина.

— Милости просимъ, говорилъ онъ кланяясь,—мы всегда рады такому дорогому гостю.

— Воля ваша, господа, говорилъ испуганный Михайло, — я боюсь такого гостя къ себѣ принять, потому что ко мнѣ многіе изъ городка заѣзжаютъ, да и родственники часто ѣздятъ, такъ чтобы не получить какой бѣды. Вотъ развѣ онъ, прибавилъ Михайло, указывая на Шаварновскаго, — къ себѣ приметъ, такъ я радъ..... милости просимъ.

— Отчего же такого гостя и не принять, отвѣчалъ старикъ,— я съ радостію приму, и пригласилъ всѣхъ въ свой домъ.

Безмолвный свидѣтель происходившей сцены, Пугачевъ, съ достоинствомъ и самоувѣренностью вошелъ въ избу Шаварновскаго, но рѣшилъ недолго оставаться на хуторѣ Кожевниковыхъ, гдѣ съ такимъ недовѣріемъ отнеслись къ его происхожденію. Онъ внимательно присматривался ко всему, вслушивался въ разговоры и намѣренъ былъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ убѣдить присутствующихъ, что онъ подлинный государь. Случай этотъ скоро представился. Убѣждаемый Чикою и Мясниковымъ, Михайло Кожевниковъ пришелъ въ сомнѣніе: правда-ли, что Петръ III умеръ.

— Правда, о государѣ были публикованы указы, что онъ умеръ, говорилъ въ раздумьѣ Михайло, — а прошлаго года былъ слухъ, будто бы онъ, батюшка, проявился въ Царицынѣ, но сказываютъ что тамъ запытанъ.

Пугачевъ ухватился за послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои, говорилъ онъ, — все это вамъ сказано напрасно, я, видите, живъ.

Онъ разсказалъ, что былъ схваченъ въ Ораніенбаумѣ, посаженъ въ тюрьму, но караульный офицеръ Масловъ, ему покровительствовавшій, освободилъ его и онъ уѣхалъ странствовать въ чужія земли. Пугачевъ говорилъ, что возвратившись на Донъ онъ былъ узнанъ, схваченъ съ нѣкоторыми казаками и отвезенъ въ Царицынъ, но при помощи тѣхъ же донскихъ казаковъ успѣлъ бѣжать на Иргизъ, откуда пріѣзжалъ въ прошломъ году на Яикъ и при возвращеніи на Иргизъ былъ снова открытъ, арестованъ и

отвезенъ въ Казань. Онъ не скрылъ отъ казаковъ подробностей своего бѣгства съ Дружининымъ и своихъ похожденій съ «Ереминою курицей».

— Хотя въ писаніи и сказано, заключилъ онъ свою рѣчь,— чтобы мнѣ еще съ годъ не являться, но я принужденъ явиться нынѣ для того, что не увижу какъ васъ всѣхъ у меня растащатъ. Вы держитесь за мою правую полу и если не отстанете, то будете люди и станете жить попрежнему. Если нынѣ меня не примете, я себѣ найду мѣсто, а вы тогда уже на меня не пеняйте. Когда хотите, то нынѣ помогите, я подлинный государь Петръ III.

Поужинавъ у Шаварновскаго, Михайло Кожевниковъ мигнулъ Чикѣ и они вышли изъ избы.

— Скажи, пожалуйста, какимъ способомъ вы его обрѣли? спрашивалъ Кожевниковъ.

— Не мы сперва нашли, отвѣтилъ Чика, — а Караваевъ сыскалъ.

— Что же вы съ нимъ намѣрены дѣлать?

— А намѣрены ѣхать въ войско и объявить о немъ.

Возвратившись въ комнату, Чика высказалъ желаніе ѣхать въ Яицкій-городокъ.

— Я, ваше величество, сказалъ онъ,—поѣду теперь къ войску.

— Хорошо, поѣзжай, но объявляй надежнымъ людямъ. Сроку я даю тебѣ только три дня, а потомъ пріѣзжай сюда и увѣдомь что станутъ говорить, а я буду тебя здѣсь дожидаться. Никому не сказывай, что я здѣсь, а буде увидишь, что согласны будутъ, такъ послѣ можно назначить мѣсто гдѣ собираться.

На другой день рано утромъ Пугачевъ призвалъ къ себѣ Мясникова, приказалъ ему также ѣхать въ городокъ купить красной козловой кожи и сшить для него сапоги, подушку на сѣдло и наметъ вмѣсто потника, на что и далъ ему два серебряныхъ рубля. Мясникову поручено было отыскать писаря и разрѣшено объявлять кому слѣдуетъ о появленіи государя Петра Ѳедоровича, но о мѣстѣ гдѣ онъ находится никому не говорить.

Съ отъѣздомъ Чики и Мясникова въ городокъ, Пугачевъ остался подъ охраной новыхъ лицъ и исключительно старика Шаварновскаго, запершагося съ самозванцемъ въ избѣ и допускав-

шаго къ нему лишь немногихъ имъ избранныхъ. Старый казакъ не показалъ Пугачева даже и младшему брату Кожевниковыхъ, Степану, опасаясь чтобы тотъ не проговорился, такъ какъ вообще братья Кожевниковы относились къ Пугачеву съ крайнею недовѣрчивостью. Андрей Кожевниковъ хотя и поручилъ Зарубину (Чикѣ) везти самозванца прямо въ Таловой къ себѣ на хуторъ, но когда увидѣлъ гостя, то сразу понялъ, что это не государь, а лицо подставное. Онъ все время молчалъ, не принималъ участія въ разговорѣ и на другой день уѣхалъ въ городокъ. Тамъ онъ жаловался Шигаеву на своевольный будто бы поступокъ Зарубина (Чики).

— Какъ намъ быть, Максимъ Григорьевичъ, говорилъ онъ,— воръ Чика навязалъ намъ на шею такую бѣду, что мы не знаемъ что̀ и дѣлать.

— Что̀ за бѣда? спросилъ Шигаевъ, какъ будто ничего не знавшій.

— Да какъ же, привелъ къ намъ того человѣка, котораго ты съ нимъ на Таловой видѣлъ.

— Какъ же это? зачѣмъ онъ къ вамъ его привелъ, вѣдь онъ взялъ его на свои руки.

— Вотъ ты и говори!

— Смотрите, братцы, берегитесь! не лучше-ли вамъ отъ себя его выслать.

— Видно придется.

Спустя нѣсколько дней Шигаевъ зашелъ къ свояку Кожевникова, казаку Ивану Харчову.

— У меня былъ твой свояк̀ъ, Андрей Кожевниковъ, говорилъ Шигаевъ;—онъ что-то печаленъ мнѣ показался.

— Какъ, братъ, не печалиться, ты развѣ не слыхалъ, что̀ Чика съ нимъ сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Такъ я тебѣ скажу. Привезъ воръ откуда-то къ нимъ въ хуторъ какого-то человѣка, да и говоритъ, что это царь Петръ Ѳедоровичъ; ну, подумай, не бѣда-ли это имъ?

— Да, правда, не очень-то хорошо, отвѣчалъ Шигаевъ.

Съ другой стороны, оставшійся на хуторѣ братъ Андрея Ко-

жевникова, Михайло, также тяготился первое время присутствіемъ Пугачева.

— Вотъ, Василій, говорилъ Михайло Кожевниковъ казаку Коновалову, встрѣтившись съ нимъ на сѣнокосѣ, — мнѣ послалъ Господь такого гостя, что и самъ я не радъ.

— Что-бъ это за гость такой былъ?

— Страшно, братъ, и сказать-то, онъ называетъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Откуда же онъ взялся?

— Его привезли ко мнѣ вечоръ Чика и Мясниковъ, и Чика поѣхалъ въ городокъ объявлять о немъ въ войскѣ.

— Ну, братъ, это дѣло на шутку не походитъ, надо и мнѣ къ нему съѣздить.

Въ ближайшій затѣмъ праздникъ Василій Коноваловъ и его отецъ Семенъ пріѣхали къ Шаварновскому, гдѣ встрѣтили Алексѣя Кочурова, братьевъ Кожевниковыхъ и видѣли самозванца.

— На меня вознегодовали государыня и бояры, оттого я и ушелъ, говорилъ Пугачевъ собравшимся. — Вотъ, дѣтушки, страдаю я 12 лѣтъ, былъ на Дону и въ Россіи во многихъ городахъ, и примѣтилъ, что народъ вездѣ разоренъ и вы терпите много обидъ и налоговъ.

Казаки поддакивали Пугачеву и жаловались ему на свое печальное положеніе.

— Слышалъ я объ этомъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — слышалъ. Когда настоящаго пастыря не станетъ, народъ всегда пропадаетъ.

Побесѣдовавъ въ такомъ родѣ съ Пугачевымъ, казаки разъѣхались по домамъ съ убѣжденіемъ, что онъ истинный государь, явившійся для ихъ спасенія, и стали разглашать о немъ по хуторамъ и зимовьямъ [1])…..

---

[1]) Показанія казаковъ: Михайлы Кожевникова, Зарубина (Чики), Андрея Кожевникова, Тимоѳѣя Мясникова, Максима Шигаева и крестьянина Аѳанасія Чучкова. Государств. Архивъ, VI, дд. №№ 467, 505, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 512.

X.

Знали-ли яицкіе казаки, что Пугачевъ самозванецъ. — Разговоръ Чики съ Караваевымъ. — Поѣздка на рѣку Усиху. — Признаніе Пугачева. — Жизнь на Усихѣ. — Первый тостъ за государя Петра III. — На чье содѣйствіе разсчитывалъ Пугачевъ.

Оставивъ Пугачева на хуторѣ Кожевниковыхъ и уѣзжая въ Яицкій-городокъ, Зарубинъ (Чика) былъ въ большомъ сомнѣніи относительно личности самозванца. Молчаливое поведеніе Андрея Кожевникова при встрѣчѣ государя и подозрительность брата его Михайлы, наводили на мысль и Чику, что дѣло нечисто, что тутъ кроется подлогъ, и онъ, мучимый любопытствомъ, какъ только пріѣхалъ въ городокъ, тотчасъ же отправился къ Караваеву.

— Скажи правду, допытывалъ Чика, — что̀ это за человѣкъ, котораго мы почитаемъ за государя?

— Глупый ты! отвѣчалъ уклончиво Караваевъ, — развѣ не слыхалъ, что давно идетъ молва у насъ въ городѣ, что онъ государь.

— Скажи-ка ты мнѣ правду, откройся, упрашивалъ Чика,— вѣдь я никому не вынесу и отнынѣ дѣло будетъ общее.

Караваевъ молчалъ.

— Ну, что ты, Денисъ, таишь-то отъ меня, приставалъ Зарубинъ, — когда онъ самъ мнѣ открылся, что онъ донской казакъ.

Караваевъ посмотрѣлъ на него вопросительно. «Что злодѣй донской казакъ, намекнулъ онъ наугадъ, показывалъ впослѣдствіи Зарубинъ [1]), потому что за годъ до сего времени былъ у нихъ на Яикѣ слухъ такой, что въ Царицынѣ одинъ донской казакъ также назвался государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и былъ пойманъ, но ушелъ изъ-подъ караула. А потому и думалъ онъ, не тотъ-ли самый и у нихъ явился, ибо онъ о самозванцѣ, по под-

[1]) Государ. Архивъ, VI, д. № 506.

лому его состоянію, усумнился, чтобъ онъ подлинный былъ государь».

— Слушай, Чика, говорилъ Караваевъ,—не сказывай ты ни отцу, ни матери, ни женѣ, ни дѣтямъ, ни постороннимъ людямъ и дай мнѣ въ томъ предъ Богомъ клятву.

Зарубинъ поклялся, что все сказанное ему будетъ сохранено въ глубочайшей тайнѣ.

— Пусть это не государь, продолжалъ Караваевъ, — а донской казакъ, но онъ вмѣсто государя за насъ заступитъ, а намъ все равно, лишь бы быть въ добрѣ.

— Ну, ладно, отвѣчалъ Зарубинъ,—такъ тому и быть. Значитъ это всему войсковому народу такъ надобно... Будешь ты сегодня на хуторѣ?

— Нѣтъ, не буду; надо государю одежду припасти.

Не удовлетворивъ вполнѣ своего любопытства и все-таки не зная точно, что̀ за личность, называющая себя государемъ, Зарубинъ ушелъ отъ Караваева, и оставаясь нѣсколько дней въ городкѣ, прислушивался къ ходившимъ по городку толкамъ. Почти всѣ казаки войсковой руки знали о появленіи государя и относились къ этому извѣстію различно: одни хотѣли его принять въ войско и объявить, а другіе опасались, чтобы не вышло чего худого.

— Хорошо, если это подлинный государь, говорили послѣдніе,—а если не подлинный и часть войска его приметъ, а другая не согласится, вѣдь тогда будетъ междоусобная брань, а наши дома отъ мятежа и такъ вверхъ дномъ стали.

Такъ разсуждали казаки различныхъ группъ, и Зарубинъ (Чика), наслушавшись базарныхъ рѣчей, отправился опять на хуторъ Кожевниковыхъ, куда и пріѣхалъ почти одновременно съ Мясниковымъ, привезшимъ Пугачеву сапоги, подушку и наметъ.

— Что вы такъ долго неѣхали? спрашивалъ Пугачевъ.

— Замѣшкались немножко, отвѣчалъ Зарубинъ,—потому что лошадей долго не сыскали.

— Сказывалъ-ли ты кому-нибудь обо мнѣ? спрашивалъ самозванецъ, обратившись къ Мясникову.

— Многимъ надежнымъ людямъ объявлялъ, отвѣчалъ онъ, обманывая Пугачева.

— И я, надежа-государь, вмѣшался Зарубинъ, — многимъ казакамъ, какъ въ городкѣ, такъ и по зимовьямъ (хуторамъ) про васъ разсказывалъ.

— Что-жъ они говорятъ?

— Говорятъ разно: иные вѣрятъ, а иные не вѣрятъ. Я тѣмъ, кои согласны принять васъ, велѣлъ собираться по нашей повѣсткѣ на рѣчку Усиху.

— Хорошо, другъ мой, увидимъ, что будетъ.

— Да и намъ надобно выѣхать туда, говорилъ Зарубинъ,— потому что на хуторѣ жить опасно, того и смотри, что старшинская сторона провѣдаетъ. На Усихѣ же есть одно дерево, съ котораго далеко видѣть можно, и буде въ городкѣ и узнаютъ, что мы тутъ и пошлютъ команду, такъ можно легко убраться.

— Мѣста этого я не знаю, замѣтилъ Пугачевъ, — такъ съѣздимъ посмотрѣть, караулисто-ли оно.

Въ слѣдующую же ночь были осѣдланы четыре лошади, и Пугачевъ съ Чикою и Мясниковымъ отправились на рѣку Усиху [1]), выбрать мѣсто для стана. Четвертая лошадь была взята заводная для Пугачева, «потому, показывалъ Мясниковъ, что онъ хотя и не толстъ, но очень тяжелъ и силенъ, и какъ бы лошадь крѣпка ни была, недолго подъ нимъ бѣжать можетъ». Осмотрѣвъ окрестности рѣчки, Пугачевъ нашелъ, что мѣсто это избрано Чикою весьма удачно и приказалъ Мясникову ѣхать въ городокъ и привести къ себѣ представителей войска, человѣкъ двухъ хорошихъ и пользующихся уваженіемъ.

— Я бы съ ними переговорилъ, добавилъ Пугачевъ, — какъ бы лучше оповѣстить войско, чтобы оно собралось ко мнѣ сюда.

Мясниковъ отправился въ городокъ съ новымъ порученіемъ, а Чика и Пугачевъ, отдохнувъ, должны были ѣхать обратно на хуторъ Кожевниковыхъ. Мучимый любопытствомъ узнать, кто же, въ самомъ дѣлѣ, тотъ человѣкъ, которому они оказываютъ такія почести, Чика, какъ только остался съ глазу на глазъ съ Пу-

---

[1]) Рѣчка Усиха находилась отъ хутора Кожевниковыхъ верстахъ въ двадцати, а отъ Яицкаго-городка верстахъ въ пятидесяти. Мѣсто это было степное, ни лѣсу, ни жилья тутъ не было, а на берегу рѣки стояло одиноко высокое дерево.

гачевымъ, приступилъ прямо къ удовлетворенію своего любопытства.

— Скажи-ка мнѣ, батюшка, обратился Зарубинъ къ Пугачеву,—сущую правду про себя, точный-ли ты государь?

— Точный я вамъ государь, отвѣчалъ Пугачевъ съ неудовольствіемъ и строго посмотрѣлъ на Зарубина, но послѣдній не испугался этого взгляда.

— Насъ, батюшка, здѣсь немного, только двоечка, замѣтилъ Зарубинъ, — а Караваевъ-то мнѣ все разсказалъ о тебѣ, какой ты человѣкъ.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Сказалъ, что ты донской казакъ.

— Врешь, дуракъ, воскликнулъ Пугачевъ.

— Отъ людей-то утаишь, продолжалъ Зарубинъ, — да отъ Бога-то не утаишь... Я Караваеву далъ клятву, чтобъ о томъ никому не сказывать, такъ и тебѣ теперь даю; вѣдь мнѣ большой нужды нѣтъ, донской ты казакъ или нѣтъ, а если мы приняли тебя за государя, значитъ тому такъ и быть.

— Если такъ, то смотри же, держи въ тайнѣ. Я подлинно донской казакъ Емельянъ Ивановъ. Я былъ на Дону и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ, вездѣ молва есть, что государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу, и людей у меня будетъ много, а въ Москвѣ войска никакого нѣтъ. Не потаилъ я о себѣ и кто я таковъ, сказывалъ Караваеву, Шигаеву, а также и Пьянову.

Вызвавъ такое признаніе Пугачева, Зарубинъ былъ въ восторгѣ, и при первомъ свиданіи съ Мясниковымъ не утерпѣлъ, чтобы не сообщить ему этой новости [1]).

— Намъ какое дѣло, государь онъ или нѣтъ, отвѣчалъ самонадѣянно Мясниковъ, — мы изъ грязи съумѣемъ сдѣлать князя.

---

[1]) «Все отъ меня злодѣяніе, показывалъ Пугачевъ, произошло чрезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ». Показаніе Пугачева 5 декабря 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики). Показаніе Зарубина и Ульянова на очной ставкѣ другъ съ другомъ. Показанія Мясникова 9 мая и 16 іюня. Показаніе Михайлы Кожевникова. Государствен. Арх., VI, д. №№ 422, 505 и 512.

Если онъ не завладѣетъ московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство.

Итакъ, происхожденіе и личность Пугачева для яицкихъ казаковъ не имѣли никакого значенія; имъ необходимъ былъ человѣкъ чужой среды, никому неизвѣстный въ войскѣ, человѣкъ такой, который, воспользовавшись увѣренностью русскаго народа, что Петръ III живъ, провозгласилъ бы себя государемъ и возвратилъ войску Яицкому всѣ его прежнія права, привилегіи и вольность.

«Когда онъ (Пугачевъ) открылся намъ, говорилъ впослѣдствіи Мясниковъ казаку Горшкову [1]), что бѣжалъ изъ Казани и, скитаясь по степямъ, ищетъ укрыться отъ строгихъ поисковъ, — тогда мы, по многимъ совѣтываніямъ и разговорамъ, примѣтили въ немъ проворство и способность. Мы вздумали взять его подъ свое защищеніе и сдѣлать надъ собой властелиномъ и возстановителемъ своихъ притѣсненныхъ и упадшихъ обрядовъ и обычаевъ, которые давно стараются у насъ перемѣнить. Хотя по бывшимъ у насъ на Яикѣ происшествіямъ и принуждены мы были остаться безо всякаго удовлетворенія и, какъ можетъ быть многіе думали, въ спокойномъ духѣ, но искра злобы за такую несправедливость всегда у насъ крылась до тѣхъ поръ, пока изобрѣли удобный случай и время. Итакъ, для сихъ-то самыхъ причинъ вздумали мы принять его покойнымъ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, дабы онъ возстановилъ прежніе наши обряды, а бояръ, которые больше всего въ семъ дѣлѣ умничаютъ, всѣхъ истребить, надѣясь на то, что сіе наше предпріятіе будетъ подкрѣплено и сила наша умножится отъ черни, которая тоже вся притѣснена и въ конецъ разорена».

Такъ думали главные вожаки и рѣшились не только не выдавать никому признанія Пугачева, а напротивъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что онъ истинный и природный государь. Эти убѣжденія, подкрѣпляемыя тою пользой, которую можетъ извлечь войско отъ принятія къ себѣ государя, были на столько сильны, что многія лица, сначала сторонившіяся, какъ напримѣръ братья Ко-

[1]) Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 421.

жевниковы, примкнули впослѣдствіи къ вожакамъ и явились самыми дѣятельными ихъ пособниками. Тотъ же Харчовъ, который видѣлъ бѣду въ томъ, что Пугачевъ поселился на хуторѣ Кожевниковыхъ, впослѣдствіи самъ явился къ самозванцу съ поклономъ.

Послѣдній, признавшись Зарубину (Чикѣ), поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ обратно къ Кожевниковымъ и на дорогѣ они встрѣтили двухъ казаковъ: Козьму Кочурова и Петра Чапова. Оставивъ Пугачева, Чика поскакалъ, чтобы догнать казаковъ.

— Куда вы? кричалъ имъ Чика.

— Стрѣлять сайгаковъ? а ты куда? Кто съ тобой ѣдетъ?

— Государь Петръ Ѳедоровичъ.

Кочуровъ и Чаповъ остановились въ изумленіи. Зарубинъ (Чика) приказалъ имъ сойти съ лошадей и когда самозванецъ къ нимъ подъѣдетъ, то поклониться ему низко. То и другое приказаніе было исполнено.

— Здравствуйте, говорилъ Пугачевъ,—куда ѣдете?

— Стрѣлять сайгаковъ.

— Нѣтъ, други мои, если вы со мною встрѣтились, то оставайтесь при мнѣ. Я вашъ государь, и смотрите не уходите, а если убѣжите, то я, вступивъ въ городокъ, велю васъ повѣсить; отъ меня вы нигдѣ не укроетесь.

Казаки повиновались и послѣдовали за Пугачевымъ и Чикою, которые, побоявшись ѣхать на хуторъ Кожевникова, остановились ночевать у казака Василія Коновалова.

— Что, Василій Семеновичъ, спрашивалъ Пугачевъ, — не было-ли изъ городка посылки?

— Нѣтъ, все было тихо, отвѣтилъ Коноваловъ и предложилъ пріѣхавшимъ сходить съ нимъ въ баню, случайно въ этотъ день истопленную.

Гости охотно согласились, и, по выходѣ изъ бани, Коноваловъ далъ Пугачеву свою набойчатую рубашку, бумажный пестрый халатъ, а подъ него надѣлъ нагольный тулупъ. Послѣ бани Чика сбѣгалъ къ Кожевниковымъ, выпросилъ у нихъ палатку, а у Коновалова хлѣбъ, котелъ, крупъ и мяса и чуть свѣтъ на слѣдующее утро отправились обратно на Усиху. Съ Пугачевымъ были въ это время: Чика, Сидоръ Кожевниковъ, Василій Коноваловъ,

Алексѣй и Кузьма Кочуровы и Сидоръ Васильевъ. Добравшись до р. Усихи, они разбили тамъ палатку для Пугачева, а сами жили бивакомъ подъ открытымъ небомъ, дней десять.

Въ это время приходили къ Пугачеву съ разныхъ мѣстъ: одни для того, чтобы только посмотрѣть на проявившагося государя, а другіе—чтобы посмотрѣть и оставшись послужить государю, увеличить толпу самозванца. На другой день послѣ пріѣзда на Усиху прибылъ въ станъ Пугачева и Михайло Кожевниковъ.

— Что не пріѣзжали-ли къ тебѣ какіе люди? спрашивалъ самозванецъ съ любопытствомъ.

— Нѣтъ, батюшка, никто не пріѣзжалъ, отвѣчалъ спрошенный.

Пугачевъ успокоился и былъ особенно доволенъ, когда ему сказали, что изъ городка пріѣхалъ казакъ Иванъ Харчовъ и привезъ съ собою полведра водки.

— Чадо, ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ? спрашивалъ Пугачевъ Харчова.

— Мы слышали о васъ, бстюшка, что вы въ здѣшнихъ мѣстахъ обрѣтаетесь, такъ я пріѣхалъ васъ посмотрѣть.

— Смотрите, дѣтушки, смотрите, я весь тутъ. Если вы меня сбережете, то и я васъ сберегу и не оставлю.

— Если Богъ допуститъ, то мы рады вашему величеству послужить.

Харчовъ предложилъ самозванцу привезенный имъ подарокъ и всѣ сѣли обѣдать. Началась попойка.

— Здравствуй я, надежа государь! провозгласилъ Пугачевъ, поднимая чарку.

Всѣ выпили за здоровье государя и хотѣли пить за здоровье императрицы.

— Нѣтъ, закричалъ Пугачевъ, — за здоровье ея не пейте, я не велю, а извольте кушать за здоровье Павла Петровича.

Казаки исполнили приказаніе и Пугачевъ, поднявъ чарку, провозгласилъ: «здравствуй наслѣдникъ и государь Павелъ Петровичъ!»

— Охъ! жаль мнѣ Павла Петровича, прибавилъ онъ, утирая какъ бы навернувшіяся на глазахъ слезы.

Казаки смотрѣли на самозванца съ умиленіемъ и вѣрили въ искренность его родительскихъ чувствъ.

Послѣ обѣда и попойки, когда Пугачевъ легъ и притворился спящимъ, Харчовъ отозвалъ въ сторону Михайлу Кожевникова и спросилъ его, замѣтилъ-ли онъ всѣ примѣты государя.

— Я никогда не видывалъ государя, отвѣчалъ Кожевниковъ,— такъ почемъ же мнѣ знать его примѣты.

— Я самъ, братъ, никогда его не видывалъ, но одинъ старикъ, отставной казакъ, мнѣ разсказывалъ, что государь имѣлъ примѣты такія: на одномъ вискѣ пятно отъ золотухи, передняго зуба нѣтъ, на лицѣ есть черныя пятнышки и когда разсмѣется, то одинъ глазъ прищуриваетъ.

Пугачевъ подслушалъ этотъ разговоръ и впослѣдствіи, какъ увидимъ, воспользовался имъ въ свою пользу.

— Если у государя были такія примѣты, замѣтилъ Кожевниковъ,—то онъ очень походитъ на него.

— И мнѣ кажется, отвѣчалъ Харчовъ,—что примѣтами онъ схожъ.

Пугачеву не нужно было болѣе притворяться и онъ сдѣлалъ видъ, что проснулся. Харчовъ сталъ ему откланиваться.

— Смотри же, послужи мнѣ, говорилъ ему самозванецъ, — разсказывай надежнымъ людямъ и выѣзжайте на плавню [1]), а я къ вамъ пріѣду съ тѣми, которые ко мнѣ соберутся.

— Хорошо, надежа-государь, буду о васъ разсказывать.

Харчовъ уѣхалъ и Пугачевъ остался съ Михайломъ Кожевниковымъ.

— Какъ же вы хотите явиться на плавнѣ? спрашивалъ по отъѣздѣ Харчова Михайло Кожевниковъ: — тамъ будутъ атаманъ и казаки съ послушной (старшинской) стороны, такъ, я думаю, васъ принять не согласятся.

— Если они станутъ противиться, отвѣчалъ Пугачевъ,—такъ мы всѣхъ ихъ перевяжемъ и пойдемъ въ городокъ.

— А они дадутъ знать и комендантъ Симоновъ съ регуляр-

---

[1]) Плавня эта обыкновенно начиналась съ 1 октября и продолжалась до конца ноября.

ными войсками и старшинскими казаками не допустятъ васъ до городка.

— Я сначала съ ними обошлюсь: если примутъ, хорошо, а не примутъ, такъ пойду мимо и стану пробираться въ Русь.

— Какъ это? Съ кѣмъ въ Русь идти-то, вѣдь у васъ немного людей будетъ.

— Нѣтъ, я думаю, ко мнѣ много пристанетъ. Если же людей будетъ мало, такъ я опять скроюсь; мнѣ не надлежало еще теперь являться, да не могъ я вытерпѣть притѣсненія народнаго. Во всей Россіи чернь, бѣдная, терпитъ великія обиды и разоренія, для нея-то хочу я теперь показаться, и она вся ко мнѣ пристанетъ. Самъ я царствовать уже не желаю, а возстановлю на царство государя цесаревича и во всѣхъ мѣстахъ поставлю новыхъ судей, такъ какъ у нынѣшнихъ усмотрѣна мною большая неправда [1]).

XI.

Дѣятельность въ Яицкомъ-городкѣ.—Приготовленіе знаменъ.—Посылка депутатовъ на рѣку Усиху. — Необходимость въ бумажномъ человѣкѣ. — Иванъ Почиталинъ, первый секретарь Пугачева. — Пребываніе самозванца на Усихѣ открыто.

По возвращеніи въ городокъ Шигаева и Караваева, партія, посылавшая ихъ на Таловый уметъ, дѣятельно работала въ пользу Пугачева. Старый казакъ Василій Плотниковъ пригласилъ къ себѣ сосѣда, казака Якова Почиталина, чтобы переговорить съ нимъ и посовѣтоваться.

— Что новенькаго? спрашивалъ Почиталинъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, отвѣчалъ Плотниковъ: — у насъ проявляется государь Петръ Ѳедоровичъ.

— Какъ это онъ здѣсь обрѣтается? кто его видѣлъ и гдѣ?

— Онъ, говорятъ, пріѣхалъ на Таловый уметъ изъ Казани,

[1]) Показанія: Зарубина (Чики), Михайлы Кожевникова, Василія Коновалова и Козьмы Кочурова. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 422, 506 и 512. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 512. См. также Архивъ Главнаго Штаба, книга № I, *Секретныя бумаги и манифесты Пугачева*, листы 66—68.

и сперва увидѣлъ его Григорій Закладновъ, а потомъ ѣздили смотрѣть Денисъ Караваевъ и Максимъ Шигаевъ. Кажется, онъ точный царь, потому что показывалъ имъ царскіе свои знаки, а Караваевъ говоритъ, что видѣлъ у него гербъ на вискѣ подъ волосами. Онъ (Пугачевъ) объявилъ Шигаеву и Караваеву, что пришелъ сюда на отеческую и нашу славу, проситъ Яицкое войско принять его къ себѣ, проводить до Петербурга и возвести на царство попрежнему, а за это обѣщаетъ жаловать войско своими милостями, разобрать бывшія наши со старшинами тяжбы, за всѣ наши обиды и притѣсненія вступиться, виноватыхъ наказать, а насъ наградить. Я присовѣтовалъ Караваеву и Шигаеву, когда они ѣхали къ нему на Таловую, скрыть его, пока войско соберется въ городъ, а когда соберется, то оно и рѣшитъ: принять его или не принять? По тому моему совѣту казаки Чика и Мясниковъ взяли его на свои руки, и теперь не знаю гдѣ онъ находится... Какъ ты думаешь, ладно-ли я сдѣлалъ?

— Это вы очень хорошо сдѣлали, отвѣчалъ Почиталинъ,—да и нельзя иначе, можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ государь, такъ какъ ему откажешь! Видишь какія милости онъ намъ обѣщалъ, а особливо по тяжебному нашему со старшинами дѣлу. Мы и теперь въ конецъ разорены, а не узнаешь еще, что впредь будетъ и *сколько ни проси, видно что всегда мы будемъ виноваты, а не старшины.*

— Я хотѣлъ съ тобою посовѣтоваться, какъ ты думаешь: принять намъ его или нѣтъ?

— Какъ же не принять-то! надо принять.

— Конечно, нельзя отказать, разсуждалъ Плотниковъ, — можетъ онъ и подлинно государь. Хотя, по восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей государыни, и были публикованы указы о кончинѣ государя, но по причинѣ скораго объявленія о его кончинѣ, въ народѣ тогда происходили толки, что онъ живъ...

— Да вотъ и въ третьемъ году, перебилъ Почиталинъ, — помнишь, когда генералъ Фрейманъ къ намъ съ войскомъ вступилъ, базарная рѣчь была, что въ Царицынѣ проявился будто бы государь Петръ Ѳедоровичъ, былъ тамъ пойманъ, содержался въ тюрьмѣ и наконецъ изъ-подъ караула ушелъ.

— Конечно, говорилъ Плотниковъ,—если государь Петръ III подлинно живъ, такъ надобно же ему гдѣ-нибудь проявиться, а когда онъ къ намъ пожаловалъ, такъ чего лучше, пускай войско освидѣтельствуетъ его, и если онъ, батюшка, подлинный, то съ радостію его приметъ.

— Хуже же будетъ, замѣтилъ на это Почиталинъ,—если онъ точный государь и мы ему откажемъ; онъ отшатнется отъ насъ и проявится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Разсуждая такъ, казаки приводили на память всѣ бывшіе о смерти покойнаго государя слухи и напослѣдокъ положили, что надобно сего проявившагося государя неотмѣнно въ войско принять [1]).

— Когда такъ, сказалъ Плотниковъ, — то необходимо какъ можно скорѣе казакамъ нашимъ войсковымъ объявлять и ихъ подговаривать, чтобъ они усовѣтывались всѣмъ войскомъ собраться куда-нибудь въ одно мѣсто. А какъ войско соберется, такъ мы и представимъ его туда, и въ его будетъ разсужденіи: принять-ли или не принять. Мы съ тобою въ Петербургѣ не бывали и государя не видывали, а въ войскѣ много такихъ, которые бывали въ Петербургѣ и опознать государя могутъ. Я уже нѣкоторымъ говорилъ и всѣ согласны на это, да и ты кое-кому разсказывай, только ради Бога берегись, чтобъ изъ старшинской руки кто о томъ не провѣдалъ, а то тогда они насъ тотчасъ же введутъ въ сѣти.

— Безъ сомнѣнія, старшины и ихъ руки казаки, замѣтилъ Почиталинъ, — не согласятся его принять по своей къ намъ ненависти, хотя бы и вся наша войсковая сторона его приняла.

Согласившись поступить такимъ образомъ, Почиталинъ и Плотниковъ положили: «какъ можно сего случая не упускать и дѣлать, что надобно, общимъ стараніемъ, не мѣшкавши, дабы такимъ промедленіемъ не упустить изъ рукъ государя». Не былъ рѣшенъ только вопросъ, гдѣ собраться войску и какимъ способомъ объявить «проявившагося». Встрѣтившись на улицѣ съ ка-

[1]) Показанія казаковъ: Якова Почиталина и Василія Плотникова. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

закомъ Ивапомъ Харчовымъ, Плотниковъ спросилъ его, не слыхалъ-ли онъ чего о государѣ.

— Я видѣлъ его, отвѣтилъ Харчовъ,—и мы положили явиться ему на плавню.

Мысль эта понравилась Плотникову и онъ передалъ ее Почиталину.

— Харчовъ мнѣ сказывалъ, говорилъ Плотниковъ, — что казаки полагаютъ явиться государю на плавнѣ. Впрочемъ, надобно было бы спросить объ этомъ его самого, какъ ему угодно: на плавнѣ-ли объявиться, или прямо сюда въ городокъ пріѣхать.

— Правда, отвѣчалъ Почиталинъ, — лучше бы всего на плавнѣ, да только надо объ этомъ подумать и разсудить. Когда мы его на плавнѣ всѣмъ войскомъ примемъ, такъ неужели онъ тамъ на одномъ мѣстѣ и стоять будетъ съ нами до окончанія нашей плавни. Плавня-то долго продолжается, а если онъ поведетъ насъ куда, такъ плавню-то придется оставить, а черезъ то лишимся мы своей прибыли.

— На одномъ мѣстѣ стоять нельзя и плавить рыбу намъ уже будетъ не время, а пойдемъ мы съ нимъ въ городокъ. Да объ этомъ не печалься, онъ нашъ убытокъ наградитъ деньгами, чего же лучше, такъ-ли?

— Это хорошо, и слова объ этомъ больше нѣтъ. А вотъ, когда съ плавни-то въ городъ мы вступимъ, такъ московскаго нашего судью (коменданта, полковника Симонова) мы свяжемъ и отдадимъ въ волю государеву, да и остальныхъ всѣхъ противниковъ отдадимъ въ его же волю, пускай дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

Плотниковъ не одобрилъ послѣднихъ словъ Почиталина и вообще былъ противъ звѣрства и насильственныхъ мѣръ. Какъ человѣкъ пожилой, пользовавшійся уваженіемъ среди казаковъ, Плотниковъ былъ средоточіемъ, куда стекались всѣ новости, куда приходили казаки посовѣтоваться. Вскорѣ послѣ пріѣзда съ Таловой, Караваевъ нѣсколько разъ обращался къ Плотникову съ просьбой достать или приготовить знамена для самозванца.

Плотниковъ, не зная откуда ихъ достать, отговаривался, но обстоятельства сложились такъ, что все-таки ему пришлось по-

слать первыя два знамя Пугачеву. Проходя по базару, Плотниковъ встрѣтился съ казакомъ Дроздовымъ, и какъ уже слухъ о томъ, что государь требуетъ знаменъ, распространился по городку, то Дроздовъ, увидя Плотникова, не находилъ ничего лучшаго, какъ ввѣрить ему свою тайну.

— Я слышалъ, Василій Якимычъ, говорилъ Дроздовъ, подходя къ Плотникову,—что вамъ надобны знамена, такъ я ихъ, если хотите, достану.

— Какъ, братецъ, не хотѣть? Достань, пожалуйста, въ нихъ крайняя нужда, государь требуетъ. А гдѣ же ты ихъ достанешь?

— Есть у одного дѣтины оставшіяся еще отъ того времени, какъ войско выходило противъ Фреймана [1]). Они остались тогда у него, но онъ какъ человѣкъ молодой, боится и не знаетъ куда ихъ дѣвать; такъ я ихъ тебѣ принесу.

— Принеси, отвѣчалъ Плотниковъ.

Это были два огромныя войсковыя знамени: одно васильковаго цвѣта, а другое дымчатаго. Не успѣлъ Плотниковъ получить ихъ, какъ къ нему явился Сидоръ Кожевниковъ и объявилъ, что государь проситъ «какъ можно постараться о знаменахъ».

— Да ты, что-ли, повезешь ихъ къ нему? спросилъ Плотниковъ.—У меня есть два старыя войсковыя знамени, а на новыя мы матеріи не сыскали.

— Хорошо, отвѣчалъ Кожевниковъ, — принеси ихъ ко мнѣ, пожалуй, я ихъ отвезу.

Знамена были отвезены къ Пугачеву, но ему показалось, что двухъ мало, и онъ, приказавъ каждое разрѣзать на двѣ части, требовалъ, чтобы сшили еще нѣсколько новыхъ.

— Надобно было бы употребить на это деньги, общія войсковыя, говорилъ Плотниковъ, — да гдѣ ихъ и какъ теперь взять? Видно, что самимъ надо истратиться, это современемъ не пропадетъ.

— Ну, что объ этомъ болтать-то, замѣтилъ Почиталинъ,—безъ чего нельзя обойтись, такъ надо сдѣлать складчину: вотъ тебѣ

---

[1]) Во время бывшаго возмущенія казаки захватили изъ войсковой избы эти знамена, пожалованныя атаманамъ.

моихъ два рубля, приложи своихъ, да еще съ кого знаешь собери, а потомъ на эти деньги и купи что потребно.

Плотниковъ собралъ такимъ путемъ десять рублей [1]) и на вопросъ Почиталина, какъ онъ съ ними распорядится, отвѣчалъ, что будетъ шить знамена.

— Кого же ты за покупкой пошлешь?

— Государь приказалъ купить голи разныхъ цвѣтовъ, отвѣчалъ Плотниковъ, — шелку, галуна, да еще кое-какой мелочи. А пошлю я покупать свою невѣстку, для того, что ея дѣло женское, а буде послать изъ насъ кого-нибудь, такъ пойдетъ дѣло въ огласку и увидя станутъ говорить, на что такія вещи надобны, а къ женщинѣ никто не пристанетъ и привязки не сдѣлаетъ, будто на сарафанъ или на рукава себѣ покупаетъ.

Невѣстка ходила на базаръ, но голи не нашла, и деньги остались у Плотникова.

Между тѣмъ, съ Усихиной розсоши пріѣхалъ Мясниковъ, чтобы разузнать, что дѣлается въ городѣ. Придя въ домъ Почиталина и найдя тамъ Плотникова, Мясниковъ спрашивалъ ихъ, что говоритъ народъ?

— Иные соглашаются, отвѣчали ему, — принять государя, а другіе сумнительны.

Плотниковъ и Почиталинъ совѣтовали Мясникову съѣздить къ государю и попросить его, чтобъ онъ потихоньку пожаловалъ въ городокъ, для того, чтобы можно было показать его тѣмъ, которые сомнѣваются.

— Очень мнѣ нужно, отвѣчалъ Пугачевъ на предложеніе прискакавшаго къ нему Мясникова, — воровски къ нимъ ѣздить, я лучше выѣду на плавню, потому что тутъ все войско будетъ въ сборѣ, и оттуда уже со славой вступлю въ городъ.

Съ такимъ отвѣтомъ Мясниковъ возвратился въ городокъ и объявилъ, что государь приказалъ прислать къ нему отъ войска двухъ казаковъ, старичковъ или середовичей, но только надеж-

[1]) Въ числѣ десяти рублей были: Плотникова 2, Почиталина 2, Караваева 2, Егора Павлихина 2, да еще человѣкъ добренькій, говорилъ Плотниковъ, обѣщалъ дать 2 рубля.

ныхъ и хорошихъ, и тогда онъ съ ними посовѣтуется, какъ лучше сдѣлать.

— Мнѣ и Харчовъ, замѣтилъ Плотниковъ,—о такомъ его намѣреніи сказывалъ...

— Такъ это онъ, въ ротъ ему собаку, перебилъ Мясниковъ,— все дѣло наше испортилъ; мы всегда считали лучшимъ, если-бы государь показался въ городѣ и вывелъ изъ сомнѣнія тѣхъ, кои худо вѣрятъ. Однако, кого же вы думаете посылать къ государю?

— Да кого послать, мы и сами не знаемъ. Вѣдь это не шутка, надобно послать надежныхъ людей: развѣ Андрей Овчинниковъ и Данила Побѣдимовъ согласятся къ нему съѣздить?

Избранныя лица согласились было ѣхать, но потомъ отказались: Побѣдимовъ сказалъ, что у него нѣтъ лошади, а Овчинниковъ отговаривался тѣмъ, что ему необходимо быть на свадьбѣ у казака Василія Сидоровкина. Отказъ этотъ поставилъ Плотникова, Почиталина и Мясникова въ затруднительное положеніе, изъ котораго они были выведены пришедшимъ казакомъ Козьмою Фофановымъ.

— Я слышалъ отъ племянника своего, Андрея Овчинникова, говорилъ вошедшій, — что вы хотите послать отъ войска двухъ человѣкъ къ проявившемуся государю и для того нарядили-было Андрея, но онъ просилъ меня, чтобъ я туда вмѣсто его съѣздилъ, и если вы еще никого не послали, такъ пошлите меня, я съ охотой туда поѣду.

— Поѣзжай, Кузьма Ивановичъ, говорили обрадовавшіеся Плотниковъ и Почиталинъ,—съѣзди ты къ государю-то ото всего войска Яицкаго, да и отъ насъ изъяви ему поклонъ. Если онъ станетъ тебя о чемъ спрашивать, такъ изъясни ему и разскажи хорошенько, а особливо о нашемъ житьѣ, какъ мы теперь всѣ разорены и обижены и что недавно нашихъ войсковыхъ старшинъ, сотниковъ и казаковъ многихъ наказывали кнутомъ, ноздри рвали, въ ссылку послали, а многихъ плетьми сѣкли и въ солдаты написали, вотъ какая наша крайность. Попроси ты его, чтобъ онъ заступился за насъ, сиротъ, и защитилъ, а мы, скажи ему, до послѣдней капли крови вѣрные ему слуги, охотно принимаемъ его въ войско, лишь бы онъ насъ не покинулъ. Да спроси его, какъ

онъ прикажетъ намъ видѣться съ нимъ, гдѣ прикажетъ собраться и когда? Всего бы лучше просить его такъ: не можно-ли, батюшка, вашему величеству явиться къ намъ въ войско тогда, когда мы выѣдемъ на плавню; мы васъ тамъ всѣмъ войскомъ примемъ съ радостью.

Получивъ такую инструкцію, Фофановъ подговорилъ ѣхать съ нимъ Дмитрія Лысова (онъ-же Сергѣевъ), но такъ какъ въ глазахъ Пугачева они могли быть *депутатами* отъ всего войска только въ томъ случаѣ, когда ихъ приведетъ Мясниковъ, то Лысовъ отправился къ послѣднему съ заявленіемъ, что и онъ поѣдетъ.

— Что, братъ, спрашивалъ онъ Мясникова, — куда вы государя-то спровадили?

— Я ничего не знаю.

Мясниковъ побоялся сказать Лысову гдѣ находился Пугачевъ потому, что въ бывшіе безпорядки на Яикѣ, въ 1772 году, Лысовъ былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ, но подобно Шигаеву остался безъ наказанія, и казаки подозрѣвали, что онъ передался на сторону старшинъ. Лысовъ былъ человѣкъ пронырливый, смѣтливый и чрезвычайно настойчивый. Онъ долго приставалъ къ Мясникову, чтобы тотъ сказалъ гдѣ государь.

— Ну, на что тебѣ? спросилъ наконецъ Мясниковъ, выведенный изъ терпѣнія.

— Мнѣ хочется его посмотрѣть.

— Провались ты отъ меня... Пріѣзжай, если хочешь, завтра ко мнѣ въ Сластины зимовья [1]) и дожидайся меня тамъ.

Лысову только это и было надобно. На другой день онъ былъ уже въ Сластиныхъ зимовьяхъ, куда поодиночкѣ, чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе, пріѣхали Мясниковъ и Фофановъ. Отсюда всѣ трое поѣхали на Усиху въ станъ Пугачева. При приближеніи ихъ, Чика, завидя издали трехъ всадниковъ и полагая, что это *эртаулы*, то-есть передовые объѣздныхъ командъ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу и сталъ *маячить пикою*, то-есть показывать видъ сопротивленія. Лысовъ для шутки сдѣлалъ то же самое, но Чика

[1]) Зимовья принадлежали Мясникову и были въ десяти верстахъ отъ городка.

скоро узналъ Мясникова, сдѣлалъ на лошади кругъ, а затѣмъ такой же кругъ былъ сдѣланъ и Лысовымъ [1]).

— Ну, рожа, на силу-то тебя принесло, говорилъ Чика, обращаясь къ Лысову.

— А почему мнѣ знать-то, отвѣчалъ онъ, — видишь, вы все секретничаете, а то я бы давно уже пріѣхалъ.

Пугачевъ сидѣлъ у костра, разложеннаго подъ деревомъ, и увидя Мясникова съ двумя казаками, очень обрадовался, предполагая, что прибыли наконецъ представители отъ всего войска. Рѣшившись принять ихъ съ почетомъ и съ нѣкоторою торжественностью, Пугачевъ, лишь только увидѣлъ, что казаки слѣзаютъ съ лошадей, тотчасъ же отправилъ къ нимъ бывшихъ при немъ Василія Коновалова и Сидора Кожевникова.

— Подите, ребята, сказалъ Пугачевъ,—примите отъ стариковъ лошадей.

Хотя Фофановъ и Лысовъ были далеко не старики, но Коноваловъ и Кожевниковъ исполнили приказаніе. Прибывшіе подошли къ самозванцу.

— Здравствуйте, други мои, войско Яицкое, сказалъ онъ.

Лысовъ и Фофановъ низко поклонились Пугачеву и поцѣловали его руку.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? спросилъ самозванецъ.

— Мы пріѣхали, отвѣчалъ Фофановъ,—для отданія вашему величеству поклона и для увѣренія подлинно ли вы здѣсь.

— Благодарствую, что вы меня нашли. Я великій государь Петръ Ѳедоровичъ, пришелъ къ Яицкому войску съ тѣмъ, чтобы вы меня приняли и возвели на царство попрежнему, а я за васъ вступлюсь. Слышалъ я, что вы, бѣдные, разорены.

— Подлинно, батюшка, говорилъ Лысовъ,—мы всѣ обижены и заступиться за насъ некому, не оставь насъ.

— Извольте, други мои, я за васъ вступлюсь, только вы послужите мнѣ, великому государю, вѣрою и правдой.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови.

---

[1]) Дѣлая кругъ казаки показываютъ тѣмъ, что съѣзжаются не враги, а пріятели.

— Что̀ слышно у васъ обо мнѣ въ войскѣ Яицкомъ, хотятъ ли меня принять?

— Говорятъ, ваше величество, разно: иные вѣрятъ, а иные не вѣрятъ: вѣдь вы знаете народную рѣчь; но когда же было, чтобы войско Яицкое васъ не приняло, если вы вступите въ городокъ.

— Я затѣмъ васъ сюда призвалъ, чтобы вы повѣстили войску собраться ко мнѣ сюда. Если бы собралось ко мнѣ сотъ до пяти, такъ я бы вышелъ съ ними на плавню и явился войску тогда, когда оно остановится на первомъ обѣдѣ [1]).

— Врядъ ли, ваше величество, будетъ у насъ плавня; чуть ли не отказана будетъ.

— Ну, такъ что же, тогда я пойду съ ними прямо въ городъ со славой, будто бы съ Донскимъ войскомъ, а не съ Яицкимъ.

— Хорошо, ваше величество, мы будемъ повѣщать объ этомъ войско.

— Мнѣ теперь, други мои, надобенъ письменный человѣкъ, такъ сыщите и пришлите его ко мнѣ.

— Есть у насъ такой на примѣтѣ, отвѣчалъ Фофановъ, — пошлите за нами Мясникова, онъ вамъ его привезетъ.

— Ну, хорошо, поѣзжай съ ними, говорилъ Пугачевъ, обращаясь къ Мясникову,—и привези мнѣ грамотѣя, а вы повѣщайте въ войскѣ надежнымъ людямъ, чтобы скорѣе сюда ко мнѣ выѣзжали... Вотъ у меня одежишка плоха, такъ привезите получше..

— Когда сыщемъ, то привеземъ, отвѣчалъ Лысовъ, которому Зарубинъ (Чика) успѣлъ сообщить, что Пугачевъ не государь, а донской казакъ, но что его необходимо поддержать для народной пользы.

Пока Фофановъ и Лысовъ ѣздили къ самозванцу, молва о по-

[1]) Подъ именемъ перваго обѣда называлась первая остановка казаковъ при выѣздѣ изъ Яицкаго-городка на плавню. «Обыкновенно, выѣхавъ изъ городка, атаманъ останавливался на кормномъ мѣстѣ и стоялъ тутъ дня два для того, что сюда отвсюду съѣзжались казаки и присоединялись къ выѣхавшимъ изъ городка. Съ этого уже мѣста казаки отправляются на плавню, спускаютъ на воду будары и, по данному отъ атамана сигналу, пускаются вдругъ, и стараясь захватить удобное мѣсто теряютъ порядокъ, такъ что случается иногда бываютъ и покойники».

явленіи государя широко распространилась по городку и достигла до старшинъ и ихъ партіи. Хоть они имѣли весьма смутное понятіе о томъ, что дѣлалось у войсковыхъ казаковъ и зорко слѣдили за ними, но нескромность старшины Мартемьяна Бородина, какъ увидимъ ниже, ускорила развязку и дала возможность Пугачеву избѣжать преслѣдованій.

Проходя, однажды, по улицѣ пьяный, Мартемьянъ Бородинъ увидѣлъ старика Плотникова, съ которымъ у него были личные счеты, сидящаго возлѣ дома и разговаривающаго съ сосѣдями.

— Что у васъ за сборище, говорилъ Бородинъ привязываясь къ Плотникову, — вы, конечно, снаряжаетесь царя встрѣчать.

Плотниковъ отвѣчалъ, что они ни о какомъ царѣ не знаютъ, а говорятъ о предстоящей плавнѣ, но Бородинъ сталъ его сначала ругать, а потомъ бить. Плотниковъ замѣтилъ, что старшина бьетъ его напрасно.

— Я тебѣ дамъ напрасно, кричалъ Бородинъ, — ты скажешь мнѣ, кто брата твоего посылалъ въ Петербургъ.

Бородинъ приказалъ казаку Антипову посадить Плотникова подъ караулъ, но послѣдній успѣлъ скрыться въ домѣ Якова Почиталина.

Поступокъ Бородина показалъ казакамъ войсковой стороны, что старшинская партія также провѣдала о появленіи государя, и возбудилъ въ нихъ новое неудовольствіе и ненависть къ старшинамъ.

— Погодите, недолго вы будете надъ нами ломаться, разсуждали Плотниковъ и Почиталинъ, говоря про старшинъ,—можетъ забудете насъ безъ вины обижать!

На другой день послѣ этого происшествія Фофановъ возвратился въ городокъ и прямо отправился къ Почиталину.

— Ну что, видѣлъ государя? спрашивали его.

— Видѣлъ, онъ вамъ и всему войску кланяется и говоритъ, что совѣтъ вашъ хорошъ, чтобъ ему явиться на плавнѣ; онъ неотмѣнно положилъ пріѣхать, когда войско остановится на первомъ обѣдѣ. Вы тутъ его смотрите, онъ пріѣдетъ съ тѣми, которые теперь при немъ находятся, а именно: Чика, Василій Коноваловъ

и Тимоѳѣй Мясниковъ. Теперь же велѣлъ у васъ попросить, чтобы прислали къ нему если можно двухъ, а нѣтъ такъ одного писаря для письма, да еще зипунъ хорошій, чтобы было ему въ чемъ явиться предъ войскомъ. Онъ сказывалъ, что у него ничего нѣтъ и что онъ весь тутъ въ чемъ его видите, то-есть зипунъ крестьянскій и рубашка толстая.

Пока Почиталинъ разсуждалъ о томъ, кого бы изъ грамотныхъ людей послать къ Пугачеву, пришелъ къ нему и Мясниковъ.

— Чѣмъ далеко ходить да искать, говорилъ Фофановъ,—у тебя есть свой грамотѣй, сынъ Иванушка, такъ пошли ты его.

— И впрямь такъ, подхватили Плотниковъ и Мясниковъ, — чего же лучше, благословясь и посылай съ Богомъ.

— Какъ его послать, отвѣчалъ Яковъ Почиталинъ,—онъ человѣкъ еще молодой, небывалый при такихъ дѣлахъ, гдѣ ему справиться.

— Вотъ пустяки какіе, какъ не справится, вѣдь на немъ государь строго взыскивать не будетъ, онъ знаетъ, что сынъ твой въ такихъ дѣлахъ небывалый; онъ же человѣкъ молодой, такъ лучше и скорѣе понаторѣетъ, а за то, самъ ты знаешь, будетъ человѣкъ и не будетъ оставленъ.

Послѣднія слова льстили самолюбію Почиталина-отца, и онъ рѣшился отправить сына, «давъ ему, говорилъ онъ,—чистое свое родительское благословеніе, приказывая вѣрно служить государю и все дѣлать, что̀ заставитъ, учиться къ добру и привыкать къ дѣламъ».

— Вотъ тебѣ бумажный человѣкъ, сказалъ Яковъ Почиталинъ, обращаясь къ Мясникову,—отвези его къ государю; теперь что-ли ты его съ собою возьмешь?

— Пускай ѣдетъ въ Сластины зимовья, отвѣчалъ Мясниковъ,— и тамъ меня дожидается.

Молодой Почиталинъ выѣхалъ изъ городка съ Васпліемъ Плотниковымъ, опасавшимся преслѣдованій Бородина и рѣшившимся также побывать у государя.

Вмѣстѣ съ сыномъ Почиталинъ послалъ зипунъ новый, зеленый съ золотымъ позументомъ, бешметъ подержанный, кушакъ шелковый хорошій, да шапку бархатную черную, съ приказаніемъ

все это вручить государю съ пожеланіемъ, «чтобъ онъ изволилъ носить оное на здравіе».

— Смотри же, Иванушка, говорилъ Почиталинъ сыну,—какъ придешь предъ государя, то поклонись въ землю, стань предъ нимъ на колѣни, поцѣлуй ручку и называй его ваше величество.

Съѣхавшись на Сластиныхъ зимовьяхъ, Плотниковъ, Мясниковъ и молодой Почиталинъ отправились на Усиху, гдѣ увидѣли, что для самозванца была разбита близъ рѣки палатка, и станъ его увеличился прибытіемъ нѣсколькихъ новыхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и татары Идеркей Алметьевъ, извѣстный подъ именемъ Идорки, сынъ его Болтай, Барынъ Мусаевъ, котораго казаки называли Баранка, и Аманычъ.

Мясниковъ приказалъ своимъ спутникамъ слѣзть съ лошадей и, введя ихъ въ палатку, представилъ самозванцу. Плотниковъ и Почиталинъ стали на колѣни и поцѣловали руку Пугачева.

— Вотъ, ваше царское величество, сказалъ Мясниковъ, указывая на Почиталина, — этотъ яицкій казакъ грамотный человѣкъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ, будь при мнѣ и пиши что я велю.

— Ваше величество, я пишу худо, отвѣчалъ робко Почиталинъ.

— Ничего, письма будетъ мало; ты человѣкъ еще молодой, выучишься; послужи мнѣ вѣрою и правдой, я тебя не оставлю.

Молодой Почиталинъ повиновался, и передалъ Пугачеву зипунъ, бешметъ, кушакъ и шапку.

— Кто это мнѣ прислалъ? спросилъ самозванецъ.

— Это мое, отвѣчалъ Почиталинъ, — я симъ вашему величеству кланяюсь.

— Благодарствую.

— Что обо мнѣ въ городѣ говорятъ? спросилъ Пугачевъ, обращаясь къ старику Плотникову.

— Происходятъ, надежа-государь, о васъ многіе толки, однакоже многіе соглашаются васъ принять.

По окончаніи аудіенціи, Мясниковъ, все время ѣздившій изъ

города въ станъ самозванца и обратно, просилъ у Пугачева позволенія отправиться опять въ городокъ, чтобы сшить себѣ сапоги.

— А еще чеботарь, говорилъ, шутя, самозванецъ, — а безъ сапоговъ; да полно, ѣздить-ли тебѣ и не лучше-ли здѣсь остаться.

— Я, ваше величество, только сошью сапоги и тотчасъ же вернусь къ вамъ.

— Ну, какъ хочешь, поѣзжай себѣ.

Пріѣхавъ домой, Тимоѳѣй Мясниковъ нашелъ въ слезахъ всѣхъ своихъ домашнихъ.

— Что ты, проклятый, надѣлалъ, напустилась на него мать,— вѣдь тебя ищутъ и вмѣсто тебя взяли больного меньшого брата Гаврилу. Мы про тебя сказали, что ты съ Иваномъ на зимовьѣ.

Тимоѳѣй Мясниковъ догадался тогда, что Пугачевъ открытъ, что за нимъ будетъ погоня [1]).

Скрывшись у казака Лукманова и узнавъ, что въ городкѣ находится Степанъ Кожевниковъ, Мясниковъ послалъ за нимъ дочь Лукманова, чтобъ она позвала его къ отцу. Кожевниковъ отправился къ Лукманову, и когда взошелъ на дворъ, то посланная, указавъ рукой на избную подволоку, направила туда Кожевникова.

— Поди туда, сказала она, — тамъ лежитъ Тимоѳѣй Мясниковъ, онъ, а не отецъ меня къ тебѣ посылалъ.

— Бога ради, упрашивалъ Мясниковъ,—поѣзжай, братъ, скорѣе на Усиху увѣдомить государя и скажи, что Мартемьянъ Бородинъ выступилъ въ походъ для поимки его. Смотри же, Степанушка, поспѣшай туда проворнѣе, не погуби всѣхъ насъ, вѣдь и вамъ бѣда будетъ за то, что вы держали его у себя.

Степанъ Кожевниковъ тотчасъ же осѣдлалъ лошадь и поскакалъ на Усиху предупредить государя и своихъ товарищей объ угрожающей имъ опасности.

---

[1]) Показанія казаковъ: Якова Почиталина, Василія Плотникова, Кузьмы Фофанова, Ивана Почиталина и Тимоѳея Мясникова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, д. №№ 505, 506 и 512.

XII.

Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ поимкѣ Пугачева. — Арестованіе Михаила Кожевникова. — Бѣгство самозванца съ Усихи въ Толкачевы хутора.— Прибытіе на Усиху посланнаго отъ киргизскаго хана. — Пребываніе Пугачева въ Толкачевыхъ хуторахъ. — Первый манифестъ самозванца.

Съ 9 сентября старшинская партія и комендантъ полковникъ Симоновъ знали, что около Яицкаго-городка «въ степныхъ мѣстахъ» скрывается Пугачевъ и выдаетъ себя за императора Петра III, но гдѣ именно онъ основалъ свое мѣстопребываніе никакъ разузнать не могли. Болтливость пьянаго казака Кочурова вывела ихъ изъ затруднительнаго положенія и навела на слѣдъ.

Пріѣхавъ первый разъ съ Усихи въ Яицкій-городокъ, Тимоѳѣй Мясниковъ встрѣтился съ казакомъ Петромъ Кочуровымъ и, между прочимъ, сказалъ ему, что когда войско выйдетъ на плавню, то государь явится и объявитъ всѣмъ указъ свой, и если атаманъ не согласится его принять и не послушаетъ указа, то будетъ связанъ, а государь вступитъ въ городокъ.

— Да вѣдь не одинъ атаманъ, замѣтилъ Кочуровъ, — а можетъ быть и казаки не согласятся его принять.

— Какъ его войску не принять, оно съ радостію его приметъ. Онъ хочетъ пожаловать каждому по двѣнадцати рублей денежнаго жалованья, да хлѣбнаго столько же и, сверхъ того, многія милости войску обѣщаетъ, а тѣмъ, которые не склонятся на его сторону, обѣщаетъ казнь. Надобно объ этомъ поговорить съ казаками и склонять ихъ къ нему. Разскажи-ка ты кое-кому и я буду разсказывать.

Вскорѣ послѣ этой встрѣчи, Кочуровъ, напившись пьянъ, отправился къ своему крестному отцу, отставному казаку Степану Кононову, пересказалъ ему всѣ слова Мясникова и просилъ совѣта, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ.

— Это дѣло важное, отвѣчалъ Кононовъ, — надобно бы было донести объ этомъ командирамъ.

— Да какъ донести, я и самъ не знаю, подлинный-ли онъ царь или другой какой человѣкъ. Я его не видалъ: какъ тутъ

объявишь! Можно напрасно пострадать, потому что къ этимъ словамъ сдѣлаютъ прицѣпку, а доказать мнѣ будетъ нечѣмъ. Я слышалъ отъ Мясникова, что онъ на Усихѣ; мѣсто не дальнее, можно было бы съѣздить и посмотрѣть, какой онъ подлинно человѣкъ.

— Ты вѣдь въ Петербургѣ не бывалъ и государя не видывалъ, такъ тебѣ скажутъ, что онъ подлинный государь, ты повѣришь и пристанешь къ нему, а потомъ какъ окажется, что какой-нибудь обманщикъ, то пропасть можешь. Будь онъ подлинный государь или неподлинный, а ѣхать туда все-таки не зачѣмъ и признать намъ его ни по чему не можно.

Принявъ совѣтъ крестнаго отца, Петръ Кочуровъ отмѣнилъ намѣреніе ѣхать на Усиху и пошелъ домой [1]); а Кононовъ въ тотъ же день донесъ полковнику Симонову, что близъ Яицкаго-городка появился государь и находится на рѣкѣ Усихѣ [2]). Симоновъ тотчасъ же отправилъ для поимки самозванца старшину Мартемьяна Бородина съ казаками и поручика Иглина съ нѣсколькими пѣхотными солдатами. Дойдя до Чаганскаго форпоста, Бородинъ и Иглинъ остановились и послали сотника Якова Витошнова на хуторъ Кожевникова, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ, гдѣ находится самозванецъ. Не найдя на хуторѣ никого, кромѣ Михайлы Кожевникова, сотникъ Витошновъ взялъ его и привезъ на Чаганскій форпостъ.

— Былъ у тебя сегодня Тимоѳѣй Мясниковъ? спросилъ Бородинъ.

— Нѣтъ, не былъ.

— Не слыхалъ-ли ты объ одномъ ворѣ, который называетъ себя государемъ, и не знаешь-ли гдѣ онъ теперь находится?

— Ничего знать не знаю, отвѣчалъ Михайло Кожевниковъ.

Бородинъ и Иглинъ отправились обратно въ Яицкій-городокъ, захвативъ съ собою Михайлу Кожевникова, а въ это время, окольными путями, скакалъ на хуторъ братъ его Степанъ. По-

---

[1]) Показаніе Петра Кочурова. Государств. Арх., VI, д. № 506.

[2]) Донесеніе Правительствующему Сенату московскихъ департаментовъ изъ управляющей войскомъ Яицкимъ комендантской канцеляріи 12 октября. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

слѣдній, узнавъ, что Михайло арестованъ, не хотѣлъ-было ѣхать на Усиху, но старикъ Шавариовскій заставилъ его дать знать объ этомъ самозванцу и его сообщникамъ.

— Что ты вздумалъ, говорилъ Шавариовскій,—хочешь что-ли погубить всѣхъ, скачи скорѣе.

Пріѣхавъ на Усиху 15 сентября, Степанъ Кожевниковъ нашелъ Пугачева ужъ одѣтымъ въ платье, привезенное ему Почиталинымъ и окруженнаго только девятью человѣками [1]).

— Меня прислалъ Мясниковъ сказать вамъ, объявилъ Кожевниковъ, — что старшина Бородинъ выступилъ уже въ походъ и чтобы вы отсюда убирались.

Пугачевъ растерялся; онъ бѣгалъ и кричалъ: «Казаки, на кони»! Обитатели Усихи быстро осѣдлали лошадей, оставили на мѣстѣ палатку, бывшіе у нихъ съѣстные припасы и, предводимые Зарубинымъ (Чикою), поскакали внизъ по рѣкѣ Усихѣ.

— Куда мы теперь поѣдемъ? спрашивалъ Пугачевъ, предполагавшій направиться въ глубь степи.

— Почто, бачка, говорилъ Идорка, — намъ по степи ѣздить, поѣзжайте лучше вы въ Бударинскія зимовья, на хуторъ къ Толкачевымъ, тамъ людей наберете, а я пойду къ татарскимъ кибиткамъ, скажу о васъ своей братіи татарамъ, наберу себѣ людей, выѣду съ ними на дорогу и буду васъ ожидать. Если вы пойдете въ городокъ, такъ мы васъ увидимъ и съ вами вмѣстѣ войдемъ; если же вы въ городокъ не пойдете, то и мы останемся въ своихъ кибиткахъ.

Зарубинъ (Чика) и Иванъ Почиталинъ поддержали совѣтъ Идорки.

— Ѣхать болѣе некуда, какъ на хуторъ Толкачевыхъ, сказали они. — Если тамъ удастся собрать столько людей, что можно будетъ появиться у городка, такъ и думать нечего: поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся на Узени.

— Сколько-бы на хуторъ людей ни собралось, мало или много, говорилъ Пугачевъ, — но непремѣнно надо ѣхать въ городокъ, и если удастся завладѣть имъ, то всѣхъ противниковъ нашихъ не-

[1]) Свиту Пугачева составляли: Зарубинъ (Чика), Алексѣй Кочуровъ, Козьма Кочуровъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Почиталинъ, Сидоръ Кожевниковъ, Василій Плотниковъ, Сюзюкъ Малаевъ и Идорка.

премѣнно перевяжемъ. А если удачи не будетъ и насъ мало будетъ, тогда бѣжать кто гдѣ спастись можетъ.

— Я думаю, продолжалъ Чика,—что когда мы подъѣдемъ къ Яицкому-городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда будетъ донесено, что были съ нами согласны.

— Мнѣ бы только набрать человѣкъ триста казаковъ, замѣтилъ Пугачевъ,—такъ и довольно бы было; мы пошли бы тогда прямо въ городокъ.

Итакъ, послѣ совѣщаній, Пугачевъ и его спутники отправились на хуторъ Толкачева [1]), находившійся верстахъ въ 40 отъ Усихи и во 100 верстахъ отъ Яицкаго-городка.

На мѣстѣ бывшаго стана остался одинъ только старикъ Василій Плотниковъ, для котораго не было лошади. Къ нему, вскорѣ послѣ отъѣзда Пугачева, пріѣхалъ изъ Киргизскихъ улусовъ посланный отъ Нуръ-Али хана. Кочуя въ степи, всего въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега рѣки Яика, и узнавъ о появленіи государя, Нуръ-Али ханъ, съ цѣлью убѣдиться въ справедливости слуховъ и дѣйствительно-ли появившійся есть истинный государь, отправилъ своего писаря, казанскаго татарина Забира, жившаго прежде въ Яицкомъ-городкѣ и бѣжавшаго въ улусы при приближеніи къ городку отряда генерала Фреймана. Съ Забиромъ были отправлены ханомъ, по восточному обычаю, въ подарокъ Пугачеву: сабля, чаканъ (маленькій топорикъ, оправленный серебромъ), бухарскій шелковый халатъ и гнѣдая лошадь. Прибывъ въ аулъ Токай, находившійся въ 25 верстахъ отъ рѣки Усихи, Забиръ просилъ яицкаго казака (изъ туркменъ) Уразгильда Аманова, бывавшаго нѣсколько разъ у Пугачева, проводить его въ станъ самозванца. Прибывъ на Усиху, они нашли тамъ палатку, въ которой жилъ Пугачевъ, пустою и расположились ночевать. На утро они узнали отъ бродившаго возлѣ стана казака Василія Плотникова, что Пугачевъ и его спутники уѣхали внизъ по рѣкѣ Усихѣ. Едва только успѣли они осѣдлать лошадей, какъ въ степи показалась

---

[1]) Показанія казаковъ: Василія Коновалова и Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д., №№ 505 и 512. Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Тамъ же, дѣла №№ 506 и 512.

команда, посланная изъ Яицкаго-городка въ погоню за Пугачевымъ.

Доставленный Симонову казакъ Михайло Кожевниковъ былъ подвергнутъ допросу, сначала отговаривался полнымъ невѣдѣніемъ, но подъ плетьми принужденъ былъ сказать правду. Допросъ его записывали и дополняли часа четыре, а затѣмъ стали собирать команду. Назначивъ 30 человѣкъ казаковъ при двухъ сотникахъ и поручивъ ихъ сержанту Долгополову, полковникъ Симоновъ отправилъ его на Усиху съ приказаніемъ, захватить и привести въ городокъ Пугачева и его сообщниковъ. Долгополовъ съ сотниками торопились исполнить приказаніе, но какъ до стана самозванца было далеко, то почти у половины казаковъ лошади пристали. Оставивъ ихъ на дорогѣ, Долгополовъ двинулся далѣе и видѣлъ, какъ Забиръ и Амановъ ускакали въ степь. Въ покинутомъ станѣ самозванца прибывшіе нашли только казака Плотникова, который объявилъ, что самозванецъ еще наканунѣ, со всѣми бывшими при немъ казаками, уѣхалъ внизъ по рѣкѣ Усихѣ.

— Много-ли съ самозванцемъ людей? спрашивалъ Долгополовъ.

— Человѣкъ до ста будетъ, отвѣчалъ Плотниковъ.

Долгополову показалась цифра эта слишкомъ преувеличенною, и онъ сталъ бить Плотникова плетью. Послѣдній подъ ударами показывалъ, что у Пугачева только двѣнадцать человѣкъ казаковъ, а потомъ сказалъ, что при немъ находится столько же татаръ.

— Изо всего видно что ихъ много, говорилъ Долгополовъ сотникамъ,—и моей силы недостаточно, чтобъ ударить на нихъ.

Онъ рѣшился остаться на мѣстѣ и отправить нарочнаго къ полковнику Симонову съ просьбой прислать ему подкрѣпленіе, съ которымъ онъ могъ бы сдѣлать поискъ съ полнымъ успѣхомъ. Посланный съ этою цѣлью въ Яицкій-городокъ казакъ Тиминъ двое сутокъ не возвращался. Долгополовъ стоялъ на Усихѣ въ ожиданіи подкрѣпленія, а Пугачевъ и его сообщники спокойно приводили въ исполненіе свое намѣреніе [1]).

[1]) Показанія казаковъ: Зарубина (Чики), Михаила Кожевникова, Степана Кожевникова, Василія Коновалова, Ивана Почиталина, Михаила Ерыклинцова и татарина Уразгильда Аманова. Госуд. Арх., VI, д. №№ 467, 505 и 506.

— Мы ѣдемъ на хуторъ къ Толкачеву, чтобы собирать казаковъ, говорилъ Пугачевъ, обращаясь къ Чикѣ (Зарубину) и Ивану Почиталину,—а у насъ нѣтъ ничего письменнаго, чтобы мы могли объявить народу. Ну-ка, Почиталинъ, напиши хорошенько.

Казаки одобрили мысль самозванца и всѣ остановились въ полѣ; Почиталинъ слѣзъ съ лошади и расположившись на землѣ, принялся за работу. Никто не давалъ ему совѣта, и пока составлялась желанная бумага, всѣ стояли молча въ отдаленіи. Кончивъ писать, Почиталинъ прочелъ вслухъ составленное имъ воззваніе и заслужилъ всеобщее одобреніе.

— Ты, братъ, Почиталинъ, гораздъ больно писать, замѣтили казаки.

— Это манифестъ, отвѣчалъ ободренный секретарь,—и вашему величеству необходимо подписать его.

— Нѣтъ, подпиши ты самъ, а я до времени подписывать не буду. До самой Москвы мнѣ подписывать невозможно, для того, что не надобно мнѣ казать свою руку, и есть въ ономъ великая причина.

Почиталинъ подписалъ, и всѣ тронулись въ путь. Не доѣзжая до Толкачевыхъ хуторовъ, Пугачевъ отправилъ впередъ Почиталина съ тѣмъ, чтобъ онъ спросилъ Толкачевыхъ, примутъ-ли они гостей. Секретарь поскакалъ, и скоро возвратился.

— Что, примутъ меня? спросилъ Пугачевъ.

— Я только Петру Толкачеву объявилъ, отвѣчалъ Почиталинъ,—что ѣдетъ къ вамъ на хуторъ государь, такъ примете-ли его, на что онъ мнѣ сказалъ: добро пожаловать, мы примемъ его съ радостью.

Пріѣхавъ около полуночи 15 сентября на хуторъ Михайлы Толкачева, самозванецъ и его спутники не застали дома хозяина, а нашли брата его Петра, которому Чика и объявилъ, что царь желаетъ, чтобы къ нему собрались всѣ казаки, жившіе въ окрестностяхъ.

— Поди же, Толкачевъ, говорилъ Чика,—и скажи объ этомъ своимъ сосѣдямъ.

Петръ Толкачевъ хоть и обѣщалъ исполнить просьбу, но Зарубинъ (Чика), не надѣясь на его содѣйствіе, въ ту же ночь от-

правилъ нѣсколькихъ человѣкъ и пошелъ самъ по хуторамъ созывать народъ къ дому Толкачева, причемъ всѣмъ говорилъ, что причина ихъ призыва будетъ объявлена такимъ лицомъ, отъ котораго зависитъ ихъ благополучіе.

Къ утру 16 сентября собралось человѣкъ 30—40, въ числѣ которыхъ были русскіе бѣглые, казаки и калмыки.

Тѣ, которые пришли очень рано утромъ, успѣли пробраться въ домъ Толкачева и нашли Пугачева сидящимъ за столомъ, а возлѣ него свиту, стоящую въ отдаленіи.

— Опознайте меня, говорилъ самозванецъ входящимъ,—и не думайте, что я умеръ. Вмѣсто меня похоронили другого, а я одиннадцатый годъ странствую.

Пришедшіе съ любопытствомъ смотрѣли на Пугачева и затѣмъ, по приказанію Чики (Зарубина) и вмѣстѣ съ нимъ отправились на сборное мѣсто, гдѣ собирались казаки, неуспѣвшіе пробраться въ хоромы Толкачева.

— Зачѣмъ ты насъ созвалъ? спрашивали собравшіеся Чику,— и кто съ тобою незнакомый намъ человѣкъ?

— Братцы, отвѣчалъ Чика,—намъ свѣтъ открылся, государь, третій императоръ Петръ Ѳедоровичъ съ нами присутствуетъ.

Съ удивленіемъ слушали собравшіеся рѣчь Чики и съ почтеніемъ встрѣтили Пугачева, вошедшаго въ средину толпы.

— Я вашъ истинный государь, говорилъ онъ; — послужите мнѣ вѣрою и правдою, и за то жалую васъ рѣкой Яикомъ, съ вершины до устья, жалую морями, травами, денежнымъ жалованьемъ, хлѣбомъ, свинцомъ, порохомъ и всею вольностію. Я знаю, что вы всѣмъ обижены, что васъ лишаютъ привилегій и истребляютъ вашу вольность. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность и дать вамъ благоденствіе. Я васъ не оставлю и вы будете у меня первые люди.

Всѣ присутствовавшіе пали на колѣни.

— Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови, слышались голоса.—Не только мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь Богъ привелъ намъ тебя, государя, видѣть и мы всѣ служить тебѣ готовы.

Пугачевъ приказалъ принести образъ и привелъ всѣхъ къ присягѣ, состоявшей въ безмолвномъ цѣлованіи креста безъ Евангелія.

— Есть ли у васъ, други мои, лошади? спросилъ Пугачевъ.

— Есть, отвѣчали собравшіеся.

— Ну, теперь, дѣтушки, поѣзжайте по домамъ и разошлите отъ себя по форпостамъ нарочныхъ съ объявленіемъ, что я здѣсь.

— Все исполнимъ, батюшка, и пошлемъ какъ къ казакамъ, такъ и къ калмыкамъ.

— Завтра же рано, сѣвъ на кони, пріѣзжайте всѣ сюда ко мнѣ. Кто не пріѣдетъ, тотъ моихъ рукъ не минуетъ.

— Власть твоя, что хочешь то надъ нами и сдѣлаешь...

Толпа разошлась, а на другой день собралась вновь и была усилена казаками, прибывшими съ Кожехаровскаго и Бударинскаго форпостовъ. Такимъ образомъ, къ утру 17 сентября свита Пугачева возросла до 80 человѣкъ вооруженныхъ. Выйдя къ собравшимся и обратившись къ Ивану Почиталину, самозванецъ велѣлъ ему прочитать манифестъ или, лучше сказать, воззваніе къ Яицкому войску.

— Слушайте, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ,—что̀ будетъ читать вамъ Почиталинъ; будьте мнѣ вѣрны и усердны, а я васъ буду жаловать.

Почиталинъ развернулъ бумагу и прочелъ слѣдующее [1]):

«Самодержавнаго императора нашего, великого государя
Петра Ѳедоровича всероссійскаго
і прочая, і прочая, і прочая

«Во имянномъ моемъ указе изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и отцы ваши, такъ и вы послужите за свое отечество мне великому государю императору Петру Ѳедоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и нисточитъ ваша слава казачья отъ

[1]) Арх. Главн. Штаба, книга № 1. «Секретныя бумаги и манифестъ Пугачева».

нынѣ и до веку и у дѣтей вашихъ; будете мною великимъ государемъ, жалованы казаки, калмыки и татары. И которые мнѣ государю, императорскому величеству Петру Ѳедоровичу, винныя были, и я государь Петръ Ѳедоровичъ во всехъ винахъ прощаю и жалую я васъ: рякою съ верьшинъ и до усья и землею, и травами и денежнымъ жалованьямъ, и свинцомъ и порахамъ и хлѣбнымъ провіянтамъ, я, великій государь императоръ, жалую васъ Петръ Ѳедоровичь. 1773 году сентября 17 числа».

Во все время пока Почиталинъ читалъ, собравшіеся стояли съ поднятыми кверху руками.

— Ну что, хорошо? спросилъ самозванецъ по окончаніи чтенія,—все ли вы слышали?

— Хорошо, отвѣчала толпа;—мы все слышали и служить тебѣ готовы. Поведи насъ, государь, куда тебѣ угодно, мы вамъ поможемъ.

Пугачевъ приказалъ развернуть знамена, которыхъ было приготовлено штукъ пять разныхъ цвѣтовъ съ нашитыми на нихъ осьмиконечными крестами. Всѣ знамена до сихъ поръ тщательно скрывались и потому были измяты и безъ древковъ; казаки кое-какъ разгладили полотно знаменъ, прикрѣпили ихъ къ копьямъ и, сѣвъ на лошадей, двинулись по направленію къ Яицкому-городку. Впереди всѣхъ ѣхали знаменосцы [1]), за ними Пугачевъ со своими близкими, а затѣмъ въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовала пристававшая къ нему толпа. По всѣмъ близлежащимъ хуторамъ были разосланы гонцы собирать людей къ государю....

---

[1]) Знамена несли казаки: Ѳедоръ Бурнинъ, Максимъ и Иванъ Морковцевы, Алексѣй Кочуровъ и одинъ калмыкъ.

XIII.

Положеніе края.—Характеръ населенія.—Число жителей. — Оборонительныя средства края.—Неудовольствіе башкирцевъ и всѣхъ вообще магометанъ.—Прокламація Батырши.—Возстаніе въ Башкиріи въ 1755 году.—Усмиреніе возстанія.—Надежды башкирцевъ на улучшеніе ихъ положенія въ будущемъ.

Обстоятельства сложились такъ, что край, въ которомъ развернулось впервые знамя возстанія, представлялъ всѣ данныя для быстраго комплектованія толпы мятежниковъ и развитія мятежа. Начавшись въ предѣлахъ Яицкаго (Уральскаго) войска, входившаго въ составъ Оренбургской губерніи, и распространяясь потомъ во всѣ стороны, возстаніе охватило часть Астраханской и всю Казанскую губернію.

Всѣ эти губерніи, при значительности своего территоріальнаго пространства, имѣли весьма рѣдкое населеніе [1]). *Казанская губернія* въ административномъ отношеніи дѣлилась на шесть провинцій: 1) Казанскую [2]); 2) Свіяжскую [3]); 3) Пензенскую [4]); 4) Симбирскую [5]); 5) Вятскую [6]) и 6) Пермскую [7]). Во всѣхъ этихъ провинціяхъ по переписи, произведенной въ маѣ 1767 года, считалось 1,257,636 человѣкъ мужчинъ и 1,199,295 женщинъ [8]). Сверхъ того, въ разныхъ мѣстахъ губерніи были поселены отставные солдаты въ числѣ 7,235 человѣкъ мужчинъ и 6,602 женщины [9]) и, наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу губерніи жили башкиры, численность которыхъ опредѣлить весьма

---

[1]) См. прилагаемую при семъ карту.

[2]) *Въ Казанской провинціи* были города: Уржумъ, Мензелинскъ, Лаишевъ, Старо и Ново-Шешминскъ. Безъуѣздные, уничтоженные по указу 11 октября 1766 года: Билярскъ, Заинскъ, Арскъ, Маинскъ, Малмыжъ, Тетюши, Тиинскъ и Алатъ.

[3]) *Въ Свіяжской*—Чебоксары, Цивильскъ, Козьмодемьянскъ, Яранскъ, Царевококшайскъ и упраздненные: Царевосанчуръ, Кокшайскъ и Василь.

[4]) *Въ Пензенской*—Саранскъ, Петровскъ и уничтоженный Мокшанскъ.

[5]) *Въ Симбирской*—Сызрань и Самара.

[6]) *Въ Вятской*—Слободской, Котельничій, Орловъ; упраздненные: Кайгородокъ и Шестаковъ.

[7]) *Въ Пермской*—Соликамскъ и упраздненный Чердынь.

[8]) См. приложеніе № 1-й.

[9]) См. приложеніе № 2-й.

трудно, такъ какъ бо́льшая часть Башкиріи находилась въ предѣлахъ Оренбургской губерніи и имѣла своего управителя, обязаннаго вести счетъ всему населенію.

Оренбургскую губернію составляли: 1) *Оренбургскій дистрикт (уѣздъ)*, къ которому принадлежали: Илецкая крѣпость, Сакмарскій-городокъ, Зеланрская крѣпость, Яицкій казачій городокъ со всѣмъ Яицкимъ (Уральскимъ) казачьимъ войскомъ и бугульминская земская контора, съ подчиненными ей слободами по большой московской дорогѣ; 2) *Уфимская провинція*, состоявшая изъ Башкиріи и уѣздовъ: Бирскаго, Мензелинскаго, Осинскаго и Куртамышскаго; 3) *Исетская провинція*, въ которую входили: часть Башкиріи, Исетскій, Шадринскій и Окуневскій уѣзды и, наконецъ, 4) *Ставропольская провинція*, населенная по преимуществу калмыками. Въ южной части губерніи кочевали киргизъ-кайсаки и каракалпаки.

Населеніе Оренбургской губерніи было крайне разнообразно и состояло преимущественно изъ инородцевъ и кочевниковъ, заводскихъ крестьянъ, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, искавшихъ свободы, раскольниковъ, скрывавшихся отъ преслѣдованія и казаковъ, поселенныхъ на окраинахъ и въ разныхъ пунктахъ внутри губерніи, носившихъ общее названіе крѣпостныхъ казаковъ, а въ частности называвшихся по именамъ городовъ и крѣпостей, возлѣ которыхъ были поселены [1]).

---

[1]) Такъ, въ окрестностяхъ Оренбурга жило 1,094 человѣка мужскаго пола оренбургскихъ казаковъ. *По рѣкѣ Яику (Уралу)* жили казаки: бердинскіе (103 чел. муж. п.), орскіе (50 чел.), ильинскіе (24 чел.), верхне-озерные (50 чел.), чернорѣчинскіе (50 чел.), татищевскіе (50 чел.), нижне-озерные (89 чел.), разсыпные (50 чел.). *По рѣкѣ Самарѣ*: переволоцкіе (50 чел.), новосергіевскіе (50 чел.), сорочинскіе (50 чел.), тоцкіе (50 чел.), бузулукскіе (50 чел.), борскіе (50 чел.), красносамарскіе (50 чел.), мочинскіе (100 чел.), алексѣевскіе (100 чел.), самарскіе (100 чел.) и ставропольскіе (50 чел.). *Въ Уфимской провинціи:* уфимскіе (150 чел.), нагайбакскіе (600 чел.), табынскіе (100 чел.), красноуфимскіе (300 чел.), елдятскіе (100 чел.). *Въ Исетской провинціи:* челябинскіе (403 чел.), міасскіе (200 чел.), эткульскіе (350 чел.), уйскіе (80 чел.), чебаркульскіе (300 чел.), санарскіе (50 чел.), коельскіе (124 чел.), кичигинскіе (94 чел.), еманжелинскіе (55 чел.) и чистоозерскіе (31 чел.). Казаки поселены были со всѣми семействами, и здѣсь приведена только численность казаковъ, находившихся на службѣ (См. экстрактъ казачьему войску, представленный графомъ П. И. Панинымъ Г. А. Потемкину, при письмѣ отъ 18 іюля 1775 г., за № 476. Московскій Арх. Глав. Штаба, опись 194, св. 7).

Разбросанные небольшими партіями, казаки эти несли почтовую повинность, содержали пикеты, охраняли города и такъ называемыя оборонительныя линіи отъ набѣговъ и грабежей кочевыхъ племенъ. Почти вся пограничная черта Оренбургской губерніи состояла изъ ряда крѣпостей, раздѣленныхъ на восемь дистанцій: 1) Самарскую [1]); 2) Сакмарскую [2]); 3) Нижне-Яицкую [3]); 4) Красногорскую [4]); 5) Орскую [5]); 6) Верхне-Яицкую [6]); 7) Верхне-Уйскую [7]) и 8) Нижне-Уйскую [8]).

Для защиты этихъ крѣпостей и вообще пограничной линіи, въ Оренбургской губерніи было прежде пять гарнизонныхъ баталіоновъ (3,863 чел.) и три драгунскихъ полка (2,856 чел.)—всего 6,719 человѣкъ. Бѣгство волгскихъ калмыковъ въ Зюнгарію и умноженіе набѣговъ киргизовъ показали правительству, что такого числа войскъ было недостаточно; что границу необходимо поставить «въ такое безопасное состояніе», чтобы хищные сосѣди нападать на нее «не отваживались». Военная коллегія считала необходимымъ укрѣпить по возможности большее число пограничныхъ селеній и на защиту ихъ употребить войска «такого рода и такого вооруженія, гдѣ какія по положенію земли, по нуждѣ и обстоятельствамъ имѣть и съ пользою употреблять можно». Главнѣйшій недостатокъ былъ въ подвижныхъ отрядахъ, такъ какъ гарнизонные баталіоны тронуться съ мѣста не могли, драгуны были разбросаны малыми частями по крѣпостямъ, пѣхоты было мало, а полевой артиллеріи совсѣмъ не было. Въ виду этого военная колле-

---

[1]) Самарская линія или дистанція состояла изъ крѣпостей: Красносамарской, Борской, Ольшанской, Бузулукской, Тоцкой, Сорочинской и Новосергіевской.

[2]) Сакмарская линія—изъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской.

[3]) Нижне-Яицкая линія—изъ крѣпостей: Чернорѣченской, Татищевой, Нижне-Озерной и Разсыпной.

[4]) Красногорская—изъ крѣпостей: Красногорской, Озерной, Ильинской и Губерлинской.

[5]) Орская—изъ крѣпостей: Орской, Таналыцкой, Уртазымской, Кизильской и Магнитной.

[6]) Верхне-Яицкая линія — изъ крѣпостей: Карагайской, Петропавловской, Степной и Подгорнаго редута.

[7]) Верхне-Уйская — изъ крѣпостей: Уклы-Карагайской, Петропавловской и Степной.

[8]) Нижне-Уйская — изъ крѣпостей: Троицкой, Каракульской, Круто-Ярской, Усть-Уйской и Звѣриноголовской.

гія всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 2 августа 1771 года [1]) испрашивала разрѣшеніе прибавить въ Оренбургскую губернію еще пять гарнизонныхъ баталіоновъ и сформировать три легкія полевыя команды (6-ю, 7-ю и 8-ю), составленныя изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Такимъ образомъ, для защиты Оренбургской губерніи предназначалось: 10 гарнизонныхъ баталіоновъ въ 8,040 человѣкъ и три легкія полевыя команды въ 1,623 человѣка—всего 9,663 человѣка. 31 августа 1771 года предположенія военной коллегіи были утверждены императрицею, но къ началу пугачевскаго бунта, части эти были едва только переформированы, но не обучены и не снабжены всѣмъ необходимымъ.

На всемъ пространствѣ Оренбургской губерніи число русскихъ, преимущественно заводскихъ крестьянъ, не превышало 200 т. душъ. Затѣмъ жили мещеряки, число которыхъ по тогдашнему исчисленію доходило до 15,517 душъ; калмыки—8,696 душъ, каракалпаки—30,000 кибитокъ; мордва—881 душа, черемисы—1,000 дворовъ, чуваши и вотяки—500 дворовъ и башкирцы—106,176 душъ. Въ юго-восточномъ углу губерніи прикочевывали и откочевывали киргизъ-кайсаки, приходили и селились въ разныхъ мѣстахъ губерніи: бухарцы, хивинцы, ташкентцы, туркмены, арабы и персіяне, но число ихъ было незначительно [2]).

Такимъ образомъ, бо́льшая часть Оренбургской губерніи была населена заводскими крестьянами, инородцами магометанами и башкирцами.

Подъ именемъ Башкиріи былъ извѣстенъ въ то время обширный край, который состоитъ нынѣ изъ губерній Оренбургской, Уфимской, половины Самарской и по уѣзду Вятской и Пермской губерній. Башкиры приняли русское подданство въ 1553 году, по покоренія царства Казанскаго. Зауральскіе башкиры находились

---

[1]) Докладъ этотъ мы сочли необходимымъ помѣстить въ приложеніи № 3-й, во-первыхъ, потому, что онъ ясно рисуетъ тогдашнее положеніе края и средства его обороны, а во-вторыхъ, какъ доказательство ничтожности боевыхъ средствъ, которыми могли располагать мѣстныя власти для подавленія возстанія.

[2]) См. Оренбургскую топографію Рычкова и «Экстрактъ историческій о башкирскомъ народѣ». Рукопись Императорской публичной библіотеки F. IV, № 44.

подъ властью сибирскихъ хановъ; жившими по рѣкамъ Бѣлой и Ику владѣли ханы казанскіе, а башкиры жившіе въ горахъ принадлежали ногайскимъ ханамъ. Въ первые годы подданства Россіи башкиры были народомъ самымъ смирнымъ, покорнымъ и безусловно исполнявшимъ всѣ требованія правительства. Они вѣрно служили противъ шведовъ и поляковъ, противъ турокъ и крымцевъ. Въ инструкціи, данной Кирилову, было сказано: «башкирцевъ отнюдь въ работу не наряжать и тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять, ибо-де они служатъ и служить имѣютъ безъ жалованья на своихъ лошадяхъ и съ своимъ ружьемъ». Ежегодно, въ лѣтнее время, они наряжались на службу по одному человѣку съ 5 или 6 дворовъ и употреблялись для разъѣздовъ въ крѣпостяхъ, а на зиму отпускались по домамъ. Въ административномъ отношеніи они дѣлились на четыре дороги, по которымъ были раскинуты ихъ селенія: на сибирскую, казанскую, осинскую и ногайскую. Башкирцы платили ясакъ (подать) лисицами и медомъ.

Для болѣе удобнаго управленія башкирцами и собиранія съ нихъ дани, въ 1574 году, былъ основанъ въ центрѣ ихъ жилищъ городъ Уфа и учрежденъ гарнизонъ. Башкирцы первое время не протестовали противъ такого распоряженія, но когда воевода Иванъ Ногай сталъ раздавать русскимъ поселенцамъ земли въ окрестностяхъ Уфы, башкирцы стали выражать свое неудовольствіе, видя въ такой раздачѣ посягательство на ихъ собственность. Правительство не обращало вниманія на протесты, и спустя десять лѣтъ въ Башкиріи явились поселенцы: татары, мещеряки, черемисы и проч., которымъ за ясакъ раздавались башкирскія земли. Въ Башкирію бѣжали также и русскіе люди: раскольники, крестьяне и прочій людъ, недовольный существовавшими тогда порядками. Всѣ они селились гдѣ хотѣли, но преимущественно группировались по сибирской дорогѣ, въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ.

Такой захватъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненіе кочевой жизни возбудили неудовольствіе башкирцевъ. Вспыхнулъ бунтъ, и башкирцы осадили Мензелинскъ. Возстаніе было подавлено и виновные казнены, но народное неудовольствіе не прекратилось.

Въ 1676 году старшина Сеитъ поднялъ вновь башкирцевъ и возстаніе не могло быть усмирено въ теченіе пяти лѣтъ; черезъ семь лѣтъ башкирцы снова возстали и желаніе отстоять свои права и возвратить потерянныя земли не прекращалось. Изъ мирныхъ и тихихъ, башкирцы постепенно переходили въ безпокойное и враждебное русскому правительству племя.

Поставленные надъ ними правители дѣлали все, что̀ могло усилить число недовольныхъ: оскорбляли религію и семейныя начала, посягали на ихъ собственность. Богатый край и руды привлекли вниманіе русскихъ людей, и съ 1734 года начинается даровая раздача башкирскихъ земель подъ горные заводы. Это распоряженіе и, вслѣдъ затѣмъ, заложеніе Оренбурга въ 1735 году, вызвало поголовное возстаніе башкирцевъ. Видя, что съ заложеніемъ Оренбурга и съ устройствомъ пограничной линіи по р. Яику (Уралу) ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями, башкирцы поднялись противъ русскаго правительства и были усмирены только черезъ шесть лѣтъ, въ 1741 году. Усмирявшему ихъ генералъ-лейтенанту кн. Урусову было повелѣно: «оныхъ противниковъ, на страхъ другимъ безъ всякой пощады предавать смерти и жилища ихъ разорять до основанія». Тѣхъ, которые будутъ пойманы, «по надлежащимъ разспросамъ, не державъ долго, казнить смертью». За это время, кромѣ убитыхъ на полѣ сраженія, башкирцы лишились 28,190 человѣкъ казненныхъ, запытанныхъ, умершихъ въ тюрьмахъ и розданныхъ въ рабство [1]). На ихъ территоріи было разорено 396 селеній, взято въ казну 12,283 лошади, 6,076 коровъ и овецъ и болѣе 10 т. руб., полученныхъ отъ продажи захваченнаго скота частнымъ лицамъ [2]).

Лучшимъ средствомъ для успокоенія башкирцевъ, и вообще инородцевъ, такъ называемаго, стараго Казанскаго царства, считалось распространеніе христіанства между жителями, и въ 1740 г. былъ отправленъ туда съ этою цѣлью, знаменитый впослѣдствіи, архипастырь Дмитрій Сѣченовъ. Какъ дѣйствовалъ этотъ пропо-

---

[1]) Въ томъ числѣ 2,082 женщины были отправлены внутрь Россіи на поселеніе и розданы помѣщикамъ.

[2]) «Оренбургская топографія». *Соч. Рычкова.* «Экстрактъ о Башкирскомъ народѣ». Рукопись Императорской публичной библіотеки, Е. IV, № 44.

вѣдникъ, можно видѣть изъ того, что, по его донесеніямъ, въ два года было обращено въ христіанство 17,362 человѣка, при весьма ограниченномъ числѣ священниковъ. Эта цифра показываетъ, что башкирцы и прочіе иновѣрцы принимали христіанство не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ, или изъ опасенія преслѣдованія. Такъ оно и было. По ходатайству Сѣченова, Сенатъ постановилъ, «чтобы принявшіе крещеніе холопи и крестьяне иновѣрныхъ землевладѣльцевъ, освобождались отъ крѣпостной зависимости, а если сами землевладѣльцы примутъ христіанство, то получаютъ по старому своихъ холопей и крестьянъ; чтобы принявшіе крещеніе освобождены были на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые должны быть разложены на оставшихся въ иновѣріи». Желая отдѣлить крещеныхъ отъ магометанъ, Сенатъ, по представленію Сѣченова, постановилъ: всѣхъ крещеныхъ оставить въ своихъ селеніяхъ, а иновѣрцевъ переселить въ другія мѣста и прибавилъ, что всѣ находящіеся подъ судомъ и въ тюрьмахъ, если пожелаютъ креститься, должны быть освобождены безъ всякаго наказанія. Населеніе крестилось толпами, а тѣ, которые не желали мѣнять религіи изъ-за личныхъ выгодъ, были крайне недовольны распоряженіемъ правительства. Некрещеные не желали платить за своихъ крещеныхъ собратій, бѣжали въ лѣса и оказывали сопротивленіе властямъ.

Ревнители магометанства и фанатики не могли перенести такого порядка вещей, не могли равнодушно смотрѣть на обращеніе въ христіанство своихъ собратій. Воспользовавшись тѣмъ, что православное духовенство заставляло часто башкиръ креститься силою, магометанскіе проповѣдники предсказывали въ будущемъ погибель народа и совѣтовали ему возстать въ защиту религіи. Они указывали башкирцамъ, что «россійскіе архіереи, попы и другіе насильствомъ, нападками, лукавствомъ и обманомъ по крайней возможности изъ магометанской вѣры въ христіанскій законъ обращаютъ, написывая имъ прошенія, якобы по ихъ просьбѣ и желанію написаны, къ которымъ и тамги (печати) прикладываютъ». Убѣждаемые своими единоплеменниками, башкирцы, принявшіе уже христіанство, приходили къ начальствующимъ лицамъ и просили позволенія возвратиться въ магометанство. Въ большинствѣ случаевъ, просьбы ихъ оставлялись безъ послѣдствій, но иногда про-

сители были преслѣдуемы и подвергались наказанію. Число недовольныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, тѣмъ болѣе, что въ 1754 году послѣдовало повелѣніе съ башкирцевъ ясака (подати) не брать, а въ замѣнъ того обязать ихъ покупать изъ казны соль, которую прежде они получали даромъ, изъ своихъ озеръ. Башкирцы заявили, что соль покупать они не желаютъ, а будутъ брать какъ было издревле, «изъ казны Господа Бога нашего». «И такія слова наши командиры не принимая, показывалъ Батырша [1]), старшинъ нѣкоторыхъ бранили, а нѣкоторыхъ по щекамъ били, за бороду таскали, а иныхъ въ городъ забирали и всячески мучили; того и смотрятъ, не проговорится ли кто въ чемъ и за то какую ни на есть на него вину наложить».

Зимою 1754 года былъ присланъ изъ Оренбурга въ Уфу генералъ-маіоръ Алексѣй Тевкелевъ, уговорить башкирцевъ покупать соль въ городахъ и объявить имъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ принуждены къ тому силою.

— За противныя ваши слова и поступки, говорилъ Тевкелевъ, бороды ваши уже щипаны, а далѣе въ чемъ проговоритесь или въ какую вину впадете, то и головы свои потеряете.

Башкирцы, послушавши совѣта Тевкелева, рѣшились подчиниться до времени распоряженіямъ правительства и стали покупать соль. Но затаенная злоба кипѣла въ народѣ и спокойствіе въ краѣ продолжалось недолго. Поводовъ къ возстанію было много, и къ вопросу религіозному примѣшивались безпорядки въ администраціи. Обиженные не получали удовлетворенія: «которое дѣло можно было въ одинъ день окончить — мѣсяцъ таскали; которое въ мѣсяцъ кончить было можно, ради взятокъ, годъ продолжали». Безъ взятокъ нельзя было начинать дѣло; пьяные командиры «людей саблями рубили и руки отрубали. Бѣдный народъ никакой себѣ подпоры и надежды не имѣетъ и суда просить способа не находитъ».

Среди такого положенія народа, въ Башкиріи распространился слухъ, что населеніе ногайской и сибирской дорогъ готовитъ лошадей и исправляетъ оружіе. Услышавъ объ этомъ, мещерякъ мулла

[1]) Государственный Архивъ, VII, д. № 1,781.

Абдула Мягзалдинъ (онъ же Батырша) отправился въ Исетскую провинцію въ деревню старшины Муселима, въ которой «напредь сего при наукахъ былъ». Получивши образованіе въ Каинской волости въ деревнѣ муллы Ильша, и потомъ продолжая заниматься изученіемъ основъ магометанской религіи, Батырша считался однимъ изъ ученѣйшихъ муллъ въ Башкиріи. Живя въ разныхъ деревняхъ, онъ обучалъ дѣтей, совершалъ богослуженіе и поучалъ своихъ соотечественниковъ, «дабы они повелѣнію Божескому повиновались и исполняли его, ибо насъ изъ небытія въ бытіе сотворилъ; также и законовѣдца нашего пророка заповѣди содержали и учениковъ его завѣщаніямъ послушны были». Проповѣди Батырши доставили ему извѣстность, и большинство муллъ, не рѣшаясь вступать съ нимъ въ споръ, благоговѣли передъ его ученостію.

Прибытіе Батырши въ Муселимову деревню было событіемъ и башкирцы толпами стекались, чтобы посмотрѣть на проповѣдника. Муселимъ устроилъ угощеніе и праздникъ для многочисленныхъ гостей. Народъ и муллы стали передъ Батыршею на колѣни «и кому что потребно было отъ божественнаго писанія спрашивали, и я бѣдный, говорилъ Батырша [1]), по своей наукѣ сколько знаю отвѣтствіе чинилъ, чѣмъ они довольны явились».

По окончаніи поученія подали кумысъ и компанія развеселилась. На сцену явились политическіе и общественные вопросы. Полупьяные гости вспоминали обиды и притѣсненія начальства, и говорили, что кромѣ Бога ни на кого надежды не имѣютъ.

— Соль брать изъ своихъ озеръ и звѣрей бить намъ запрещено, говорили башкирцы. Русскіе свойственниковъ нашихъ отъ вѣры отвратя крестили, наши дома разорили. Отъ командировъ и генераловъ никакой милости намъ нѣтъ, и непзреченныя тягости и затрудненія при нынѣшней государынѣ воспослѣдовали и болѣе терпѣть уже невозможно.

— Бываетъ-ли хуже того, спрашивали собравшіеся другъ друга, когда людей въ «сущую вѣру» вѣрующихъ въ невѣрующую вѣру обращаютъ? Что бы было, если бы наши мусульмане нѣсколькихъ

[1]) Госуд. Арх., VII, № 1,781.

россійскихъ людей силою въ законъ свой обратили и церкви ихъ разорили?

— Когда подданныхъ рабовъ утѣсняютъ, говорили башкирцы, никакого добра быть не можетъ. Когда государынина милость до рабовъ не ровна, и злодѣи по винамъ ихъ штрафованы не будутъ, а иновѣрнымъ рабамъ милостиваго призрѣнія не будетъ, то впредь ожидать намъ нечего и такимъ худымъ поступкамъ когда нибудь конецъ да будетъ.

— Нападки и утѣсненія, говорили болѣе благоразумные и старики, не отъ государыни, а отъ командировъ и генераловъ чинятся. Видите вы, что сей діаволъ и зломысленный генералъ (Неплюевъ), желая государыни прибыль чинить, въ милость придти и великій чинъ себѣ получить, подъ командою своею находящихся всякими мѣрами отягощаетъ, несклонныхъ (принять христіанство) склонными пишетъ и по принужденію тамги прикладывать велитъ. О нашемъ народѣ онъ государыню въ худое размышленіе приводитъ и своею глупостью на государыню злое имя налагаетъ. Онъ воровъ правыми дѣлаетъ, правыхъ — ворами, нежелающихъ—желающими, и такъ государынѣ доноситъ.

— Мы государыни не злословимъ, говорили собесѣдники, и со стороны государыни нашей ни о какомъ озлобленіи къ намъ не слыхано. Она правосудна, но правосудіе отъ нея не отошло и къ намъ не пришло.

— Нашимъ людямъ ногайской дороги всѣхъ труднѣе, пбо генералъ и мурза (А. Тевкелевъ) вблизи Оренбурга находящихся башкирцевъ мучили, все лѣто заставляя возить на свои дачи бревна, драни и лубье.

Башкирцы думали, какъ бы имъ избавиться отъ притѣсненій и довести о нихъ до свѣдѣнія государыни и рѣшили, что одно только возстаніе можетъ обратить на нихъ вниманіе правительства [1]).

— Станемъ и мы вѣру ихъ ругать, говорили они, въ свою обращать и имѣнія ихъ грабить. Слухъ объ этомъ и о причинѣ дѣлъ нашихъ дойдетъ до государыни, и тогда разсмотрѣніе съ правосудіемъ учинено будетъ.

---

[1]) Показаніе Батырши. Госуд. Арх., VII д., № 1,781.

Наслышавшись такихъ рѣчей, Батырша отправился въ деревню Салчугутъ, куда на свиданіе съ нимъ съѣхалось также отъ 60 до 70 человѣкъ. Здѣсь онъ увидѣлъ тоже всеобщее недовольство, и потому, возвратившись домой, сталъ думать, какъ бы вывести народъ изъ такого положенія и довести до свѣдѣнія государыни объ истинномъ положеніи дѣлъ. Отправить депутацію въ Петербургъ считалось дѣломъ невозможнымъ: надо было истратить много денегъ и достать паспорты, которыхъ начальство не дастъ. Примѣръ тому былъ передъ глазами: когда на мещеряковъ было наложено по 25 коп. дани, то они хотѣли ѣхать просить государыню сложить съ нихъ этотъ налогъ. Выбранные ими депутаты были переловлены и наказаны, а всѣ мещеряки оставлены въ подозрѣніи, какъ люди бунтующіе. То же самое было бы и съ башкирцами.

Сознавая это и не зная еще какъ помочь горю, Батырша, по его словамъ, началъ съ того, что пересталъ поучать народъ повиноваться властямъ, хотя и не проповѣдывалъ открытаго возстанія. Между тѣмъ, пріѣзжавшіе къ нему съ разныхъ концовъ Башкиріи для разъясненія религіозныхъ вопросовъ и споровъ по раздѣлу имѣнія, привозили извѣстія, что населеніе на столько возбуждено, что готовитъ оружіе. Однажды пріѣхалъ къ нему изъ-подъ Оренбурга Каргалинскій мулла Абдюсетъ, который также заявилъ, что и у нихъ башкирцы готовятъ оружіе.

— Какія у васъ еще вѣсти есть? спросилъ его Батырша.

— Ѣхавши изъ Оренбурга, отвѣчалъ мулла, по казанской дорогѣ спрашивалъ мещеряковъ, въ какомъ состояніи находятся, и на то отвѣчали они мнѣ, что которая сторона сильнѣе будетъ, той и держаться будемъ.

— А старшины ваши въ какомъ состояніи находятся — знаешь-ли?

— О состояніи и мнѣніи народномъ не знаю, только отъ своей деревни людей слышалъ, что старшина Сулейманъ говорилъ: ежели къ лѣсу и степямъ находящіеся народы соединясь возстанутъ, то намъ съ ними не соединиться невозможно будетъ.

— Самъ не говори ни о чемъ, просилъ Батырша муллу, —

другихъ людей разговоры со вниманіемъ слушай, и какое извѣстіе услышишь, съ крайнею поспѣшностію мнѣ объяви.

Отпустивъ домой муллу, Батырша поѣхалъ опять къ старшинѣ Муселиму.

— День за день добро-ли умножается или зло? спрашивалъ Батырша старшину.

— О чемъ ты спрашиваешь, отвѣчалъ Муселимъ, — самому тебѣ извѣстно, что отъ мученія невѣрныхъ затылокъ у меня переломился; чтобы Богъ и у нихъ затылокъ изломалъ и упованіе ихъ пресѣкъ. Изъ команды моей и изъ деревни Салчугутъ многихъ людей съ женами и дѣтьми коварствомъ и страхомъ отъ закона отвратили и разорили. Я состарился и силу мою истратилъ, служа повелѣніямъ государевымъ; исполняя указы, единовѣрныхъ моихъ кровь пролилъ и живота лишилъ, а напослѣдокъ, со стороны невѣрныхъ, нападки не только не прекращены, но умножились.

«Потомъ, показывалъ Батырша, того же лѣта, въ осеннее время и зимою со всѣхъ сторонъ пріѣзжіе, отъѣзжіе и мимоѣзжіе нѣкоторые люди, ради свиданія, ко мнѣ приходили; и такимъ образомъ у приходящихъ ко мнѣ людей у каждаго спрашивалъ и они говорили, что всѣ готовы, и въ будущее лѣто, когда зеленая трава будетъ, накормя лошадей, на кони сѣсть намѣрены; также, что между мещеряковъ слухъ носится, что когда окольные башкирцы на коней сядутъ, то и они готовы будутъ».

Будучи въ селеніи Орта, Оранской волости, Батырша слышалъ, что жители учатся стрѣлять, что они пріобрѣли большую опытность въ стрѣльбѣ изъ лука и умѣютъ бѣгать на лыжахъ такъ шибко, что самая легкая лошадь догнать ихъ не можетъ.

— Наши такъ мужественны, разсказывали Батыршѣ, — что когда въ прошлыхъ годахъ въ Гаинскую волость приходило до тысячи человѣкъ русскаго войска, и телѣгами окружась, яко въ крѣпости стояло, — то нашихъ 400 человѣкъ гаинцевъ стрѣлами и копьями крѣпость эту взяли, всѣхъ русскихъ побили и пушками ихъ овладѣли.

Разскащики увѣряли, что въ будущее лѣто безъ сраженія съ русскими не обойдется. Въ мартѣ 1755 года къ Батыршѣ пріѣхалъ съ ногайской дороги, изъ Кинчатской волости, посланный

съ письмомъ, въ которомъ предлагалось, «чтобы люди по должности своего закона о возвышеніи вѣры душою и имѣніемъ стараніе прилагали и ради закона Божія разжигались и дрались, и тѣмъ законъ свой исполняли и повелѣнія пророка». Въ письмѣ прибавлялось, что всѣ знатные люди о томъ стараніе имѣютъ.

— Не видно кѣмъ писано письмо, замѣтилъ Батырша посланному; — кто далъ тебѣ его?

— Мулла нашъ съ писаремъ два раза въ Оренбургъ ѣздили, отвѣчалъ посланный, — и по пріѣздѣ сіе письмо дали для передачи вамъ, но не объявили мнѣ отъ кого оно писано, только сказали, что по прочтеніи онъ скоро самъ спознать можетъ.

Батырша не могъ однакоже догадаться и видѣлъ только, что оно написано кѣмъ либо изъ ученыхъ людей. Письмо это произвело на него большое впечатлѣніе, и мечтая давно быть въ числѣ избавителей народа отъ притѣсненій, Батырша рѣшился стать во главѣ народнаго движенія. Онъ написалъ воззваніе, въ которомъ подробно изложилъ всѣ притѣсненія, которыя несутъ магометане и укорялъ тѣхъ, которые, отступивъ отъ вѣры отцовъ, приняли христіанство и стали сторонниками русскихъ. Сожалѣя о такомъ раздвоеніи націи, Батырша предсказывалъ погибель башкирскому народу.

«Какое благо, спрашивалъ онъ въ своемъ воззваніи [1]), и какой плодъ можетъ быть въ томъ народѣ, который между собою не имѣетъ союза, но гибели своей самъ причиною? Какой покой и какое благоденствіе тотъ народъ получитъ, который пребываетъ между невѣрными жилищами и имѣетъ поставленныхъ надъ собою нечестивыхъ старшинъ, вѣрность являющихъ невѣрнымъ, и оставя своихъ законныхъ правовѣрныхъ судей и ученыхъ людей, требуетъ суда отъ тѣхъ нечестивцевъ?..

«Всѣмъ вамъ вѣрнымъ, исповѣдующимъ единаго Бога, совѣтую отъ вышеписанныхъ дѣлъ и непотребныхъ дѣйствъ отстать, т.-е. съ невѣрными россіянами въ согласіи не быть, правовѣрныхъ не разорять и кровь ихъ не проливать, имѣнія не грабить и самихъ въ плѣнъ и слуги не имать. Невѣрнымъ россіянамъ

[1]) Государственный Архивъ, VII, дѣло № 1,781.

головами вашими во всякой службѣ, т.-е. *лопатничей работы* не быть и имъ, невѣрнымъ, городовъ не строить, ихъ отъ жила до жила и отъ города до города на подводахъ вашихъ не возить, ясака и фуража не давать и на земляхъ и водахъ, искони дѣдами и отцами вашими владѣемыхъ, имъ, невѣрнымъ, города, крѣпости и заводы строить воли не давать и въ другихъ службахъ имъ не находиться; къ поднятію руки имъ, невѣрнымъ, способа не давать и правовѣрный народъ отъ безчисленныхъ обидъ и налоговъ защищать; правой вѣрѣ нашей день отъ дня померцать и хулить не допускать. А о прежнемъ своемъ въ томъ прегрѣшеніи принесите ваше покаяніе и тѣмъ испросите оставленіе (грѣховъ) и возъимѣйте надежду на истиннаго великаго Бога, который щедръ и милостивъ, и можетъ намъ, правовѣрнымъ, во славу и возвышеніе вѣры нашей, изрядныхъ надъ нами духовныхъ опекуновъ опредѣлить, а имѣющихся у насъ, поставленныхъ отъ невѣрныхъ, нечестивыхъ старшинъ, изъ среды насъ извергнуть и намъ благословеніе, благодать, помощь и силу дать и день отъ дня правую нашу вѣру укрѣпить.

«Вы, други мои, вѣрные, чистую вѣру къ Богу имѣющіе, старайтесь, старайтесь и старайтесь; военныхъ лошадей и оружіе приготовляйте; сабли, копья, луки, стрѣлы и всякія къ тому принадлежности, по возможности своей, припасайте и Божію повелѣнію повинуйтеся.

«Попроси помощи и положа на него надежду нашу и упованіе, и представя ему ходатая, избраннаго пророка Магомета, оныхъ невѣрныхъ россіянъ разорять начнемте и ихъ изъ земли своей изженемъ и сгубимте. Въ жилищахъ своихъ мечети и училища построимъ и къ укрѣпленію правой нашей вѣры попечемся, ибо въ Казанской губерніи изъ бѣдныхъ нашихъ (магометанъ) Казанскаго, Симбирскаго и Свіяжскаго уѣздовъ 5,000 или болѣе человѣкъ отъ насилія и обидъ ихъ, невѣрныхъ, вѣру воспріяли, токмо изъ нихъ нѣкоторые оную притворно имѣютъ, а сердцемъ нашу вѣру держатъ. Они ждутъ, когда правовѣрные надъ ними, невѣрными, руку подымутъ, тогда и они, за ту же нашу правду головы положить и души испустить не оставятъ».

Стараясь доказать, что цѣль русскихъ состоитъ въ томъ,

чтобы уничтожить магометанство, построить города и крѣпости на земляхъ башкирцевъ и киргизъ-кайсаковъ, Батырша увѣрялъ своихъ единоплеменниковъ, что, для болѣе легкаго достиженія цѣли, русское правительство будетъ стараться произвести междоусобную вражду башкирцевъ съ киргизами. Прося не вдаваться въ обманъ, Батырша уговаривалъ не жалѣть жизни и имущества для защиты религіи и родины.

«Вы, вѣрующіе, писалъ онъ, не страшитесь, что насъ, правовѣрныхъ, мало, а ихъ, россіянъ, много и что мы противъ ихъ возстать не можемъ. Извольте знать и вѣдать, что я, Абдулла-Мягзалдинъ, всѣхъ четырехъ дорогъ народа правовѣрнаго состояніе и тайность развѣдалъ и позналъ; съ нѣкоторыми попечительными учеными, смышленными и подлыми людьми (простымъ народомъ) совѣтовалъ, и условясь, срокъ предположили, чтобъ въ семъ 1755 году послѣ праздника и розговѣнья нашего, т.-е. іюля 1-го числа, возстать, и послѣдуя стезямъ пророка нашего, повинуясь повелѣнію Божію, устроя себя въ военномъ оружіи, ихъ, невѣрныхъ россіянъ, разорить во славу Бога и возлюбленника его пророка приступимте, ибо во всѣ стороны письма и вѣсти отъ насъ разосланы, чтобы къ вышеупомянутому назначенному дню изготовились и выѣзжали».

Башкирцы стали готовиться къ возстанію, причемъ у многихъ являлся вопросъ, кто будетъ руководить этимъ движеніемъ? Люди болѣе опытные сознавали, что для успѣха дѣла необходимо избрать одного общаго начальника, уполномочить его и повиноваться ему. Они обращались за совѣтомъ къ Батыршѣ, спрашивали его мнѣнія.

«Ваше высокое попеченіе слыша, весьма радуемся, говорилось въ одномъ письмѣ [1]). Даруй истинный Боже, чтобы ваше попеченіе и стараніе по согласію съ успѣхомъ произошло. Съ ними, проклятыми невѣрными, давно брань чинить надобно было, ибо они обѣщаніе свое нарушили и по причинѣ того насъ, правовѣрныхъ, попрежнему въ благополучіи не содержали, а мы отъ нихъ къ избавленію, аще Богъ восхощетъ, помощь получимъ.

---

[1]) Переводъ татарскаго письма къ Батыршѣ отъ неизвѣстнаго лица. Госуд. Арх., VII, д. № 1,781.

«Въ 1168 году (1755) россійской государыни отъ правителей духовныхъ присланъ таковъ указъ, чтобы весь нашъ народъ отъ правовѣрія извергнуть, башкирцевъ, мещеряковъ и прочіе народы къ заводскимъ работамъ приписать, да прочія кромѣ сихъ матерій, слышанныя многія рѣчи есть.....

«Только надъ нами, правовѣрными, надобенъ властитель таковъ, который бы былъ исполненъ законнымъ искусствомъ, а ежели такого не будетъ, то какъ народы въ послушаніе приведемъ? ибо нѣкоторые нечестивые, препятствуя сему, могутъ имъ, невѣрнымъ, разгласить, а нѣкоторые восхотятъ и миръ учинить и тако то дѣло разсѣется. Посему надо въ собраніи присягу дать, да и къ властителю тому войска тысячъ до двѣнадцати и болѣе припасать и тѣхъ являющихся намъ противниковъ и имъ, невѣрнымъ, разгласителей прижать; самимъ идти и находиться въ страшныхъ (крѣпкихъ?) мѣстахъ, къ чему въ скорости и собираться въ надобныя мѣста надлежитъ, дабы не быть въ такомъ же состояніи, въ какомъ въ минувшихъ годахъ были, ибо въ минувшихъ годахъ нѣкоторые примирились, а нѣкоторые и не мирились. Однакоже они (русскіе) примирившихся купно и съ непримирившимися погубили и для того съ ними, невѣрными, въ миру (въ согласіи) пользы получить не можно, а надобно съ ними, аще Богъ восхочетъ, до воскресенія мертвыхъ брань имѣть».

Опасаясь несогласій и зная, что не только среди магометанскаго населенія края, но и среди самихъ башкирцевъ есть лица, преданныя русскому правительству и нераздѣляющія мысли о необходимости и пользѣ возстанія, Батырша совѣтовалъ пріѣзжавшимъ къ нему отложить срокъ, имъ же самимъ назначенный, и не начинать непріязненныхъ дѣйствій до его увѣдомленія.

— Пока потерпите, говорилъ онъ; я поѣду въ Оренбургъ, навѣдаюсь о тамошнихъ поведеніяхъ и тогда сношенія съ вами возъимѣю.

По дорогѣ въ Оренбургъ Батырша узналъ, что башкирцы ногайской дороги не послушали его совѣтовъ, убили всѣхъ присланныхъ отъ Кабинета для отысканія глины на фарфоровый заводъ, и возстали противъ русскихъ властей. Встрѣтивъ двухъ

башкирцевъ Бурзенской волости, Батырша разспрашивалъ ихъ о подробностяхъ возстанія.

— У насъ, говорилъ онъ, такой слухъ есть, что вашъ бурзенскій народъ весь разбѣжался, а вы какъ остались?

— Воры разбѣжались, а мы остались, отвѣчали башкирцы.

— Ворами вы называете тѣхъ, которые васъ обокравъ бѣжали.

— Нѣтъ, они ничего не крали, но ослушавшись повелѣній государыни, бѣжали.

— Отъ какого государева повелѣнія бѣжали, спрашивалъ Батырша.

— Заводскіе командиры имѣніе наше разграбили и надъ землями и водами, которыми мы владѣли, власть нашу отняли, женъ и дочерей при глазахъ нашихъ насиловали. Не стерпѣвъ такихъ мучительствъ, наши убили командира съ товарищами и бѣжали.

Батырша укорялъ собесѣдниковъ за то, что они называютъ такихъ людей ворами.

— Развѣ было, спрашивалъ онъ, повелѣніе государево насиловать женъ? Бороды ваши посѣдѣли, а умомъ вы слабы и въ словахъ вашихъ непристойны.

— Пріятель нашъ мулла, отвѣчали они, съ тобою говорить опасеніе имѣли, но теперь познали, что въ тебѣ есть разсужденіе и отъ тебя таить непристойно. Неоднократно народъ нашъ о нападкахъ того завода командира съ жалобою къ дьяволу мурзѣ (генералъ-маіору Тевкелеву) и генералу (Неплюеву) ѣздили, но никакой пользы не получили. И какую можемъ получить отъ нихъ пользу, когда они всѣхъ живущихъ возлѣ Оренбурга людей на своихъ работахъ замучили. Такимъ образомъ оставя, подобно раю, хорошія земли и воды, отцовъ и дѣдовъ нашихъ, народъ испугавшись принужденъ былъ бѣжать.

— Оставшіеся люди ваши въ какомъ нынѣ разсужденіи находятся?

— Господь знаетъ! Ежели народъ возстанетъ, то и мы къ нему пристанемъ, а если не возстанетъ, то все-таки намъ не возстать невозможно будетъ, потому что другъ на друга говорить станутъ и черезъ то многіе пойманы и истреблены будутъ.

Въ Оренбургѣ Батырша видѣлся съ ахуномъ Ибраимомъ, который также выражалъ печаль о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ мусульманамъ. Настроенный такимъ образомъ, Батырша возвратился домой и скоро къ нему явились депутаты изъ Кайлинской волости Казанской дороги съ просьбою о помощи.

— Нѣкоторые люди приказали васъ просить, говорили они, ради усиленія прислать намъ мещеряковъ.

— Возвратитесь домой, отвѣчалъ Батырша, и будьте готовы; нѣсколько людей пришлемъ.

Разославъ посланныхъ по мещерякскимъ деревнямъ, Батырша призывалъ къ себѣ отъ каждой по представителю.

— Вы призваны за тѣмъ, говорилъ онъ, чтобы сѣвъ на хорошихъ лошадей ѣхали въ Кайлинскую волость, повидались тамъ съ муллою, а затѣмъ собравъ народъ и посадя его на кони съ собою привели. Соединясь со всѣми мусульманами и уповая на Бога, на невѣрныхъ, которые нашихъ мусульманъ притѣсняли, нападеніе учините и вѣру нашу возвысить постарайтеся.

— За вѣру нашу, отвѣчали собравшіеся, души полагать будемъ и домой возвратившись къ тому приготовляться станемъ.

Возстаніе быстро распространилось по всей Башкиріи и вооруженныя шайки напали одновременно на нѣсколько крѣпостей и заводовъ. Грабя и разоряя все русское, башкирцы страшно свирѣпствовали: они рѣзали на куски тѣло каждаго несчастнаго, попавшагося въ ихъ руки. Окруживъ близъ Зелапрской крѣпости отрядъ капитана Шкапскаго, башкирцы уничтожили его до одного человѣка такъ, что когда пришла помощь, то на полѣ сраженія было найдено только нѣсколько раненыхъ лошадей, тѣла убитыхъ и звѣрски замученныхъ людей.

Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе: войскъ свободныхъ для дѣйствій у него не было и первое время онъ принужденъ былъ ограничиться обороною. Въ Оренбургской губерніи было тогда лишь нѣсколько гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ, разбросанныхъ по 42 крѣпостямъ и такого же числа редутамъ, составлявшимъ пограничную оборонительную линію отъ Каспійскаго моря и до Сибири, на протяженіи 1,800 верстъ. Предъидущія волненія припу-

дили губернатора поставить часть войскъ на частные заводы, для ихъ охраненія, и теперь тронуть эти войска не представлялось никакой возможности.

Будучи въ такомъ положеніи, Неплюевъ приказалъ выслать немедленно съ Яика 1,500 казаковъ, собралъ 650 крещеныхъ калмыковъ и 450 оренбургскихъ казаковъ. «Калмыки же некрещеные, какъ Правительствующему Сенату извѣстно, доносилъ онъ [1]), такого состоянія, что ежели ихъ въ самую Башкирь ввесть, то уже и къ непоколебавшимся отъ продерзостей невозможно будетъ ихъ удержать. Итакъ, неудобно ихъ инаково употреблять, какъ токмо въ такомъ случаѣ, когда-бъ которыхъ людей безъ разбору искоренять или бы противъ какой отдѣльной бунтовщичей партіи дѣйствовать».

Присоединивъ кавалерію къ тремъ полкамъ, собраннымъ изъ внутреннихъ крѣпостей, Неплюевъ сформировалъ нѣсколько отрядовъ и отправилъ ихъ на усмиреніе башкирцевъ, съ приказаніемъ, не щадить ни людей, ни жилищъ ихъ, для внушенія страха и уничтоженія возстанія въ самомъ его началѣ. Полкамъ Азовскому и Астраханскому драгунскимъ губернаторъ приказалъ подвинуться къ Мензелинску, а мещерякскимъ старшинамъ съ ихъ подвластными идти внутрь Башкиріи и усмирять возставшихъ [2]).

Узнавъ объ этомъ, Батырша хотѣлъ склонить на свою сторону вліятельнаго мещерякскаго старшину Яныша, но долго опасался вступить съ нимъ въ разговоръ. Янышъ былъ не расположенъ къ Батыршѣ за то, что послѣдній былъ выбранъ ахуномъ помимо желанія старшины. Человѣкъ дурной нравственности, Янышъ, по показанію Батырши, «никогда Богу не маливался; каждый годъ съ своими сотниками не по очереди людей въ походъ писалъ, которые должны были откупаться; вора не судилъ, истца мириться принуждалъ; гдѣ-бъ ни увидалъ красивую женщину, насильствомъ блудъ чинилъ; билъ людей, которые не хотѣли идти къ нему на судъ, а требовали суда ахуновъ и муллъ, судящихъ по книгамъ;

---

[1]) Въ рапортѣ Сенату отъ 26 августа 1755 г.

[2]) Рапортъ Неплюева Сенату 17 сентября 1755 г., Госуд. Арх., VII, д. № 1,781. См. также *Исторію Россіи* Соловьева, т. XXIII, 295.

если кого надобно было отослать къ муллам, то приказывалъ послѣднимъ рѣшать дѣло такъ, какъ ему хотѣлось». Такому человѣку проповѣдь Батырши была непригодна, и лишь только Янышъ получилъ приказаніе Неплюева двинуться противъ башкирцевъ, онъ сталъ собираться въ походъ. Попытки Батырши отклонить его отъ дѣйствія противъ единовѣрцевъ оказались тщетными.

— Самимъ вамъ извѣстно, говорилъ Батырша, что отъ злыхъ россіянъ мусульмане разными бѣдствіями отягчены и въ вѣрѣ, и въ свѣтскомъ житіи. Несчастный народъ какъ птицы, испугавшись кречета, отлетѣть изготовились. Сожалѣя тѣхъ бѣдныхъ мусульманъ не имѣешь-ли чего къ пользѣ вѣры посовѣтовать, чтобы невѣрнымъ отвѣтъ дать и ихъ отъ злыхъ нападковъ отвратить.

— Все знаю, отвѣчалъ Янышъ, нападки день ото дня умножаются: до сихъ поръ даромъ или за малыя деньги можно было доставать деготь, который для выдѣлки кожъ употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велѣли изъ городовъ рыбій жиръ брать и вмѣсто двухъ рублей двадцать издерживаемъ. Слухъ носится, что изъ правовѣрныхъ державъ должно прибыть войско: тогда и сдѣлаемъ дѣло.

— Отъ кого слышалъ?

— Говорили, отвѣчалъ Янышъ. Ежели Богъ оное упованіе наше исполнитъ, то что ни есть учинимъ. Токмо ежели со здѣшними малыми мусульманами возстать, то, подобнымъ песку, множеству невѣрныхъ войскъ отпоръ дать не можемъ. Всѣ тягости на насъ (мещеряковъ) лягутъ; башкирцамъ же ничего не будетъ, ибо они тотчасъ съ женами и дочерьми, взявъ съ собою на годъ провизіи, сядутъ на лошадей и какъ вѣтеръ перелетятъ.

— Ежели около насъ находящіеся, продолжалъ Батырша, степные и къ лѣсамъ живущіе башкирцы за вѣру возстанутъ, то одни мы, мещеряки, хотя и останемся, но изъ жилища нашего выдти способа не сыщемъ и драться съ многолюдными мусульманами не можемъ и кровь проливать за справедливость въ книгахъ нашихъ регула не сыщемъ.

— Если мусульмане усилятся и другихъ странъ войска прибудутъ, то мы соединимся съ ними; а теперь какая нужда, лучше подождать.

Батырша укорялъ Яныша въ невѣріи и назвалъ его лисицею, виляющею хвостомъ.

— Когда притѣсненія чинятся, говорилъ онъ, то потребно намъ, сходственно съ единовѣрцами, прилагать стараніе къ возвышенію вѣры нашей.

— Наставленія твои, отвѣчалъ Янышъ, по справедливости непротивны и никакого сомнѣнія въ нихъ нѣтъ какъ съ книгами, такъ и съ разумомъ, но у старыхъ людей есть пословица, которая съ книгами несходна. Я тебѣ говорю потерпи потому, что по тѣмъ твоимъ наставленіямъ въ дѣло вступить намъ еще рано; безвременное дѣло непристойно бываетъ. Ты своихъ рѣчей народу не разглашай, ибо народъ, что мухи, въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, туда и летятъ.

Батырша не утерпѣлъ; онъ продолжалъ разсылать свои воззванія и въ Оренбургѣ скоро узнали, что онъ главный агитаторъ возстанія. Неплюевъ обѣщалъ выдать тысячу рублей тому, кто доставитъ Батыршу живаго, и зная, что башкирцы возлагаютъ большую надежду на помощь киргизовъ, онъ самъ составилъ и отправилъ къ нимъ листы отъ имени оренбургскаго ахуна, уважаемаго киргизами. Въ разосланныхъ листахъ говорилось, что хотя защита магометанства весьма похвальна и пишущій радуется подвигу своихъ единовѣрцевъ, но какъ башкирцы народъ вѣроломный, то весьма опасно, чтобы получивши помощь отъ киргизовъ они не обратились потомъ на нихъ. «Таковые листы, пишетъ Неплюевъ [1]), посланный мной иногда нарочно обронивалъ, а иногда по дружбѣ и отдавалъ въ руки, и хотя сіе средство, употребленное мною, въ старшинахъ и ханѣ и имѣло желаемое дѣйствіе, но вообще въ народѣ не произвело успѣха; ибо тотъ киргизскій народъ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внималъ никакимъ увѣщаніямъ, а пользовался симъ случаемъ, чтобъ наживаться». Къ башкирцамъ было также отправлено воззваніе съ требованіемъ прекратить бунтъ, и послано письмо того же духовнаго лица. Въ письмѣ этомъ говорилось, что Ба-

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. Отечес. Записки 1825 г. ч. XXIV, стр. 273. Русскій Арх. 1871 года т. I. 674.

тырша прельститель и нарушитель ихъ покоя; что религіозное возстаніе безъ согласія всего духовенства противно корану, и что потому всѣхъ возставшихъ ожидаетъ одна гибель. Многіе послѣдовали этому совѣту и среди народа произошло разногласіе, доходившее до споровъ, вражды и даже непріязненныхъ дѣйствій. Въ такомъ положеніи башкирцы не могли противиться регулярнымъ войскамъ и огромными толпами бѣжали за рѣку Яикъ (Уралъ) къ киргизамъ. Они переправлялись черезъ рѣку, гдѣ только было возможно: у Магнитной, Кизильской и Зелаирской крѣпостей. Высланныя команды перехватывали ихъ на переправахъ, но башкирцы, кидая женъ, дѣтей, раненыхъ и убитыхъ, уходили въ глубь киргизскихъ степей. Въ нѣсколько дней ихъ ушло до 50,000 душъ. Неплюевъ требовалъ, чтобы киргизы выдали бѣжавшихъ мужскаго пола, а женъ, дочерей и все имѣніе бѣжавшихъ взяли бы себѣ. Киргизы воспользовались такимъ разрѣшеніемъ, и между двумя племенами произошло кровавое столкновеніе; обѣ стороны потеряли много убитыхъ и часть башкирцевъ стала возвращаться въ свои жилища. Ихъ велѣно было пропускать безъ затрудненія, чтобы возвратившись домой могли разсказать, какую надежду можно возлагать на киргизовъ. Обиженные башкирцы прислали депутатовъ къ Неплюеву съ заявленіемъ покорности и съ просьбою дозволить имъ отомстить киргизамъ. Оренбургскій губернаторъ не изъявилъ на то своего согласія, но переводчики, по указанію самого Неплюева, внушили депутатамъ, что губернатору нельзя согласиться, а если они разобьютъ киргизовъ, то губернаторъ не будетъ ихъ за то преслѣдовать. Башкиры переправились черезъ Яикъ (Уралъ) и стали опустошать киргизскіе аулы. Такой поступокъ, по мнѣнію Неплюева, положилъ «такую вражду между тѣми мятежными народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна» [1]).

Не всѣ однакоже башкирцы ушли отъ киргизовъ и многіе изъ нихъ, не возвращаясь домой, разбойничали вмѣстѣ съ киргизами. Неплюевъ отправилъ къ нимъ воззваніе, въ которомъ требовалъ возвращенія въ домы и обѣщалъ полное прощеніе, но башкирцы

[1]) Записки Неплюева. *Отечественныя Записки* 1825 года, ч. XXIV, стр. 286.

не возвращались. Тогда послѣдовалъ манифестъ, по которому былъ положенъ срокъ для возвращенія въ жилища: тѣмъ, которые хищничаютъ въ Башкиріи—два мѣсяца, а для бѣжавшихъ къ киргизамъ—шесть мѣсяцевъ [1]). Если бы и затѣмъ башкирцы не усмирились, то Сенатъ въ собраніи 12 сентября 1755 года постановилъ: всѣхъ башкирцевъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, сѣчь кнутомъ и ссылать въ работу въ Рогервикъ; годныхъ къ службѣ сѣчь плетьми и отправлять въ остзейскіе гарнизоны, а отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ—во флотъ. «А малолѣтнихъ отъ 12-ти лѣтъ и ниже съ матерьми ихъ, также и оставшійся женскій полъ, всѣхъ за надлежащимъ конвоемъ отправить въ Москву въ губернскую канцелярію, изъ которой роздать ихъ на состоящія внутри государства фабрики; а такихъ малолѣтнихъ же, у которыхъ матерей нѣтъ, раздавать и другимъ разнаго чина людямъ, кто ихъ взять пожелаетъ, и быть имъ у тѣхъ, кому розданы будутъ, вѣчно, равно какъ крѣпостнымъ, безъ положенія въ подушный окладъ, съ подтвержденіемъ, дабы какъ тѣ малолѣтніе, такъ и возрастные изъ женскаго пола въ вѣру греческаго исповѣданія приведены были». Такихъ женщинъ и дѣтей было отправлено въ Москву болѣе тысячи душъ. Но не смотря на это и на то, что главный ихъ проповѣдникъ Батырша бѣжалъ и потомъ былъ пойманъ [2]), башкирцы возвращались въ свои дома

---

[1]) Манифестъ отъ 1 сентября 1755 г. Государств. Архивъ, VII, дѣло № 1,781.

[2]) Вскорѣ послѣ объявленія Неплюевымъ награды за поимку Батырши, онъ получилъ письмо, въ которомъ его просили поберечь свою голову и знать, что для его поимки посланы особыя команды. Батырша съ нѣсколькими сообщниками бѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ и скрывался десять дней; потомъ перешелъ въ лѣсъ черемисскій. Проскитавшись такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ рѣшился выдти и пробраться въ Петербургъ, чтобы донести самой государынѣ о нуждахъ, претерпѣваемыхъ народомъ. Пробравшись въ Казанскій уѣздъ, Батырша всю зиму прожилъ подаяніемъ и скрывался въ ямѣ. Съ наступленіемъ лѣта онъ вышелъ изъ лѣса и въ деревнѣ Юзякѣ, принадлежавшей мещерякскому старшинѣ Сулейману Деваеву, былъ пойманъ. Объявивъ за собою «слово и дѣло, Батырша просилъ отправить его въ Уфу. Сенатъ приказалъ отправить его въ тайную канцелярію. По дорогѣ Батырша заболѣлъ и былъ остановленъ въ Москвѣ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что кромѣ ея величества никому ничего не скажетъ. Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объявила ему, что императрица принять его не можетъ, а чтобы онъ написалъ ей обо всѣхъ имѣющихся секретахъ. Батырша изъявилъ согласіе, но просилъ оберъ-секретаря Хрущова побожиться въ томъ, что запечатанный имъ конвертъ никто не распечатаетъ кромѣ государыни. По составленіи сво-

весьма медленно и неохотно, такъ что правительство принуждено было отсрочить наказаніе невозвратившимся. Въ манифестѣ 8-го марта 1756 года [1]) было объявлено, что будутъ прощены всѣ тѣ башкирцы, которые возвратятся въ свои дома до 1 января 1757 года. Башкирцы возвращались понемногу, но не могли примириться съ своимъ положеніемъ. Они нападали отдѣльными партіями на горные заводы, останавливали работы, не допускали размежеваніе земель, отгоняли скотъ и лошадей, поджигали окрестныя строенія и проч. Заводчики жаловались правительству и возводили на башкирцевъ невозможныя преступленія, будто бы они «кругомъ заводовъ пускаютъ пожары, на заводы и рудники *наводятъ волшебные дымы, отъ чего происходитъ смертельный воздухъ*, такъ что на Авзяно-Петровскомъ заводѣ почти всѣ больны, а немалое число и померло» [2]).

Всѣ эти безпорядки не мѣшали однакоже русскимъ промышленникамъ захватывать вновь башкирскія земли, богатыя рудами, и строить на нихъ заводы. Такъ содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ Иванъ Твердышевъ, съ товарищемъ своимъ Иваномъ Мясниковымъ, захватили землю, принадлежавшую башкирцу

го показанія Батырша былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и объявилъ, что желаетъ видѣть православнаго священника и съ нимъ поговорить о христіанскомъ законѣ. Если онъ усмотритъ, что «законъ христіанскій правильнѣе магометанской вѣры, которую онъ совершенно знаетъ, то, оставя магометанскую вѣру, со всеусердіемъ пріметъ онъ вѣру христіанскую и желаетъ умереть въ православной вѣрѣ». Такое заявленіе не спасло его отъ наказанія. Къ нему былъ посылаемъ нѣсколько разъ ключарь Петропавловскаго собора, Стефанъ Левицкій, но о результатахъ ихъ бесѣдъ намъ ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что въ половинѣ 1757 года Батырша былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался до 24 іюля 1762 года. Въ этотъ день комендантъ полковникъ Бередниковъ донесъ, что скованный по рукамъ и ногамъ Батырша, воспользовавшись тѣмъ, что приставленный къ нему часовой заснулъ, пытался ночью освободиться изъ тюрьмы. «Оный колодникъ взялъ принесенный солдатомъ Хомутовымъ топоръ, по одиночкѣ у капрала Никитина тѣмъ топоромъ голову разрубилъ на-двое; у солдата Хомутова головы лѣвую сторону разрубилъ и правый високъ проломилъ; у Лазарева въ двухъ мѣстахъ брюхо пропорото; у Епифанова, который былъ на часахъ, въ двухъ мѣстахъ голову разрубилъ же. Оный же колодникъ Батырша и самъ умеръ безъ всякихъ язвъ и побой(?)». Сенатъ приказалъ зарыть Батыршу за крѣпостью въ яму.

[1]) Государственный Архивъ, VII, д. № 1,781.

[2]) *Исторія Россіи*, Соловьева, т. XXIV, стр. 171.

Юлаю, впослѣдствіи дѣятельному пособнику Пугачева, и построили на ней заводъ. Поступокъ этотъ былъ представленъ императрицѣ какъ заслуживающій поощренія. Въ 1758 году Сенатъ доложилъ императрицѣ, что Твердышевъ и Мясниковъ первые начали строить заводы въ пустыхъ и дикихъ мѣстахъ, внутри самой Башкиріи, «не взирая на страхъ отъ башкирскихъ волненій». По словамъ Сената, Твердышевъ доставилъ великую прибыль государству и при заводахъ своихъ для безопасности отъ непріятеля построилъ крѣпости, снабдилъ ихъ оружіемъ и порохомъ и «все это сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ, не требуя приписки крестьянъ, безъ которыхъ почти ни одинъ изъ прежнихъ заводчиковъ обойтись не могъ». За столь похвальные поступки Твердышевъ былъ исключенъ изъ податнаго состоянія и произведенъ прямо въ коллежскіе ассессоры.

Такая награда послужила поощреніемъ для многихъ, и башкирскія земли стали захватываться болѣе и болѣе. Туземное населеніе относилось къ этому крайне враждебно и, не будучи въ силахъ противиться открыто, ожидало лучшихъ временъ и удобнаго случая.

— Нынѣ женскій полъ государствуетъ, говорили башкирцы, и потому надо имѣть терпѣніе. Слухъ такой носится, что на государственный престолъ мужескій полъ возведенъ будетъ, и въ то время какой ни есть милости просить постараемся.

Лаская себя такою мыслію, населеніе жило надеждами, когда въ 1763 году, въ селѣ Спасъ-Чесноковкѣ, получено было извѣстіе, что Петръ III живъ. Священникъ и дьячокъ Ѳедоровы отслужили молебенъ за чудесное спасеніе государя, и вѣсть объ этомъ быстро распространилась во всѣ стороны. Башкирцы, мещеряки и все мусульманское населеніе встрепенулось и съ нетерпѣніемъ ожидало появленія государя. Оно было увѣрено, что со вступленіемъ на престолъ «мужскаго пола» будутъ уничтожены тѣ безпорядки и пороки, которые присущи были администраціи и обществу того времени.

XIV.

Краткая характеристика общества того времени. — Воспитаніе: школы, пансіоны и учителя-иностранцы. — Паденіе семейнаго начала. — Распущенность нравовъ.— Роскошь въ жизни и одеждѣ.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія воспитаніе юнаго дворянства дробилось на три части: люди достаточные и богатые поручали своихъ дѣтей иностраннымъ гувернерамъ, наводнившимъ Россію; люди средней руки предоставляли воспитаніе дьячкамъ, пономарямъ, собственнымъ лакеямъ и незатѣйливымъ школамъ, и наконецъ, бѣдные дворяне вовсе не учили дѣтей, предоставляя воспитаніе ихъ природѣ, среди деревенскихъ мальчишекъ, дворовыхъ людей и сѣнныхъ дѣвушекъ.

Л. Н. Энгельгардтъ зимою часто выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ играть съ ребятишками и затѣмъ прибѣгалъ домой отогрѣваться на лежанкѣ. Онъ кормился самою грубою пищею и вовсе не учился. Грамотѣ его училъ сначала дьяконъ уніатской церкви, потомъ отставной поручикъ Брауншвейгъ; по-нѣмецки онъ учился у того же поручика, а по французски—у іезуита Вольфорта. По достиженіи извѣстнаго возраста, Энгельгардтъ поступилъ въ Смоленскѣ въ пансіонъ Эллерта. Послѣдній былъ мало свѣдущъ и обученіе его состояло «въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ безъ малѣйшаго толкованія и въ принужденіи учениковъ затверживать наизустъ французскія фразы, но за то строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ на совершенно военной дисциплинѣ: билъ безъ малѣйшей пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ» [1]). При такомъ воспитаніи много учениковъ было изуродовано, но пансіонъ былъ всегда полонъ.

Винскій учился у дьяка, который, по его словамъ, «чему

[1]) *Записки Энгельгардта*, изд. 1867 г., стр. 3—7.

и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ».

Обыкновенно послѣ субботней вечерни всѣ ученики собирались въ школу и стоя ожидали дьяка.

— Миръ ти, благій учителю нашъ, кричали они при появленіи наставника.

— Треба сѣкты васъ, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ производилъ экзекуцію.

— Учись, не пустуй, приговаривалъ онъ во время наказанія, — помни субботку.

Тѣ мальчики, родители которыхъ присылали дьяку подарки, наказывались по платью, а бѣдные переносили всю тяжесть наказанія розгами.

Изъ этой школы Винскій былъ переданъ поляку Мушинскому, который былъ «крайне золъ и сѣкалъ безъ милости» [1]).

Болотова училъ такой нѣмецъ, который задавалъ ему нарочно самыя трудныя задачи, чтобы имѣть удовольствіе высѣчь ребенка. Однажды онъ сѣкъ его до тѣхъ поръ, пока самъ выбился изъ силъ, а въ другой разъ обѣщалъ отпустить 600 розогъ, но успѣлъ дать только 200, когда ребенка отняли [2]).

Ив. В. Лопухина училъ домашній слуга, а Ив. Ив. Дмитріева — гарнизонный сержантъ Концевъ, который ничего не могъ объяснить своему ученику изъ математики, стиралъ цифры, написанныя Дмитріевымъ, и писалъ свои, къ которымъ привыкъ.

Нѣкто С—въ учился сначала у пономарской дочери, а потомъ былъ отданъ въ школу, въ которой было до 120 мальчиковъ и одинъ учитель Д. П. Поповъ, окончившій курсъ въ вятской семинаріи. Получая жалованья 150 рублей и будучи обремененъ большимъ семействомъ, Поповъ, сверхъ того, исполнялъ обязанности сторожа думы.

«У учителя нашего, говорилъ С—въ [3]), была мѣдная указка,

---

[1]) «Записки Винскаго», *Русскій Архивъ*, 1877 г., т. I, 81, 82.

[2]) «Записки Болотова», т. I, 67 и 72.

[3]) *Пермскій Сборникъ*, изд. 1860 г., кн. II.

коею онъ билъ ослушниковъ и лѣнтяевъ по головамъ; въ томъ числѣ и мнѣ доставалось: какъ хватитъ по головѣ, то искры посыплются и голову въ кровь раскроитъ. Столь же часто ставилъ насъ на горохъ, на колѣни, на нѣсколько часовъ». Наиболѣе лѣнивыхъ учениковъ Поповъ одѣвалъ въ изорванную рогожу, ставилъ ихъ на трое сутокъ у воротъ и заставлялъ всѣхъ товарищей, проходя мимо, плевать и харкать на нихъ.

Такая грубая обстановка не могла нравиться людямъ богатымъ и они, избѣгая отдавать своихъ дѣтей въ существовавшія тогда школы, предпочитали воспитывать дома при помощи гувернеровъ-иностранцевъ. Этотъ способъ воспитанія былъ еще хуже, потому что онъ вертѣлся исключительно на общественныхъ приличіяхъ и наружной вѣжливости, доведенныхъ до тонкости.

«Послѣ чумы на Москву напала другая зараза—французолюбіе, говорилъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Много французовъ и француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные» [1]).

Гувернеры-французы, неимѣвшіе никакой научной и педагогической подготовки и которымъ, по ихъ нравственнымъ качествамъ, не было мѣста во Франціи, ѣхали толпами въ Россію и разбирались на расхватъ по уголкамъ нашего обширнаго отечества. Никто не справлялся ни о познаніяхъ, ни о нравственности ихъ, но каждый хлопоталъ только о томъ, чтобы пріобрѣсти гувернера-иностранца.

По свидѣтельству Порошина, одинъ московскій дворянинъ нанялъ чухонца, выдавшаго себя за француза, и выучившаго его дѣтей вмѣсто французскаго языка чухонскому [2]). Французъ-учитель Болотова заставлялъ списывать статьи изъ французскаго словаря, «въ которомъ находилось изъясненіе о каждомъ французскомъ словѣ и толкованія на французскомъ же языкѣ, слѣдовательно, были на большую часть намъ невразумительны». Савояръ, французскій учитель Ив. В. Лопухина, вовсе не зналъ правилъ языка.

Педагогическая дѣятельность тогдашняго времени находилась

---

[1]) «Дневникъ чиновника», *Отеч. Записки*, 1855 г., т. 99.

[2]) «Записки Порошина», *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 237 и 238.

въ рукахъ негодныхъ французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній и французскихъ лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество [1]).

«Нѣтъ страны, говоритъ Белькуръ [2]), гдѣ бы столько тратилось на образованіе, какъ въ Россіи. Здѣсь видишь въ высшемъ сословіи чуть не столько же воспитателей, сколько дѣтей, и гувернеры эти получаютъ хорошее жалованье, хотя весьма часто и не стоютъ его».

Французъ Мессельеръ былъ пораженъ, когда увидѣлъ, что у многихъ знатныхъ русскихъ воспитываютъ дѣтей бѣглецы изъ Франціи, банкруты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ передѣлкѣ у парижской полиціи.

Сатирическіе журналы того времени подсмѣивались надъ такою погонею и въ одномъ изъ нихъ было напечатано слѣдующее объявленіе:

«*Кронштадтъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза. Многіе изъ нихъ въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціею, которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей».

Подобныя насмѣшки не достигали цѣли, и русское общество, оставаясь глухимъ ко всякаго рода предостереженіямъ, съ полнымъ довѣріемъ ввѣряло прибывшимъ воспитаніе своихъ дѣтей, платя за это весьма дорого. Слѣдуя безусловно модѣ, дворяне недостаточные воспитывали своихъ дѣтей въ складчину и сообща нанимали учителя иноземца. Такъ В. С. Хвостовъ и его два брата учились вмѣстѣ съ сыновьями трехъ другихъ помѣщиковъ [3]). Иногда знакомство съ богатымъ и вліятельнымъ лицомъ дозволяло недостаточному дворянину пристроить своего сына въ домъ «милостивца» и пользоваться уроками нанятаго учителя, о чемъ обык-

---

[1]) «Записки графа Сегюра», 60.

[2]) *Древняя и Новая Россія*, 1875 г., т. III, стр. 280—281.

[3]) «Записки В. С. Хвостова», *Русскій Архивъ*, 1870 г., т. I, 553.

повсемѣстно оговаривалось въ контрактѣ. Въ государственномъ архивѣ [1]) сохранились два контракта, заключенные поручикомъ де-Серати съ княземъ М. В. Голицынымъ и съ княземъ Черкасскимъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ:

«1745 года марта въ « » день сей контрактъ заключенъ промежъ его сіятельства г. камергера и кавалера князя Михаила Васильевича Голицына и поручика де-Серати на годъ. Его сіятельство обѣщаетъ поручику де-Серати, который будетъ какъ гофмейстеръ у его сіятельства дѣтей, давать 320 рублевъ въ годъ и за показанную цѣну вмѣстѣ съ дѣтьми его сіятельства долженъ поручикъ де-Серати обучать двоихъ дѣтей отъ флота г. капитана Матвѣя Васильевича Ржевскаго. А платить деньги по третямъ напередъ; первую треть вшедши въ домъ 120 рублевъ, а другія трети по сту рублевъ. Сверхъ того, давать ему 15 ведеръ вина простого, постелю со всѣмъ прибором, мыть въ домѣ такъ, какъ самому князю, свѣчей и топлива сколько пожелаетъ. Для стола, во время поста, давать ему въ его горницу по три блюда въ обѣдъ и ужинъ, да и во время мясоѣда, когда онъ пожелаетъ, въ свою горницу, будетъ ему дано всякой же разъ по три блюда. Лѣтомъ колясу парою, зимой—сани парою и съ хомутами наборными, да еще малаго, да кучера въ ливреѣ. Лошади и люди всегда будутъ въ его диспозиціи и дабы никто не смѣлъ ихъ тронуть безъ его позволенія. Еще же ему будетъ позволено взять двухъ учениковъ покамѣстъ будетъ въ Москвѣ.

«Поручикъ же де-Серати съ своей стороны обѣщаетъ обучать дѣтей его сіятельства и г. Ржевскаго по италіански, по французски, по нѣмецки, по латыни, исторіи и географіи. Вышеписанное же время годъ обѣщаетъ поручикъ де-Серати учить со всякимъ прилежаніемъ и имѣть къ дѣтямъ всякое смотрѣніе надлежащее и въ деревню съ его сіятельствомъ ѣхать обязуется» [2]).

---

[1]) Госуд. Архивъ, XVII, № 56.

[2]) Въ 1749 году тотъ же поручикъ де-Серати заключилъ контрактъ съ княземъ Черкасскимъ. Контрактъ этотъ, написанный почти дословно, какъ и приведенный выше, имѣлъ слѣдующія измѣненія: годовая плата 250 рублей, сыскать ему трехъ учениковъ и если такихъ не сыщется, то платить 300 р. Давать постель, матрасъ и одѣяло набойчатое.

Подобныхъ контрактовъ было заключаемо очень много и безъ-застѣнчивые иностранцы брались учить многимъ языкамъ и всѣмъ предметамъ. При такихъ условіяхъ образованіе русскаго общества было чисто внѣшнее: рабское поклоненіе ко всему иностранному, презрѣніе ко всему родному, незнаніе русскаго языка и погоня за изученіемъ божественнаго французскаго [1]). «Отцы наши, говоритъ современникъ, воспитать насъ желали какъ нибудь, только чтобы не по русски, и чтобъ черезъ воспитаніе наше мы не походили на россіянъ» [2]). Большинство вельможъ не умѣло правильно писать. По свидѣтельству Грибовскаго, только князь Потемкинъ и гр. Безбородко знали русское правописаніе, а остальные были малограмотны или вовсе неграмотны, какъ, напримѣръ, вятскій губернаторъ Латышевъ, управлявшій губерніею въ царствованіе Павла [3]). И. И. Дмитріевъ говоритъ, что въ его время учились читать и писать только люди богатые, а бѣдные дворяне ничему не учились, привыкая только къ хозяйству [4]); многія дворянскія семейства переписывались съ родственниками черезъ грамотнаго дворовaго человѣка.

Тогдашнее воспитаніе выражалось полнымъ отсутствіемъ знакомства съ тѣми богатыми свѣдѣніями, которыя выработала европейская литература по всѣмъ отраслямъ наукъ, а въ замѣнъ того съ молодыхъ лѣтъ внушалось пристрастіе къ тому, что̀ бросалось въ глаза и поражало своимъ наружнымъ блескомъ. По словамъ Сегюра, русскіе одѣвались, жили, меблировали свои комнаты, ѣли, встрѣчались и кланялись, вели себя на балѣ и обѣдѣ— какъ французы, англичане или нѣмцы, но «подъ покровомъ европейскаго лоска еще видны были слѣды прежнихъ временъ». Даже и при дворѣ презрительно отзывались о русскомъ театрѣ и актерахъ, потому только, что они русскіе [5]), а абонироваться на весь годъ на французскіе спектакли считалось обязанностію всякаго порядочнаго человѣка, бывающаго въ обществѣ [6]).

---

[1]) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». *Русская Старина* 1870 года, № 7.

[2]) *Собесѣдникъ любит. россійск. слова*, II, 14.

[3]) *Осмнадцатый вѣкъ*, кн. IV, стр. 473.

[4]) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, Дмитріева.

[5]) «Записки Порошина».

[6]) «Бытъ русскаго дворянина», *Москвитянинъ* 1855 г., № 13, 25.

«Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ, говорилось въ одномъ изъ современныхъ журналовъ [1]), къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ похвально; но не имѣть попеченія объ ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнему — безбожно».

Вліяніе наружнаго французскаго лоска и подражаніе всему французскому было на столько всеобще, что сѣвскій архіерей Кириллъ Фліоринскій приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его въ священнодѣйствіи были причесаны съ пуклями и подъ пудрою. «Не будемъ вопрошать, говоритъ Добрынинъ, кстати-ли пудра и пукли къ алтарю и къ распущеннымъ по плечамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему немалаго стоило труда, пріучивать къ сей прихоти закоснѣлую монастырщину; напротивъ чего, я, склоненъ будучи отъ природы къ опрятности до щегольства, всегда его веселилъ смѣшною чоскою волосъ и былъ у него образцомъ для другихъ».

Въ день своихъ именинъ Фліоринскій, назвавши много гостей, и имѣя келейника, любившаго хлѣбнуть черезъ край, просилъ Добрынина быть на этотъ день распорядителемъ.

— Ты знаешь, сколько я люблю порядокъ, говорилъ архіерей, и сколь нетерпѣливъ тамъ, гдѣ вижу непорядокъ. Посуди же, могу-ли я нынѣшній день быть покоенъ? Иному моему брату, русскому архіерею, было бы сіе нечувствительно, но я французъ! Я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской» [2]).

Отказавшись отъ прошлаго въ нашей жизни и сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему иностранному, мы потеряли добродѣтели нашихъ предковъ и промѣняли старое родное добро на новые чужіе пороки. Неохотно и съ трудомъ усвоивая богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высокогуманныя идеи европейскаго образованія, мы перенимали только то, что̀ манило къ чувственнымъ наслажденіямъ и ласкало самолюбіе. Подъ французскимъ кафтаномъ таилась грубость и жестокость, подъ утон-

---

[1]) *Вечера*, ч. I, изд. 2-е, стр. 10—12.

[2]) «Записки Добрынина», стр. 21 и 36.

ченными манерами и вѣжливостью—пустота, изнѣженность и трусость. Съ другой стороны, масса была невѣжественна и проявленіе жвотныхъ инстинктовъ не рѣдкость. Понятія о пользѣ общества, о любви къ отечеству не существовало. «Чортъ меня возьми! писалъ одинъ изъ защитниковъ иностраннаго издателю «Кошелька». По чести моей я о васъ сожалѣю. Вы родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумасбродство. Пріятель мой, вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила. Перестаньте понапрасну марать бумагу, нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтренны, насмѣшливы, вѣдь они васъ *засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью*».

«Французскія моды, пишетъ Забѣлинъ [1]), французскій вкусъ и въ отношеніи нравовъ, и во внѣшней обстановкѣ тогдашней общественной жизни господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка».

— Сперва мы были просты, говорили тогдашніе старики, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ*, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали вышускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками; сверхъ же того мы пудримся и опрыскиваемся благовонными водами.

Внѣшность и одна только внѣшность была достояніемъ общества и предметомъ подражанія для молодаго поколѣнія. Люди истинно образованные считались единицами, а круглыя невѣжды и люди съ однимъ внѣшнимъ лоскомъ — тысячами. Отправленіе молодыхъ людей за границу для окончанія образованія не прино-

---

[1]) «Хроника общественной жизни въ Москвѣ», *Современникъ* 1852 года, т. 32, стр. 9.

сило ожидаемыхъ результатовъ. Такія лица, обыкновенно сыновья богатыхъ родителей, привыкшія къ лѣни и роскоши, не думали объ образованіи, искали наслажденій въ парижской жизни, если удавалось проматывали состояніе и приносили домой запасъ не научныхъ свѣдѣній, а разсказовъ о модахъ, роскоши, зрѣлищахъ и увеселеніяхъ. «Молодаго россійскаго поросенка, написано было въ «Трутнѣ», который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города».

Отношеніе общества къ литературѣ и наукѣ было самое невѣжественное.

— Моя наука, говоритъ тогдашній щеголь, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, кстати вздыхать, сидѣть разбросану (непринужденно), имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку и быть совсѣмъ развязану.

— Какъ глупы тѣ люди, говоритъ щеголиха, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужасть какъ смѣшны ученые мужчины.

Книга для тогдашняго дворянина было нѣчто пустое, неважное. «Вельможа нашъ, говоритъ «Трутень», ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать ничему не учася. Философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, нестоющія вниманія дворянскаго. Гербовникъ и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ».

«Дворянину, писалъ одинъ практическій помѣщикъ, нужно знать только законы гражданскіе, а для сей надобности нужно имѣть обхожденіе съ служащими въ статской службѣ [1]). Нѣкоторые, стараясь показать себя любителями науки, собирали большія библіотеки, но книгъ никогда не читали. В. С. Хвостовъ видѣлъ въ Екатеринбургѣ у заводчика Твердышева большую библіо-

[1]) *Русскій Архивъ* 1865 года, 474.

теку, но сомнѣвался, чтобы онъ ею пользовался. «Но извѣстно то, что наслѣдники подѣлили ее на три равныя части, разбирая каждый по книгѣ изъ каждаго увража, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ сочиненій» [1]). Даже и писатели смотрѣли на свою литературную дѣятельность какъ на что-то побочное. Державинъ цѣнилъ въ себѣ чиновника болѣе чѣмъ поэта, а фонъ-Визинъ смотрѣлъ на свои произведенія, какъ на средство забавлять людей [2]).

При воспитаніи дѣвушки обращалось исключительное вниманіе на внѣшній лоскъ и наружныя формы: наряжали, выпрямляли станъ, заставляли голову носить и поворачивать предписаннымъ образомъ, учили танцовать. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ такъ хорошо не танцуютъ минуэта, какъ въ Россіи.

Воспитанная въ играхъ и забавахъ, женщина прошлаго столѣтія въ нравственномъ отношеніи далеко непривлекательна. Оставаясь въ семейномъ быту въ томъ же подчиненіи относительно мужчины, въ какомъ была въ періодъ Домостроя, женщина въ обществѣ являлась повелительницею своихъ поклонниковъ. «Нынѣ женщинъ, сказано въ «Кошелькѣ» 1774 года, въ заперти и подъ покрываломъ ихъ лицъ не держатъ—*всѣ онѣ наружу*». Свобода въ одеждѣ и въ манерахъ, умѣнье произнести нѣсколько модныхъ словъ, выученныхъ наизустъ, составляли наружныя достоинства женщины, а въ дѣйствительности она была несвѣдуща, злословна, развратна и жестока. «Матушка моя, пишетъ современникъ, пришедши изъ конюшни, въ которой обыкновенно ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по русски ясно пересказываетъ». Поступки извѣстной Солтычихи, кн. Козловской, атаманши Ефремовой и другихъ женщинъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, не говорятъ въ пользу нѣжнаго сердца прекраснаго пола. Объ образованіи мягкаго сердца, приготовленіи хорошихъ матерей и хозяекъ никто не заботился, но женщина, незнавшая тогдашнихъ приличій и не слѣдовавшая модѣ, подвергалась насмѣшкамъ.

---

[1]) «Записки В. С. Хвостова», *Русскій Архивъ* 1870 г., т. I, 566.

[2]) *Библіографич. Записки* 1858 г., № 17, 518.

Такое воспитаніе не могло не обратить на себя вниманіе людей, заботившихся о благосостояніи своей родины. Многіе государственные дѣятели, каковы графъ Н. И. Панинъ, Бецкій и другіе понимали всю несостоятельность тогдашняго домашняго воспитанія и признавали необходимымъ перенести его въ школы и подчинить надзору правительства.

Еще въ указѣ 12 января 1755 года было сказано, что у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали и отъ того лучшее для воспитанія время пропадало даромъ. Многіе родители, сами не имѣя никакихъ познаній въ наукахъ, принимали къ себѣ въ домъ такихъ учителей, которые лакеями, парикмахерами и «другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Чтобы избавиться отъ такихъ учителей, было учреждено нѣсколько школъ и положено основаніе московскому университету. Школъ этихъ и частныхъ пансіоновъ, существовавшихъ въ нѣкоторыхъ немногихъ городахъ, было слишкомъ недостаточно, и въ 1764 году было утверждено «генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества».

«Съ давняго уже времени, писала императрица Екатерина II Бецкому [1]), имѣетъ Россія академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества (за границу) для обученія наукамъ и художествамъ;—но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто изъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо

[1]) Полн. Сбор. Закон., № 12,103.

оныя въ сердце его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила единое токмо средство остается, т.-е. произвести сперва *способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей*, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали-бъ паки своимъ дѣтямъ».

Созданіе новой породы, новыхъ отцовъ и матерей требовало времени, а между тѣмъ вкоренившіеся пороки повели къ совершенному паденію семейнаго начала. Постоянная и искренняя любовь супруговъ другъ къ другу считалась дѣломъ неприличнымъ, непринятымъ въ обществѣ. Когда Порошинъ разсказывалъ объ одномъ счастливомъ бракѣ, то присутствующіе замѣтили, что такая горячность весьма рѣдка нынѣ между мужемъ и женою. И. И. Дмитріевъ находилъ страннымъ, что жена Державина принимала близко къ сердцу всѣ радости и огорченія мужа. «Отецъ мой дворянинъ, говоритъ современникъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или людей въ конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя въ глазахъ такіе поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ къ нимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно, ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ браныя слова, которыя бывало отъ родителей своихъ слышу».

Мода требовала, чтобы мужъ и жена жили на разныхъ поло-

винахъ, имѣли свой собственный кругъ знакомства и любовныя связи. Князь и княгиня Вяземскіе, по словамъ Державина [1]), «знали модное искусство давать другъ другу свободу». Въ высшихъ сферахъ считалось недостаткомъ, если женщина обходилась безъ любовника, и потому каждая изъ нихъ имѣла своего «*болванчика*», а иногда и нѣсколькихъ.

«Для пополненія порожнихъ мѣстъ, читаемъ въ «Трутнѣ», по положенному у одной престарѣлой кокетки о любовникахъ штату, потребно поставить молодыхъ, пригожихъ и достаточныхъ дворянъ и мѣщанъ до 12 человѣкъ. Кто пожелаетъ къ поставкѣ оныхъ подрядиться или и сами желающіе заступить тѣ убылыя мѣста, могутъ являться у упомянутой кокетки, гдѣ и кондиціи имъ показаны будутъ».

Шапиъ утверждаетъ, что большинство русскихъ женщинъ его времени не знали другихъ удовольствій кромѣ чувственныхъ и часто предавались рабамъ, «которые, разумѣется, не евнухи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководятъ ихъ выборомъ». Новиковъ влагаетъ въ уста тогдашней женщины слѣдующія слова: «мужчина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница». Съ другой стороны, каждый мужчина долженъ былъ имѣть «*метрессу*» или любовницу, что хотя стоило и большихъ денегъ, но было признакомъ хорошаго тона. Шуваловъ, по словамъ князя Щербатова, имѣлъ многихъ метрессъ, сыпалъ на нихъ деньги, а «дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно лекарства, которыя и смерть ему приключили». Князь Потемкинъ перемѣнилъ нѣсколькихъ и поочередно выдавалъ ихъ замужъ. Графъ Безбородко одной италіанской пѣвицѣ давалъ по 2,000 рублей золотомъ, а при отъѣздѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500 т. руб. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, имѣлъ отъ нея дочь, которую потомъ выдалъ замужъ и далъ за нею въ приданое: домъ въ 300 т. руб. да имѣніе, приносившее 80 т. руб. ежегоднаго дохода [2])».

---

[1]) *Сочиненія Державина*, т. VI, 539.

[2]) Черты нравовъ XVIII столѣтія, «*Русскій Вѣстникъ*» 1857 г. т. XI.

Служебное положеніе графа П. А. Румянцова заставляло его жить отдѣльно отъ супруги, которая, будучи примѣромъ постоянства, знала его невѣрность. По случаю какого-то праздника она послала подарки ему, камердинерамъ и нѣсколько кусковъ на платье его метрессѣ. «Задунайскій, тронутый до слезъ, сказалъ о супругѣ: она человѣкъ придворный, а я—солдатъ; ну, право, батюшки, еслибы зналъ ея любовника, послалъ бы ему подарки [1]).

Примѣру вельможъ слѣдовали средніе и низшіе слои общества, и многіе помѣщики держали цѣлые гаремы.

Сѣвскій помѣщикъ, гвардіи капитанъ Андрей Ивановичъ Касаговъ, «по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона», имѣлъ у себя гаремъ и «держался обыкновеній золотого вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ». Въ числѣ гаремныхъ женщинъ находилась его любимая «*султанша*»—дочь священника его же села, «которую когда предпринялъ-было отецъ освободить, то заплатилъ своею жизнію, ибо неизвѣстно куда дѣвался [2])».

Сластолюбіе разливалось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни. Въ обращеніи между мужчиною и женщиною въ обществѣ было много вольности. Любовныя похожденія становились достояніемъ самаго юнаго возраста, а разсказы о нихъ—предметъ любимаго разговора для взрослыхъ, причемъ присутствіе дѣтей не стѣсняло разговаривающихъ. 30 сентября 1764 года Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ [3]): его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ) сказывать изволилъ въ неразумительныхъ его высочеству словахъ, что въ бытность его въ Швеціи, нѣкогда за столомъ зашла рѣчь, что турки мужественны въ поляхъ цитерскихъ, то одна бывшая тутъ графиня, не покраснѣвши ни мало на то молвила: на турокъ слава только, а я знаю и русскихъ, противъ которыхъ не гдѣ въ этомъ туркамъ тягаться.

«Къ тому сказывалъ еще его сіятельство вице-канцлеръ, что какъ былъ здѣсь посланникъ персидскій, то поѣхавши назадъ жен-

---

[1]) Разсказы, записанные Карабановымъ, «*Русская Старина*» 1872 г., т. V, 771.

[2]) *Записки Добрынина*, пзд. 1872 г., стр. 94—98.

[3]) «*Русская Старина*» 1881 г. № 1, приложеніе, стр. 18.

скаго и мужескаго пола свиты его персіяне не щадили и увозили съ собою. Покойный отецъ его сіятельства былъ тогда въ Астрахани губернаторомъ и получилъ повелѣніе, чтобы при отъѣздѣ онаго посланника со свитою, увезенныхъ ими дѣвокъ и мальчиковъ обобрать у нихъ. Но совсѣмъ тѣмъ персіяне, въ сундуки запершіи оныхъ, провезли съ собою [1])».

Результатомъ подобныхъ бесѣдъ въ присутствіи дѣтей было то, что юноша лѣтъ въ тринадцать уже влюблялся въ «комнатную дома дѣвку» и въ короткое время дѣлался «невольникомъ рабы своея».

Въ двухъ центрахъ, Петербургѣ и Москвѣ, было столько случаевъ для увлеченія и порчи молодыхъ людей, что рѣдкій изъ нихъ не поддавался общему соблазну, и счастливъ былъ тотъ, предметъ страсти котораго былъ не очень разорителенъ. Державинъ, въ своихъ запискахъ, не скрываетъ порока своего вѣка и съ наивностью говоритъ, что въ молодыхъ годахъ устранился отъ развратнаго общества только тѣмъ, что «имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою, и какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ мало по малу свое поведеніе» [2]).

При проѣздѣ черезъ Могилевъ, великій князь Павелъ Петровичъ, увидя молодого Энгельгардта и узнавъ отъ отца, что онъ записанъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, сказалъ: «пожалуй не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился» [3]).

«Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, говорилъ старикъ Н. А. Алферьевъ, въ которую мы погружались, я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, чтобы молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда—прости

---

[1]) Подобные разговоры повторялись 5 и 7 октября.

[2]) *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, 460.

[3]) «Записки Энгельгардта», стр. 26.

имъ Господи—бывало, суются туда же! Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ, а всему виною были праздность и французскіе учители. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человѣкъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ 20 лѣтъ имѣлъ уже чинъ маіора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ привольно и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ [1]).

Молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ, въ праздной и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо-дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать — вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать.

Проснувшись въ полдень, или немного позже, русскій дворянинъ прошлаго столѣтія намазывалъ свое лицо парижскою мазью, изъ желанія сдѣлать свою кожу мягкою и нѣжною, натирался разными водами и кропилъ себя духами; потомъ набрасывалъ на себя «*пудреманъ*» и не зная куда дѣвать время, проводилъ нѣсколько часовъ за туалетомъ: чистилъ зубы, румянилъ губы, подсурмливалъ брови, налѣплялъ на лицо мушки, причесывалъ и пудрилъ голову. Убрать голову, завить волосы букль въ 20 и болѣе было дѣло нелегкое, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу со вкусомъ. Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: poudre grise, poudre blonde и бѣлила. Туалетъ продолжался у иныхъ, какъ, напримѣръ, у князя Платона Зубова, такъ долго, что онъ принималъ въ это время доклады и просителей. Окончивъ туалетъ, франтъ садился въ маленькую карету, рыскалъ по городу, бѣгалъ изъ дома въ домъ; въ одной гостиной онъ самъ собиралъ новости, въ другой разсказывалъ ихъ; въ одномъ домѣ онъ насмѣхался надъ тѣмъ, что̀ видѣлъ въ другомъ, а въ третьемъ прилыгалъ и разсказывалъ даже и то, чего не видалъ. Онъ говорилъ всегда важно, съ достоинствомъ, имѣя въ карманѣ на всякій

[1]) «Записки Жихарева 388—390».

случай нѣсколько дешевыхъ эпиграммъ [1]), и пересыпая свою рѣчь иностранными словами.

Сумароковъ говорилъ, что провописаніе наше испортили подъячіе, а языкъ иностранцы: нѣмцы насыпали въ него словъ нѣмецкихъ, петиметры—французскихъ, предки наши—татарскихъ, педанты—латышскихъ, переводчики св. писанія—греческихъ. «*Честолюбіе* возвратитъ насъ когда нибудь, писалъ онъ, съ сего пути несомнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толикою сею заразенъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ с вершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Сказывано мнѣ, что нѣкогда нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Это смѣшно, да и это смѣшно: «я въ дистракціи и дезеспере, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я пурсюръ противъ ривала своего буду ревенжироваться».

«Кто бывалъ допущенъ въ русскія искреннія бесѣды, говоритъ Винскій [2]), и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, тотъ признается, что оныя состоятъ по большей части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкновенно слушаютъ одного разсказчика». Разговоръ въ деревняхъ вертится на хозяйствѣ и охотѣ, а въ городахъ—тоже, съ прибавленіемъ городскихъ новостей. «При разсказываніи ссылки и повѣрки всегда бываютъ на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ русскій не ссылается и ни одного автора не именуетъ. Дворянство почитаетъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, обѣгается».

По словамъ фонъ-Визина, лучшее препровожденіе въ обществѣ состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. «Въ аристократіи грубый матеріализмъ, сладострастіе смѣшивались съ атеизмомъ».

Белькуръ, свидѣтельсвуетъ что русскія дамы, побывавшія въ Парижѣ, усвоили себѣ дурной тонъ французскихъ модницъ, дамъ полусвѣта (petites maîtresses). «Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли

[1]) Черты нравовъ XVIII столѣтія, Аѳанасьева. «*Русскій Вѣстникъ*» 1857 г., т. XI, стр. 264, 272.

[2]) «Русскій Архивъ», 1877 г., т. I, 189.

и весьма далеки отъ этой цѣли, какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обращеніи и въ туалетѣ». Наблюдательный французъ говоритъ, что «какъ не стараются онѣ хорошо одѣться, у нихъ все выходитъ не складно. Три, четыре косынки, одѣтыя безъ вкуса, дѣлаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣтскія пеленки. А тѣ, что открываютъ грудь, переступаютъ предѣлы приличія, такъ что парижанинъ принялъ бы ихъ за женщинъ на содержаніи. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ имѣютъ этотъ видъ, стараются оглашать свои любовныя похожденія и содержать любовниковъ на жалованьѣ. Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то господинъ живетъ въ связи съ такою-то дамой, разсказываютъ даже, что многія дамы больны вслѣдствіе своего разврата. Къ тому же онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки и много пьютъ ихъ, подобно своимъ мужьямъ» [1]).

Какъ то, такъ и другое совершалось свободно и, по свидѣтельству Новикова, дамы, занимавшія почетное положеніе въ обществѣ, и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ продавать свою любовь за деньги, и въ одно и то же время принадлежать нѣсколькимъ. Болотовъ говоритъ, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II самовольные разводы, браки на близкихъ родственницахъ, также отъ живыхъ мужей и женъ были весьма обыкновенны. Родители выдавали замужъ дочерей за людей завѣдомо женатыхъ и духовенство поощряло разводы, за деньги, конечно. Тогда явилась мода, чтобы дѣвушка выходила замужъ побѣгомъ или была похищена. Такіе поступки вызывали сочувствіе и являлись ходатаи за нихъ у родителей, какъ мужчины, такъ и женщины. Многіе спеціально занимались тѣмъ, что устроивали любовныя интриги, помогали женамъ освобождаться отъ гнета мужей, дѣвушкамъ убѣгать съ любимымъ человѣкомъ, и затѣмъ мирили ихъ съ родителями. И. Ѳ. Лукинъ совѣтовалъ своимъ дѣтямъ, если захотятъ свататься, то избрать къ тому людей добраго поведенія и благонадежныхъ. «Съ своей же стороны, писалъ онъ [2]), прилежно разсматривать глазами и ушами и отнюдь не скоро къ

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1875 г., т. III, 281.

[2]) Жизнь стариннаго русскаго дворянина. *Русскій Арх.*, 1865 г., № 8, стр. 925.

рѣшимости той приступать; всего важнѣе въ семъ случаѣ узнавать или развѣдать правъ твоей судьбы, видъ, обхожденіе, человѣчество,—чтобъ сколько ни на есть было сходственно съ твоимъ положеніемъ; также нужно и о дѣтяхъ несравненныхъ помыслить; должно и все предпріять съ точностію, а не на фальшивыхъ иногда воображеніяхъ основываться и отнюдь не съ тѣмъ жениться совѣтую всякому, чтобъ вскорѣ потомъ и разойтиться, *какъ то въ мірѣ нынѣ совершается*». Иванъ Бутурлинъ безъ развода разъѣхался съ женою: она вышла замужъ за Упакова, а онъ женился на Маврѣ Аѳанасьевнѣ и жили спокойно. Незаконные браки не признавались церковью, но незаконныхъ дѣтей усыновить было очень легко.

Распущенность нравовъ была полная даже и среди высшаго сословія. Графъ Завадовскій бывалъ часто въ веселомъ настроеніи и, по разсказу Н. И. Греча, вино сократило его жизнь. Статсъ-секретарь императрицы Храповицкій былъ большой гуляка, а графъ Безбородко сверхъ того и любитель общества прекраснаго пола. «Каждую субботу послѣ обѣда надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, посѣщалъ онъ самые неблагопристойные дома. Зимою по воскресеньямъ бывалъ онъ всегда въ маскарадахъ Ліона, и проводилъ время среди прелестницъ часовъ до пяти утра [1]). Однажды, потребованный императрицею совершенно неожиданно, когда проводилъ время среди шумной оргіи, Безбородко, чтобы отрезвиться, приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ. «Наши дураки, въ иностранной коллегіи присутствующіе, записалъ Храповицкій [2]), не думая о дѣлахъ, проводятъ время только съ дѣвками».

Образъ жизни привилегированнаго сословія заключался въ постоянномъ стремленіи къ роскоши, великолѣпію и блеску, которымъ нельзя не удивляться, читая дошедшія до насъ описанія жизни нашихъ предковъ. Прорубивъ въ Европу окно, а не дверь, мы не имѣли возможности познакомиться съ основами и фунда-

[1]) «Записки Греча», *Русскій Архивъ*, 1873 г., т. I, 330.

[2]) «Записки Храповицкаго», изд. 1874 г., стр. 151.

ментомъ цивилизаціи, а доставали изъ окна верхушки ея, все то, что покровительствовало животнымъ инстинктамъ и чувственнымъ наслажденіямъ. Порча нравовъ и роскошь начали развиваться съ царствованія Петра Великаго и дошли впослѣдствіи до чудовищныхъ размѣровъ. Забравшись первоначально въ верхніе слои общества, порокъ спустился потомъ до самыхъ нижнихъ, до бѣдныхъ дворянъ и однодворцевъ.

Каждый дворянинъ считалъ необходимостью и обязанностью держать огромную дворню, состоявшую изъ праздныхъ безземельныхъ людей, неприносившихъ никакой пользы государству, потому что они податей не платили и не отбывали повинности натурою. Распоряжаясь этими людьми по своему произволу, помѣщики часто ссылали со своего двора людей старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ, чтобы не кормить ихъ, а иногда завѣщали отпустить ихъ на свободу послѣ своей смерти. Сдѣлавшись вольными, всѣ эти люди не знали куда дѣваться, увеличивали толпу людей, неимѣвшихъ опредѣленнаго занятія, и бродя съ мѣста на мѣсто кормились милостыней, подаяніемъ или приставали къ шайкамъ воровъ и разбойниковъ [1]). Съ теченіемъ времени число такихъ людей не только не уменьшилось, а напротивъ все увеличивалось. По числу дворовыхъ и прислуги нерѣдко опредѣлялось богатство, важность и значеніе помѣщика или должностнаго лица, и число дворни доходило въ нѣкоторыхъ домахъ до 500 человѣкъ. Роскошный вѣкъ требовалъ, чтобы каждый гвардейскій офицеръ имѣлъ хорошую квартиру, въ передней которой должна была толпиться стая слугъ въ видѣ егерей, гусаровъ, одѣтыхъ въ роскошное платье, нерѣдко обшитое золотомъ и серебромъ и стоившее нѣсколько сотъ рублей. Провинція тянулась за столицею и многіе помѣщики имѣли свои хоры музыкантовъ, пѣвчихъ, труппы актеровъ, балетмейстеровъ, художниковъ и проч. По свидѣтельству Болотова, въ одной Москвѣ считалось до 10,000 музыкантовъ. Въ той же Москвѣ считалось до 15 театровъ, изъ которыхъ только одинъ казенный, а всѣ остальные принадлежали частнымъ лицамъ.

---

[1]) Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права, К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣст.* 1858 г., т. XVI, 545—551.

Кромѣ актеровъ, музыкантовъ, выѣздныхъ лакеевъ и офиціантовъ у сколько-нибудь зажиточныхъ дворянъ были: буфетчики, дворецкіе, парикмахеры, кондитеры, повара, скороходы, псари, егеря и проч. Князь Потемкинъ имѣлъ театральную труппу, музыкантовъ, выписанныхъ изъ-за границы и художниковъ. У богатаго помѣщика Головина было болѣе 300 человѣкъ дворовыхъ, у графа Орлова до 500 слугъ; при главномъ петербургскомъ домѣ Разумовскаго находилось 190 слугъ, при двухъ другихъ домахъ было 38 человѣкъ и при четырехъ дѣтяхъ 31 человѣкъ. Въ подмосковномъ имѣніи графа П. Б. Шереметева среди многочисленной дворни были актеры, актрисы, лекарь, архитекторъ, квартирмистръ, управляющій матросами, живописецъ, геодезистъ, ружейникъ и ложный мастеръ, дровяникъ, угольщикъ, 12 гусаровъ съ гусарскимъ командиромъ и проч. Въ имѣніи графа В. Орлова были «свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники и проч., свои музыканты и актеры, свой архитекторъ, живописецъ, если и не заправскій астрономъ, то все-таки человѣкъ пріученный наблюдать звѣзды, были и доморощенные поэты; наконецъ, одинъ камердинеръ исполнялъ обязанности богослова: читая графу вслухъ, онъ вступалъ съ нимъ въ словопреніе о религіозныхъ вопросахъ. Были, наконецъ, и такіе, которымъ поручали давать уроки чистописанія, переписывать учебныя тетради и вообще оказывать содѣйствіе обученію дѣтей и внуковъ графа».

У помѣщиковъ средней руки дворня была также весьма многочисленна; въ имѣніи Лунина изъ общаго числа душъ было 9% дворовыхъ, у князей Голицыныхъ 5%, у Авд. М. Нарышкиной 7%, у князя М. Голицына 10% и проч. [1]).

Окружать себя многочисленною дворнею, а въ особенности свитою считалось весьма почетнымъ. По свидѣтельству Добрынина, бѣлорусскій губернаторъ ходилъ на службу въ намѣстническое правленіе не иначе, какъ предшествуемый и сопровождаемый чиновниками и знатнѣйшимъ шляхетствомъ губерніи, пажами и швейцарами.

---

[1]) «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II». В. И. Семевскаго. 129.

Многочисленная свита и прислуга были, конечно, излишнею роскошью, но вполнѣ соотвѣтствовали тогдашней обстановкѣ. Образъ жизни былъ гостепріимный и болѣе или менѣе широкій, смотря по богатству и званію. Почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ. Люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только въ выборѣ у кого обѣдать или провести вечеръ. У графа К. Г. Разумовскаго былъ всегда открытый столъ на 50 человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не зналъ и видѣлъ въ первый разъ. Оберъ-гофмейстеръ Л. А. Нарышкинъ былъ извѣстенъ своею роскошною жизнію [1]) и радушнымъ гостепріимствомъ.

Радушіе и роскошное гостепріимство были на столько развиты у насъ, вошли такъ сказать въ плоть и кровь, что всякая другая обстановка была непонятна и возбуждала въ русскомъ человѣкѣ негодованіе или сожалѣніе. Говоря объ Италіи, Д. И. фонъ-Визинъ замѣчаетъ: «въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ. Угощеніе у нихъ въ вечеръ, конечно, четыре рубля не стоитъ. Свѣчи четыре сгоритъ восковыхъ, да копѣекъ на пять деревяннаго масла. Обѣдать никто никогда не унимаетъ (не приглашаетъ, не оставляетъ). Мой банкиръ, человѣкъ пребогатый, далъ мнѣ обѣдъ и пригласилъ для меня большую компанію. Я сидя за столомъ за него краснѣлся: званый его обѣдъ былъ несравненно хуже моего вседневнаго въ трактирѣ». По словамъ фонъ-Визина, столовое бѣлье во всей Франціи было «такъ мерзко, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается». 9-го октября 1764 года Порошинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что за обѣдомъ у наслѣдника разсуждали о придворныхъ маскарадахъ и были очень недовольны скромностью въ угощеніи. «Говорили, что если такъ продолжаться будутъ, то многіе современемъ не станутъ ѣздить: стола нѣтъ, пить ничего не допросишься, кромѣ кислыхъ щей; игры нѣтъ». Графъ Н. И. Панинъ склонялся на сторону большинства и высказывалъ, что лучше совсѣмъ не давать

[1]) «Записки Энгельгардта», 48.

при дворѣ маскарадовъ, чѣмъ давать съ такою экономіею [1]). Мнѣніе это казалось тѣмъ правильнѣе, что рядомъ съ этимъ въ домахъ частныхъ лицъ задавались лукулловскіе обѣды, маскарады и балы, на которыхъ лилось рѣкою вино, бывшее, говоритъ Добрынинъ, «очень яснымъ таинствомъ плоти и крови измученныхъ крестьянъ».

Привыкшее къ кутежамъ, попойкамъ и обиженное указомъ 1765 года, запрещавшимъ возить съ собою въ городъ водку, дворянство, собравшись въ коммиссію уложенія, хлопотало о пожалованіи его водочною привилегіею. «Дворянство, говорили депутаты, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бываютъ покупать водку и вино съ противными и непристойными спеціями и запахомъ, почему дворянство по характерамъ ихъ принуждено видѣть въ томъ себѣ недостатокъ».

«Упадая къ монаршимъ стопамъ» дворянство просило дозволить возить водку попрежнему и заявляло, что ему дорога будетъ «сія высокомонаршая милость [2])».

Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка. Столъ князя Потемкина стоилъ ежедневно 800 руб., а князя П. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ ежедневно по 400 руб. и сверхъ того напитки, кофе, шеколадъ и проч. по 200 руб. въ день. Столъ Теплова стоилъ императрицѣ 7,000 руб въ годъ. Онъ просилъ, чтобы ему выдали деньгами, но придворное вѣдомство не согласилось. У богатаго помѣщика Головина ежедневно подавалось семь родовъ кушаній, но число блюдъ доходило до 40 и болѣе. — Для каждаго кушанья былъ отдѣльный поваръ, обязанный принести приготовленное въ столовую въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ.—Всѣ, говоритъ Болотовъ, не только знатные и богатые, но и люди съ среднимъ состояніемъ старались ѣсть на серебрѣ и заказывали себѣ серебряные сервизы, нерѣдко изъ послѣднихъ средствъ или въ долгъ.—Быть по уши въ долгахъ и не

---

[1]) «Записки Порошина». *Русская Стар.* 1881 г., № 1, стр. 49.

[2]) *Сборн. Историч. Общес.*, т. IV, 231, 301, 337. 351, 396; VIII, 516; XIV, 360.

платить ихъ не считалось безчестнымъ, но имѣть «*гнусный*» столъ или «*скаредную*» квартиру было предосудительно.—«Какъ у двора, такъ и въ столицѣ, говоритъ фонъ-Визинъ [1]), никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ;* глаголъ этотъ не спрягается въ прошедшемъ времени, ибо никто долговъ не платитъ».

Описывая балъ и ужинъ, данные Шереметевымъ въ честь императрицы въ подмосковной деревнѣ, французскій посолъ графъ Сегюръ говоритъ, что онъ никогда не видалъ такого большаго числа золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. «Наконецъ (что многимъ покажется страннымъ), весь хрусталь на столѣ на сто приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями всѣхъ цвѣтовъ, родовъ и самой высокой цѣны».

Для встрѣчи императрицы въ Шкловѣ, во время путешествія ея въ Бѣлоруссію въ 1780 году, Зоричъ построилъ огромный домъ, богато убралъ его и выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій 60,000 рублей. Любители представляли пантомиму, для которой было приготовлено до 70 декорацій. Онъ устроилъ три рода благородныхъ спектаклей: во французской оперѣ играли княгиня К. А. Долгорукая, графиня Меллина и другія; въ русской комедіи и трагедіи участвовали князь П. В. Мещерскій съ женою, а балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами шкловскаго корпуса. Послѣ спектакля былъ ужинъ, а затѣмъ фейерверкъ, который приготовлялъ генералъ-маіоръ Меллисино въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и одинъ павильонъ котораго состоялъ изъ 50,000 ракетъ. Зоричъ жилъ очень широко и въ его имѣніе, Шкловъ, стекались со всѣхъ концовъ люди всякаго рода, званія и націй. Здѣсь были родственники и прежніе сослуживцы Зорича по гусарскому полку, офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, молдаване, турки—«словомъ, всякій сбродъ и побродяги».

Получившій въ той же Могилевской губерніи большія имѣнія И. Н. Корсаковъ поселился въ 30 верстахъ отъ Могилева въ де-

---

[1]) «Н. И. Новиковъ». Соч. А. Незеленова, изд. 1875 г., стр. 50—51.

ревнѣ Желивль. Туда пріѣзжали къ нему всѣ родственники изъ Смоленской губерніи и ежедневно у него бывало до 80 гостей. Шампанское пили не только гости, но и пріѣхавшая съ ними прислуга [1]).

Во время путешествія императрицы въ Крымъ были устроиваемы иллюминаціи на протяженіи 50 верстъ, строились дворцы на болотахъ, разводились временные парки среди степей. Въ Смоленскѣ Екатерина II давала балъ, на который собралось до 300 дамъ. «Онѣ показали намъ, говоритъ Сегюръ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которое встрѣчаемъ при блистательныхъ дворахъ европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе; но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи».

29 іюля 1772 года, на петергофской дорогѣ, въ 11 верстахъ отъ столицы, Левъ Александровичъ Нарышкинъ устроилъ для императрицы маскарадъ. Въ обширномъ паркѣ были возведены бесѣдки, на острову — качели и другія игры для простого народа. Внутри густого лѣса была устроена пещера, на поверхности которой разсыпаны цвѣты и разложены фрукты. Далѣе былъ холмъ, на верху котораго стояла пастушья хижина, а по отлогости расположились пастушки, игравшія на свирѣляхъ. Двѣ пастушки, дочери хозяина, Наталья и Екатерина Львовны Нарышкины, пригласили Императрицу въ хижину и, предшествуя ей, усыпали путь цвѣтами. По приближеніи высокой гостьи гора «вдругъ разступилась и вмѣсто хижины открылся огромный и великолѣпный храмъ побѣды» съ надписью: «*Екатеринѣ II побѣдительницѣ*». Кругомъ храма были собраны вооруженные ратники, впереди стоялъ хоръ музыкантовъ; глава храма была иллюминована огненными сосудами, а надъ всѣмъ этимъ царила «Слава».

Изъ храма вышелъ геній побѣды, сынъ хозяина, Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, поднесъ императрицѣ лавровый вѣнокъ, и лишь только она вступила въ храмъ, какъ всѣ трофеи, которыми былъ убранъ храмъ, превратились въ изображеніе побѣдъ.

---

[1]) «Записки Энгельгардта», стр. 10 и 11.

Картины эти были: 1) Взятіе Хотина съ надписью: «*сопротивленіе было бы тщетно*»; 2) Сраженіе при Ларгѣ — «*не симъ однимъ окончится*»; 3) Побѣда при Кагулѣ — «*число преодолѣно храбростію*»; 4) Чесменскій бой — «*небывалое исполнилось*»; 5) Взятіе Бендеръ—«*что можетъ устоять?*» 6) Покореніе Крыма—«*коль сладокъ нынѣ жребій мой*». Отсюда императрица отправилась къ китайскому урочищу, гдѣ были построены китайскіе домики, птичники, гора изъ самыхъ рѣдкихъ морскихъ раковинъ, камней и окаменѣлыхъ растеній; вся прислуга, одѣтая по-китайски, играла «на разныхъ китайскихъ и мусикійскихъ орудіяхъ». Послѣ танцевъ и ужина былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, изображавшій Астрею, возвращающую золотой вѣкъ, и состоявшій изъ нѣсколькихъ тысячъ ракетъ, колесъ и проч. [1])

Во время второй турецкой войны князь Потемкинъ устроилъ подъ Бендерами праздникъ въ комнатахъ, нарочно для того вырытыхъ подъ землею. Огромная подземельная зала поддерживалась нѣсколькими колоннами, была убрана бархатными диванами и всѣмъ, что̀ можетъ выдумать капризъ и почти безграничная роскошь.

28 февраля 1791 года свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій пріѣхалъ въ Петербургъ. Дворяне, купцы и даже богатые мѣщане наперерывъ другъ съ другомъ старались угостить пріѣхавшаго. Былъ великій постъ и хозяева праздниковъ покупали стерлядей, причемъ за одну платили по сту, двѣсти и триста рублей. Рѣдкій день проходилъ, чтобы кто-нибудь не далъ великолѣпнаго обѣда или ужина. «Великій постъ превратился въ масляничные праздники. Нарушеніе святыни поражало умы людей благочестивыхъ; но мудрые и просвѣщенные міра сего посмѣивались благочестію, считая опое грубымъ суевѣріемъ и заржавѣлою древностію».

Князь Потемкинъ въ благодарность за радушіе и пріемъ самъ устроилъ маскарадъ. Домъ, въ которомъ предполагалось празднество, былъ не только не убранъ, но и не достроенъ; при немъ

---

[1]) *Сѣверный Архивъ*, ч. XXVII, стр. 261. *Русскій Вѣстникъ*, 1824 года, книга IV, стр. 12.

не было никакой площади или обширнаго двора. Появилось множество работниковъ и художниковъ, городскіе мастера были завалены работою домашней утвари. Изъ лавокъ взято на прокатъ до 200 люстръ и столько же зеркалъ, кромѣ тѣхъ, которыя были привезены съ собственныхъ заводовъ свѣтлѣйшаго. На освѣщеніе было употреблено 300 пудовъ воску и отъ девяти до десяти тысячъ свѣчей; приготовлено болѣе 20,000 шкаликовъ. Стеклянный заводъ князя былъ занятъ приготовленіемъ огромнаго количества разноцвѣтныхъ фонарей, разныхъ плодовъ, бусъ и другихъ фигуръ. Богатыя ливреи шились на сто человѣкъ; передъ домомъ строилась иллюминація. Для устройства площади срыли нѣсколько сосѣднихъ домовъ и конюшень, сняли нѣсколько заборовъ и на очищенномъ мѣстѣ устроили качели для народа и тріумфальныя ворота.

Въ теченіе болѣе недѣли были репетиціи кадрили въ костюмахъ, на которыхъ присутствовало отъ 180—200 человѣкъ; угощеніе ихъ ужиномъ стоило князю ежедневно до 14,000 рублей. «Одна уха стоила свыше тысячи рублей, ибо ею наполняли преогромную семи или восьми-пудовую серебряную чашу: два человѣка стоя раздавали всему столу, а по раздачѣ оставалось еще для толикаго же числа гостей».

Наступило 28 апрѣля—день праздника. На площадкѣ передъ домомъ были поставлены кадки съ медовымъ квасомъ и сбитнемъ. Возлѣ стѣны, окружающей площадку, разложены для народа съѣстные припасы, а на стѣнѣ висѣли принадлежности мужской одежды: сапоги, коты, онучи, лапти, шляпы, кушаки и проч. Внутренность дворца была залита огнями, украшена бронзою, люстрами съ органами, часами съ репетиціею, устлана коврами и проч.

Иллюминація зажигалась въ теченіе часа болѣе чѣмъ 300 человѣкъ. Кадриль состояла изъ 24 паръ, причемъ мужчины были одѣты въ испанскую одежду, а дамы — въ греческую. У дамъ какъ чалмы, такъ и платья богато вышиты золотомъ, а пояса и ожерелья блистали драгоцѣнными камнями. Въ кадрили участвовали: великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, герцогъ Виртембергскій, князь Голицынъ, фрейлина Протасова, Салтыкова и другіе. Послѣ танцевъ былъ театръ, потомъ опять танцы

и затѣмъ въ 11 часовъ вечера ужинъ. Столъ былъ накрытъ на 500 приборовъ, за которыми помѣстились только однѣ дамы, а кавалеры имъ прислуживали. «Для освѣщенія стола поставлены были съ огнемъ великія стеклянныя братины или чаши, расписанныя разными красками, отъ которыхъ свѣтъ издавался всякихъ цвѣтовъ». Послѣ ужина былъ вокальный и инструментальный концертъ [1]).

Присутствующіе на подобныхъ балахъ, празднествахъ и маскарадахъ поражали роскошью своей одежды. На одномъ изъ своихъ праздниковъ Потемкинъ имѣлъ шляпу до того тяжелую отъ массы нашитыхъ на ней драгоцѣнныхъ каменьевъ, что адъютантъ долженъ былъ носить ее за княземъ; обыкновенное парадное его платье стоило 200,000 руб. При отправленіи графа Г. Г. Орлова на фокшанскій конгрессъ, ему было пожаловано много драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило милліонъ рублей [2]). Графъ Безбородко издерживалъ на жизнь огромныя суммы, собралъ въ своей квартирѣ груды золота и серебра и осыпалъ себя брилліантами. Праздники его въ 1793 году, по случаю заключенія мира съ Портою, и въ 1796 году во время пріѣзда шведскаго короля въ Петербургъ, надѣлали много шума. Въ торжественные дни онъ пріѣзжалъ ко двору одѣтымъ въ богатое платье: андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжка на башмакахъ—были всѣ изъ брилліантовъ [3]).

На свадьбѣ Екатерины гофмаршалъ Нарышкинъ имѣлъ кафтанъ вышитый серебромъ. «Сзади отъ самой прорѣхи вверхъ вышито было дерево; сучья и листья его въ рукава пошли и по фигурѣ онаго сучья, оба обшлага были разные» [4]).

По словамъ графа Н. И. Панина, во время свадьбы принцессы Анны на директорѣ горныхъ заводовъ генералѣ Шомберѣ былъ гусарскій мундиръ съ брилліантами тысячъ на полтораста. Тотъ

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 674—694.

[2]) «Князь Г. Г. Орловъ», *Русскій Архивъ*, 1873 г., № 2, стр. 80.

[3]) «Черты правовъ XVIII столѣтія», А. Аѳанасьевъ, *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. XI, стр. 277, 278.

[4]) «Записки Порошина».

же Шомберъ устроилъ иллюминацію въ видѣ горы, въ которой были показаны всѣ горныя работы.

Роскошь въ костюмахъ доходила до послѣдней крайности: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Шитые золотомъ или серебромъ кафтаны и камзолы, бархатныя шубы съ золотыми кистями, тонкія кружевныя манжеты составляли принадлежность мужскаго костюма. Графъ П. И. Панинъ принималъ своихъ подчиненныхъ въ атласномъ широкомъ халатѣ, въ большомъ колпакѣ, перевязанномъ розовыми лентами, и чтобы не уронить своего достоинства, прежде чѣмъ заговорить съ кѣмъ-нибудь, онъ въ такомъ нарядѣ прогуливался передъ глазами собравшейся публики.

Франты привѣшивали иногда золотыя кисти на кафтанахъ подлѣ петель, носили чулки со стрѣлками, башмаки съ цвѣтными каблуками и большими пряжками. Они имѣли при себѣ лорнетъ, часы, по нѣскольку золотыхъ и иногда осыпанныхъ брилліантами табакерокъ «съ миніатюрными портретами красавицъ, или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой»; на пальцахъ носили дорогіе перстни, а въ рукахъ трость. Каждый порядочный человѣкъ долженъ былъ имѣть датскую собаку, скорохода и нѣсколько камзоловъ, чтобы имѣть возможность перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ модянымъ цвѣтомъ.

Переодѣваться по нѣскольку разъ въ день было признакомъ аристократизма и хорошаго тона. Даже и военные надѣвали по перемѣнно то мундиръ, то статское платье разныхъ цвѣтовъ и всегда болѣе дорогое, чѣмъ военное. Гвардейскіе офицеры, по принятому обычаю, должны были ѣздить не иначе, какъ въ каретѣ, и имѣть по крайней мѣрѣ четыре лошади. Число лошадей, запрягаемыхъ въ экипажъ, было подчинено строгому контролю и зависѣло отъ положенія и чина. «Усмотрѣла я, писала императрица генералъ-полиціймейстеру [1]), не токмо гдѣ въ городѣ, но и мимо монхъ оконъ въ саняхъ тройкою съ двумя вершниками, что дѣлаетъ пять лошадей рядомъ. А указомъ императрицы Елисаветы Петровны оное накрѣпко запрещено: того ради подтвер-

[1]) Отъ 25 февраля 1764 года. Полн. Собр. Законовъ. № 12,058.

дить, ежели впредь то чинить будутъ, за третью припряжную лошадь по 500 рублей штрафу доправливать, чего вамъ крѣпко наблюдать и по оному исполненіе чинить неотмѣнно».

Если нельзя было запрягать столько лошадей, сколько желаешь, за то можно было имѣть самые прихотливые экипажи. Графъ Безбородко имѣлъ золоченую восьми-стекольную карету. Графъ Остерманъ ѣздилъ въ торжественные дни въ золоченой каретѣ на шести бѣлыхъ лошадяхъ; на запяткахъ кареты стояли роскошно одѣтые гайдуки, въ казакинахъ съ серебряными шнурами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, несмотря ни на какую грязь [1]). У Нарышкина была особая кособокая карета вся въ зеркальныхъ стеклахъ, причемъ и «колеса зеркальными стеклами выложены были» [2]).

Въ январѣ 1765 графъ Д. М. Матюшкинъ проѣхалъ мимо дворца весьма оригинальнымъ образомъ. На зимнемъ ходу была поставлена маленькая колясочка, называемая diable, заложенная шестью лошадьми, которыми самъ графъ правилъ; шляпа подъ пазухой и въ одной рукѣ бичъ, которымъ онъ салютовалъ всѣмъ ѣдущимъ. Впереди ѣхалъ верхомъ шталмейстеръ Матюшкина съ бичомъ и, очищая путь, кричалъ: gare, gare! Смотря на эту сцену изъ окна графъ Н. Панинъ замѣтилъ: «l'amour même ne saurait se présenter avec plus de graces» [3]).

Знати подражало все общество, сколько-нибудь придерживавшееся европейскимъ обычаямъ. Были люди и не особенно богатые, которые содержали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, имѣли огромныя своры охотничьихъ собакъ и проч., которые подбирались подъ масть, сортировались по статьямъ и породамъ. Подобрать нѣсколько цуговъ лошадей, то сѣрыхъ, то рыжихъ, съ одинаковыми проточинами во лбу [4]), или подобрать нѣсколько своръ собакъ было дѣло не легкое, но за то достигшій этого гордился своею дѣятельностью и былъ предметомъ зависти для другихъ.

---

[1]) «Записки Грибовскаго». «Черты нравовъ въ XVIII столѣтіи», *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. XI, стр. 278.

[2]) «Записки Поропшина».

[3]) *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 220.

[4]) «Дневникъ студента», стр. 64.

«Два года уже, писалъ графъ П. И. Панинъ О. А. Поздѣеву [1]), стараюсь я собрать себѣ достаточную свору все сѣрыхъ, борзыхъ собакъ, но за бывшимъ въ нихъ моромъ не дошелъ больше, какъ имѣю къ веснѣ только трехъ кобелей сей шерсти; а спозналъ я, что въ провинціи вашей, у помѣщика у Петра Михайловича Ермолова, живущаго въ деревнѣ своей, называемой Чернявино или Черное, есть рѣзвый кобель сѣрый. А какъ низовыя наши собратія за послѣднее мое по оборонѣ ихъ служеніе [2]), почти всѣ изъявляли и казалися быть желательными, при удобныхъ случаяхъ, вспомоществовать и мнѣ въ моихъ отъ нихъ выгодахъ, то невозможно-ли вамъ, дорогой пріятель, изобрѣсти средство онаго борзаго сѣраго кобеля доставить мнѣ?»

Сознаваясь, что имѣетъ страсть къ псовой охотѣ, графъ П. И. Панинъ просилъ сдѣлать ему это одолженіе «съ тѣмъ Петру Михайловичу отъ меня обѣщаніемъ, что я буду за оное ему не только навсегда благодаренъ, но и готовъ, если онъ пожелаетъ, того самаго кобеля, когда не изведется, возвратить ему осени черезъ двѣ или, между тѣмъ, прислать ему изъ моихъ достойную суку вязанную (слученую), либо съ нимъ самимъ, либо съ какимъ лучшихъ изъ моихъ кобелей. Я увѣренъ, что вы, государь мой, съ охотою употребите ваше возможное къ тому стараніе».

Собаки играли не послѣднюю роль въ жизни помѣщика, и нерѣдко за хорошую собаку уступалось нѣсколько душъ крестьянъ. Затѣйливые экипажи, псовые охоты, пиры и праздники наполняли всю жизнь помѣщика-дворянина.

На всѣ эти затѣи нужны были деньги, и вотъ, съ учрежденіемъ двадцатилѣтняго банка [3]), все дворянство бросилось закладывать имѣнія и полученныя деньги пошли на роскошь и мотовство. Дворянство вошло въ долги и видимо стало бѣднѣть. Чтобы покрыть свои расходы и долги помѣщики продавали крестьянъ въ розницу: мальчика, дѣвочку, лакея, кучера, повара и проч.

«Долженъ я сказать къ чести отца моего, писалъ фонъ-Визинъ,

---

[1]) Изъ Москвы отъ 21 декабря 1776 г.

[2]) По усмиренію Пугачевскаго бунта.

[3]) Двадцатилѣтнимъ онъ названъ потому, что въ этотъ срокъ уплачивался капиталъ съ процентами.

что онъ, имѣя не болѣе пятисотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва-ликому извѣстно».

«Въ эпоху моей молодости, говоритъ неизвѣстный авторъ [1]), старики и молодые были въ полной командѣ философовъ XVIII столѣтія. Безнравственность, развратъ, распутство достигли тогда до высшей степени, и по всей справедливости сказать должно, что мы, старики, напрасно порицаемъ нынѣшній вѣкъ. Наши дѣти и внучата во сто разъ лучше, чѣмъ мы были въ ихъ лѣта».

XV.

Своеволіе и самоуправство.—Помѣщичьи наѣзды.—Грабежи и насиліе.—Карточная игра. — Взяточничество. — Сенатъ. — Суды. — Тяжебныя дѣла. — Отсутствіе правосудія и скораго рѣшенія дѣлъ.

Отсутствіе нравственныхъ и духовныхъ идеаловъ и пустота жизни заглушаются хорошею ѣдою, богатою одеждою, страстью къ золоту и ко всякаго рода легкой наживѣ. Для достиженія послѣдняго всякія средства считаются позволительными: взяточничество, картежная игра, грабежъ и даже воровство. Дворянство того вѣка не чуждо было этихъ пороковъ. «Подлѣе ничего не знаю, говоритъ фонъ-Визинъ, какъ дворянина, недостойнаго быть дворяниномъ». Когда Зорничъ прожилъ свое состояніе, тогда онъ обратился сначала къ шулерничеству, а потомъ занимался поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій. Старорусскій дворянинъ Галицкій и помѣщикъ Григорій Апушкинъ, согласившись съ крестьяниномъ Александро-Невскаго монастыря Феклистомъ Прокофьевымъ, ограбили проѣзжавшаго крестьянина Ѳедора Суслова. Они отняли у него 5 руб., лошадь съ санями, 7 свиныхъ тушъ, 2 пуда соли и нѣсколько калачей. Галицкій дворянинъ Кирилла Кадниковъ съ бѣглымъ крестьяниномъ Ивановымъ украли въ деревнѣ двухъ лошадей, изъ которыхъ одну продали въ Костромѣ за четыре рубля [2]).

[1]) «Бытъ русскаго дворянина», *Москвитянинъ*, 1855 г., № 13, 25.

[2]) Архивъ Сената, Высочайш. повел., книги №№ 105, 108 и 125.

Дворянинъ Илья Аристовъ, впослѣдствіи пугачевскій полковникъ, занимался корчемствомъ и кражею, приведшими его въ толпу мятежниковъ.

Право сильнаго играло весьма видную роль въ жизни дворянства прошлаго столѣтія.

Богатые помѣщики отнимали землю у бѣдныхъ, дѣлали другъ на друга наѣзды, кончавшіеся нерѣдко смертью или увѣчьемъ. Въ 1768 году, брянскіе помѣщики маіоръ Василій и вахмистръ Иванъ Бахтины напали и разграбили имѣніе помѣщика поручика Ѳаддея Тютчева, убили многихъ крестьянъ, косившихъ и собиравшихъ сѣно [1]).

Помѣщикъ Ржевскаго уѣзда, отставной маіоръ Степанъ Чилѣевъ, собравъ своихъ крестьянъ, вооружилъ ихъ топорами, кольями и наполнивъ двѣ телѣги каменьями, отправился въ имѣніе сосѣдней помѣщицы Екатерины Похвистневой, жившей съ матерью своею, вдовою княгинею Авдотьею Гагариною. Разоривши домъ и службы, Чилѣевъ приказалъ своимъ крестьянамъ бить княгиню Гагарину каменьями, а Похвистневу билъ самъ «плетью немилостиво». При производствѣ слѣдствія и суда далъ ложную клятву, въ чемъ уличенъ былъ свидѣтелями, а затѣмъ изъ страха наказанія бѣжалъ изъ имѣнія и долгое время скрывался отъ преслѣдованія. Семь лѣтъ тянулось это дѣло и, наконецъ, Похвистнева просила императрицу поручить новгородскому губернатору Сиверсу лично разсмотрѣть ея тяжбу, чтобы избавиться отъ «непрестанной волокиты, таскаясь изъ мѣсто въ мѣсто и питая себя однимъ подаяніемъ».

Новгородская губернская канцелярія рѣшила дѣло въ пользу Похвистневой. «Но какъ помянутый Чилѣевъ, сказано въ запискѣ, поданной императрицѣ [2]), зная матери ея старость и обѣихъ ихъ несостояніе, намѣренъ сіе дѣло продолжать аппеляціями, чтобъ въ тѣхъ (аппеляціяхъ) вѣкъ ихъ кончился, то и на сіе правосудное новгородской губернской канцеляріи рѣшеніе подписалъ аппеляцію».

---

[1]) «Орловская Старина». *Орловскія Вѣдомости* 1872 г., № 15.

[2]) Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, книга № 123, л. 326.

Хотя по закону подобные поступки наказывались весьма строго [1]), при отсутствіи правосудія и чистоты нравственныхъ убѣжденій, подобныя насилія повторялись почти ежедневно и повсемѣстно. Титулярный совѣтникъ Николай Зубовъ съ сыномъ Александромъ разграбилъ имѣніе ротмистра Василія Аннепкова. Отставной сержантъ Григорій Съѣдинъ подговорилъ до 500 человѣкъ однодворцевъ Бѣлогородскаго уѣзда, пріѣхалъ въ слободу статскаго совѣтника Якова Бахирева, разграбилъ церковь и дворы, разрушилъ до основанія мельницу, сжегъ 60 дворовъ и разогналъ всѣхъ жителей.

Для подобныхъ цѣлей сѣвскій помѣщикъ А. В. Касаговъ сформировалъ даже изъ своихъ дворовыхъ полроты пѣхоты, обучилъ ихъ строю и производилъ въ чины. При объѣздѣ епархіи сѣвскимъ архіереемъ, Касаговъ представилъ ему свою полуроту, произвелъ на дворѣ ученье и маневры съ пальбою [2]). Наѣзды помѣщиковъ другъ на друга были явленіемъ обыденнымъ: они происходили въ Орловской, Тульской, Воронежской, Псковской и другихъ губерніяхъ. Въ архивѣ Сената до сихъ поръ хранится множество документовъ, относящихся до своеволія, самоуправства помѣщиковъ и захвата ими чужой собственности.

«Изъ общаго слуха, что здѣсь носится, писалъ П. В. Завадовскій И. А. Потапову [3]), якобы отставной полковникъ Вадковскій въ Ефремовскомъ уѣздѣ великія дѣлаетъ озорничества, сѣчетъ плетьми цѣлыя однодворческія и государственныя селенія, порабощаетъ ихъ себѣ и многія насильства творитъ. Ея величество высочайше повелѣть мнѣ изволила отписать къ вашему превосходительству, чтобы вы развѣдавъ неукоснительно дали знать, такъли шалитъ въ самомъ дѣлѣ сей помѣщикъ, какъ здѣсь о томъ говорятъ общимъ голосомъ. А между тѣмъ не оставили-бъ вы законнымъ образомъ воздержать таковыя его безчинства и продерзости».

---

[1]) По указу 1731 года, кто на сторонней землѣ учинитъ бой и драку, таковыхъ бить кнутомъ и вырѣзавъ ноздри сослать въ вѣчную работу; а буде помѣщики сами или прикащики и старосты, по приказу ихъ то сдѣлаютъ, то съ таковыми учинить то же.

[2]) Записки Добрынина, стр. 98 и 102.

[3]) Въ письмѣ отъ 12-го ноября 1775 года. Государственный Архивъ, XI. № 1,058.

По произведенному дознанію оказалось [1]), что полковникъ Егоръ Вадковскій завладѣлъ насильемъ землею отставнаго секретаря Глаголева, сѣялъ на ней хлѣбъ и собиралъ его въ свою пользу. То же самое онъ сдѣлалъ и съ другимъ помѣщикомъ сосѣдомъ Лутовиновымъ, у котораго сверхъ того сломалъ и снесъ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Собравши своихъ крестьянъ, Вадковскій отправлялся съ ними въ чужой лѣсъ и рубилъ его; всѣхъ противящихся его волѣ онъ сѣкъ плетьми и батожьемъ. Онъ пріѣзжалъ на чужія пашни, жалъ чужой хлѣбъ, косилъ сѣно на чужихъ лугахъ, отбиралъ у однодворцевъ дочерей и отдавалъ ихъ замужъ за своихъ крестьянъ. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, Вадковскій отобралъ въ разныхъ мѣстахъ у сосѣднихъ крестьянъ 156 десятинъ земли и присоединилъ ихъ къ своимъ владѣніямъ.

Духовенство не отставало отъ дворянъ и также не чуждалось подобныхъ продѣлокъ. Ростовскіе мелкопомѣстные дворяне жаловались императрицѣ, что ростовскій архіерей отнялъ у нихъ помѣстья и вотчины и приписалъ къ архіерейскому дому.

Пахотные солдаты г. Сызрани заявили, что на принадлежащихъ имъ земляхъ живутъ многіе помѣщики, пользуются покосами и рыбною ловлею. Однодворцы Казанскаго уѣзда говорили то же, присовокупляя, что по какимъ крѣпостямъ или записямъ поселившіеся это дѣлаютъ, о томъ не объявляютъ и проживая вмѣстѣ съ ними, причиняютъ большія обиды: травятъ своимъ скотомъ ихъ хлѣбъ и топчатъ луга. Въ наказѣ, данномъ депутату г. Саратова, черносошные крестьяне писали, что офицеры, дворяне, купцы и приказные служители завладѣли самыми удобными ихъ землями, самовольно перевели на нихъ крестьянъ и до того стѣснили коренныхъ жителей, что они принуждены у нихъ же нанимать луга. Крестьяне жаловались, что самовольные пришельцы запрещаютъ имъ пользоваться лѣсомъ и причиняютъ разнаго рода обиды [2]).

---

[1]) Экстрактъ, учиненный изъ рапортовъ елецкой провинціальной и ефремовской воеводской канцелярій о причиненныхъ полковникомъ Вадковскимъ разныхъ жителямъ обидахъ. Гос. Архивъ. XI, № 1,058.

[2]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. IV, стр. 95. 101 и 113.

«Многимъ изъ лицъ сего присутствія, писалъ Никита Жилинъ [1]), извѣстны вреднѣйшіе для общества два порока: лихоимство и насиліе въ завладѣніи чужою собственностію. Лихоимство, произведя всѣ злыя страсти ко вреду рода человѣческаго, давало имъ и способы къ приведенію ихъ въ исполненіе; отчего общество потеряло тишину и спокойствіе. Изъ сихъ пороковъ я считаю важнѣйшимъ насиліе, которое и понынѣ производитъ во многихъ мѣстахъ великія бѣдствія. Много есть такого рода людей, которые, потерявъ совѣсть и добродѣтель и прилѣпясь единственно къ корыстолюбію, безъ всякой причины нападаютъ на своихъ ближнихъ, отнимаютъ у нихъ силою имѣнія и черезъ это лишаютъ ихъ послѣдняго пропитанія. Отъ такого насилія происходятъ большія драки, смертоубійства и проливается кровь невинныхъ людей. Столь безчеловѣчные поступки, противные естественному нраву, дѣлаютъ большой уронъ государству. Тѣмъ же, у которыхъ такимъ образомъ бываютъ отняты имѣнія, представляются труднѣйшія средства къ отысканію отнятаго. По законамъ о насиліяхъ надлежитъ производить судъ по формѣ. Но я увѣренъ, что всѣмъ здѣсь присутствующимъ извѣстно производство суда и поэтому они знаютъ, какъ затруднительно по суду возвращать отнятое, даже и такимъ, у которыхъ не все отнято и которые еще въ состояніи лично отыскивать отнятое. Надлежитъ нанимать повѣреннаго за большія деньги, оставлять свой домъ и хозяйство, самимъ жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться его дѣло, наблюдать, дабы ихъ повѣренный не сдѣлалъ какого либо по суду плутовства и ожидать окончанія рѣшенія дѣла.

«Но издавна вкоренившееся во многихъ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство не допускаетъ дѣлать по закону справедливость. Это ведетъ къ тому, что по дѣламъ бываютъ промедленія и даже неправыя рѣшенія, по которымъ берутъ апелляціи. Въ такомъ продолженіи дѣлъ оканчивается жизнь многихъ челобитчиковъ и имѣнія ихъ остаются у насильниковъ. Хотя нѣкоторые успѣваютъ возвратить по суду свои имѣнія, но они обходятся имъ дорогою

[1]) Депутатъ отъ дворянства Одоевскаго уѣзда. См. *Сборникъ русскаго историческаго общества*, т. VIII, стр. 360 и 361.

цѣною. До сихъ поръ я говорилъ о такихъ лицахъ, у которыхъ не все было отнятно и которыя въ состояніи были отыскивать свои имѣнія. Но надобно представить бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и людей малоимущихъ и безграмотныхъ. Такіе уже не имѣютъ способовъ возвратить отнятое и лишась отъ насильниковъ всего имѣнія, проживаютъ остальной вѣкъ въ крайней бѣдности и бездомствѣ. Положеніе такихъ обиженныхъ по истинѣ жалостно...

«Есть такіе люди, которые даютъ позволеніе пахать свою землю или рубить лѣсъ въ своихъ дачахъ и при этомъ позволеніи не бываетъ никого постороннихъ. Когда же получившіе позволеніе пріѣдутъ въ ихъ дачи и станутъ рубить лѣсъ или пахать землю, то тѣ, которые это позволили, станутъ свидѣтельствовать, что къ нимъ пріѣхали насиліемъ».

Праздное, крайне неразвитое и почти неграмотное дворянство прошлаго столѣтія отличалось подвигами самаго необузданнаго свойства. Многіе дворяне аттестовались такъ: въ службѣ не были, грамотѣ не знаютъ и писать не умѣютъ. По свидѣтельству Державина, тамбовское дворянство было на столько грубо, что ни одѣться, ни войти въ общество, ни обращаться, какъ должно благородному человѣку—не умѣли. За то животные инстинкты, сословный эгоизмъ и право сильнаго были развиты въ высшей степени. Въ 1779 году, шацкій помѣщикъ вахмистръ Веденяпинъ убилъ своего крестьянина и бросилъ тѣло его въ воду. Поручикъ Блохинъ вытащилъ тѣло и похоронилъ его. Тогда Веденяпинъ зазвалъ къ себѣ Блохина, высѣкъ его плетьми и избилъ кочергою. Собирая вокругъ себя огромную дворню, помѣщики ходили другъ на друга войною. Побѣдившій загонялъ къ себѣ скотъ побѣжденнаго, отбиралъ отъ него хлѣбъ и имущество. «Сильный владѣлецъ, говорили депутаты, захватываетъ въ лучшихъ мѣстахъ земли, отнимая иногда и съ хлѣбомъ посѣяннымъ». Удовлетворенія обиженному не существовало. Чѣмъ сильнѣе и богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ труднѣе было до него добраться представителю власти — огромная толпа вооруженныхъ людей не пускала капитанъ-исправника въ домъ своего помѣщика. Для полной характеристики дворянства достаточно сказать, что въ концѣ XVIII столѣтія 101 человѣкъ тамбовскихъ дворянъ были подъ судомъ и

большинство ихъ судилось за взятки, буйство, грабежи и воровство.

Много тяжебныхъ и псковыхъ дѣлъ возникало и изъ-за карточной игры.

Картежная азартная игра была развита въ сильной степени и проигравшіе часто не отдавали денегъ или писали векселя на чужія имена. Л.-гв. коннаго полка корнетъ Василій Ржевскій, проигравшись выдалъ вексель на имена неподозрѣвавшихъ о томъ купцовъ: тверскаго Михаила Вагина и московскаго Михаила Навозова [1]). Г. Р. Державинъ и Сергѣй Максимовъ обыграли прапорщика Дмитріева, были преслѣдованы закономъ, и тяжебное дѣло тянулось болѣе 12 лѣтъ. Въ высшихъ слояхъ общества карты составляли почти единственное препровожденіе времени. Въ 1780 году, когда въ Могилевѣ ожидали пріѣзда императрицы, то за мѣсяцъ почти съѣхались туда иностранные министры, дворянство и множество польскихъ магнатовъ. Среди баловъ шла самая оживленная карточная игра, «каковой, говоритъ Энгельгардтъ, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно была-ли и послѣ: графъ Сапѣга проигралъ тогда все свое знатное имѣніе» [2]).

Бывшій въ то время губернаторомъ въ Могилевѣ П. Б. Пассекъ былъ извѣстный и страстный игрокъ. Онъ проигрывалъ по десяти тысячъ въ вечеръ, игралъ до 3-хъ часовъ ночи, часто засыпалъ за карточнымъ столомъ, и затѣмъ очнувшись продолжалъ играть. «Игроки собирались ко всенощному бдѣнію за карточнымъ столомъ, говоритъ современникъ [3]), и тамъ теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простачковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ *труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года* и готовились поставить на карту».

Оберъ-церемоніймейстеръ М. Ѳ. Каштанинскій былъ извѣстенъ, какъ охотникъ до лакомаго стола и къ нему собирались знатнѣйшіе карточные игроки. Правитель канцеляріи князя Потемкина,

---

[1]) Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123.

[2]) «Записки Энгельгардта», стр. 18 и 19.

[3]) «Отрывокъ изъ путешествія», *Живописецъ*.

извѣстный В. С. Поповъ, часто выпосилъ изъ своего кабинета цѣлую шляпу червонцевъ и проигрывалъ ихъ въ карты.

«Тогда было такое время и обычай, пишетъ Лукинъ [1]), чтобъ всѣмъ, т.-е. богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться. Но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старались избрать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія пускалися въ игру (карточную) и оною обогащалися».

Неумѣренная карточная игра, сказано было въ одномъ изъ указовъ Сената [2]), ни къ чему болѣе не служитъ, какъ только къ единственному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ. Сенатъ поручалъ полиціи слѣдить за тѣмъ, чтобы азартныхъ игръ не было, но онѣ все-таки продолжались, благодаря продажности полиціи и всеобщему взяточничеству.

Взяточничество было явленіемъ общимъ и всѣмъ извѣстнымъ.

Императрица Елисавета любила роскошь, шумныя удовольствія, наряды, праздное веселье и суету. Предаваясь имъ, она часто забывала свои обязанности по управленію и «оставляла подданныхъ своихъ на произволъ лѣнивыхъ и нечестныхъ совѣтниковъ и слугъ, которые безъ стыда и боязни продавали свои услуги чужимъ дворамъ и подтачивали самую сердцевину страны своей» [3]).

«Государыня весьма мало, и даже вовсе не заботится, объ исполненіи своихъ повелѣній, писалъ австрійскій посланникъ Мерси Аржеанто [4]), и злонамѣренные и корыстолюбивые исполнители оставляютъ, если не всѣ, то бо́льшую часть именно этихъ повелѣній безъ всякихъ послѣдствій».

«Здѣшнее знатное дворянство, обѣднѣвшее вслѣдствіе непомѣрной роскоши и вообще обремененное неоплатными долгами, по не-

---

[1]) Въ предисловіи къ своей комедіи: «Мотъ, любовью исправленный».

[2]) Полное Собраніе Законовъ № 11,877.

[3]) «Изъ послѣднихъ дней русской императрицы Елисаветы». *Чтенія* въ Московскомъ обществѣ исторій и древностей 1877 г., кн. 2 стр. 3.

[4]) Тамъ же, стр. 7.

обходимости должно изыскивать всякія средства, чтобы помочь себѣ, главнымъ образомъ прибѣгать къ насильственнымъ вымогательствамъ и противозаконнымъ притѣсненіямъ остальныхъ подданныхъ и торговыхъ людей. Такого рода беззаконія и притѣсненія, по мѣрѣ большей или меньшей благосклонности, которую каждое властное лицо съумѣло пріобрѣсти себѣ въ Сенатѣ, являясь почти повсемѣстными, продѣлываются тѣмъ безсовѣстнѣе, что самые представители суда служатъ примѣромъ въ злоупотребленіяхъ своею должностію и почетнымъ званіемъ.

«Содержаніе этого всеподданнѣйшаго донесенія было бы черезъ мѣру обширно, еслибы я описалъ здѣсь лихоимства и беззаконія каждаго государственнаго чиновника въ особенности; но беру смѣлость увѣрить, что такое обстоятельное изображеніе едва ли нашло бы себѣ подобное гдѣ либо, о чемъ достаточно можетъ свидѣтельствовать и нижеслѣдующее даже изложеніе.

«Князь Шаховской, нынѣшній генералъ-прокуроръ и первоприсутствующій въ Сенатѣ, можетъ быть единственнѣйшій вельможа, который не дозволитъ подкупить себя деньгами; но если онъ отнюдь не беретъ никакихъ подарковъ, то тѣмъ не менѣе вещь общеизвѣстная, что онъ ведетъ самыя постыдныя сдѣлки, въ видѣ ссуды денегъ въ займы, и вѣрнѣйшій путь пріобрѣсть его милостивое содѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы занять у него извѣстную сумму денегъ подъ громадные годовые проценты. Сенаторъ графъ Воронцовъ, одинъ изъ братьевъ канцлера, имѣющій послѣ президента весьма большое значеніе въ Сенатѣ, всѣми считается за человѣка съ самой низкой душой, способнаго съ самою безстыдною наглостью обдѣлывать самыя вопіющія беззаконія. Когда оба помянутые сановники согласятся между собою, привлекутъ на свою сторону голоса и остальныхъ сочленовъ своихъ, по себѣ также порочныхъ, то не трудно представить, какъ въ подобныхъ рукахъ выполняются высшее правосудіе и вообще подвѣдомыя Сенату дѣла въ государствѣ, а равно въ какихъ общихъ и открытыхъ жалобахъ вопіетъ противъ нихъ все общество».

Пользуясь своимъ вліяніемъ, графъ Петръ Шуваловъ успѣлъ выхлопотать себѣ монополію по торговлѣ лѣсомъ, саломъ, дегтемъ и табакомъ. Эта торговля, безъ всякихъ затратъ и труда съ его

стороны, приносила ему до трехсотъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода [1]). Мало того, онъ успѣлъ сдать лѣсной промыселъ по контракту англійскому купцу Гому, на тридцать лѣтъ. Сенатъ утвердилъ эту передачу и выдалъ Гому заимообразно, изъ казны, триста тысячъ рублей. Императрица Екатерина уничтожила монополію Шувалова, приказала Гому заключить контрактъ съ казною и взыскать съ него взятые изъ казны 300,000 рублей [2]). За графомъ Шуваловымъ шли Воронцовы, отецъ и сынъ: одинъ бралъ взятки во Владимірѣ при рекрутскомъ наборѣ, другой въ коммиссіи о коммерціи, гдѣ былъ президентомъ [3]). Про одного изъ Воронцовыхъ и именно канцлера, Екатерина писала: «гипокритъ какого не бывало; продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержалъ его на жалованьи» [4]).

Чины и должности продавались во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Извѣстный откупщикъ Лукинъ за 8,000 руб. «наворованныхъ денегъ», купилъ себѣ чинъ капитана; заводчикъ Прокофій Демидовъ, приводимый за пасквиль подъ висѣлицу, бывшій нѣсколько разъ подъ слѣдствіемъ и никогда неслужившій въ военной службѣ, купилъ себѣ чинъ генералъ-маіора. Подрядчикъ Ѳалѣевъ получилъ не только самъ дворянство и чины, но и своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и оберъ-офицеры произвелъ» [5]). Въ военной коллегіи продавались чины довольно свободно. Генералъ-прокуроръ князь Вяземскій раздавалъ жалованье и пенсіоны кому хотѣлъ, не испрашивая высочайшихъ повелѣній, и могъ это дѣлать потому, что скрывалъ отъ императрицы истинную цифру доходовъ. Графъ Безбородко и В. С. Поповъ раздавали мѣста черезъ своихъ метрессъ; въ канцеляріяхъ командующихъ войсками, не исключая Суворова, продавались ордена. Секретарь Бѣлорусскаго губернатора, Алѣевцевъ, производилъ въ чины кого

---

[1]) *Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей*, 1877 г., кн. II стр. 8.

[2]) Указъ Сенату 8 мая 1763 г. Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 106.

[3]) «Записки Храповицкаго».

[4]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXV, 243.

[5]) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», кн. Щербатова. «Русская Старина» 1871 г., т. III, 683.

хотѣлъ и раздавалъ мѣста; онъ всегда носилъ въ карманѣ готовые ордера и патенты на чины и должности [1]).

«Чины стали всѣ продажны, говоритъ князь Щербатовъ, [2]) должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали вымѣщать».

— Гдѣ же у насъ возьмешь такого человѣка, говаривалъ А. С. Строгановъ, чтобы данной ему большой власти во зло не употреблялъ [3]).

«Губернаторы губерній и городовъ, писалъ гр. Сольмсъ королю [4]), духовенство, судьи, офицеры, воспользовавшись слабостью предшествовавшихъ царствованій, сдѣлались каждый, такъ сказать, независимыми въ епархіяхъ или областяхъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. *Они были тиранами для народа*, увѣренные въ своей безнаказанности, потому что дѣлили плоды своихъ поборовъ и грабежей *съ людьми, имѣвшими вліяніе при дворѣ*. Новыя преобразованія, принуждающія ихъ вести жизнь трудовую и безкорыстную, возбуждаютъ съ ихъ стороны неудовольствія, потому что не позволяютъ предаваться двумъ національнымъ порокамъ—лѣности и корыстолюбію.

Духовныя консисторіи брали «тяжкія» взятки со ставленниковъ, а секретарь генералъ-прокурора Самойлова, Ермоловъ, былъ извѣстенъ всей Россіи «по великой своей силѣ, по безмѣрной горделивости и по безпредѣльному грабительству и *лихоимству* [5]).

Въ Петербургѣ былъ судья Терскій, извѣстный всей столицѣ подъ именемъ *багра*, «въ знаменитое отличіе отъ его братіи *мелкихъ крючковъ*» [6]).

«Въ приложенной при семъ запискѣ, писала императрица генералъ-маіору Алексѣю Маслову [7]), усмотрите, какимъ преступле-

---

[1]) «Записки Добрынина», 159. «Записки Энгельгардта», стр. 143.

[2]) «О поврежденіи нравовъ», «Русская Старина» 1871 г., т. III, 684.

[3]) «Записки Порошина», «Руская Старина 1881 г., № 5, стр. 170.

[4]) Отъ 7 (18) іюня 1867 г. Сборн. Императ. Историч. Общест., т. XXII, 65.

[5]) *Русскій Архивъ* 1864 г., издан. I, стр. 792.

[6]) «Записки Винскаго», *Русскій Архивъ* 1877 г., т. I, 152.

[7]) Въ указѣ отъ 7 января 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. № 105.

ніемъ обвиняется смоленскій нашъ губернаторъ, Исай Аршеневскій съ товарищи. Оное состоитъ въ такомъ сквернo-прибыточествѣ, которое заслуживаетъ строжайшее изслѣдованіе».

По изслѣдованію оказалось, что Аршеневскій не выдавалъ жалованья пограничнымъ коммиссарамъ и служителямъ до тѣхъ поръ, пока они не дали взятки: ему, губернатору, 20 руб., коллежскому асссссору Павлу Суходольскому—10 руб., секретарю Ефиму Мордвинову—5 руб., регистратору Михаилу Голубкову—10 руб., подканцеляристу Михайлѣ Соколову—1 р. 50 к., ординарцу губернатора Чижу—1 р. Расходчикъ Иванъ Путиловъ показалъ, что не помнитъ сколько именно получилъ, а совѣтникъ Лебедевъ говорилъ, что онъ взятокъ не бралъ, а что вскорѣ послѣ раздачи жалованья была жена Лебедева именинница и тогда Вонлярлярскій принесъ ему завернутую бумагу, и положилъ ему на столъ. Въ бумагѣ было 20 рублей, «и онъ-де Лебедевъ почитая оное, какъ то обыкновенно бываетъ, въ презентъ женѣ своей принялъ» [1]).

Аршеневскій увѣрялъ, что взятокъ самъ не бралъ и ни черезъ кого не получалъ, «а только обрѣтающіеся въ той губерніи его сродственники и свойственники, также и пріятели, изъ одной своей пріязни и любви обсылали его къ торжественнымъ праздникамъ живностью, а когда хлѣбъ поспѣетъ, то разнымъ хлѣбомъ». Призванный передъ собраніе Сената, Аршеневскій признался въ своемъ преступленіи и въ томъ, что въ бытность еще вице-губернаторомъ взялъ взятку съ ротмистра Владиміра Потемкина. Имѣя дѣло въ губернской канцеляріи о своей женитьбѣ, Потемкинъ, чтобы ускорить рѣшеніе, далъ Аршеневскому 25 червонцевъ, 70 рублевиковъ, лошадь въ 40 рублей и 440 пудовъ сѣна. Прокурору Николаю Волынскому онъ далъ двѣ лошади, секретарю Ефиму Мордвинову 10 рублей и дѣвку, канцеляристу Ивану Комлеву 20 руб. и малаго въ 17 лѣтъ [2]).

Аршеневскій былъ еще изъ мелкихъ лихоимцевъ. Знаменитый слѣдователь Крыловъ, воронежскій губернаторъ Пушкинъ были покрупнѣе. Надворный совѣтникъ Контяжевъ въ Оренбургѣ безъ

---

[1]) Всеподд. донесеніе генералъ-маіора Маслова 4 февраля 1763 г.

[2]) Докладъ Сената 17 мая 1763 г. Арх. Сената, кн. 106.

взятки не давалъ жалованья нижнимъ чинамъ. Симбирскій воевода князь Назаровъ самъ ссорилъ дворянство и «послѣ безпримѣрными взятками пользовался».

Взятки брались не только при каждомъ удобномъ случаѣ, но и отыскивались для того разные предлоги. Такъ, воевода гор. Валуекъ, Бѣлогородской губерніи, Клементьевъ, канцелярист Бочаровъ и новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренберъ брали взятки за приводъ къ присягѣ [1]).

Коллежскій совѣтникъ Василій Шекуровъ взялъ съ атамана гребенскаго войска, за выдачу жалованья, калмыцкій тулупъ и голову сахару. Подрядчики должны были платить пріемщикамъ; крестьяне—духовенству за исполненіе требъ; подчиненные — даромъ работать начальнику. Саратовскій полиціймейстеръ Иванъ Малаховъ употреблялъ десятскихъ и сотскихъ для своихъ домашнихъ работъ и заставлялъ ихъ караулить пивоварню откупщика Петра Хлѣбникова [2]).

Взяточничество до такой степени всосалось въ плоть и кровь русскаго человѣка, что по его мнѣнію никакое лицо, какъ бы высоко оно поставлено ни было, безъ взятки ничего не сдѣлаетъ. Анна Ватазина, жена товарища костромскаго воеводы, прося императрицу о производствѣ мужа ея въ коллежскіе ассессоры, писала: «Умились, матушка, надо мною, сиротою, прикажи указомъ, *а я подведу вашему императорскому величеству лучшихъ собакъ четыре*: Еполитъ да Жульку, Женету, Маркиза» [3]).

Всѣ эти поборы были на столько тягостны для населенія, что въ 1764 году появился ложный указъ императрицы, грозившій взяточникамъ жестокимъ наказаніемъ. 17 марта 1764 года, на Сенатской площади, при барабанномъ боѣ, палачъ сжегъ этотъ указъ, въ которомъ говорилось: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя права и въ томъ много чинятъ россійскому государству

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 11,616 и 12,234.

[2]) *Сборникъ историческаго общества*, т. IV, 113. Полное Собраніе Законовъ, № 11,656.

[3]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 190.

недобра. Прадѣды и праотцы, россійскаго государства монархи жаловали ихъ вотчинами и деньгами награждали, и они о томъ забыли, что воистину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда впредь было въ Россіи, когда любезный монархъ Петръ Великій царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ Божій и государственныя правы крѣпко наблюдали. А нынѣ правду всю изринули, да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что россійскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матерей осиротѣли; или дворянамъ онымъ не умирать, или имъ передъ Богомъ на судѣ не быть?—такой же имъ судъ будетъ: *въ юже мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ.*»

Сенатъ обѣщалъ 100 рублей тому, кто откроетъ сочинителя указа, а императрица приказала объявить, чтобы отнынѣ народъ не вѣрилъ никакимъ указамъ кромѣ печатныхъ [1]). Тѣмъ не менѣе, правительство само сознавало, что взяточничество «возросло такъ, что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе, судъ, безъ зараженія сей язвы отправлялося: ищетъ ли кто мѣсто—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами». По словамъ одного изъ указовъ, судъ обратился въ мѣсто торжища, гдѣ нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ [2]). Императрица поручила Сенату позаботиться о томъ, чтобы на мѣста судей назначались люди достойные, «а чтобъ справедливая служба награждаема была и малоимущіе не имѣли причинъ къ лакомству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскавъ на то деньги не вновь налагаемыми съ народа сборами, но другими благопристойными способами [3])». Сенатъ не нашелъ такихъ способовъ, и рядомъ съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ, для усиленія чиновникамъ жалованья, былъ увеличенъ сборъ [4]): съ вина, пива, меду,

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 12,089 и 12 090. *Сборникъ историческаго общества*, т. VII, 322.

[2]) Указъ Сенату 18 іюля 1762 г. Тамъ же № 11,616.

[3]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,624.

[4]) Манифестъ 15 декабря 1763 г. Полное Собраніе Законовъ № 11,988.

гербовый сборъ съ купчихъ, закладныхъ и духовныхъ, съ подаваемыхъ челобитенъ, съ находившихся въ арендномъ содержаніи казенныхъ амбаровъ, лавокъ, кузницъ, съ фабрикъ, заводовъ, паспортовъ, патентовъ на чины, жалованныхъ грамотъ, дипломовъ, съ заклейменія посуды, съ продажи клея и проч. и проч.

Желаніе императрицы искоренить безпорядки были не по нутру дворянству и чиновничеству. «Проблески неудовольствія, писалъ графъ Сольмсъ королю [1]), проявляющіяся отъ времени до времени, порождаются главнымъ образомъ стремленіемъ императрицы искоренить въ своей Имперіи злоупотребленія, причемъ мѣры, принимаемыя для общей пользы, часто противорѣчатъ выгодамъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей. Множество знатныхъ бояръ и даже большая часть сената не очена-то рады, что имѣютъ государыню слишкомъ дѣятельную, которая хочетъ управлять сама. Имъ лучше было въ предшествовавшія царствованія, когда страдалъ только простой народъ. По этому они дѣлаютъ все, чтобы противодѣйствовать благимъ намѣреніямъ императрицы. Они запутываютъ дѣла, которыя она желаетъ себѣ уяснить; медлятъ исполненіемъ тѣхъ, которыя должны бы быть окончены; стараются поселить въ ней отвращеніе и заставить ее покинуть свой планъ, заваливая ее массою работъ».

Вообще Сенатъ въ первые годы царствованія Екатерины представлялъ учрежденіе весьма оригинальное. Указовъ его не исполняли, и угрозы подвергнуть виновныхъ наказанію не дѣйствовали. Императрица Екатерина принуждена была приказать, чтобы всѣ учрежденія по полученіи указа Сената доносили, какъ о сдѣланномъ опредѣленіи, такъ и о дѣйствительномъ исполненіи указа [2]).

Законы были въ пренебреженіи и каждый толковалъ ихъ по своему произволу. Не даромъ люди того времени сравнивали законъ съ дышломъ, которое куда хочешь туда и повернешь.

— Восхищаюсь, говорилъ А. И. Бибиковъ депутатамъ, собравшимся въ коммиссію по составленію новаго уложенія, восхищаюсь,

---

[1]) Отъ 17 (28) марта 1763 г. Сборн. Императ. Русскаго Историческ. Общест., т. XXII, 43.

[2]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXVII, 5.

усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утверждаемое въ Россіи благоденствіе установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ и всѣми желаемыхъ законовъ.

Произволъ, казнокрадство и взяточничество попирали законъ и справедливость. «Вижу пыпѣ, говоритъ князь Щербатовъ, обращаясь къ вельможамъ правителямъ [1]), вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему? Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ, видя похлебства ваши къ зловреднымъ откупщикамъ. Едва вы входите въ начальство, уже несмысленная родня ваша важныя мѣста получаетъ».

Правый судъ былъ явленіемъ рѣдкимъ и всѣми сознаваемымъ. Въ залѣ общаго собранія Сената былъ поставленъ барельефъ «*Истина*» нагая. Вступая въ должность генералъ-прокурора и осматривая залу, князь А. А. Вяземскій сказалъ экзекутору: «вели, братъ, ее нѣсколько прикрыть». И подлинно, прибавляетъ Державинъ, съ тѣхъ почти поръ стали прикрывать правду въ правительствѣ.

Общественной дѣятельности не существовало и большинство правителей жило въ свое удовольствіе. Въ Сенатѣ за излишнее почитали государственныя дѣла слушать, говоритъ императрица. «Стыдно сказать, что и карты напечатанныя не были въ Сенатѣ и что первую карту я, бывъ въ Сенатѣ, послала купить въ Академіи» [2]). Екатерина II говорила, что ея вельможи любятъ начальствовать и веселиться, но не любятъ заниматься дѣломъ. «Всѣ любятъ начальствовать, говорила императрица и почти всѣ имѣютъ худое воспитаніе». Въ дѣлахъ они полагаются на своихъ секретарей и работаютъ только тогда, когда она ихъ заставитъ.

«Слушай Перфильевичъ, писала Екатерина Елагину [3]), если въ концѣ сей недѣли не принесешь ко мнѣ наставленій или установленій губернаторской должности, манифестъ противъ *кожедирателей*, да дѣло Бекетьева совсѣмъ отдѣланныя, то скажу, *что*

---

[1]) *Русская Старина*. 1872 г., №1.

[2]) *Сборникъ историч. общества*, т. X, 381.

[3]) Сборн. Императ. Русскаго Историч. Общест., т. VII, 351.

тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ, да никто столько ему порученныхъ дѣлъ не волочитъ какъ ты».

«Господамъ сенаторамъ, писала Екатерина [1]), быть въ Сенатѣ отъ полдевятаго часа до половины перваго и посторонніихъ рѣчей отнюдь не говорить».

Для облегченія дѣятельности своихъ сотрудниковъ и ускоренія въ рѣшеніи дѣлъ, императрица приказала считать достаточнымъ и приводить въ исполненіе протоколы, подписанные только четырьмя сенаторами, по такимъ дѣламъ, которыя не заключаютъ въ себѣ отмѣны закона или изданія новаго постановленія. Самые протоколы писать по возможности кратко [2]). Впослѣдствіи, чтобы ускорить рѣшеніе дѣлъ, императрица принуждена была раздѣлить Сенатъ на департаменты, «дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ и въ одинъ день трактовалось, но столько производимо ихъ было, коликое число департаментовъ опредѣлится, а каждый бы департаментъ опредѣленные роды себѣ дѣлъ въ отправленіи узаконеніемъ имѣлъ [3])».

Льготы эти не подвинули впередъ дѣлъ и множество жалобъ, подаваемыхъ императрицѣ, свидѣтельствовали о бездѣятельности Сената.

«Съ удивленіемъ усмотрѣла я, писала Екатерина [4]), что дѣло между рижскими и смоленскими купцами до днесь еще Сенатомъ не рѣшено, хотя мною и повелѣно немедленно къ сему дѣлу приступить. Итакъ, Сенатъ имѣетъ черезъ три дня рапортовать, что по оному дѣлу господа сенаторы положили на мѣру. *А я уже болѣе нареканія отъ тамошнихъ жителей на медлительный судъ слышать не хочу*».

«Многія есть челобитныя аппеляціонныя на Сенатъ, писала императрица мѣсяцъ спустя [5]), изъ которыхъ болѣе уже года, какъ велѣно, сдѣлавъ экстракты, мнѣ представить, но ко мнѣ въ

---

[1]) Указъ Сенату 16 сентября 1762 г. Полн. собр. законовъ, № 11,665.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, №№ 11,589 и 11,596.

[3]) Сборникъ Императ. Русскаго Историческ. Общест., т. VII, 324.

[4]) Въ указѣ отъ 29 октября 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 108.

[5]) Въ указѣ отъ 28 ноября 1763 г. Тамъ же.

докладъ не поступаютъ, что есть не безъ-волокитно для челобитчиковъ. И для того я желаю знать, для чего они ко мнѣ такъ долго не вносятся, ибо Сенатъ разсматрявать ихъ не можетъ, потому что и судьѣ, и отвѣтчику одному мѣсту быть несвойственно».

Въ февралѣ слѣдующаго года генералъ-прокуроръ объявилъ, что «ея величество указать соизволила на будущей, т.-е. сырной недѣли имѣть въ Правительствующемъ Сенатѣ первые три дня общее собраніе для окончанія умножившихся по оному дѣлъ» [1]).

Медленность въ рѣшеніи дѣлъ происходила отчасти отъ того несогласія, которое существовало между членами Сената. Засѣданія коммиссіи по составленію новаго уложенія ясно свидѣтельствуютъ намъ о той розни и враждѣ, которыя существовали не только между сословіями, но и между дворянствомъ. Чужое мнѣніе не уважалось и голосъ сильнаго по общественному положенію или богатству уничтожалъ справедливое мнѣніе человѣка мелкаго, небогатаго и зависимаго. Единственнымъ средствомъ къ повышенію по службѣ или къ разнаго рода пріобрѣтеніямъ была лесть, заискиваніе и низкопоклонство. «Въ праздничные дни, говоритъ Новиковъ [2]), къ большимъ боярамъ ѣздить на поклонъ почитается за необходимость: ибо тѣ, которые сіе исполняютъ, находятъ свое счастіе гораздо скорѣе». Не только быть принятымъ въ общество лица вліятельнаго, но поговорить съ нимъ и даже потолкаться въ его передней считалось верхомъ счастія. Державинъ долго добивался чести быть знакомымъ съ княземъ Платономъ Зубовымъ, и когда наконецъ добился того, то общественное положеніе поэта значительно измѣнилось: «одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія». Чтобы получить тепленькое мѣстечко прибѣгали къ женамъ вліятельныхъ лицъ и не пренебрегали ихъ любовницами. Храповицкій искалъ всякаго случая, чтобы польстить императрицѣ, графъ Безбородко, входя къ ней съ докладомъ, кланялся чуть не до земли, а о тѣхъ счастливцахъ, которые допускались въ уборную князя П. Зубова посмотрѣть, какъ

[1]) Записка князя Вяземскаго сенату, 10 февраля 1764 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 108.

[2]) Въ предисловіи къ *Трутню*, изд. 3-е, стр. 7.

онъ совершалъ свой утренній туалетъ и пудрилъ голову, говорили по всему городу съ завистью. Около такихъ центровъ собиралась толпа добровольныхъ прислужниковъ, стоявшихъ горою за своего патрона, думавшихъ его головою и жившихъ его подаяніемъ и щедротами. Такая обстановка общественной жизни переносилась всецѣло и въ правительственныя учрежденія, въ томъ числѣ и въ Сенатъ. Сенаторы точно также группировались около центровъ, около своихъ благодѣтелей.

— Что намъ оберъ-прокуроръ предложитъ, то мы и подписываемъ, говорили И. М. Булгакову сенаторы графъ Остерманъ и Дурново [1]).

«Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства, говоритъ Лопухинъ [2]), или его сіятельства, или свѣтлости только почти и слышится, и пишется въ общихъ собраніяхъ Сената». Присутствуя въ Сенатѣ, Державинъ видѣлъ многихъ своихъ товарищей безъ всякихъ способностей, «которые, слушая дѣла, подобно осламъ, хлопали только ушами» [3]). На другой день послѣ назначенія сенаторомъ, Державинъ благодарилъ князя П. Зубова. «А какъ Сенатъ доведенъ наперсниками и прочими ея (императрицы) приближенными вельможами до крайняго униженія или презрѣнія», то Зубовъ весьма удивился, когда Державинъ благодарилъ его за то, что онъ сдѣланъ сенаторомъ.

— Неужто доволенъ? спросилъ онъ его.

— Какъ же, отвѣчалъ Державинъ, — не быть довольну сей монаршей милостію бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему съ самаго солдатства, что онъ посаженъ на стулъ сенаторскій россійской имперіи. Ежели же его сочлены почитаются, можетъ быть, кѣмъ ничтожными, то онъ себѣ уваженіе всемѣрно сыщетъ.

Большинство сенаторовъ группировалось около генералъ-прокурора и было отголоскомъ его мнѣнія; но было много и такихъ, которые, не имѣя собственнаго убѣжденія, дѣйствовали подъ вліяніемъ своихъ сильныхъ патроновъ, неприсутствовавшихъ въ Се-

[1]) *Русская Старина*, 1881 г., № 6, стр. 290.

[2]) «Записки Лопухина», стр. 65.

[3]) *Соч. Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 668.

натѣ. Постоянныя пререканія, отстаиванія личныхъ интересовъ или интересовъ своихъ клевретовъ, безъ соблюденія общей пользы и справедливости, приводили къ постоянному разногласію, ссорамъ, и во всякомъ случаѣ замедляли рѣшеніе дѣлъ.

«Господа сенаторы! писала императрица 6 іюня 1763 года [1]). Я не могу сказать, чтобы вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Въ доказательство сему довольно и одного сей день трактованнаго въ Сенатѣ дѣла о воеводѣ Мясоѣдовѣ, не упоминая о многихъ, гдѣ интересы наши и польза общая терпитъ. Но какая-бъ къ тому причина была? Мы принуждены были изыскивать и наконецъ нашли, и по истинѣ сказать нашли тѣ причины. Но къ крайнему своему прискорбію и огорченію тѣмъ, что онѣ единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ *междоусобное несогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другаго дѣлъ не терпятъ*, а потому и раздѣляются на партіи и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя, словомъ сказать, производятъ совсѣмъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла несвойственныя.

«Что-жь отъ того рождается? одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ нашимъ, ниже подданнымъ желаемой пользы не приходитъ. Я думаю, что всякъ, кто только незазорную свою совѣсть поставитъ надъ собою судьею, тотъ безпрекословно признаться долженъ, что примѣчаніе наше о семъ праведно есть. Богъ единъ сердцевѣдецъ вѣдаетъ, сколь мы прилежимъ о благополучіи нашего любезнаго отечества, и по истинѣ сказать, ничто насъ столь не утѣшаетъ, какъ цвѣтущее благосостояніе онаго, такъ что въ нашемъ благоденствіи и всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ поставляемъ мы собственное наше благоденствіе, а прямое наше удовольствіе въ праведномъ и нелицемѣрномъ отъ васъ происходящемъ судѣ, тишинѣ и въ спокойствіи отъ того нашихъ подданныхъ. Вы сами довольно знаете, сколь полезно,

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,845.

не только между первыми членами въ государствѣ, но и между средними и самыми малыми людьми къ правленію дѣлъ доброе согласіе, столь напротиву того вредно и разорительно государству раздоръ, вражда и несогласіе. О семъ излишне приводить на память многія доказательства, но всякій благоразумный можетъ видѣть почти безчисленные примѣры въ древней и новой исторіяхъ, какія отъ того происходили вредныя слѣдствія, а наипаче у грековъ. А наконецъ можно и сіе упомянуть, что раздоръ и несогласіе между первѣйшими людьми ежечасно, сколь бы терпѣливъ и милосердъ государь ни былъ, подвигнутъ его на гнѣвъ, ваши-жъ несогласія наносятъ многимъ безпокойство и тягость.

«Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя-бъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, *хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать.* Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ. Одинъ одаренъ натурою больше, а другой несравненно меньше, и для того при всякомъ обстоятельствѣ надлежитъ каждому себя умѣривать и съ благопристойностью послѣдовать безъ всякаго упорства и суесловія здравому разсудку, а черезъ то достигнуть полезнаго предпріятія.

«Итако мы, изъяснивъ довольно нашу волю и мысли, въ заключеніе сего нашимъ словомъ объявляемъ, что ничего намъ пріятнѣе не можетъ быть, когда мы увидимъ, что раздоръ, вражда и вкоренившаяся до сего ненависть совсѣмъ истребится, а вмѣсто того къ утѣшенію нашему и всеобщему возстановится любовь и согласіе, единодушное стараніе о пользѣ любезнаго намъ отечества. Въ чемъ да поможетъ и укрѣпитъ Всевышняя десница».

Пожеланія и приказанія императрицы оставались неисполненными. Сенатъ затягивалъ дѣла и скораго правосудія добиться было трудно. Чтобы дождаться рѣшенія самаго ничтожнаго дѣла, надо было «много крючковатаго писать, довольно бумаги и денегъ тратить, стряпчаго нанять, и взять терпѣніе на годъ другой, *буде не станетъ это дѣло переводиться съ мѣста на мѣсто*» [1]).

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1857 г., т. X, 627.

Были люди, считавшіе болѣе удобнымъ обратиться съ просьбою къ императрицѣ, чѣмъ въ Сенатъ. Жена прапорщика Ватазина просила императрицу пожаловать мужа ея, бывшаго въ Костромѣ воеводскимъ товарищемъ, въ коллежскіе ассессоры. «Я просила господъ сенаторовъ, писала она [1]), да все отходятъ смѣшками. У Александра Борисовича (Куракина) дважды была и толку не нашла. У князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго) была и онъ сказалъ: какъ же, сударыня, быть, есть его старѣе. А намъ что нужды: они не просятъ, а мы просимъ. А князь Иванъ Васильевичъ (Долгорукій?) радъ душою, да одному нельзя. А вчерась Петра Ивановича (графа Шувалова) просила, только онъ гнѣвается и я испужалась и просьбы своей не докончила. А мнѣ безъ ранга и мужу моему показаться нельзя. А Александръ Борисовичъ затѣялъ новое, чтобъ я сама въ Сенатъ пошла, а я и дверей не знаю, да и солдаты не пустятъ».

Несложное дѣло бѣлогородскаго помѣщика Бахирева съ разграбившимъ его имѣніе сержантомъ Григоріемъ Съѣдинымъ тянулось 14 лѣтъ; дѣло Державина съ прапорщикомъ Дмитріевымъ по картежной игрѣ продолжалось 12 лѣтъ; дѣло Бахтиныхъ, разграбившихъ въ Брянскомъ уѣздѣ имѣніе помѣщика Тютчева, тянулось съ 1768 по 1799 годъ, т.-е. 31 годъ [2]). Дѣломъ сибирскаго генералъ-губернатора Якоби 2-й департаментъ Сената занимался болѣе семи лѣтъ, оставя прочія дѣла и собираясь два раза: поутру и послѣ обѣда. Экстрактъ изъ дѣла, составленный Сенатомъ, состоялъ изъ 3,000 листовъ. Откуда такая медленность? Добрынинъ говоритъ, что десятая часть чиновниковъ служила съ пользою, десятая могла быть терпима, а остальные восемь-десятыхъ никуда не годились. На службу смотрѣли какъ на матеріальное обезпеченіе, средство къ наживѣ и обогащенію, а польза общественная оставлялась въ сторонѣ и о ней никто не думалъ. «Я отъ лѣности, говоритъ съ горькою насмѣшкою Н. И. Новиковъ [3]), никакой еще службы по сіе время не избралъ, ибо всякая служба несходна съ моею склонностью. Военная кажется

[1]) *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 190.

[2]) *Орловскія Вѣдомости* 1872 года, № 15.

[3]) Въ предисловіи къ своему «Трутню». См. издан. 3-е, стр. 8.

мнѣ очень безпокойною и угнетающею человѣчество: она нужна и безъ нее никакъ не можно обойтись; она почтенна, но она не по моимъ склонностямъ. Приказная хлопотлива: надлежитъ знать всѣ пронырства, въ дѣлахъ употребляемыя, чтобы не быть кѣмъ обмануту и имѣть смотрѣніе за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорятъ: дай за работу, а это очень трудно. И хотя она по сіе время еще гораздо наживна, но однакоже она не по моимъ склонностямъ. Придворная всѣхъ покойнѣе и была бы легче всѣхъ, ежели бы не надлежало знать наизустъ притворства гораздо въ высшей степени, нежели сколько должно знать се актеру: тотъ притворно входитъ въ разныя страсти временно, а сей безпрестанно то же дѣлаетъ».

Смотря на старшихъ своихъ собратій, среднее и мелкое чиновничество было также лѣниво, пренебрегало дѣлами и пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы сорвать и съ истца, и съ отвѣтчика.

У мясника увели быка, но воръ былъ скоро отысканъ и мясникъ, отправившись въ канцелярію, билъ челомъ секретарю съ приложеніемъ двухъ крестовиковъ.

— Я, другъ мой, не такой человѣкъ, сказалъ онъ, чтобы взятки брать, но полученныя деньги опустилъ въ карманъ.

Привели вора, но тотъ сунулъ секретарю имперіалъ. Секретарь сталъ допрашивать мясника *по формѣ*, т.-е. о томъ, о чемъ не надобно «и завелъ съ нимъ такую матерію, которой мужикъ не разумѣлъ». Мужикъ отвѣчалъ не кстати и тогда секретарь составилъ опредѣленіе, что мясникъ «въ рѣчахъ своихъ замѣшался и рѣшено его высѣчь за напрасное оклеветаніе своего ближняго. Мясникъ подалъ аппеляцію. «Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати не больше, замѣчаетъ «Адская Почта», то, можетъ статься, дождется конца своего дѣла» [1]).

Такимъ образомъ, кто больше давалъ тотъ и былъ правъ. Впрочемъ взятки не всегда помогали ускоренію дѣла. Всякая жалоба на проволочку суда не имѣла послѣдствій и подъячіе не боялись угрозъ.

— Изволь жаловаться, говорили они, а я скажу, что ты мнѣ

[1]) *Адская Почта*, стр. 48—50.

деньги давалъ, а за нихъ наказаніе одно, что плуту лихоимцу, что доброму человѣку просителю.

Взятки брались черезъ женъ, метрессъ, при помощи картъ, обѣдовъ и другими способами. Онѣ назывались «*акциденціею*» и «*барашкомъ въ бумажкѣ*».

Противъ взятокъ или, какъ называли современники, «застарѣлой неправды» издавались указы, говорились проповѣди еще Өеофаномъ Прокоповичемъ, писались сатиры Кантемира, Сумарокова, Нахимова, комедія Капниста «Ябеда» и фонъ-Визина, «письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*».

«Всячина» напечатала на своихъ страницахъ особыя заповѣди для судей и подъячихъ:

I. Не бери взятокъ.

II. Не волочи дѣла отъ тебя зависящаго.

III. Не сотвори крючковъ.

IV. Не обходись грубо съ людьми.

V. Не говори челобитчикамъ *завтра*.

VI. Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей.

VII. Не давай наставленій въ ябедѣ.

VIII. Не напивайся пьянъ.

IX. Чеши всякій день голову, ходи чисто.

X. Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ.

«Одинъ знающій всѣ закопы напзустъ стряпчій, публиковано было въ журналѣ «Вечера», котораго ни къ какому суду за ябедничество допускать не велѣно, желаетъ вступить въ службу къ какому-нибудь доброму помѣщику, съ тѣмъ обязательствомъ, что онъ помѣщиковымъ именемъ у всѣхъ его сосѣдей оттягаетъ луга, лѣса и земли и клянется совѣстію вскорѣ его обогатить, ежели кто изъ сосѣдей не дастъ ему больше денегъ, нежели сколько онъ отъ своего помѣщика получитъ. Въ противномъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ за то, останется-ли его хозяинъ при своей деревнѣ и не продастъ-ли онъ его самого».

При такомъ порядкѣ вещей людямъ небогатымъ нельзя было добиться правды въ судахъ, и всѣ вообще были стѣснены фор-

мами дѣлопроизводства. Тяжебныя дѣла разбирались не иначе какъ по подачѣ челобитень въ соотвѣтствующія судебныя мѣста: на духовныхъ приходилось просить у епархіальнаго начальства, на фабрикантовъ—въ мануфактуръ-коллегіи, на заводчиковъ—въ бергъ-коллегіи, на купцовъ—въ магистратахъ, на ямщиковъ—въ ямскомъ приказѣ. Сосредоточеніе межевыхъ книгъ въ Москвѣ, подчиненіе купечества главному магистрату въ Петербургѣ, отдаленность судовъ—все это было причиною, что дѣла тянулись 20 и болѣе лѣтъ. Довѣренности къ правительству никто не имѣлъ, говоритъ Екатерина II, «но всякъ привыкъ думать, что иное учрежденіе не могло выходить, какъ вредное общему благу» [1]).

Собравшіеся въ коммиссію уложенія депутаты просили судиться всѣмъ равно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ [2]). Многіе жаловались на многозаконіе. «Каждое дѣло умножено законами», говорили они, и просили «объ искорененіи ябедниковъ, проклятаго лакомства и продолжительнаго суда».

Чтобы не проиграть дѣла необходимо было строго соблюсти всѣ формы, въ большинствѣ весьма обременительныя и разорительныя. Тетка отца Энгельгардта, бригадирша Витковичева, которой онъ былъ долженъ 3,000 руб., заставляла его ежегодно для переписки векселя пріѣзжать изъ Выборга, гдѣ онъ служилъ, въ Малороссію, въ м. Сорочинцы [3]).

«Все поглощаетъ ненасытное время, говорилось въ «Вечерахъ», не исчезаютъ однѣ ябеды и крючкотворство; онѣ отъ потомства въ потомство переходятъ, ябеды узловатѣе становятся, крючки больше ростутъ, подъячіе богатѣютъ» [4]).

Относительно суда по формѣ, каргопольскіе крестьяне заявляли, что споры и тяжбы крестьянъ по большей части бываютъ такъ малоцѣнны, что не стоятъ издержекъ на подачу челобитень и на гербовую бумагу. Они просили производить разбирательство ихъ споровъ судомъ словеснымъ [5]).

---

[1]) *Сборникъ историческаго общества*, т. X, 381.
[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXVII, стр. 126.
[3]) «Записки Энгельгардта», стр. 4.
[4]) *Вечера*, ч. I, стр. 5.
[5]) *Сборникъ историческаго общества*, т. IV, стр. 71.

«Мы, писали ясашные крестьяне Казанскаго уѣзда [1]), яко народъ безгласный и несвѣдущій законовъ, продавая свой послѣдній экипажъ, нанимаемъ для хожденія по дѣламъ повѣренныхъ. Эти же повѣренные насъ безгласныхъ, чрезъ лакомства, какъ челобитчика, такъ и отвѣтчика, приводятъ въ обманъ и разореніе. Сверхъ того, по этимъ дѣламъ собираются свидѣтели и требуются многія справки и отъ того дѣла продолжаются; челобитчикъ же и отвѣтчикъ несутъ чрезъ то большое разореніе и доходятъ до того, что бываютъ не въ состояніи не только платить государственныя подати, но и пропитать себя».

Государственные крестьяне Исетской провинціи и Казанскаго уѣзда, новокрещенцы изъ мордвы, пахотные солдаты и вообще всѣ крестьяне «не-помѣщиковы» просили судъ словесный, скорый, который производился бы ихъ старшинами. Помѣщичьи же крестьяне были исключены изъ права подавать голосъ о своихъ нуждахъ, и просить о чемъ бы то ни было права не имѣли.

XVI.

Помѣщичьи и заводскіе крестьяне.—Краткій очеркъ ихъ состоянія.—Притѣсненіе ихъ помѣщиками.—Побѣги, разбои, волненія и убійства помѣщиковъ.

Власть помѣщика надъ крестьяниномъ была власть неограниченная и законъ не допускалъ никакой жалобы на владѣльца [2]). За покушеніе слуги противъ жизни господина своего назначалось усиленное наказаніе. Поставивъ помѣщичьихъ крестьянъ въ такое положеніе и устраняя отъ себя частное вмѣшательство, правительственная власть въ то же самое время предъявляла безусловное право на общее, повсемѣстное подчиненіе населенія своимъ распоженіемъ и угрожала всякому лицу наказаніемъ за нарушеніе закона. «Отсюда возникли противорѣчія и столкновенія между не-

[1]) Сборн. Истор. Общ., т. IV, стр. 81.

[2]) Исключеніе въ этомъ составляли: корчемство, лихоимство, поврежденіе государственнаго интереса, укрывательство отъ службы, принятіе чужихъ бѣглыхъ крестьянъ и блудъ съ рабою.

нарушимостью государственной воли и между дѣйствіемъ воли владѣльца» [1]).

Крестьянинъ былъ поставленъ между двухъ огней: пользуясь неограниченною властью надъ крестьянами, помѣщикъ употреблялъ ихъ нерѣдко для осуществленія своихъ противозаконныхъ стремленій. Собравъ крестьянъ, онъ производилъ съ ними грабежи, а иногда оказывалъ вооруженное сопротивленіе правительственной власти. Посылаемыя отъ суда лица часто не допускались помѣщиками: ихъ встрѣчали вооруженные крестьяне, какъ непріятелей и, по приказанію помѣщика, выгоняли изъ его владѣній. Въ этомъ случаѣ какъ помѣщикъ, такъ и крестьяне несли одинаковую отвѣтственность и одинаковое наказаніе. Произволу крестьянъ предоставлялось только право оцѣнить, какое наказаніе будетъ снос-нѣе: то ли, когда они послушаютъ владѣльца и будутъ наказаны правительствомъ, или то, когда, отказавшись исполнить преступную волю своего помѣщика, они подвергнутся его преслѣдованію и мщенію.

Повинности крестьянъ по уложенію заключались: 1) въ доставленіи на своихъ подводахъ помѣщикамъ изъ деревни въ городъ и на мѣсто службы въ походъ запасовъ для ихъ продовольствія и на продажу; 2) въ приходѣ изъ деревень для работъ въ помѣщичьи усадьбы. Крестьянинъ не имѣлъ права на землю, на которой жилъ—она принадлежала помѣщику. «Люди въ Россіи не привязаны къ землѣ, говоритъ Болтинъ [2]), ни земля къ людямъ, хотя какъ тѣ, такъ и другіе крѣпостные; вслѣдствіе чего помѣщикъ или владѣлецъ имѣетъ власть продать и людей безъ земли, и землю безъ людей, или совокупно обоя; властенъ помѣщикъ перевесть крестьянъ на другое мѣсто и тогда они остаются уже безъ земли».

Движимое имущество крестьянина не считалось его собственностью: онъ владѣлъ своими животными до тѣхъ поръ, пока ихъ не отбиралъ владѣлецъ [3]). Размѣръ повинности и оброка предо-

---

[1]) «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи», К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVI, 566.

[2]) Въ примѣчаніи на Леклерка, т. II, стр. 164.

[3]) «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» и проч. К. Побѣдоносцева. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XV, стр. 480.

ставлялся произволу помѣщика. Законъ повелѣвалъ только крестьянину чтить и слушать помѣщика во всемъ, «и пашню на него пахать, оброкъ хлѣбный и денежный и всякій мелкій доходъ съ угодій платить по старинѣ» или платить доходъ, «чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ» [1]).

Впослѣдствіи помѣщики установили разнаго рода поборы съ крестьянъ, которые и обязаны были вносить ихъ ежегодно. Эти ненормальныя правовыя отношенія между людьми, съ теченіемъ времени не только не ослаблялись, а напротивъ усиливались и число крѣпостныхъ, начиная съ царствованія Петра I, все увеличивалось.

По первой ревизіи положено было въ окладъ, кромѣ купечества, 5.472,516 душъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны повелѣно произвести вторую ревизію, причемъ правительство во всѣхъ своихъ указахъ стремилось прикрѣпить человѣка, уничтожить его самостоятельность и расширить предѣлы господскаго права. «Такое направленіе было въ духѣ того времени, говоритъ Побѣдоносцевъ [2]), то была эпоха владычества временщиковъ, неумѣряемыхъ ни здравыми началами твердаго государственнаго управленія, ни уваженіемъ къ общему мнѣнію, которое не могло еще образоваться и высказаться, ни кореннымъ началами и преданіями старой Руси, которыя были уже забыты».

Всѣ мѣры правительства клонились къ расширенію предѣловъ крѣпостной зависимости, тѣмъ болѣе, что умноженіе числа людей, записанныхъ въ подушный окладъ, составляло прямо интересъ государства въ финансовомъ отношеніи. При второй ревизіи, кромѣ людей бывшихъ уже крѣпостными, подчинялись крѣпостному праву и такіе, которые до того не были ни за кѣмъ записаны. Такъ въ подушный окладъ писались церковно-служители и ихъ дѣти, оставшіеся безъ мѣста отъ упраздненныхъ церквей и отъ уменьшенія штатовъ. Они были записаны за тѣми помѣщиками на землѣ, которыхъ ихъ застала ревизія. Разночинцы, солдатскія дѣти, купеческіе и мастеровые, неположенные еще въ подушный

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XV.

[2]) «Утвержденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ XVIII столѣтіи». *Русскій Вѣстникъ*, 1861 г., т. 35, стр. 226.

окладъ, годные записывались въ солдаты, а негодные отдавались помѣщикамъ. Бобыли и непомнящіе родства, вольные люди, оказавшіеся въ городахъ безъ мастерства и безъ приписки къ посадамъ, обязаны были пріискать себѣ помѣщиковъ.

Распоряжаясь такъ, правительство имѣло главнѣйшимъ образомъ въ виду, чтобы ни одинъ человѣкъ «безъ положенія въ окладъ не остался». На этомъ основаніи сироты, незаконнорожденныя дѣти, пріемыши записывались въ крѣпостные.

Многіе солдаты, по увольненіи въ отставку, возвращались къ тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ были взяты въ рекруты. Дѣти солдатъ, рожденныя до поступленія на службу, также рожденныя послѣ отставки у солдата, возвращеннаго къ помѣщику, считались принадлежащими послѣднему. Въ 1744 году повелѣно солдатскихъ дѣтей до 6-ти-лѣтняго возраста оставлять у матерей съ тѣмъ, чтобы послѣ этого срока онѣ представили ихъ въ гарнизонныя школы.

Инородцы также подвергались записке въ крѣпостное состояніе. Такъ въ 1740 годахъ уфимскій вице-губернаторъ Аксаковъ раздавалъ разнымъ людямъ бунтовавшихъ башкирцевъ. Въ 1743 году 2,809 человѣкъ салтанаульскихъ ногайцевъ, за самовольное откочеваніе съ Кубани за границу Россіи, были розданы преслѣдовавшимъ ихъ калмыкамъ, а затѣмъ при переводѣ ногайцевъ съ Кубани и изъ Астрахани въ Казанскую губернію многіе изъ нихъ розданы были въ вѣчное владѣніе татарскимъ мурзамъ. Плѣнные, взятые во время войнъ Россіи съ иностранными державами и женившіеся на крѣпостныхъ «дѣвкахъ или женкахъ», записывались въ крѣпостное состояніе.

При такихъ условіяхъ число крѣпостныхъ съ каждымъ годомъ возростало. Оно увеличивалось еще и тѣмъ, что правительство, въ видѣ награды, жаловало военнымъ и гражданскимъ чинамъ въ вѣчное владѣніе цѣлыя деревни и села, бывшія до того вольными, государственными или дворцовыми.

Указомъ 25-го апрѣля 1737 года повелѣно было офицерамъ, состоящимъ при казенныхъ горныхъ заводахъ, сверхъ жалованья давать: тѣмъ, кои изъ шляхетства по десяти дворовъ въ четыре души въ каждомъ, а тѣмъ, кои не изъ шляхетства—по пяти дво-

ровъ въ вѣчное владѣніе. Въ 1738 году приняты были въ русскую службу князья и дворяне, выѣхавшіе съ грузинскимъ царемъ и образовавшіе гусарскую роту въ 89 человѣкъ. Имъ вмѣсто жалованья были отведены земли въ Украйнѣ и пожаловано изъ казенныхъ, дворцовыхъ и войсковыхъ деревень въ вѣчное владѣніе: князьямъ по 30, каждому малолѣтнему мужескаго пола по 5, а дворянамъ по 10 дворовъ Въ 1741 году, гренадерская рота Преображенскаго полка, содѣйствовавшая императрицѣ Елисаветѣ при вступленіи на престолъ, была переименована въ лейбъ-компанію и всѣмъ ея чинамъ, не исключая солдатъ, было роздано 13,930 душъ крестьянъ. Въ шестимѣсячное царствованіе Петра III, рядомъ съ мѣрами, облегчающими положеніе бывшихъ уже крѣпостныхъ, роздано вновь въ крѣпость 13,066 душъ однихъ только государевыхъ крестьянъ. Въ царствованіе Екатерины II съ 1762 по 1772 годъ было роздано до 66,243 душъ мужескаго пола.

Крестьяне раздавались всѣмъ и каждому, кто только умѣлъ и имѣлъ случай выпрашивать ихъ, и скоро въ частныхъ рукахъ очутились громадныя имѣнія [1]), доходы съ которыхъ шли на праздную и разгульную жизнь помѣщика.

---

[1]) Пожаловавъ князя Меншикова владѣтельнымъ герцогомъ Ингерманландскимъ, Петръ I отдалъ ему всю Ингерманландію. Послѣ измѣны Мазепы князь Меншиковъ получилъ бо́льшую часть имѣній гетмана, и такимъ образомъ число крестьянъ, принадлежавшихъ Меншикову, доходило до 100,000 душъ. За взятіе Азова пожалованы были имѣнія: Лефорту, Гордону, Шепну, Головину и Зотову. За полтавскую побѣду Шереметевъ награжденъ большими имѣніями въ Ярославскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ и въ Малороссіи мѣстечками и селами изъ имѣній Скоропадскаго. Послѣ смерти князя Ромодановскаго осталось 20,000 душъ крестьянъ, доставшихся въ наслѣдство графинѣ Головкиной. Князь Я. Ѳ. Долгорукій по возвращеніи изъ шведскаго плѣна, П. А. Толстой послѣ прутскаго мира, графъ Апраксинъ и князь Кантемиръ получили въ награду по тысячѣ и болѣе дворовъ. Послѣ смерти царицы Маріы Матвѣевны дворцовыя ея вотчины были отданы графу Апраксину. Послѣ смерти князя А. М. Черкасскаго осталось 70,000 душъ крестьянъ, а кавцлеръ Бестужевъ съумѣлъ закрѣпить за собою весь городъ Венденъ. Зоричу было пожаловано 14,000 душъ крестьянъ, купленъ Шкловъ за 450,000 рублей, выдано деньгами 450,000 р. и бриллiантовъ на 200,000 р. Ермолову было пожаловано 6,000 душъ крестьянъ въ Могилевской губерніи. Бывшему въ случаѣ съ іюля 1778 по октябрь 1779 года И. Н. Корсакову было пожаловано въ Могилевской губерніи 6,000 душъ крестьянъ, 200,000 р. на путешествіе въ чужіе края; бриллiантовъ и жемчуговъ было у него на 400,000, а все состояніе простиралось до 2.400,000 р. Князь и графы Орловы получили въ разное время 70.000,000 р. и 45,000 душъ; князь Потемкинъ 37,000 душъ и до 9.000,000 р.; Василь-

Получивши власть распоряжаться трудомъ человѣка, располагать его личною свободою, творить надъ нимъ судъ и расправу, владѣлецъ не только «привыкалъ смотрѣть на крестьянина какъ на свою принадлежность», но обращался съ нимъ съ презрѣніемъ, называя его подлымъ человѣкомъ и скорѣе скотомъ, чѣмъ разумнымъ существомъ. Лучшіе и образованнѣйшіе люди того времени не были чужды такому взгляду. Путешествуя по Франціи, Д. И. фонъ-Визинъ съ негодованіемъ замѣтилъ, что лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ передъ господами, проходящими мимо *этихъ скотовъ*.

«Канарейкѣ, писалъ Сумароковъ [1]), лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи. Однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина. Свобода крестьянская не только обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежитъ».

Крестьянинъ въ глазахъ помѣщика не имѣлъ человѣческаго образа и испытывалъ на себѣ всю тяжесть капризной воли господина. При неудовольствіи на крестьянъ, помѣщики выжигали цѣлыя деревни, а о другихъ наказаніяхъ и говорить нечего.

При такомъ взглядѣ, конечно, въ большинствѣ случаевъ добрыхъ человѣчныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами быть

чиковъ получилъ 7,000 душъ, 200,000 р. и пожизненной пенсіи 20,000 р. Графу Заводовскому пожаловано 20,000 душъ и онъ имѣлъ до 100,000 р. ежегоднаго дохода. Графъ Безбородко получилъ въ разное время 18,100 душъ, 50,000 р. единовременно и 10,000 р. пенсіи. Онъ имѣлъ сверхъ того соленыя озера въ Крыму и рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ.

Наиболѣе богатые владѣльцы, собственно въ Великороссіи, имѣли: графъ П. Б. Шереметевъ 78,159 душъ, графъ К. Разумовскій—36,000 душъ, братья Орловы до 27,000 душъ; графъ А. С. Строгановъ—19,000 душъ; три князя Голицыныхъ, каждый болѣе чѣмъ 14,000; два брата Нарышкиныхъ вмѣстѣ болѣе 22,000 душъ. Принцесса Екат. Петр. фонъ-Гольштейнъ-Бекъ (по мужу кн. Барятинская) имѣла около 11,000 душъ, столько же было и у Б. Г. Шаховскаго. Болѣе 10,000 душъ имѣли: князь Г. А. Потемкинъ, графъ Г. И. Головкинъ, грузинскій царевичъ Георгій Вахтанговичъ, князь Д. Ю. Трубецкой, графъ А. Д. Ланской, графъ Я. А. Брюсъ, графиня Е. А. Чернышева; болѣе 9,000 душъ: князь Н. А. Голицынъ; болѣе 8,000 душъ: князь П. А. Бутурлинъ, С. К. Нарышкинъ, бароны Г. Н. и А. Н. Строгановы, князь Н. В. Репнинъ и кн. С. Д. Кантемиръ. (См. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», В. И. Семевскаго, стр. 31).

[1]) «Исторія вольно-экономическаго общества», соч. Ходнева, стр. 20.

не могло. «Помѣщики безмѣрно мучатъ своихъ крестьянъ, говорилось въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи о составленіи новаго уложенія [1]), и несносныя дани собираютъ, заставляютъ ихъ ежедневно работать на себя и доводятъ до побѣговъ». Многіе считаютъ это самовольствомъ, «не подумавъ, отъ радости-ли крестьянинъ покидаетъ своихъ милыхъ дѣтищъ, чего не дѣлаетъ и дикій звѣрь». Онъ бѣжитъ отъ поборовъ, отъ работы, къ которой принуждаютъ разными мученіями, и не желаетъ «*видѣть тѣла своего обезображеннымъ*». Помѣщики заставляютъ крестьянъ распахивать чужія земли, косить чужіе луга, рубить лѣсъ, отчего происходятъ драки и убійства. Крестьянъ за это томятъ въ тюрьмахъ, наказываютъ; но если они не послушаютъ помѣщика, то терпятъ отъ него еще бо̀льшія истязанія.

«Есть такіе строгіе помѣщики, говоритъ Рычковъ, которые крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ употребляютъ ихъ на господскія работы повседневно». Графъ П. Панинъ писалъ, что побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ происходятъ отъ «*несносности человѣческой*». И дѣйствительно, сверхъ работы на помѣщика крестьяне должны были приносить помѣщику гусей, индѣекъ, куръ, яйца, нѣсколько аршинъ холста и проч. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, сверхъ того, собирали медъ, свиное мясо, бараны и масло, поручались крестьянамъ выпаиваніе телятъ и даже существовали такъ называемыя «*безсмертныя коровы*» розданыя крестьянамъ, съ тѣмъ чтобы приплодъ шелъ въ пользу крестьянъ, а помѣщикъ получалъ отъ каждой по 20 фунт. масла ежегодно.

Чтобы судить о томъ, какого рода поборы возлагались помѣщиками оброчныхъ на крестьянъ, мы заимствуемъ изъ книги В. И. Семевскаго свѣдѣнія относительно поборовъ помѣщика Авраама Лопухина съ трети Роменской волости московскаго уѣзда. Лопухинъ бралъ: деньгами 3,270 руб., сѣна 11,500 пудовъ, овса 200 четвертей, дровъ трехъ-аршинныхъ 100, одно-полѣнныхъ 60 саж., мяса 40 пудовъ, 100 барановъ, 40 т. огурцовъ, сѣрой рубленой

[1]) Депутатами: крестьяниномъ Чупровымъ, однодворцемъ Масловымъ и пахотнымъ солдатомъ Жеребцовымъ.

капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленой 100 ведеръ, пустернаку, селдерей, хрѣну и пырею по 1,000 корней, рѣпы, моркови, рѣдьки сколько понадобится, 200 куриць, до 5,000 яицъ, брусники, клюквы и разныхъ грибовъ сколько потребуется для домашняго обихода помѣщика. Оцѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ не было опредѣлено, крестьяне этой трети высчитали, что вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ всего съ нихъ собирается въ годъ 5,273 рубля.

Этимъ не ограничивались повинности крестьянъ этой волости. Въ 1767 году они должны были выставить на мірской счетъ по 20 плотниковъ. Въ деревнѣ Богородицкой на счетъ крестьянъ построены: дворовое строеніе и барскій домъ; они прорыли канаву въ 70 сажень длины и въ 9 аршинъ ширины начали рыть прудъ «отъ чего пришли въ крайнее разореніе и скудость». Для проѣзда помѣщика требовались съ крестьянъ подводы; когда онъ ѣздилъ въ Москву на богомолье, съ крестьянъ взыскивались расходы на путешествіе; для надобностей помѣщика было снаряжено 200 подводъ въ Москву. Управляющій имѣніемъ содержался на счетъ крестьянъ, и когда пріѣзжалъ самъ помѣщикъ, то съ міра собиралось до 100 рублей для прокормленія помѣщика, его людей и лошадей. Если помѣщикъ переселялъ крестьянъ изъ одной вотчины въ другую, то всѣ расходы падали на остающихся, которые должны были купить переселяющимся шубы, сани и снабдить ихъ деньгами. «Кромѣ того, крестьяне не только должны были до новой ревизіи платить подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброки и разные припасы. Если помѣщикъ бралъ къ себѣ въ домъ для услуженія крестьянскихъ мальчиковъ, то крестьяне все-таки продолжали платить за нихъ оброчныя деньги. Случалось, что, не стерпя великаго разоренія, тягости оброковъ и всякихъ несносныхъ работъ, нѣкоторые крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ еще болѣе ухудшалось, такъ какъ они должны были платить за нихъ подати и оброки» [1]).

Положеніе крѣпостныхъ-барщинныхъ было еще хуже потому

---

[1]) Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго, 51 и 52.

что все время принадлежали помѣщику. По закону помѣщикъ могъ требовать крестьянъ на свою работу когда ему вздумается, кромѣ воскресеній и праздниковъ. Хотя обычай и установилъ, что крестьяне должны были работать на помѣщика три дня въ недѣлю, но многіе владѣльцы заставили работать крестьянъ всѣ семь дней, не исключая ни воскресеній, ни праздниковъ... «Бѣдные дворяне, говорилъ депутатъ бѣлгородской провинціи Масловъ, тянутся за богатыми и обращаютъ половину крестьянъ въ дворовыхъ. Такой помѣщикъ по своей роскоши пріумножаетъ *псовую охоту* и думаетъ, неусыпно старается и мужиковъ денно и нощно работою понуждаетъ, какъ оную прокормить (собакъ), а того не думаетъ, что чрезъ сіе отягощеніе въ крестьянскихъ домахъ дѣти съ голоду злѣ помираютъ» [1]).

Защитники крестьянскихъ интересовъ въ коммиссіи о составленіи новаго уложенія хлопотали объ уменьшеніи повинностей и увеличеніи количества земли. Депутатъ отъ козловскаго дворянства, Григорій Коробьинъ, въ засѣданіи 5-го мая 1768 г., говорилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ бо̀льшія подати чѣмъ слѣдуетъ; войдя въ значительные долги, отдаютъ людей своихъ для заработыванія денегъ въ уплату однихъ процентовъ и черезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія. Наконецъ есть и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество его отнимаютъ. Коробьинъ предлагалъ ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ крестьянъ и оградить закономъ собственность послѣднихъ.

Пьянство и мотовство, говорилъ депутатъ екатеринославскаго шляхетства, за которыя обвиняютъ крестьянъ, происходятъ отъ того же рабства. Крестьянинъ знаетъ и увѣренъ, что все что̀ есть у него составляетъ не его собственность, а помѣщичью. «Такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому тутъ человѣку надобно быть, чтобъ еще и хвалу заслужить! И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи». По словамъ того же депутата, съ каждымъ годомъ число помѣщиковъ разоряющихъ крестьянъ «едва-ли не умножается».

[1]) В. И. Семевскій, *Крестьяне* и проч., стр. 61.

Послѣднія слова были болѣе чѣмъ справедливы. Бо́льшая часть челобитенъ подаваемыхъ въ Сенатъ, самой императрицѣ въ Петербургѣ и во время ея путешествія, заключали въ себѣ жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ [1]). «А какъ таковыхъ же челобитень, сказано въ запискѣ кн. Вяземскаго Сенату [2]), отъ крестьянства на помѣщиковъ своихъ подавано было и прежде немалое число, то посему ея величество сомнѣваться изволитъ, чтобъ оказующееся отъ крестьянъ на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе *не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій*. Чего ради всемилостивѣйше Сенату повелѣвать изволитъ: въ предупрежденіи сего зла придумать благопристойныя средства и объ оныхъ ея величеству всеподданнѣйше донести».

Въ общемъ собраніи, 11 іюля 1767 года, Сенатъ выслушалъ эту записку, но не придумалъ другого средства, какъ объявить крестьянамъ, чтобы на будущее время не смѣли подавать жалобъ на своихъ владѣльцевъ [3]). Распоряженіе это еще болѣе разнуздало своеволіе помѣщиковъ, и въ слѣдующемъ году явилось вопіющее дѣло извѣстной Салтычихи, погубившей болѣе ста душъ своихъ крѣпостныхъ. Объ этомъ дѣлѣ говорилось и писалось очень много, но нельзя не привести его здѣсь, чтобы показать, до чего былъ беззащитенъ крѣпостной человѣкъ и до чего могли дойти никѣмъ и ничѣмъ необузданныя страсти помѣщиковъ.

Вдова ротмистра лейбъ-гвардій Коннаго полка Глѣба Салтыкова, Дарья Салтыкова, оставшись владѣтельницею населенныхъ

---

[1]) Въ 1763 году крестьяне Якова Вяземскаго, Дмитровскаго уѣзда, жаловались, что не знаютъ по какимъ крѣпостямъ состоятъ за помѣщикомъ и просили «за отягощеніемъ отъ него всегдашнею безвременною (безсрочною) работою всѣхъ безъисходно, и за налагаемый не противъ ихъ возможности оброкъ и отъ того разоренній ихъ защитить и быть за ея императорскимъ величествомъ, а оному помѣщику платить бы имъ оброкъ деньгами по скольку повелѣно будетъ». Вотчины подпоручика Алексѣя Семичева крестьянинъ Сынневскій просилъ взять его съ тремя братьями въ солдаты, чтобы только избавиться отъ притѣсненій помѣщика (Сенат. Архивъ, книга 106, листъ 7). 22 іюня 1767 года императрица, присутствуя въ Сенатѣ, лично заявила, что во время ея путешествія въ Казань было подано *болѣе 600 челобитенъ*, «по большой части всѣ, выключая нѣсколько не дѣльныхъ, отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ (Тамъ же, книга 122, листъ 242).

[2]) Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123, листъ 38.

[3]) Тамъ же, книга № 122.

имѣній и живя въ Москвѣ, тиранила своихъ людей, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ. Она била ихъ чѣмъ попало, поджигала на головѣ волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лицо горячую воду, била головой объ стѣну. Изобрѣтательная въ изысканіи способовъ истязаній, Салтыкова наказывала своихъ людей батогами, плетьми и кнутьями; надѣвала на провинившихся колодки и въ такомъ видѣ приказывала работать; зимою выставляла босикомъ на морозъ, заставляла жить въ нетопленныхъ комнатахъ и морила голодомъ. Всѣ эти жестокія наказанія налагались преимущественно за нечистое мытье бѣлья или половъ и въ большинствѣ случаевъ оканчивались смертью. У истязуемыхъ послѣ наказанія бывали выдраны волосы, проломлены головы, гнили спины и проч. Беременная женщина во время наказанія выкинула ребенка и сама умерла. Тѣло забитой до смерти Прасковьи Ларіоновой было отправлено для похоронъ въ подмосковное село и, по приказанію Салтыковой, на гробъ посадили грудного младенца убитой, который по дорогѣ замерзъ на трупѣ матери. Умиравшихъ отъ побой женщинъ она приказывала зарывать въ лѣсу безъ погребенія, чтобы скрыть слѣды своего преступленія. Заставляя своихъ крестьянъ работать ежедневно и не по силамъ, Салтыкова не кормила ихъ и они, скитаясь по чужимъ дворамъ, питались мірскимъ подаяніемъ. Она принуждала своихъ людей совершать разнаго рода преступленія, поджигать дома сосѣдей и проч. [1]). Подкупая мелкихъ и крупныхъ чиновниковъ, Салтыкова долго совершала всѣ эти преступленія безнаказанно.

— Бейте до смерти, кричала она обыкновенно во время наказанія;—я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ.

---

[1]) «Разсердясь, сказано въ докладѣ Сената, на обрѣтающагося у межеванія земель капитана Николая Тютчева, за сговоръ о женитьбѣ его съ дѣвицею Панютиною, посылала (Салтыкова) людей своихъ московскій домъ ея сжечь и съ ними. Но какъ того не сдѣлали, а Панютина поѣхала тогда изъ Москвы въ деревню, и онъ, Тютчевъ, ее провожалъ, то приказывала людямъ своимъ и крестьянамъ на дорогѣ убить ихъ до смерти, для чего по калужской дорогѣ, до деревни Теплыхъ Становъ, они съ дубьемъ и ѣздили, но однакоже того не учинили». Для погубленія Тютчева и его невѣсты Салтыкова купила 5 фунтовъ пороху (Сенат. Архивъ, Высочайшія повелѣнія, книга № 125).

Посѣщая часто начальника полиціймейстерской канцеляріи Молчанова и задаривая его деньгами, она имѣла въ немъ сильнаго покровителя и защитника.

— Вы мнѣ ничего не сдѣлаете, говорила Салтыкова своимъ крестьянамъ; — сколько вамъ ни доносить, мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ.

Имѣя на своей сторонѣ подкупленныхъ чиновниковъ и священниковъ, хоронившихъ жертвъ ея жестокости [1]), Салтыкова успѣла скрыть 21 жалобу и рѣшавшіеся жаловаться на нее или были ссылаемы, или возвращаемы къ ней же для дальнѣйшихъ истязаній. Наконецъ, лѣтомъ 1762 года двумъ дворовымъ людямъ Салтыковой удалось подать прошеніе самой императрицѣ. «Слезно просимъ, писали они [2]), *ради имени Божія* высочайшимъ вашего императорскаго величества всещедрымъ материнмъ защищеніемъ помиловать, до конца милосердо не оставить». Императрица приказала юстицъ-коллегіи приступить къ производству слѣдствія. Деньги и взятки затянули дѣло Салтыковой на шесть лѣтъ; подкупленные чиновники старались оправдать жестокую помѣщицу, но въ виду того, что Екатерина II сама слѣдила за дѣломъ, сдѣлать этого было невозможно. Салтыковой предложено было покаяться и сознаться въ своихъ преступленіяхъ. «Объявить ей, Салтыковой, писала Екатерина на докладѣ Сената, что всѣ обстоятельства онаго дѣла и многихъ людей свидѣтельства доводятъ ее до пытки, что̀ съ нею дѣйствительно и послѣдуетъ, если она не принесетъ чистосердечнаго признанія. Между тѣмъ, опредѣлить къ ней искуснаго, честнаго житія и въ божественномъ писаніи знающаго священника на мѣсяцъ, который бы увѣщевалъ ее къ признанію, и если отъ того еще не почувствуетъ она въ совѣсти своей угрызенія, то чтобъ онъ приготовилъ ее къ неизбѣжной пыткѣ, а потомъ показать ей жестокость розыска надъ приговореннымъ къ тому преступникомъ».

Салтыкова не только не покаялась и ни въ чемъ не призна-

---

[1]) Священникъ села Троицкаго Степанъ Петровъ признался, что онъ «отъ побой ея, Салтыковой, умершихъ тѣла завѣдомо погребалъ». За каждаго погребеннаго Петровъ получалъ 20 коп.

[2]) Государственный Архивъ, VII, № 2,078.

лась, но и во время содержанія своего подъ карауломъ била и истязала своихъ дѣвокъ. Юстицъ-коллегія приговорила: отсѣчь Салтыковой голову и тѣло ея положить на колесо; Сенатъ полагалъ наказать ее кнутомъ, и сослать въ каторжную работу, въ Нерчинскъ, но императрица измѣнила приговоръ и повелѣла именовать ее Дарьею Николаевой, и заключить въ подземельную тюрьму.

«Сей уродъ рода человѣческаго, сказано въ указѣ Сенату отъ 2-го октября [1]), не могъ воспричинствовать въ столь разныя времена, и такого великаго числа душегубства, надъ своими собственными слугами обоего пола, однимъ первымъ движеніемъ ярости, свойственнымъ развращеннымъ сердцамъ; но надлежитъ полагать, хотя къ горшему оскорбленію человѣчества, что она особливо предъ многими другими убійцами въ свѣтѣ имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительную. Чего ради и повелѣваемъ нашему Сенату: 1) лишить ея дворянскаго названія, и запретить во всей нашей Имперіи, чтобъ она ни отъ кого, никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ, и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ, именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа. 2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она нынѣ подъ карауломъ содержится, въ нарочно къ тому назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день, вывести ее на площадь и поставя на эшафотъ прочесть предъ всѣмъ народомъ заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ оной, какъ выше сказано, названія родовъ ея мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ея стоячую на томъ эшафотѣ къ столбу, и прицѣпить на шею листъ съ надписью большими словами *мучительница и душегубица.* 3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то чтобъ лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести ея оттуда въ одинъ изъ женскихъ монастырей, находящійся въ Бѣломъ или

[1]) Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 125, листъ 416.

Земляномъ городѣ, и тамъ подлѣ которой ни есть церкви посадить въ нарочно сдѣланную подземельную тюрьму, въ которой по смерть ея содержать такимъ образомъ, чтобы она ни отъ куда въ ней свѣту не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчею, которую опять у ней гасить, какъ скоро она наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ея во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, отъ куда бы она могла оное слышать не входя въ церковь».

Въ такой подземной темницѣ въ Ивановскомъ монастырѣ Салтыкова просидѣла 11 лѣтъ, а затѣмъ была переведена въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви, и въ 1801 году она была еще жива.

Салтыкова была не единственная, и понесенное ею жестокое наказаніе не послужило примѣромъ и устрашеніемъ для другихъ помѣщиковъ.

Не разъ видали, какъ княгиня Козловская «велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали какъ она, въ припадкѣ бѣшеннаго изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго и патравляетъ собакъ грызть несчастнаго или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истезуемаго по... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла... соединяя такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства». — Съ женщинами княгиня обращалась точно также: она заставляла ихъ класть свои груди на холодную мраморную доску и собственоручно сѣкла эти нѣжная части тѣла; затѣмъ вкладывала свои пальцы въ ротъ наказуемой и раздирала его до ушей. Чаще всего подобныя наказанія производились изъ ревности госпожи къ одному изъ ея крѣпостныхъ любовниковъ[1]).

Самые разнообразные виды наказанія придумывались владѣльцами для приведенія къ покорности своихъ крѣпостныхъ и за неисполненіе ихъ приказаній. Такъ, одна барыня высѣкла сразу 80 жен-

[1]) В. И. Семевскій, крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 179 и 180.

щинъ за то, что онѣ не набрали ей земляники, помѣщикъ жегъ углями подошвы дворового, утопившаго двухъ барскихъ щенковъ. Болотовъ, посѣкши немного столяра за пьянство и кражу, посадилъ его на цѣпь «въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ *повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно*». Послѣднее предположеніе Болотова не оправдалось, потому что когда онъ вторично хотѣлъ сѣчь столяра такимъ же способомъ, то сыновья приговореннаго къ наказанію заступились за отца. Будучи, по свидѣтельству Болотова, людьми усердными и хорошими, они объявили: одинъ, что самъ зарѣжется, а другой, что пропоретъ брюхо Болотову, а потомъ и себя по горлу. Подобный поступокъ казался на столько страннымъ карающему господину, что онъ назвалъ сыновей столяра «злодѣями, извергами и бунтовщиками». Болотовъ не причислялъ себя къ жестокимъ помѣщикамъ и въ своихъ запискахъ писалъ, что «сѣкалъ очень умѣренно и *отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе*». Такой болѣзни вѣка не чужды были В. Г. Орловъ, графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, М. Ф. Каменскій, впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ, Лопухины, тайная совѣтница Ефремова, жена войскового атамана Донскаго войска и многіе другіе. Тамбовскій помѣщикъ Филатовъ часто впрягалъ въ дрожки вмѣстѣ съ лошадьми женщинъ. Беременныхъ онъ заставлялъ садиться верхомъ на заводскихъ жеребцовъ и хохоталъ, когда лошадь поднявшись на дыбы сбрасывала бѣдную женщину [1]). Чтобы судить каковы были остальные помѣщики, мы предлагаемъ прочитать скорбный листъ помѣщичьихъ жестокостей въ изслѣдованіи г. В. Семевскаго «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» [2]). Въ этомъ листѣ встрѣчаются наказанія розгами, батогами, плетьми, кнутомъ и почти всѣ виды пытокъ: раскаленное желѣзо, заковываніе въ цѣпи, надѣваніе на шею и на голову желѣзныхъ рогатокъ и проч. и проч.

[1]) Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка И. Дубасова. *Историч. Вѣст.* 1880 г., № 9, стр. 140.

[2]) Глава VII этого прекраснаго изслѣдованія вся посвящена разсказу о помѣщичьихъ жестокостяхъ. Изслѣдованіе г. В. И. Семевскаго послужило намъ главнѣйшимъ источникомъ при составленіи краткаго очерка положенія и быта крестьянъ передъ пугачевскимъ бунтомъ.

Какъ одинъ изъ видовъ наказанія, практиковалась помѣщиками розничная продажа крестьянъ безъ семейства и безъ земли. Въ засѣданіи коммиссіи уложенія курмышскій депутатъ Алфимовъ отстаивалъ такую продажу, говоря, что дворянамъ она часто необходима для уплаты долговъ, а крестьянамъ нерадивымъ и склоннымъ къ преступленію служитъ наказаніемъ. Противъ ходатайства Алфимова возстали многіе, и въ томъ числѣ князь Щербатовъ.

«Обратимъ взоры наши на человѣчество, говорилъ онъ, и устыдимся при одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ. Древнія времена, непросвѣщенныя чистымъ нравоученіемъ, приводятъ насъ въ ужасъ, когда вспомнимъ, что людей, какъ скотину по торгамъ продавали. Если невольнику приключался какой либо вредъ, то не болѣзнь его и страданіе, но убытокъ господскій принимался во вниманіе и за него законы принуждали къ платежу. Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе. Но съ этимъ неоспоримымъ правиломъ будетъ ли сходствовать такой поступокъ, когда господинъ, единственно для своего прибытка, возьметъ отъ родителей, отъ родственниковъ, или отъ дома кого либо, мужского или женскаго пола и подобно скотинѣ продастъ его другому? Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ кѣмъ рожденъ, и кѣмъ воспитанъ и съ кѣмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи! Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожалѣнія остающихся! Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ и безъ земли».

Коммиссія выслушала рѣчь князя Щербатова, но не наложила своего запрещенія на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли. Подобное постановленіе затрогивало самые дорогіе интересы помѣ-

щиковъ, и продажа въ розницу существовала во все царствованіе Екатерины II и даже долго послѣ нея.

Вообще, коммиссія о сочиненіи новаго уложенія не дала ничего, чтобы могло облегчить положеніе крестьянъ и ограничить произволъ помѣщика. Съ каждымъ послѣдующимъ днемъ положеніе крестьянъ ухудшалось, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Работая на помѣщика столько дней въ недѣлю, сколько онъ пожелаетъ назначить, крестьянинъ не имѣлъ почти времени и средствъ обработать свои поля и устроить хозяйство. По недостатку хлѣба крестьяне примѣшивали къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробь и другія масляныя изъ конопляй и льна избоины и мякину. Такая пища употреблялась крестьянами Клинскаго и Звенигородскаго уѣздовъ; въ губерніяхъ же мало плодородныхъ они питались только отрубями и мякиною. Каргопольскіе черносошные крестьяне писали въ наказѣ своему депутату, что принуждены печь хлѣбъ съ примѣсью сосновой коры, соломы и травы, называемой вахка.

«Я останавливался, говоритъ путешественникъ [1]), во всякомъ почти селѣ и деревнѣ, ибо всѣ они равно любопытство мое привлекали; но въ три дня своего путешествія ничего я не нашелъ похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія крытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженные плетнями, небольшія одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, *сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны*».

Неприглядная, почти нищенская жизнь, требованіе большихъ оброковъ и тяжелыхъ барщинныхъ работъ, частые рекрутскіе наборы, жестокость помѣщиковъ, преслѣдованіе раскольниковъ, взяточничество и всякаго рода поборы заставляли крестьянъ покидать свои дома и искать свободы въ лѣсахъ, степяхъ и на окрап-

[1]) Отрывокъ изъ путешествія, «Живописецъ». 179.

нахъ русскаго царства, среди казачества. Побѣги были самымъ первоначальнымъ и простѣйшимъ видомъ оппозиціи произволу и насиліямъ помѣщиковъ. Не смотря на частое запрещеніе, бродяжничество крестьянъ не прекращалось и усиливалось подъ вліяніемъ голода, войнъ и прочихъ тягостей крестьянскаго быта. Деревни пустѣли и заботы правительства были направлены къ тому, чтобы удержать сельское населеніе въ своихъ мѣстахъ. Оно посылало особыхъ сыщиковъ въ тѣ мѣста, куда болѣе всего стремилось бѣглое населеніе. Все царствованіе Петра I наполнено указами о возвращеніи бѣглыхъ. Крестьянамъ запрещено удаляться далѣе 30 верстъ отъ мѣста жительства, а затѣмъ просить себѣ паспортъ. Въ послѣдующія царствованія, указы о ловлѣ бѣглыхъ и недержаніи ихъ у себя повторялись весьма часто, но не приводили ни къ какимъ результатамъ. Покидая семейство, бросая домъ и собственность и скитаясь по лѣсамъ, бѣглые питались Христовымъ именемъ или занимались разбойничествомъ. Собираясь довольно большими партіями, бѣглые разбойничали повсюду и въ особенности по большимъ рѣкамъ, гдѣ грабили суда. Грабежи и разбои развились на столько, что не только подъ Петербургомъ, но и въ самой столицѣ валялись по улицамъ мертвыя тѣла убитыхъ и ограбленныхъ ночью жителей [1]).

Для обезпеченія себя отъ разбоя помѣщики принуждены были вооружать дворню, имѣть ружья, пистолеты и даже пушки. Въ приволжскихъ губерніяхъ нельзя было ѣздить иначе какъ съ многочисленною свитою изъ дворовыхъ.

Правительство принуждено было сформировать особыя сыскныя команды для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ, но команды эти не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы и не могли прекратить грабежей и убійствъ. Онѣ были сформированы преимущественно изъ престарѣлыхъ и раненыхъ солдатъ, были всѣ «*безконныя*» и кромѣ того обязаны были содержать многіе караулы.

За разбойниками, доносилъ въ маѣ 1767 года Сенатъ императрицѣ [2]), «хотя какъ скоро увѣдано будетъ, для поиску ихъ

[1]) Указъ главному директору надъ полиціями, 26 ноября 1762 г. Полн. собр. зак. № 11,713.

[2]) Государственный Архивъ, XVI, д. № 720.

баталіонные служители и посылаются, только разбойники, не по однѣмъ рѣкамъ собираясь производятъ свои злодѣйства, но и на сухомъ пути, ѣздя на лошадяхъ. А особливо когда только они примѣтятъ или какимъ нибудь образомъ увѣдаютъ, что за ними отправлены команды, то оные какъ нынѣ, такъ и изъ прежнихъ многихъ дѣлъ видно, разбиваясь врознь и оставляя водяной ходъ, больше отъ поимки укрываются сухимъ путемъ и потому въ поимкѣ ихъ черезъ пѣшихъ солдатъ мало бываетъ успѣха».

Сенату приходилось командировать въ разныя мѣста кавалерійскіе отряды и казачьи полки. Бѣглые и разбойники находили всегда спасеніе и возможность укрыться отъ преслѣдующихъ отрядовъ. По одиночкѣ и даже небольшими партіями они уходили на Донъ и Волгу, записывались въ казаки, скрывались въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣверо-восточной части Россіи, жили въ камышахъ по рѣкамъ Иргизу и Яику (Уралу). Крестьяне западной части Россіи бѣжали въ Польшу, находя, что жизнь тамъ привольнѣе и легче. Они уходили туда цѣлыми селеніями со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. «Сосѣдство съ Польшею до такой привычки довело, что мужья отъ женъ своихъ, равномѣрно же и жены отъ мужей своихъ, согласясь съ другими надобными имъ полами, бѣгутъ за границу, а тамъ назвавъ онъ женою, а та мужемъ, и такъ живя беззаконно, остаются тамъ вѣчно. Оставшіеся же въ Россіи отъ того вѣроломнаго мужа жена, а отъ жены мужъ, принуждены быть отъ молодости до старости безбрачными, или также слюбясь съ другими уходятъ въ Польшу и по вышеписанному манеру живутъ по смерть свою беззаконно же».

Подобное переселеніе крестьянъ было на столько убыточно и разорительно для помѣщиковъ, что они просили, чтобы правительство вдоль всей границы съ Польшею выкопало глубокій и широкій ровъ и построило редуты на разстояніи двухъ съ половиною верстъ одинъ отъ другаго. Помѣщики полагали, что подобная мѣра остановитъ побѣги и не сознавали, что причина лежитъ въ ихъ своеволіи и насильствѣ.

Правительство принимало очень строгія мѣры къ прекращенію побѣговъ: сѣкли кнутомъ пойманныхъ на границѣ и уличенныхъ

въ намѣреніи бѣжать и обѣщана смертная казнь проводникамъ. По всей западной границѣ были разставлены форпосты, съ исключительною цѣлью ловить бѣжавшихъ, но строгія мѣры не останавливали побѣговъ и наказаніе кнутомъ въ случаѣ поимки не могло быть страшно для тѣхъ, которымъ и дома часто приходилось подвергаться тому же наказанію. Бѣглецы собирались по нѣскольку человѣкъ, силою пробивались черезъ форпосты, а иногда уводили съ собою и солдатъ.

«Число бродягъ такъ увеличивается, доносилъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ [1]), что тюрьмы ими переполнены, какъ вслѣдствіе тиранства господъ, такъ и вслѣдствіе малаго наказанія за побѣгъ. Если бы ихъ брать въ рекруты, то и баринъ и слуга испугались бы: первый сталъ бы человѣколюбивѣе, а другой послушнѣе. Непомнящіе родства, люди незаконнаго происхожденія увеличиваютъ разсадникъ воровъ».

Депутатъ Брянскаго уѣзда Сергѣй Мясоѣдовъ заявилъ коммиссіи для составленія новаго уложенія, что будучи въ сыскной командѣ въ 1742 и 1743 гг. онъ одинъ нашелъ: въ Саратовѣ, въ его уѣздѣ, по р. Волгѣ, на судахъ и хуторахъ до 5,000 бѣглыхъ, въ томъ числѣ солдатъ, драгунъ, матросовъ и рекрутъ [2]).

Надо замѣтить при этомъ, что при розни и взаимной враждѣ, которая существовала между дворянствомъ и чиновничествомъ, и при безнравственности, развратѣ и низкой степени развитія дворянства, помѣщики сами содѣйствовали побѣгамъ и прикрывали ихъ. Они охотно принимали въ свои имѣнія бродягъ, записывали ихъ въ число своихъ крестьянъ и пользовались ихъ трудомъ.

«Ея императорское величество, писалъ князь Вяземскій [3]), извѣстясь, что въ Московскомъ уѣздѣ многіе, не взирая на прежде публикованные указы, держатъ у себя и укрываютъ чужихъ бѣглыхъ и паспортовъ неимѣющихъ людей, изволила повелѣть Сенату нынѣ еще обнародовать въ ономъ уѣздѣ печатнымъ указомъ,

---

[1]) *Исторія Россіи*, Соловьева, т. XXVII, стр. 19.

[2]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. IV, 117.

[3]) Въ предложеніи Сенату отъ 22 августа 1767 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 123, листъ 162.

чтобъ никто чужихъ и безпаспортныхъ людей ни подъ какимъ видомъ держать у себя и укрывать не отваживался подъ опасеніемъ жестокаго за то наказанія. И сей обнародованный указъ, съ полученія онаго въ каждомъ того уѣзда мѣстѣ черезъ цѣлый мѣсяцъ читать во всѣхъ церквахъ въ воскресные и праздничные дни для всеобщаго свѣдѣнія».

Разбои, бѣгство и вообще шатаніе такъ называемой тогда «*черни*» заставляли правительство прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ, чтобы уничтожить это зло и согласиться *на невозвращеніе бѣглыхъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ*.

Манифестомъ 4 декабря 1762 года Екатерина II вызывала въ Россію всѣхъ бѣглыхъ съ обнадеживаніемъ, «что имъ хотя по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однако же всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, возчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи пожить спокойно и въ благоденствіи» [1]).

Черезъ десять дней, 14 декабря, объявлено, что бѣжавшіе изъ своего отечества въ Польшу раскольники могутъ безъ всякаго опасенія выходить въ Россію и селиться особыми слободами не только въ Сибири на Барабинской степи, но въ Воронежской, Бѣлгородской и Казанской губерніяхъ, съ платою двойнаго подушнаго оклада.

Такимъ выходцамъ обѣщано полное прощеніе, дозволено не брить бородъ, носить платье какое пожелаютъ и предоставлено возвратиться-ли къ помѣщикамъ, или записаться въ государственные крестьяне или въ купечество. Всѣмъ вышедшимъ обѣщана льгота на шесть лѣтъ отъ податей и работъ [2]).

Малый успѣхъ этихъ указовъ заставилъ императрицу высказаться болѣе опредѣленно, и манифестомъ 13 мая 1763 года вызывались изъ Польши и Литвы въ Россію всѣ тѣ бѣглые помѣщичьи крестьяне, которые покинули свое отечество до указа Сената 14 декабря 1762 года. Имъ обѣщана льгота отъ податей и работъ на шесть лѣтъ, обѣщано не возвращать помѣщикамъ и дозволено селиться въ казенныхъ волостяхъ, тамъ гдѣ поже-

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,720.
[2]) Тамъ же, № 11,725.

лаютъ [1]). Нѣсколько ранѣе и именно 8 апрѣля высочайше повелѣно было Сенату всѣхъ переписанныхъ бѣглыхъ, жившихъ по рѣкамъ Иргизамъ, помѣщикамъ не возвращать, а приписать къ дворцовымъ Малыковскимъ волостямъ, зачесть ихъ въ число рекрутъ тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ они бѣжали, и изъ подушнаго оклада исключить [2]).

Не смотря на такія льготы бѣглые возвращались не сразу, а подсылали депутатовъ съ тѣмъ, чтобы точно узнать, дѣйствительно-ли возвращающіеся не будутъ отданы опять помѣщикамъ, отъ которыхъ бѣжали.

5 апрѣля 1763 года въ псковскую провинціальную канцелярію явился крестьянинъ Леонъ Козьминъ, бѣжавшій отъ помѣщика Лаврова, изъ имѣнія Карачуницкаго, Порховскаго уѣзда. Онъ показалъ, что находится въ Польшѣ девять лѣтъ со всѣмъ своимъ семействомъ, что онъ присланъ отъ «прочихъ россійскихъ» людей развѣдать, точно-ли ихъ не возвратятъ помѣщикамъ и запишутъ въ дворцовыя волости. Въ случаѣ справедливости этихъ слуховъ, Козьминъ заявилъ, что многіе возвратятся въ свое отечество. Въ Польшѣ по разнымъ мѣстамъ, говорилъ Козьминъ, «бѣглыхъ раскольниковъ, всякихъ разнаго званія людей и крестьянъ, съ женами и дѣтьми нѣсколько тысячъ находится и живутъ особыми слободами и деревнями. По увѣщанію, нѣкоторые изъ нихъ къ выходу желаніе свое объявляютъ». Козьминъ былъ отпущенъ обратно въ Польшу за семействомъ и ему поручено склонять остальныхъ къ выходу въ Россію и объявить имъ, что будутъ приписаны къ дворцовымъ волостямъ [3]).

Бѣглые все-таки не возвращались и вторгаясь въ наши границы производили грабежи и разбои. Тогда рѣшено было сформировать особые легкіе отряды и отправить ихъ въ Польшу для ловли бѣглыхъ [4]). Мѣра эта однако же не была приведена въ

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, № 11,815.

[2]) Арх. Сената, Высоч. повел., книга № 106, листъ 121.

[3]) Постановленіе Сената 25 апрѣля 1763 г. Арх. Сената, Высоч. повел., кн. 106, листъ 205.

[4]) Указъ Сенату отъ 4 августа 1763 г. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, книга № 107.

исполненіе по политическимъ причинамъ и посылка командъ отмѣнена. «При нынѣшнемъ въ Польшѣ междуцарствіи, писала Екатерина [1]), наша государственная политика требуетъ, чтобы противные интересамъ нашей Имперіи чужестранные и поляки не могли ни изъ чего получить себѣ повода тамошнему шляхетству лукаво внушать и толковать отъ насъ имъ утѣсненіемъ и нападкомъ исполняемыя наши мѣры». Потому и повелѣно было посылку командъ отмѣнить и дѣло о возвращеніи бѣглыхъ изъ Польши предоставить произволу желающихъ.

Желающихъ оказывалось сравнительно немного, отчасти и потому, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ были раскольники, а другіе совершившіе преступленіе противъ закона и общественной нравственности. Въ основѣ этихъ преступленій лежали истязанія и своеволіе помѣщиковъ, вызывавшія крестьянъ на поджоги помѣщичьихъ усадьбъ и убійство самихъ помѣщиковъ. Преступленія эти считались не единицами, а десятками, и особенно много помѣщиковъ было убито крестьянами въ 1767 году. «Сіи злодѣи, говорилъ графъ Строгоновъ, депутатъ отъ серпейскаго дворянства, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего размучивъ умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали» [2]). Въ періодъ времени съ 1764 по 1769 годъ въ одной Московской губерніи были убиты 21 помѣщикъ, 9 помѣщицъ и было 5 покушеній неудавшихся.

Замѣчательно, что многіе лучшіе люди того времени не понимали и не видѣли истинной причины неудовольствій. Сумароковъ наивно писалъ въ 1766 году, будто имъ примѣчено, «что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ». По его мнѣнію, крестьяне убивали помѣщиковъ потому, что «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ» и, прибавила императрица, «*имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи*» [3]).

---

[1]) Въ указѣ военной коллегіи 21 ноября 1763 г. Арх. канц. воен. министерства, книга № 49, листъ 71.

[2]) В. И. Семевскій, *Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II*, стр. 346 и 347.

[3]) *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. X, стр. 86.

Несмотря, впрочемъ, на столь большую цифру убійствъ помѣщиковъ, надо сознаться, что крестьяне прибѣгали къ этому средству въ самой послѣдней крайности, а въ большинствѣ случаевъ они выражали свой протестъ поголовнымъ отказомъ повиноваться власти помѣщиковъ. Крестьяне отказывались исполнять требованія помѣщиковъ, не шли на работу, а иногда подобныя волненія сопровождались и насиліемъ. Въ 1762 году волновались крестьяне Клинскаго, Тверскаго, Бѣлевскаго, Галицкаго, Тульскаго, Епифанскаго и Волоколамскаго уѣздовъ — всего въ общей сложности до 6,840 душъ. Въ 1765 и 1766 годахъ волновались крестьяне многихъ помѣщиковъ Воронежской губерніи; въ 1767 году крестьяне Кашинскаго, Чебоксарскаго и Кокшайскаго уѣздовъ; въ 1767—1768 годахъ волновались крестьяне Симбирскаго уѣзда въ имѣніяхъ Измайлова и Кротковой и въ Верхоломовскомъ уѣздѣ; въ маѣ 1769 года кн. М. В. Мещерскій подалъ просьбу въ бѣжецкую канцелярію, въ которой жаловался, что крестьяне не слушаютъ его.

Такимъ образомъ не проходило года, чтобы въ какой либо мѣстности не было волненій, и въ періодъ 1762 по 1772 годъ крестьяне волновались въ 40 помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]).

Описывая состояніе Россіи при своемъ вступленіи на престолъ, императрица Екатерина говоритъ, что въ первый годъ ея царствованія было въ явномъ возмущеніи 150,000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и 49,000 заводскихъ.

Положеніе послѣднихъ было не лучше помѣщичьихъ. Мы видѣли, что съ захватомъ башкирскихъ земель и съ устройствомъ на нихъ горныхъ заводовъ потребовались рабочія руки, для развитія этого рода промышленности. При существованіи крѣпостного права, фабриканты не находили рабочихъ и потому прежде всего, по распоряженію правительства, всѣ бѣжавшіе и поселившіеся въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ крестьяне были приписаны къ горнымъ заводамъ и очутились въ положеніи худшемъ того, отъ котораго бѣжали. Вслѣдъ затѣмъ купцамъ-заводчикамъ разрѣшено было покупать населенныя имѣнія внутри Россіи и переселять

[1]) В. И. Семевскій, *Крестьяне* и пр., 375.

ихъ на свои заводы. Подобная покупка продолжалась до 29 марта 1762 года, когда указомъ Петра III было повелѣно: «всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ, отнынѣ къ ихъ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми [1])».

Императрица Екатерина вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ подтвердила этотъ указъ [2]) и, по свѣдѣніямъ, въ началѣ ея царствованія оказалось, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20,000, а къ горнымъ заводамъ болѣе 40,000 душъ. Запрещеніе покупки не уничтожало права фабриканта переселять уже купленныхъ крестьянъ на заводы изъ внутреннихъ губерній, и одинъ Твердышевъ переселилъ на свои заводы до 15,000 душъ изъ разныхъ губерній.

Заводчики и фабриканты имѣли полную власть надъ крестьянами: могли наказывать ихъ батогами и плетьми, надѣвать оковы, сдавать въ рекруты и отправлять въ ссылку. По одному заявленію фабриканта, поданному въ мануфактуръ-коллегію, крестьянинъ безъ суда и слѣдствія ссылался на поселеніе или въ каторжную работу. Заводчики широко пользовались этимъ правомъ, злоупотребляли своею властью и притѣсняли крестьянъ при всякомъ

---

[1]) См. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», *соч. В. И. Семевскаго.*

[2]) Съ подтвержденіемъ этимъ, раздача имѣній такимъ лицамъ не прекратилась безусловно, а допускалась въ видѣ исключеній, и нерѣдкихъ. Вотъ одинъ изъ такихъ. Въ январѣ 1763 года, частный аптекарь Гаврила Гавриловъ Соульсъ подалъ прошеніе, въ которомъ писалъ, что еще въ 1702 году отецъ его, изъ цесарской націи, пріѣхалъ въ Москву и учредилъ тамъ аптеку. «При оной аптекѣ, говорилъ Соульсъ, безъ работныхъ людей, а наипаче безъ удобнаго мѣста для развода разныхъ травъ и кореньевъ обойтиться невозможно. Чего для отецъ мой имѣлъ купленную на свое имя деревню, которую для своихъ нуждъ и продалъ; а нынѣ, по необходимости тѣхъ аптечныхъ потребностей, принужденъ я купить деревню въ семьдесятъ душъ и опую написать и пошлинныя деньги заплатить имепемъ вдовствующей баронессы Строгоновой». Опасаясь лишиться деревни въ случаѣ смерти Строгоновой, Соульсъ просилъ позволенія укрѣпить за собою имѣніе, «и впредь покупку и продажу свободно имѣть». Императрица Екатерина, 21 марта 1763 года, разрѣшила Соульсу только укрѣпить за собою купленную уже имъ деревню (Арх. Сената, Высоч. повелѣн., книга № 105, листъ 221). Другой подобный же случай съ фабрикантомъ Желвунцевымъ приведенъ и г. В. Семевскимъ. См. *Крестьяне при Екатеринѣ II*, стр. 502.

удобномъ случаѣ. По закону не имѣя права препятствовать женскому населенію выходить за мужъ за кого онѣ хотятъ, заводчики препятствовали этому или брали выводныя деньги. Законъ не опредѣлялъ ни числа рабочихъ часовъ, ни того, должны ли работать на заводахъ женщины и дѣти и до какого возраста дѣти должны быть освобождаемы отъ работы. Разрѣшеніе этого вопроса предоставлялось произволу заводчика и вызывало частые безпорядки. «Если разсмотримъ, говорилъ князь Щербатовъ, во время преній въ коммиссіи о составленіи уложенія,—самое употребленіе и жизнь работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшаго числа мастеровъ, которые для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности» [1]). Отъ этого, по мнѣнію кн. Щербатова, происходили безпорядки въ деревняхъ. Забирая всѣхъ на работу, заводчики-купцы столь мало оплачивали трудъ, что крестьяне едва имѣли дневное пропитаніе. «Черезъ то, писало ярославское дворянство [2]) умноженію, народа чинится препона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бываютъ, что часто бунты производятъ».

По разслѣдованію, произведенному княземъ Вяземскимъ о причинахъ волненія заводскихъ крестьянъ, оказалось, что неудовольствіе ихъ заключалось: 1) въ пристрастной приписке крестьянъ къ заводамъ; 2) въ неуравнительномъ разсчетѣ рабочихъ дней на заводахъ, съ рабочими днями оставленными для земледѣлія и прокормленія себя съ семействомъ; 3) въ слишкомъ большой поденной работѣ; 4) низкой платѣ за трудъ и 5) въ отдаленіи крестьянъ, обязанныхъ ходить на работу въ заводы иногда за 400 верстъ отъ своихъ селеній [3]). Для устраненія этихъ безпорядковъ правительство признало необходимымъ составить для казенныхъ заводовъ инструкцію и разослать ее на частные заводы, но не для руководства, а для свѣдѣнія. Заводчикамъ было невыгодно

---

[1]) *Сборникъ Императ. русскаго историческаго общества*, т. VIII, 59.

[2]) Въ наказѣ кн. Щербатову, тамъ же, IV, стр. 300.

[3]) Полное Собраніе Законовъ № 11.790.

слѣдовать этой инструкціи и они устанавливали свои правила, съ выгодою для себя и въ ущербъ рабочему населенію.

Нѣкоторые заводчики, заявилъ Николай Дурасовъ въ засѣданіи коммиссіи уложенія [1]), каковы Твердышевъ и Мясниковъ, «обязываютъ приходящихъ къ нимъ для работы на заводы крестьянъ на годъ или больше, давая имъ впередъ деньги; сверхъ того, кормя ихъ своею пищею, снабжая одеждою и обувью по неумѣреннымъ цѣнамъ, приводятъ ихъ въ такой неоплатный долгъ, который они во всю жизнь заработать не могутъ. Отъ сего не токмо новокрещенцы, но и помѣщичьи крестьяне претерпѣваютъ крайнюю нужду и бѣдность и сами помѣщики ихъ лишаются».

Государственные крестьяне Уфимской провинціи жаловались, что приходящіе на заводы Демидова изъ дальнихъ волостей работники жгутъ ихъ лѣса и ломаютъ пчелъ. Новокрещенцы того же уѣзда говорили, что заводчики Твердышевъ и Мясниковъ притѣсняютъ ихъ излишнею работою.

Имѣя право жаловаться на притѣсненія заводчиковъ, крестьяне прибѣгали къ этому рѣдко, потому что почти никогда не встрѣчали рѣшенія въ свою пользу [2]). Для защиты своихъ правъ и облегченія участи оставалась одна грубая сила, и крестьяне прибѣгали къ ней, для заявленія правительству о своемъ безъисходномъ положеніи. Не проходило года, чтобы въ нѣсколькихъ мѣстахъ не было бунта заводскихъ крестьянъ. Называя заводскія конторы хлѣвомъ и воровскою избою, рабочіе отказывались повиноваться заводчикамъ и на угрозы, что будутъ наказаны, отвѣчали, что «*о томъ не спорятъ*, но все-таки останутся при своемъ».

Сознавая, что «безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ» [3]), императрица старалась облегчить положеніе рабочихъ,

---

[1]) *Сборникъ Императ. русскаго историческаго общества*, т. IV, стр. 106 и 107.

[2]) Въ 1763 году явились одновременно въ Петербургъ депутаты съ жалобою на заводчиковъ: Акинфія Демидова, Ивана Демидова, Петра Осокина и графа И. Г. Чернышева. Они писали въ своихъ прошеніяхъ, «что налагаются на нихъ, сверхъ настоящаго оклада, отъ содержателей тѣхъ заводовъ, отъ прикащиковъ и ихъ управителей излишнія, тягостныя и безвременныя работы безъ зачета и чинятся отъ тѣхъ прикащиковъ и управителей многія обиды и за ослушаніе побои, отчего пришли они въ разореніе». Прошенія эти были переданы въ Сенатъ, но безъ всякихъ послѣдствій (Арх. Сената, Высоч. повелѣн., книга № 106).

[3]) См. *Крестьяне при Екатеринѣ II* В. Семевскаго, стр. 420.

но попытки одного лица недостаточны для уничтоженія общаго зла. Частыя изслѣдованія причинъ волненій рѣдко производились добросовѣстно, рѣдко обвиняли заводчиковъ и почти всегда рабочихъ. Если заводчикъ не умѣлъ скрыть передъ слѣдователемъ своихъ злоупотребленій, тогда онъ подвергался наказанію, но наказанія единичныхъ лицъ, безъ закона ограничивающаго всеобщій произволъ, не уничтожали злоупотребленій.

«Нельзя мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, не думать того, доносилъ капитанъ-поручикъ С. Мавринъ [1]), чтобъ не было премудрыхъ вашихъ распоряженій, въ разсужденіи пыпѣшнихъ обстоятельствъ въ знаменитыхъ (внутреннихъ?) губерніяхъ и когда послѣдуетъ положеніе, то обратите взоръ свой на крестьянъ заводскихъ, а паче на приписныхъ, *которые отданы совершенно въ жертву заводчикамъ, а оные хищники ни о чемъ другомъ не помышляютъ, какъ о своемъ прибыткѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество,* ибо многіе приписные крестьяне ходятъ на иго работы отъ четырехъ до семисотъ верстъ. А порядокъ у нихъ тотъ, что всѣ они, кои могутъ работать, раздѣлены на три партіи: одна работаетъ, а другая идетъ на смѣну и до тѣхъ поръ первая не возвратится въ дома, пока другая не придетъ смѣнить. Работа-жь сія на заводахъ большею частью тогда потребна, когда крестьянинъ долженъ доставать насущное пропитаніе, а когда земледѣлецъ не достанетъ себѣ изъ земли сокровища, то онъ нищій.

«Многіе, вопреки, мнѣ говорятъ, что заводчики имъ даютъ пропитаніе и снабжаютъ ихъ всѣмъ нужнымъ, но есть ли въ томъ польза? отнюдь нѣтъ, а когда и есть, то рѣдкимъ, а именно заводчикамъ, а государству въ тягость. Когда-жь земледѣлецъ упражняется въ трудахъ своихъ, то приноситъ изобиліе многимъ.

«При заводахъ же есть ухватка и та, хотя, впрочемъ, нечестивая, когда крестьянинъ работаетъ на заводѣ, то какъ выше сего сказано, за семьсотъ верстъ на треть года хлѣба завезть не можно, а у другого и везти нечего и потому долженъ онъ хлѣбъ и все нужное для себя получать у заводчика же изъ лавки и брать за

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 21 мая 1774 г. изъ Оренбурга.

такую цѣну, какая положена будетъ и за все то, что крестьянинъ заберетъ, долженъ заработать по заводскому расположенію. А какъ притомъ на счетъ работныхъ людей несравненно ставятъ дороже, какъ бы надлежало, то крестьяне почти безсмѣнно и должны быть въ работѣ у нихъ, а потому гласъ бѣдныхъ и взываетъ свою самодержицу на облегченіе елико можно ига ихъ.

«Не говорю, чтобъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во удовольствіе ихъ было что сдѣлано, для того, чтобы и впредь сія черни не возмнила бунтомъ же требовать своего благодѣянія и не пожелала того, чего сдѣлать невозможно.

«Всемилостивѣйшая государыня, извини вѣрноподданнаго раба вашего, что осмѣлился сдѣлать сію дерзость несвойственную званію моему, и когда приношеніе сіе есть дерзновенное, такъ усердіе мое виною, а чтобъ служить вамъ, всемилостивѣйшая государыня, вѣрно и усердно, въ томъ честь и присяга какъ Богу, такъ и вамъ, всемилостивѣйшая государыня, данная, меня руководствуетъ. Но чтобъ не поставлено было въ мой проискъ или нѣкоторыхъ лицъ оклеветаніе, въ томъ прошу покровительства и защищенія отъ васъ, всемилостивѣйшая государыня. Мысль моя не въ другомъ какомъ видѣ состоитъ, какъ предувѣдомить самодержицу всероссійскую объ обстоятельствахъ страны сей, а что сіе истинная правда — *кровію моею подписать не отрекусь*».

Мавринъ обращалъ вниманіе императрицы на огромныя естественныя богатства Оренбургской губерніи. «Но, прибавлялъ онъ, какъ *внѣдрилось въ отечествѣ нашемъ столько внутреннихъ непріятелей*, что превосходитъ всякое чаяніе ваше, а потому и должно надъ здѣшнимъ краемъ сдѣлать особливое примѣчаніе, дабы, чего Боже сохрани, и впредь не могли *скиснуть оставшіяся отъ неброженія дрожжи*. А сіе мѣсто столь для цвѣтущаго благоденствія вашего императорскаго величества нужно, что вошло давно въ пословицу: *Сибирь золотое дно!* А что сіе правда, то доказываютъ всегдашніе опыты, но все оное нечестивцы, къ пагубѣ другимъ строющіе, пожираютъ и дѣлаютъ оную злоключительною».

XVII.

Духовенство.—Его характеристика и нравственное состояніе.—Причины неудовольствія какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства.—Общій выводъ о состояніи общества передъ пугачевскимъ бунтомъ.

Не смотря на существованіе школъ и семинарій, духовенство прошлаго столѣтія находилось на самой низкой степени развитія, было мало или вовсе необразовано. Тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ не вѣрилъ, что земля вращается вокругъ солнца, и всѣ старанія астронома аббата Шаппа убѣдить его въ этомъ оставались тщетными [1]). Въ девяностыхъ годахъ могилевскою епархіею управлялъ епископъ Аѳанасій Вальховскій, который не могъ читать знакомаго ему евангелія безъ ошибокъ и частыхъ остановокъ [2]). Приходское же духовенство почти ничѣмъ не отличалось отъ крестьянъ и не имѣло на нихъ никакого вліянія. Будучи въ большинствѣ неграмотно, сельское духовенство было погружено «въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ»; священникъ отправлялъ церковное служеніе наизустъ [3]), а дьячокъ пѣлъ по наслышкѣ. При подпискѣ присяжныхъ листовъ почти половина священниковъ оказались неграмотными, и прося подписать за нихъ другихъ лицъ отговаривались или слѣпотою, или тѣмъ, что «попъ очьми скорбенъ». За неимѣніемъ духовныхъ ученыхъ, Г. Р. Державинъ, по случаю открытія больницы въ г. Петрозаводскѣ, принужденъ былъ самъ сочинить проповѣдь для священника петрозаводскаго собора Іоанна. Точно также въ 1787 году онъ сочинилъ рѣчь въ Тамбовѣ, по случаю открытія намѣстничества и заставилъ говорить ее однодворца Захарова, потому что преосвященный самъ былъ человѣкъ неученый и не имѣлъ при себѣ никого, кто могъ бы сказать проповѣдь. Томскій архимандритъ доносилъ тобольскому митрополиту, что «въ сочиненіи исповѣдныхъ росписей и рапортовъ за неимѣніемъ при монастырѣ

---

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXVI, 30.

[2]) «Записки Добрынина», 296.

[3]) Всеподд. донесеніе графа П. И. Панина, отъ 10 сентября 1774 г., № 14.

писарей изъ грамотныхъ служителей, чинится остановка, а дьячки и пономари писать не умѣютъ».

Бѣлое духовенство находилось почти въ нищенскомъ состояніи и годовые доходы сельскаго священника не превышали 50—55 рублей [1]). Чтобы существовать съ семьею, иногда весьма многочисленною, священнику приходилось самому заниматься земледѣльческими работами и своими руками воздѣлывать огороды. «Многіе городскіе священно-церковно-служители, писалъ Синодъ [2]), не имѣя отъ прихожанъ къ содержанію своему достаточныхъ доходовъ къ пропитанію себя, весьма нужно (бѣдно) содержатъ, а въ уѣздахъ довольствуются по большей части отъ хлѣбопашества, почему они не столь въ званіи своемъ, сколько въ земледѣльчествѣ упражняться должны».

Высшее общество относилось къ духовенству свысока и съ презрѣніемъ, и смотрѣло на него точно такъ же, какъ и на крестьянъ. Помѣщики держали себя въ отношеніи къ духовенству полновластными господами, заставляли священниковъ стоять передъ ними безъ шапокъ, подвергали ихъ побоямъ и даже сѣкли. «Однажды попъ не сталъ-было вѣнчать, баринъ послалъ за нимъ писарей, тѣ привезли его на мельницу, да и отпороли» [3]).

Народъ не уважалъ духовенство, потому что видѣлъ въ немъ человѣка необразованнаго и часто неграмотнаго, работающаго вмѣстѣ съ нимъ за сохой и точно также неизбавленнаго отъ податей и отъ тѣлеснаго наказанія. Императрица Екатерина освободила духовенство отъ податей, запретила наказывать его тѣлесно *въ судахъ духовныхъ*, но не было издано никакого указа объ освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія *въ судахъ свѣтскихъ*.

Съ своей стороны бѣлое духовенство, будучи поставлено въ крайне плохія матеріальныя условія и далекое отъ всякихъ чисто нравственныхъ идеаловъ, весьма часто уклонялось въ противоположъ-

---

[1]) В. И. Семевскій. «Сельскій священникъ», *Русская Старина*, 1877 года, т. XIX, 529.

[2]) Въ 1767 году въ наставленіи, данномъ депутату въ коммиссіи для составленія новаго уложенія.

[3]) «Записки сельскаго священника», *Русская Старина*, т. XXVII, стр. 57.

ную сторону, сторону пороковъ и предавалось разнымъ безобразіямъ, присущимъ вѣку: было корыстолюбиво и нетрезво. Высшее же духовенство было грубо, необразовано и не имѣло понятія о святости своего служенія. Вятскій архіерей Антоній Иляшевичъ позволялъ себѣ въ церкви браниться «самыми поносными словами» [1]), и оскорбилъ секундъ-маіора, завѣдывавшаго сборомъ подушныхъ податей.

Сѣвскій епископъ Кириллъ Фліоринскій, считавшій себя человѣкомъ образованнымъ и по привычкамъ французомъ [2]), производилъ самыя грубыя безобразія во время церковнаго богослуженія. Онъ всегда, говоритъ Добрынинъ [3]), «даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ трикиріями [4]) бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было: въ алтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей».

Въ другой разъ, будучи въ алтарѣ передъ слушаніемъ молитвы послѣ причастія, архіепископъ Фліоринскій схватилъ Добрынина за волосы обѣими руками «весьма плотно и впился въ нихъ, какъ клещъ въ тѣло». Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный, «слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не оставалось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли». Всѣ присутствовавшіе въ алтарѣ разбѣжались въ разныя стороны, ожидая, говоритъ Добрынинъ, съ благоговѣніемъ, страхомъ и трепетомъ окончанія *святительскаго на мнѣ рукоположенія*. Кадмъ дракона не убивалъ съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терзалъ съ такою

---

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXIV, стр. 752.

[2]) См. выше, стр. 279.

[3]) «Записки Добрынина», *Русская Старина*, 1871 г., т. III, 150.

[4]) Трикиріями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ.

жадностью, Самсонъ, злясь на филистимлянъ, не связывалъ съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломалъ лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивалъ. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукъ не выпустилъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было». Столь жестокое избіеніе Добрынинъ претерпѣлъ за то только, что передъ каѳедрою не было орлеца [1]). Тотъ же архіепископъ спопалъ брянскаго протопопа и, говоря проповѣдь противъ раскольниковъ, называлъ ихъ неприличными словами и плевалъ на народъ черезъ налой, на которомъ лежалъ псалтырь.

Въ одной изъ церквей Тамбовской губерніи дьячокъ Дороѳей Васильевъ и пономарь Терентій Петровъ вошли въ церковь во время свадьбы и, не обращая вниманія на священника, потребовали у жениха, который стоялъ уже передъ налоемъ, 2 рубля, кромѣ выговоренной платы за вѣнчаніе. Получивши отказъ, церковнослужители погасили свѣчи предъ образами, вырвали вѣнчальныя свѣчи у молодыхъ и остановили вѣнчаніе [2]).

Епархіальные архіереи обращались съ своими подчиненными грубо и жестоко. Такъ устюжскій епископъ Варлаамъ производилъ своему клиру «наижесточайшія тѣлесныя наказанія». Дмитрій Сѣченовъ держалъ одного священника шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, въ оковахъ, билъ его смертными побоями, забралъ у него деньги, разорилъ домъ, лишилъ пропитанія отца и 11-лѣтняго сына за то, что тотъ, по принужденію архіерея, не хотѣлъ принять монашества. Извѣстный Арсеній Мацѣевичъ издалъ распоряженіе, чтобы наказывать виновныхъ священниковъ веревками, обмоченными въ горячую смолу, на концѣ которыхъ навертывалась проволока въ видѣ когтей. Такія веревки назывались *кошками*, и ими былъ наказанъ благочинный за то, что въ его участкѣ Арсеній замѣтилъ на престолѣ много пыли. Вообще Арсеній обходился съ подчиненными весьма грубо, бранился самыми неприличными словами, дозволялъ себѣ,

---

[1]) Каѳедрою называются кресла, на которыя садятся архіереи во время служенія, а орлецомъ подстилка, на которую становятся архіереи.

[2]) «Изъ тамбовскихъ лѣтописей», И. И. Дубасова, *Историческій Вѣстникъ* 1880 г., № 9.

расправляться собственноручно, а самъ велъ жизнь далеко не монашескую [1]). Тобольскій митрополитъ Павелъ Конюскевичъ сѣкъ духовенство плетьми и подвергалъ ихъ разнымъ чернымъ работамъ. Такимъ же работамъ подвергалъ своихъ подчиненныхъ и устюжскій епископъ Варлаамъ. Трудами священническихъ рукъ были вырыты въ архіерейскомъ селѣ Богородскомъ пруды, изображавшіе своими излучинами вензель архіерея. Вологодскій епископъ Серапіонъ Лятошевичъ, тамбовскій—Пахомій и архимандритъ Долматовскаго монастыря Іакинфъ были извѣстны своими жестокостями, причемъ послѣдній носилъ названіе «кровожаждущаго» и погибъ въ 1793 году отъ рукъ крестьянъ, при содѣйствіи монаховъ.

Плети, кулачная расправа и розги были обыкновенными явленіями среди духовенства, и рѣдкій священникъ не испытывалъ на себѣ того или другого вида наказаній. Профессоръ с.-петербургской духовной академіи Д. И. Ростиславовъ сохранилъ намъ разсказъ о судѣ владимірскаго архіерея Іеронима [2]). «Въ *подачу*, т. е. въ ту комнату, въ которой архіерей принималъ просителей, входили всѣ имѣвшіе нужду являться къ нему. Іеронимъ обыкновенно садился въ подачѣ на диванъ, выслушивалъ и вызывалъ одного за другимъ просителей и бо̀льшею частью тутъ же произносилъ или писалъ рѣшенія или резолюціи. Многіе являлись съ жалобами другъ на друга, другіе вызывались вслѣдствіе какого либо дурного поступка, о которомъ какъ нибудь узналъ владыка. Взысканія въ этихъ случаяхъ были, конечно, различны; виновные получали болѣе или менѣе строгіе выговоры, назначались на черныя работы въ архіерейскомъ домѣ, отсылались въ монастырь, но очень часто наказывались и тѣлесно, тутъ же въ *подачѣ* при всѣхъ, для всеобщаго назиданія.—«Э! да ты какой проказникъ, или сутяга, или негодяй, восклицалъ владыка,—вотъ я тебя поучу. Эй—прибавлялъ онъ, обращаясь къ своей прислугѣ — плетей сюда!» Разумѣется, живо являлись кучера или кто либо изъ другой прислуги съ ременными двухвостками—«Ну-ка, раздѣвайся, да ложись», приказывалось виновному. Принято было, чтобы наказываемый снималъ

[1]) *Русская Старина*, 1879 г., т. XXV, стр. 31—34; т. XXVI, стр. 30—31.
[2]) «Записки Д. И. Ростиславова», *Русская Старина*, 1880 г., XXVII, стр. 9.

съ себя все верхнее платье и оставался въ нижнемъ бѣльѣ. Вотъ и раздѣлся и растянулся на полу. Для экзекуціи изъ архіерейской прислуги являлись только двое съ плетьми, а держать должны были предстоявшіе духовные, или по назначенію владыки, или по выбору прислуги. Отказываться было нельзя. Четыре человѣка тотчасъ опускались на колѣни, двое держали за ноги, а другіе двое за руки, крестообразно расположенные; для двухвостокъ открывалось свободное мѣсто; было гдѣ имъ улечься на обнаженныхъ частяхъ тѣла. Наказываемый укладывался такъ, чтобы владыка не вставая съ дивана могъ своими глазами видѣть плотноли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкали причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говарпвалъ:

«У! жарко бывало; дрожь пробѣгала по тѣлу». Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови».

Какое уваженіе могло быть къ подобнымъ пастырямъ церкви? Грубые нравы отражались во всемъ, и священникъ, испытавшій на себѣ всю тяжесть наказанія владыки, сдѣлавшись начальникомъ, поступалъ точно также, если еще не строже съ своими подчиненными и съ духовными дѣтьми. Не владѣя крѣпостными, онъ не могъ производить, подобно помѣщикамъ, наѣздовъ на имѣнія сосѣдей, за то производилъ экспедиціи на раскольниковъ, съ цѣлью поживиться на ихъ счетъ. Таковъ, напримѣръ, былъ судящій попъ Иванъ Андреевъ Сокольскій въ Юрьевецъ-Повольскомъ уѣздѣ. Собравъ церковниковъ съ разныхъ церквей и вооруживъ ихъ ружьями и дреколіями, попъ отправился въ Рыбновскую волость отыскивать раскольниковъ. Онъ хваталъ перваго попавшагося, заставлялъ его указывать, гдѣ живутъ раскольники и если тотъ отказывался, то «билъ плетьми смертельно и весьма необычайно». Такъ онъ билъ крестьянина Лаврентія Леонтьева и 70-ти-лѣтнюю женщину Марѳу Васильеву. Затѣмъ «лютый попъ приказалъ истопить баню», обмыть кровь Васильевой и парить ее «крестьянской женкѣ, приставя въ караулъ двухъ церковниковъ». Въ другой разъ Сокольскій отправился въ Коряковскую волость, обобралъ у

крестьянъ 63 иконы и увезъ ихъ съ собою. На просьбу возвратить ихъ, попъ отвѣчалъ, что отдастъ иконы только тогда, когда будетъ дано ему 5 рублей.

Притѣсняя и преслѣдуя раскольниковъ, православное духовенство съ еще большею жестокостію поступало относительно инородцевъ-магометанъ. Здѣсь оно сдѣлало все, чтобы возстановить ихъ противъ правительства и было причиною кровавыхъ столкновеній. Мы видѣли къ чему привела миссіонерская дѣятельность русскаго духовенства среди башкирцевъ. Положеніе дѣла среди прочихъ магометанъ было не лучше. Въ 1743 и 1744 годахъ предпринято было повсемѣстное истребленіе мордовскихъ кладбищъ и татарскихъ мечетей въ губерніяхъ Нижегородской и Казанской; въ послѣдней было уничтожено 418 мечетей. Въ 1745 году мордва жаловалась императрицѣ, что Дмитрій Сѣченовъ заставляетъ ихъ креститься силою, а отказывающихся бьетъ и заковываетъ въ кандалы или связанными окунаетъ въ купель и надѣваетъ кресты. Чуваши жаловались на точно такое же насильственное обращеніе съ ними игумена Неофита, а сибирскіе татары и бухарцы на тамошняго митрополита Сильвестра.

Если подобныя жестокости и насилія надъ иновѣрцами еще можно объяснить какими бы то ни было политическими видами, то нѣтъ никакихъ оправданій для духовенства въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами духовныхъ имѣній. Всѣ справедливыя жалобы крестьянъ на притѣсненія ихъ управителями оставлялись Синодомъ безъ всякаго исполненія и нерѣдко просители возвращались къ тѣмъ же властямъ, на которыхъ жаловались, для наказанія за принесенную жалобу.

«Уже съ давняго времени писалъ императоръ Петръ III [1]), къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому

[1]) Въ указѣ Синоду отъ 26 марта 1762 г. *Памятники новой русской исторіи*, т. II, отдѣлъ II, 17.

въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже — дѣлается одна токмо повадка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго блюстителя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ... Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить...»

При вступленіи князя Шаховскаго въ должность оберъ-прокурора, онъ не нашелъ многихъ дѣлъ и инструкцій, данныхъ прежнимъ оберъ-прокуроромъ. Духовный регламентъ былъ въ полномъ пренебреженіи и отчетность въ Синодѣ почти совсѣмъ исчезла. Въ 1744 году коллегія экономіи была уничтожена, а управленіе вотчинами и сборъ доходовъ были отданы въ вѣдѣніе Синода. Мѣра эта отозвалась самымъ дурнымъ образомъ на внутреннемъ спокойствіи Имперіи. Притѣсняемые духовенствомъ, налагавшимъ чрезмѣрные поборы и подвергавшимъ жестокимъ наказаніямъ, крестьяне постоянно волновались и успокоились только тогда, когда, въ 1764 году, монастырскія имѣнія были отобраны отъ духовенства.

Отобраніе это возбудило всеобщее неудовольствіе и протесты со стороны высшей духовной іерархіи; оно отозвалось и на низшемъ слоѣ духовенства, потому что одновременно съ этимъ было уменьшено число монастырей и приходовъ. Оставшіеся за штатомъ церковно-служители тунеядствовали и предавались всякаго рода безобразіямъ. «Воровство, говорили депутаты въ коммиссіи уложенія [1]), происходитъ по большей части отъ множества безмѣстныхъ церковниковъ, которые числятся при отцахъ; но сами отцы, по крайней мѣрѣ многіе, церковной земли имѣютъ очень мало, а дѣтей человѣка по два, по три и больше, а приходу на нихъ никакого нѣтъ, *къ работѣ же, какъ извѣстно, этотъ родъ ленивъ*; такъ не повелѣно-ли будетъ безмѣстныхъ церковниковъ опредѣлять въ солдаты, а негодныхъ въ подушный окладъ».

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXVII, 131.

Предложеніе это было впослѣдствіи осуществлено, и въ 1767 году императрица Екатерина II повелѣла Сенату собрать подробныя свѣдѣнія о числѣ церковно-служителей, остающихся праздными. Сенатъ поручилъ собраніе этихъ свѣдѣній Синоду и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1767 года представилъ императрицѣ, что, за исключеніемъ двухъ сибирскихъ епархій, состоитъ въ наличности 17,518 церквей, при которыхъ должно быть по штату 78,651 церковно-служителей, а состоитъ 66,025 человѣкъ,—слѣдовательно 12,626 человѣкъ недостаетъ. Для пополненія недостающаго числа могли поступить дѣти церковно-служителей, которыхъ считалось: отъ 20 лѣтъ и выше—5,916; отъ 15 до 20 лѣтъ—6,501; отъ 15 лѣтъ и ниже—57,870 человѣкъ,—всего 70,287 человѣкъ. Сверхъ того, было недопущенныхъ по разнымъ причинамъ къ служенію протопоповъ, поповъ, протодіаконовъ и дьяконовъ 1,872 чел., дьячковъ, пономарей и сторожей—1,565, престарѣлыхъ и увѣчныхъ—902, отрѣшенныхъ отъ служенія, подозрительныхъ и подъ судомъ состоящихъ—40 человѣкъ, положенныхъ въ подушный окладъ, но состоящихъ въ духовномъ чину, по увольнительнымъ отъ владѣльцевъ письмамъ—498 чел. У всѣхъ этихъ лицъ считалось до 15,078 чел. дѣтей, и такимъ образомъ общее число дѣтей церковно-служителей доходило до 85,365 человѣкъ. Все это были люди по большей части или вовсе безграмотные, или малограмотные, люди безземельные, неимѣвшіе никакого опредѣленнаго рода занятій. Сенатъ находилъ, что такихъ людей, «за ихъ праздностію, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, безъ отягощенія народнаго, въ пользу отечества употребить справедливо бы было», тѣмъ болѣе, что они, «не имѣя ни земель, ни другаго какого къ пропитанію служащаго способа, не только другимъ, но и самимъ себѣ въ тягость обратились, и шатаясь безъ мѣста и службы никакой отечеству должной пользы не приносятъ, но паче многіе изъ нихъ въ воровствахъ и другихъ тому подобныхъ безпутствахъ являются».

Имѣя въ виду, что еще и прежде указами Петра I, императрицъ Анны и Елисаветы повелѣно всѣхъ таковыхъ писать въ подушный окладъ или брать въ солдаты, Сенатъ испрашивалъ повелѣнія взять въ солдаты: 1) четвертую часть изъ числа

дѣтей церковно-служителей, имѣющихъ отъ 15 до 40 лѣтъ; 2) всѣхъ—изъ недѣйствительно служащихъ и безмѣстныхъ дьячковъ, пономарей и сторожей; также впавшихъ въ преступленія и наказанныхъ, но въ домахъ праздно живущихъ, и 3) половину дѣтей отъ 15 до 40-лѣтняго возраста изъ числа тѣхъ, которые или вовсе не знаютъ грамоты, или малограмотны и изъ тѣхъ, которые находятся подъ запрещеніемъ, слѣдствіемъ или подозрѣніемъ [1]). Императрица согласилась съ мнѣніемъ Сената и повелѣла исполнить.

Мѣра эта вызвала большое неудовольствіе со стороны бѣлаго духовенства и поставила его въ нѣкоторое оппозиціонное положеніе къ правительству.

Бѣлое духовенство было недовольно тѣмъ, что ихъ самихъ и дѣтей ихъ брали въ солдаты; высшее духовенство считало себя оскорбленнымъ отнятіемъ имѣній, писало въ Синодъ рѣзкіе протесты, закончившіеся судомъ и ссылкою извѣстнаго митрополита Арсенія Мацѣевича. Крестьяне бунтовали противъ помѣщиковъ, бѣжали отъ ихъ насилія, жестокостей и истязаній. Они были чутки ко всякаго рода слухамъ, сулившимъ имъ лучшую будущность. Съ отобраніемъ церковныхъ имѣній Петромъ III, помѣщичьи крестьяне видѣли въ немъ человѣка, желающаго облегчить участь подвластныхъ людей и не сомнѣвались въ томъ, что государь освободитъ и ихъ отъ власти помѣщиковъ. Слухи и разсказы объ этомъ ходили повсемѣстно еще при жизни Петра III, а вскорѣ послѣ его кончины стали поговаривать, что императоръ живъ, но преслѣдуемый боярами принужденъ до времени скрываться. Мы уже видѣли, что въ 1763 году, въ селѣ Спасъ-Чесноковкѣ получено было извѣстіе, что Петръ III живъ и что священникъ и дьячокъ отслужили молебенъ за чудесное спасеніе государя. Въ сентябрѣ того же года подобный слухъ распространился и въ крѣпости св. Елисаветы [2]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Сената 30 декабря 1768 г. Архивъ Сената, Высоч. повел., кн. № 125, стр. 563.

[2]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XXV, 261.

— Былъ у меня вчера, говорилъ подполковникъ Ездемировичъ заѣзжему къ нему прапорщику Войновичу, — Мельгунова камердинеръ и сказывалъ, что у Мельгунова былъ въ гостяхъ маіоръ гвардіи Рославлевъ и говорилъ, что бывшій императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлиссельбургъ) и для того его послали, что Орловъ хочетъ на государынѣ вѣнчаться.

Въ 1765 году бѣглый солдатъ Кремневъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III. Онъ встрѣтилъ повсюду сочувствіе среди крестьянскаго населенія, разъѣзжалъ по Воронежской губерніи и приводилъ къ присягѣ одподворцевъ. Вслѣдъ затѣмъ были пойманы и сосланы въ Нерчинскъ армянинъ Асланбековъ и бѣглый солдатъ Чернышевъ, называвшіе себя императоромъ Петромъ III. Чернышевъ показалъ, что принялъ на себя столь высокое имя потому, что «въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ», слыхалъ, что императоръ еще живъ.

Въ 1769 году бѣглый солдатъ Мамыкинъ по дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, вступитъ опять на престолъ и окажетъ многія милости крестьянамъ.

Въ 1772 году объявившій себя императоромъ Петромъ III самозванецъ Богомоловъ взволновалъ Волгское войско, часть Донскаго и встрѣтилъ большое сочувствіе въ гарнизонѣ гор. Царицына.

Часто повторяемыя явленія самозванцевъ все болѣе и болѣе утверждали населеніе въ той мысли, что бывшій императоръ живъ, и оно съ нетерпѣніемъ ожидало его появленія. Съ неменьшимъ нетерпѣніемъ ожидали того же и всѣ инородцы-магометане, составлявшіе бо́льшую часть населенія Казанской и Оренбургской губерній. Ходили слухи, что императоръ Петръ III долго не появляется потому, что его преслѣдуютъ «бояре». Народъ волновался и озлобленіе противъ привилегированнаго класса съ каждымъ днемъ усиливалось. Администрація и чиновничество своими дѣйствіями только подливали масло въ загоравшееся уже пламя. Взяточничество и всякаго рода поборы съ народа не уменьшались, а напротивъ усиливались. Императрица сама заявила Сенату, что государственные крестьяне, живущіе въ Казанской губерніи, терпятъ такое притѣсненіе, что, безъ дозволенія мѣстныхъ смотрителей,

не смѣютъ завести ни одного поросенка потому, будто бы, что животныя эти ѣдятъ дубовые жолуди, а между тѣмъ Екатеринѣ II было извѣстно, что ни одного дуба въ той мѣстности посажено не было [1]). Чиновничество брало при всякомъ удобномъ случаѣ, было порочно и малодушно, жило роскошно и выше средствъ. Ожидать отъ него содѣйствія видамъ правительства было невозможно, точно такъ же, какъ и отъ дворянства, утонувшаго въ лѣни, развратѣ и взаимныхъ ссорахъ. Право сильнаго, захватъ чужой собственности, помѣщичьи наѣзды поселили такую рознь и вражду другъ къ другу, что «во всѣхъ собраніяхъ дворянства, говоритъ Винскій [2]), кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо».

При такой розни дворянства, порочности и слабости администраціи, Пугачеву, лаская народъ и обнадеживая его свободою, нетрудно было увеличивать свои силы и развивать знамя возстанія

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*. т. XXV, 170.

[2]) «Записки Винскаго». *Русскій Архивъ*, 1877 года, томъ I, 102.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

По описанію, произведенному въ маѣ 1767 года въ Казанской губерніи, считалось:

Купцовъ и цеховъ	21,864	муж.	и	23,693	женщ.
Приписныхъ къ купечеству изъ крестьянъ и разночинцовъ	98	„	„	81	„
Помѣщичьихъ людей и крестьянъ . .	393,600	„	„	387,387	„
Отписныхъ по разнымъ обстоятельствамъ крестьянъ	1,092	„	„	1,125	„
Отписныхъ изъ за мурзъ и крестьянъ	19	„	„	17	„
Дворцовыхъ	52,631	„	„	51,251	„
При фабрикахъ и заводахъ мастеровыхъ и работныхъ людей	7,449	„	„	6,584	„
Экономическихъ крестьянъ	121,719	„	„	124,224	„
Однодворцевъ и прочихъ содержащихъ ландмилицію	42,806	„	„	42,334	„
Государственныхъ, ясашныхъ, черносошныхъ русскихъ крестьянъ .	218,180	„	„	205,754	„
Ясашныхъ татаръ	45,146	„	„	43,159	„
Чувашъ	707	„	„	710	„
Черемисъ	3,366	„	„	2,288	„
Вотяковъ	1,120	„	„	945	„
Крещеныхъ изъ ясашныхъ и служилыхъ татаръ, мордвы, чувашъ и прочихъ иновѣрцовъ.	250,433	„	„	219,066	„
Приписныхъ къ адмиралтейству служилыхъ татаръ	65,694	„	„	61,966	„
Чувашъ	257	„	„	228	„

Приписныхъ къ мѣдиплавильнымъ, желѣзнымъ и сѣрнымъ заводамъ, кои состоятъ въ казенномъ содержаніи ясашныхъ крестьянъ	18,626	муж.	и	17,168	женщ.
Приписныхъ къ партикулярнымъ мѣдиплавильнымъ и желѣзнымъ заводамъ	8,047	„	„	8,088	„
Причисленныхъ по прежней ревизіи изъ польской націи	8	„	„	8	„
Неположенныхъ въ окладъ разныхъ польской націи	764	„	„	436	„
Опредѣленныхъ къ заводамъ изъ рекрутъ и изъ рекрутскихъ дѣтей	174	„	„	154	„
Казанскаго яму ямщиковъ	229	„	„	237	„
Киргизъ салтанаульскихъ и нагайскихъ татаръ	147	„	„	127	„
Толмачей	4	„	„	2	„
Кретечьихъ и сокольихъ помытчиковъ	13	„	„	12	„
Живущихъ у помѣщиковъ вольныхъ черкасъ	14	„	„	14	„
Собственныхъ ея величества крестьянъ	1,480	„	„	394	„
Однодворческихъ людей и крестьянъ	251	„	„	263	„
Опредѣленныхъ при поташныхъ заводахъ работныхъ людей	42	„	„	39	„
Раскольниковъ	82	„	„	80	„
При партикулярныхъ заводахъ жителей, положенныхъ въ окладъ . .	898	„	„	731	„
При тѣхъ же заводахъ неположенныхъ въ окладъ	21	„	„	29	„
При пермскомъ горномъ начальствѣ приказныхъ и прочихъ жителей, положенныхъ въ окладъ	20	„	„	21	„
Неположенныхъ	23	„	„	14	„
При поташныхъ заводахъ будниковъ .	612	„	„	666	„
Итого	1.257,636	муж.	и	1.199,295	женщ.

Мужескаго пола болѣе противъ женскаго на 58,341 человѣка.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-маіора Миллера 24 мая 1767 года [1].

Во исполненіе всемилостивѣйшихъ В. И. В. высочайшихъ указовъ въ Казанской губерніи въ Закамскихъ пригородахъ и слободахъ съ 1736 г. поселено и нынѣ состоитъ на лицо лейбъ-гвардіи, такожь армейскихъ гусарскихъ и гарнизонныхъ полковъ отставныхъ 3,204; сыновей и внучатъ ихъ 4,031; итого мужеска 7,235; женска 6,602 души.

ВѢДОМОСТЬ

о поселившихся въ Казанской губерніи и Закамскихъ пригородахъ, крѣпостяхъ и слободахъ разныхъ полковъ отставныхъ, о женахъ ихъ, дѣтяхъ и внучатахъ.

Съ 1764 г. вновь поселившіяся слободы, въ коихъ населено Лейбъ-гвардіи отставныхъ:	Отставныхъ.	Дѣтей и внучковъ ихъ.	Итого.	Женъ.	Дочерей и внучатъ.	Итого женщинъ.	Всего
1) Въ Екатериненской	99	80	179	97	48	145	324
2) „ Павловской	41	29	70	38	21	59	129
3) „ Александровской . . .	61	52	113	57	44	101	214
Итого . .	201	161	362	192	113	305	667
Армейскихъ полковъ отставныхъ:							
4) Въ Архангельской (Черемоховая тожь)	166	74	240	119	64	183	423
5) „ Архангельской (Шемша тожь)	97	73	170	84	47	131	301

[1]) Государственный архивъ, XVI, д. № 721.

	Отставныхъ.	Дѣтей и внуковъ ихъ.	Итого.	Женъ.	Дочерей и внучатъ.	Итого женщинъ.	Всего.
6) Въ Верхней Кармолкахъ.	55	41	96	36	33	69	165
7) „ Нижней Кармолкахъ.	53	66	119	64	36	100	219
8) „ Васильевской	13	12	25	10	2	12	37
9) „ Тереньевской	45	18	63	25	9	34	97
Итого . .	429	284	713	338	191	529	1,242
Въ пригородахъ, крѣпостяхъ и слободахъ поселившихся съ 1736 по 1763 годъ и со онаго понынѣ разныхъ полковъ отставныхъ:							
10) Въ пригородѣ Билярскѣ .	194	417	611	385	244	629	1,240
Въ слободахъ:							
11) Въ Горкѣ	21	43	64	30	42	72	136
12) „ Боранѣ	47	43	90	38	48	86	176
13) „ Донгусѣ	2	16	18	5	17	22	40
14) „ пригородѣ Стармешминскѣ	202	400	602	369	290	659	1,261
15) „ пригородѣ Новомешминскѣ	348	278	629	287	206	493	1,119
16) „ слободѣ Кузьмодемьянской (Волчья тожь)	178	166	344	152	112	264	608
17) „ пригородѣ Заинскѣ .	275	320	595	323	218	541	1,136
18) „ слоб. Новокамышенкѣ	6	23	29	16	10	26	55
19) „ Кичуевскомъ фельдш.	165	221	386	190	128	318	704
20) „ Баграшской слободѣ .	7	27	34	16	17	33	67
21) „ Шешминскомъ фельдш.	264	357	621	312	267	579	1,200
22) „ Черемшанской крѣпости	262	310	572	288	207	495	1,067
23) „ пригородѣ Тіинскѣ .	309	438	747	413	294	707	1,454
24) „ слободѣ Выходцовой .	143	121	264	136	109	245	509
25) „ пригородѣ Ерыклинскѣ	151	406	557	287	312	599	1,156
Итого . .	2,574	3,586	6,160	3,247	2,521	5,768	11,928
Всего во всѣхъ . .	3,204;	4,031;	7,235;	3,777;	2,825;	6,602;	13,837

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Всеподданнѣйшій докладъ военной коллегіи 2 августа 1771 года.

На подлинномъ написано собственною ея императорскаго величества рукою тако:
«Быть по сему».

31 августа 1771 г.
С-Петербургъ.

Въ военной коллегіи принятъ того жь года сентября 1-го дня.

Какъ воспослѣдовавшее нынѣ удаленіе волгскихъ калмыкъ отъ жилищъ своихъ, и побѣгъ ихъ чрезъ Яикъ, клонящійся къ достиженію стариннаго ихъ жительства въ Зюнгаріи и умноженіе набѣговъ отъ киргизцовъ на селенія въ Тобольской губ., гдѣ они обывателямъ, а особливо въ Ялуторовшомъ дистриктѣ дѣлаютъ великія разоренія, по подносимому здѣсь въ копіи рапорту въ военную коллегію отъ тобольскаго губернатора Чичерина, подъ лит. А, такъ и переходъ на кубанскую степь, вышедшихъ изъ Крыму, преклонившихся подъ державу вашего величества союзныхъ татарскихъ ордъ, а равномѣрно и оказывающіяся отъ времени до времени болѣе неспокойствія кабардинцовъ и ихъ къ намъ недоброжелательство, по донесенію же кизлярскаго коменданта Неймца къ астраханскому губернатору Бѣкетову, съ котораго равномѣрно здѣсь подъ лит. В прилагается копія; новыя теперь и довольно важныя и основательныя подаютъ причины, къ заботѣ о сихъ весьма отдаленныхъ Имперіи вашей границахъ, которыя необходимо требуютъ того, чтобъ поставлены были въ такое безопасное состояніе, что сіи вѣтренные и хищные сосѣди не только никогда не отважились сдѣлать на оныя ни малѣйшаго покушенія, но чтобъ напротивъ, они сами принужденными будучи сіи границы наши имѣть, въ должномъ

почтеніи тѣмъ обузданы и въ нѣкоторомъ родѣ зависимости находились; до чего онымъ образомъ достичь не можно какъ тѣмъ, чтобъ, вопервыхъ, всѣ тѣ пограничныя селенія укрѣплены были въ приличныхъ мѣстахъ хорошими по положенію своему устроенными и надежными крѣпостями, а, вовторыхъ, чтобъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ находились и войска такого роду и такого вооруженія, гдѣ какія по положенію земли по нуждѣ и обстоятельствамъ имѣть и съ пользою употреблять можно.

Разсматривая военная коллегія по должности своей нынѣшнее укрѣпленіе сихъ отдаленныхъ границъ: царицинской линіи, Астрахани, Кизляра и Моздока, Оренбурга и Сибири и обѣихъ оренбургской и сибирской линій, и расположеніе тамъ войскъ вашего императорскаго величества находя, что къ укрѣпленію оныхъ крѣпостями и линіями ничего прибавить не остается, какъ только, чтобъ они поставлены были въ совершенное ихъ состояніе и надлежащее снабденіе. Но что принадлежитъ до войска, то кажется требуетъ оное не только разсмотрѣнія о расположеніи его, но и прибавленія, а особливо роду такого, какое бъ соотвѣтствовало настоящему въ нихъ тамо употребленію и такого учрежденія, чтобъ одни оставались ко всегдашней оборонѣ границъ и внутренняго покою, а другія бъ при наималѣйшей въ нихъ надобности, безъ потерянія времени и внѣ границъ дѣйствовать могли. Нынѣ же тамъ находящееся войско такъ расположено, что вмѣсто должной отъ такого числа, каковое тамъ находится, безопасности, при наималѣйшемъ противномъ происшествіи иного ожидать не можно, какъ безпрестанной тревоги отъ находящихся тамо начальниковъ и излишняго безпокойства, главнымъ правительствомъ происходящаго отъ того, что гарнизоновъ будучи недовольно, недостатокъ сей по необходимости награжденъ полевыми, состоящими тамъ драгунскими полками, съ пѣшимъ ихъ раздробленіемъ, и не смотря на то, сколько много разнствуетъ вооруженіе драгуна съ солдатомъ, опредѣляющимся для защищенія крѣпости за стѣною, ниже на то, что когда непріятелю надобно противупоставить нѣкоторый хотя и незнатной корпусъ, то надлежитъ опой собирать изъ разныхъ крѣпостей, которыя остаются тогда уже безъ закрытія, въ чемъ не только теряется много времени, но какъ и собраннымъ войскамъ, по причинѣ оставленныхъ пустыми крѣпостей и по тяжолости ихъ вооруженія, противу легкаго непріятеля вдаль почти и тронутся нельзя, то тѣмъ подается способъ пребывающимъ вокругъ границъ легкомысленнымъ народамъ ко всякимъ наглостямъ, а иногда и дѣйствительному разоренію тамъ поселенныхъ вашего величества подданныхъ тѣмъ больше, что отдаленіе сихъ мѣстъ отъ прочихъ въ государствѣ расположенныхъ войскъ столь велико, что требуемаго въ случаѣ нужды вспоможенія въ настоящее время туда доставить никакой уже возможности нѣтъ.

Чтобъ отвратить сіе неустройство и поставить тѣ границы въ надлежащее оборонительное состояніе и отъ могущихъ толь быть опасностей совершенно обезпечить, то коллегія взявъ во уваженіе, въ началѣ опредѣленную па войска тамъ уже находящееся сумму, чтобъ изъ оной не выступить, а потомъ и всѣ способы къ взаимному другъ другу вспоможенію, къ общему себя усиленію и ко всегдашней готовности твердымъ образомъ исполнять все то, что отъ войскъ требуется, соображаясь такъ же съ положеніемъ о кругъ живущихъ народовъ, которыхъ не множествомъ числа, но регулярствомъ и хорошимъ устройствомъ войскъ побѣждать надлежитъ, осмѣливается всеподданнѣйше представить свое мнѣніе, о умноженіи во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гарнизоновъ и о расположеніи ихъ по тамошнимъ крѣпостямъ и линіямъ такимъ образомъ, чтобъ ими границы достаточно защищены быть могли. Но учрежденіе къ подкрѣпленію тѣхъ гарнизоновъ, вмѣсто находящихся нынѣ же тамо драгунскихъ полковъ, нѣкоторыхъ небольшихъ, но регулярствомъ своимъ важныхъ корпусовъ, составляемыхъ изо всѣхъ тѣхъ родовъ войскъ, кои по положенію тамошней земли съ присовокупленіемъ въ мѣстахъ ихъ расположенія нерегулярныхъ легкихъ войскъ, съ пользою употреблены быть могутъ, то-есть: изъ пѣхоты, легкихъ драгунъ и егерей съ артиллеріею, которыхъ и разставить такъ, чтобъ они сами собою защищаясь, одинъ другому скорую помощь подавать, съ удобностію изъ мѣста въ мѣсто переноситься и непріятелю твердой всегда отпоръ давать и дерзость ихъ чувствительно наказывать могли.

Но прежде нежели приступить къ объясненію сего предлагаемаго теперь расположенія гарнизоновъ и сихъ корпусовъ, должностію себѣ коллегія поставляетъ описать, какого званія, какое число войскъ и гдѣ нынѣ тако находится, и какимъ образомъ оное расположено; съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ при томъ неудобностей, которыя въ то жь время и докажутъ необходимость, требующую всего того перемѣны; а потомъ уже приступить и къ объясненію того какимъ образомъ полагаетъ запужно расположить какъ гарпизоны, такъ и представляемые корпусы, съ показаніемъ какъ опредѣленной нынѣ на содержаніе находящихся въ тѣхъ краяхъ войскъ, денежной суммы, такъ и той, которая по новому представляемому симъ, тамо войскъ расположенію на оныя потребна будетъ.

Въ астраханскомъ департаментѣ, которой въ разсужденіи гарнизоновъ расположенныхъ по тамошнимъ крѣпостямъ изъ всѣхъ трехъ, о которыхъ коллегія, вашему императорскому величеству представляетъ наилучше снабденной всего находится девять гарнизонныхъ баталіоновъ, изъ нихъ расположены: четыре въ самой Астрахани, одинъ въ Царицынѣ, одинъ въ Саратовѣ, два въ Кизлярѣ и одинъ въ Моздокѣ. Въ малыхъ тамо крѣпостяхъ: въ Енотаевской, въ Дмитріевскѣ, въ Черномъ

и Красномъ Яру по одной ротѣ, которыя командируются изъ ближнихъ баталіоновъ. Царицынская жь линія оставлена защищенію однихъ только поселенныхъ тамо волгскихъ казаковъ и четыре построенныя на ней крѣпости, именуемыя: Донская, Асакарская, Грачевская и Мечетная не имѣютъ никакого регулярнаго гарнизона, легкихъ же войскъ во всемъ тамошнемъ краю довольно достаточно.

Въ Оренбургской губерніи гарнизонныхъ баталіоновъ только пять, изъ нихъ четыре въ Оренбургѣ, да въ Ставрополѣ одинъ, въ Илецкую и Троицкую крѣпость и въ Уфу командируются изъ Оренбурга по одной ротѣ, а линія, начинаясь отъ Яику до Звѣриноголовской крѣпости, къ которой въ семъ послѣднемъ мѣстѣ примыкаетъ Сибирская, простирающаяся слишкомъ на тысячу триста верстъ, защищаемая тремя ландмилицкими конными полками, которыя равно какъ бы гарнизонные распредѣлены по линейнымъ крѣпостямъ, яицкіе казаки расположены по Яику до Гурьева, и довольно упражнены защищеніемъ своихъ жилищъ. Нерегулярныя же оренбургскія войска, коихъ число такъ же достаточно, употребляются къ разнымъ посылкамъ и разъѣздамъ какъ внутри губерніи, такъ и по линіи.

Во всей Сибири, т.-е. въ Тобольской и Иркутской губерніи всего семь баталіоновъ и именно: въ Тобольскѣ три, въ Томскѣ одинъ, въ Иркутскѣ одинъ и два въ Селенгинскѣ, изъ которыхъ еще командировано въ Тюмень, въ Тару и въ Акшинскъ по двѣ, да въ Красноярскъ, въ Удинскій острогъ, въ Удинскій пригородокъ и въ Кундаринскую слободу по одной ротѣ. Сибирская же линія закрывающая всю Тобольскую губернію, которая начинаясь отъ Звѣриноголовской крѣпости и простираясь до Кузнецкой, занимаетъ разстояніе двухъ тысячъ семидесяти двухъ верстъ, защищается восемью драгунскими полками, расположенными по крѣпостямъ линіи, коихъ однихъ только главныхъ девять, не считая лежащихъ между ими малыхъ крѣпостей и редутовъ. Поселенныхъ во всей Сибири казаковъ, коихъ обще и съ тѣмъ, что въ Иркутской губерніи, и съ иновѣрцами и башкирцами не съ большимъ девять тысячъ человѣкъ нельзя почти полагать въ число войскъ служащихъ къ защищенію линіи, потому что, исключая небольшаго числа находящагося въ разъѣздахъ по оной, всѣ они употреблены на разъѣзды и къ занятію крѣпостей, редутовъ и остроговъ, закрывающихъ Красноярской, Иркутскій, Селенгинскій и Нерчинскій уѣзды, гдѣ уже линіи нѣтъ на разстояніи отъ Кузнецка до рѣки Амура около 3,000 верстъ. Регулярнаго же полеваго войска тамъ только одинъ карабинерный Якутской полкъ, которой расположенъ въ Селенгинскомъ уѣздѣ, за озеромъ Байкаломъ, квартира его въ Кабанскомъ острогѣ въ 46 верстахъ отъ помянутаго озера, а роты около штабъ-квартиры верстахъ въ 45.

Изъ прилагаемой при семъ вѣдомости подъ лит. С. ваше императорское величество точнѣе усмотрѣть изволите, сколько числомъ какъ въ астраханскомъ департаментѣ, такъ и въ Оренбургѣ и во всей Сибири полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ и какимъ образомъ первыя въ Оренбургѣ и Сибирѣ (ибо въ Астрахани и тамошнемъ краю и вовсе никакихъ полевыхъ войскъ не содержится) за крайнимъ гарнизонныхъ войскъ недостаткомъ, къ объятію всѣхъ для охраненія границъ необходимо нужныхъ постовъ, растянуть и раздробить надобно было, дабы тѣмъ тамошнія селенія отъ набѣговъ и наглостей живущихъ окрестъ хищныхъ народовъ, хотя нѣсколько заградить. Но сколь великая во всемъ томъ расположеніи неудобность доказывается, впервыхъ уже тѣмъ, что какъ гарнизонныхъ баталіоновъ въ Сибирѣ и Оренбургѣ столь мало, что многіе и большая почти часть важнѣйшихъ мѣстъ какъ то самыя линіи оставались безъ гарнизоновъ, то уже и принуждено было занять оныя находящимися тамо драгунскими полками и въ слѣдствіе того раставить оныя всѣ по тѣмъ крѣпостямъ, раздробя на столько частей, сколько мѣстъ и крѣпостей гарнизонами занять надобно; отъ чего сверхъ того, что учрежденіе драгуна и все его вооруженіе не для того сдѣлано, чтобъ онъ употребленъ былъ въ гарнизонѣ претерпѣваетъ самой порядокъ службы и отнимается полковымъ командирамъ способъ содержать полки свои въ должной исправности, такъ что они теперь не будучи исправными гарнизонными солдатами остаются еще худшими драгунами. А какъ часто бываетъ тамо нужда не только удерживать непріятеля отъ впаденія въ границы, но и многочисленной его толпѣ съ твердостію противится, а въ случаѣ и наказать, то гарнизоны не будучи учреждены какъ только для защиты того мѣста, въ которомъ они поставлены, не могутъ подать надлежащей помощи другому, непріятелемъ атакованному мѣсту въ свое время, ниже поспѣшать къ воспрепятствованію его набѣговъ въ тамошнихъ пространныхъ поляхъ, а легкія войска, хотя бъ и всюду поспѣть могли, но безъ регулярнаго не въ состояніи сдѣлать гораздо превосходному числу твердаго и сильнаго сопротивленія. Въ собраніи жь тѣхъ войскъ, которыя однимъ званіемъ остаются полевыми изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они по гарнизонамъ разставлены, столько проходитъ времени, что пока они соберутся учиненное тамошними вѣтренными народами уже миновалось, и они такъ удалятся, что ихъ оставя нужные посты вдаль преслѣдовать совсѣмъ уже не можно.

Сему явнымъ примѣромъ служитъ помянутое въ началѣ сего представленія удаленіе отъ жилищъ своихъ волгскихъ калмыкъ и переходъ ихъ чрезъ Яикъ. Чрезъ цѣлые три мѣсяца, считая съ того времени какъ они съ кочевья своего поднялись, по многимъ весьма затруднительнымъ отъ одного командира къ другому перепискамъ насилу

съ обнаженіемъ многихъ по оренбургской линіи крѣпостей возможно было отъ всѣхъ расположенныхъ по оной драгунскихъ полковъ собрать у Орской крѣпости до пяти сотъ человѣкъ драгунъ, выступившихъ и то уже вслѣдъ за ими мятежниками, которые между тѣмъ, не взирая на нѣкоторое чинимое имъ отъ иррегулярныхъ войскъ сопротивленіе приближась къ Яику успѣли надѣлать тамо разоренія и сію рѣку перешедъ хотя при великомъ уронѣ отъ преслѣдующихъ не регулярныхъ войскъ, однакожь все путь свой продолжаютъ къ совокупленію. Съ выступившимъ отъ Орской крѣпости корпусомъ, командующій на сибирской линіи генералъ-маіоръ Станиславской по усиленному требованію оренбургскаго губернатора всевозможныя старанія прилагалъ собрать нѣсколько эскадроновъ и чрезъ цѣлый мѣсяцъ собралъ было два эскадрона, но уже тогда калмыки весьма удалились и самыя обстоятельства такъ перемѣнились, что болѣе надобно было помышлять о безопасности сибирской линіи, нежели о преслѣдованіи калмыкъ. Новыя потому надобно было принять мѣры и дальность мѣстъ какъ главныхъ на обѣихъ линіяхъ, такъ и частныхъ командировъ произвели великую перемѣну, а, наконецъ, принужденно было помянутыя сибирскія войска оставить на сибирской линіи и на оной собравъ еще сколько можно вмѣстѣ быть въ готовности встрѣтить сихъ бунтовщиковъ. Не утруждаетъ уже коллегія ваше императорское величество описаніемъ какое почти непреодолимое затрудненіе настояло. И въ томъ, чтобъ и на сибирской линіи собрать хотя небольшой корпусъ регулярныхъ и не регулярныхъ, и сколько прошло времени въ перепискахъ у сибирскихъ командировъ, донеся только то, что линія остается почти безъ людей. Въ третій разъ пынѣ командующіе тамо генералы принуждены перемѣнить весь сдѣланный ими какъ къ преслѣдованію за калмыками, такъ и къ безопасности линій планъ. По возвращеніи командира высланныхъ въ погоню за калмыками отъ Орской крѣпости регулярныхъ войскъ, которой не имѣя надежды получить провіанту оставя преслѣдованіе однимъ не регулярнымъ самъ поворотилъ назадъ къ линіи. Чему всему главнѣйшая причина отдаленіе мѣстъ и то, что нѣтъ ни на той, ни на другой линіи такихъ запасныхъ войскъ, которыя бы оставляя линіи безопасными при оказавшейся нуждѣ тотчасъ выступили и безъ потерянія времени съ твердостью дѣйствовать могли.

Въ протчемъ же довольно доказано и то, что и все на обѣихъ сихъ линіяхъ находящееся регулярное полевое войско, будучи составлено изъ однихъ только драгунъ, хотя бъ и собралося вмѣстѣ, неспособно оно однакожь къ прямому сопротивленію, потому что драгуны когда и спѣшатся не въ состояніи противустоять и дѣйствовать съ такою твердостію какъ настоящая пѣхота, которую во многихъ тамо мѣстахъ по ихъ положенію имѣть нужно, а и на лошадяхъ будучи не могутъ пре-

слѣдовать весьма легкаго непріятеля по причинѣ тяжолаго своего вооруженія.

Въ Астраханской же губерніи, въ которой какъ то выше донесено и вовсе никакихъ полевыхъ войскъ нѣтъ, недостатокъ сей и крайняя въ нихъ надобность чувствительнѣе еще оказывается. Тамъ наглость и дерзость сосѣдствующихъ народовъ, кубанцевъ, кабардинцевъ и другихъ имъ подобныхъ, до такой степени возросла, что уже не только партикулярнымъ людямъ промысла своего ради, и для купечества изъ одного мѣста въ другое проѣзжающимъ; но и курьерамъ для охраненія отъ воровскихъ партій прикрытія даваться должны. Еще недавно и именно въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ ѣдущіе въ Кизляръ возвратившіеся отсюда съ депешами къ генералъ-маіору Демедому, присланной отъ него гусарской капитанъ Вульфъ и бывшей въ Астрахани для покупки и подряду вещей на состоящіе въ корпусѣ его два гусарскіе эскадрона, поручикъ Фрейвальдъ и съ ними вахмистръ одинъ и четыре гусара, да Кизлярскаго гарнизона сержантъ отсюда-жь, съ депешами возвращенный нѣкоимъ извѣстнымъ въ томъ краю разбойникомъ, Кумыкскимъ Мурзою Сокуръ Аджіемъ, съ тремя стами человѣкъ его сообщниковъ разъѣжающимъ въ сорока верстахъ отъ Кизляра, захвачены, ограблены и изрублены и бывшіе у нихъ съ подводами два казака и два татарина такъ какъ и все, что они съ собою имѣли въ полонъ взяты. Посланныя жь за нимъ партіи легкихъ войскъ его нагнать и поймать не могли и принуждены были возвратиться съ тѣмъ только, что видѣли слѣды сей толпы до рѣки Кумы. А какъ и кабардинцы подъ видомъ сбереженія своихъ жилищъ не въ лучшихъ, однакожь, намѣреніяхъ собираются на р. Кумѣ поощряя къ воровскимъ набѣгамъ, прочихъ въ сей сторонѣ обитающихъ народовъ, какъ то техинцовъ, алдинцовъ, чеченцовъ, шементинцовъ, атагинцовъ и гребенчуковцовъ, то оттого весь тотъ край со всѣхъ сторонъ набѣгами ихъ угрожаемъ и астраханскій губернаторъ опасаясь не безъ основанія, чтобъ сіи воровскія партіи не пробрались и къ самой Волгѣ и тамо бы не надѣлали тревоги и жителямъ убытку, и не имѣя никакихъ войскъ, способныхъ къ воспрепятствованію имъ въ полѣ и къ наказанію сей ихъ дерзости съ надлежащею твердостію, неотступно требуетъ прибавки регулярнаго войска, тѣмъ больше, что тамошніе гарнизоны сверхъ содержанія тѣхъ крѣпостей, въ которыхъ они положены, разкомандированы какъ къ занятію разныхъ по степи постовъ, такъ и къ закрытію разныхъ въ Грузію слѣдующихъ транспортовъ, въ корпусъ генералъ-маіора Демедома, вмѣсто полевыхъ пѣхотныхъ войскъ. А сей послѣдній, въ командѣ котораго состоятъ почти всѣ тамошніе казаки, хотя съ ввѣреннымъ ему войскомъ и находится около Моздока, но всего пространства, столь великой и открытой степи обнять не можетъ. Къ тому жь командированъ онъ туда на нынѣшнее

только время и въ числѣ тамошнихъ войскъ навсегда полагаемъ быть не можетъ.

Кажется, что всѣ вышеописанныя обстоятельства доказываютъ необходимость поправленія и перемѣны нынѣшняго на помянутыхъ границахъ войскъ расположенія и на сихъ то причинахъ основываясь подвергаетъ военная коллегія на высочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе всеподданнѣйшее свое мнѣніе, состоящее въ томъ, чтобъ для приведенія сихъ границъ въ исправное и сколько можно надежное состояніе находящіяся нынѣ въ Оренбургѣ три ландмилиціи конныя, да въ Сибири восемь драгунскихъ и одинъ карабинерный полки обратить въ прибавляемыя теперь гарнизонные баталіоны и полагаемые къ подкрѣпленію ихъ и къ защищенію тѣхъ краевъ, описанныя выше полевыхъ войскъ корпусы слѣдующимъ образомъ.

Въ Астраханской губерніи, въ которой во всѣхъ мѣстахъ достаточные положены уже гарнизоны, оставалась только безъ защиты регулярныхъ войскъ Царицынская линія и не было тамъ для подкрѣпленія гарнизоновъ къ дѣйствію противъ непріятеля полевыхъ войскъ. Сію линію полагаетъ коллегія теперь занять регулярнымъ гарнизономъ и въ четырехъ построенныхъ на оной крѣпостяхъ: въ Донской, въ Асакарской, въ Грачевской и Мечетной поставить по одной гарнизонной ротѣ, а для того и прибавить одинъ гарнизонный баталіонъ, которому и быть въ Царицынѣ откуда и показанныя четыре роты командировать; и симъ ротамъ, такъ какъ и крѣпостямъ состоять въ командѣ Царицынскаго коменданта; полевыхъ же войскъ опредѣля во весь сей департаментъ три изъ предлагаемыхъ корпусовъ расположить: одинъ въ Астрахани, другой въ Царицынѣ, третій во Моздокѣ.

Въ Оренбургскую губернію прибавить пять гарнизонныхъ баталіоновъ такъ, что всѣхъ оныхъ и съ прежними будетъ десять и оставляя въ тѣхъ крѣпостяхъ, въ которыхъ теперь уже гарнизоны есть тожъ самое число, прочихъ расположить всѣхъ по линіи и въ другихъ еще необходимо нужныхъ крѣпостяхъ, по одной и по двѣ роты, учредя въ оныхъ смотря по надобности, комендантовъ полковничьихъ и маіорскихъ чиновъ, полевыхъ же войскъ три такихъ же корпуса: одинъ въ Оренбургѣ, а два на линіи, первой въ Орской, а другой въ Троицкой крѣпости.

Въ Сибирь также прибавить пять гарнизонныхъ баталіоновъ и оставляя нынѣшніе семь въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ прибавленными занять всю Сибирскую линію, расположа ихъ въ главныхъ по оной крѣпостяхъ, то есть: въ Омской, Желѣзинской, Ямышевской, Семипалатинской, Каменогорской, Бійской, Кузнецкой, Святаго Петра и Прѣсногорской, опредѣля въ оныя также комендантовъ, а полевыхъ войскъ семь представляемыхъ корпусовъ: одинъ въ Красноярскѣ, другой въ

Омскѣ, третій въ Ямышевской, четвертый Каменогорскѣ, пятый въ Кузнецкѣ, шестой въ крѣпости Св. Петра, а седьмой въ Селенгинскѣ.

Все сіе расположеніе яснѣе и подробнѣе ваше императорское величество усмотрѣть изволите изъ прилагаемой здѣсь подъ лит. Д вѣдомости, такъ какъ и число гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ, которыя въ каждомъ изъ сихъ департаментовъ по сему расположенію находиться будутъ, и которыми коллегія надѣется, что границы довольно прикрыты и отъ набѣговъ защищены быть могутъ, тѣмъ больше, что какъ всѣ крѣпости и липіи довольно снабжены найдутся гарнизонами, то ничто уже полагаемыя тамо полевыя войска не можетъ удерживать, тотъ часъ, какъ только нужда потребуетъ, выступить и непріятелю въ разсужденіи удобнаго своего вооруженія всегда твердый и сильный отпоръ сдѣлать, и не только каждый корпусъ самъ собою съ помощію легкихъ войскъ дѣйствовать, но при соединеніи двухъ или трехъ, составлять уже знатное число войскъ и изъ всѣхъ тѣхъ родовъ, коибъ по различнымъ случаямъ, каждое сходно съ его опредѣленіемъ, слѣдовательно и съ успѣхомъ употреблены быть могли.

Подъ лит. Е и Г подносится здѣсь штатъ сихъ представляемыхъ полевыхъ войскъ корпусовъ и табель ихъ мундирнымъ, аммуничнымъ и оружейнымъ вещамъ [1]). Число людей сихъ корпусовъ почти равное съ положеннымъ въ пѣхотныхъ баталіонахъ, но какъ баталіонъ составленъ изъ одной только пѣхоты, а они, напротивъ того, составлены будутъ изъ пѣхоты, легкой конницы, егерей и артиллеріи, то кажется сходнѣе, давъ каждому такому корпусу по одному знамю, паименовать ихъ *легкія полевыя команды* [2]), отлича ихъ одну отъ другой названіемъ, числа, какъто: первая, вторая, третія и далѣе. Въ приложенной при семъ вѣдомости подъ лит. Д показано, гдѣ которому по сему наименованію находиться.

Чтобъ и самые гарнизонные баталіоны числомъ людей нѣсколько пріумножить, да и служащимъ въ оныхъ подать нѣкоторую выгоду, то хотя и оставляются они на высочайше апробованномъ уже штатѣ, но положено всѣмъ пограничное, то-есть двутретное жалованіе, а офицерамъ деньщики, дабы они не употребляя уже для услугъ своихъ солдатъ, оставляли бъ ихъ всѣхъ при настоящей своей строевой должности.

Изъ слѣдующей же подъ лит. І вѣдомости ваше императорское величество усмотрѣть изволите, сколько нынѣ на содержаніе всѣхъ въ Астрахани, Оренбургѣ и Сибири состоящихъ войскъ ежегодно положено

---

[1]) Приложенія эти здѣсь не помѣщаются.

[2]) Набранное курсивомъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

денежной суммы, и сколько оной потребно будетъ ежегодно жь на содержаніе теперь вновь полагаемыхъ, и что не взирая на то, что до пяти тысячъ дву сотъ двадцати шести человѣкъ по выметкѣ подъ лит. К [1]) приумножится не только оное нынѣ опредѣленную сумму не превосходитъ, по еще сорокъ тысячъ десять руб. двадцать четыре копѣйки затѣмъ остается.

А чтобъ и сію остающуюся сумму употребить съ пользою, то равномѣрно военная коллегія, всеподданнѣйше представляетъ, не соизволитель всемилостивѣйше повелѣть учредить на содержаніи оной еще двѣ такія-жь команды, которыя расположить, одну въ Казани, а другую въ Симбирскѣ, для употребленія оныхъ нетолько во всѣ случающіяся по сей губерніи въ войскахъ надобности, какъ-то для сыску воровъ и разбойниковъ, для усмиренія неспокойныхъ крестьянъ и тому подобныхъ, чтобъ не отягощать тѣмъ гарнизоны, оставляя ихъ всегда при своихъ мѣстахъ, и у исправленія имъ опредѣленной службы, а смотря по обстоятельствамъ можно будетъ и сими двумя командами умножить и подкрѣпить прочія въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ войска; а затѣмъ уже остающіеся ежегодно девять тысячъ сто пять руб. тридцать восемь коп. отдать въ коммиссаріатъ, въ заплату за тѣ вещи, кои теперь учреждающимся командамъ и баталіонамъ вновь построить должно, и на которыя по исчисленію за замѣномъ всѣхъ въ драгунскихъ полкахъ вещей потребно восемьдесятъ четыре тысячи шесть сотъ шестьдесятъ руб. четырнадцать коп., до того времени, пока оной всю сію сумму сполна получатъ.

Лит. А.

Копія съ рапорта, полученнаго въ военной коллегіи отъ генералъ-маіора и сибирскаго губернатора Чичерина іюня отъ 3 числа 1771 г.

По требованію генералъ-маіора Станиславскаго сего числа отправлены двѣ гарнизонныя роты въ полномъ комплектѣ съ принадлежащими патронными ящиками, изъ оныхъ первая въ Петропавловскую, другая въ Омскую крѣпости, которые въ назначенные мѣста чрезъ шесть дней, конечно, прибудутъ; да въ прибавокъ прежде отправленныхъ пяти сотъ человѣкъ вооруженнымъ выписнымъ коннымъ казакамъ еще пять сотъ человѣкъ, вторая губернская рота, при ней двѣ пушки для прикрытія ялуторовскаго дистрикта отъ набѣговъ киргизскихъ, которыхъ весьма

[1]) Оба приложенія здѣсь не помѣщаются, какъ неимѣющія прямого отношенія къ нашему изслѣдованію.

умножилось и чинятъ обывателямъ великія *озорненія* (?). Въ Тобольскѣ осталась первая губернская и собранная резервная изъ гарнизонныхъ командъ изъ оныхъ послѣдняя командирована для препровожденія до Нерчинска прибывшихъ пяти сотъ человѣкъ злодѣевъ, присланныхъ изъ Казанской губерніи.

Лит. В.

Копія съ рапорта Кизлярскаго коменданта полковника Неймча посланнаго къ астраханскому губернатору генералъ-поручику Бекетову марта отъ 29 числа 1771 г.

Вашему высокопревосходительству я отъ 6 сего теченія имѣлъ честь доносить, что во исполненіе вашего ордера отъ 19 минувшаго февраля съ письмомъ вашего высокопревосходительства къ кабардинскимъ владѣльцамъ отправленъ отъ меня здѣшняго терскаго войска дворянинъ Филатовъ и поручено ему то, и еще мое письмо подать и растолковать вообще съ маіоромъ Тагановымъ, яко повѣреннымъ тамо въ дѣлахъ. Почему онъ доѣзжая въ Кабарду нынѣ возвратился и поданнымъ мнѣ *рапортомъ* донесъ, что кабардинцы со всѣмъ отъ преудержанія кубанцовъ къ впаденію на злодѣйствы въ здѣшнія мѣста отказываются, и чаять отъ нихъ того никоимъ образомъ не можно, ибо они утвердились между собою до возвращенія посланниковъ ихъ изъ Санктъ-Петербурга какъ кубанцамъ не препятствовать, такъ и самимъ подбѣговъ не чинить, а пребывать до возвращенія ихъ ни къ той и ни здѣшней сторонѣ склонными съ намѣреніемъ по прибытіи, буде не все по ихъ желанію учинится, а особливо когда россійскія силы будутъ ослабѣвать, въ то время совокупясь съ кубанцами злодѣйствовать, въ чемъ не одинъ Филатовъ, но другіе точно увѣряютъ. Да и сію мысль болѣе они кубанцы предприняли узнавъ настояще о уходѣ калмыкъ, о чемъ еще справедливаго извѣстія по разглашеніямъ моимъ до нынѣшняго времени не имѣли, а потому и извѣстнаго плута кубанскаго мурзы Сокуръ Аджія сынъ Беслень нарочно бывъ въ Кабардѣ и развѣдавъ поѣхалъ обратно на Кубань, чтобъ поощрить всѣхъ на злодѣйствы, ибо они хотя прежде и слышали, только почитали за обманъ, и не смѣлъ никто на сю сторону Кубана переѣхать, а теперь настояще уже двѣсти человѣкъ изъ темиргойцевъ и бесленейцовъ выѣхавъ находятся по Кумѣ, только еще въ здѣшнихъ мѣстахъ не видятся, въ чемъ и кабардинцы ихъ поощрять хотя не силою, но только одними словами не оставятъ, какъ и письмами сами выговариваютъ что они только должны себя оберегать и еще будто отсюда помочи ожидать; чего никогда статься нельзя, чтобъ кубанцы

*

сдѣлались имъ злодѣями, имѣя одинъ закопъ и издревле дружбу. А изъ сего ваше высокопревосходительство соизволите усмотрѣть, какъ и изъ письма отъ извѣстнаго узденя Шабазъ-Гирея, что отъ кабардинцевъ не столько можно имѣть здѣшнему краю защищеніе, но и опаснѣйшее есть состояніе возмущеніемъ кубанской орды, которая своимъ стремленіемъ многіе здѣсь сдѣлаетъ безпокойствы, а паче тѣмъ въ здѣшнемъ мѣстѣ въ людяхъ есть крайній недостатокъ и защищаться совсѣмъ некѣмъ, такъ что теперь за выкомандированіемъ въ корпусъ состоящій въ Грузіи, въ дву здѣшнихъ баталіонахъ требуется въ добавку двѣсти десять, да по нынѣшнему тяжолому климату больныхъ въ гошпиталѣ состоятъ двѣсти сорокъ одинъ; затѣмъ остается строевыхъ здѣсь при крѣпости въ караулахъ и прочихъ раскомандированныхъ двѣсти семдесятъ шесть человѣкъ и тѣ всѣ стоятъ безсмѣнно. Прочіе-жъ всѣ въ дальнихъ и неминуемыхъ по пространству и пограничности мѣстъ на форпостахъ и раскомандировкахъ, другіе есть инвалиды съ нуждою только ходятъ казаки-жъ такъ разосланы, что тепрь не остается кого и поставить на кумскій форпостъ, ибо и оный должно имѣть болѣе ста человѣкъ и должно нѣсколько содержать регулярныхъ, яко-жъ при однихъ только отправленныхъ въ Грузію двухъ транспортахъ и въ препровожденіи г. генералъ-маіора Сухотина откомандировано ихъ съ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, а затѣмъ и еще должно послать при другихъ транспортахъ туда-жъ слѣдующихъ не менѣе сего, не упоминая уже о прочихъ расходахъ въ коихъ есть, болѣе пяти сотъ человѣкъ. И хотя корпуса г. генералъ-маіора и кавалера Демедема одинъ деташаментъ къ поиску кубанцовъ въ пятистахъ человѣкъ съ присовокупленіемъ въ сіе число здѣшнихъ войскъ выкомандированъ, но оный пошелъ въ самую степь въ вершины Калауса и Кумы, да и самъ онъ нынѣ-жъ съ остальнымъ корпусомъ выступаетъ туда-жъ, однако самаго защищенія границъ по пространности степи и по малости въ корпусѣ людей имѣть нечаятельно. Не менѣе кубанцовъ и кумыкская сторона есть наиопаснѣйшая, яко-жь и со оной каждый день получаются новѣйшія извѣстія о намѣреніи впадать сюда на злодѣйствы варваръ, какъ и вчерашній день невѣдомо какіе татары, до трехъ сотъ человѣкъ (будто при аксайскомъ владѣльцѣ Султанбекѣ, о чемъ я по обстоятельномъ развѣданіи донесть не премяну) не подалеку Каргика верстахъ въ пяти ограбя ѣхавшихъ къ карантину персидскихъ трехъ армянъ, сами во ожиданіи ночи стояли въ камышѣ, почему я въ то-жъ время собравъ всѣхъ, въ терскомъ и семенномъ войскахъ людей при ихъ предводителяхъ послалъ на сикурсъ форпосту, только ими никого уже не найдено, да и ѣхать имъ за ними въ даль за продолжающеюся почти во всѣхъ кумыкскихъ деревняхъ опаспою болѣзнію было не можно. И такъ я получая теперь въ здѣшнемъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ варваръ, почти каждой день новѣйшія покушенія зло-

дѣйствовать въ здѣшнихъ мѣстахъ прельщающихъ, болѣе уходомъ калмыкъ, а частію и мелкостію воды въ рѣкѣ Терекѣ, едва только съ нуждою и недостаткомъ нахожу къ оборонѣ людей въ случаяхъ самаго стремленія, а особливо совокупными силами съ Кубани и Кумыкской стороны и оборонять себя не въ силахъ, тѣмъ паче что людей въ баталіонахъ большой не комплектъ, а еще болѣе ихъ есть больныхъ казаковъ за нужными и неминуемыми раскомандировками при войскахъ никого на лицо не остается и нетолько что можно ихъ къ оборонѣ здѣшняго мѣста взять, но и свои станицы съ нуждою только остатокъ ихъ оберегать можетъ. Въ такомъ случаѣ принужденнымъ нашелся, представя о семъ, вашему высокопревосходительству просить на сей неминуемый и нужный случай приказать здѣшніе баталіоны какъ возможно наискорѣе укомплектовать, дабы хотя и изъ нихъ было можно удѣляя по частямъ распредѣлять на форпосты и тѣмъ отъ непріятеля имѣть оборону.

Въ здѣшнихъ обывателяхъ сколько могло набраться оружейныхъ людей, то всѣ оныя собраны и распредѣлены по Тереку на разные форпосты къ оборонѣ на нечаянный случай отъ непріятеля, но и на сихъ ни мало положится въ нужномъ случаѣ по ихъ легкомысленности и вѣтренному состоянію нелзя, а начѣ по однозаконію; коихъ большая часть, однако, мною сколь можно будетъ подкрѣпляемы разными наставленіями и регулярными людьми, дабы только чемъ ни на есть сохранить цѣлость общества.

Лит. С.

ВѢДОМОСТЬ

сколько нынѣ въ Астраханскомъ департаментѣ, въ Оренбургѣ и Сибири и на линіяхъ, какъ оренбургской, такъ и сибирской, находится регулярныхъ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ, и какимъ образомъ оныя къ охраненію и защищенію границъ расположены.

Въ Астраханскомъ департаментѣ:

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.	
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ расположены.
Въ Астрахани . .	4		
Въ Царицынѣ . .	1		
Въ Саратовѣ . . .	1		
Въ Епотаевской крѣп.	1 рота командируется изъ Царицына.		
Въ Дмитревскѣ . .	1 рота командируется изъ Саратова.	Полевыхъ войскъ въ Астраханскомъ департаментѣ пѣтъ.	
Въ Кизлярѣ . . .	2		
Въ Черномъ Яру . .	По одной ротѣ командируются изъ астраханскаго гарнизона.		
Въ Красномъ Яру. .			
Въ Моздокѣ . . .	1		

Всего въ Астраханскомъ департаментѣ гарнизонныхъ баталіоновъ девять, а въ нихъ числомъ людей:

Штабъ и оберъ-офицеровъ . . . . 180 чел.
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . . . . . 4,426 »

Инвалидовъ	978 чел.
Нестроевыхъ	1,370 »
	6,954 чел.

Въ Оренбургѣ и на оренбургской линіи:

	ГАРНИЗОННЫХЪ. Число баталіоновъ.	ПОЛЕВЫХЪ. Полки.	Гдѣ расположены.	Разстоян. верстъ.
Крѣпости.				
Въ Оренбургѣ . . .	4	Сергіевскій драгунскій.	На нижне-яицкой дистанціи съ правой стороны отъ Оренбурга, начиная отъ Яика до Оренбурга въ четырехъ крѣпостяхъ	304
			Да отъ Оренбурга по красногорской дистанціи до Ильинской крѣпости въ трехъ крѣпостяхъ.	145
			А всего въ семи крѣпостяхъ на разстояніи.	449
Въ Ставрополѣ . . .	1	Билярскій драгунскій.	На оренбургской дистанціи въ Ильинской крѣпости до Таналыцкой въ трехъ крѣпостяхъ . .	178
			Да на кизильской дистанціи отъ Таналыцкой крѣпости до Магнитной въ трехъ же крѣпостяхъ	173
			Всего въ шести крѣпостяхъ на разстояніи. .	351
Въ Илецкой крѣпости Въ Троицкой крѣпости Въ Уфѣ.	По опредѣленію коллегіи командируются по 1 ротѣ изъ оренбургскихъ баталіоновъ.	Шешминскій драгунскій.	На верхней-уйской дистанціи отъ Магнитной крѣпости до Степной въ четырехъ крѣпостяхъ .	202
			Да на нижне-уйской дистанціи отъ Степной до Звѣриноголовской въ пяти крѣпостяхъ . . .	303
			А всего въ девяти крѣпостяхъ	505
			Всего сіи три полка занимаютъ 22 крѣпости на разстояніи . .	1,305

Всего войскъ въ Оренбургской губерніи и на оренбургской линіи три драгунскихъ полка и пять гарнизонныхъ баталіоновъ, въ которыхъ числомъ людей:

Въ трехъ драгунскихъ полкахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	102 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	2,328 »
	Нестроевыхъ.	426 »
		2,856 чел.
Въ пяти баталіонахъ гарнизонныхъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	100 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	2,446 »
	Инвалидовъ	547 »
	Нестроевыхъ.	770 »
		3,863 чел.
	Всего же полевыхъ и гарнизонныхъ	6,719 чел.

Въ Сибири и на сибирской линіи:

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоян. верстъ.
Въ Тобольскѣ. . .	3	Азовскій драгунскій.	Полковая квартира въ крѣпости св. Петра. А расположенъ по тобольской и тарской дистанціямъ отъ редута Пещанаго до редута Илискаго въ пяти крѣпостяхъ и семи редутахъ на разстояніи . . .	257 в. 420 с.
Въ Тюмени . . .	По двѣ роты командируются изъ Тобольскаго гарнизона.			
Въ Тарѣ				
Въ Томскѣ . . .	1			
Въ Красноярскомъ. .	По 1 ротѣ командируются изъ Тобольскаго гарнизона.			
Въ Удинскомъ Острогѣ				

ГАРНИЗОННЫХЪ.		ПОЛЕВЫХЪ.		
Крѣпости.	Число баталіоновъ.	Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоян. верстъ.
Въ Омской . . . Въ Желѣзинской . Въ Ямышевской . Въ Семипалатной . Въ Усть-Каменогорской . . . . Въ Бійской . . . Въ крѣпости Св. Петра. . . . . Въ Прѣсногорьковской	Гарнизоновъ нѣтъ, а содержатся драгунскими полками.	Ревельскій драгунскій.	Полковая квартира въ Омской крѣпости. Расположенъ по тарской, ишимской и иртышской дистанціяхъ отъ редута Илискаго до дистанціи усть-заостровской въ пяти крѣпостяхъ и семи редутахъ на разстояніи	239 в. 400 с.
		Сибирскій драгунскій.	Полковая квартира въ Желѣзинской крѣпости. Расположенъ по иртышской дистанціи отъ станціи Усть-Заостровской до форпоста Чернорѣцкаго въ одной крѣпости и 10 редутахъ на разстояніи	336
Въ Иркутскѣ. . . Въ Селенгинскѣ . .	1 2	Троицкій драгунскій.	Полковая квартира въ Илышевской крѣпости. Расположенъ отъ Чернорѣцкаго форпоста до станціи Черемховой Забонѣ по иртышской дистанціи въ одной крѣпости и десяти редутахъ на разстояніи . . .	263 в. 464 с.
Въ Акшинскѣ . .	2 роты командируются изъ Селенгинскихъ баталіоновъ.			

По сибирской линіи въ крѣпостяхъ:

		Вологодскій драгунскій.	Полковая квартира въ Усть-Каменегорской крѣпости. А расположенъ по Иртышской же дистанціи отъ Черемховой Забоны до Усть-Каменогорской крѣпости въ двухъ крѣпостяхъ и 11 редутахъ на разостяніи.	271 в. 417 с.

ГАРНИЗОННЫХЪ. Крѣпости.	Число баталіоновъ.	ПОЛЕВЫХЪ. Полки.	Гдѣ они расположены.	Разстоя. верстъ.
		Колыванскій драгунскій.	Расположенъ по иртышской же дистанціи отъ Усть-Каменогорска до форпоста Верхъ-Аленскаго въ шести редутахъ на разстояніи . . .	116
			Полковая квартира въ Бійской крѣпости.	
		Луцкій драгунскій.	Расположенъ по новой колыванской и кузнецкой дистанціи отъ Верхъ-Аленскаго форпоста до Бійской крѣпости въ двухъ крѣпостяхъ и 12 редутахъ на разстояніи.	325 1/2
			Полковая квартира въ Кузнецкой крѣпости.	
		Оленецкій драгунскій.	Расположенъ отъ Бійской крѣпости до Кузнецкой въ одной крѣпости и девяти редутахъ на разстояніи	237 в. 30 с.

Всего сіи восемь полковъ по линіи занимаютъ семнадцать крѣпостей и семьдесятъ три редута на разстояніи. . . . . 2,072 1/2 версты.

Въ Удинскомъ пригородкѣ. . . . Въ Кударинской слободѣ	По одной ротѣ командируются изъ Селенгинскаго гарнизона.	Якутскій карабинерный.	Непремѣнная квартира оному назначена въ Селенгинскѣ, но нынѣ расположенъ онъ въ Иркутской губерніи, въ Селенгинскомъ уѣздѣ, за озеромъ Байкалъ, а штабъ-квартира въ Кабанскомъ острогѣ, въ 46 верстахъ отъ помянутаго озера.	

Всего войскъ въ Сибири и на Сибирской линіи полевыхъ: одинъ карабинерный и восемь драгунскихъ, гарнизонныхъ семь баталіоновъ, въ которыхъ числомъ людей:

Въ 8 драгунскихъ полкахъ и 1 карабинерномъ полку.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	306 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	7,118 »
	Нестроевыхъ	1,278 »
		8,702 чел.

Въ 7 гарнизонныхъ баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	140 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	3,262 »
	Нестроевыхъ	1,190 »
	Инвалидовъ	812 »
		5,404 чел.
А всѣхъ полевыхъ и гарнизонныхъ . . .		14,106 чел.
Всего же въ Астрахани, Оренбургѣ и Сибири полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ		27,779 чел.

Лит. Д.

ВѢДОМОСТЬ

какимъ образомъ и въ которыхъ мѣстахъ въ Астрахани, въ Оренбургѣ и Сибири представляется учредить и расположить какъ гарнизоны, такъ и полевыя войска, состоящія изъ представляемыхъ къ учрежденію изъ нынѣшнихъ драгунскихъ полковъ и легкихъ командъ.

Въ Астраханскомъ департаментѣ.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Астрахани . . .	4	Третья команда.	Въ Астрахани.
Въ Царицынѣ . . .	2	Четвертая команда.	Въ Царицынѣ.
По царицынской линіи въ крѣпостяхъ:			
Въ Донской. . .	Во всѣ сіи четыре крѣпости командировать по одной ротѣ изъ царицынскихъ баталіоновъ.	Пятая команда.	Въ Моздокѣ.
Въ Асакарской . .			
Въ Грачевской . .			
Въ Мечетной. . .			
Въ Саратовѣ . . .	1		
Въ Енотаевской крѣпости.	1 рота командирована изъ Царицына.		
Въ Дмитревскѣ. . .	1 рота командирована изъ Саратова.		
Въ Кизлярѣ. . . .	2		

Въ Черномъ Яру . .	1 рота	командированы изъ Астрахани.
Въ Краспомъ Яру. .	2 рота	
Въ Моздокѣ. . . .	1	

Итого въ Астраханскомъ департаментѣ находиться будетъ войскъ:

Полевыхъ, въ 3-хъ легкихъ полевыхъ командахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	36	чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	1,353	
	Нестроевыхъ	234	
	Итого . . .	1,623	чел.
Гарнизонныхъ въ 10 баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	200	чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ.	5,820	
	Нестроевыхъ	1,190	
	Инвалидовъ	830	
	Итого . . .	8,040	чел.
	Всего полевыхъ и гарнизонныхъ . . .	9,663	чел.

Въ Оренбургѣ и на оренбургской линіи.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Оренбургѣ . .	4 баталіона.	Шестая команда.	Въ Оренбургѣ.
По линіи:			
Въ Красногорской крѣпости	1 рота изъ оренбургскаго баталіона.	Седьмая команда.	Въ Орской крѣпости.
Въ Озерной . . .	1 баталіонъ.	Осьмая команда.	Въ Троицкой крѣпости.
Въ Ильинской . .	1 рота	Изъ озерскаго баталіона.	
Въ Губерлинской .	1 рота		
Въ Орской . . .	1 рота	Изъ кизильскаго баталіона.	
Въ Таналыкской .	1 рота		
Въ Уртазымской. .	1 рота		
Въ Кизильской . .	1 баталіонъ.		
Въ Магнитной . .	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.		
Въ Верхо-Яицкой .	1 баталіонъ.		
Въ Карагайской. .	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.		

Въ Петропавловской	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Въ Степной . . .	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Троицкой	1 баталіонъ.
Въ Каракульской. .	1 рота изъ троицкаго баталіона.
Въ Крутоярской. .	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ Усть-Уйской. .	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ Звѣриноголовской.	1 баталіонъ.

На нижней-яицкой дистанціи:

Въ Илецкой. . .	По одной ротѣ, изъ оренбургскихъ баталіоновъ.
Въ Нижне-Озерной	
Въ Татищевой . .	
Въ Чернорѣченской.	

Внутри линіи:

Въ Исецкой провинціи въ пригородкѣ Шадринскѣ	1 рота изъ звѣриноголовскаго баталіона.
Въ той же провинціи въ пригородкѣ Куртамышѣ	1 рота изъ верхояицкаго баталіона.
Въ городѣ Уфѣ . .	1 рота изъ оренбургскихъ баталіоновъ.
Въ Зеланрской крѣпости, лежащей въ Башкиріи . . .	1 рота изъ озернаго баталіона.
Въ Ставропольѣ . .	1 баталіонъ.
Въ Самарѣ. . . .	2 роты изъ ставропольскаго баталіона.
Въ Бузулуцкой крѣпости.	1 рота изъ ставропольскаго баталіона.

Итого въ Оренбургскомъ департаментѣ находиться будетъ войскъ:

Полевыхъ въ 3-хъ [illegible]скихъ полевыхъ командахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	36 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	1,353 »
	Нестроевыхъ	234 »
	Итого . . .	1,623 чел.

Гарнизонныхъ въ 10 баталіонахъ.	Штабъ и оберъ-офицеровъ.	200 чел.
	Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ	5,820 »
	Инвалидовъ	830 »
	Нестроевыхъ	1,190 »
	Итого . . .	8,040 чел.
Всего въ полевыхъ и гарнизонныхъ войскахъ. . .		9,663 чел.

Въ Сибири и на сибирской линіи.

Имя крѣпостей.	Число баталіоновъ или ротъ и откуда послѣднія командировать.	Легкія полевыя команды.	Мѣста расположенія легкихъ полевыхъ командъ.
Въ Тобольской губерн.			
Въ Тобольскѣ. . .	3 баталіона.		
Въ Тюменѣ . . .	2 роты изъ тобольскаго гарнизона.		
Въ Тарѣ	2 роты изъ тобольскаго баталіона.		
Въ Томскѣ. . . .	1 баталіонъ.		
Въ Красноярскомъ .	1 рота изъ тобольскаго.	Девятая команда.	Въ Красноярскѣ.
Въ Удинскомъ острогѣ.	1 рота изъ тобольскаго.		
На линіи:			
Въ Омскѣ. . . .	2 баталіона.	Десятая команда.	Въ Омскѣ.
Въ Желѣзинской . .	2 роты изъ омскаго баталіона.		
Въ Ямышевской . .	2 роты изъ омскаго баталіона.	Перваянадесять команда.	Въ Ямышевской крѣпости.
Въ Семипалатной. .	1 баталіонъ.		
Въ Усть-Каменегорской	2 роты изъ Семипалатной.	Вторыянадесять команда.	Въ Каменогорскѣ.
Въ Бійской . . .	1 баталіонъ.		
Въ Кузнецкой. . .	2 роты изъ Бійской крѣпости.	Третьянадесять команда.	Въ Кузнецкѣ.
Въ крѣпости Св. Петра.	1 баталіонъ.	Четвертаянадесять команда.	Въ крѣпости св. Петра.
Въ Прѣсногорьковской.	2 роты изъ крѣпости св. Петра.		
Въ Иркутской губерніи:			
Въ Иркутскѣ. . .	1 баталіонъ.		
Въ Селенгинскѣ . .	2 баталіона.	Пятаянадесять командъ.	Въ Селенгинскѣ.

Въ Акшинскѣ. . .	2 роты изъ иркутскаго гарнизона.
Въ Удинскомъ пригородкѣ	1 рота изъ селенгинскаго гарнизона.
Въ Кударинской слободѣ	1 рота изъ селенгинскаго баталіона.

Итого во всей Сибири находиться будетъ:

Штабъ и оберъ-офицеровъ	84	чел.
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . .	3,157	»
Нестроевыхъ	546	»
Итого . . .	3,787	чел.
Штабъ и оберъ-офицеровъ	240	»
Унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ . .	6,984	»
Инвалидовъ	996	»
Нестроевыхъ	1,428	»
Итого . . .	9,648	чел.
Всего полевыхъ и гарнизонныхъ. . . .	13,435	чел.
Всего же въ Астрахани, въ Оренбургѣ и въ Сибирѣ полевыхъ и гарнизонныхъ войскъ находиться будетъ	32,761	чел.

Алфавитный указатель именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

Абдюсетъ, мулла. 258.
Абрамовъ, титулярный совѣтникъ. 162, 163.
Азовская, Екатерина. 88.
Аксаковъ, вице-губернаторъ. 332.
Александръ Павловичъ, великій князь. 299.
Алексѣевъ, Антонъ, крестьянинъ. 175.
Алметьевъ, Болтай, татаринъ. 237.
Алметьевъ, Идеркей, татаринъ. 237, 241.
Алфимовъ, депутатъ. 344.
Алѣевцевъ, секретарь. 313.
Амановъ, Уразгильда, татаринъ. 242, 243.
Аманычъ, татаринъ. 237.
Анкудиновъ, Иванъ, казакъ. 24.
Анна Іоановна, Императрица. 92.
Анненковъ, Василій, ротмистръ. 306.
Анненковъ, маіоръ. 124.
Антиповъ, казакъ. 235.
Антоновъ, казакъ 158.
Анучинъ, Д. 17.
Апраксинъ, графъ. 333.
Апушкинъ, Григорій, помѣщикъ. 304.
Аржановъ, казакъ. 65, 66, 84.
Аржеанто, посланникъ. 311.
Арисовъ, Илья, дворянинъ. 305.
Артемьевъ, Прохоръ, атаманъ. 115.
Артикеевъ, сотникъ. 53.
Аршеневскій, И., губернаторъ. 315.
Аслабековъ, самозванецъ. 368.
Афанасьевъ, А. 289, 300.
Афанасьевъ, Степанъ, священникъ. 63.
Баннеръ, генералъ. 34, 105.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н. 275.
Барановъ, Никифоръ, капитенармусъ. 148.
Барятинская, Екат. Петров., княгиня. 334.
Батырша, мулла. 256, 258, 259, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270.
Бахиревъ, Яковъ, статскій совѣтникъ. 306, 325.
Бахтинъ, Василій, маіоръ. 305, 325.
Бахтинъ, Иванъ, вахмистръ. 305, 325.
Безбородко, А. А., графъ. 278, 285, 291, 300, 302, 313, 321, 334,
Бекетовъ, губернаторъ. 109, 123. 124, 125, 131, 387.
Белькуръ, французъ. 276, 289.
Бередниковъ, полковникъ. 271.
Бередниковъ, Филиппъ. 150.
Бестужевъ, канцлеръ. 333.
Бецкій. 283.
Бибиковъ, А. И. 318.
Бирюкова, казачка. 62.
Блохинъ, поручикъ. 309.

Богомоловъ, Ѳедотъ, самозванецъ. 104, 106, 107, 108, 109, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 131, 149, 368.
Болдинъ, казакъ. 107.
Болдыревъ, Иванъ, казакъ. 94.
Болдыревъ, Никифоръ, купецъ. 122.
Болотовъ, А. Т. 274, 275, 290, 292, 295, 343.
Болтинъ. 330.
Бородинъ, Андрей, атаманъ. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 23, 35, 64, 65, 66, 71 84, 90, 93.
Бородинъ, Мартемьянъ. 37, 40, 58, 69, 70 72, 75, 81, 84, 103, 235, 238, 240, 241.
Бородинъ, полковникъ. 99.
Бородинъ, Ѳедоръ. 7, 78, 84.
Бочаровъ, канцелярист. 316.
Бочкаревъ, Иванъ, казакъ. 1, 20, 21, 23, 94.
Бочкаревъ, прапорщикъ. 97.
Брандтъ, Я. Л., генералъ. 160, 164, 170, 171.
Браницкая, графиня. 295.
Брахвельдъ, генералъ. 1, 8, 9, 10, 12, 13.
Брауншвейгъ, поручикъ. 273.
Брюссъ, Я. А., графъ. 76, 334.
Будигинъ, Иванъ, казакъ. 42.
Булгаковъ, И. М. 322.
Буренинъ, казакъ. 107, 108.
Бурынинъ, Ѳедоръ, казакъ. 247.
Бутурлинъ, Иванъ. 291.
Бутурлинъ, П. А., князь. 334.
Бѣляевъ, казакъ. 31.
Вавилинъ, Егоръ, сотникъ. 41.
Вагинъ, Михаилъ, купецъ. 310.
Вадковскій, полковникъ. 306, 307.
Варлаамъ, архіерей. 361, 362.
Василій, старецъ Стародубскаго монастыря. 145, 146.
Васильевъ, Егоръ, капралъ. 109, 121.
Васильевъ, Иванъ, сержантъ. 73.
Васильевъ, капитанъ. 168, 169.
Васильевъ, Михаилъ, священникъ. 63, 65, 66, 67.
Васильевъ, Сидоръ, казакъ. 223.
Васильевъ, Степанъ, крестьянинъ. 159.
Васильчиковъ, 333, 334.
Ватазина, Анна. 316, 325.
Веденяпинъ, вахмистръ. 309.
Визинъ, попъ. 282, 294, 296, 303, 304, 334.
Винскій. 273, 274, 289, 314, 369.
Витевскій, В. Н. 1, 17, 33, 42, 43, 67, 70, 78, 97.
Витковичева, бригадирша. 328.
Витошиновъ, полковникъ. 78.
Витошиновъ, сотникъ. 100.
Витошиновъ, Сидоръ, казакъ. 25.
Витошиновъ, Яковъ, старшина. 49, 240.
Волынскій, Николай, прокуроръ. 315.
Вольфортъ, іезуитъ. 273.
Вонлярлярскій. 315.
Воронцовъ, графъ, канцлеръ. 313.
Воронцовъ, Р. Л., графъ. 106.
Воронцовъ, графъ, сенаторъ. 312.
Войновичъ, прапорщикъ. 368.
Выровщиковъ, казакъ. 18, 48, 53, 76.
Вяземскій, А. А., князь. 52, 164, 170, 171, 285, 313, 319, 321, 338, 348, 354.
Гагарина, Авдотья, княгиня. 305.
Галицкій, дворянинъ. 304.
Георгій Вахтанговичъ, грузинскій царевичъ. 334.
Герасимовъ, Иванъ. 186.
Герасимовъ, Иванъ, казакъ. 49, 53.
Герасимовъ, Петръ, казакъ. 1, 20, 21, 22, 23, 41, 42, 46, 51, 52, 53.
Глаголевъ, помѣщикъ. 307.
Глазинъ, казакъ. 121.
Глухова, Анна. 62.
Глѣбовъ, квартирмистръ. 34
Голицынъ, князь. 299.
Голицынъ, М. В., князь. 277.
Голицынъ, Н. Я., князь. 334.
Головановъ, Григорій, казакъ. 41.
Головинъ, помѣщикъ. 293, 295, 333.
Головкина, графиня. 333.

Головкинъ, Г. И., графъ. 334.
Голубковъ, Михаилъ. 315.
Гомъ, купецъ. 313.
Гордонъ. 333.
Гороховъ, сотникъ. 37, 40, 41, 53, 56.
Горшковъ, казакъ. 221.
Горячкинъ, Иванъ, казакъ. 42.
Гребневъ, Никифоръ, казакъ. 182, 183.
Гречъ, Н. И. 291.
Грибовскій, статсъ-секратарь. 278, 302.
Григорьевъ, Никифоръ, попъ. 123.
Гротъ, Я. К. 287.
Гульчихинъ, казакъ. 94.
Давыдовъ, генералъ. 1, 41, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54.
Деваевъ, старшина. 270.
Дементьевъ, сотникъ. 142.
Демидовъ, маіоръ. 98, 100.
Демидовъ, Иванъ, заводчикъ. 355.
Демидовъ, П., заводчикъ. 313, 355.
Денисовъ, Илья, полковникъ. 110, 119, 120, 122, 133, 160.
Денисовъ, Карпъ, старшина. 140, 141.
Державинъ, Г. Р. 282, 284, 285, 287, 309, 310, 319, 321, 322, 325, 358.
Джанъ-Мамбетъ-бей. 112.
Дмитріевъ, Ив. Ив. 274, 278, 284.
Дмитріевъ, прапорщикъ. 310, 325.
Добрынинъ. 279, 286, 293, 295, 314, 325, 358, 360, 361.
Долгополовъ, сержантъ. 243.
Долгорукая, К. А., княгиня. 296.
Долгорукій, Я. Ѳ. князь. 333.
Долгоруковъ, В. М., князь. 112, 113.
Долотинъ, Спиридонъ, казакъ. 107, 125, 131.
Донской, Данила, атаманъ. 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70.
Дроздовъ, казакъ. 229.
Дружинина, Домна. 166.
Дружининъ, Парѳенъ. 155, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 174, 214.
Дружининъ, Филимонъ. 166, 168, 169.
Дубасовъ, И. 343, 361.
Дугопевскій, Иванъ, пѣвчій. 166.
Дурасовъ, заводчикъ. 355.
Дурново, капитанъ. 1, 45, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71. 72, 73, 75, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 202.
Дурново, сенаторъ. 322.
Евтюгинъ, прапорщикъ. 55, 59, 70, 71, 73.
Ездемировичъ, подполковникъ. 368.
Екатерина II, Императрица. 21, 83, 116, 117, 127, 132, 145, 147, 283, 290, 297, 313, 318, 319, 320, 328, 334, 336, 340, 342, 343, 344, 345, 349, 351, 353, 366.
Елагинъ, И. П. 319.
Елисавета Петровна, Императрица. 111, 301, 311, 333.
Епифановъ, солдатъ. 271.
Еремина, Курица. См. Оболяевъ.
Еремѣевъ, Апаній, казакъ. 121, 126.
Ерзиковъ, Никита, казакъ. 89.
Ерипъ, Иванъ, казакъ. 50, 51, 52.
Ермоловъ. 333.
Ермоловъ, П. М., 303.
Ермоловъ, секретарь. 314.
Ерофѣевъ, Иванъ, казакъ. 41, 89.
Ерыклинцевъ, Михаилъ, казакъ. 243.
Ефимовъ, Иванъ, священникъ. 166, 167, 168, 169.
Ефремова, жена атамана. 282, 343.
Ефремовъ, Данило, атаманъ войска донскаго. 110, 111.
Ефремовъ, Степанъ, атаманъ войска донскаго. 104, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 134.
Жеребцовъ, пахотный солдатъ, депутатъ. 335.
Жигалинъ, Григорій, казакъ. 94.
Жилинъ, Никита, депутатъ. 308.
Жирикинъ, Ѳедоръ, казакъ. 42.
Житченковъ, Василій, казакъ. 115.

Жихаревъ. 288.
Журавлевъ, сотникъ. 100.
Забиръ, татаринъ. 242, 243.
Забѣлинъ. 280.
Завадовскій, П. В., графъ. 291, 306, 334.
Закладновъ, Григорій, казакъ. 153, 154, 159, 172, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 195, 199, 226.
Закладновъ, Ефремъ, казакъ. 153, 154, 159.
Заколишинъ, Петръ, казакъ. 42.
Зарубинъ, казакъ. 182, 183, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 226, 232, 233, 234, 235, 241, 242, 243, 244.
Зоричъ. 296, 304, 333.
Зотовъ. 333.
Зубовъ, Александръ. 306.
Зубовъ, Николай, титулярный совѣт. 306.
Зубовъ, Платонъ, князь. 288, 295, 321, 322.
Зыковъ, прапорщикъ. 168.
Ибрагимъ, ахунъ. 265.
Ивановъ, бѣглый крестьянинъ. 304.
Ивановъ, Василій, священникъ. 90.
Ивановъ, Венедиктъ, казакъ. 24.
Ивановъ, Осипъ, старшина. 70, 78.
Ивановъ, Петръ, дьячокъ. 168.
Ивановъ, Спиридонъ, казакъ. 107, 108.
Иглинъ, прапорщикъ. 8, 10, 12.
Иглинъ, поручикъ. 240.
Измайловъ, помѣщикъ. 352.
Иловайскій, Василій, старшина. 117, 118.
Илляшевичъ, архіерей. 360.
Ильинъ, Дмитрій. 210.
Ильша, мулла. 256.
Истоминъ, казакъ. 18.
Іакинфъ, архимандритъ. 362.
Іероним, архіерей. 362.
Іогюновъ, писарь, 72.
Кабаевъ, Максимъ, казакъ. 42, 53, 89, 97.
Кабановъ, Григорій, казакъ. 69.
Кадаровъ, старшина. 49.
Кадниковъ, дворянинъ. 304.
Казаркинъ, казакъ. 31.
Казинъ, Ѳедотъ, казакъ. 107.
Каменскій, генералъ. 144.
Каменскій, графъ. 343.
Кандалинцевъ, Алексѣй, крестьянинъ. 173, 174.
Кандалинцевъ, Сидоръ, казакъ. 7, 16, 18.
Кантемиръ, князь. 333.
Кантемиръ, С. Д., князь. 334.
Капневъ, Андрей, сотникъ. 40.
Карабановъ. 286.
Караваевъ, Денисъ, казакъ. 181. 182, 187, 188, 189, 190, 192, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 212, 214, 217, 218, 220, 225, 226, 228, 230.
Каргинъ, Никита, казакъ. 42.
Карташевъ, подпоручикъ. 131.
Каръ, бригадиръ. 33.
Касаговъ, помѣщикъ. 286, 306.
Каскартъ, лордъ. 52.
Каштанинскій, М. Ѳ. 310.
Киреевскій, капитанъ. 8, 9, 12.
Кириловъ, оренбургскій губернаторъ. 252.
Кирпичниковъ, Иванъ, сотникъ. 31, 40, 42, 44. 46, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 75, 78, 89, 93, 94, 101, 184.
Кирсановъ, Сидоръ, наказной атаманъ. 111, 112, 113, 118.
Клементьевъ, воевода. 316.
Коверинъ, Алексѣй. 142, 143, 144.
Коверинъ, Иванъ, раскольникъ, 142, 148.
Кожевниковъ, Андрей. 196, 197, 198, 199, 212, 215, 217.
Кожевниковъ, купецъ. 148, 149, 158.
Кожевниковъ, Михайла, казакъ. 76, 212, 213, 214, 216, 217, 220, 223, 224, 225. 240, 243.
Кожевниковъ, Сидоръ, казакъ. 222, 228, 229, 233, 241.
Кожевниковъ, Степанъ, казакъ. 215, 238. 241, 243.

Козицкій, статсъ-секретарь 50.
Козловская, княгиня. 342.
Козьминъ, статсъ-секретарь, 21, 50.
Козьминъ, Леонъ, крестьянинъ. 350.
Колпаковъ, дьякъ. 133, 134, 137.
Колпаковъ, казакъ. 40.
Колпаковъ, старшина. 39, 40, 66, 70, 74.
Комлевъ, канцеляристъ. 315.
Кондратьевъ, Петръ, управитель. 169.
Коноваловъ, Василій, казакъ. 158. 186, 216, 222, 225, 233, 235, 241, 242, 243.
Кононовъ, Степанъ, казакъ. 239.
Константинъ, Павловичъ, Великій князь. 299.
Конюскевичъ, архіерей. 358, 362.
Копняевъ, сотникъ. 58, 59, 60.
Коптяжевъ, надворный совѣтникъ. 315.
Концевъ, сержантъ. 274.
Копѣечкинъ, казакъ. 11, 12, 14, 16, 57, 58, 59.
Коробьинъ, депутатъ. 337.
Коровка, Антонъ. 145.
Коровка, Осипъ, раскольникъ. 132, 143, 144, 145, 148, 158.
Корсаковъ, И. Н. 296, 333.
Коршуновъ, Семенъ, капралъ. 170, 172.
Косоротовъ. 147.
Косовъ, Степанъ. 150, 151, 159, 194.
Котятовъ, Романъ, казакъ. 56, 92.
Кочуровъ, Алексѣй. 196, 216, 223, 239, 241, 247.
Кочуровъ, Козьма, казакъ. 185, 222, 223, 225.
Кочуровъ, Петръ. 196, 197, 239, 240, 241.
Краденовъ, Петръ, казакъ. 40, 41, 49, 67.
Краснощековъ, полковникъ. 142, 143.
Кремневъ, самозванецъ. 127, 368.
Кретинъ, см. Суетинъ.
Криворотовъ. 158.
Кроткова, помѣщица. 352.
Крыловъ, слѣдователь. 315.
Кузнецовъ, казакъ. 12.
Кулбаковъ, старшина. 114.
Куликовъ, Григорій, казакъ. 86.
Купишниковъ, Сергѣй, казакъ. 181, 187, 188, 189, 196, 199, 200.
Куракинъ, А. Б. 325.
Курбетевъ, Андрей, казакъ. 92.
Кутейниковъ, полковникъ. 133.
Лабзеневъ, Андрей, казакъ. 72.
Лавровъ, помѣщикъ. 350.
Лазаревъ, солдатъ. 271.
Ланде, балетмейстеръ. 282.
Ланской, А. Д., графъ. 334.
Лаптевъ, солдатъ. 140.
Ларіонова, крестьянка. 339.
Ларшинъ, Алексѣй, казакъ. 42.
Латышевъ, губернаторъ. 278.
Лебедевъ, совѣтникъ. 315.
Левицкій, Стефанъ, ключарь. 271.
Легошинъ, Андрей, казакъ. 42, 53.
Лепехинъ, Якимъ, казакъ. 42.
Лефортъ. 333.
Лобановъ, Тимофѣй, барабанщикъ. 123.
Лобынинъ, Аѳанасій, атаманъ. 127, 128.
Логачевъ, Алексѣй, солдатъ. 147, 148, 149, 150.
Логиновъ, Иванъ, казакъ. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 42, 43, 54, 81, 84, 93.
Лопухинъ, Авраамъ, помѣщикъ. 335.
Лопухинъ, И. В. 274, 275, 322.
Лощилинъ, атаманъ. 128.
Лузинъ, содержатель арестантовъ. 163.
Лукинъ, И. Ѳ. 290.
Лукинъ, откупщикъ. 313.
Лукмановъ, казакъ. 238.
Луковкинъ, Абросимъ, старшина. 130.
Лутовиновъ, помѣщикъ. 307.
Лучникинъ, казакъ. 107.
Лысовъ, Дмитрій, казакъ. 232, 233, 234.
Лятошевичъ, архіерей. 362.

Любинъ, Никифоръ, казакъ. 84.
Любинъ, сотникъ. 92.
Мавринъ, Савва, капитанъ. 2, 48, 57, 73, 93, 356.
Мазепа. 333.
Макаровъ, Михайло, старшина. 141.
Макарычевъ, казакъ. 94.
Максимовъ, подпоручикъ. 170.
Максимовъ, Сергѣй. 310.
Малаевъ, Сюзюкъ, татаринъ. 241.
Малаховъ, И., полиціймейстеръ. 316.
Мамыкинъ, солдатъ. 368.
Марковцевъ, Иванъ, казакъ. 247.
Марковцевъ, Максимъ, казакъ. 247.
Марковцевъ, Ѳедотъ, сотникъ 31.
Марусенокъ, казакъ. 107.
Марычевъ, поручикъ. 9.
Матросовъ, Симеонъ, казакъ. 52.
Масловъ, Алексѣй, генералъ. 314, 315.
Масловъ, депутатъ. 337.
Масловъ, капитанъ. 157.
Матюшкинъ, Д. М., графъ. 302.
Мацѣевичъ, Арсеній. 361.
Машлыкинъ, атаманъ. 116, 128.
Медемъ-де, генералъ. 32, 45, 338.
Меллина, графиня. 296.
Меллисино, генералъ. 296.
Мельгуновъ. 368.
Мельниковъ, маіоръ. 146, 147, 148.
Мензелинцевъ, Тимофѣй, сержантъ. 73.
Меншиковъ, князь. 333.
Мессельеръ, французъ. 276.
Мещерскій, М. В., князь. 352.
Мещерскій, П. В., князь. 296.
Мироновъ, старшина. 7.
Мирошихинъ, казакъ. 18.
Митрясовъ, Ѳедоръ, старшина. 7, 14, 15, 25, 26, 29, 40, 42, 47, 48, 49, 63, 65, 70, 84.
Михалинъ, Григорій, казакъ. 4.
Михайловъ, Павелъ, атаманъ. 135.
Михайловъ, писарь. 78.
Мищенко, Григорій, солдатъ. 166, 167, 168, 169, 172, 174.
Могутовъ, атаманъ. 13.
Молчановъ, начальникъ канцеляріи. 340.
Мордвиновъ, Ефимъ. 315.
Мордовцевъ, Д. 121.
Мостовщиковъ, старшина. 4, 14, 15, 29, 53, 78, 84, 103.
Мусатовъ, атаманъ. 37.
Мусатовъ, старшина. 4.
Мусатовъ, Филиппъ, есаулъ. 39.
Муселимъ, башкирскій старшина. 256, 259.
Мухановъ, поручикъ. 124.
Мушинскій, учитель. 274.
Мягзалдинъ, Абдула, см. Батырша.
Мясниковъ, Иванъ, заводчикъ. 271, 272, 355.
Мясниковъ, Тимофѣй, казакъ. 196, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 219, 220, 221, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241.
Мясоѣдовъ, воевода. 323.
Мясоѣдовъ, Сергѣй, депутатъ. 348.
Мѣшковъ, сержантъ. 93, 94.
Наврозовъ, Михаилъ, купецъ. 310.
Назаровъ, сибирскій воевода. 316.
Нарышкина, Е. Л. 297.
Нарышкинъ, Л. А. 294, 297, 300, 302.
Нарышкинъ, Н. Л. 297.
Нарышкинъ, С. К. 334.
Найденовъ, Ѳедоръ, казакъ. 42.
Неофитъ, игуменъ. 364.
Неймичъ, полковникъ. 387.
Никитинъ, капралъ. 271.
Новиковъ, Н. И. 285, 290, 296, 321, 325.
Новокрещеновъ, Романъ, премьеръ-маіоръ. 15, 16, 18, 19.
Новоселовъ, колодникъ. 165.
Ногай, Иванъ, воевода г. Уфы. 252.
Носовъ, Василій, крестьянинъ. 175. 176.
Недюжевъ, казакъ. 132.
Незеленый, А. 296.
Некрасовъ, атаманъ. 149.
Неплюевъ, генералъ, оренбургскій

губернаторъ. 257, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270.
Нероновъ, полковникъ. 85, 104.
Нечаевъ, Петръ, казакъ. 5, 7.
Нуръ-Али, киргизскій ханъ. 12, 89, 242.
Оболяевъ, Степанъ, пахотный солдатъ. 152, 153, 154, 158, 159, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 186, 187, 188, 191, 192, 193, 194, 195, 203.
Овчинниковъ, Андрей, казакъ. 231.
Овчинниковъ, Иванъ, казакъ. 49.
Окутинъ, депутатъ. 78.
Окутинъ, Иванъ, старшина. 5, 32, 57, 58, 84, 93, 211.
Опочининъ, генералъ. 112.
Орловъ, В., графъ. 293, 343.
Орловъ, Г. Г., графъ. 28, 52, 75, 76, 300.
Орловъ, И. Г., графъ. 53, 55, 75.
Осокинъ, заводчикъ. 355.
Остерманъ, графъ. 302, 322.
Павелъ Петровичъ, великій князь, наслѣдникъ. 84, 223, 287.
Павлихинъ, казакъ. 230.
Павлова, Федосья. 134, 135, 136.
Павловъ, Симонъ, казакъ. 134, 135, 136, 137, 138.
Панинъ, Н. И., графъ. 283, 286, 294, 300, 302.
Панинъ, П. И., графъ. 112, 132, 133, 147, 301, 303, 335, 358.
Пановъ, Андрей, казакъ. 4.
Панютина, дѣвица. 339.
Пассекъ, П. Б. 310.
Пахомій, епископъ. 362.
Персидскій, Андрей, старшина. 108.
Персидскій, Григорій, ротмистръ. 105, 106, 108.
Персидскій, Макаръ, атаманъ. 104, 105.
Персидскій, поручикъ. 108.
Персіановъ, Иванъ, казакъ. 153.
Перфиловъ, есаулъ. 115.
Перфильевъ, Аоанасій, сотникъ. 78, 92, 93, 186.
Петровъ, сержантъ. 125.
Петровъ, Степанъ, священникъ. 340.
Петръ I, Императоръ. 75, 129, 211, 292, 333, 346, 366.
Петръ III, Императоръ. 104, 110, 118, 133, 145, 149, 155, 158, 172, 178, 181, 186, 192, 213, 214, 217, 221, 227, 239, 272, 333, 353, 367, 368.
Пименовъ, Романъ, старшина. 141.
Плишковъ, казакъ. 18.
Плотниковъ, Василій. 104, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 235, 236, 237, 241, 242.
Плотниковъ, Савелій, казакъ. 186, 187, 200.
Побѣдимовъ, Данила, казакъ. 231.
Побѣдоносцевъ, К. 330, 331.
Погадаевъ, Михайло, казакъ. 42, 76.
Погадаевъ, Петръ, казакъ. 25.
Подкаряшниковъ, Семенъ, казакъ. 42.
Поздѣевъ, О. А. 303.
Позняковъ, титулярный совѣтникъ. 170.
Полозовъ, полковникъ. 1, 18.
Поляковъ, старшина. 108.
Пономаревъ, казакъ, полковникъ 9, 48, 89, 90, 91, 93, 94, 95.
Поповъ, В. С. 311, 313.
Поповъ, Д. П. 274, 275.
Поповъ, Сысой, церковный староста. 63.
Порошинъ. 275, 284, 294, 302, 314.
Портновъ, казакъ. 94, 187.
Портновъ, Андрей, казакъ. 42.
Портновъ, Иванъ, сотникъ. 42, 43, 49, 57, 65, 89.
Портняшкинъ, сотникъ. 37.
Потановъ, генералъ. 1, 13, 14, 15, 16, 17, 47, 306.
Потемкинъ, Владиміръ, ротмистръ. 315.
Потемкинъ, Павелъ, генералъ. 147.
Потемкинъ-Таврическій, князь. 33, 278, 285, 293, 295, 298, 300, 310, 333, 334.

Похвистнева, Екатерина, помѣщица. 305.
Почиталинъ, Иванъ, казакъ. 225, 236, 237, 241, 243, 244, 246, 247.
Почиталинъ, Яковъ. 186, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 235, 236, 237.
Прозоровскій, князь. 105.
Прозоръ, см. Трифоновъ.
Прокофьевъ, Феклистъ, крестьянинъ. 304.
Прокофьевъ, Яковъ, солдатъ. 109.
Простовъ, сотникъ. 94.
Протасова, фрейлина. 299.
Протопоповъ, сотскій. 159.
Пугачева, Аграфена. 133.
Пугачева, Софья. 132.
Пугачева, Христина. 133.
Пугачевъ, Емельянъ. 1, 92, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 230, 232, 234, 235, 237, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 272.
Пугачевъ, Трофимъ, 133.
Пустобаевъ, Петръ, казакъ. 86, 94.
Путиловъ, Иванъ. 315.
Пушкинъ, губернаторъ. 315.
Пьяновъ, Денисъ, казакъ. 154, 156, 157, 158, 159, 175, 178, 181, 182, 183, 220.
Пѣвчевъ, малороссіянинъ. 104, 119, 121, 122.
Разумовскій, К., графъ. 52, 293, 294, 334.
Рейнсдорпъ, генералъ. 41, 55, 59, 62, 63, 67, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 96, 103, 171, 172, 184, 185.
Репнинъ, Н. В., князь. 334.
Ржевскій, Василій, корнетъ. 310.
Ржевскій, капитанъ, поручикъ. 116, 117.
Ржевскій, М. В. 277.
Родіоновъ, Алексѣй. 148.
Романусъ, генералъ, 112.
Ромашевъ, фурьеръ. 125.
Ростиславовъ, Д. И., профессоръ. 363.
Ромодановскій, князь. 333.
Рошфоръ, графъ. 52.
Румянцовъ, П. А., графъ. 286. 343.
Рыбаковъ, Денисъ, солдатъ. 168, 169, 172.
Рычковъ, П. И., академикъ. 8, 253, 335.
Рѣшетниковъ, Ларіонъ, казакъ. 126.
Савельевъ, Степанъ, казакъ. 108, 109.
Салтыкова, Дарья. 282, 338, 339, 340, 341, 342.
Салтыковъ, Н. И., графъ. 295.
Самойловъ, генералъ-прокуроръ. 314.
Сандунова, актриса. 285.
Сапѣга, графъ. 310.
Сарычевъ, Григорій, старшина. 128, 129, 130.
Свіягинъ, Ѳедоръ, казакъ, 42.
Свѣчинъ, поручикъ, 101.
Свѣшниковъ, Симеонъ, сотникъ. 84.
Севрюгинъ, Тимофѣй, сотникъ. 31, 40, 46, 49.
Сегюръ, графъ. 276, 278, 296, 297.
Седухинъ, Иванъ, раскольникъ. 160.
Семевскій, В. И. 293, 334, 335, 336, 337, 342, 343, 351, 352, 353, 355, 358.
Семенниковъ, казакъ. 104, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132.
Семеновъ, Андрей, 110, 119, 120.
Сенгилевцевъ, Терентій, казакъ. 42, 72, 78, 90, 97.
Серати-де, поручикъ. 277.
Сергѣевъ, Дмитрій, казакъ. 42.
Сергѣевъ, есаулъ. 89.
Сергѣевъ, Петръ, казакъ. 42, 84.
Сергѣевъ, Дмитрій см. Лысовъ.

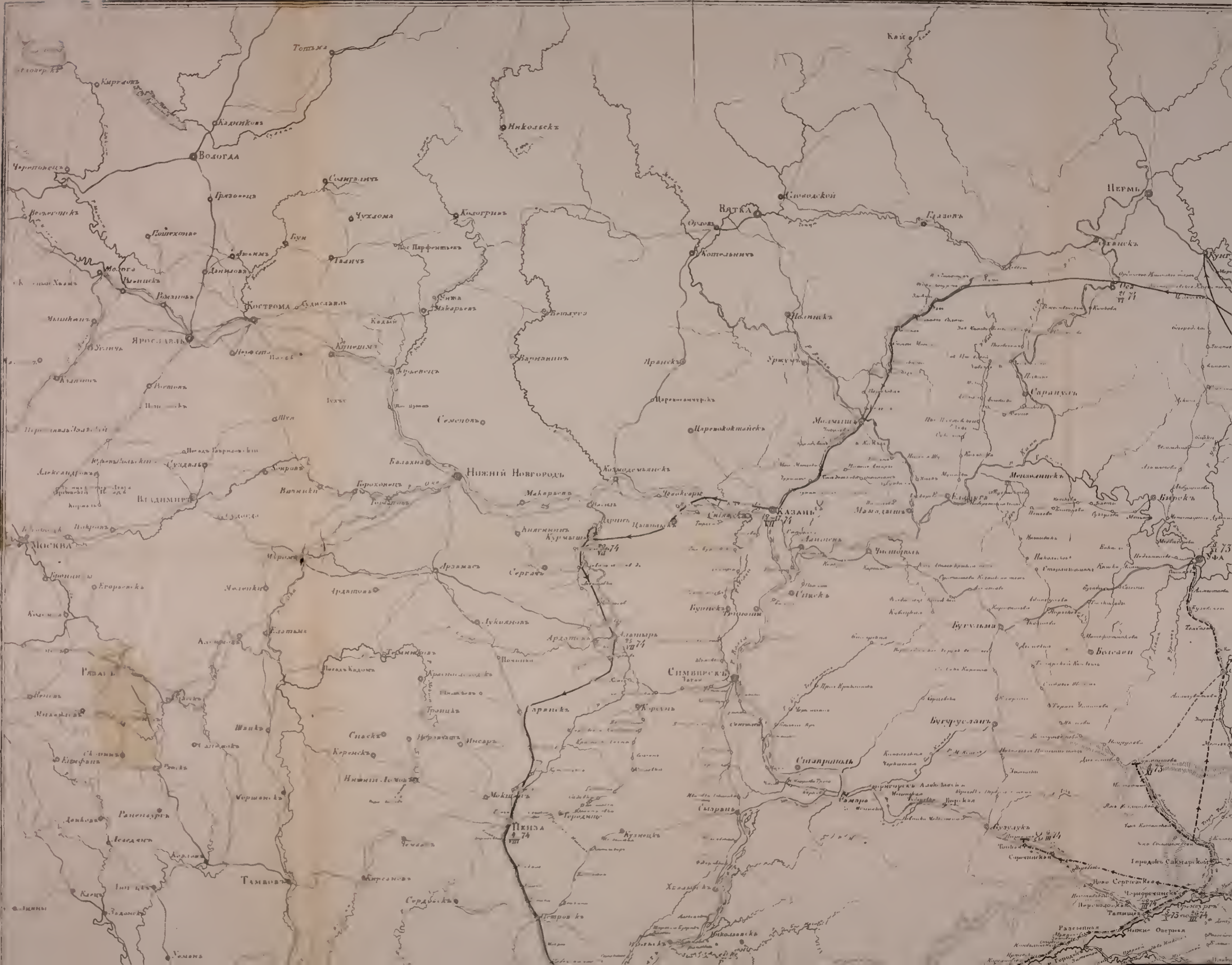
Серединцовъ, казакъ. 104, 121, 125, 126, 127, 128, 130.
Сиверсъ, графъ, губернаторъ. 305, 348.
Сигинъ, см. Пѣвчевъ.
Сидоровкинъ, Василій, казакъ. 231.
Сильвестръ, митрополитъ. 364.
Симоновъ, полковникъ. 103, 175, 181, 186, 224. 228, 239, 240, 243.
Скачковъ, Семенъ, казакъ. 17, 18.
Скоробогатая, казачка. 134.
Скоропадскій, 333.
Слѣповъ, атаманъ. 120.
Соколовъ, Михаилъ. 315.
Сокольскій, священникъ. 363.
Соловьевъ, С. М. 8, 271, 318, 328, 365, 367, 369.
Соловьевъ, Яковъ, казакъ. 127.
Сольмсъ, графъ, полковникъ. 314, 318.
Соульсъ, аптекарь. 353.
Стракайкинъ, Тимофѣй, казакъ. 197.
Стрекаловъ, статсъ-секретарь. 76.
Строгановъ, А. Н., баронъ. 334.
Строгановъ, А. С., 314, 334.
Строгановъ, Г. Н., баронъ. 334.
Строгановъ, графъ. 351.
Суворовъ, генералиссимусъ. 313.
Суетинъ, Матвѣй, дьякъ. 5, 6, 14, 15, 17, 18, 25, 26, 37, 38, 39, 40, 47, 48, 58, 64, 65, 66, 68, 70, 72, 74, 84.
Сулейманъ, старшина. 258.
Сумароковъ, А. 289.
Суринъ, маіоръ. 98.
Суходольскій, Павелъ. 315.
Сѣтчиковъ, казакъ. 40, 41.
Сѣтчиковъ, сотникъ. 37, 39, 90.
Сѣченовъ, Дмитрій, митрополитъ. 253, 254, 361, 364.
Съѣдинъ, Григорій, сержантъ. 306, 325.
Тамбовцецъ, Алексѣй. 40.
Тамбовцевъ, Василій, казакъ. 24, 152.
Тамбовцевъ, Иванъ, старшина. 70.
Тамбовцевъ, Петръ, атаманъ. 1, 25, 29, 30, 31, 35, 37, 39, 41, 42, 46, 49, 51, 53, 60, 64, 70, 74, 81, 84, 92, 152, 184.
Тамбовцевъ, Симеонъ, сотникъ. 68, 102.
Татаринцовъ, Павелъ, атаманъ. 139.
Твердышевъ, Иванъ, заводчикъ. 271, 272, 281, 353, 355.
Тевкелевъ, Алексѣй, генералъ. 255, 257, 264.
Тепловъ, статсъ-секретарь. 295.
Терскій, Иванъ, прапорщикъ. 107.
Терскій, судья. 314.
Тиминъ, казакъ. 243.
Титовъ, казакъ. 107, 109.
Титовъ, маіоръ. 124.
Толкачевъ, казакъ. 154.
Толкачевъ, Михаилъ, казакъ. 244.
Толкачевъ, Петръ, казакъ. 244.
Толкачевъ, Прокофій, казакъ. 56.
Толкачевъ, Степанъ, казакъ. 42.
Толстой, П. А. 333.
Томашевскій, Андрей, лекарь. 148.
Тотлебенъ, графъ. 34.
Траубенбергъ, генералъ. 46, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 81, 83, 84, 92, 181, 183, 184.
Третьяковъ, Герасимъ, ямщикъ. 166.
Трифоновъ, судья. 78.
Трифоновъ, Василій, войсковой судья. 72, 84, 90, 91, 92, 96, 97, 101.
Трубецкой, князь. 14.
Трубецкой, Д. Ю., князь. 334.
Трубецкой, Н. Ю., князь. 325.
Туркинъ, астраханскій купецъ. 11.
Турыбарнъ, казакъ. 94.
Тютчевъ, Ѳ., поручикъ. 305, 325.
Тютчевъ, Николай. 339.
Углецкій, есаулъ. 14.
Углецкій, полковникъ. 83, 84, 85, 87, 93.
Ульяновъ, старшина. 10, 11, 12, 89, 90, 91, 94, 182, 183.
Ураковъ, князь, поручикъ. 42.
Урусовъ, князь, генералъ. 253.
Усъ, Михаилъ, казакъ. 63.
Ушаковъ. 291.
Ушаковъ, подполковникъ. 8, 9.
Филаретъ, раскольникъ. 148, 149, 150, 151, 158, 159, 160, 161, 162, 173.

Филатовъ, прапорщикъ. 97.
Филимоновъ, Кириллъ, старшина. 49, 93.
Филиповъ, Семенъ. 151, 152, 153, 154, 158, 159.
Фліорпнскій, К., сѣвскій архіерей. 279, 360.
Фофаповъ, Иванъ, казакъ. 187.
Фофаповъ, Козьма, казакъ. 231, 232, 233, 234, 235, 236.
Фрейманъ, генералъ. 77, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 153, 226. 229, 242.
Харчовъ, Иванъ, казакъ. 197, 198, 207, 215, 222, 223, 224, 228, 231.
Хвостовъ, В. С. 276, 281, 282.
Хлѣбниковъ, П. откупщикъ. 316.
Хлѣбниковъ, саратовскій купецъ. 106.
Хомутовъ, солдатъ. 271.
Хорватъ, Д. И. 296.
Храповицкій, статсъ - секретарь. 291, 313, 321.
Хрущевъ, оберъ-секретарь. 270.
Худяковъ, Лукьянъ, казакъ. 141, 142.
Циплетевъ, полковникъ. 109, 124, 131.
Чалусовъ, Иванъ, казакъ. 42.
Чапановъ, Андрей. 78.
Чаповъ, Петръ, казакъ. 222.
Чебаковъ. Иванъ, казакъ. 187, 199.
Чеботаревъ, Иванъ, сотникъ 89.
Чебышевъ, капитанъ. 1, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 43.
Чемевъ, Емельянъ, казакъ. 42.
Черепановъ, казакъ. 158.
Череповъ, генералъ. 1, 18, 19, 20, 35, 62, 84, 112, 113, 114, 115, 116.
Черкасскій, А. М., князь. 333.
Чернозубовъ, старшина. 125, 126, 127, 128, 130.
Черноморскій, казакъ. 10.
Чернышева, Е. А., графиня. 334.
Чернышевъ. З. Г., графъ. 20, 21, 32. 33, 43, 44, 50, 51, 52, 56, 75, 76, 104, 118, 123, 125, 130, 132, 171.
Чернышевъ, И. Г., графъ. 355.
Чернышевъ, самозванецъ. 368.
Чертороговъ, Петръ, казакъ. 40.
Чиганахаевъ, Савелій, казакъ. 59.
Чижевъ, Емельянъ, казакъ. 38.
Чижъ, ординарецъ. 315.
Чика. См. Зарубинъ.
Чилѣевъ, Степанъ, маіоръ. 305.
Чиповъ, Андрей, походный атаманъ. 97.
Чичеринъ, сибирскій губернаторъ. 386.
Чумаковъ, казакъ. 38.
Чупровъ, крестьянинъ, депутатъ. 335.
Чучковъ, Аѳанасій, крестьянинъ. 175, 176, 177, 181, 190, 191, 192, 193, 195, 201. 202, 203, 206, 209, 210. 211, 216.
Шаварновскій, Романъ, казакъ. 212, 213, 214, 216, 241.
Шапошниковъ, Логинъ, казакъ. 41.
Шапинъ, аббатъ. 285, 358.
Шарпинъ, казакъ. 187.
Шаховской, Б. Г., князь. 334.
Шаховской, князь, генералъ-прокуроръ. 312.
Шедруновскій, Петръ, солдатъ. 123.
Шепинъ. 333.
Шекуровъ, Василій, коллежскій совѣтникъ. 316.
Шереметевъ. 333.
Шереметевъ, Б. П., графъ. 52, 75.
Шереметевъ, П. Б., графъ. 293, 296, 334.
Шешковскій, оберъ-секретарь. 132.
Шешуковъ, Иванъ, казакъ. 40, 41.
Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 63, 64, 65, 68, 69, 70, 76, 77, 104, 182, 186, 187, 196, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 215, 216, 220, 225, 226, 232,
Шкапскій, капитанъ. 265.
Шомберъ, генералъ. 300, 301.
Шуваловъ, Петръ, графъ. 285, 312, 313, 325.
Щебальскій, П. К. 139, 146.
Щербатовъ, князь. 285, 313, 314, 344 354.
Щолоковъ, Василій, купецъ. 105, 160, 161, 162, 163.

Эллертъ, содержатель пансіона. 273.
Энгельгардтъ, Л. Н. 273, 287, 310, 314, 328.
Юдинъ, старшина. 112, 118.
Юлай, башкирецъ. 272.
Ягановъ, Иванъ, казакъ. 53.
Якоби, генералъ-губернаторъ. 325.
Яковлевичева, Ѳедора. 88.
Яковлевъ, Елисей, казакъ. 133.
Янченковъ, Яковъ, казакъ. 114, 116.
Япышъ, мещерякскій старшина. 266, 267, 268.
Ѳаддеевъ, Ѳедотъ, смотритель. 159.
Ѳалѣевъ, подрядчикъ. 313.
Ѳедоровъ, Дмитрій, протопопъ. 66, 73.
Ѳедоровъ, дьячокъ. 272.
Ѳедоровъ, Митрофанъ, выборный. 159.
Ѳедоровъ, Осипъ, казакъ. 14, 15.
Ѳедоровъ, священникъ. 272.
Ѳедотовъ, Евдокимъ, крестьянинъ. 175.
Ѳедотовъ, Михайло, старшина. 140, 141.
Ѳедотовъ, Кононъ, казакъ. 121, 126.
Ѳоминъ, Трофимъ, станичный атаманъ. 133.
Ѳомичихинъ, Савелій, казакъ. 69, 78, 84.

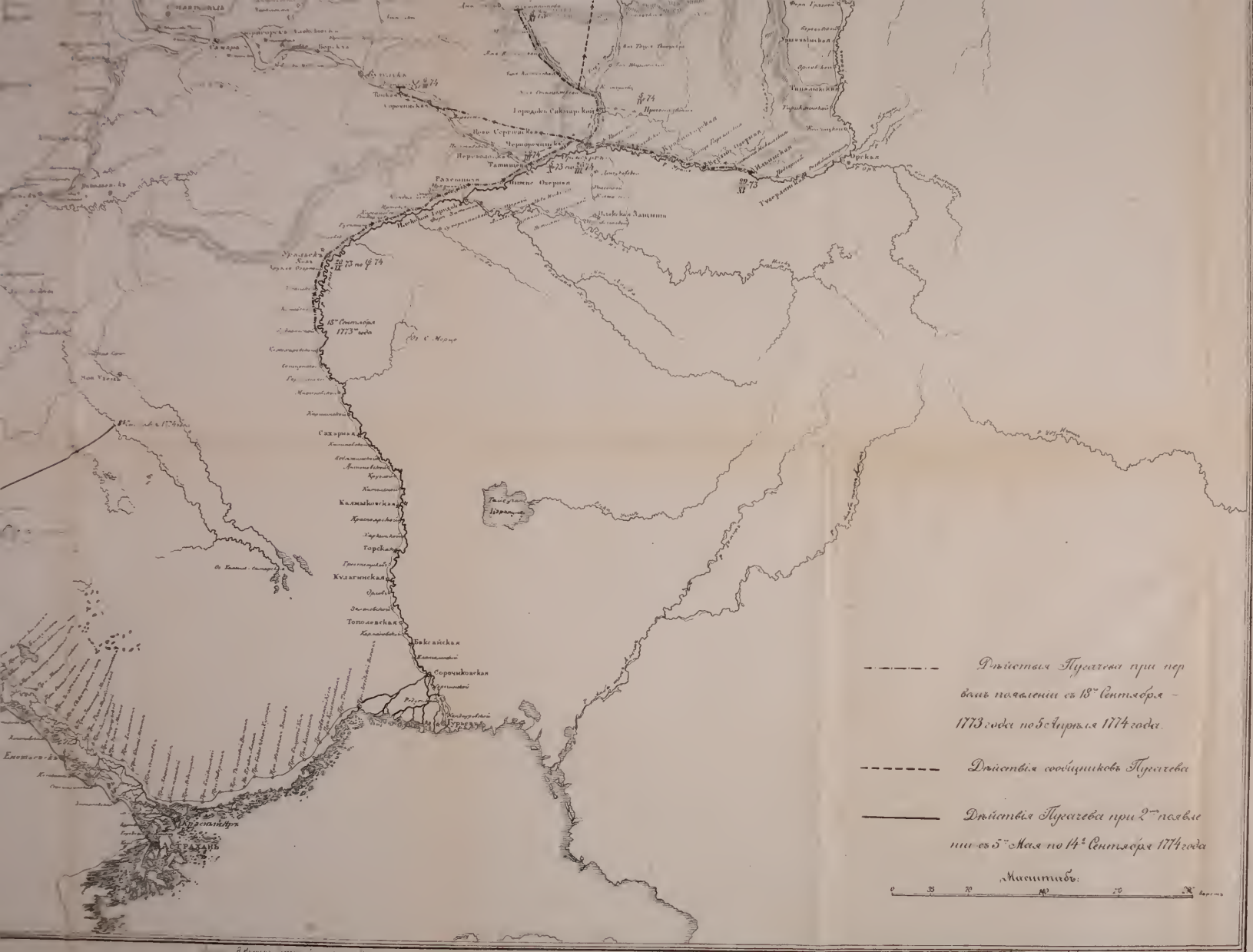
ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
53	31	Воровщиковъ	Выровщиковъ
124	»	Цыплетевъ	Циплетевъ
180	9	наутро	на утро


Тотьма
Кадниковъ
Никольскъ
Вологда
Череповецъ
Грязовецъ
Солигаличъ
Чухлома
Кологривъ
Буй
Галичъ
Любимъ
Даниловъ
Молога
Рыбинскъ
Романовъ
Кострома
Кинешма
Ярославль
Ростовъ
Юрьевецъ
Макарьевъ
Ветлуга
Варнавинъ
Яранскъ
Семеновъ
Балахна
Нижний Новгородъ
Суздаль
Владиміръ
Москва
Ковровъ
Вязники
Гороховецъ
Муромъ
Арзамасъ
Ардатовъ
Лукояновъ
Сергачъ
Курмышъ
Княгининъ
Козьмодемьянскъ
Чебоксары
Казань
Вятка
Орловъ
Котельничъ
Слободской
Глазовъ
Нолинскъ
Уржумъ
Малмыжъ
Мамадышъ
Лаишевъ
Чистополь
Спасскъ
Мензелинскъ
Сарапулъ
Елабуга
Оханскъ
Пермь
Бирскъ
Уфа
Бугульма
Белебей
Бугурусланъ
Ставрополь
Самара
Сызрань
Симбирскъ
Алатырь
Буинскъ
Тетюши
Саранскъ
Инсаръ
Темниковъ
Керенскъ
Нижний Ломовъ
Мокшанъ
Пенза
Городище
Кузнецкъ
Хвалынскъ
Петровскъ
Сердобскъ
Кирсановъ
Тамбовъ
Шацкъ
Моршанскъ
Рязань
Михайловъ
Скопинъ
Епифань
Раненбургъ
Данковъ
Лебедянь
Козловъ
Елецъ
Задонскъ
Бузулукъ
Татищева
Николаевскъ

Верхотурье
Туринскъ
Ирбитъ
Тюмень
Ялуторовскъ
Камышловъ
Екатеринбургъ
Шадринскъ
Курганъ
Челябинскъ
Троицкъ
Верхнеуральскъ (Верхне-Яицкая)
Орская
Пермь
Оханскъ
Кунгуръ
Красноуфимскъ
Оса
Сарапулъ
Кай
Вятка
Слободской
Глазовъ
Орловъ
Котельничъ
Никольскъ
Кологривъ
Ветлуга
Варнавинъ
Нолинскъ
Уржумъ
Яранскъ
Царевосанчурскъ
Царевококшайскъ
Малмыжъ
Мензелинскъ
Елабуга
Мамадышъ
Бирскъ
Уфа
Казань
Свіяжскъ
Чебоксары
Козмодемьянскъ
Нижний-Новгородъ
Макарьевъ
Курмышъ
Сергачъ
Лукояновъ
Ардатовъ
Алатырь
Чистополь
Лаишевъ
Спасскъ
Буинскъ
Тетюши
Симбирскъ
Корсунь
Саранскъ
Инсаръ
Мокшанъ
Пенза
Городище
Кузнецкъ
Сызрань
Хвалынскъ
Вольскъ
Николаевскъ
Петровскъ
Ставрополь
Самара
Бугульма
Бугурусланъ
Бузулукъ
Белебей
Стерлитамакъ
Оренбургъ

Нижний Ломов
Мокшанъ
Пенза
Городищо
Кузнецкъ
Сызранъ
Самара
Новокуйбышевскъ
Оренбургъ
Бузулукъ
Сорочинская
Мершанскъ
Данковъ
Рашетуръ
Ижеславъ
Козловъ
Тамбовъ
Кирсановъ
Сердобскъ
Хвалынскъ
Петровскъ
Николаевскъ
Клецкъ
Липецкъ
Задонскъ
Елецъ
Усманъ
Воронежъ
Николаевскъ
Борисоглебскъ
Новохоперскъ
Бобровъ
Острогожскъ
Павловскъ
Ряжскъ
Богучаръ
Анкарскъ
Саратовъ
Вольскъ
Камышинъ
Нос Дуванка
Ахтуба
Царицынъ
Царевъ
Черный Яръ
Енотаевскъ
Красный Яръ
Астраханъ
Новый Узень
Уральскъ
18 Сентября 1775 года
Сахарная
Калмыковская
Горская
Кулагинская
Тополевская
Бакайская
Сорочинская
Бурсал
Славяносербска
Бахмутъ
Изюмское
Новочеркаскъ
Таганрогъ
Азовъ
Старобельскъ
Черноземка


Действия Пугачева при первом появлении его 18го Сентября 1773 года по 5е Апреля 1774 года.
Действия сообщников Пугачева
Действия Пугачева при 2м появлении его 5го Мая по 14е Сентября 1774 года
Масштабъ:
0
35
70
140
210
280
верстъ
Самара
Сызрань
Оренбургъ
Уральскъ
Саратовъ
Царицынъ
Астрахань
Енотаевская
Калмыковская
Горская
Кизлярская
Тополевская
Сорочинская
Ставропольская
Гребенская
Моздокская
Кизляръ
Терская
Кумская
Георгіевскъ
Кавказская
Екатеринодаръ
Ейская
Таганрогъ
Маріупольскъ
Бахмутъ
Славяносербскъ
Изюмъ
Харьковъ
Бѣлгородъ
Курскъ
Орелъ
Тула
Москва
Рязань
Пенза
Симбирскъ
Казань
Нижній Новгородъ
Ярославль
Вологда
Архангельскъ
Петербургъ
Новгородъ
Псковъ
Смоленскъ
Могилевъ
Минскъ
Гродно
Варшава
Ковно
Митава
Рига
Ревель
Выборгъ
Або
Стокгольмъ
Христіанія
Берлинъ
Данцигъ
Кенигсбергъ
Мемель
Познань
Бреславль
Дрезденъ
Прага
Вѣна
Пресбургъ
Буда
Пешть
Темешваръ
Белградъ
Константинополь
Адріанополь
Варна
Бухарестъ
Яссы
Хотинъ
Кишиневъ
Бендеры
Очаковъ
Перекопъ
Крымъ
Севастополь
Кафа
Керчь
Тамань
Черное море
Каспійское море
Азовское море
Каспійскій
Ставрополь
Моздокъ
Кизляръ
Терскъ
Кумскъ
Георгіевскъ
Кавказъ
Екатеринодаръ
Ейскъ
Таганрогъ
Маріуполь
Бахмутъ
Славяносербскъ
Изюмъ
Харьковъ
Бѣлгородъ
Курскъ
Орелъ
Тула
Москва
Рязань
Пенза
Симбирскъ
Казань
Нижній Новгородъ
Ярославль
Вологда
Архангельскъ
Петербургъ
Новгородъ
Псковъ
Смоленскъ
Могилевъ
Минскъ
Гродно
Варшава
Ковно
Митава
Рига
Ревель
Выборгъ
Або
Стокгольмъ
Христіанія
Берлинъ
Данцигъ
Кенигсбергъ
Мемель
Познань
Бреславль
Дрезденъ
Прага
Вѣна
Пресбургъ
Буда
Пешть
Темешваръ
Белградъ
Константинополь
Адріанополь
Варна
Бухарестъ
Яссы
Хотинъ
Кишиневъ
Бендеры
Очаковъ
Перекопъ
Крымъ
Севастополь
Кафа
Керчь
Тамань
Черное море
Каспійское море
Азовское море
Каспійскій

624554
HRus.B
P9784
.Ydu
Pugachev, Emel'yan Ivanovich
Dubrovin, Nikolai Fedorovich
Пугачевъ и его сообщники.
v.1.
«Title translit.: Pugachev i ego soobshchniki.»
DATE
NAME OF BORROWER
UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 19 04 13 014 1